

HISTORIA
ROSSICA

Олег Будницкий

HISTORIA ROSSICA

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ

ДРУГАЯ РОССИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

ДРУГАЯ РОССИЯ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA
ROSSICA

Олег Будницкий

Другая Россия

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2 0 2 1

УДК 325.2(47+57)«1918/1940»

ББК 63.3(2)61-362

Б90

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

Редактор серии И. Жданова

Будницкий, О.

Б90 Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции / Олег Будницкий. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 632 с. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1585-4

Вопреки крылатой фразе Жоржа Дантона «Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог», русские эмигранты «первой волны» (1918–1940) сумели создать за рубежом «другую Россию». Различные аспекты ее политической и социальной жизни рассматриваются в книге известного специалиста по истории русской эмиграции Олега Будницкого. Один из сюжетов книги — судьба «русских денег» за рубежом: последней части так называемого золота Колчака; финансов императорской фамилии; Петроградской ссудной (серебряной) казны, оказавшейся в руках генерала П. Н. Врангеля и ставшей источником финансирования его армии. В другом разделе автор рассматривает поиски эмигрантами способов преодоления большевизма — от упований на его эволюцию или разложение изнутри до идей перехода к террору. Наиболее обширная часть тома посвящена истории эмиграции в период Второй мировой войны, когда одни исповедовали принцип «против большевиков хоть с чертом», даже если его зовут Адольф Гитлер, а другие уверовали в перерождение советской власти и пытались с ней примириться. В сборник вошли также портреты видных деятелей эмиграции — дипломатов, адвокатов, предпринимателей, писателей. Включенные в книгу исследования основаны преимущественно на материалах зарубежных архивов. Олег Будницкий — профессор факультета гуманитарных наук, директор Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ.

УДК 325.2(47+57)«1918/1940»

ББК 63.3(2)61-362

В оформлении обложки использованы фотографии неизвестных авторов из собраний Библиотеки Конгресса США: Б. А. Бахметев (1922), П. Врангель-младший (1920), Дети русских беженцев (1920), княгиня Юлия Кантакузен (1922); Бахметевского архива Колумбийского университета: В. А. Маклаков (1927), П. Н. Врангель (1920).

© О. Будницкий, 2021

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2021

© ООО «Новое литературное обозрение», 2021

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Жоржу Дантону приписывают фразу: «Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог». Фраза красивая, но, отказавшись покинуть Францию, голову Дантон потерял. В буквальном смысле этого слова. В том, что большинство эмигрантов «слопала» бы «поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка»¹, подобно тому как это случилось с Александром Блоком, останься они на родине, сомневаться не приходится. Похоже, русская эмиграция сумела опровергнуть знаменитое высказывание Дантона. Как только ни называли эмигрантов «первой волны» (1918–1940) — Русским зарубежьем, второй Россией (следовательно, Россия с ГПУ — НКВД и Гулагом признавалась первой), «Россией за рубежом» (автор классического труда о культуре русской эмиграции Марк Раев настаивал именно на такой формуле²). Ясно одно — это была другая Россия. Книга, которую Вы держите в руках, — о людях другой России: юристах, дипломатах, предпринимателях, военных, политиках, писателях. Мы не знаем, какой была бы Россия, если бы революция не срезала ее тонкий культурный слой и если бы бежавшие и изгнанные остались на родине и в конечном счете работали на ее благо. Зато знаем, какой она стала без них.

Теперь о том, откуда «выросла» эта книга и о чем в ней говорится. Больше четверти века назад я впервые перешагнул порог архива Гугеровского института войны, революции и мира, что при Стэнфордском университете в Калифорнии. В Гугеровском архиве хранится крупнейшее собрание материалов о России, находящееся за ее пределами. Приехал я в Стэнфорд

¹ Письмо А. А. Блока К. И. Чуковскому. 26 мая 1921 // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 242.

² Raeff, Marc. *Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1990.

на академический год работать над проектом «Терроризм в России: между реформой и революцией». Почему надо было для изучения терроризма в России лететь за океан, специалистам понятно без объяснений. Для нормальных людей: в Гуверовском архиве хранится огромная коллекция (216 коробок) Заграничной агентуры Департамента полиции, в просторечии именуемой Заграничной охранкой. Эта структура занималась слежкой за революционерами-эмигрантами, террористами в особенности. Кроме того, в Гувере находится колоссальное собрание (811 коробок документов!) знаменитого архивиста и историка революционного движения Бориса Николаевского. В его коллекции есть и несколько коробок бумаг *enfant terrible* терроризма Владимира Бурцева, которые меня особенно интересовали. Как, впрочем, и переписка Николаевского с лидером эсеров Виктором Черновым и многими другими идеологами и практиками революционного терроризма.

Через две недели я забросил террористов и «постригся» в историки русской эмиграции. Стал читать, по совету сотрудницы архива из парижских русских Ольги Верховской-Данлоп, из любопытства, переписку Василия Маклакова с Марком Алдановым, потом с Борисом Бахметевым, Оскаром Грузенбергом, Ариадной Тырковой, Василием Шульгиным и многими другими. Это оказалось таким «пиршеством духа», интеллектуальным наслаждением, письма были столь хороши как по содержанию, так и по форме, что на этом фоне «мои» террористы как-то поблекли. Возможно, окажись это не письма Маклакова, лучшего оратора России и, возможно, самого умного русского человека XX века (ну, пусть одного из самых умных), эффект был бы другим. Но что случилось, то случилось.

Настоящим открытием для меня стала эмигрантская переписка: по степени откровенности, а нередко и литературного блеска она частенько (почти всегда!) существенно превосходила опубликованные мемуары или статьи тех же авторов. Некоторые письма представляли собой настоящие трактаты длиной 20, 30, иногда 50 и даже 70 машинописных страниц. Письма — это источники, на которых, по выражению А. И. Герцена, «запеклась кровь событий». Это история почти в реальном времени. В эпоху Интернета эпистолярный жанр, очевидно, умер.

Это то небольшое, что можно поставить в невольную вину Всемирной сети.

В целом у меня, как, очевидно, и у большинства людей, проявлявших в той или иной степени интерес к истории эмиграции, она ассоциировалась преимущественно с литературой, шире — с культурой. Вероятно, это справедливо и культурное наследие российской эмиграции остается самым важным. Но здесь было нечто иное и иные — далеко выходящее за рамки традиционного круга тем и набора имен. Проблемы, волновавшие как эмигрантских нотаблей, так и, разумеется, «рядовых» эмигрантов, касались способов заработать на жизнь, трудоустройства, получения виз и видов на жительство, финансирования эмигрантских учреждений. Но, разумеется, не только этого. Вопросы преодоления большевизма, методов восстановления России после хаоса и разрушений революции и Гражданской войны были неизменной частью повестки дня эмигрантских интеллектуалов. Одним из центральных был вопрос о том, какой, собственно, должна стать новая, постбольшевистская Россия? Эмиграция была очень разной, и противоречия между различными группами российского общества перекачовали за границу. Это касалось и способов борьбы с большевизмом, который одни считали наваждением, мороком, другие — самым национальным русским явлением. Одни возлагали надежды на «весенний поход» (так никогда и не состоявшийся) или на терроризм, другие — на эволюцию большевизма, его разложение изнутри, третьи — на помощь за границы, которую в то же время многие эмигранты не уставали поносить.

Результатом увлечения историей эмиграции стали две монографии, вышедшие в НЛЮ: «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото, 1918–1957» (2008) и «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)» (2013, в соавторстве с Александрой Полян). А также ряд документальных публикаций, прежде всего эпистолярного наследия Василия Маклакова и его корреспондентов, в том числе его переписка с Борисом Бахметевым в 1919–1951 годах («Совершенно лично и доверительно!», в 3 томах, 2001–2002), Василием Шульгиным в 1919–1939 («Спор о России», 2012), Марком Алдановым в 1929–1957 («Права человека и империи», 2015). Перечень не исчерпывающий.

Подготовка исследований и документальных публикаций стала возможной благодаря работе в зарубежных архивах. Дело не только в том, что именно за рубежом хранятся значительные комплексы эмигрантских материалов (другое крупнейшее собрание — Русский заграничный исторический архив в Праге — был вывезен в СССР в 1945 году и находится с тех пор в Госархиве Российской Федерации). Не меньшую роль сыграли условия работы в заграничных архивах. Потрясения начались в Гувере: материалы там подают каждые два часа (при первом визите их принесли тут же, чтобы новенький не тратил зря времени), причем можно заказать сразу до 10 коробок с бумагами; ксерокс стоял прямо в зале, и можно было самостоятельно копировать заинтересовавшие документы. Цена вопроса — 10 центов лист, а если купить сору card за \$50, то и вовсе снижалась до 7 центов. Ограничения — не более 100 листов из каждой коллекции (по принятой в России терминологии — фонда) в год. Впрочем, как говорят в Одессе, «кто вам считает...». Если нужно существенно больше, требуется всего лишь написать заявление, и с отказами я не сталкивался. Вообще, отношение архивистов к исследователям в Гувере было просто замечательным. Не могу не вспомнить добрым словом Елену Дэниелсон, Кэрол Лиденхэм, Рональда Булатова, Лору Сороку, Анатолия Шмелева, «хозяйку» Гуверовской библиотеки Молли Моллой.

Кончилось все это тем, что большую часть моего багажа при возвращении из Америки составляли 40 кг ксерокопий. Не считая того, что было переслано по почте. К моей досаде, архив закрывался в 17:00; открывался, правда, в бесчеловечные восемь утра. Это, пожалуй, единственное, что можно «поставить в вину» Гуверовскому архиву. Сейчас страсть к документам на бумаге кажется несколько наивной. Но то была середина 1990-х годов, и вряд ли кто-нибудь тогда мог вообразить, какими стремительными темпами будут развиваться современные технологии.

Затем последовали изыскания в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Батлеровской библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета. Это второе по масштабам собрание материалов, относящихся к истории России, за рубежом. Местные архивисты,

узнав, что я приехал из Гувера, спросили: «Правда, что там подают материалы через два часа?» — «Да», — ответил я с гордостью за «свой» Гувер. Реакция была неожиданной: «Какой ужас!» В Бахметевском подают (вывозят на тележке) материалы исследователям через 15 минут! Правда, с копированием там были проблемы: копии нужно было заказывать задолго заранее и в ограниченном количестве. Теперь эта проблема в Бахметевском, как и практически во всех зарубежных архивах, снята: материалы можно фотографировать, без всяких ограничений и совершенно бесплатно. В результате бумажные завалы сменились тысячами кадров, в которых непросто разобраться.

Важные бумаги по интересующей меня проблематике обнаружились и в британских архивах — в рукописных отделах Бодлеанской библиотеки в Оксфордском университете и Школы славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона. Но в особенности — в Русском архиве в Лидсе, где нашлось последнее звено в истории так называемого золота Колчака.

Считаю приятной обязанностью выразить признательность за многолетнее сотрудничество и дружбу куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой и Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису.

Все это время я довольно регулярно публиковал статьи и документы преимущественно личного происхождения в различных журналах и сборниках. Среди них были и вполне академические и статусные журналы, вроде «Нового литературного обозрения» и «Отечественной истории» (затем переименованной в «Российскую историю»). И замечательный альманах «Диаспора», основанный покойным, увы, Владимиром Аллоем, издававшийся Татьяной Притыкиной под редакцией безвременно ушедшего из жизни в недоброй памяти 2020 году Олега Коростелева. Некоторые тексты были опубликованы в различных малотиражных академических сборниках или в практически недоступных в России эмигрантских изданиях. В частности, в роскошном журнале «Колоколь», издававшемся в Лондоне Александром Шлепяновым, сценаристом знаменитого советского шпионского фильма «Мертвый сезон». В первом номере журнала Ильич (Шлепянов иногда подписывался «Ваш Ильич»)

честно предупредил: «Герцена среди нас нет». Однако среди авторов журнала были Василий Аксенов, Василь Быков и немало других замечательных авторов. Увы, об Александре Ильиче тоже приходится говорить — покойный¹.

Многие из моих «эмигрантских» текстов собраны в настоящем томе. Большинство их существенно доработано с учетом новых архивных материалов и публикаций. Некоторые печатаются впервые. Тексты организованы по тематическому принципу и отражают, с одной стороны, исследовательские интересы автора, но главное — недостаточно изученные, на мой взгляд, аспекты истории эмиграции. Одна из тем — поиски путей преодоления большевизма и одновременно поиски новой России, неведомой страны, которой она должна была стать. Страны воображаемой, проектируемой, которая и сейчас только маячит на горизонте. Посол Временного правительства в Вашингтоне Борис Бахметев мечтал о создании новой, демократической, «крестьянско-купеческой» России. Он считал, впрочем, что это не мечты, а вполне реальный план и что его соотечественники стремятся к свободе, самоуправлению, продуктивному труду. И только большевики им мешают. Сходным образом рассуждали и некоторые другие парижские или нью-йоркские мечтатели.

Еще один сюжет — о деньгах, которых остро не хватало и рядовым, и не вполне рядовым эмигрантам, и эмигрантским институциям, будь то Совет российских послов в Париже или Русская армия генерала Петра Врангеля, которую он упорно стремился сохранить под ружьем. В распоряжении Совета послов оказались остатки средств, вырученных от продажи золота Колчака, в руках Врангеля — Петроградская ссудная (серебряная) казна, иными словами — ломбард. О том, как послы распорядились последней частью золота Колчака и что стало с «серебром Врангеля», рассказывается в соответствующем разделе, так же как о судьбе царского наследства — средств императорской фамилии, оказавшихся за границей. На которые нашлось тогда столь много претендентов, включая внезапно «воскресшую» великую княжну Анастасию.

---

¹ См. о нем: In Memoriam: Александр Шлепянов // *Connaisseur: Историко-культурный альманах* / Сост. и ред. Иван Толстой. Прага, 2018. № 1. С. 3–57.

Одна из важнейших тем тома — русская эмиграция и Вторая мировая война, приведшая к очередному расколу и без того недружной эмиграции. Одни считали, что против большевиков надо идти хоть с чертом, даже если его зовут Адольф Гитлер, другие участвовали в Соппротивлении и даже уверовали в перерождение советской власти в годы войны и пытались с ней примириться.

Борис Бахметев предрекал, что после «троглодитного периода», подразумевая под этим большевизм, в России «при всяких обстоятельствах в результате придут Колупаевы и Разуваевы и что их-то правительство и будет началом прочного благосостояния и процветания»¹. Колупаевых и Разуваевых у нас в избытке. Остается надеяться, что благосостояние и процветание не за горами.

Кому адресована эта книга? Любому человеку, интересующемуся российской историей и культурой, в особенности историей эмиграции. Надеюсь, что книга окажется полезной специалистам и интересной для людей, еще не отвыкших читать книжки.

---

¹ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову. 2 декабря 1920 // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. Публ., вступ. статья и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Hoover Institution Press, 2001. Т. 1. С. 293–294.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ (XVI–XX ВВ.)

Историческая справка¹

Эмиграция из России до 1917 года

Выезд отдельных лиц или групп из России по политическим, религиозным и национальным мотивам фиксируется с XVI века. Бегство князя Андрея Курбского в Польшу (1564) и, что более существенно, мотивировка его деяния в переписке с Иваном Грозным была едва ли не первым актом той драмы, которая называется эмиграцией. Андрею Курбскому принадлежит написанный за границей политический памфлет «Повесть о великом князе Московском» (1573). В 1566 году уехал в Литву первопечатник Иван Федоров. Правом покидать страну жители России не обладали, и любой отъезд без специального поручения или царского дозволения рассматривался как преступление. Предшественниками эмигрантов в современном смысле этого слова можно счесть подьячего Г.К. Котошихина, бежавшего в Литву (1664), а затем в Швецию; он составил по заказу шведского правительства очень информативное сочинение «О России в царствование царя Алексея Михайловича». После указа 1685 года, предусматривавшего «сожжение в срубе» за принадлежность к расколу, началась, хотя и немногочисленная, эмиграция старообрядцев, селившихся на землях Османской и Австро-Венгерской империй. После подавления Булавинского восстания 1707–1708 годов казаки-некрасовцы ушли сначала на Кубань, а затем в Турцию (1740). Отказался вернуться в Россию, опасаясь быть привлеченным к делу царевича Алексея, дипломат

---

¹ Большая российская энциклопедия. Т. «Россия». М., 2004. С. 407–413.

А. П. Веселовский (1719). В конце 1760–1780 годов территорию империи покинули татары и ногайцы (около 200 тыс. чел.), запорожские казаки (около 10 тыс. чел.); в 1771 году около 200 тыс. калмыков ушло в Джунгарию.

Более точные сведения об эмиграции из России имеются начиная с XIX века. С 1820 по 1916 год страну покинуло более 4,5 млн чел. Поскольку закона, регулирующего эмиграцию, в дореволюционной России никогда принято не было и официальной статистики не велось, то оценки численности и характера эмиграции даются исследователями в основном по данным зарубежной статистики. Начальная дата объясняется тем, что регулярный учет иммигрантов стал вестись в США, главной стране-реципиенте покидавших родину российских подданных, именно с 1820 года. Следует также учесть, что стоимость заграничного паспорта была довольно высокой и около 75% мигрантов (покидавших Россию как навсегда, так и временно) переходили границу нелегально, пользуясь услугами контрабандистов. Эмиграция XIX — начала XX века подразделяется на трудовую (экономическую), национальную, религиозную и политическую.

Выезд из России — навсегда или временно, на заработки, — шел в двух направлениях: в Европу (преимущественно Германию, Швецию и Данию) и за океан (США, Канада, Южная Америка, Австралия). Исключительное место среди стран-реципиентов занимали США — туда с 1820 по 1913 год выехало более 3 млн чел. Динамика эмиграции из России в США выглядит следующим образом: в 1820–1857 годах лишь трижды число выезжающих превысило 100 чел. в год, в 1858–1869 годах выезжало от 100 до 1000 чел., в 1870-м число эмигрантов превысило 1000 чел., в 1881-м был перейден 10-тысячный рубеж, в 1891 году уехало 45 тыс., в 1902-м — более 100 тыс., в 1913-м — свыше 291 тыс. чел.

В 1899–1913 годах (статистика по этнической принадлежности начала вестись с 1898-го) большинство иммигрантов из России в США составляли евреи — 41%, за ними шли поляки — 29%, литовцы и латыши — 9%, финны и эстонцы — 7%, русские — 7% (сюда следует, очевидно, включить также украинцев и белорусов), немцы — 6%, прочие — 1,0%. Евреи и немцы, судя по половозрастному составу эмигрантов, изначально намеревались покинуть Россию навсегда.

С 1890-х годов росло число временно выезжающих за рубеж на заработки. В 1894 году в Германию выехало на заработки около 80 тыс. чел., в 1902 году их количество увеличилось до 348 тыс. В среднем в начале XX века на заработки выезжало ежегодно около 400–500 тыс. чел. Выезд в Германию облегчался благодаря Межгосударственному соглашению 1897 года, регулировавшему движение сезонных рабочих. В основном выезжали жители западных губерний, 90% которых составляли поляки.

Наиболее многочисленной эмиграцией из России была еврейская. В 1881–1914 годах страну покинули 1 млн 980 тыс. евреев, из них 1 млн 557 тыс. (78,6%) эмигрировали в США. Лишь немногие уезжали в Палестину (так называемая «алия» [восхождение]), Аргентину, европейские страны. Еврейская эмиграция приветствовалась правительством, видевшим в ней разрешение еврейского вопроса. Евреям, покинувшим Россию, было запрещено возвращаться обратно. Среди других национальных групп, «поставлявших» эмигрантов, следует выделить поляков (в особенности после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов), ногайцев и татар Таврической губернии (свыше 190 тыс. чел.), выехавших из России после Крымской войны в 1860–1862 годах, горцев Западного Кавказа (около 470 тыс. чел.), бежавших в Турцию в результате Кавказской войны (1864), немцев. Российскую империю в дореволюционный период покинули в общей сложности около 500 тыс. русских, согласно статистике стран-реципиентов, однако на самом деле в это число следует включить украинцев, белорусов и часть евреев.

По религиозным мотивам из России уехали, по-видимому, не менее 30 тыс. чел. Наиболее интенсивно эмиграция проходила в 1890–1905 годах (около 18 тыс. чел.). В 1898 году было получено разрешение МВД на эмиграцию духоборов, без права возвращения на родину. Всего в Канаду при поддержке английских и американских квакерских организаций, а также Л. Н. Толстого, передавшего на переселение гонорар за роман «Воскресение», выехало в 1898–1899 годах около 7500 чел. Уезжали также меннониты, штундисты (более тысячи), отправившиеся в Америку, духовные молокане, субботники, переселившиеся в Палестину.

Первым политическим эмигрантом в XIX веке стал декабрист Н. И. Тургенев, приговоренный на родине к смертной

казни. В 1840-е на положение эмигрантов перешли М. А. Бакунин, В. С. Печерин, И. Г. Головин, Н. И. Сазонов. Перу Головина принадлежат первые революционные брошюры, вышедшие за рубежом, — «La Russie sous Nicolas I» (Россия при Николае I) (Париж, 1845) и «Катехизис русского народа» (Париж, 1849). Однако заметным явлением оппозиционная эмиграция становится после выезда за границу А. И. Герцена (1847) и основания им в Лондоне Вольной русской типографии (1853). Герцен положил начало свободной русской печати, издавал альманах «Полярная звезда», газету «Колокол» (1857–1867), сборники «Голоса из России», «Исторические сборники Вольной русской типографии», отдельные книги и брошюры. В 1856 году к нему присоединился Н. П. Огарев. Герценовские издания проникали в Россию и вплоть до Польского восстания 1863–1864 годов пользовались достаточно широким распространением и популярностью в образованном обществе.

Революционная эмиграция была отражением революционного движения в России. В 1860-е складывается «молодая эмиграция» (А. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, Н. Я. Николадзе, М. К. Эллидин и др.). В 1865 году центр русской эмиграции перемещается в Швейцарию (Женева, Цюрих, Берн); возрастает число эмигрантских типографий и различных изданий; в то же время обостряются разногласия между «молодой», радикально настроенной эмиграцией и эмиграцией «старой». В Швейцарии издавал свои агитационные издания и перешедший на некоторое время под его контроль «Колокол» С. Г. Нечаев, ставший одним из первых эмигрантов, выданных швейцарскими властями русскому правительству.

В период подъема народнического движения число эмигрантов и эмигрантских изданий увеличивается, за рубежом оказались ведущие идеологи народничества — Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Лавристы издавали журнал (1873–1874) и газету (1875–1876) «Вперед!», бакунисты — газету «Работник» (1875–1876) и журнал «Община» (1878), якобинцы — журнал «Набат» (1875–1881). В начале 1880-х в Париже обосновались уцелевшие лидеры «Народной воли» (Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина), издававшие журнал «Вестник Народной воли» (1883–1886); в 1890-х годах образовалась Группа старых народолюбцев (Лавров, Ошанина,

И. А. Рубанович и др.), выпускавшая «Материалы для истории социально-революционного движения в России» (1893–1896).

В 1883 году в Женеве Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и другими была создана первая социал-демократическая группа «Освобождение труда» (издавала сб. «Социал-демократ», 1888, 1890–1892 и др.). Во второй половине 1880-х — 1890-х на страницах эмигрантской печати идет спор о различных путях революционного движения, наряду с пропагандой социал-демократических идей предпринимаются попытки сочетать либерализм с народофильством («Свободная Россия» В. Л. Бурцева и В. К. Дебогория-Мокриевича, 1889), пропагандируется терроризм («Народоволец» Бурцева, 1897, 1903). С середины 1890-х определяются два наиболее влиятельных направления — социал-демократическое и социально-революционное. С 1900-го издается марксистская «Искра» (ред. В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Плеханов и др.), главной задачей которой была подготовка образования социал-демократической партии. «Искра» полемизировала по идейным и организационным вопросам с органами социал-демократов-экономистов «Рабочей мыслью» (1897–1902), «Рабочим делом» (1899–1902) и др. Центральными органами социалистов-революционеров были газета «Революционная Россия» (1900–1905), журнал «Вестник русской революции» (1901–1905). В 1901–1902 годах образуется партия социалистов-революционеров, среди прочего возобновившая революционный терроризм; разработка многих терактов Боевой организации ПСР происходила за границей, ее заграничным представителем был М. Р. Гоц. В 1903 году образуется РСДРП, расколовшаяся на большевиков и меньшевиков. «Искра» стала органом последних, большевики издавали газеты «Вперед» (1904–1905) и «Пролетарий» (1905). С 1902 года в Штутгарте, затем в Париже выходил орган либерального Союза освобождения — двухнедельник «Освобождение» (1902–1905, ред. П. Б. Струве). За границей возникают анархистские группы различного толка: хлебовольцы, издававшие одноименный журнал (Г. И. Гогелия и др.), находившиеся под влиянием П. А. Кропоткина.

В ходе революции 1905–1907 годов в эмиграции, наряду с революционерами-интеллигентами, появляются матросы броне-

носца «Потемкин», в основном обосновавшиеся в Румынии. После подавления революции многие эмигранты, вернувшиеся после объявления политической амнистии в Россию, вновь вынуждены были бежать за границу, к ним присоединились активные участники революции, которым на родине грозило судебное преследование. После революции и отчасти в результате появления в России относительно свободной печати и представительных учреждений влияние радикальных партий в значительной степени падает, сокращается их численность; в то же время для партийных организаций в эмиграции характерны расколы, споры по идейным и организационным вопросам (группа «Вперед», Августовский блок и др., альтернативные партийные школы — на Капри и в Лонжюмо у социал-демократов, группа «Революционной мысли» у эсеров, анархисты-коммунисты, черносзнаменцы, безначальцы и другие — у анархистов).

Всего с 1855 по 1917 год в Европе российские политэмигранты издавали 287 газет и журналов, из них в Женеве — 109, в Париже — 95, в Лондоне — 42, в Берлине — 17. Российская политическая эмиграция являлась своеобразной «лабораторией революционной и оппозиционной мысли».

Эмиграция раскололась по отношению к Первой мировой войне. Патриотическую позицию заняли Плеханов, Кропоткин, Бурцев, который вернулся в Россию, где был арестован и предан суду, эсеры В. И. Лебедев, Б. В. Савинков, С. Н. Слетов, добровольцами вступившие во французскую армию (последний погиб на фронте). Пораженческую позицию заняли большевики, лидер которых Ленин выдвинул лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, против войны выступали меньшевики-интернационалисты, часть эсеров. Они приняли участие в международных социалистических Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференциях.

После Февральской революции 1917 года большинство эмигрантов, при финансовой поддержке Временного правительства и при содействии российских посольств, вернулось в Россию. Некоторые, включая Ленина, М. А. Натансона и др., сочли возможным вернуться на родину через территорию Германии в специальных вагонах, пользовавшихся правами экстерриториальности.

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

«Первая волна» русской эмиграции

После Октябрьской революции 1917 года российская эмиграция принципиально отличалась от всех предыдущих сочетанием вынужденности, массовости, политического характера и, наконец, стремлением сохранить национальную и культурную идентичность, что привело к созданию и сравнительно длительному существованию «России № 2», именуемой также в литературе «Русским зарубежьем» или, по более точному определению М. Раева, «Россией за рубежом». Формирование послереволюционной эмиграции происходило в основном в 1917–1921 годах, ее составили гражданские лица, начавшие покидать отечество сразу после Октябрьского переворота через финляндскую и польскую границы, военнопленные Первой мировой и советско-польской войн, отказавшиеся репатрироваться на родину, служащие дипломатических, заготовительных и иных российских учреждений за рубежом; однако основной контингент так называемой «первой волны» российской эмиграции XX века составили военнослужащие антибольшевистских воинских формирований и ушедшие вместе с ними гражданские лица. Наиболее крупные эвакуации были произведены после Новороссийской катастрофы деникинской армии (март 1920) и в особенности из Крыма в ноябре 1920 года, когда морем в Турцию была вывезена Русская армия Врангеля вместе с гражданскими лицами общей численностью около 150 тыс. чел. Впоследствии число эмигрантов пополняли лица, высланные из Советской России (наиболее крупная акция такого рода — высылка около 150 [вместе с семьями] интеллектуалов в 1922 году), «невозвращенцы» (советские служащие, оставшиеся за границей).

Юридически статус эмигрантов для российских изгнанников удостоверяла советская власть. Постановлением СНК от 28 октября 1921 года российского гражданства были лишены лица, «добровольно служившие в армиях, сражавшихся против Советской власти, или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях, а также лица, выехавшие из России после 7 нояб. 1917 без разрешения Сов. власти». Указом от 15 декабря 1921 года все бывшие жители

России, находившиеся за границей, лишались гражданства, если они не возьмут советские паспорта до 1 июня 1922 года.

Точная численность эмиграции «первой волны» неизвестна. Наиболее достоверной представляется цифра 1,5–2 млн. чел. По данным американского Красного Креста, численность русских эмигрантов на 1 ноября 1920 года составляла 1 965 500 чел. Первоначально основными центрами пребывания русских беженцев в Европе были район Константинополя (Русская армия Врангеля разместилась на Галлиполийском полуострове и на острове Лемнос), Берлин и Париж, в начале 1920-х к ним добавились Белград, Прага и София. На Дальнем Востоке центром русской эмиграции был Харбин. К апрелю 1921 года Франция израсходовала на содержание армии Врангеля свыше 200 млн франков, не считая помощи, поступившей от российских дипломатов, контролировавших казенные средства за рубежом. К концу 1921 года российские военные контингенты были переведены в Сербию и Болгарию. Часть из них поступила в пограничную стражу Королевства сербов, хорватов и словенцев, часть была переведена на «трудовое положение», работая на строительстве дорог, в шахтах, каменоломнях и т.п. Материальная помощь русским беженцам в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевстве СХС) и Болгарии оказывалась правительствами этих стран, субсидии на переселение были также выделены Совещанием российских послов в Париже. В 1922 году в Турции осталось около 35 тыс. русских беженцев. В первой половине 1920-х годов для русских беженцев была характерна высокая подвижность, определявшаяся в основном возможностью найти работу, так же как политикой в отношении эмигрантов правительств тех или иных стран. Ситуация на рынке труда была довольно благоприятной, учитывая убыль мужского населения в период Первой мировой войны, особенно во Франции. Притягательность Германии в первой половине 1920-х определялась гиперинфляцией, делавшей жизнь эмигрантов там сравнительно дешевой. Материальную помощь русским беженцам оказывали правительства Югославии (Королевства СХС) и Чехословакии.

Огромное значение для российских изгнанников в начале 1920-х годов имела помощь международных и российских благотворительных организаций. Такая помощь была оказана

прежде всего американским Красным Крестом. В 1919 году за границей было воссоздано Российское общество Красного Креста (председатель — гр. П. Н. Игнатъев), в феврале 1921 года в Париже был образован Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (председатель — кн. Г. Е. Львов), отделения которого действовали в Праге, на Балканах, в Германии и других странах. Эти учреждения получали средства от иностранных и российских благотворительных организаций и иногда правительств, а также от Совещания российских послов в Париже (председатель в 1921–1932 годах М. Н. Гирс, с 1932-го — В. А. Маклаков) через образованный при Совещании Финансовый совет. Эмигрантами были созданы сотни объединений по профессиональному (союзы инженеров, врачей, шоферов и т. д.), национальному (Союз русских евреев в Германии и др.) и иным принципам, которые позволяли им легче адаптироваться в чуждой среде.

Правовую поддержку российским беженцам оказывали российские посольства и консульства, однако их возможности были весьма ограничены, и особое значение имела поддержка со стороны Лиги Наций, при которой была учреждена должность Верховного комиссара по делам беженцев. Верховным комиссаром был назначен норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Комитет Нансена занимался правовой защитой беженцев, содействовал в их расселении. Представителем российской эмиграции при Комитете Нансена стал бывший российский посланник в Стокгольме К. Н. Гулькевич. Впоследствии, после смерти Нансена, проблемами беженцев занимался Комиссариат по делам беженцев при Международном бюро труда. После смерти Гулькевича в 1935 году представителем интересов российских эмигрантов в этой организации стал адвокат Я. Л. Рубинштейн. Огромное значение для эмигрантов имело введение в 1924 году так называемого Нансеновского паспорта, обладатель которого получал в странах, признававших Декларацию Лиги Наций 1928 года, право на жительство и трудоустройство, по этому паспорту можно было получать визы, переезжать из страны в страну и т. д. За выдачу и возобновление паспорта взимался довольно высокий сбор (5 золотых франков), который шел в конечном счете на нужды беженцев через международные

организации в Женеве и местные беженские организации. После признания большинством стран, в которых расселились русские беженцы, Советского Союза, посольства и консульства старой России (последним признанным добольшевистским правительством оставалось Временное правительство), как правило, преобразовывались в Офисы (бюро) по делам русских беженцев при Министерствах иностранных дел стран пребывания, одновременно будучи тесно связанными с Комитетом Нансена (Комиссариатом по делам беженцев) в Женеве.

Сложившееся в литературе представление об элитарном характере «первой волны» русской эмиграции не вполне соответствует действительности. Подавляющее большинство эмигрантов принадлежало к непривилегированным слоям (средние городские слои, студенты, мелкие землевладельцы, квалифицированные рабочие, крестьяне, казаки, офицерство); их судьба в конечном счете, несмотря на первоначальные мытарства, сложилась гораздо благополучнее, чем у их соотечественников, оставшихся на родине. В числе эмигрантов оказалось и немало представителей интеллектуальной, политической и деловой элиты — писателей и художников, политических и государственных деятелей, крупных предпринимателей. «Первую волну» отличал сравнительно высокий уровень образования: почти все имели начальное образование, приблизительно две трети — среднее, каждый седьмой — университетское. По этнической принадлежности большинство эмигрантов были русскими, хотя в эмигрантском сообществе были представлены различные народы бывшей Российской империи. Наиболее многочисленными группами вслед за русскими были евреи, украинцы, армяне, грузины, немцы.

Представление о динамике численности беженцев, так же как о распределении их по географическим зонам и странам, дает приведенная ниже таблица (источник — *Simpson J. H. The Refuge Problem: Report of a Survey. L.; N. Y.; Toronto: Oxford Univ. Press, 1939. P. 561*).

Следует учесть, что приведенные данные могут быть неполны, ибо не все эмигранты были зарегистрированы. В то же время многие, натурализовавшись и формально перестав быть эмигрантами, сохраняли национальную идентичность и считали

Группы стран	1922	1930	1937
<i>Турция</i>	35 000	1 400	1 200
<i>Балканские страны</i>			
<i>Греция</i>	3 000	2 000	2 200
<i>Румыния</i>	35 000	13 000	11 000
<i>Югославия</i>	34 000	30 000	27 500
<i>Болгария</i>	31 000	22 000	15 700
	138 000	68 400	57 600
<i>Польша и страны Прибалтики</i>			
<i>Эстония</i>	15 000	11 000	5 300
<i>Финляндия</i>	20 000	10 000	8 000
<i>Латвия</i>	16 000	16 000	13 000
<i>Литва</i>	4 000	5 000	5 000
<i>Данциг + Польша</i>	175 000	85 000	80 000
	230 000	127 000	111 300
<i>Центральная Европа</i>			
<i>Австрия</i>	4 000	3 000	2 500
<i>Венгрия</i>	3 000	5 000	4 000
<i>Чехословакия</i>	5 000	15 000	9 000
<i>Германия</i>	240 000	90 000	45 000
	252 000	113 000	60 500
<i>Франция</i>	70 000	175 000	110 000
<i>Другие страны Западной Европы</i>			
<i>Бельгия</i>	4 000	7 000	8 000
<i>Великобритания</i>	9 000	4 000	(2 000)
<i>Италия</i>	9 000	2 500	(13 000)
<i>Скандинавия</i>	2 000	1 500	3 000
<i>Швейцария</i>	3 000	2 300	(1 000)
<i>Другие</i>	1 000	2 700	(17 000)
	28 000	20 000	17 000
<i>Дальний Восток</i>	145 000	127 000	94 000
<i>Всего</i>	863 000	630 400	450 400

принятие иностранного гражданства формальным актом. Сокращение численности русских эмигрантов объясняется несколькими факторами: высокой смертностью, натурализацией, неблагоприятной демографической ситуацией — большинство эмигрантов были одинокими мужчинами, что обусловило низкую рождаемость. За 1921–1931 годы, после объявления политической амнистии в 1921-м, в Советскую Россию-СССР вернулось свыше 181 тыс. чел. (пик пришелся на 1921 год — 121 843 чел.), большинство из них, по данным эмигрантской печати, было репрессировано.

В эмиграцию российские политические деятели «вывезли» политические страсти, обуревавшие их на родине. Одной из важнейших проблем был вопрос о формах дальнейшей борьбы с большевиками. Генерал Врангель пытался сохранить армию, надеясь на продолжение вооруженной борьбы. В армии поддерживалась военная дисциплина, действовали военно-полевые суды, приводились в исполнение смертные приговоры. Под председательством Врангеля был образован «Русский совет» (И. П. Алексинский, Павел Д. Долгоруков, Н. Н. Львов, генералы А. П. Кутепов, П. А. Кусонский, П. Н. Шатилов и др.), совещательный орган при Главнокомандующем (апрель 1921 — сентябрь 1922).

П. Н. Милюков в записке «Что делать после Крымской катастрофы?» (декабрь 1920) сформулировал основные положения «новой тактики», суть которой была в ставке на эволюцию советской системы, ее разложение, преодоление большевизма изнутри. Одной из важнейших задач деятели либерально-демократического направления считали объединение антибольшевистских сил на демократической платформе, создание «суррогата» национального представительства. Попыткой такого объединения стало Совещание членов Учредительного собрания, состоявшееся в январе 1921 года в Париже. В Совещании приняли участие 33 члена Учредительного собрания, в основном эсеры (большинство) и кадеты. Совещание избрало Исполнительную комиссию во главе с Н. Д. Авксентьевым, но через год его деятельность прекратилась за отсутствием средств.

Как бы в противовес «Учредилке» в феврале 1921 года в Париже бывшими членами Государственной думы и Государственного

совета был образован Русский парламентский комитет; в «инициативную группу» входили А. И. Гучков, В. Д. Кузьмин-Караваев, Г. А. Алексинский, М. А. Искрицкий, Е. И. Кедрин. Свою задачу члены комитета видели в защите «русского дела» перед западноевропейскими правительствами. Председателем Русского парламентского комитета в 1921–1923 годах был А. И. Гучков. Аналогичные комитеты образовались также в Лондоне, Берлине и Константинополе.

В июне 1921 года в Париже состоялся съезд Русского национального объединения. В подготовке и проведении съезда видную роль играли кадеты А. В. Карташев, В. Д. Набоков, М. М. Федоров, а также В. Л. Бурцев и др. Это была еще одна попытка создать надпартийное объединение. На съезде был избран Национальный комитет (председатель — А. В. Карташев). Русский национальный союз видел свои цели в уничтожении в России «политического и социального строя, приведшего к порабощению всего населения в интересах коммунистической партии; восстановление русской государственности на демократических основах, обеспечивающих полное гражданское равноправие и политическую свободу; защиту, впредь до восстановления русской государственности, чести, достоинства, прав и интересов России и русских граждан» и др.

Для «старых» российских партий в эмиграции была характерна непрерывная череда расколов. В июне 1921 года Милюковым, М. М. Винавером и другими была создана Парижская демократическая группа партии народной свободы, преобразованная в 1924-м в Республиканско-демократическое объединение при участии пражской эсеровской группы «Крестьянская Россия» (А. А. Аргунов, С. С. Маслов и др.). Центром правых кадетов (Набоков и др.) стал Берлин, а рупором — газета «Руль» (1920–1931), которую редактировал И. В. Гессен.

Эсеры разделились на правых (Авксентьев, А. Ф. Керенский, В. В. Руднев и др.), левых (В. М. Чернов, Н. С. Русанов, Г. И. Шрейдер и др.) и центр (И. М. Брушвит, В. М. Зензинов, О. С. Минор и др.). Дважды — в ноябре 1923 года в Праге и апреле–мае 1928 года в Париже — эсеры провели съезды заграничных организаций ПСР. Эсеров разделяло отношение к происходящему в России, большее или меньшее отрицание или приятие

«завоеваний» революции, отношение к национально-государственному устройству России и т. д. Печатными органами различных группировок были газета, затем журнал «Воля России» (Прага, 1920–1932, ред. Лебедев, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский и др.), газета «Дни» (Париж, Берлин, 1922–1932, ред. Керенский), основанный Черновым журнал «Революционная Россия» (Ревель, Берлин, Прага, 1920–1929, 1931) и др. В 1940–1941 годах часть лидеров партии (Авксентьев, Вишняк, Зензинов, Чернов и др.) бежала от нацистской угрозы в Нью-Йорк. Нью-йоркская группа осталась единственной (в 1942 году часть эсеров из нее вышла). Она издавала журнал «За свободу» (Нью-Йорк, 1941–1947, ред. Зензинов). Группа просуществовала до середины 1960-х годов.

Заграничная делегация РСДРП (меньшевиков) образовалась вокруг журнала «Социалистический вестник» (выходил с 1921 года в Берлине [в 1933–1940 годах — в Париже] при ближайшем участии Р. А. Абрамовича и Мартова, в 1923–1940 годах — под ред. Абрамовича и Ф. И. Дана [в 1923–1933 годах — при участии Д. Далина]). Меньшевики отвергали какие-либо соглашения с большевиками, указывали на коренное противоречие между политической системой Советской России и экономическими принципами нэпа. У меньшевиков выделилась правая группа «Заря», названная так по журналу, издававшемуся в Берлине в 1922–1925 годах Ст. Ивановичем (Португейсом) и др. Группа признавала вооруженные методы борьбы с большевиками. В 1933 году меньшевистский центр переместился из Берлина в Париж, в 1940–1941 годах почти все видные меньшевики (Абрамович, Далин, Дан, Ю. П. Денике, Б. И. Николаевский и др.) переехали в США. В Нью-Йорке было возобновлено издание «Социалистического вестника», выходившего до 1965 года (с 1963-го в виде сборников).

Попытки объединения предпринимались монархистами. На съезде в Рейхенгалле (Германия) в мае 1921 года был избран Высший монархический совет (ВМС), а его председателем стал Н. Е. Марков. ВМС объединял почти 100 монархических организаций. Однако во Франции правые создали собственную организацию — Совет Монархического объединения во главе с А. Ф. Треповым. Монархистов разделял также династический вопрос: одни ориентировались на великого князя Николая

Николаевича (двоюродный дядя Николая II), другие — на великого князя Кирилла Владимировича (двоюродный брат Николая II), сначала провозгласившего себя местоблюстителем престола, а 31 августа 1924 года в Кобурге (Германия) — императором всероссийским. Если Николай Николаевич заявлял, что он «не предпринимает будущего образа правления России», то Кирилл Владимирович выдвинул лозунг «За веру, царя и отечество!». Николай Николаевич умер в 1929 году, Кирилл Владимирович — в 1938-м. Его потомки признаются большинством современных монархистов легитимными претендентами на российский престол. Монархисты разных направлений издавали газеты («Русская газета», Париж; «Вера и верность», г. Нови-Сад, Югославия; «Высший монархический совет», Берлин; «Русь», София и многие другие).

Попытку объединения правые и умеренно правые предприняли на Русском зарубежном съезде (Париж, апрель 1926 года, 420 делегатов из 26 стран, председатель — П. Б. Струве). Съезд признал совершившийся в результате революции передел земли и счел невозможным возвращение ее прежним собственникам. В качестве желательного лидера эмиграции большинство съезда рассматривало великого князя Николая Николаевича, однако на обращенное к нему приветствие великий князь ответил уклончиво, призывая в то же время единомышленников не предпринимать будущих судеб России. После окончания съезда возникли умеренно правое Центральное объединение (председатель — А. О. Лукасов) и откровенно монархическое «Патриотическое объединение» (председатель — И. П. Алексинский).

В сентябре 1924 года, когда стала ясна невозможность сохранения армии, Врангелем был основан Русский общевоинский союз (РОВС), который должен был объединять бывших военнослужащих, где бы они ни находились. Отделы РОВС были образованы в Европе, на Дальнем Востоке и в США. В Париже под руководством генерала Н. Н. Головина работали Высшие военноподготовительные курсы, где бывшие офицеры и генералы изучали опыт Первой мировой и Гражданской войн, знакомились с организацией и боевой подготовкой Красной армии. Кружки для военного самообразования офицеров были созданы в разных странах. РОВС объявил прием в полковые объединения молодых людей,

достигших призывного возраста в эмиграции. Они должны были сдавать экзамены на чин унтер-офицера, а потом и на офицерский чин. Печатным органом РОВС стал журнал «Часовой» (Париж; Брюссель, 1929–1941, 1947–1988, ред. В. В. Орехов, Е. В. Рышков [Евг. Тарусский, 1929–1941]). РОВС признал Николая Николаевича своим «верховным вождем». Очень быстро выявились разногласия между Врангелем и великим князем, приблизившим к себе генерала Кутепова и поручившим ему «политическую работу».

Попытки вести борьбу с советской властью (так называемый «активизм») на российской территории оканчивались, как правило, неудачами. Деятельность тайной организации «Центр действия» (ноябрь 1920 — середина 1923, Н. В. Чайковский [председатель], Н. П. Вакар, М. В. Вишняк, И. П. Демидов и др., финансовую поддержку оказывал российский посол в США Б. А. Бахметев) свелась в конечном счете к сбору информации. Попытки Б. В. Савинкова завязать связи с антибольшевистскими силами в СССР кончились тем, что он попал в сети ГПУ, был выманен на советскую территорию и арестован в августе 1924 года. Убийства в 1923 году советского представителя на Лозаннской конференции В. В. Воровского и в 1927-м советского полпреда в Польше П. Л. Войкова было делом рук одиночек, не связанных с какой-либо организацией. В 1927 году Кутепову удалось заслать в СССР несколько групп боевиков, однако лишь одна из них сумела осуществить террористический акт — взрыв в партийном клубе в Ленинграде (В. Ларионов и др.), остальные были арестованы или уничтожены.

Эмигрантские организации были пронизаны советской агентурой, путем создания фиктивной антисоветской организации «Трест», вступившей в контакт с руководством РОВС и другими видными деятелями эмиграции, ГПУ удавалось своевременно получать необходимую информацию. Советские спецслужбы завербовали генерала Н. В. Скоблина, одного из руководителей Торгпрома С. Н. Третьякова, бывшего офицера, мужа М. И. Цветаевой С. Я. Эфрона и др. Генерал Кутепов, возглавивший РОВС после смерти Врангеля в 1928 году, в 1930-м был похищен и умер по пути в СССР. Сменивший его генерал Е. К. Миллер был похищен в 1937-м, доставлен в Москву и расстрелян. Впоследствии руководителями РОВС были генералы Ф. Ф. Абрамов,

А. Г. Архангельский, А. А. фон Лампе. Остатки РОВС существуют до настоящего времени.

В 1928 году был создан Дальневосточный отдел РОВС во главе с генералом М. В. Ханжиным. Претендентами на роль лидеров антибольшевистской эмиграции на Дальнем Востоке были генералы М. К. Дитерихс, Д. Л. Хорват, атаман Г. М. Семенов, однако им не удалось создать сколько-нибудь серьезных объединений. Участие в вооруженной борьбе с Красной армией приняли в 1929 году во время конфликта на КВЖД белогвардейские отряды (под командованием генералов К. П. Нечаева, В. В. Глебова и др.), входившие в состав войск Чжан Цзолина и других маньчжурских и китайских милитаристов.

В среде эмигрантской интеллигенции возникло движение сменовеховства (по названию сборника «Смена вех» (Прага, 1921). Идеологами сменовеховства были Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин и др. Сменовеховцы приветствовали восстановление советской властью «великой России», призывали к примирению и сотрудничеству с ней, к преодолению большевизма изнутри. Они полагали, что в России начался переход от утопии к здравому смыслу. В большевистской революции они усматривали воплощение мессианизма, свойственного русскому народу. Наиболее точно суть идеологии сменовеховства отражена в сформулированном Устряловым понятии «национал-большевизм». Ведущими изданиями сменовеховцев были одноименный еженедельник (Париж, 1921–1922), а затем газета «Накануне» (Берлин, 1922–1925, получала субсидию из Москвы). В начале 1920-х годов издавались также сменовеховские газеты «Новая Россия» (София), «Новости жизни» (Харбин), «Путь» (Гельсингфорс), «Новый путь» (Рига). Почти все вернувшиеся в Россию сменовеховцы, за исключением писателя А. Н. Толстого, были репрессированы в 1930-е годы.

В 1920-е годы в работах Н. Н. Алексева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского и других оформилась идеология евразийства. В сборнике «Исход к Востоку» (1921), ставшем первым выпуском «Евразийского временника» (Кн. 1–7. София; Берлин; Париж, 1921–1931), «Евразийской хроники» (вып. 1–10. Прага; Париж, 1925–1928)

и других изданиях они выработали историософскую концепцию, суть которой была в очередном утверждении о своеобразии исторического пути России, определявшегося ее «месторазвитием» — Евразией, представляющей собой не механическое соединение Европы и Азии, а особое геополитическое единство. Российская (евразийская) цивилизация была враждебна западной, а большевистская революция была бунтом Евразии против навязываемых западных ценностей. В конечном счете евразийство вело к оправданию большевистской революции, и некоторые из евразийцев вернулись в СССР (Д. П. Святополк-Мирский) или даже пошли на сотрудничество с советскими спецслужбами (С. Я. Эфрон).

В 1920–1930-е годы возникли «молодежные» организации Союз младороссов (фактически основан в 1923-м, стал именоваться Союзом младороссов с 1925-го, переименован в Младоросскую партию в 1935-м) и Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Младороссы (лидер — А. Л. Казем-бек) в 1923 году в Мюнхене провели свой съезд. Они считали необходимым учесть достижения советского строя, но «повернуть революцию на национальный путь», культивировали «вождизм», выдвинули лозунг «Царь и Советы». Наибольшую активность младороссы проявили в середине 1930-х годов. Они объявили себя «второй советской партией». В 1934–1940 годах в Париже издавалась младоросская газета «Бодрость!». В 1941-м партия самораспустилась.

НТСНП вырос из нескольких молодежных организаций, возникших в середине 1920-х в Болгарии, Югославии, Франции, Чехословакии и других странах, и конституировался как единая организация в первой половине 1930-х (лидеры — В. М. Байдалаков, М. А. Георгиевский, В. Д. Поремский и др.). Союз ставил своей задачей свержение советской власти и установление нового строя на основе «солидаризма». Программные документы НТСНП предусматривали установление твердой власти, «стоящей над партиями и классами» при соблюдении гражданских свобод, здоровый «национальный эгоизм» во внешней политике, предоставление национально-культурной самостоятельности народностям, входящим в состав России. Члены НТСНП считали необходимым личное участие в борьбе против советской

власти, организацию повстанческих групп на территории СССР, подготовку терактов. НТСНП дистанцировались от эмигрантов старшего поколения, введя возрастной ценз для членов Союза (1895 г. р.). Отделения Союза имелись в 15 странах, хотя общая его численность, по-видимому, не превышала 1,5 тыс. чел. Сколько-нибудь успешные попытки НТСНП вести действия на территории СССР неизвестны.

Среди эмигрантов, по свидетельствам современников, вероятно в результате суровых испытаний, заметно выросла религиозность. Однако политические разногласия раскололи и Русскую православную церковь за рубежом. Архиерейский синод во главе с митрополитом Антонием (Храповицким), состоявший из руководства Высшего церковного управления, организованного на территориях, контролируемых войсками белых, в эмиграции обосновался в г. Сремски-Карловцы (Югославия), резиденции сербского патриарха. Архиерейский синод отказался подчиняться Московской патриархии и призвал к восстановлению в России династии Романовых, положив начало карловацкому расколу. Митрополит Евлогий (Георгиевский), назначенный Карловацким синодом главой РПЦ в Западной Европе, принял затем назначение на этот пост от московского патриарха и поддержал его курс на отказ от участия церкви в политических делах ради ее сохранения. Евлогий обосновался с 1923 года в Париже; после ликвидации в СССР патриаршества в 1927 году он перешел под юрисдикцию константинопольского патриарха. Митрополит Платон (Рождественский), глава Северо-Американской епархии, отказался подчиняться как Карловацкому синоду, так и Московской патриархии. В 1924 году Всеамериканский собор объявил Северо-Американскую епархию независимой Американской православной церковью.

Большой размах в эмиграции приобрело издательское дело. Поначалу центром был Берлин в силу благоприятных экономических условий и сравнительно широкой читательской аудитории. С 1918 по 1928 год здесь насчитывалось 188 эмигрантских издательств, в том числе такие крупные, как «Петрополис», издательство З.И. Гржебина, «Слово» и др. С 1925 года издательская деятельность по большей части перемещается в Париж, интеллектуальную и культурную столицу российской эмиграции.

Наиболее популярным видом печатной продукции эмиграции была периодика. В 1925 году за границей было зарегистрировано 364 периодических издания на русском языке. В 1918–1932 годах увидели свет 1005 наименований русских эмигрантских журналов. Точное число названий эмигрантских периодических изданий неизвестно, однако ориентиром может служить то, что в библиотеках Москвы находится около 1000 наименований журналов и около 600 наименований газет, издававшихся эмигрантами в 1917–1996 годах.

Лучшим журналом эмиграции стали парижские «Современные записки» (1920–1940, всего вышло 70 номеров), выходившие под редакцией эсеров Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова-Фондаминского, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского, В. В. Руднева. В журнале печатались М. А. Алданов, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, В. В. Набоков, А. М. Ремизов, Д. С. Мережковский, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, публицисты и философы Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун и многие другие. Среди не столь долговечных литературно-художественных и общественно-политических журналов выделялись собственными эстетическими позициями и высоким качеством «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921–1924, Париж, 1927), «Звено» (в 1923–1926 годах еженедельная газета под редакцией М. М. Винавера и Милюкова, в 1927–1928 журнал, ред. М. Л. Кантор), «Версты» (Париж, 1926–1928, ред. Святополк-Мирский, Сувчинский и др.), молодая литература была представлена на страницах «Чисел» (Париж, 1930–1934, ред. И. В. де Манциарли, Н. А. Оцуп) и журнала «Встречи» (Париж, 1934, ред. Г. В. Адамович и Кантор); сильный литературный отдел был в пражской «Воле России», в Харбине органом литературной группы «Чураевка» стала одноименная литературная газета (1932–1934, в 1932 году называлась «Молодая Чураевка»), в Шанхае была предпринята попытка издания «толстого» литературно-художественного журнала «Понедельник» (1930–1934). Органом Религиозно-философской академии Н. А. Бердяева был журнал «Путь» (Париж, 1925–1940), издававшийся ИМКА-Пресс; религиозно-философские искания интеллектуальной элиты эмиграции нашли отражение в журнале «Новый Град» (Париж, 1931–1939, ред. Бунаков-Фондаминский, Г. П. Федотов, Ф. А. Степун). Журналом для легкого чтения был

парижский еженедельник (затем двухнедельник) «Иллюстрированная Россия» (1924–1939); аналогичную роль выполнял на Дальнем Востоке иллюстрированный еженедельник «Рубеж» (Харбин, 1927–1946).

Лидерами газетного рынка были «Последние новости» (1920–1940, редактор с 1921 года Милюков), лучшая газета Российского зарубежья; с ней безуспешно пыталось конкурировать парижское «Возрождение» (редакторы в 1925–1927 годах П. Б. Струве, с 1927-го — Ю. Ф. Семенов), придерживавшееся правой ориентации. Крупнейшими эмигрантскими газетами были также рижская «Сегодня» (1919–1940, ред. М. С. Мильруд и др.), берлинский «Руль» (1920–1931, ред. И. В. Гессен и др.), белградское «Новое слово» (1921–1930, ред. М. А. Суворин); в Нью-Йорке продолжало выходить основанное еще до революции «Новое русское слово» (1910–2010, в 1910–1920 годах — «Русское слово», ред. в 1922–1973 годах М. Е. Вейнбаум).

Наиболее читаемыми писателями эмиграции были Вас. И. Немирович-Данченко, А. В. Амфитеатров, Алданов и бывший донской атаман П. Н. Краснов. Пользовались достаточным успехом и признанные мастера — Бунин, Зайцев, Шмелев, Тэффи и др. Общим праздником русской культуры стало присуждение Бунину в 1933 году Нобелевской премии. Законодателями литературных мод были два ведущих критика эмиграции — Адамович и Ходасевич. Консервативные взгляды большинства читателей, да и сокращающееся их число создавали трудности для молодого поколения эмигрантских литераторов — Г. И. Газданова, Ю. В. Мандельштама, Б. Ю. Поплавского, Ю. Фельзена, В. С. Яновского и др., которым было нелегко потеснить мэтров со страниц журналов, не говоря уже о том, чтобы издать книгу.

Легче, чем мастерам слова, было реализовать себя в эмиграции композиторам, музыкантам, художникам, артистам балета. Свой звездный статус не утратили С. Кусевицкий, С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский, Ф. И. Шаляпин, С. Лифарь, художники Н. С. Гончарова, Б. Д. Григорьев, М. Ф. Ларионов и некоторые другие.

В то же время по разным соображениям вернулись в Россию писатели А. Н. Толстой, А. М. Дроздов, гораздо позднее престарелый и больной А. И. Куприн. После исчезновения мужа,

принимавшего участие в убийстве невозвращенца И. Рейсса, вынуждена была уехать в СССР М. И. Цветаева (покончила с собой в 1941 году). Вернулись композитор С. С. Прокофьев, певец А. Н. Вертинский, художник И. Я. Билибин и некоторые другие.

По инициативе объединений ученых, педагогов и студентов с 1925 года с целью поддержания национальной идентичности и демонстрации верности русской культуре отмечался, в день рождения А. С. Пушкина, День русской культуры. Празднования Дня русской культуры, включавшие публичные лекции, театральные постановки и т. п., проходили, как правило, довольно успешно (с особой пышностью — в 1937-м, в 100-летнюю годовщину гибели поэта). В противовес празднованию Дня русской культуры, который, с их точки зрения, был задуман либералами и масонами, правые круги эмиграции в Югославии при поддержке митрополита Антония стали отмечать 28 июля, в день св. Владимира — крестителя Руси, День русского национального сознания. Однако этот праздник не смог конкурировать с Днем русской культуры и практически не вышел за пределы русской диаспоры в Югославии.

Особое внимание эмигрантские организации уделяли сохранению национальной идентичности молодого поколения, а также подготовке квалифицированных кадров для грядущего восстановления России. В 1920-е была создана сеть начальных и средних школ. В 1924 году насчитывалось 90 школ, полностью или частично субсидировавшихся Земгором, в которых обучалось около 20% (более 13 700) всех детей эмигрантов школьного возраста. Кроме того, в Югославии действовали несколько кадетских корпусов. Однако проблемой была дороговизна обучения в русских школах по сравнению с местными и со временем выяснившаяся бесперспективность такого образования для будущей жизни. Исключением были средние школы в Чехословакии (Моравска Тржебова) и Югославии (Белград), получившие признание властей и финансировавшиеся наряду с местными. В Харбине, в отличие от европейских стран, дети учились исключительно в русских школах и лишь в 1930-е конкуренцию им стала составлять английская школа.

Центром высшего образования и науки, «Русским Оксфордом» эмиграции стала Прага благодаря «русской акции», предпринятой

в 1922 году чехословацким правительством. В благодарность за роль России в деле освобождения славян из-под власти Австрии, а также с целью подготовки кадров для постбольшевистской России чехословацкое правительство выделило средства на образование Русского университета и ряда других учебных и научных учреждений. Дополнительные средства выделили ИМКА и Всемирное христианское студенческое движение. В Русский университет входили юридический и гуманитарный (историко-филологический) факультеты, кроме того, в Праге действовали Педагогический институт, Институт сельскохозяйственной кооперации, Высшее училище техников путей сообщения, Русский институт коммерческих знаний; для тех, кто не мог посещать занятия днем, был учрежден Народный университет. В Праге работали Русское историческое общество, «Семинарий по византиноведению им. Н. П. Кондакова», Экономический кабинет С. Н. Прокоповича и др. Среди профессоров, преподававших в Праге, были историки А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло, В. А. Мякотин, юрист П. И. Новгородцев, философ Н. О. Лосский и др. Чехословацким правительством были выделены 1 тыс., затем еще 2 тыс. стипендий для студентов-эмигрантов.

В Париже был также основан Русский народный университет, открылись отделения при Парижском университете, в 1925 году были основаны Свято-Сергиевский богословский институт и семинария. Крупным центром высшего образования был также Харбин, где функционировали юридический факультет, Политехнический институт, Институт восточных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшая богословская и Высшая медицинская школы. Высоким уровнем отличался юридический факультет, среди профессоров которого выделялись Г. К. Гинс и В. А. Рязановский, публиковавшиеся на английском языке и впоследствии перебравшиеся в США.

Российские ученые, оказавшиеся в эмиграции, стремились продолжить профессиональную деятельность, координировать свои усилия. В различных странах были образованы Русские академические группы. Наиболее успешно в 1920-е годы проходила деятельность Русской академической группы в Берлине, где при поддержке германских властей и германских университетов был основан Русский научный институт. Академические

группы были образованы во всех крупнейших центрах русской диаспоры. Берлинская академическая группа издавала «Труды русских ученых за рубежом» (ред. А.И. Каминка). С 1921 по 1930 год было проведено пять съездов российских академических организаций за границей. Было налажено сотрудничество российских ученых, оказавшихся в разных странах. В 1931 году, согласно данным анкетирования, в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе около 150 профессоров. За 20 межвоенных лет российскими учеными-эмигрантами было опубликовано около 13 тыс. научных работ. Наибольший профессиональный успех сопутствовал тем, кто сумел интегрироваться в научные структуры стран пребывания. Легче это было сделать специалистам в области точных и естественных наук, среди которых выделялись гидравлик Бахметев, химик В.Н. Ипатьев, авиаконструктор И.И. Сикорский, электронщик, «отец» современного телевидения В.К. Зворыкин, специалист в области прикладной механики С.П. Тимошенко (все — США), сложнее — гуманитариям, однако некоторые из российских ученых, преимущественно те, которые владели иностранными языками, были приглашены на работу в университеты, в том числе П.М. Бицилли (София), Степун (Дрезденский университет), историки Г.В. Вернадский (Йель) и М.М. Карпович (Гарвард), историк и археолог академик М.И. Ростовцев (Висконсинский, затем Йельский университеты), социолог П.А. Сорокин (Гарвард), лингвист Н.С. Трубецкой возглавил кафедру славистики Венского университета. Наибольший успех сопутствовал тем выходцам из России, кто эмигрировал в молодом возрасте и сформировался как ученый за рубежом, вроде Зворыкина (уехал в США в 1919 году) или лауреата Нобелевской премии по экономике В.В. Леонтьева (уехал в Германию в 1925 году, перебрался в США в 1931-м).

Особое внимание в публикациях эмигрантской печати и исследованиях уделялось истории революции и Гражданской войны, а также предшествовавших им событий. Страницы периодики захлестнул шквал мемуаров и документальных публикаций. Издания, которые специализировались на публикации подобного рода материалов, — «Архив русской революции» (22 т. Берлин, 1921–1937), «На чужой стороне» (№ 1–13. Берлин; Прага, 1923–1925), затем «Голос минувшего на чужой стороне» (№ 1–6. Париж,

1926–1928), «Летопись революции» (Берлин; Пб.; М., 1923), «Историк и современник» (5 кн. Берлин, 1922–1924), «Донская летопись» (№ 1–7. Белград, 1923–1927), «Белый архив» (3 т. Париж, 1926–1928), «Белое дело» (7 т. Берлин, 1926–1933) и др.; исторические материалы, воспоминания обильно печатались и в общеполитических и литературных журналах и газетах — «Современные записки», «Последние новости», «Возрождение», «Сегодня» и др. Среди вышедших отдельными изданиями воспоминаний выделялись капитальные «Очерки русской смуты» (т. 1–5. Париж; Берлин, 1921–1926) А. И. Деникина, записки П. Н. Врангеля, А. С. Лукомского и др., «Из моего прошлого» (т. 1–2. Париж, 1933) В. Н. Ковцова. Полемика относительно прошлого русского либерализма развернулась между В. А. Маклаковым, критиковавшим в своих мемуарно-публицистических книгах и статьях (Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936; и др.) тактику партии кадетов и Милюковым. Появились первые монографии по истории революции и Гражданской войны (Милюков П. Н. История второй русской революции. Вып. 1–3. София, 1921–1923; Россия на переломе. Т. 1–2. Париж, 1927; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918. Т. 1–5. Париж, 1937).

«Русским заграничным историческим архивом» (РЗИА) в Праге (основан в 1923 году) было собрано колоссальное количество документов по истории русской революции и Гражданской войны, а также газет, книг и брошюр. В 1934 году в РЗИА влился также «Донской казачий архив» (основан в 1919 году, вывезен в Константинополь, затем в Белград, перевезен в Прагу в 1925 году). Фонды сохранились до окончания Второй мировой войны, а после освобождения страны Красной армией большая их часть была передана правительством Чехословакии АН СССР. В СССР материалы были рассредоточены по различным архивохранилищам (большая часть хранилась в ЦГАОР) и вплоть до конца 1980-х находились на специальном (закрытом для большинства исследователей) хранении.

После прихода к власти в Германии нацистов российские эмигранты еврейского происхождения, а также социалистической и либеральной ориентации вынуждены были перебраться во Францию и другие страны. Политика гитлеровского режима приветствовалась на страницах «Возрождения»; антифашистскую

позицию заняли «Последние новости» и другие издания либерально-демократического направления. В условиях нарастания военной угрозы раскол в эмиграции еще более углубился. Часть эмигрантов считала, что следует защищать Россию от внешнего врага, кто бы в ней ни правил, другие возлагали надежду на то, что Красная армия, разгромив внешнего врага (Германию), повернет оружие против советской власти (А. И. Деникин и др.), третьи возлагали надежды на спасение России от большевизма Германией (П. Н. Краснов, А. А. фон Лампе и др.). Эмигранты, которые пришли к убеждению в необходимости защиты СССР, организовали уже в 1935 году «Союз оборонцев» (печатный орган — «Голос отечества»). В период гражданской войны в Испании несколько сот эмигрантов, главным образом молодого поколения (полковник В. Г. Глиноедский, И. И. Остапченко, А. В. Эйсер и др.), сражались против фашизма в Интернациональных бригадах. Но русские эмигранты (генералы А. В. Фок, Н. В. Шинкаренко, полковник Н. Н. Болтин и др.) воевали и в армии генерала Ф. Франко, где из них было сформировано специальное подразделение. В период советско-финской войны часть видных эмигрантов (В. А. Маклаков и др.) отказались осудить советскую агрессию, полагая, что советская власть решает национальную задачу.

После начала Второй мировой войны многие русские эмигранты во Франции были мобилизованы в армию, некоторые (Г. В. Адамович) вступили в армию добровольно. После оккупации Франции нацистами начался исход части эмигрантов за океан — в США перебрались Алданов, Вишняк, Керенский, Николаевский и др. Гитлеровцы распустили эмигрантские организации, в том числе Эмигрантский комитет, руководство которого во главе с Маклаковым некоторое время содержалось в тюрьме (1942). Нацисты создали Управление по делам русских эмигрантов во Франции во главе со своим ставленником Ю. С. Жеребковым.

После нападения Германии на СССР руководитель Объединения русских военных союзов в Германии и оккупированных ею странах Центральной Европы фон Лампе обратился к германскому командованию с просьбой направить бывших военнослужащих на советско-германский фронт. Однако нацисты

использовали поначалу лишь отдельных добровольцев в основном в качестве переводчиков. Генерал Краснов возглавил Управление казачьих войск, в формировании военных частей в помощь вермахту принимали участие А. Г. Шкуро и др. В Югославии в помощь германским войскам был сформирован Русский охранный корпус (командующие — генералы М. Ф. Скородумов, затем Б. А. Штейфон), который участвовал в боевых действиях против югославских партизан. За годы войны в корпусе служило более 17 тыс. человек, свыше тысячи было убито, свыше 2 тыс. ранено. Эмигранты служили, в том числе на командных должностях, в Русской освободительной армии А. А. Власова (генералы А. В. Туркул, В. Г. Науменко и др.). В нацистских изданиях, выходивших на русском языке в Париже («Парижский вестник», 1942–1944, ред. П. Н. Богданович, Н. В. Пятницкий и др.) и Берлине («Новое слово», 1933, ред. с 1934 года В. М. Деспотули), печатались И. С. Шмелев, И. Д. Сургучев, возглавивший прогитлеровский союз писателей в Париже, генерал Н. Н. Головин и др.

Русские эмигранты приняли участие в борьбе с нацистами во Франции. Более 100 из них погибли. Одними из основателей движения Сопротивления были молодые ученые-этнографы Б. Вильде и А. Левицкий, выходцы из эмигрантских семей, расстрелянные фашистами 23 февраля 1942 года. Мученическую смерть приняли княгиня Вики Оболенская, мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева), Ариадна Скрябина (дочь известного русского композитора) и др. В нацистских лагерях погибли Бунаков-Фондаминский, Ю. В. Мандельштам, Фельзен и др. Антинацистскую и патриотическую пропаганду вела «группа Маклакова», призвавшая пересмотреть отношение к советской власти. П. Н. Милюков в статье «Правда большевизма» (1942) признал достижения советской власти в деле воссоздания российской государственности и защите страны. В Париже с ноября 1943 года действовал Союз русских патриотов, нелегально выпускавший листок «Русский патриот», в котором публиковались сводки Совинформбюро, обращения к русским эмигрантам и советским военнопленным.

После освобождения Парижа сенсацией стал визит в советское посольство группы эмигрантов во главе с Маклаковым 12 февраля 1945 года. В ходе приема посол А. Е. Богомолов и его

посетители-эмигранты обменялись речами. Союз русских патриотов был переименован в Союз советских патриотов, а его орган — в «Советский патриот» (1945–1948, ред. Д. М. Одинец). Просоветские позиции заняла выходящая в Париже с 1945 до 1970 года газета «Русские новости» (ред. А. Ф. Ступницкий).

Однако иллюзии некоторых эмигрантов по поводу возможности примирения с советской властью быстро рассеялись. Советская власть хотела не примирения, а капитуляции эмиграции, а основное условие «примирения», сформулированное Маклаковым в статье «Советская власть и эмиграция» (май 1945 года) — «соблюдение прав человека», — по-прежнему было для коммунистического режима неприемлемым. После оккупации Советской армией ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы и Маньчжурии советскими спецслужбами были проведены аресты и депортации эмигрантов. Были вывезены в Москву и казнены Краснов, Шкуро, Г. М. Семенов, бывший министр финансов колчаковского правительства И. А. Михайлов и др. Был депортирован в СССР и умер в 1945 году в заключении наиболее заметный харбинский поэт А. И. Несмелов. Однако репрессии коснулись не только тех, кто принимал участие в вооруженной борьбе против советской власти или сотрудничал с нацистами или японской администрацией. В Чехословакии были арестованы, в частности, литературовед А. Л. Бем (погиб в заключении), престарелый кн. Петр Д. Долгоруков, С. П. Постников, депортированные в СССР и приговоренные к различным срокам заключения, в Югославии — В. В. Шульгин, осужденный на 25-летнее заключение, и др.

В годы войны центром интеллектуальной и культурной жизни российской диаспоры стали США. В 1942 году в Нью-Йорке Алдановым и М. О. Цетлиным был основан «Новый журнал» (ред. в 1946–1959 годах М. М. Карпович, в 1959–1986 годах соредактором или главным редактором был Р. Б. Гуль), сменивший «Современные записки» в роли наиболее популярного «толстого» литературно-политического журнала Русского зарубежья (издается до настоящего времени), здесь же выходили литературно-художественный журнал «Новоселье» (1942–1950 годы, с 1948 года в Париже, ред. С. Ю. Прегель) и меньшевистский «Социалистический вестник».

14 июня 1946 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, предоставлявший определенной части эмигрантов права получения советского гражданства. Во Франции около 11 тыс. чел. воспользовались этим правом, около 2 тыс. из них вернулись на родину. Довольно много эмигрантов вернулось из Китая, были случаи возвращения и из некоторых других стран. В СССР эмигрантам, как правило, назначалось определенное место жительства, некоторые из них были репрессированы (И. А. Кривошеин и др.). В то же время некоторые эмигранты, особенно отличившиеся своими просоветскими симпатиями, были депортированы из Франции в Восточную Германию, а затем переехали в СССР (Кривошеин, Л. Д. Любимов, Д. М. Одинец и др.).

«Вторая волна»

В результате Второй мировой войны за рубежом осталось несколько сот тысяч советских граждан (военнопленных, уехавших или насильственно вывезенных на работы, покинувших СССР по идейным соображениям или из страха возмездия за сотрудничество с оккупантами), которых принято именовать «второй волной» русской эмиграции. По условиям Ялтинских соглашений февраля 1945 года советские граждане, оказавшиеся за рубежом, подлежали репатриации в СССР независимо от их желания. Поэтому достаточно трудно оценить, сколько сумело остаться на Западе. Оценки численности так называемых перемещенных лиц (*displaced persons*, или ди-пи), оставшихся в Европе или уехавших в США и другие страны, варьируются от 300 до 800 тыс. чел. По данным советского Управления по репатриации на момент окончания его деятельности в марте 1953 года, численность бывших советских граждан, остававшихся за границей, составляла более 451 651 чел. По-видимому, их число было выше, поскольку многие находились за пределами лагерей ди-пи и скрывали свое советское прошлое. Около 140 тыс. из числа новых эмигрантов составили бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ, и приблизительно 4 тыс. — бессарабцы и буковинцы, ставшие гражданами Румынии. В целом же, по-видимому, менее половины новых эмигрантов были с территории СССР в старых (до 1939 года) границах.

Большая часть «дипийцев» находилась поначалу в Германии, в значительной степени в лагерях перемещенных лиц. Начиная с 1946 года, когда охлаждение отношений между бывшими союзниками постепенно превратилось в холодную войну, опасность насильственного возвращения на родину перестала тяготеть над новыми эмигрантами. С 1947 года происходит постепенное рассредоточение эмигрантов по европейским и заокеанским странам. В 1947–1952 годах из Германии и Австрии уехало свыше 213 тыс. чел.

Политической «столицей» послевоенной эмиграции стал Мюнхен. В условиях холодной войны при финансовой поддержке госструктур США одно за другим возникали различные объединения с целью борьбы против советского режима, состоявшие по большей части из новых эмигрантов (Союз воинов освободительного движения, Союз борьбы за освобождение народов России, Лига борьбы за народную свободу, Российское народное движение и др.), хотя активное участие в политической деятельности принимали и некоторые видные эмигранты «первой волны» — Керенский, Николаевский, Мельгунов и др. Продолжал свою работу НТСНП, называвшийся теперь Народно-трудовым союзом (НТС) и несколько изменивший свои тактические установки. НТС издавал журнал «Посев» (Лимбург; Кассель; Франкфурт-на-Майне, изд. с 1945 года, с 1991-го — в Москве). Переговоры об объединении различных организаций, происходившие в 1951 году в Фюссене (январь), а затем в Штутгарте (август), завершились созданием Совета освобождения народов России, вступившего в переговоры с национальными организациями. Разногласия по национальному вопросу оказались наиболее труднопреодолимыми, но все же в октябре 1952 года в Мюнхене был создан Координационный центр антибольшевистской борьбы (с 1953-го — Координационный центр освобождения народов России). Источником государственности центр считал Февральскую революцию, признавал принципы ООН и право наций на самоопределение. Некоторые национальные организации, прежде всего украинские, создали в Париже собственное объединение — Международный антибольшевистский координационный центр. Ни одна из организаций сколько-нибудь серьезных связей в СССР не имела.

Наиболее распространенными и долговечными печатными изданиями эмиграции были газеты — парижская «Русская мысль» (с 1947 года, ред. В. А. Лазаревский [1947–1954], С. А. Водов [1954–1968], З. А. Шаховская [1968–1978], И. А. Иловайская-Альберти [1979–2000], с 1992 параллельно выходила в Москве) и нью-йоркское «Новое русское слово», журналы — «Новый журнал», парижское «Возрождение», выходившее теперь в качестве журнала (1949–1974, № 1–243, ред. И. И. Тхоржевский [1949], С. П. Мельгунов [1949–1954] и др.), «Грани» (изд. НТС, начал выходить в лагере ди-пи в Менхенгофе в 1946 году, затем издавался в Лимбурге, Франкфурте-на-Майне, с 1991-го — в Москве; основан Е. Р. Романовым, соред. и ред. в 1946–1952, 1955–1961, редакторами были также Л. Д. Ржевский [1952–1955], Н. Б. Тарасова [1962–1982] и др.), «Посев» (Лимбург; Кассель; Франкфурт-на-Майне, изд. с 1945 года, с 1991-го — в Москве), «Вестник русского христианского движения» (Париж, Мюнхен, Нью-Йорк, 1945–1991, Париж, Нью-Йорк, Москва, с 1992-го). Отметим также журналы «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958, ред. Р. Н. Гринберг и В. Л. Пастухов; Ю. П. Иваск) и «Мосты» (№ 1–15, Мюнхен, 1958–1970, ред. Г. Андреев [Г. А. Хомяков]). Крупнейшим эмигрантским издательством послевоенного периода было нью-йоркское издательство им. Чехова (1952–1956, Нью-Йорк).

Вторая эмиграция не выдвинула столь ярких талантов, как первая. Наиболее значительными литераторами «второй волны» считаются поэты Иван Елагин, Дм. Кленовский, О. Анстей, Н. Моршен, В. Синкевич, прозаики Н. В. Нароков, Л. Д. Ржевский, Б. И. Ширяев, С. С. Максимов. Списки не исчерпывающие. Заметные работы были опубликованы историками А. Г. Авторхановым, Н. И. Ульяновым; выделим также С. В. Утехина, преподававшего в британских и американских университетах и опубликовавшего важную работу «Русская политическая мысль» (Russian Political Thought, 1963) на английском.

«Третья волна»

За последние 40 лет существования СССР (1951–1991) из страны выехало около 1,8 млн чел. (в 1990–1991 годах — по 400 тыс.), из них почти 1 млн евреев (две трети выехало в Израиль, треть — в США), 550 тыс. немцев и по 100 тыс. армян и греков.

Большая часть эмиграции приходится на 1970–1980 годы. Эмиграцию этого периода принято называть «третьей волной». Разрешение на эмиграцию евреев было вызвано преимущественно внешнеполитическими причинами, стремлением советского руководства продемонстрировать наличие в СССР гражданских прав и свобод, включая право на эмиграцию, а также сложной игрой, которая велась со странами Запада, с одной стороны, и арабскими странами, с другой. По данным МВД, с 1970 по 1980 год из СССР в Израиль выехало 240,3 тыс. чел. (что составляло 11,2% еврейского населения страны), в то время как за весь период с 1945 по 1980 год — 253 тыс. чел. В первой половине 1980 года в условиях конфронтации со странами Запада, прежде всего с США, выдача разрешений на выезд резко сокращается. В 1970–1980-е годы возникает движение «отказников», то есть тех, кому под разными предлогами (доступ к секретным материалам, наличие родственников, требующих ухода, и т. п.) было отказано в праве на выезд. Отказники проводили акции протеста, демонстрации, голодовки, обращались к западным журналистам и международным еврейским организациям. Некоторые из активистов еврейского национального движения были осуждены на различные сроки заключения (в том числе А. Б. Щаранский в 1978 году к 13 годам заключения по ложному обвинению в шпионаже). Практически свободная эмиграция была разрешена в период перестройки, начиная с 1989 года.

К 1970–1980-м годам относится немногочисленная, но чрезвычайно политически и творчески активная эмиграция из СССР деятелей диссидентского движения, творческой интеллигенции. Выезд нередко происходил по израильским визам (несмотря на нееврейское происхождение эмигрантов); власть практиковала также высылки (наиболее громкая — А. И. Солженицына в 1974 году) и лишение советского гражданства лиц, временно находившихся за рубежом (В. П. Аксенов, Ю. П. Любимов и др.). Нередки были случаи бегства артистов во время гастролей (М. Барышников, Р. Нуреев и др.). В результате за границей оказалось созвездие талантов, сопоставимых с литераторами и деятелями искусства «первой волны». Кроме названных — И. А. Бродский, В. Н. Войнович, А. А. Галич, С. Д. Довлатов, А. А. Зиновьев, В. П. Некрасов, М. В. Ростропович,

А. Д. Синявский и др., а также деятели правозащитного движения А. А. Амальрик, В. К. Буковский (в результате обмена на секретаря чилийской компартии Л. Корвалана) и др.

Эмигрантами «третьей волны» были основаны журналы «Континент» (Мюнхен, 1974–1990, Париж, Москва с 1991 года, в 1974–1992 годах ред. В. Е. Максимов), принципиально отличавшийся от него по эстетическим установкам «Синтаксис» (Париж, М. В. Розанова), «Время и мы» (Тель-Авив, Нью-Йорк, Париж, 1975–1993, Нью-Йорк, Москва, с 1993, ред. В. Б. Перельман), националистический журнал «Вече» (Мюнхен, 1980, основан эмигрантом «второй волны» О. А. Красовским); отметим также исторический альманах «Минувшее» (Париж, 1986–1991, вып. 1–12, ред. В. Аллой, с 1993 СПб.; М., всего вышло 25 вып.).

Эмиграция из России, 1992–2000

Начиная с 1992 года можно говорить об эмиграции собственно из России. С января 1993-го вступил в силу закон, разрешающий гражданам свободный выезд и возвращение обратно. После распада СССР и вступления в силу указанного закона наступил новый этап эмиграции, который иногда называют «четвертой волной». Впервые в истории для граждан России перестала существовать проблема выезда. До конца XX века продолжалась национальная эмиграция, хотя число выезжающих по естественным причинам постепенно сокращалось. Все большую долю занимала экономическая (трудовая) эмиграция. Ниже приводятся официальные оценки числа выехавших в 1992–2000 годах — Госкомстата России (лица, которые при выезде снялись с учета по месту жительства, то есть утратили статус резидента) и оценка МВД (лица, получившие разрешение на выезд в эмиграцию). По-видимому, число эмигрировавших несколько больше, ибо официальные данные не учитывают тех, кто выехал из страны, не получив официального разрешения на постоянное жительство (например, на учебу, в туристическую поездку, в служебную командировку) и не вернулся. Однако в условиях свободного выезда число таких лиц, вероятно, не слишком велико.

Несколько изменилось в 1990-е годы и основное направление эмиграции. На первое место вышла Германия, не только за

счет этнических немцев и членов их семей, но и за счет евреев. Сократилось число выезжающих в США, ибо теперь евреи могут туда выехать только при наличии прямых родственников. В условиях свободного выезда из страны и учитывая массовую национальную (этническую) эмиграцию в 1989–1991 годах, на первое место среди выезжающих из страны на постоянное место жительства вышли русские.

Эмиграция из России за пределы СНГ и Балтии, 1992–2000, в тысячах человек

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
По данным Госкомстата	—	88,8	91,4	100,0	87,4	83,5	80,4	85,3	62,3
По данным МВД	103,1	113,9	105,4	110,3	96,7	84,8	83,7	108,3	77,6

Распределение эмигрировавших из России за пределы бывшего СССР по странам назначения, 1992–2000, в тысячах человек (по данным МВД)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего	103,1	113,9	105,4	110,3	96,7	84,8	83,7	108,3	77,6
в том числе:									
в Германию	62,7	73,0	69,5	79,6	64,4	52,1	49,2	52,8	45,3
в Израиль	22,0	20,4	17,0	15,2	14,3	14,3	16,9	36,3	16,3
в США	13,2	14,9	13,8	10,7	12,3	12,5	10,8	11,1	11,1
в другие страны	5,2	5,6	5,1	4,8	5,7	5,9	6,8	8,1	8,1

Дипломатия в изгнании

«ПАРИЖСКИЙ ГУБЕРНАТОР» (В. А. МАКЛАКОВ)¹

Маклаков не поддается классификации. Менее всего он был «типичным представителем». Его особость восхищала и раздражала; вызывала недоумение и нередко — злобу. Думаю, что о Маклакове нельзя говорить только как о политическом деятеле; он был явлением русской культуры, явлением редким и ни на кого не похожим.

Блистательный адвокат, один из лучших ораторов России, депутат трех Государственных дум, один из лидеров партии кадетов, публицист...

«Умный юрист, политик трезвый и умеренный», — писала о нем Ариадна Тыркова. Однако этот «трезвый и умеренный» политик прошел через увлечение толстовством и был видным масоном, а «умный юрист» снабдил князя Феликса Юсупова кистенем для убийства Распутина, став, по его собственным словам, несомненным, с точки зрения закона, соучастником преступления. Оригинальность Маклакова Н. В. Валентинов-Вольский видел в том, что, будучи интеллигентом и обладая «вкусом к общественности», он отличался «решительно от всех оттенков русской интеллигенции» признанием «закона эволюции» и отрицательным отношением (даже отвращением) к революции. Однако этот противник революции произнес в Думе 3 ноября 1916 года одну из самых зажигательных антиправительственных речей, вошедшую в историю под названием «либо мы, либо они». И он же вел переговоры с царскими министрами в конце февраля 1917 года, пытаясь найти средства для предотвращения революционного взрыва.

¹ Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80. В настоящем издании печатается с изменениями и дополнениями.

В Маклакове каким-то образом сосуществовали западник со славянофилом и даже русским националистом, борец за права личности и защитник прав государства. Маклаков восхищался Столыпиным, и он же произнес, пожалуй, самые яркие анти-столыпинские речи в Думе (во 2-й — о военно-полевых судах, в 3-й — по делу Азефа и о введении земства в Западном крае). Можно было бы привести еще немало парадоксов и противоречий, свойственных Маклакову — политику и юристу; однако при внимательном и последовательном рассмотрении его слова и действия оказываются подчиненными определенной внутренней логике, понять которую можно только соотнося их с обстоятельствами времени и внутренней эволюцией Маклакова.

Маклакова отличала от большинства русских политиков легкость (многие путали ее с легковесностью); этого фундаментально образованного человека кое-кто из современников почитал за дилетанта. «Вина» Маклакова заключалась в его необыкновенной одаренности, позволявшей ему быстро усваивать и понимать то, что иным коллегам или оппонентам давалось упорным трудом. А если к этому добавить еще и такое «непростительное» обстоятельство, как успех у женщин... Амурные похождения старого холостяка Маклакова были притчей во языцех московского и петербургского «общества». Маклаков, по мнению некоторых современников, мог претендовать на более крупную роль в партии кадетов, если бы не тяготился длинными и нередко скучными заседаниями партийных ареопагов. Во всяком случае, общество хорошенькой женщины он частенько предпочитал компании своих товарищей по ЦК.

За этой легкостью не всем удавалось разглядеть глубину и незаемный ум Маклакова. Среди тех, кто разглядел, был Лев Толстой. Он избрал юного студента своим спутником и собеседником во время пеших прогулок по Москве. Маклаков с присущей ему самоиронией объяснял толстовский выбор тем, что писателю надо было отдохнуть во время прогулок, поэтому он и предпочитал прогуливаться с Маклаковым, ибо разговоры с ним не требовали большого умственного напряжения. Разумеется, это было не так, и их отношения, несмотря на 40-летнюю разницу в возрасте, были больше похожи на дружбу, нежели на взаимоотношения ученика и наставника. Маклаков неоднократно

гостил в Ясной Поляне. Его воспоминания о Толстом, возможно, лучшее, что написано о великом мыслителе¹. Разумеется, как и все прочие тексты Маклакова, при советской власти они в России не перепечатывались.

«Писатель в России должен жить долго», — обмолвился как-то Корней Чуковский. Еще в большей степени его слова справедливы по отношению к политикам; однако жить долго им удавалось еще реже, чем писателям. Я имею в виду, разумеется, порядочных политиков и независимых писателей. Маклаков был одним из таких нечастых исключений. Он прожил долгую жизнь, уйдя из нее 40 лет спустя после революции 1917 года, сохранив до конца прекрасную память, ясный ум и даже ораторский дар. Эмигрантское существование предоставило достаточно времени для размышлений и рефлексии. Воспоминания и размышления Маклакова оформились в четыре книги воспоминаний и размышлений², десятки статей, сотни писем-трактатов³.

Воспоминания Маклакова вызвали скандал среди его бывших товарищей по партии; характерно название одной из критических статей, принадлежащих перу П. Н. Милюкова: «Суд над кадетским либерализмом»⁴. Маклаков и здесь оказался наособицу;

---

¹ Так считал, к примеру, Георгий Адамович, писавший, что статьи и книжки Маклакова о Толстом — «лучшее, что вообще о Толстом написано, и уж конечно самое ценное, самое долговечное из всего, написанного Маклаковым». См.: Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 86.

² Маклаков В. Из прошлого // Современные записки. 1929–1936. Кн. 38–44, 46–48, 50, 51, 53, 54, 56, 58, 60; переизданы с изменениями в кн.: Маклаков В. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. Т. 1–3; *Он же*. Первая Государственная Дума. Париж, 1939; *Он же*. Вторая Государственная Дума. Париж, 6/г; *Он же*. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

³ «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. / Ред., вступ. ст. и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001–2002; Политический роман в письмах: Из переписки А. В. Тырковой и В. А. Маклакова / Публ. и вступ. ст. О. В. Будницкого // Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 302–320; Спор о России: В. А. Маклаков и В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2012; «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2015; и др.

⁴ Милюков П. Н. Суд над кадетским либерализмом // Современные записки. 1930. Кн. 40. Подробнее см.: Будницкий О. В. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы

мемуары пишутся обычно для самооправдания; во всяком случае, виноватых ищут на стороне. Маклаков анализировал заблуждения и просчеты своих, не снимая ответственности за то, что случилось с Россией в 1917 году, и лично с себя.

* * *

Василий Алексеевич Маклаков родился 10 мая 1869 года в Москве. Его мать, Елизавета Васильевна, урожденная Чередеева, умершая в 1881 году, в 33-летнем возрасте, была, по характеристике сына, «тепличным растением культурной помещичьей среды». Отец вышел из той же среды, но принадлежал к «другой ее разновидности» и свое положение в обществе создал сам, своим трудом и усилиями. Алексей Николаевич Маклаков закончил медицинский факультет и стал известным профессором-офтальмологом. В семье было восемь детей; один из братьев Василия Алексеевича умер в раннем детстве. Семеро остались на попечении отца; А. Н. Маклаков женился вторым браком на дочери директора Петровско-Разумовской академии Л. Ф. Ламовской (в девичестве — Королевой), известной в то время детской писательнице, публиковавшей свои произведения под псевдонимом Л. Нелидова¹. Впоследствии один из братьев Василия Алексеевича, Алексей, стал, как и отец, офтальмологом, а другой, Николай, поступив на государственную службу, дослужился до поста министра внутренних дел. Он был одним

и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *Он же*. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383.

¹ Любопытную характеристику дал ей в письме к А. П. Чехову от 27 марта 1888 г. Я. П. Полонский: «У меня в ту пятницу была одна москвичка — Лидия Филипповна Маклакова — существо очень интересное, как по своей религии, так и по своему оригинальному образу мыслей (у дам редко бывают оригинальные мысли). Она когда-то написала повесть, под заглавием „Полоса“ напечатана она была в „Вестнике Европы“ тому назад лет 10, — Тургенев и я, читая эту повесть, думали, что на Руси появился талант, который не уступает таланту Диккенса. Затем у ней были другие рассказы, но уже гораздо слабее... Надежда наша оказалась преждевременной. — Но если Вы в какой-нибудь библиотеке найдете тот номер „Вестника Европы“, где окажется эта „Полоса“ — прочтите эту повесть или рассказ. Это — рассказ по силе творчества замечательный» (Переписка А. П. Чехова. М., 1984. Т. 1. С. 390).

из самых реакционных министров Николая II и в идейном отношении антагонистом своего старшего брата. В 1918 году Николай Маклаков был расстрелян большевиками.

Маклаков вспоминал, что он мало общался с материнской родней, среди которой было много землевладельцев-помещиков. «Кругом, в котором я рос, были знакомые и друзья отца, вообще интеллигенты». Их объединяло то, что все они сформировались в переломную для России эпоху, эпоху Великих реформ. Среди них бывали разногласия; но речь шла о темпах или о характере реформ; в их необходимости отец Василия Алексеевича и его друзья не сомневались. Они были очень далеки от радикализма. Это были практики, люди дела. Крайне отрицательно встретили они террористическую кампанию конца 1870-х — начала 1880-х годов, проводившуюся революционерами, не говоря уже об убийстве царя, с именем которого связывалось освобождение крестьян.

Той части интеллигенции, к которой принадлежал А. Н. Маклаков, было чуждо натужное «народолюбие», обязательное для радикалов. К «простому» народу, «к этому чуждому миру» они относились без признаков высокомерия, не считали его «быдлом», обреченным оставаться внизу; себя не считали «белой костью», у которой есть привилегии по рождению; но они в себе ценили культуру и образованность и в этом видели свое заслуженное преимущество; не хотели это преимущество хранить для себя одних, считали долгом государства передавать его всем остальным, но не признавали и своей вины перед народом, не считали, что необразованные люди призваны Россию за собой вести или что культурным слоям у народа чему-то надо учиться. Долг высших классов был его учить и ему помогать, а не уступать ему места. И если это тогда им старались внушать, то они такое учение не считали не только опасным, но даже серьезным»¹.

Возможно, еще тогда, в 1880-е годы, начало складываться недоверие В. А. Маклакова к таким формам демократии, как всеобщее избирательное право. Позднее жизненный и политический опыт усилил его опасения, что большинство, которое отнюдь не всегда право, подавит более культурное и образованное

---

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 30–31.

меньшинство и формально демократические процедуры могут отбросить общество назад. Гарантии прав меньшинства, прав личности — одна из центральных проблем, волновавших Маклакова — юриста и политика. Свои размышления о современной демократии, названные им «Еретическими мыслями», Маклаков опубликовал много лет спустя, после Второй мировой войны¹.

Первоначально, по настоянию матери, дети в семье Маклаковых получали домашнее образование. Еще дома будущий соперник французских ораторов научился с гувернанткой «свободно болтать по-французски». Учили, наряду с прочим, также английскому и немецкому; учителем немецкого был одно время известный литератор, друг семьи П. В. Шумахер. Когда по настоянию отца Василий Алексеевич поступил в гимназию, Шумахер подарил ему редкое издание «Илиады» с надписью:

С детства до старости лет на мишуру все глядели
Слабые очи мои, лучших не видел красот.
Милостив к юноше Зевс, даровав ему высшее зренье
И указав ему путь в область нетленной красоты.

Васе Маклакову на память от старого хрена².

В гимназии Маклаков учился легко и даже с блеском. Однако душливая атмосфера классической толстовской гимназии, призванной не столько научить, сколько воспитать верноподданного, невольно провоцировала кое-кого из самолюбивых и самостоятельно мыслящих учеников на различные выходки и шалости. Среди них был и Маклаков. Нелады с гимназическим начальством привели к тому, что он едва не лишился права поступления в университет. По тогдашним правилам для этого было недостаточно отличной учебы — надо было еще получить «полный балл» по поведению. Ставить его директор гимназии не хотел, так как это автоматически означало награждение строптивого ученика золотой медалью — учился-то он отлично, а его латинское сочинение было отмечено как лучшее в округе. В конце концов, в нарушение всех правил, Маклакова наградили лишь серебряной медалью, а в университет отправили

¹ См.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1948. Кн. 19, 20.

² Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 33.

конфиденциальное отношение, в котором говорилось, что успехи в науках внушили Маклакову «опасное самомнение» и он стал воображать, что общие правила для него не обязательны.

Едва ли не в пику гимназическому начальству Маклаков, вместо всеми ожидаемого филологического факультета, подал документы на естественный. Так в 1887 году он стал студентом Московского университета и провел в нем 10 лет, выйдя из него в 27-летнем возрасте.

Уже в университете у Маклакова проявился «вкус к общественности», о котором писал впоследствии Валентинов-Вольский. Маклаков принимал участие в различных студенческих затеях, вроде организации Московского землячества, деятельности Хозяйственной комиссии, единственного тогда официального выборного студенческого органа; пытался (и безуспешно) организовать поездку делегата от России на студенческий съезд в Монпелье; участвовал в панихиде по Н. Г. Чернышевскому, умершему в Саратове в 1889 году. Маклаков подчеркивал в книге воспоминаний о годах своей молодости, что его деятельность носила неполитический характер, преследовала чисто корпоративные, студенческие интересы; более того, он выступал как оппонент радикальной части студенчества, стремившейся втянуть студенческую массу в борьбу против существующего строя. В частности, среди таких радикалов был В. М. Чернов, будущий лидер партии эсеров и председатель Учредительного собрания в 1918 году.

Однако любая деятельность, выходящая за рамки университетского устава 1884 года, жестко ограничивавшего права студентов, рассматривалась властями как подрыв не только университетской «нравственности», но и вообще основ правопорядка. Умеренный Маклаков, стремившийся как-то оживить студенческую жизнь, отнюдь не помышляя о чем-то революционном, побывал в университетские годы под арестом, был исключен из университета «на всякий случай» с «волчьим билетом», закрывавшим ему дорогу в любое высшее учебное заведение России. И лишь хлопоты отца, подключившего влиятельных знакомых и отправившегося в Петербург на поклон к министру народного просвещения И. Д. Делянову и директору Департамента полиции П. Н. Дурново, привели к отмене этой жестокой меры.

Как выяснилось, Маклаков был исключен из университета за организацию поездки делегата от России на студенческий съезд; ведь официально никаких студенческих организаций, за исключением упомянутой Хозяйственной комиссии, в университете быть не могло, следовательно, не могло быть и выборов, не говоря уже о делегатах на зарубежные съезды. Много позже, когда Маклаков был уже депутатом Государственной думы, а Дурново отставным министром внутренних дел, последний в частном разговоре, не помня, разумеется, деталей маклаковского «дела», сказал ему, что подобные меры принимались для острастки лиц, вызывавших подозрение в неблагонадежности.

Достаточно этого эпизода, — писал Маклаков в своей последней книге, — чтобы видеть, что наряду с патриархальным добродушием, государственная власть этого времени могла обнаруживать и совершенно бессмысленную жестокость. Ведь это только случай, а вернее сказать «протекция», если распоряжение двух министров меня не раздавило совсем. А сколько было раздавлено и по меньшим предлогам только, чтобы их «попугать», как об этом мне откровенно сказал Дурново! Это был наглядный урок для оценки нашего режима и понимания того, почему позднее у него не оказалось защитников¹.

Думаю, что защита прав личности, ставшая едва ли не центральным пунктом деятельности Маклакова — юриста и политика, во многом объясняется его гимназическим и студенческим опытом, когда он неоднократно сталкивался с бесправным и унижительным положением человека в России. Даже если этот человек относился к привилегированному сословию и был достаточно образован. Это проявлялось и в исключении из университета без объяснения причин или, скажем, в такой мелочи, как изъятие на границе при возвращении из Франции карточек деятелей Французской революции; революции к тому времени стукнуло как раз 100 лет; но на ввоз портретов ее деятелей и одновременно жертв требовалось специальное разрешение начальства.

Важнейшим событием в интеллектуальном и духовном развитии Маклакова стала поездка с отцом в 1889 году в Париж

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 138.

на Всемирную выставку; 65 лет спустя он писал, что месяц, проведенный тогда в Париже, он считает счастливейшим в своей жизни. Маклакова привлекали не достопримечательности, а образ жизни свободной страны. Его поражали разносчики газет, выкрикивавшие немислимые в России политические лозунги; он посещал предвыборные собрания в Палате депутатов; с увлечением следил за полемикой претендентов и впервые услышал коллективное пение «Марсельезы»; решающим моментом его поездки стало знакомство с активистами Генеральной ассоциации студентов Парижа; его новые друзья стали его гидами по «политическому Парижу».

Маклаков стал убежденным франкофилом и в известном смысле западником. 20-летний студент пришел к выводу, что «свободные режимы Европы показывали, чем должно быть здоровое государство, и какая дорога приводит к нему. Пора было вступать на нее, где только возможно, и по этой дороге идти, не мечтая всего сразу достигнуть. Для роста всего живого есть свое положенное время. Раньше его вырастают только уроды»¹.

Ко времени этой поездки относится и увлечение Маклакова Французской революцией. Характерно, что его любимым героем стал умеренный Мирабо: Маклаков писал, что он не закрывал глаза на его политические грехи — тайные встречи с королем и т. п.; по словам Маклакова, его привлекала в Мирабо способность подталкивать к реформам и одновременно противостоять крайностям; он изучил 8-томную биографию своего кумира и наизусть цитировал отрывки из его речей. Остается только гадать, таким ли рассудительным был 20-летний студент, каким его хотел изобразить 85-летний мемуарист.

По возвращении из Франции состоялся литературный дебют Маклакова — он опубликовал статью о Парижской студенческой ассоциации в «Русских ведомостях», став впоследствии постоянным автором этой газеты.

За время пребывания в университете Маклаков успел поучиться на трех факультетах, два из которых с блеском закончил. Разочаровавшись быстро в естественных науках, он перешел на исторический факультет, где учился у В. О. Ключевского

---

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 104.

и П. Г. Виноградова. Под руководством последнего он написал работу, которая стала его первым опубликованным научным трудом, — «Избрание жребием в Афинском государстве»¹. Виноградов прочил ему большое будущее. Впоследствии Маклаков отдал дань своим наставникам, опубликовав о них биографические очерки².

Однако научная карьера Маклакова не задалась, и закончил он совсем другой факультет — юридический. Во-первых, у него случилось очередное «недоразумение» с университетскими властями, и попечитель учебного округа Н. П. Боголепов наложил вето на то, чтобы оставить Маклакова при университете «для подготовки к профессорскому званию». Во-вторых, в мае 1895 года умер от болезни сердца отец, и вдруг выяснилось, что надо съезжать с казенной квартиры и вообще как-то разобраться с материальным положением семьи, которая существовала на заработки отца. А Василий Алексеевич, старший из братьев, еще не имел конкретных планов на жизнь и специальности, способной обеспечить жизнь на прежнем уровне.

Он, вероятно, мог добиться отмены запрета Боголепова — как не раз ему и его родственникам и знакомым удавалось разрешать различные конфликты с начальством; однако Маклакову не хотелось «вступать на дорогу, где (он) должен бы был от власти и ее капризов зависеть». К тому же, по его собственному признанию, Маклаков не чувствовал в себе настоящей тяги к научной работе.

Наконец, последнее, и, возможно, самое важное. В решении Маклакова податься в юристы, а точнее — в адвокаты, сказывался общественный темперамент. В этой профессии он видел не только средство заработка, но и общественную миссию: «Мой короткий жизненный опыт, — писал Маклаков много лет спустя, — открыл мне... что главным злом русской жизни является безнаказанное господство в ней „произвола“, беззащитность человека против „усмотрения“ власти, отсутствие правовых оснований для защиты себя... Защита человека против „беззакония“, иначе защита самого „закона“ и была содержанием

¹ См.: Исследования по греческой истории / Под ред. П. Виноградова. М., 1894.

² *Klyuchevsky // Slavonic and East European Review*. 1934. Vol. XIII. P. 320–329; *Vinogradoff // Slavonic and East European Review*. 1935. Vol. XIII. P. 633–640.

общественного служения — адвокатуры... Право... есть норма, основанная на принципе одинакового порядка для всех. В торжестве „права“ над „волей“ сущность прогресса. В служении этому — назначение адвокатуры»¹.

Однако для поступления в адвокатуру нужен был диплом юридического факультета. В те времена можно было сдать экзамены за университетский курс экстерном. Но профессура юридического факультета встретила намерение Маклакова с возмущением. С точки зрения некоторых профессоров, это свидетельствовало о его неуважительном отношении к премудростям юридической науки. Испытание потенциального юриста ждало самое суровое. Маклаков прошел курс юридического факультета за год, сконцентрировав всю свою силу воли и способности на достижении цели. Он вел образ жизни отшельника, сведя общение с окружающими до минимума и даже вывесив в своей комнате плакат, предлагавший гостям не засиживаться дольше двух минут. В результате экзамены, кроме одного, были сданы на «весьма». Маклаков и без малого 60 лет спустя считал это главным спортивным достижением своей жизни. Любопытно, что и среди экзаменаторов, и среди студентов-юристов оказалось немало его будущих товарищей и по партии кадетов, и по Государственной думе.

В 1896 году Маклаков стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты; сначала он был помощником А. Р. Ледницкого, затем знаменитого Ф. Н. Плевако. Но очень быстро «отпочковался» от своих наставников и вскоре сам стал одной из звезд русской адвокатуры. Ораторский дар сыграл едва ли не решающую роль в политической карьере Маклакова; в памяти современников он остался прежде всего как «златоуст»². Значение устного слова в общественной и политической жизни России начала века трудно переоценить; столь же нелегко понять секреты златоустов, блиставших на «подмостках» российской политической сцены: тексты речей не передают очарования живого слова, аудиозаписей выступлений выдающихся ораторов того времени

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 220–221.

² См. далеко не полное собрание речей Маклакова в кн.: Маклаков В. Речи: Судебные, думские и публичные лекции. 1904–1926. Париж, 1949.

практически не существует. Однако Маклаков и в этом случае является исключением: особенности его ораторского мастерства были таковы, что неизбежные потери при переводе устной речи на бумагу сводились к возможному минимуму, к тому же немало современников оставили воспоминания, позволяющие ощутить в какой-то степени шарм маклаковской речи.

Мастерство Маклакова-оратора заслуживает специального анализа, во-первых, потому, что это было, несомненно, явление русской культуры, во-вторых, поскольку его ораторский дар стал политическим оружием и даже в известной мере определял особую роль московского адвоката в партии кадетов.

Как и многие другие известные русские политические ораторы, Маклаков прошел «начальную школу» и получил известность в суде. Имя ему сделало выступление на процессе по делу о злоупотреблениях в Северном страховом обществе; Маклаков умудрился добиться оправдания своего подзащитного Сеткина; пикантность ситуации заключалась в том, что Сеткин был единственным из обвиняемых, кто признался в своей вине.

Процесс был громким: председателем суда был известный судебный и общественный деятель Н. В. Давыдов; обвинял прокурор А. А. Макаров, будущий министр внутренних дел. Обвиняемые пригласили известных адвокатов, которые в конце концов преуспели в защите, возможно, не очень правого дела. Маклаков оказался в этой компании случайно — его клиента должен был защищать Плевако, но вынужден был уехать по другому делу и порекомендовал защиту помощнику. Маклаков не пытался доказывать невинности своего подзащитного — да это было и невозможно после его признания.

В своей речи он признал, что оправдательный приговор «не обелит его дела, преступление останется преступлением, а растрата растратой», но то, что можно было сделать, чтобы исправить содеянное, он сделал: он обязался растрату пополнить. Такое обязательство со стороны разоренного человека может показаться смешным, но «не смейтесь над этим, — говорил Маклаков, обращаясь к присяжным, — это значило бы смеяться над бедностью»¹.

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 285.

Речь Маклакова имела необычайный успех; факт преступления его подзащитного был признан, но сам Сеткин сочтен невиновным. Речь молодого адвоката оказалась единственной, перепечатанной полностью в специальном юридическом журнале «Судебные драмы», публиковавшем отчеты о наиболее громких процессах; это было довольно почетно; как правило, речи воспроизводились там в изложении, и лишь нечто из ряда вон выходящее удавалось перепечатки полностью. О речи Маклакова говорилось, что она «чужда тех шаблонных приемов, благодаря которым слушатель заранее знает, чем начнет и окончит свою речь тот или другой оратор. Она построена довольно искусно, причем защитник сделал правдивый анализ обстановки преступления и личности Сеткина. Своею искренностью и правдивостью речь эта подкупила слушателей. Адвокат, анализируя дело, не должен никогда терять из виду идеи справедливости. Он должен всегда оставаться правдивым, т. к. правда и искренность воздействуют на убеждение присяжных лучше всяких „фейерверков“»¹.

Речи Маклакова посвятил в «Курьере» специальную статью известный деятель либерального движения и публицист В. А. Гольцев. Прочитывая слова Маклакова о том, что оправдательный приговор не обелит дела Сеткина, Гольцев писал: «Поздравляю молодого адвоката с этими словами, прямыми, искренними, честными, достойными великого дела правосудия. В них вся правда, осуждение греха и пощада грешнику»².

Впоследствии Маклаков произнес немало речей, ставших знаменитыми, но эта, несомненно, была ему особенно дорога. Когда много лет спустя, в 1949 году, к его 80-летнему юбилею, готовился сборник речей прославленного оратора, Маклаков досадовал, что не удалось достать номер «Судебных драм», в котором была напечатана его речь в защиту Сеткина, и она не вошла в юбилейный сборник.

К числу наиболее известных судебных речей Маклакова относятся выступления по делу М. А. Стаховича против князя В. П. Мещерского; он, вместе с Плевако, поддерживал иск

¹ Судебные драмы. 1898. Т. II. С. 94.

² Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 285.

Стаховича по обвинению Мещерского в клевете; речь по делу крестьян, разгромивших экономию в селе Долбенково, принадлежавшую великому князю Сергею Александровичу¹. В последнем случае Маклаков, как и в деле Сеткина, сразу признал факт совершения его подзащитными преступления и осудил его: «Их борьба была неразумна, их приемы нелепы; всем существом я осуждаю то, что они натворили». Однако, осуждая преступление, он отказывался признать виновными тех, кто его совершил; более того, адвокат предложил судьям самим разделить ответственность с крестьянами за содеянное ими.

Погром экономии был следствием многолетнего попрания закона управляющим, системы штрафов и поборов; закон при этом молчал, а лица, ответственные за порядок в данной местности, как будто не замечали происходящего. «Вы осуждаете их, как судьи, по уголовному уложению, — говорил в заключение своей речи Маклаков, — но как представители государственной власти постарайтесь быть справедливыми. Вы не защитили их тогда, когда незаконным путем их разорвали в деревне, вы закрыли для них все пути законно стоять за свои интересы, вы целой системой воспитали в них грубость. Результатом было то, что вы знаете. Признайте же то, что если они виноваты, то и мы все виноваты перед ними — и в этом деле справедливостью может быть только высшая милость»².

---

¹ Обстоятельства дела были таковы. 28 февраля 1905 года крестьяне села Долбенково и окрестных деревень, вынужденные арендовать землю и покосы у великокняжеской экономии и находившиеся от нее в полной зависимости, разгромили экономию и нанесли «легкие побои» управляющему экономией Филатьеву, постоянно налагавшему на них штрафы; любопытно, что перед погромом крестьяне распили вместе с упаряющим водку, отпущенную по его записке из казенной лавки, причем пили за здоровье крестьян, за прочный мир и добрые соседские отношения.

Дело слушалось с 30 июня по 2 июля 1905 года в г. Дмитровске Орловской губернии выездной сессией, согласно определению Сената, не Харьковской, как бы то следовало, а Московской судебной палаты. Председательствовал старший председатель Московской судебной палаты Ф. Ф. Арнольд. В составе сословных представителей был орловский губернский предводитель дворянства М. А. Стахович. Вместе с Маклаковым защищали адвокаты Н. А. Бакулин (Орел) и Н. К. Муравьев (Москва). Последний впоследствии был председателем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

² Молодая адвокатура. [Б. м.] и [Б. г.] С. 86–87.

Речь Маклакова, по точному определению М. А. Алданова, была «огненной»; это «вы не защитили их», так же как ранее брошенное в лицо судьям «вы пришли, когда беззаконие сделали они, но где же вы были тогда, когда беззаконие творилось над ними?» вполне могло оскорбить состав судебного присутствия.

Однако для ораторского стиля и, если угодно, этики Маклакова более характерно заключительное «мы все виноваты перед ними». Здесь не только влияние Л. Н. Толстого; даже в этой речи чувствуется свойственный Маклакову-адвокату прагматизм; он говорил не для того, чтобы произнести обличительную речь, рассчитанную на эффект за пределами зала судебного заседания (хотя и обличений в его речи хватало); Маклаков стремился убедить и привлечь на свою сторону судей; поэтому он не отделяет себя от них — они здесь все вместе — представители закона, должны сообща выяснить истину и защитить закон наилучшим образом.

Он, вместе со своими товарищами по защите, добился своего: суд ходатайствовал о помиловании долбенковских крестьян и его ходатайство было удовлетворено¹.

«Судьи редко обижались на Маклакова, и он умел их обвораживать», — писал в предисловии к юбилейному сборнику речей Маклакова его ближайший друг в последние годы жизни и горячий поклонник Марк Алданов. Алданов передает со слов очевидца эпизод, случившийся во время процесса по делу о Московском вооруженном восстании: «Председатель Ранг резко обрывал первого защитника. Затем выступил В. А. — он по существу говорил не менее определенно, чем его товарищ по защите, но председатель его ни разу не прервал. По окончании речи Ранг, обращаясь к другим судьям, заметил вполголоса: „Вот что значит, когда говорит умный человек!“»²

Пожалуй, самой знаменитой судебной речью Маклакова стало его выступление на процессе по делу о Выборгском воззва-

¹ Приговором Палаты из 63 подсудимых 45 было осуждено и 18 оправдано. Кроме того, Палата ходатайствовала перед императором о нелишении прав тех подсудимых, которые лишены были приговором палаты этих прав, и о не применении к ним надзора полиции и других ограничений свободы передвижения. Это ходатайство было «уважено» царем.

² Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова // Маклаков В. А. Речи. Париж, 1949. С. 16.

нии¹. Выборгское воззвание с призывом ответить на роспуск 1-й Государственной думы актами пассивного сопротивления: отказом от уплаты налогов и службы в армии, непризнанием правительственных займов было подписано 10 июля 1907 года 180 депутатами; впоследствии к нему присоединились еще 52 человека. Воззвание было отпечатано в виде листовки тиражом 10 тыс. экз. в Финляндии и затем перепечатано за границей. 16 июля 1906 года против подписавших было возбуждено уголовное дело за «распространение в пределах России по предварительному между собой уговору возвания, призывающего население к противодействию закону и законным распоряжениям властей»². Процесс по делу о Выборгском воззвании проходил с 12 по 18 декабря 1907 года. Обвинительный приговор был предрешен и ни для кого не явился неожиданностью — 167 бывших депутатов Думы были приговорены к 3-месячному тюремному заключению, что означало для них лишение избирательных прав.

Маклаков к воззванию, призывавшему к отказу от уплаты налогов и т. п. в ответ на роспуск 1-й Думы, относился отрицательно. Он считал его недопустимым для «конституционной» партии, да и сам роспуск Думы ведь, с точки зрения юридической, был вполне законен. Маклаков даже не явился на первое совещание защитников своих товарищей по партии кадетов, чем вызвал всеобщее недоумение; на последующих совещаниях его присутствие было формальным. Выход из положения он нашел в том, что встал на чисто юридическую точку зрения, не затрагивая вопросов политических, и свою речь построил на том, что нельзя составителей возвания преследовать как соучастников распространения, чего добивалось обвинение. Это влекло за собой обвинение по другой, более тяжелой статье. Соглашение между составителями и распространителями было не доказано, да его и не существовало на самом деле.

Суть речи Маклакова — характерная для него защита права, законности, причем защита ее от тех, кто, собственно, и должен

¹ См. речь Маклакова в кн.: Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 117–125. Вместе с ним защищали О. Я. Пергамент и Н. В. Тесленко.

² См. подробнее в кн.: Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 60–93.

ее блюсти; однако в данном случае «блюстители» попрали закон в угоду «государственным» интересам и вели дело к заранее предрешенному приговору.

Речь Маклакова произвела потрясающее впечатление на слушателей; председатель Судебной палаты Н. С. Крашенинников признался, что не может больше вести заседание, и ушел из зала, забыв объявить о закрытии заседания. М. М. Винавер, апологет 1-й Думы, политические разногласия которого с Маклаковым едва не привели к разрыву отношений, «сорвался» со своего места и заключил его в объятия. Блестящий юрист Винавер сразу по достоинству оценил речь своего коллеги, хотя в ней ни слова не было сказано в защиту подписавших Выборгское воззвание!

Другой коллега и одно время приятель Маклакова, М. Л. Мандельштам, вспоминал много лет спустя о его речи, дав заодно и довольно точную характеристику особенностям судебного красноречия Маклакова: «Его речь была чисто юридической, но в том-то и состояла особенность этого ораторского таланта, что он, как никто другой, загорался пафосом права. Психологические переживания, бытовые картины, — все это мало волновало Маклакова, скользило мимо его темперамента, и в подобных делах он едва возвышался над уровнем хорошего оратора. Но стоило только какому-нибудь нарушению права „до слуха чуткого коснуться“, как Маклаков преображался. Его речь достигала редкой силы подъема, он захватывал и подчинял себе слушателя. Мне приходилось защищать с лучшими ораторами России, но, если бы меня спросили, какая речь произвела на меня самое сильное впечатление, я бы не колеблясь ответил: речь Маклакова по выборгскому процессу. Когда он кончил говорить, весь зал как бы замер, чтобы через минуту разразиться громом аплодисментов»¹. Особую ценность свидетельству Мандельштама придает то, что его мемуары были опубликованы в СССР в начале 1930-х годов, когда писать столь восторженные слова о борце за право «белоземigrанте» Маклакове было по меньшей мере не ко времени.

---

¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 357.

Однако републикация этой знаменитой речи в юбилейном сборнике Маклакова вызвала довольно сдержанные отклики читателей. Даже Алданов, как бы извиняясь, предположил, что эту речь надо было именно *слышать*, так как в чтении она так сильно не действует. «Возможно также, — писал Алданов, — что оценить ее по достоинству может только юрист»¹. Однако и юрист А. А. Гольденвейзер, откликнувшийся на сборник речей Маклакова в печати, заметил, что при перечитывании его речь на Выборгском процессе вызывает «чувство некоторой неудовлетворенности» и что теперь едва ли может «тронуть патетический вопрос», которым Маклаков закончил свою речь: «Есть ли у нашего закона защитники?»²

Маклаков отозвался на рецензию Гольденвейзера письмом, в котором, похоже, сформулировал свое профессиональное исповедание веры. Он, по-видимому, правильно подметил, чем его речь не удовлетворила и Гольденвейзера, и Алданова — она показалась им «ниже предмета». Выборгский процесс воспринимался ими, как и многими современниками, как процесс короны, власти против народных представителей. Поэтому и сами подсудимые, и остальные адвокаты говорили все больше «для истории». А Маклаков говорил для суда. «Мне не свойственно говорить только для публики и для потомства, минуя тех, к которым я обращаюсь, и потому от „исторической“ речи на суде я сознательно и убежденно уклонился»³.

Конечно, у каждого времени — свой стиль; но даже с поправкой на эпоху попробуйте сейчас без иронии воспринять слова одного из адвокатов на Выборгском процессе, О. Я. Пергамента, о своих подзащитных: «Венок их славы так пышен, что даже незаслуженное страдание не вплетет в него лишнего листа». Иное дело — внешне безыскусная речь Маклакова. На мой взгляд, совершенно прав был Г. В. Адамович, который счел несколько прохладное отношение к «выборгской» речи Маклакова таких тонких ценителей слова, как Алданов и Гольденвейзер,

¹ Алданов М. Указ. соч. С. 14.

² Гольденвейзер А. А. В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк, 1952. С. 258, 260.

³ Письмо Маклакова Гольденвейзеру от 2 мая 1950 года цитируется по указанной выше книге Гольденвейзера, с. 266.

недоразумением. Едва ли не самый авторитетный литературный критик эмиграции писал:

Если в речь Маклакова внимательно вчитаться, ошеломляющее ее действие становится полностью понятно. Больше того: ее содержание, простое, как дважды два четыре, и сейчас, полвека спустя, вырастет, расширится до размеров убедительнейшей и красноречивейшей апологии организованного общества, государственной благопристойности, государственной совестливости...¹

Надо ли говорить, что проблема «государственной совестливости» все еще остается вполне свежей для России?

Думаю, что Мандельштам правильно подметил сильнейшую сторону ораторского таланта Маклакова-юриста; однако, по-видимому, он несколько недооценил его умение понять и использовать также и психологические переживания — и своих подзащитных, и присяжных заседателей или судей. Не случайно А. Ф. Кони уже в самом начале адвокатской карьеры Маклакова охарактеризовал его как «серьезного и сердечного» защитника и даже счел, что по одному «хлыстовскому» делу он был бы «уместнее» Плевако².

Сочетание точных юридических аргументов с умелым психологическим воздействием на присяжных с блеском проявилось в речи Маклакова на еще одном «историческом» процессе, в котором ему пришлось участвовать, — я имею в виду дело Бейлиса. Дело было с юридической точки зрения в общем-то несложное. Обвинение приказчика кирпичного завода Зайцева в Киеве Менделя Бейлиса в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью не только дурно пахло, но и было довольно слабо подготовлено обвинением. Однако нагнетание страстей вокруг процесса, откровенное давление Министерства юстиции на участников суда, тенденциозный подбор присяжных, антисемитская вакханалия в правой печати делали задачу адвокатов непростой.

¹ Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 55.

² Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1969. С. 146.

Вместе с Маклаковым защищали такие звезды русской адвокатуры, как Н. П. Карабчевский и О. О. Грузенберг. Грузенберг произнес блестящую речь в защиту еврейства, которое, по существу, являлось обвиняемым на этом процессе. Однако, по общему мнению, решающую роль в оправдании Бейлиса сыграла речь Маклакова; она была построена, как всегда, логично и очень просто, рассчитана именно на данный, «темный» состав присяжных и преследовала конкретную цель — доказательство невиновности именно этого человека, Менделя Бейлиса.

Маклаков показал себя в этой речи, по мнению одного из присутствовавших в зале суда юристов, «достойным учеником Плевако». Центральным моментом речи стала сцена, очевидно, причастной к убийству главы воровской шайки Веры Чеберяк с ее умирающим сыном, которая, по словам очевидца, «должна была потрясти слушателей». Недаром в стенограмме процесса в этом месте несколько раз отмечено «движение» в зале¹. Маклаков нашел ясные и понятные присяжным слова: «Здесь присяга — не осудить виновного, здесь крест Спасителя, здесь портрет Государя Императора. В этом деле все сводится к одному: сумейте быть справедливыми, забудьте все остальное»².

Бейлис, как известно, был оправдан, а свое мнение о процессе и роли в нем Министерства юстиции Маклаков выразил в статьях, опубликованных в «Русских ведомостях» и «Русской мысли»³. Характерно название статьи в «Русской мысли» — «Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса». Редактор «Русской мысли» П. Б. Струве, по воспоминаниям Маклакова, прочтя его статью, обнял его и поцеловал. В статье говорилось, что приговор присяжных спас доброе имя суда, едва не опороченного действиями высших судебных властей. Однако эти статьи не были оставлены без внимания Министерством

¹ Письмо А. А. Гольденвейзера В. А. Маклакову. 10 апреля 1954 // Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California, USA. Vasily Maklakov Collection. Box 16. Folder 10; Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913. Т. III. С. 137–138.

² Дело Бейлиса. Т. III. С. 125.

³ Значение дела Бейлиса // Русские ведомости. 1913. 30 октября. № 250; Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. № 11. Отд. II. С. 135–143.

юстиции, и Маклаков, так же как редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был предан суду «за распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц».

Уже во время Первой мировой войны Маклаков, так же как и редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Избавила их от «отсидки» Февральская революция. По тем же мотивам был осужден еще раньше Маклакова В. В. Шульгин, идейный антисемит, тем не менее выступивший на страницах своей газеты «Киевлянин» против судебных властей, явно стремившихся добиться осуждения Бейлиса по сфабрикованным уликам. Шульгин тоже избежал тюрьмы, но по другой причине — отправившись добровольцем на фронт, он был ранен и после этого сажать его было как-то неудобно¹.

Маклаков выступал по большей части в процессах по уголовным и политическим делам; гражданские споры, составлявшие, как правило, основную часть адвокатской практики, не были его коньком. Маклаков никогда не был юрисконсультom и никогда не имел постоянных клиентов; не любил он и кропотливой подготовительной работы, в особенности свойственной гражданским делам. Он был «одиночкой», хотя и входил в различные адвокатские общества, как, например, в кружок, получивший шутовское название «Бродячего клуба»; члены кружка видели назначение адвокатуры не только в содействии конкретному клиенту, но в служении идеалам права.

Маклаков сам назвал себя как-то «гастролером» в гражданских делах. Собственно, «гастролером» он стал и в большинстве остальных, после того как главным делом его жизни стала политика, думская работа. Вацлав Ледницкий, сын первого «патрона» Маклакова в адвокатуре, А. Р. Ледницкого, хорошо знавший знаменитого ученика и друга своего отца, писал о Василии Алексеевиче: «Он был своего рода гастролером в громких уголовных и политических процессах, и люди ходили его слушать, как ходили слушать Шаляпина или Собинова; слушать

---

¹ Подробнее см.: Шульгин В. В. Бейлисиада // Память: Исторический сборник. М.; Париж, 1979–1981. Вып. 4. С. 7–54.

замечательного оратора и очень умного, культурного образованного человека, который пленял их, однако, не только блестящим словом и своей всесторонней эрудицией, но и особым национальным шармом, своей кровной русскостью»¹.

Блестящий судебный оратор совсем не обязательно будет столь же хорош на парламентской трибуне; наиболее яркий пример — Ф. Н. Плевако, который, будучи депутатом Думы, ничем себя в ней не проявил. Думские выступления Маклакова позволили ему претендовать на неофициальный титул лучшего оратора России. Алданов, специально ходивший слушать думских золотоустов, выделял троих — Ф. И. Родичева, П. А. Столыпина (правда, о Столыпине, по его собственному признанию, Алданов судил с чужих слов) и Маклакова. Последнему он все же отдавал предпочтение. Разумеется, надо делать скидку на «слабость» романиста по отношению к своему другу. Но подобных свидетельств можно привести десятки.

Алданов, уведомляя Маклакова, что не сможет выступить на вечере в Париже в честь 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина, писал: «Конечно, главную речь должны сказать Вы, и никто лучше Вас этого не сделает. Вот теперь я в „Возрождении“ прочел статью Струве². Он пишет, что в России было в 20-м веке три больших оратора: Вы, Родичев и Столыпин. Столыпина я никогда не слышал (только видел его), но Родичева слышал не раз, и по-моему его и сравнивать с Вами невозможно. По *содержанию* его речи были просто неинтересны

¹ Ледницкий В. Вокруг В. А. Маклакова (Личные воспоминания) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. Кн. 56. С. 230.

² Имеется в виду глава из воспоминаний П. Б. Струве «Ф. И. Родичев и мои встречи с ним» (Возрождение. 1949. Тетрадь первая. Январь. С. 27–46). Струве писал: «Родичев был в новой России одним из трех больших ораторов. Двое других были В. А. Маклаков и П. А. Столыпин» (с. 42). Сравнивая Родичева и Маклакова, Струве писал, что Родичев адвокатской практикой занимался мало, «в отличие от В. А. Маклакова, развившего свой большой ораторский дар на большой адвокатской практике, уголовной и гражданской... Парламентский оратор должен всего больше стремиться к тому, чтобы импонировать своим противникам или внушать этим противникам почтение и к защищаемому им делу, и к нему самому, оратору, — этот дар, это умение было в высокой степени присуще В. А. Маклакову и составляло его силу. Родичев не умел или не хотел обезоруживать и покорять противников; скорее он им бросал вызовы или даже и прямо раздражал» (с. 43).

и состояли из общих мест. А на одном темпераменте выезжать нельзя. Конечно, Вы — лучший русский оратор из всех, кого я слышал. С Вами и вообще на одном вечере выступить никому не выгодно»¹.

В ответном письме Маклаков вступился за своего товарища по партии, а заодно высказался о своем понимании смысла ораторского мастерства: «Вы не в первый раз меня хвалите, как оратора, но я вам скажу совершенно искренно: моя репутация очень преувеличена. А Вы, по-моему, недооцениваете Родичева. Он мог быть и бывал очень слаб. Но зато мог подыматься на такую высоту, которой редко кто достигал. Самые мои сильные впечатления из-за слов бывали от него. Обращение к полякам на первом адвокатском съезде в Петербурге я не забуду. Ничего подобного я бы сделать не мог. И кроме того, я не люблю выступать для публики. И на суде и в Думе мы говорим для определенных людей, которых стараемся склонить к определенному решению. В этом смысл речи. Публика в этих случаях только мешает, и потому я любил „закрытые двери“, как это ни странно»².

Первая же значительная речь Маклакова во 2-й Думе — о военно-полевых судах — произвела сильное впечатление на людей разных политических лагерей и разных убеждений. По словам Г.В. Адамовича, П.Н. Милюков назвал ее «образцовой»: «Комплимент как будто бы сдержанный, но при его отталкивании от всякой фразеологии многозначительный». Столыпин признался с думской трибуны, что ему трудно возражать Маклакову. Тот же Адамович писал, что Маклаков после этой речи «как Байрон после появления первой песни „Чайльд-Гарольда“, на следующее утро проснулся знаменитостью»³.

Британский историк Бернард Пэрс, неоднократно бывавший в России, а в 1914–1917 годах прикомандированный сначала к русской армии, а затем к британскому посольству, считал, что природный ораторский дар Маклакова, благодаря, разумеется, постоянной работе над ним его обладателя, «превратился

¹ Алданов М. А. — Маклакову В. А. 17 февраля 1949 // «Права человека и империи». С. 262.

² Маклаков В. А. — Алданову М. А. 17 февраля [1949] // Там же.

³ Адамович Г. В. Указ. соч. С. 157.

в серьезную политическую силу». Пэрс писал, что Маклаков был самым блестящим из думских ораторов¹. «Златоустом считался не только нашей фракцией, но и всей Думой, московский адвокат В. А. Маклаков, — вспоминал известный ученый-биолог кадет М. М. Новиков, — На его речи загонять слушателей не требовалось. Фракция часто поручала ему ответственные выступления по общеполитическим вопросам, которые обходились без всяких эксцессов и ораторских подчеркиваний, но были неизменно горячи по темпераменту, глубоки по содержанию и элегантны по форме»².

В чем заключался секрет ораторского мастерства и даже обаяния Маклакова? Как ему удавалось достигать столь поразительного воздействия на слушателей, принадлежащих к разным слоям общества, разным по уровню культуры и образования? Успех ему сопутствовал не только в зале суда и в Думе, но также на многочисленных предвыборных собраниях, митингах; его слушали и поддавались его аргументам и «серые» присяжные, и люди, принадлежавшие к интеллектуальной элите России. В период выборов в 1-ю Думу Маклаков, уже признанный мастер устного слова, был поставлен Московским комитетом партии кадетов во главе специальной «школы» для подготовки ораторов. «„Ораторству“, — вспоминал полвека спустя Маклаков, — конечно, я никого не учил; старание быть „красноречивым“ я всегда считал большим недостатком. Я моим ученикам внушал, что красноречие главный враг для оратора. Этому я научился в той жизненной школе, которую сам проходил, как уголовный защитник в уездах перед серым составом присяжных. С моими учениками мы только совместно обсуждали вопросы, которые нам задавались на митингах, и обдумывали, как лучше на них отвечать»³.

Участник избирательной кампании в 1-ю Думу, прекрасный оратор и соавтор Маклакова по специальной брошюре — руководству для кадетских ораторов — А. А. Кизеветтер писал, что речи Маклакова отличались «обаятельной логической ясностью».

¹ Pares V. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1988. P. 100, 106.

² Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 176.

³ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 348.

«Особенностью его ораторского дарования является необыкновенная простота интонаций и манеры речи. Перед тысячной аудиторией он говорит совершенно так, как будто он говорит перед пятью-шестью приятелями в небольшом кабинете. Ни малейшего налета аффектации. Он особенно силен в освещении органической связи юридической стороны освещаемого вопроса с его бытовой жизненной стороной. А как полемист он более всего берет тем, что всегда с благородной предупредительностью отдает должное всем выгодным сторонам в положении своего противника, не умаляя, а великодушно подчеркивая их. Разумеется, это затем только усиливает значение его дальнейших метких нападок на слабые стороны противника»¹.

О том же, только «с другого конца», свидетельствовал Алданов. «Думаю, — писал он, — что В. А. Маклаков никогда о жесте и интонации особенно не заботился или во всяком случае их не изучал». В течение многих лет в Париже, уже в годы эмиграции, Алданов каждый четверг завтракал в обществе Маклакова, А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, М. В. Бернацкого, И. П. Демидова, И. И. Фондаминского, В. М. Зензинова и, при их „наездах“ в Париж, И. А. Бунина, П. Б. Струве, В. В. Набокова-Сирова.

И в столовой, и в гостиной Василий Алексеевич говорил много, чрезвычайно интересно, всегда с большим оживлением. При этом „жесты“ и „интонации“ у него бывали совершенно такие же, как на трибуне Государственной Думы или в петербургском, в московском суде: все было совершенно естественно. Разумеется, в огромном зале Таврического дворца он говорил громче, но он и там никогда не кричал — великая ему за это благодарность. Темперамент и крик — совершенно разные вещи... И еще спасибо Василию Алексеевичу: в его речах почти нет „образов“... Римляне находили, что о малых вещах надо говорить просто и интересно, а о великих просто и благородно. Именно так говорит В. А. Маклаков... Так он и пишет. Жаль, что писал мало»².

Последнее утверждение Алданова не очень искренне; Маклаков был к тому времени автором трех книг мемуаров,

¹ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 414–415.

² Алданов М. Указ. соч. С. 12–13.

нескольких брошюр, десятков объемистых статей. Для человека, не считавшего себя профессиональным литератором, — немало. Сожаление Алданова носит несколько провокационный характер; тот, кому выпало удовольствие читать многолетнюю переписку Маклакова и Алданова, известно, что писатель уговаривал своего друга писать воспоминания и далее. И не без его настойчивых уговоров появилась еще одна и, несомненно, самая «личная» книга Маклакова — «Из воспоминаний», вышедшая в 1954 году в Нью-Йорке.

Приведу еще одно свидетельство современника о Маклакове-ораторе, принадлежащее его ученику, правда «забравшему» политически значительно правее учителя, Е. А. Ефимовскому:

«Речи Маклакова войдут в историю русской культуры в области русского ораторского искусства. У нас как-то установился предрассудок: если ты взошел на кафедру, то ты уже „оратор“; по римским традициям, „рождаются“ поэты, ораторы — „делаются“.

На самом деле это вовсе не так: кафедры заполнены „ремесленниками“; они достигают высокой степени совершенства и блещут своими ораторскими успехами. Но это только до тех пор, пока не появится подлинный маг и чародей слова: перед ним они исчезают „яко дым от огня“. Этим магом и был В. А. Маклаков...

В речах Маклакова вы не встретите ни ложного пафоса, ни художественных сравнений; он поражал другим: красотой построения в развитии основной идеи и железной логикой их содержания. Неподражаем был и метод общения с аудиторией. У Маклакова совершенно отсутствовал тот часто встречающийся „снобизм“, когда оратор как бы измеряет расстояние между аудиторией и ораторской кафедрой; он в каждом видел „джентльмена“, с коим можно говорить и должно договориться.

Была еще одна черта в его речах: он никогда не поддельвался под аудиторию; он ее морально поднимал до себя. Если это был метод, то я склонен считать его гениальным. Когда В. А. Маклакова самого захватывало содержание его речи, то его ораторское волнение казалось „огнем священного горения“»¹.

---

¹ Ефимовский Е. Один из могижан: Памяти В. А. Маклакова // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь 68. С. 122–123.

Речи Маклакова не были импровизацией, а являлись, «подобно арии певца или танцу балерины», результатом тщательной подготовки. Автор приведенного сравнения, М. М. Новиков, рассказал, со слов друга Маклакова М. В. Челнокова, о процессе подготовки к выступлениям знаменитого оратора. Маклаков сначала писал свою речь, затем начитывал ее на диктофон, слушал, делал в рукописи поправки, после чего приходил к Челнокову, жившему с ним в Петербурге в одном доме, чтобы ознакомить его с речью и выслушать его замечания. Новикову и самому один раз случилось принять участие в такой «репетиции».

«Следствием всего этого бывало, — вспоминал Новиков, — что, когда московский Златоуст поднимался на трибуну, у него в кармане лежал текст его речи, а иногда, кроме того, и сокращенное содержание ее, приготовленное для газетных корреспондентов. Все это характеризует, конечно, лишь добросовестное отношение оратора к своим ответственным выступлениям, а отнюдь не недостаток ораторской находчивости. Экспромты, которыми он раздражался в ответ на критику его речей, были не менее блестящи, чем сами речи»¹.

На мой взгляд, лучше всего удался анализ ораторского мастерства Маклакова все же Вацлаву Ледницкому:

Голос, личный шарм, произношение, невынужденная простота, с которой В. А. держал себя во время произнесения речи, свободная, непреднамеренная жестикуляция, являвшаяся всегда естественным подспорьем для содержания речи и ее эмоциональной вибрации, — быстрый, но всегда умеренно-быстрый, темп речи, интонация, безошибочно выдвигавшая особенно значительные слова, и, наконец, огромное богатство содержания — вот что мне запомнилось, как отличительные черты его красноречия. <...>

Речь Маклакова — речь рациональная, можно даже сказать рассудочная, «здравомыслящая», и красота ее заключается, мне думается, в чрезвычайно удачном сочетании правильности и точности, которые отличают французский классический язык, с простотой и меткостью русского. Искусство Маклакова заключалось не только в поразительном умении читать свои речи — никто из его слушателей никогда не мог

¹ Новиков М. М. Указ. соч. С. 176–177.

заподозрить его в чтении — так свободно, казалось, он говорил; искусство заключалось в умении написать речь так, чтобы она при чтении звучала как устное, а не письменное слово... Маклаков так привык писать свои речи и так много их написал и произнес в своей долгой жизни, что это отразилось и на стиле его «печатной» прозы: все его книги написаны тем же правильным, четким, прекрасным, но живым, устным, так сказать, простым языком. Да, чеканная, изящная в своей простоте разумность, вот в чем, я думаю, скрывается тайна его красноречия¹.

* * *

Свой приход в политику Маклаков изображал в мемуарах как некую цепь случайностей; однако этих случайностей было столь много, что скорее следует говорить о закономерности и даже неизбежности этого. Идея права, законности в самодержавном государстве казалась подозрительной и едва ли не крамольной. В 1880-е годы произошел заметный откат назад от реформ Александра II. Николай II был склонен следовать заветам скорее своего отца, нежели деда. Власть все больше противопоставляла себя обществу, даже самым благонамеренным его слоям, сознававшим необходимость продолжения реформ. «Освободительное движение» стало ответом на неспособность власти пойти навстречу обществу.

В начале 1900-х годов Маклаков сближается с земской средой; по его мнению, освободительное движение зародилось именно среди земцев в 1890-е годы. В 1903 году он становится секретарем кружка «Беседа», в который входили видные земские деятели Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков. Они были сторонниками реформ при сохранении самодержавия; доклады в духе конституционализма в кружке делали Д. И. Шаховской, П. Д. Долгоруков, Ф. Ф. Кокошкин. В кружок входили только люди, непосредственно работавшие в земстве; Маклаков был единственным исключением². Он усматривал в освободительном

¹ Ледницкий В. Указ. соч. С. 233–234.

² О «Беседе» см. подробнее: *Emmons T. The Beseda Circle, 1899–1905 // Slavica Review. 1973. Vol. 32. No. 3. P. 461–490*; *Шаццлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985*; *Соловьев К. А. Кружок «Беседа»: В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009.*

движении две основных струи — земскую и интеллигентскую; в своей известной статье, посвященной «двум типам» русского либерализма, М. М. Карпович позднее развил мысли Маклакова, относя его безусловно к «земскому» типу¹.

В земцах Маклакова привлекала практическая опытность и реалистичность; как и они, он был противником резких изменений; возможно, сказывался адвокатский опыт защиты в уездных судах и знакомство с тем самым простым народом, которому хотели доверить право если не самой власти, то прямых ее выборов некоторые народолюбивые интеллигенты. Маклаков страстно защищал долбенковских крестьян, отчаявшихся добиться справедливости законным путем и разгромивших соседнюю экономию; однако вряд ли он хотел бы видеть их в роли выборщиков депутатов в Учредительное собрание.

Полагаю, что именно достаточно хорошее знание жизни и реального уровня правосознания народа было одним из источников консерватизма либерала Маклакова. В мемуарах Маклакова приводится один любопытный эпизод. В период своего увлечения толстовством он гостил одно время в колонии толстовцев в Тверской губернии, основанной М. А. Новоселовым. Маклаков был очарован тем, что увидел. Однако конец колонии оказался трагичен. Власти, которых опасались толстовцы, на этот раз их не тронули. Опасность пришла с другой стороны.

Окрестные крестьяне, узнав, что соседние «господа» очень добрые и даже советуют «злу не противиться», решили проверить это на практике. Двое из соседней деревни пришли и «для пробы» увели лошадь только на том основании, что «она им самим нужна». Колонисты решили к властям не обращаться, но послать кого-нибудь в деревню, чтобы усюветить крестьян. «На другой день к ним пришла вся деревня; колония торжествовала, думая, что в них совесть заговорила. Но они ошиблись: крестьяне пришли взять и унести с собой все, что у них еще оставалось». О подробностях колонисты вспоминать не любили².

¹ Карпович М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Новый журнал. 1960. Кн. 60. С. 265–280.

² Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 84–85.

Возможно, одна из причин нелюбви Маклакова к революциям, его эволюционизма — жизнелюбие. Он умел находить прекрасное в окружающей реальности; политикой и юриспруденцией не ограничивался его мир. Ему, несомненно, было бы жаль разрушения старой России, при всех ее недостатках и даже мерзостях; Маклаков хотел изменить Россию, но ни в коем случае не уничтожить — даже для построения самого светлого будущего на ее месте. Его «либеральный консерватизм» — не только логического, но и в известном смысле эстетического происхождения.

Приведу, для иллюстрации, фрагмент письма 35-летнего Маклакова А. П. Чехову — с Чеховым они были в приятельских отношениях, во всяком случае в 1903–1904 годах. Антон Павлович гостил в имении Маклакова Дергайково; Василий Алексеевич помогал ему в покупке участка земли по соседству (покупка по разным причинам не состоялась). В письме Маклакову из Крыма 26 марта 1904 года Чехов сообщал, что в Крыму плохая погода; поэтому его сестра Мария Павловна не вызвала Маклакова в Ялту телеграммой — тот намеревался провести в Крыму отпуск¹.

В ответном письме Маклаков очень «вкусно» писал:

...из молчания Марии Павловны я уже понял, что в Крыму по части погоды неладно, пробовал отправиться просто в деревню, но там еще совсем зима, и кончил тем, что поехал за Брест, в женский монастырь (!), откуда и вернулся только вчера. Там вальдшнепы, хотя немного, утки, и в огромном количестве в прудах щуки, клюющие на блесну, окуни — на червя и карпы (!) на хлеб, и в довершение всего удивительно, на редкость интересная игуменья. А хотя погода там и неважная, но все же и тепло, и весна. Словом — целый день я занимался охотой в различных видах, а по вечерам беседовал с игуменьей, которую называл «матушка». И все это в монастыре, в страстную неделю².

Политические знакомства Маклакова не ограничивались земской средой; с 1897 года он ежегодно ездил в Париж на Пасху

¹ См.: воспоминания Маклакова о Чехове в статье В. Ермилова «Маклаков о Чехове» // «Раннее утро». 1909. 2 сентября. № 201, и в книге Маклакова «Из воспоминаний». С. 174–175.

² Цит. по: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. Т. 12. М., 1983. С. 317.

и Рождество. После образования в 1902 году Союза освобождения, объединившего земцев и «интеллигентов» (деление, конечно, довольно условное) и начала издания за границей органа Союза журнала «Освобождение», Маклаков стал в нем сотрудничать, доставляя в журнал разного рода материалы. После переезда редактора «Освобождения» П. Б. Струве из Штутгарта в Париж Маклаков стал регулярно делать у него доклады; выступал он и в вольной школе М. М. Ковалевского; приходилось общаться и с более «левой публикой», например с одним из эсеровских лидеров М. А. Натансоном.

Так что Маклаков отнюдь не был столь политически «невиновен», как ему, может быть, хотелось казаться полвека спустя.

Неслучайным было, конечно, и его участие в создании Конституционно-демократической партии и избрание его в члены ее ЦК. За ним, кроме перечисленных выше участия в «Беседе» и систематических контактов с «освобожденцами», числились и получивший довольно громкий резонанс доклад в Звенигородском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в котором он связал нужды этой самой промышленности с правовой защитой крестьянства и даже со свободой печати; участие в заседании Московского дворянского собрания в 1905 году (по случаю чего даже был шит впервые дворянский мундир) с целью представить особое мнение либерально настроенного дворянства государю в пользу представительства; участие в организации Адвокатского союза, организации не столько профессиональной, сколько политической; наконец, выступления на ряде процессов, имевшие прежде всего политический резонанс.

Поэтому трудно принять на веру слова Маклакова, что в партии он оказался случайно, «а в Центральный комитет попал вовсе по недоразумению». Не принимать же всерьез версию о том, что решающую роль в его избрании в ЦК сыграла речь Маклакова об ответственности должностных лиц за беззакония, которую он произнес при появлении полиции в зале, где проходил учредительный кадетский съезд. Полагаю, что все эти оговорки вызваны позднейшими настроениями Маклакова и, возможно, отчасти присущей ему непоказной скромностью; тем не менее, несмотря на все свои расхождения

с партией, Маклаков и не думал отречься от того, когда она начала работу в стране, он «в этом от всей души принял участие»¹.

Маклаков объяснил, что его связывало с партией и в чем было его понимание «кадетизма». Партия «приносила надежду, что... реформы можно получить мирным путем, что революции для этого вовсе не надо, что улучшения могут последовать в рамках привычной для народа монархии... Партия приносила веру в возможность конституционного обновления России. Рядом с пафосом революции, который многих отталкивал и частично уже успел провалиться (вооруженное восстание в декабре 1905 г.) — кадетская партия внушала... пафос Конституции, избирательного бюллетеня, парламентских вотумов. В Европе все это давно стало реальностью и потому перестало радостно волновать население. Для нас же это стало новой „верой“. Конституционно-демократическая партия ее воплощала».

Маклаков считал, что партия указывала «обывателю» тот мирный путь, который он инстинктивно искал и ни у кого, кроме кадетов, не находил. Это мнение сложилось у него после многочисленных встреч с избирателями во время предвыборной кампании в Думу. Впрочем, одерживали ли кадеты победы над крайними потому, что отвечали чаяниям избирателей, или же потому, что ее представляли столь блистательные ораторы и полемисты, как он сам, Ф. Ф. Кокошкин, А. А. Кизеветтер, М. Л. Мандельштам и другие, — это еще вопрос.

Так или иначе, Маклаков был уверен, что путь, на который звала партия, «ничем не грозил, не требовал жертв, не нарушал порядка в стране. К.-д. партия казалась всем партией мирного преобразования России, одинаково далекой от защитников старого и от проповедников неизвестного нового»².

Уже с первого, учредительного, съезда наметились некоторые расхождения Маклакова с большинством партии, во всяком случае с большинством ее лидеров. Тем не менее он неизменно избирался в ее ЦК и был депутатом трех Государственных дум по кадетскому списку. Тотальную критику политики партии он

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 347.

² Там же. С. 355.

предпринял уже в эмиграции, тогда, когда она перестала существовать — во всяком случае, как единое целое.

Что же касается первого съезда, то многих удивило, что Маклаков при обсуждении одного из параграфов программы сказал, что партия, «которая может завтра сделаться „государственной властью“ и ответственной за самое существование государства, должна защищать не только „права человека“, но и права „самого государства“». Это вызвало бурю негодования, а в перерыве С. Н. Прокопович разъяснил Маклакову, что кадеты все вопросы должны решать не как представители власти, а как «защитники народных прав». Таким образом, недоумевал Маклаков, партия, которая теоретически могла прийти к власти, отказывалась обсуждать, как конкретно она будет этой властью пользоваться и, в случае нужды, защищать ее от посягательств¹. Возможно, поэтому кадеты оказались столь беспомощными перед натиском социалистов в 1917 году?

Не все участники съезда поняли смысл реплики Маклакова. С. Л. Франк писал П. Б. Струве, что «когда обсуждался пункт о неприкосновенности личности и жилища, Маклаков, в общем очень рассудительный и мыслящий человек, сказал, что мы скоро будем у власти и нам невыгодно очень ограничивать власть». «Я не мог возразить по случайным причинам, и слова его прошли без всякого протеста»². Здесь интересны два момента: во-первых, столь тонкий мыслитель, как Франк, не уловил смысл проблемы, сформулированной Маклаковым, сведя ее к банальности. А ведь Маклаков говорил, используя его терминологию, о «государственной антиномии в демократии; как быть, если принцип народоправства поведет к отрицанию прав человека? Чему отдать предпочтение? Во имя прав „личности“ ограничивать народоправство, или во имя „народоправства“ пожертвовать правами личности?»³ Во-вторых, забавно, как по-разному воспринималась Франком и самим Маклаковым

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 344.

² Франк С. Л. — Струве Н. А. и П. Б. 19 окт. (1 ноября) /19/05, второй день русской свободы (?) — Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) // Путь: Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 295.

³ Маклаков В. А. Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1939. С. 115.

реакция на слова последнего; Франк не заметил «протеста», Маклаков же вспоминал о «разносе», устроенном ему Прокоповичем. Впрочем, Франк, вероятно, при «разносе» не присутствовал.

В 1-ю Думу Маклаков не баллотировался — был еще «молод». Дорогу во 2-ю ему неожиданно открыли роспуск 1-й Думы и подписание большинством ее кадетской фракции Выборгского воззвания, призывавшего к отказу от уплаты налогов, службы в армии и тому подобным формам гражданского неповиновения. Это лишило подписавших возможности баллотироваться в Думу 2-го созыва и выдвинуло в кандидаты на избрание кадетов «второго эшелона». Маклаков был избран от Москвы и быстро стал думской «звездой».

В отличие от лидера партии П. Н. Милюкова, заявившего, что после издания Манифеста 17 октября 1905 года, фактически провозгласившего ограничение самодержавия, ничего не изменилось и «война продолжается», Маклаков воспринял Манифест всерьез и полагал, что на основе провозглашенных в нем принципов вполне возможна «органическая» работа. Он отрицательно отнесся к Выборгскому воззванию; его пугали заигрывания с революцией, Ахеронтом, как называл его по старинке Маклаков; он считал, что сотрудничество с «исторической властью» возможно; особенно с тех пор, как во главе правительства оказался П. А. Столыпин. Маклаков, вместе с П. Б. Струве, С. Н. Булгаковым и М. В. Челноковым, даже счел допустимым встретиться с премьером накануне роспуска 2-й Думы, надеясь его предотвратить. Эта встреча едва не привела к «санкциям» по партийной линии, а четверка получила прозвище «черносотенных» кадетов. Несмотря на все эти «отклонения», все же вряд ли можно признать справедливым позднейшее полемическое заявление Милюкова, что Маклаков принадлежал к партии только формально. Зато лидер партии был безусловно прав, утверждая, что Маклаков занимал в ней особую позицию; особость ее заключалась в том, что Маклаков был самым правым из кадетов; с этим соглашался и сам Маклаков, это было видно и со стороны, например В. И. Ленину.

О своей деятельности во 2-й Думе Маклаков рассказал подробно в книге воспоминаний, к которой я и отсылаю читателя¹.

¹ Маклаков В. Вторая Государственная Дума. Париж, б/г.

Теперь же — о десятилетиях 1907–1917 годов, которое стало пиком его политической карьеры и закончилось крахом надежд на мирное преобразование страны, а также началом новой — дипломатической — карьеры, обернувшейся 40-летним изгнанием.

3-я Дума оказалась единственной, просуществовавшей полностью отведенный ей срок. В этой Думе кадеты были меньшинством, оппозицией; переворот 3 июня 1907 года, приведший к изменению избирательного закона, гарантировал правительству «работоспособную» Думу, решающую роль в которой играли октябристы; лозунгом кадетов стало «сохранить Думу».

Идеи Маклакова о сотрудничестве с исторической властью, с «конституционалистом» Столыпиным, казалось, могли осуществиться. Он действительно был склонен искать компромиссы с политическими противниками в Думе и с правительством, нередко расходясь со своей собственной партией. Так, однажды он поставил в неприятное положение своего партийного лидера Милюкова, выразив сочувствие «в принципе» правительственному законопроекту об уравнивании в правах русских и финляндских подданных, что фактически вело к ущемлению автономии Финляндии, и даже заявив, что «государственный переворот иногда ведет к благу, как хирургическая операция к выздоровлению». Последнее высказывание, хотя Маклаков и оперировал историческими примерами — свержением с престола и убийствами Петра III и Павла I, могло быть истолковано как одобрение третьеиюньского переворота¹. Милюков позднее писал, что Маклакову фракция «не всегда могла поручать... выступления по важнейшим политическим вопросам, в которых, как мы знали, он не всегда разделял мнения к.-д.»².

Что заставляло партию терпеть такие отходы от ее «линии», достаточно заметные и для членов партии, и для ее оппонентов? Маклаков за содержание своих речей иногда, «как правый кадет, получал упреки от руководителей фракции, но он мог себе позволить роскошь непослушания партийным директивам», благодушно замечал М. М. Новиков³. Все искупал ораторский

¹ См.: *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 85–86.

² *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 12.

³ *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 176.

талант. О том же писал и Е. А. Ефимовский. Наиболее авторитетно в этом случае, конечно, высказывание Милюкова, отмечавшего, уже после нелюбопытных высказываний Маклакова в его адрес, что его наиболее сильными помощниками в 3-й Думе были Ф. И. Родичев и Маклаков; Маклаков был «несравненным и незаменимым оратором по тонкости и гибкости юридической аргументации»¹.

Для Маклакова же членство в кадетской партии, по утверждению Ефимовского, сославшегося на конфиденциальные разговоры с ним, было «браком по расчету». «Оратору нужна не „кафедра“, — писал Ефимовский, — а аудитория, певцу — аккомпанемент и публика; политическому деятелю — политический аппарат и соответствующая ему общественная среда. Все это в избытке давала партия Народной Свободы. Но в ней была еще одна, только ей присущая, черта: в ней была „дисциплина“, но не было „диктатуры“ ни личности, ни самого аппарата. Бездарных спасала дисциплина и авторитет партии; выдающимся она не мешала их личному творчеству»².

Однако вряд ли это можно признать удовлетворительным объяснением: что мешало Маклакову перейти в другую, более умеренную партию? Дисциплины в тогдашних думских партиях было не больше, чем у кадетов, и трудно представить, что он мог бы где-то затеряться; личных и политических друзей в либеральных партиях правее кадетов у него хватало. Дело все-таки было в том, что Маклаков оказался в партии кадетов не случайно и, несмотря на особенности его позиции по некоторым вопросам, в целом разделял ее программу; тактические разногласия с партией после 1907 года у него в значительной степени сгладились. Не кто иной, как Милюков, характеризуя тактику кадетов в 3-й Думе, писал впоследствии, что «мы решили всеми силами и знаниями вложиться в текущую государственную деятельность народного представительства»³.

В 3-й Думе Маклакову партия поручала выступления по таким принципиальным вопросам, как дело Азефа, об утверждении

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 12.

² Ефимовский Е. Один из могижан: Памяти В. А. Маклакова // Возрождение (Париж). 1957. Тетрадь 68. С. 120–121.

³ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 12.

сметы Министерства внутренних дел, о введении земства в Западном крае, об отмене «черты оседлости» для евреев и др. Правда, Милюков писал, что он сам выбирал выступления «наиболее для себя казовые»; но это было вполне естественно, как естественным было то, что сам Милюков выступал по внешнеполитическим вопросам, в которых разбирался лучше своих товарищей по партии, а А. И. Шингарев, к примеру, специализировался по финансовым проблемам.

Речи Маклакова в 3-й Думе наглядно демонстрируют, что проще было рассуждать о сотрудничестве с исторической властью, чем на деле совместно работать с конкретным «конституционным» правительством России, для которого настроение царя, как правило, перевешивало мнение всех народных представителей, вместе взятых. А на императора, в свою очередь, заметное воздействие оказывали силы, которые было принято называть «темными», — крайне правые, противники реформ и сторонники отказа даже от тех положений, которые были продекларированы в Манифесте 17 октября 1905 года и возведены в закон в апреле 1906-го.

В речи при обсуждении бюджета Министерства внутренних дел 25 февраля 1911 года Маклаков говорил, что прежде виноватых в том, что не проводятся реформы, находили в левых, революционерах. Теперь их усматривают в правых, в их самочинных организациях, в реакционной второй палате — Государственном совете. Маклаков ставил вопрос: «Как это вышло, что всемогущее Правительство, вместе с Думой, бессильно против каких-то темных сил? Чем объяснить это трагическое фиаско союза Правительства с Думой в деле обновления страны?» Он указывал на противоречивость программы и действий правительства, на его двуличность: «Одним лицом оно говорит красивые речи и предлагает широкие реформы, а другим лицом делает скверные дела, которым аплодируют справа». Маклаков пришел к неутешительному выводу о том, что идея 3-й Думы, «идея обновления России в союзе Думы с Правительством», потерпела фиаско¹.

---

¹ Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, сессия IV, заседание 66. 25.II.1911. СПб., 1911. Стб. 2845, 2858.

Выступая при обсуждении запроса по делу Азефа, Маклаков назвал Столыпина, заявившего, что в этом деле правительство не хочет становиться в положение «сторон» в тяжбе с революцией и что Азеф не провокатор, а честный агент полиции, выполнявший необходимую для обеспечения безопасности государства работу, «не только стороной в этом деле, но стороной с готтентотской моралью».

Маклаков, как и в речи о военно-полевых судах, обрушился на правительство, указывая на его антиправовые, антигосударственные действия. Использование и защита провокации подрывали основы правопорядка и государственности. Подойдите к использованию провокации, говорил Маклаков,

не с точки зрения ведомства, не с точки зрения борющейся стороны, которая думает, что ей все позволено, а подойдите с точки зрения государства, с точки зрения государственности. В этот момент совершалось что-то противоестественное, совершалось объединение Правительства, государства с преступлением. В этот момент исчезало государство, исчезало Правительство, ибо, ведь, государство есть только правовое явление. Когда государство перестает поступать по закону, то оно не государство, оно — шайка. Правительство в это время не есть власть, опирающаяся на закон, а оно есть тоже преступное сообщество, хотя и не тайное¹.

Одной из самых сильных речей Маклакова в Думе стало его выступление по поводу закона о введении земства в Юго-Западном крае. Речь эта, как и почти все его принципиальные выступления в Думе, проникнута пафосом законности; одновременно она направлена лично против того, кто эту законность попра, — против Столыпина, ставшего позднее фактически главным положительным героем книги Маклакова о 2-й Думе.

Столыпин провел в порядке 87-й статьи закон о введении земства в шести губерниях Юго-Западного края; закон не был пропущен Государственным советом; Столыпин добился у царя

---

¹ Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, сессия II, заседание 51. 13.II.1909. СПб., 1909. Стб. 1490, 1492.

ропуска верхней палаты на несколько дней и фактического отстранения от работы в Госсовете инициаторов провала законопроекта — некоторых видных политических деятелей правого толка. Этот закон не был столь важен, чтобы ради его проведения в жизнь решением правительства распускать законодательные палаты; действия Столыпина выглядели как демонстрация силы, демонстрация того, кто на самом деле является реальной властью и чего на самом деле стоят российские «парламентские» учреждения и «конституция».

Думцам, в том числе и Маклакову, разумеется, не были известны детали борьбы при дворе, растущего недовольства Столыпиным, застывшим фигуру царя. Преобразования казались не столь неотложными, а революция — далеким прошлым, которое уже не вернется; резкие действия Столыпина были своеобразной формой самоутверждения наперекор придворным интригам; но его отставка была уже предreshена. Несколько месяцев спустя Столыпин был смертельно ранен террористом; равнодушие царской четы к умирающему оказалось едва ли не демонстративным. Преемник Столыпина В.Н. Коковцов позднее с некоторой оторопью вспоминал слова императрицы, сказанные ему через месяц после смерти премьера:

Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль, и должен был ступешаться, так как ему нечего было больше исполнять... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это — для блага России¹.

Но все это было потом, а тогда, весной 1911 года, действия Столыпина казались самоуправством зарвавшегося бюрократа — да и были, по сути, таковыми. Проанализировав шаги председателя Совета министров по проведению в жизнь его воли, Маклаков говорил, что «тут сказалось то понимание, которое

---

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 8.

люди известного государственного воспитания имеют о том, что такое уважение к закону: они не понимают, что уважать закон означает не пользоваться им тогда, когда это выгодно и приятно, а подчиняться ему тогда, когда этого и не хочется». Комментируя слова Столыпина о том, что тот не понимает недовольства Думы — ведь он провел закон, который она поддержала, но отверг Государственный совет, хотя и воспользовался для этого чрезвычайной мерой, Маклаков четко сформулировал суть противоречия: «Председатель Совета Министров не понял одного, что для Государственной Думы вопрос о том: быть или не быть земству в шести губерниях запада, есть мелочь сравнительно с вопросом о том — быть ли России правовым государством или столыпинской вотчиной?»

В заключение Маклаков нанес беспощадный удар, даже не подозревая, насколько он точен:

Для государственных людей этого типа, которые в излишней вере в свою непогрешимость, в излишнем презрении к мнению других ставят свою волю выше законов и права, для них русский язык знает характерное и выразительное слово «временщик». И время у него было и это время прошло. И Председатель Совета Министров еще может остаться у власти... но, гг., это агония; вы можете относиться к этой агонии с разными чувствами, но я скажу словами самого Председателя Совета Министров: «мести в политике нет, но последствия есть». Они наступили и их вам теперь не избежать¹.

Почти 40 лет спустя Маклаков писал, что эту речь ему «совестно припоминать». Само появление ее, так же как речи по делу Азефа в юбилейном сборнике своих речей, он объяснял тем, что в Париже не было стенографических отчетов 3-й и 4-й Дум; когда составители обратились к нему, он по памяти указал на эти речи, вызвавшие в свое время общественный резонанс; составители пересняли их в Америке, и до появления книги Маклаков их не видел. «Ни за что не стал бы их перепечатывать, — писал он в 1950 году, — а что касается до речи

---

¹ Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, сессия IV, заседание 101. 27.IV.1911. СПб., 1911. Стб. 2876, 2878, 2887.

о земствах, то тогда я думал, что „валю“ временщика в апогее его власти, — теперь же вижу, что „бил по лежащему“»¹.

Пророчество Маклакова оказалось гораздо более точным и гораздо более мрачным, чем он предполагал; он говорил, разумеется, об агонии политической; никто не мог предсказать выстрел в Киевском оперном театре 1 сентября 1911 года; возможно, сам убийца за несколько минут до покушения не знал, решится ли он на него. Однако этот выстрел в известном смысле был следствием одной из граней политики Столыпина; историки до сих пор спорят, кем был Дмитрий Богров — революционером или охранником; точнее: в качестве кого он стрелял в премьер-министра? Однако сами факты участия Богрова в революционных организациях, так же как его сотрудничество с охранкой, сомнений не вызывают. Защищая провокатора Азефа и отпустив двусмысленную шутку о том, что правительство не отвечает за беспорядки по революции, мог ли Столыпин предположить, что сам падет жертвой «беспорядков по Департаменту полиции», который был ему подчинен не только как премьеру, но и как министру внутренних дел?

Так что вряд ли следует соглашаться с мнением А. А. Гольденвейзера о несвойственном Маклакову «сгущении красок» в речи о деле Азефа; когда он говорил о том, что «правительство находится в плену у... шайки охранников», то был ближе к истине, чем его оппоненты, полагавшие, что правительство умело борется с революцией, используя некоторые специфические полицейские приемы. Я не думаю, что правы были некоторые современники убийства Столыпина и последующие историки, всерьез предполагавшие, что Богрова на преступление подтолкнул товарищ (заместитель) премьера по Министерству внутренних дел П. Г. Курлов с целью занять его кресло. Но симптоматично то, что само такое предположение могло возникнуть².

А могло такое и ему подобные предположения — не всегда беспочвенные — возникнуть в обстановке систематических нарушений законности, которым нередко попустительствовал — или

¹ Цит. по: Гольденвейзер А. А. В защиту права. Нью-Йорк, 1952. С. 267.

² См. материалы расследования убийства Столыпина в кн.: Тайна убийства Столыпина. М., 2003.

прямо в них участвовал — Столыпин. Случай с принятием закона о земстве в шести Юго-Западных губерниях был одним из таких нарушений, и нарушением демонстративным. Убежденный сторонник правового, конституционного развития России, Маклаков и не мог не выступить против этого со всем присущим ему темпераментом и «пафосом законности».

В эти годы Маклаков много пишет и выступает с публичными лекциями. Его статьи появляются на страницах «Русских ведомостей», «Московского еженедельника», «Вестника Европы», «Русской мысли». Любопытно, что он не опубликовал ни одной статьи в кадетских «официозах» — «Речи» и «Вестнике партии Народной свободы». Среди наиболее заметных публикаций Маклакова — лекции «Законность в русской жизни», «Толстой и суд», «Толстой как общественный деятель», «Ф. Н. Плевако».

Начиная еще со времен 2-й Думы он работает над думским «Наказом», регламентом, и хотя формально его принять Дума так и не успела, но фактически он был введен в действие и в значительной степени упорядочил ее работу. Авторитет Маклакова в области «внутреннего распорядка» работы Думы был так высок, что, когда в 3-й Думе оппоненты кадетов не допустили их председательства ни в одном думском комитете, избранный председателем комитета по подготовке регламента правый П. Н. Крупенский предложил избрать своим заместителем Маклакова, а затем заявил, что присутствовать на заседаниях не будет, то есть фактически передал «бразды правления» в руки Василия Алексеевича.

Маклаков много и увлеченно занимался крестьянским вопросом, справедливо считая его важнейшим в русской жизни; он добивался ликвидации крестьянского неполноправия; неоднократно выступал по этой проблеме в Думе, в различных юридических обществах, публиковал по этой проблеме статьи. Крестьянский вопрос, казалось, не давал простора для произнесения эффектных речей; в этом случае утверждение Милюкова о том, что московский златоуст выбирал для себя наиболее «казовые» темы, представляется не вполне справедливым. Однако талант Маклакова и здесь брал свое. Однажды к нему обратились с просьбой прочесть в Петербургском юридическом обществе доклад о волостном земстве и о правовом положении

крестьян. Маклаков согласился, но предупредил, что у него нет времени подготовиться и доклад «будет носить характер простой беседы». Однако председательствовавший в заседании общества М. М. Винавер после его окончания говорил, что «никогда не слышал более блестящего доклада — да еще на такую скучную тему»¹.

Первая мировая война заставила либеральную оппозицию на время забыть о противоречиях с властью. Однако патриотический подъем первых месяцев войны быстро сменился разочарованием из-за неспособности правительства довести войну до победы. Недовольство военными поражениями и неудовлетворительной организацией тыла, снабжения армии; все более укреплявшееся мнение о том, что причины этого находятся на самом вершине, где сильны прусские влияния, слухи о всевластии «старца» Г. Е. Распутина при дворе, опиравшегося на слепую веру мистически настроенной императрицы в его целительский и провидческий дар, — все это привело в 1915 году к образованию «Прогрессивного блока», объединенной оппозиции, включавшей, наряду с лево- и праволиберальными партиями, националистов и некоторые другие группировки, относившиеся к правой части российского политического спектра.

Оппозиция требовала включения в правительство лиц, пользующихся доверием общества; большего участия в управлении страной общественности. Объектом плохо завуалированной критики стал сам царь, находившийся, по мнению общественности, под влиянием императрицы и крайне неумело справлявшийся со своими обязанностями. В эти дни почти всеобщего разочарования в способности российской «исторической» власти грамотно управлять страной в «Русских ведомостях» появляется, пожалуй, самая известная статья Маклакова — «Трагическое положение»².

Эта статья — аллегория; в ней Маклаков писал о неумелом шофере, управляющем автомобилем, который мчится на бешеной скорости по крутой и узкой дороге. Что делать пассажирам, тем более что среди них есть люди, умеющие править? Выхватить руль? Но это смертельно опасно, и шофер, зная об этом,

¹ Гольденвейзер А. А. В защиту права. С. 254.

² Русские ведомости. 1915. 27 сентября. № 221.

«смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: „Не посмеете тронуть!“» Маклаков приходил к заключению:

Он прав, вы не посмеете тронуть; если бы даже страх или негодование вас так сильно охватило, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решились силой выхватить руль, — пусть оба погибнем, — вы остановитесь: речь идет не только о вас; вы везете с собой свою мать; ведь вы и ее погубите вместе с собой, сами погубите. И вы себя сдержите; вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда минует опасность, когда вы будете опять на равнине; вы оставите руль у шофера¹.

Разумеется, все узнали в неумелом шофере императора Николая II, а в матери — Россию. Маклаков утверждал, что его статья — предостережение; трогать «шофера» он считал крайне несвоевременным. Однако, по-видимому, большинство читателей вынесло совсем другое впечатление. Алданов, упомянув о том, что «сто раз цитировалась его статья о шофере», досадовал: «В кои веки В. А. построил свою статью на образе — и вышло нехорошо, хотя и не потому, что образ был сам по себе плох. Он просто был неясен, и выводы из него можно было делать разные»².

Думаю, что неясность образа объяснялась неоднозначным отношением к происходящему самого автора статьи. Доказывая, что «шоферу» нельзя мешать и, даже наоборот, надо «помогать

---

¹ Цит. по: Маклаков В. Речи. Париж, 1949. С. 199–200.

² Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова // Маклаков В. Речи. С. 19. О впечатлении, произведенном статьей Маклакова, и о спорах вокруг нее вспоминал в письме к Маклакову от 22 января 1950 года Н. В. Валентинов-Вольский. Получив маклаковские «Речи», он, «не теряя ни минуты, разрезал книгу и на „машине времени“ поехал назад, в прошлое. За какую статью взялся прежде всего? Да, конечно, за „шофера“ и из шкафа памяти полетели воспоминания. Вспомнил огромное впечатление, произведенное этой статьей, всего в 50 строк, споры в течение месяцев о том, что же делать с проклятым шофером, недовольство одних тем, что Вы его не выбросили, одобрение других... Помню собрание в юридическом обществе, где в течение нескольких часов все вертелось только около Ваших образов: автомобиля и шофера...» // Hoover Institution Archives. Stanford University, Stanford, California, USA. Vasily Maklakov Collection. Box 16. Folder 25 (далее — НИА, первая цифра обозначает номер коробки, вторая — папки).

советом, указанием, действием», Маклаков завершал статью словами, по сути, дезавуирующими все его предыдущие увещевания и призывы к разумности и сдержанности:

Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шофер не управится; что будете вы переживать, если ваша мать, при виде опасности, будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинять вас за бездействие и равнодушие? И кто будет виноват, если она, потеряв веру и в вас, на всем ходу выскочит из автомобиля?¹

И Россия таки «выскочила» из «автомобиля» на полном ходу в 1917-м, расшибшись при этом очень сильно; виноватых ищут до сих пор; свою версию предложил и Маклаков; обе его книги о первых шагах российского «парламентаризма», в сущности, об этом: «Кто был виноват?» Вины он, в отличие от многих, не снимал и с себя. Если ни в коем случае нельзя было раскачивать лодку (или «автомобиль», пользуясь аллегорией Маклакова), даже если ее кормчие правила бездарно, то вину за это «наиправейший из кадетов», бесспорно, должен был разделить с лидером партии Милюковым.

1 ноября 1916 года Милюков произнес в Думе речь, получившую впоследствии название «штурмового сигнала». Каждый ее период, в котором содержались тяжкие обвинения против правительства, заканчивался риторическим вопросом: «Что это: глупость или измена?»

3 ноября атаку на правительство продолжил Маклаков:

Наше правительство сейчас парализует, обессиливает силу целой России... Старый режим и интересы России теперь разошлись и перед каждым министром стоит дилемма: пусть он выбирает, служить ли России или служить режиму, служить тому и другому так же невозможно, как служить Маммоне и Богу.

Атака оппозиции на правительство была вызвана в значительной степени слухами о его готовности заключить сепаратный

---

¹ Маклаков В. А. Речи. С. 200.

мир с Германией. Маклаков предупреждал, под рукоплескания центра, левой и справа и под крики «браво»: «Позорного мира вничью Россия не простит никому». Знал бы он тогда, какой мир подпишет Россия в марте 1918 года! «Она знает, гг., — продолжал Маклаков, — что если бы это свершилось — не Германия нас победила, а победили нас здесь, внутри, победил этот проклятый режим, представители которого сменяют друг друга на министерских местах; и тогда, гг., Россия позовет всех к ответу, и она пощады не даст никому, я повторяю — никому...»

Для настроения Думы, избранной по столыпинскому третьиюньскому закону, характерно, что эта недвусмысленная угроза, адресованная «на самый верх», была, как отмечено в стенограмме, встречена на этот раз *продолжительными* рукоплесканиями центра, левой и справа и голосами «браво». Закончил Малаков свое выступление ультиматумом: «...мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»¹.

Только нежеланием «бередить раны» своего друга можно объяснить слова Алданова, который, соглашаясь с тем, что речь Милюкова о «глупости и измене» «объективно была революционной», «не решался» утверждать, что «в таком же смысле была революционной и речь Маклакова на заседании Государственной Думы 3 ноября 1916 года». Для того чтобы убедиться в ее революционности, достаточно эту речь перечитать. Можно согласиться с Алдановым в другом — «трудно с совершенной точностью сказать, к чему именно „объективно“ призывал в ту пору В. А. Маклаков»².

Свержения династии он, очевидно, не хотел; похоже, его бы удовлетворило удаление «темных сил» от трона и создание правительства из опытных и не запятнавших себя бюрократов во главе с популярным премьером, которое объявит, что будет опираться на Думу, а также провозгласит «суровую программу сокращений, лишений, жертв — но только все для войны». Такую программу преодоления кризиса Маклаков обсуждал буквально накануне Февральской революции с министрами

¹ Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты, сессия V, заседание 2. 3.XI.1916. СПб., 1916. Стб. 130, 131, 133, 135.

² Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова. С. 18, 19.

Н. Н. Покровским и А. А. Риттихом; но даже эти скромные пожелания не встретили поддержки в Совете министров. В качестве премьера Маклаков предлагал генерала М. В. Алексева, что должно было символизировать характер нового правительства — правительства войны¹.

В удалении «темных сил», а конкретно — Распутина, Маклакову пришлось сыграть некоторую роль; эта история характеризует, с одной стороны, какое впечатление произвела его речь на некоторых читателей, а с другой — в каком состоянии находился в это время «законник» Маклаков, если фактически стал соучастником убийства. В начале ноября 1916 года к нему явился князь Феликс Юсупов, почему-то посчитавший выступление Маклакова 3 ноября антираспутинским, и попросил помочь подыскать людей, которые убьют друга царской семьи. Это характеризовало как политическую наивность князя, для которого либералы и революционеры-террористы были одним миром мазаны, так и полную непрактичность в такого рода делах. Маклаков выпроводил Юсупова, объяснив, что у него не «контора наемных убийц».

Однако позднее, когда дело пошло всерьез и к заговору подключились великий князь Дмитрий Павлович, депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич и некоторые другие лица, Маклаков стал, по существу, юрисконсультom заговорщиков и даже дал Юсупову возможное орудие убийства. В своих воспоминаниях об этом деле Маклаков писал: «Если бы дошло до суда, я подлежал бы уголовной ответственности, как пособник». С адвокатской скрупулезностью он пояснял, что дал Юсупову не каучуковую палку, о которой рассказывал князь, а «кистень с двумя свинцовыми шарами на коротенькой гнущейся ручке»².

¹ НИА. Vasily Maklakov Collection. 16–8. Рецензия на книгу Bernard Pares, машинопись с авторской правкой, с. 13–17. Этот фрагмент не вошел в опубликованную рецензию Маклакова на книгу Пэрса в журнале и впоследствии в переработанном виде был напечатан под названием «Канун революции» в «Новом журнале» (1946. Кн. 14).

² Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 271–272; в личном фонде Маклакова в архиве Гуверовского института хранятся его показания об убийстве Распутина, которые Маклаков дал следователю Н. А. Соколову, занимавшемуся делом об убийстве царской семьи. Соколов

Однако убийство Распутина скорее ускорило, нежели отсрочило революцию; планы дворцового переворота остались на уровне разговоров. Революция произошла неожиданно для оппозиции и уж совсем нежданной оказалась для властей. Идеи либерализма и демократии, казалось, получили шанс на воплощение в жизнь; ничто теперь не должно было препятствовать успешному завершению войны. Иллюзии рассеялись довольно быстро; падение самодержавия оказалось первым шагом к катастрофе, к торжеству того самого Ахеронта, пришествия которого одинаково не желали ни Милюков, ни Маклаков. Оба настаивали в марте на сохранении монархии; Милюков упорно уговаривал Михаила не отказываться от престола; Маклаков считал, что единственным шансом укротить Ахеронт было восстановление исторической преемственности власти, и еще летом 1917 года говорил генералу Алексееву о необходимости вернуться к началу марта и водрузить-таки корону на голову Михаила; Маклаков надеялся, что уважение и привычка к традиционной форме власти могут взять свое. История не физика, и проверить эти предположения на практике нельзя; думаю все же, что восстановление легитимности власти в обстановке 1917 года вряд ли бы повлияло сколь-нибудь существенным образом на развитие событий.

Маклаков был одним из немногих лидеров оппозиционных партий, понимавшим, что в случае революции события пойдут совсем не по тому сценарию, на который рассчитывают политики. Поэтому он встретил Февральскую революцию без восторга. Ему как бы причитался пост министра юстиции; он фигурировал и в министерском списке, составленном 13 августа 1915 года при образовании «Прогрессивного блока», на случай его прихода к власти, и в списке, составленном 6 апреля 1916 года для кадетского съезда; министром юстиции во Временном правительстве в итоге стал А. Ф. Керенский¹.

хотел изучить все обстоятельства, предшествовавшие убийству в Екатеринбурге; в основу цитированного очерка Маклакова легли его показания. См. также предисловие Маклакова к «дневнику» Пуришкевича в виде письма к его издателю Я. Е. Поволоцкому: Из Дневника В. М. Пуришкевича: Убийство Распутина. Париж, 1923. С. 3–11.

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 234.

Маклаков говорил, что портфеля ему никто не предлагал; Алданов предположил, и, возможно, не без оснований, что бесспорный кандидат на этот пост его особенно не добивался; надо было проявить некоторую настойчивость, а Маклаков не стал этого делать. Во всяком случае, выглядело довольно странным, что Маклаков, назначенный комиссаром в Министерство юстиции 28 февраля 1917 года, не сменил эту должность на министерский пост. Затем он был избран председателем Юридического совещания при Временном правительстве, но отказался в пользу Ф. Ф. Кокوشкина, которому ранее был «обещан» этот пост. Возможно, кроме пассивности самого Маклакова, в том, что он не сделал министерскую карьеру, сказались интриги председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова. Маклаков в частной переписке отзывался о нем и о его стремлении продвигать «своих» людей с нескрываемым сарказмом и плохо скрытой обидой¹.

Если определить одним словом господствующее настроение Маклакова в 1917 году, то этим словом, несомненно, будет «скептицизм». Симптоматично, что в период между Февралем и Октябрем он произнес, кажется, только одну публичную речь. Это было выступление на Московском государственном совещании в августе. Маклаков обратился к участникам совещания с призывом к единению: «Ведь если возможно, что без соглашения тех сторон, на которые разбилась Россия, каким-то чудом какая-то сила спасет нашу родину, то без этого соглашения свободы уже не спасти...»²

Это был глас вопиющего в пустыне. Маклаков не верил ни в возможность соглашения, ни в возможность установления твердой власти, которая ассоциировалась с военной диктатурой и конкретно с личностью генерала Л. Г. Корнилова. Он говорил одному из руководителей Офицерского союза Л. Н. Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем... Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...»³ Говоря

¹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 10 декабря 1921. См.: Будницкий О. Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портреты // Родина. 1996. № 10. С. 56–57.

² Цит. по: Мельгунов С. О В. А. Маклакове // Возрождение. Париж, 1951. Тетрадь 15. С. 154.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 31.

«мы», Маклаков имел в виду «общественных деятелей», устроивших Корнилову на Московском совещании восторженный прием.

Еще меньше надежд, при его ироничном отношении к «четырёххвостке», вызывало у Маклакова Учредительное собрание. «Для народа, — говорил он в декабре 1917 года, — большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом»¹. М. В. Вишняк, будущий секретарь Учредительного собрания, писал о позиции Маклакова, с которым они в течение двух месяцев встречались почти ежедневно в Мариинском дворце в Особом совещании по выработке избирательного закона в Учредительное собрание: «В Совещании были и гораздо более умеренные участники, чем Маклаков, но их голосов не было слышно. От правого крыла, неизменно отстаивавшего ограничения в избирательных правах, главным и, как всегда, блестящим оратором был Маклаков. Он не скрывал своей неприязни к „четырёххвостке“...»²

Сам Маклаков, уже будучи во Франции, по кадетскому списку был избран 24 ноября 1917 года в это некогда вождевленное для русских либералов Собрание. Однако 28 ноября кадеты были объявлены большевиками «врагами народа», а некоторые товарищи Маклакова по партии арестованы. Просуществовало Учредительное собрание в России, как известно, менее суток; 5 января 1918 года стало первым и последним днем его работы.

«В дни революции, в дни почти всеобщего общественного психоза, нарушения законности и права твердые голоса, отстаивающие настоящую свободу, приобретают исключительное значение», — писал о Маклакове С. П. Мельгунов³. В 1917 году в России прислушивались к голосам других людей.

Неудивительно, что Маклаков охотно принял назначение послом в Париж.

Маклаков так излагал предысторию своего назначения: «В самом начале революции в шутку я сказал Милюкову (тогда занимавшему пост министра иностранных дел. — О. Б.), что не желаю

¹ Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 79.

² *Вишняк М. В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 194.

³ *Мельгунов С. О.* В. А. Маклакове. С. 157.

никаких должностей в России, но охотно бы принял должность консьержа по посольству в Париже. По-видимому, он шутку принял всерьез и стал что-то говорить о посольстве, но я замахал руками и разговор не продолжал. Позднее я узнал, что он сделал запрос обо мне без моего ведома; тогда же французское правительство выразило согласие»¹.

Возможно, Милюков хотел сплавить подалее не всегда удобного оппонента; с другой стороны, лучшую кандидатуру для этой должности трудно было подыскать. Маклаков прекрасно знал Францию и французских политиков; его французский язык был совершенен; интересно, что в юбилейном сборнике некоторые его речи перепечатаны на том языке, на котором были произнесены, — на французском; он «соперничал» на равных с такими блестящими французскими ораторами, как Р. Вивiani и А. Тома.

Маклаков пользовался высоким авторитетом во французских политических и дипломатических кругах: чтобы убедиться в этом, достаточно почитать мемуары посла Франции в России Мориса Палеолога². Так что в согласии французского правительства принять его в качестве посла можно было не сомневаться.

11 октября 1917 года Маклаков выехал к месту назначения; в Париж он прибыл 26 октября (8 ноября по новому стилю) и в тот же день отправился в Министерство иностранных дел вручать верительные грамоты. Министром был тогда Луи Барту; он сообщил Маклакову о случившемся накануне перевороте и о том, что министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко, подписавший грамоты посла, в тюрьме. «Но на это ни он, ни я серьезно не посмотрели; думали, что все это скоро кончится»³.

Это кончилось 74 года спустя; как оказалось, в октябре 1917 года Маклаков покинул Россию (если не считать коротких поездок в 1919 и 1920 годах) навсегда. 1917 год разделил его жизнь надвое: оставшиеся 40 лет Маклаков провел в Париже, сначала в качестве посла несуществующего правительства, затем — эмигранта.

¹ НИА. V. Maklakov Collection. 1–2; Маклаков В. А. Автобиография. Назначение во Францию.

² См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (ук.).

³ Маклаков В. А. Автобиография. Назначение во Францию.

* * *

Жизнь Маклакова в эмиграции, за исключением, конечно, времени Гражданской и Второй мировой войн, не богата внешними событиями. Но в интеллектуальном отношении эмигрантский период, возможно, был наиболее плодотворным в его «литературной» биографии.

Сначала — «пунктиром» — о его деятельности в эмигрантский период, о внешней, всем заметной стороне его жизни. В период Гражданской войны он сделал очень много для дипломатического и финансового обеспечения Белого движения. Маклаков вошел в состав Русского политического совещания в Париже, взявшего на себя представительство антибольшевистских сил за рубежом. В это достаточно пестрое и не всегда дееспособное образование входили, наряду с ним, бывший царский министр С. Д. Сазонов, террорист Б. В. Савинков, бывший глава Временного правительства кн. Г. Е. Львов, старый народник Н. В. Чайковский и некоторые другие¹.

Дважды — в 1919 и 1920 годах — Маклаков ездил «окунуться в Россию», сначала на Дон, к А. И. Деникину, затем в Крым, к П. Н. Врангелю. Поездка в «Русскую Вандею» его разочаровала; вскоре худшие опасения Маклакова сбылись, и деникинские войска потерпели жестокое поражение. Врангель был последней надеждой Маклакова на свержение большевиков вооруженным путем; посол добился почти невозможного — признания Францией де-факто врангелевского правительства, контролировавшего лишь одну губернию прежней России; на какое-то время скептик Маклаков поверил в возможность чуда, но чуда не произошло, и новые тысячи беженцев из Крыма пополнили списки русских эмигрантов².

После поражения белых Маклаков утратил веру в возможность свержения большевиков извне, силой; надежды он возлагал на то, что «быт» возьмет свое и большевизм будет

¹ Деятельности Маклакова на посту посла посвящена диссертация: *Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris. 1918–1925.* Stanford University, 1925. См. также: Будницкий О. В. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично...» Т. 1. С. 16–114.

² См. мою публикацию писем Маклакова российскому послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву после этих поездок: «Окунуться в Россию»: Переписка В. А. Маклакова с Б. А. Бахметевым // Отечественная история. 1996. № 2. С. 141–165.

постепенно изжит Россией. Такие надежды вселял нэп; после его ликвидации и осуществления насильственной коллективизации Маклаков окончательно разуверился в том, что ему когда-нибудь доведется увидеть родину.

В 1924 году, после признания Францией СССР, Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренель. Тогда же он стал главой Офиса по делам русских беженцев при Министерстве иностранных дел Франции и был избран председателем Эмигрантского комитета. На кандидатуре Маклакова сошлись и левые и правые круги эмиграции; кроме его редкой для российского политика терпимости и репутации первоклассного юриста, сыграл роль авторитет, которым Маклаков пользовался у французских властей. До конца жизни, с перерывом на период нацистской оккупации, Маклакову пришлось быть неофициальным главой, а скорее ходатаем по делам русской эмиграции во Франции.

Г. В. Адамович приводит забавное замечание Милюкова, когда тот на вечере, посвященном чествованию И. А. Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии, заметил Маклакова, подсевшего к находившемуся в первом ряду митрополиту Евлогию: «Все как бывало в старину у нас в провинции: на почетных местах — губернатор и архиерей!»¹ «Парижский губернатор» до конца дней ходил в «присутствие», хлопотал по делам изгнанников; объяснялось это, конечно, не только привязанностью к некоему «посту» и жалованью, позволявшему не думать о куске хлеба; всегда конкретно мыслящий, когда дело шло о живых людях, Маклаков понимал, что его имя само по себе действует на французские власти и найти ему замену практически невозможно.

В годы войны Маклаков без колебаний занял патриотическую позицию; германские оккупанты назначили на его место своего ставленника; два с половиной месяца Маклаков просидел в тюрьме.

После освобождения Франции от нацистских оккупантов произошел эпизод, взбудораживший всю эмиграцию: Маклаков во главе группы своих единомышленников нанес визит

---

¹ Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. С. 220.

в советское посольство; целью визита было, кроме поздравлений по случаю побед советских войск, наладить контакты для возможного «сближения с Советской Россией». В печати и частных письмах друзья и недруги по-разному оценивали это «падение» Маклакова и его последствия.

М. В. Вишняк писал 10 августа 1945 года Б. И. Николаевскому, что «ДО визита Маклакова... русская эмиграция, плохо ли хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие кучки — „тройки“ и „десятки“, — которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают»¹. Симптоматично, что столь резкие мысли высказывали в основном эмигранты, находившиеся в годы войны в США, что, конечно, ни в какой степени не может служить им укором, и не пережившие нацистской оккупации.

История «визита», как и вообще взаимоотношений эмиграции и советской власти в послевоенный период, заслуживает серьезного изучения. Понять происшедшее можно только на основании анализа архивных материалов. Не имея возможности подробно рассматривать этот сюжет в рамках настоящей статьи, отмечу, что дело было не только в непосредственной реакции людей, всей душой ненавидевших нацизм и гордых тем, что их страна, кто бы в ней ни правил, сыграла столь большую роль в разгроме гитлеровской Германии².

Маклаков в личной переписке еще с начала 1920-х годов неоднократно высказывал мысль, что он не хотел бы свержения большевизма революционным путем; менее всего ему была свойственна «готтентотская» мораль, и его неприятие революции распространялось и на неприятие революции антибольшевистской. Ведь так или иначе она должна была привести к новым страданиям людей, новому удару по России. Он делал ставку на разложение, на эволюцию большевизма. Казалось, что война

¹ М. В. Вишняк — Б. И. Николаевскому. 10 августа 1945 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 506–35.

² См.: подробнее: Будницкий О. В. Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179–240; Он же. 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243–311.

послужит началом осознания коммунистической властью ее национальных задач; казалось, что режим изменится; казалось, что победоносная армия будет той силой, которая обуздает кремлевских властителей.

Подобные надежды были свойственны не только эмигрантам; гораздо более знающие советские люди тоже ведь рассчитывали на либерализацию режима после войны. Как известно, Сталин поспешил опустить железный занавес между подвластными ему народами и свободным миром и ужесточить репрессии; но в феврале 1945-го направление дальнейшей эволюции режима было еще неясно. И участники «группы Маклакова» надеялись, что их визит, возможно, станет шагом к национальному примирению.

Очень быстро Маклаков понял, что ошибся. Уже в мае 1945 года он опубликовал статью «Советская власть и эмиграция»¹, в которой выставил свое традиционное и основополагающее требование: соблюдение прав человека, защиту личности, без которой невозможно никакое сближение с правящим в СССР режимом. Разумеется, после этой статьи в посольстве к нему охладели; политические и личные друзья Маклакова посчитали инцидент исчерпанным, хотя переписка между ними по этому поводу могла бы составить целую книгу.

Насколько Маклакову была чужда «готтентотская» мораль, свидетельствует обмен письмами между ним и Марком Алдановым по поводу судебных процессов над нацистами и их пособниками. Маклаков считал, что победители не должны судить побежденных; объективности здесь быть не может. Нельзя их также судить по специально созданным для этого случая законам. Менее всего Маклакова можно было заподозрить в сочувствии к нацистам; но его «правовое чувство» протестовало против происходящего. Алданов ответил в том смысле, что его друг, конечно, прав, но главарей нацистов все равно следует повесить².

Кажется почти невероятным, что Маклаков до глубокой старости сохранял не только ясный ум, но и блестящую память и даже ораторский дар. И это при том, что он почти ничего

¹ Русские новости. Париж. 1945. 25 мая. № 2.

² «Права человека и империи». С. 215–259.

не слышал; тогдашние слуховые аппараты мало чем помогали. Валентинов-Вольский рассуждал в письме Николаевскому после одного из эмигрантских собраний, на котором выступал А. Ф. Керенский, об угасании со временем ораторских способностей. Кроме Керенского, он приводил в подтверждение своих слов примеры Л. Д. Троцкого и Г. В. Плеханова. «Кажется, только один Маклаков сохранил даже в 80 лет ораторский талант»¹. Последняя книга Маклакова, «Из воспоминаний», вышла в 1954-м, в год его 85-летия.

Но время брало свое. Подкосила Маклакова смерть сестры, Марии Алексеевны; она заботилась о брате, закоренелом холостяке, почти всю эмигрантскую жизнь, будучи и домоправительницей, и секретаршей. Умер Маклаков 15 июля 1957 года в Швейцарии, в Бадене, куда он поехал лечиться ваннами. При его кончине присутствовал племянник, Юрий Николаевич Маклаков, срочно вызванный к умирающему.

По свидетельству Георгия Адамовича, «смерть Маклакова сильнее взволновала всех знавших его, и даже больше, вызвала [чувство] какой-то безотчетной растерянности, чем на первый взгляд было бы естественно. Василий Алексеевич был очень стар, смерть его ни в коем случае не могла быть причислена к неожиданностям. Но, по-видимому, он был нужен людям, и его присутствие ощущалось как гарантия некоей преемственности, как залог того, что прежняя Россия, — лучшее, что было в прежней России, — продолжается. С его смертью что-то оборвалось...»²

* * *

Идеей фикс Маклакова в годы эмиграции было уяснить — для себя и для истории, как и почему с Россией случилось то, что случилось? Где и когда свернула она на путь, ведущий к катастрофе? И, разумеется, кто виноват в том, что произошло?

Об этом, по сути, большинство его публикаций эмигрантского периода; первый серьезный подход к теме он предпринял 10 лет спустя после революции, в предисловии на французском

¹ Н. В. Вольский — Б. И. Николаевскому. 28 октября 1949 // НИА. Там же. 507–16.

² Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. С. 238.

языке к публикации извлечений из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений деятелей прежнего режима. Уже эта публикация вызвала бурную и противоречивую реакцию на страницах эмигрантской печати.

Вскоре один из редакторов «Современных записок» И. И. Бунаков-Фондаминский «соблазнил» Маклакова «изложить свое понимание нашего (к.-д.) партийного прошлого». С 1929 года журнал начал публиковать воспоминания Маклакова под названием «Из прошлого». Публикация растянулась на несколько лет и завершилась в 1936 году. Собственно, это были не совсем воспоминания. Недалек от истины был постоянный критик Маклакова Марк Вишняк, характеризовавший его текст как «„феноменологию“ правого крыла кадетской партии — историософию предреволюционных событий с точки зрения правого кадета»¹.

Из этой публикации выросли три книги Маклакова — «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936. Т. 1–3), «Первая Государственная дума» (Париж, 1939) и «Вторая Государственная дума» (Париж, б. г., очевидно, 1946 или 1947). Полагаю, что эти книги являются наиболее полным и скрупулезным изложением истории двух первых Государственных дум; разумеется, их история изложена под определенным углом зрения.

Остановлюсь только на некоторых принципиальных моментах и на отношении к взглядам Маклакова на русское прошлое его современников и нередко — «персонажей» его книг и статей. О главном уже упоминалось; ответственность за происшедшую катастрофу Маклаков возлагал на левых либералов, то есть на собственную партию; особенно досталось лидеру партии Милюкову и некоторым другим «доктринерам»; им вменялось в вину стремление использовать в своих целях революционное движение; не снимал он ответственности и с себя. В его изображении, в особенности в книге о 2-й Думе, П. А. Столыпин нередко выглядел большим конституционалистом и либералом, нежели товарищи Маклакова по партии.

---

¹ Вишняк М. В. Современные записки. С. 193–196.

Суть обвинений Маклакова в отношении политики кадетов в 1905–1907 годах М. М. Карпович в своей известной статье свел к шести основным пунктам:

1. Максимализм программных требований партии, в особенности созыв Учредительного собрания, что не могло быть осуществлено без полной капитуляции царского правительства.

2. Бескомпромиссное отношение партии к Витте и Столыпину, которые — по Маклакову — могли и должны были быть использованы как союзники, а не отброшены как враги.

3. Безоговорочное отрицание лидерами партии самой идеи участия кадетов в правительствах Витте и Столыпина.

4. Тенденция партии использовать Государственную думу не для конструктивной законодательной работы, а как трибуну противоправительственной агитации.

5. Догматические требования немедленного пересмотра Основных законов, имея в виду всеобщее избирательное право, ограничение компетенции Государственного совета и ответственность министров.

6. Наконец, опубликование Выборгского воззвания было мерой явно революционного характера, так как и роспуск Государственной думы, и назначение новых выборов не противоречили конституции¹.

Статьи и книги Маклакова, в которых тотальной критике подвергся радикализм тактики русских либералов, встретили столь же тотальную критику со стороны Милюкова, откликнувшегося на маклаковские публикации на страницах «Последних новостей» и тех же «Современных записок». Милюков, в свою очередь, обвинил Маклакова в доктринерстве; его схема представлялась лидеру кадетов умозрительной и не учитывающей конкретно-исторических обстоятельств. Политика — это искусство возможного; договориться с конкретными царскими министрами не смогли не только кадеты, но и гораздо более умеренные граф П. А. Гейден и Д. Н. Шипов; войти *тогда* в правительство означало политическую смерть. Подробно были разобраны и отвергнуты и другие обвинения Маклакова.

¹ Карпович М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Новый журнал. 1960. Кн. 60. С. 273.

Большинство читателей — и последующих историков, — по видимому, склонялись на сторону Милюкова; к милюковской критике, с еще более левых позиций, присоединился один из редакторов «Современных записок» М. В. Вишняк. Любопытно, что оба они обвиняли Маклакова в чрезмерно правовом подходе к политике. Милюков считал своего оппонента «адвокатом» и в политике; адвокату свойственно видеть правду и другой стороны; политику это противопоказано — он должен быть убежден или, по крайней мере, должен убеждать других — только в своей правоте. Вишняк подчеркивал, что для Маклакова «оказалось абсолютном не право вообще, а очень ограниченная и узкая его ветвь — писанный закон царского времени»¹.

С критиками Маклакова можно во многом согласиться, хотя «правота» той или иной стороны зависела в конечном счете от точки зрения на революцию. Для Маклакова она — абсолютное зло; Милюков, конечно, относился к революции отрицательно, но допускал, что ее можно использовать; Вишняк же был хотя и правым, но социалистом-революционером. То же самое относится к праву; изменять правовые нормы необходимо правовым путем, утверждал Маклаков; на этом зиждилось его неприятие Февраля, разорвавшего правовую преемственность с прежней государственностью. Для него, юриста, казалось очевидным, что даже провинциальные судьи, создававшие своими решениями те или иные прецеденты, постепенно изменяли правосознание общества, изменяли правовое поле в рамках существующей государственности.

Сильная сторона его размышлений, столь необычных для деятеля оппозиции, — как раз понять правду противоположной стороны. Нельзя сказать, что он не замечал ошибок, недобросовестности и прямых преступлений «исторической» власти. Это отчетливо видно в той же «Второй думе»; в том, что случилось с Россией, виноваты были все; но отвечать каждому надо было за свою собственную вину. Кадеты, по мнению Маклакова, своей вины не понимали. А вина их в конечном счете сводилась к тому, что они пытались осуществить правильные идеалы неправильными методами — и взяли к тому же неверный темп,

---

¹ Вишняк М. В. *Современные записки*. С. 196.

не сумев понять реальной готовности — точнее, неготовности народа к либеральным преобразованиям. Правда бюрократов, консерваторов и т. д. заключалась в том, что они лучше знали страну и механизмы управления. Либералы раскачали лодку, будучи уверенными, что справятся с течением, — и не сумели удержать руль; выброшенными за борт оказались все.

Опубликованные тексты Маклакова — лишь верхушка «айсберга»; в его личном собрании в Гуверовском институте из 26 коробок документов 14 составляет переписка; в письмах он был гораздо откровеннее и раскованнее, иногда — справедливее. В письме к М. М. Винаверу, характеризуя взаимоотношения власти и 1-й Думы, воспетой его корреспондентом и столь жестоко раскритикованной впоследствии им самим, Маклаков писал: «Неразумная линия прогрессивного общества находила свое и объяснение, и оправдание в неискренней политике власти. Обе стороны были неправы. Правительство неправо, когда во всем винит доктринерство и неуступчивость кадетов; это неправда, но будут неправы и кадеты, если они всю вину переложат на власть. Виноват на самом деле тот ров, который к этому времени уже был между властью и страной, то недоверие друг к другу, отсутствие общего языка, которое мешало совместным действиям»¹.

Примечательно, что Маклаков критиковал либералов, но почти не затрагивал революционеров, упоминая о них лишь мимоходом, как о «фоне», на котором происходили события. Думаю, что постоянный зоил Маклакова эсер Вишняк правильно уловил причину этого, когда в уже цитированном письме меньшевику Николаевскому писал, что Маклаков «НИКОГДА не был внутренне и политически нам близок. Когда он в течение десятилетий сражался с Милюковым и в левых кадетях видел главную беду России, — нас он расценивал, как такую накипь и зло, которые „ниже ватерлинии“, о которых и говорить не стоит — или безумцы или преступники». Именно потому, что он так расценивал «революционную демократию», Маклаков,

¹ В. А. Маклаков — М. М. Винаверу. 5 февраля 1924 // НИА. V. Maklakov Collection. 15–2. Частично процитировано в статье Г. З. Иоффе и С. В. Кулешова «В. А. Маклаков: вместо подчинения одних другим надо искать равновесие» (Кентавр. 1993. № 6. С. 67).

по мнению Вишняка, столь отрицательно отнесся к режиму Временного правительства, который все-таки был единственным периодом «ВО ВСЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ, когда было некое подобие того, что в ИДЕЕ защищает „подлинный“ либерал Маклаков»¹.

Вишняк был безусловно прав — Маклаков совершенно не верил в возможность реализации либеральной идеи в России 1917 года, ибо Временное правительство пыталось «внедрять» демократию, будто не замечая, что имеет дело не со свободными людьми, сделавшими свободный выбор, а с «взбунтовавшимися рабами». Именно Маклаков подсказал А. Ф. Керенскому высказывание И. С. Аксакова о «взбунтовавшихся рабах» для одной из его громовых речей 1917 года. «Рабы» были не виноваты в своей темноте; виноваты были те, кто эту темноту не замечал; что же было говорить о других, эту темноту сознательно стремившихся использовать? Особенностью Маклакова как политика было то, что он, если идея вступала в противоречие с жизнью, предпочитал соотносить свои действия с реальностью.

В переписке с коллегой по адвокатскому цеху Оскаром Грузенбергом корреспонденты обсуждали историю недавнего прошлого и нередко обменивались довольно резкими репликами. Маклакова особенно раздражали декларации Грузенберга о том, что он «приемлет» русскую историю: «Если Вы большевизма не приемлете, то как же Вы можете говорить, что приемлете всю нашу историю, весь наш народ. Ведь большевизм из истории народа не вычеркнешь». Рассуждая о психологии русского народа, который он сравнивал с готтентотами, Маклаков писал: «Хорошо, когда граблю я, плохо, когда грабят меня. И это готтентотство выявилось в успехе большевизма в России. Я это тоже „приемлю“; но в этом я вижу не признаки величия, а результат его дикого воспитания»².

Русский Маклаков гораздо строже судил русский народ, чем еврей Грузенберг. В ответ на ностальгически-патриотические ламентации Грузенберга о том, что русский народ ему

¹ М. В. Вишняк — Б. И. Николаевскому. 10 августа 1945 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 506–35.

² В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу, б/д. // НИА. 8–2. О взаимоотношениях и полемике Грузенберга и Маклакова см. подробнее наст. издание, с. 344–354.

«не по хорошему мил, а по милу хорош», Маклаков заметил: «Отлично понимаю, что по милу хорош; но если милому можно все прощать, то было бы большой ошибкой считать хорошим то, что гнусно и отвратительно; и это я отношу не только к большевистской головке, но к известным проявлениям всего народа»¹.

«По дружбе» Маклаков сообщил Грузенбергу «в двух словах» суть того, к чему сводятся его воззрения на недавнее прошлое России, и главное — на революцию: «Я считаю революцию не только несчастьем для России, ибо она не могла пройти иначе как прошла, но всегда абсолютным несчастьем для всех стран; ибо всегда она либо не нужна и можно было бы обойтись без нее при большом терпении и искусстве, или она вызывает таких духов, вред от которых во много раз больше того зла, с которым революция хотела бороться»².

Особое раздражение Маклакова вызывали его товарищи по партии, в особенности их непонимание, как он считал, последствий революции: «Когда-то я в шутку предсказывал, что революция есть конец кадетам: первую их половину расстреляют как реакционеров, а вторую повесят как революционеров. Я был гораздо ближе к правде, чем даже сам думал; правда, у кадет остался еще третий исход: кончить жизнь здесь, жалуясь, что их не оценили»³.

* * *

В заключение — еще об одной проблеме, связанной с Маклаковым: почему он, столь хорошо все понимавший, остался *enfant terrible* партии кадетов, не попытавшись партию, или хотя бы ее часть, возглавить и повести правильным, в его понимании, путем? Этот вопрос немедленно поставил ему «веховец» А. С. Изгоев, даже не прочитав, а только уловив по одной фразе смысл «историософии» Маклакова, впервые столь отчетливо сформулированный им в предисловии к выдержкам из протоколов ЧСК. Изгоев соглашался с Маклаковым, что тактика кадетов

¹ В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу. 15 февраля 1933 // НИА. 8–3.

² В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу. 13 апреля 1929 // НИА. 8–2.

³ В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу. 16 января 1928 // НИА. 8–1.

в 1905–1907 годах была несостоятельна: «Надо было делать одно из двух: либо готовить себе реальную силу в народе для захвата власти, либо договариваться с правительством. Позиция же чистой критики, лишенной реальной силы, была опасна не только для партии, но и для страны».

Нужна была перегруппировка сил, нужен был вождь, ясно понимающий обстановку и способный повести за собой; возможно, нужен был партийный раскол. «Такой вождь выдвигался естественно, — писал Изгоев. — Это были Вы, Василий Алексеевич. Ваш прекрасный ораторский талант, разносторонняя образованность, Ваш сильный и трезвый ум и подлинный патриотизм, облагороженный культурой, стоявшей на высшем уровне, общечеловеческой, властно выдвигали Вас на это место».

Причину того, что Маклаков не предпринял борьбы за лидерство, не создал собственной партии, Изгоев видел не в сибаритстве и любви к покою, чем объясняли многие пассивность Маклакова, а в рассудочности, преобладавшей над волей. Маклаков, по мнению Изгоева, ясно видел безнадежность борьбы, и причина была не в безнадежности «умеренных либералов», а в придворных кругах и высших сановниках. «Там были безнадежно слепые и обреченные». С другой стороны, русская интеллигенция, столь любившая политическую свободу, не понимала, что она «немыслима без огражденной законом собственности». Не только интеллигенты, но даже некоторые русские промышленники не понимали опасности социализма, считая, что с социалистами можно будет «договориться». Поэтому «умеренные либералы» висели в воздухе, и вот почему Маклаков не решился на безнадежную борьбу¹.

Нежелание Маклакова брать на себя ответственность отмечали и многие другие современники — и дружески, и враждебно к нему настроенные. Объясняли это по-разному. Один раз Маклаков объяснил это сам; было ему уже за восемьдесят, и кривить душой вроде бы и ни к чему. В рецензии Мельгунова на маклаковские «Речи» говорилось, между прочим, что натуре Маклакова «совершенно чужда была смелость дерзания — это

¹ Изгоев А. С. О виноватых // Россия. Париж. 1928. 24 марта.

отнюдь не обозначает отрицание смелости и мужественности отдельных выступлений. Такими люди бывают от рождения. Они никогда не могут сродниться с революционной стихией...»¹.

Маклаков ответил на рецензию личным письмом, в котором писал Мельгунову: «Интересны Ваши обо мне замечания. И по поводу их хочу Вам дать одно конфиденциальное пояснение».

Позволю себе привести это пояснение почти целиком, ибо оно многое позволяет понять в «проблеме Маклакова»:

Вы написали, что мне была совершенно чужда смелость дерзания, и что я никогда не смог сродниться с революционной стихией; о последнем говорил и Алданов, оба вы правы. Но это не первичное, а производное свойство, и мне хочется самому себе разобраться, откуда оно во мне вытекало, хотя, конечно, себе никто не судья.

Насколько я себя помню, мне была всегда свойственна терпимость к чужим «мнениям». Я за них никогда никого не осуждал, если они «убеждения», а не притворство или угодливость. На этой почве создалась моя близость к масонству. Из той же терпимости вытекала ненависть к претензиям всякого рода насилем навязывать другим свое мнение. В прежнее время преследовали «нерелигиозных» людей, а при большевиках «верующих». Ту же терпимость я испытывал в области политических разногласий. Никакие взгляды меня не отталкивали, но только претензии их предписывать другим, и поэтому когда дело шло не о взглядах, а об устройстве государства, т. е. чего-то для всех обязательного, я свое личное мнение сообразовал с мнениями и желаниями других. [...]

Я вывожу все это из моей органической терпимости к мнениям и вкусам, с которыми я несогласен. Это выражалось и в другом моем свойстве, в склонности видеть ошибки своих, и отдавать справедливость «противникам». Это не раз во мне отмечали; многие находили, что это адвокатская «тактика». Я действительно пришел к заключению, что этот прием только полезен для успеха, но во мне это было вовсе не тактикой. Противны мне были не взгляды, а только ложь и насилие. И потому я был всегда на стороне слабейших и побежденных. Победители от насилия не воздерживаются и делают то, в чем раньше

¹ Мельгунов С. О В. А. Маклакове // Возрождение. 1951. Тетрадь 15. С. 155.

других упрекали. Покойный Ф. П. Шереметевский говаривал, что характер всякого человека определяется тем, на чьей стороне он был, когда ребенком читал «Илиаду»; если это так, то я был всегда за Троянцев, а не за Греков. В студенческие годы, изучая Фран[цузскую] революцию, был последовательно на стороне всех побежденных, сначала короля, потом жирондистов, и наконец Робеспьера. У меня есть несколько книг, подаренных мне А. Н. Мандельштамом, на которых он сделал характерную надпись: постоянному защитнику всяких меньшинств. Здесь корень моей нелюбви к революциям и к смелости «дерзаний». Вы и Алданов правильно их отметили, но не объяснили. Я к себе мог бы применить слова А. К. Толстого:

«Двух станов не борец, а только гость случайный».

«Борцам» полагается думать, или по крайней мере утверждать, что все зверства у врагов, а у своих один героизм. Это не мой стиль, Милюков не даром писал про меня, что я совсем «не политик». Он прав. Никогда не хотел быть главой партии, был «диким» в известных пределах, а во время «Революции» шутя говорил, что хотел бы быть только «сенатом». Вот Вам конфиденция для моего «некролога». Но только никак не раньше¹.

Была еще одна сторона натуры Маклакова, которая делала его столь привлекательным для одних, вызывала обвинения в «сибаритстве» со стороны других и, в общем, небеспочвенные подозрения в том, является ли он «настоящим» политиком.

Георгий Адамович, извинившись за банальность, назвал это качество человечностью. Человек для Маклакова был важнее государства, жизнь — важнее политики. Он отчетливо сформулировал это в блистательной лекции о Пушкине:

Фигура Пушкина... сама по себе есть ответ на модное суеверие о всемогуществе государства. Сейчас это суеверие особенно расцвело... Государство все смеет и все может, — вот чему верят теперь. Государство все смеет — и против суверенной «воли народа» нет прав «Человека и Гражданина», как наивно выражались когда-то отсталые деятели времен Революции. Государство все может: достаточно его повеления, чтобы устроить по-справедливому всю жизнь страны и установить

---

¹ В. А. Маклаков — С. П. Мельгунову, б/д. // НИА. V. Maklakov Collection. 10–21.

общее счастье. Много горьких разочарований принесет человечеству эта надежда, даже в тех областях его жизни, которые более доступны воздействию государства. Много раз будет ему суждено убедиться, что законы природы, даже человеческой, сильнее законов, которые создает государство... Может ли государственная власть, при всем напряжении своего аппарата, создать Пушкина? Государство сильнее его, но в чем? Оно может его затравить, искалечить и уничтожить; оно в силах отнять его у народа; но создать его оно бессильно¹.

«Человеческое» сильнее «государственного»; для Маклакова это было не только теоретическое положение. Ему было скучно посвящать всю жизнь политике; поэтому он нередко покидал партийные собрания ради встречи с хорошенькой женщиной; завел роман с очаровательной Александрой Коллонтай, мало интересуясь ее партийной принадлежностью. Встречались они, по свидетельству Розы Винавер, в Германии, где Маклаков останавливался по пути в Париж; Василий Алексеевич уверял, будто до 1917 года не знал, что Коллонтай — большевичка. Возможно, и так: к большевикам Коллонтай примкнула в 1915 году. Впрочем, вряд ли они занимались обсуждением партийных программ во время редких свиданий².

А. В. Тыркова писала в статье памяти Маклакова, ушедшего из жизни 15 июля 1957 года:

Он любил успех, но в нем не было острого политического честолюбия, не было жажды власти. Он любил жизнь, ее разнообразные утехы, а политика полна скучной возни с будничными людьми и делами. Его насмешливый ум легко замечал человеческую малость и глупость. Он нетерпеливо ее от себя отстранял. А терпение нужно политике еще больше, чем красноречие³.

¹ Русская культура и Пушкин: Речь в день празднования «Дня русской культуры» в Париже 6 июня 1926 г. в Сорбонне // Маклаков В. А. Речи. С. 219–220.

² См.: Письма А. М. Коллонтай к В. А. Маклакову. Публ. Н. А. Каргаполовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. Т. XI. С. 499–507. Любопытно в одном из писем замечание Коллонтай, теоретика свободной любви, о ревности: «Да разве у таких, как Вы и я, бывают такие переживания? Или забыли, что и у меня полная атрофия этого несносного, а может и интересного чувства?» (Письма... С. 507).

³ Тыркова-Вильямс А. Редкостный дар // Новое русское слово. 1957. 24 июля.

Жаль, что в большинстве своих книг и статей Маклаков считал необходимым убрать личное; в них нет той внутренней свободы, которая была свойственна его переписке и устной речи. Поэтому не всегда понятно, в чем заключался тот маклаковский шарм, о котором писал даже недоброжелательный к нему Вишняк. Несомненно, одной из его «составляющих» было умение взглянуть на события и на свою в них роль с некоторой иронией: к примеру, во время банкетной кампании 1904 года, когда один из банкетов, устроенных в ресторане, был разогнан полицией, Маклаков говорил приятелю:

«Мирабо, когда слуги Людовика XVI явились, чтобы разогнать Генеральные Штаты, ответил: „Мы здесь по воле народа и уступим только силе штыков“. Но он говорил это на заседании Генеральных Штатов. Не мог же я, сидя в ресторане, сказать полиции, что „мы здесь по воле народа“!»¹

Люди, к счастью — или к несчастью, — редко задумываются о смысле жизни; еще реже об этом пишут. И совсем уж редко пишут откровенно. Среди бумаг Маклакова в Гуверовском институте мне попалось его письмо дочери Толстого, Татьяне Львовне Сухотиной-Толстой, в котором он попытался ответить на прямой вопрос о смысле своего существования.

«Вы спрашиваете, — писал Маклаков, — чем же Вы живете внутренне. Банальными романами, „слюнчавым жуирством“, подобием государственной деятельности. Этим вопросом „Вы вмешиваетесь в мою личную жизнь“, как негодовала сестра Саша, когда священник на исповеди у нее спросил, не влюблена ли она».

Тем не менее Маклаков постарался ответить, объяснив предварительно, почему, восхищаясь Толстым, так же как и Христом, он не воспринял его учения:

Да потому, что у меня совсем другая натура, не «религиозная», а настоящая мирская. Толстому был нужен «смысл» жизни, чтобы жить; смерть для него уничтожала смысл жизни, построенной на эгоизме. Меня смерть несколько не беспокоит. Я не хотел бы умереть

¹ *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 154.

«внезапно» и «неожиданно», ибо в предвкушении смерти вижу особенное содержательное наслаждение. В этом отношении я настоящий язычник, и я лучше понимаю Петрония, чем Христиан. Все учение Толстого — это дать *смысл* земной, конечной жизни; и «принять» его могут только те, кому нужен этот смысл, и которые не нашли его в «вере», в «церкви». А мне этого смысла не нужно; если его не нужно, то никакие рассуждения и логические выкладки не заставят человека в этом *смысле нуждаться*, как нельзя заставить любить музыку, поэзию или науку.

Маклаков делил всех людей на две неравные части — «праведников» и «спортсменов». «Праведники» ищут смысл жизни и добра, «спортсмены» стремятся к успеху в жизни, и это реальный стимул их деятельности. Себя Маклаков относил к «спортсменам», причем часто менявшим виды «спорта»; кстати, к видам «спорта» он относил, к примеру, «умение всегда быть справедливым» или «сознание принесенной пользы». «В оправдание» своего «спортсменства» он писал, что «свой спорт *полагал* в похвальных отраслях».

«И я мог бы раньше, — добавлял он, — могу и сейчас зарабатывать большие деньги и стать „жуиром“, по Вашему выражению. Это меня не соблазняет, ибо это было бы самой моей большой спортивной *неудачей*, моим поражением...»¹

В 1917 году Маклаков шутя говорил, что хотел бы быть назначенным «сенатом»; не сенатором — для него это не составило бы труда, а именно «сенатом»: он мог бы следить за соблюдением всех законов². Идея «законности в русской жизни», гарантом которой хотел стать Маклаков, потерпела в 1917 году поражение; один из ее главных защитников оказался свидетелем торжества силы над правом, государства над личностью у себя на родине, да и в других европейских странах.

Прошло больше 60 лет после смерти Маклакова. Его работы, продукт «мощного, ясного, трезвого и чрезвычайно точного» ума, оказываются все более востребованными на родине.

¹ В. А. Маклаков — Т. Л. Сухотиной-Толстой, 8 июля 1931 // НИА. V. Maklakov Collection. 14–11.

² См. цитированное выше письмо С. П. Мельгунову; см. также: Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова. С. 21–22.

Его культурная позиция, «сочетающая русскость в ее исторических и бытовых проявлениях с традицией западной мысли и цивилизации, суд о России, заключающий в себе и любовь, и критику»¹ привлекают все больше внимания и становятся объектом пристального изучения.

Возможно, Маклаков счел бы это своим самым большим «спортивным» достижением.

---

¹ Ледницкий В. Вокруг В. А. Маклакова (Личные воспоминания) // Новый журнал. 1959. Кн. 56. С. 223.

ПОСОЛ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ СТРАНЫ (Б. А. БАХМЕТЕВ)¹

20 июня 1917 года инженер и ученый Борис Бахметев прибыл во главе российской чрезвычайной миссии в США. Ему было поручено также управление российским посольством в Вашингтоне и присвоен ранг чрезвычайного и полномочного посла. 5 июля 1917 года Бахметев вручил верительные грамоты президенту Вудро Вильсону, превратившись из посла де-факто в посла де-юре. 8 ноября 1917 года, когда в США было получено известие о большевистском перевороте, Бахметев находился в Мемфисе, где должен был произнести очередную речь, направленную на пропаганду усилий России в войне и создание имиджа новой, демократической России в глазах американцев. Бахметев отреагировал на переворот немедленно, заявив, что новая петроградская власть не отражает духа и настроений народа.

Американское правительство, после двухнедельной паузы, подтвердило дипломатический статус Бахметева, признав его истинным представителем России и отказавшись иметь какое-либо дело с большевиками. Это был случай до той поры беспрецедентный — посол представлял уже не существующее правительство. Пять лет Бахметев находился на этом посту, сыграв крупную роль в организации дипломатической и финансовой поддержки антибольшевистского движения, а также оказывая заметное влияние на формирование американской политики по отношению к России; 30 июня 1922 года он ушел в отставку, подав заявление о ней в виде письма на имя государственного секретаря США Чарльза Хьюза. «Своего» правительства, даже «в изгнании», у него по-прежнему не было.

---

¹ Будницкий О. В. Б. А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166. В настоящем издании печатается с уточнениями и существенными дополнениями.

* * *

Биография Бахметева, как это ни странно для столь заметной фигуры, не становилась объектом специального изучения историков. Возможно, это объясняется его «пограничным» положением: полжизни он провел в России, полжизни — в Америке. Для советских историков Бахметев длительное время был персоной нон грата, да и его личный архив в Колумбийском университете был для них совершенно недоступен; и советских, и американских историков бывший посол интересовал преимущественно как дипломат. О Бахметеве писали в исследованиях, посвященных внешней политике США, в особенности российско-американским отношениям¹. Что же касается остальных периодов его жизни, то о них можно почерпнуть поверхностные и нередко ошибочные сведения в справочных изданиях и некрологах, опубликованных вскоре после его смерти².

Бахметев был человеком скрытным и не опубликовал при жизни никаких мемуаров. Хотя, вероятно, такие намерения на склоне лет у него были; он надиктовал свои воспоминания в рамках проекта устной истории Колумбийского университета. При распечатке текст составил более 600 машинописных страниц. Устные воспоминания Бахметева являются, пожалуй, главным источником для его биографа, хотя и в них мемуарист предпочел многое опустить.

Возможно, скрытность Бахметева выработалась гораздо раньше, нежели он вступил на дипломатическое поприще, и тому

---

¹ *Schuman F.L.* American Policy Toward Russia Since 1917: A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. New York, 1928. P. 45–49, 223–229; *Thompson J.M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 62–81, 280–281; *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Л., 1969; *Он же.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 50–53; *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. Vol. 2. No. 3. Summer 1978. P. 237–256; *Foglesong D.S.* America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill & London, 1996. P. 47–75; и др.

² Памяти Б. А. Бахметева // Новый журнал. 1951. Кн. XXVI. С. 252–254; *Тимашев Н.С.* Б. А. Бахметев // Возрождение. 1952. Тетрадь XIX. С. 199–200; *Bakhmeteff Boris Alexander* // Who Was Who in America. Chicago, Illinois, 1960. Vol. III. P. 44; *Борисов В.* Бахметев Борис Александрович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 70–71.

были определенные причины. В биографической справке, находящейся среди бумаг Бахметева в Колумбийском университете, значится, что он родился в Тифлисе 1 мая 1880 года¹. Однако в личном деле «экстраординарного профессора по кафедре прикладной механики Политехнического института Б. А. Бахметева» указано, что родился он 20 июля того же года «от неизвестных родителей», крещен 30 августа 1880 года, а воспитанниками были Александр Павлович Бахметьев и дочь статского советника Андрея Шателена девица Ольга. Борис был «принят на воспитание инженером-технологом Александром Павловичем Бахметьевым» 25 ноября 1892 года. А. П. Бахметьев усыновил «живущего при нем приемыша» Бориса, о чем состоялось решение Тифлисского окружного суда². Вряд ли можно сомневаться, что А. П. Бахметьев был настоящим отцом будущего посла, «девица Ольга Шателен» — единоутробной сестрой, а матерью — Юлия Васильевна Шателен, урожденная Новицкая. Ее первый муж Андрей Шателен умер в 1877 году; Борис родился до оформления брака Юлии Васильевны с А. П. Бахметьевым. Борис «унаследовал» неплохую родню: его единоутробными братьями были капитан 1-го ранга Владимир Шателен (1864–1935), профессор-электротехник, член-корреспондент АН СССР Михаил Шателен (1866–1957) и финансист, товарищ (заместитель) министра финансов Временного правительства Сергей Шателен (1873–1946). Владимир и Сергей умерли в эмиграции, что не помешало среднему брату сделать блестящую научную карьеру в СССР. Кстати, о разночтениях в написании фамилии нашего героя: неясно, когда он «потерял» мягкий знак при написании своей фамилии; во всяком случае, в документах и письмах после 1917 года он подписывался как «Бахметев».

В 1898 году Бахметев закончил с золотой медалью 1-ю Тифлисскую гимназию. Кроме гимназического курса он занимался дома языками — французским, английским и немецким, а также музыкой — А. П. Бахметьев, крупный предприниматель и весьма состоятельный человек, не жалел средств на образование сына.

¹ Bakhmeteff Archive on Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University (далее — BAR). Boris Bakhmeteff Collection. Box 46. Biographical.

² ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18.

В том же году Борис поступил в Институт путей сообщения в Петербурге.

Очень быстро Бахметев «вошел» в политику. «Мы покидали наши родные города политически наивными, — вспоминал он более полувека спустя. — Однако в атмосфере университета, проникнутой политическими ожиданиями и размышлениями, быстро становились революционерами по духу, а иногда — и по делам... Гуманистический элемент был очень силен, и я не могу себе представить, что в то время кто-нибудь в возрасте 20 или 23 лет не был своего рода социалистом»¹. Бахметев также относился к числу этих молодых людей. Только вот социалистом он стал не «своего рода», а самым настоящим — членом РСДРП, и довольно заметным.

В 1898 году, когда Бахметев поступил в институт, началась активизация студенческого движения, принявшего в 1899 году массовый и публичный характер. По мнению Бахметева, освободительное движение, завершившееся в 1905 году, началось на самом деле в 1899-м. В этом тезисе — о завершении освободительного движения в 1905 году, то есть с изданием Манифеста 17 октября, декларировавшего созыв законодательной Думы и гражданские свободы, возможно, чувствуется не только личный жизненный опыт и позднейшие размышления, но и влияние его друга и многолетнего корреспондента В. А. Маклакова.

Однако юный провинциал, каким был Бахметев в то время, не был столь рассудителен и быстро прошел путь от политической невинности до участия в студенческом комитете в качестве представителя своего учебного заведения. Вспоминая настроения студенческой среды, Бахметев говорил о том, что все хотели свободы, конституции, освобождения от власти самодержавия, ответственного правительства. «На самом деле в то время люди, даже называвшие себя социалистами — некоторые из них марксистами («Я принадлежал к марксистскому направлению. Не знаю почему», — добавлял Бахметев) были далеки от сегодняшних социалистических программ. Другими словами, они говорили о социализме совершенно абстрактно. Любой социалист тех дней сказал бы, что для начала надо завоевать

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 42–43 // BAR. Box 37.*

политическую свободу и затем предоставить народу возможность решать самому»¹.

В порядке самообразования Бахметев прочел все три тома «Капитала» К. Маркса, сочинения Д. Рикардо, А. Смита, много трудов по истории; это самообразование составило основу, на которую он опирался, по его собственному признанию, и полвека спустя.

Вспоминая о своих студенческих днях, бывший социал-демократ говорил, что марксистские взгляды, которых он тогда придерживался, очень отличались от позднейшей коммунистической интерпретации Маркса. «Мои идеи более или менее совпадали со взглядами умеренной европейской социал-демократии. Прежде всего, они были абсолютно демократическими. Я считал, что любые социальные реформы и изменения должны быть проведены в жизнь демократическим путем. Важнейшей вещью была политическая свобода, и это было убеждение социал-демократии по всему миру. Это было приблизительно так же, как сейчас — за пределами коммунизма. Я не верю в социал-демократические идеи теперь, но в те дни, когда я был юным, — верил. Но это то же самое. Другими словами, я верю сейчас, что гуманитарные цели и либеральные цели могут быть достигнуты лучше другими средствами, но в те дни важнейшей вещью была политическая свобода, конституционное правительство, всеобщее избирательное право, которое должно было дать право голоса всем, и затем люди могли бы выразить свою волю для таких социальных изменений, которые были необходимы»².

Бахметев обратил на себя внимание Департамента полиции. «Из источника, заслуживающего доверия» Особым отделом Департамента были получены сведения, что Бахметев «руководит всеми студентами радикального направления в Институте и пользуется большим на них влиянием, так как сам он очень способный и талантливый человек, и при том располагающий хорошими денежными средствами». «Источником», как следует из дела, был вовсе не секретный агент, а один из соучеников Бахметева, сообщивший компрометирующие Бориса

¹ Ibid. P. 46.

² *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 53.*

сведения своему родственнику, служившему по полицейской части. На основании этого Охранному отделению было предложено включить Бахметева в «ликвидацию», то есть массовые аресты студентов 2–3 марта 1902 года, поскольку они, по данным «источника», готовили 3 марта политическую демонстрацию на Невском проспекте¹.

К Бахметеву (он снимал комнату на Николаевской набережной) пришли в семь часов утра 3 марта. Двухчасовой обыск не дал результатов, тем не менее его поместили под арест. По заключению Особого отдела Департамента полиции Бахметев «производит впечатление человека развитого, выдержанного и не лишенного личной инициативы, каковые свойства его личности вполне совпадают с имеющимися в Особом Отделе агентурными указаниями; но, *несмотря на это* (курсив мой. — О. Б.), при допросе 3-го марта Бахметев произвел на допрашивавшего офицера весьма выгодное впечатление, тем самым, что благоприятно повлиял на заключенных с ним товарищей, предложив им вести себя корректнее и не предъявлять излишних требований»².

15 марта 1902 года Бахметева освободили, а 31 марта его дело рассматривало Особое совещание при Министерстве внутренних дел. Обычно это мрачное учреждение ассоциируется с НКВД и сталинским террором. На самом деле большевики не изобрели ничего нового: Особое совещание при МВД было учреждено в 1881 году императором Александром III по представлению министра внутренних дел и имело право ссылки на срок до пяти лет в отдаленные места империи. Несмотря на то что сведения, полученные из агентурного источника, «не вполне подтвердились, а напротив выяснилось, что до настоящего времени никаких компрометирующих его сведений не поступало и он даже благотворно влияет на товарищей по учению», местные власти предложили воспретить Бахметеву «местожительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах на один

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. Особый отдел. 1902 г. Д. 98. О студенте Института инженеров путей сообщения Борисе Александрове Бахметеве. Л. 1–2.

² Там же. Оп. 100. 3-е делопроизводство. 1902 г. Д. 2371. Л. 2–3; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. Особый отдел. 1902 г. Д. 98. О студенте Института инженеров путей сообщения Борисе Александрове Бахметеве. Л. 3–3 об.

год». Однако же Департамент полиции предложил дело прекратить, с чем и согласился министр внутренних дел¹.

В общем, Бахметеву удалось провести охранку, да и к обыску он явно был готов.

После окончания института Бахметев был направлен на два года за границу для подготовки к преподаванию по кафедре гидравлики в основанном С. Ю. Витте Политехническом институте. Из сумм, ассигнованных Государственным советом на подготовку к званию профессоров института, ему были выданы 1500 руб. на год пребывания в Европе и 2650 руб. на год пребывания в Америке. Рубли, благодаря виттевской финансовой реформе 1897 года, были обеспечены золотом, и их можно было обменять на валюту. Бахметев провел первый год в Швейцарии, где в Цюрихском политехникуме изучал гидравлику, второй в Америке — изучал методы инженерной работы в США. Там он работал на постройке канала Эри, а также практиковался в инженерном деле².

Бахметев и за границей не оставлял политической деятельности и сочетал изучение инженерного дела с пропагандой социалистических идей. В собрании Б. И. Николаевского находится рукопись Бахметева, датированная 1904 годом, «Конспект занятий с рабочими по аграрной программе РСДРП». На занятиях предполагалось рассматривать такие темы, как «Краткий очерк развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе», «Капитализм в русской деревне», «Социал-демократическая аграрная политика в капиталистическом и докапиталистическом обществе», «Наша программа и программа эсеров»³. Среди бумаг бывшего секретаря Бахметева, М. М. Карповича, сохранилось несколько десятков листов, исписанных рукой Бахметева, — это записи его речей и рефераты, относящиеся преимущественно к 1905 году. Среди них — «Развитие русской

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 100. 3-е делопроизводство. 1902 г. Д. 2371. Л. 5–6.

² ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Л. 15–16; *Bakhmeteff V. Oral History Memoir*. P. 57.

³ НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 683–20. Здесь же находится реферат, посвященный особенностям борьбы пролетариата в России и на Западе, прочитанный Бахметевым в январе 1905 года в Нью-Йорке на собрании группы содействия РСДРП.

социал-демократии», «Классовая борьба — диктатура пролетариата — соц[иалистическая] революция», речь на собрании в Нью-Йорке 12 марта 1905 года о революционных событиях в разные времена и в разных странах, приходившихся на март, например в Германии в 1848 году, речь о русском пролетариате и др.¹ Очевидно, начинающий инженер вел социал-демократическую пропаганду в США среди русских эмигрантов. Бахметев хранил эти записи, свидетельствующие о «грехах» его молодости, многие годы. Карпович стал его секретарем и уехал вместе с послом в США в 1917 году; следовательно, попасть к нему раньше записи никак не могли.

Бахметев не упоминал о своей активной пропагандистской деятельности в мемуарах; между тем фигурой среди социал-демократов он был довольно видной. Чем еще объяснить его избрание (заочно) на IV съезде РСДРП, состоявшемся в 1906 году, в состав ЦК партии от меньшевиков? По-видимому, Бахметев не стремился популяризировать свое социал-демократическое прошлое; во всяком случае, никогда не упоминал о нем ни в печати, ни в частной переписке.

Однако вскоре после достижения вершины своей революционной деятельности, избрания в ЦК ведущей революционной партии в России, Бахметев постепенно отходит от политики такого рода. Он, по-видимому, был по-настоящему увлечен своей профессиональной деятельностью; возможно, свою роль сыграли и изменения в его личной жизни — 15 (29) июля 1905 года состоялось бракосочетание Бахметева и Елены Михайловны Сперанской, дворянки, слушательницы Санкт-Петербургского женского медицинского института.

С 1 сентября 1905 года Бахметев приступил к работе в качестве старшего лаборанта кафедры гидравлики Политехнического института; вскоре он начал преподавать французский язык на электромеханическом и кораблестроительном отделениях. С 1905 по 1911 год Бахметев был внештатным преподавателем института; в 1911 году он защитил докторскую диссертацию в Институте инженеров путей сообщения, а 30 ноября того же года стал штатным преподавателем Политехнического института. 26 мая

¹ BAR. Michael Karpovich Collection. Ser. 1. Box 3.

1912 года ему было присвоено звание адъюнкта по кафедре прикладной механики, а 28 января 1913 года «высочайшим приказом» он был назначен экстраординарным профессором той же кафедры. Бахметев преподавал гидравлику, гидроэнергетику, теоретическую и прикладную механику. В 1912 году были изданы его «Лекции по гидравлике», в 1914-м — «Переменные потоки жидкости в открытых каналах». 10 апреля 1911 года за «отлично-усердную службу и полезные труды» Бахметев был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Забавно, что бывший социал-демократ по случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 году был награжден нагрудной светло-бронзовой медалью¹.

Став профессором, Бахметев вошел в состав Ученого совета Политехнического института. Правда, в силу того, что он почти постоянно находился в длительных командировках, в заседаниях Совета ему участвовать не пришлось. Состав Ученого совета Политехнического института дает представление об уровне этого, пожалуй, самого на тот момент современного учебного заведения императорской России. Перечислю лишь некоторые имена: М. А. Шателен, М. И. Туган-Барановский, Н. Д. Зелинский, П. Б. Струве, В. Б. Ельяшевич, Д. М. Петрушевский, А. С. Ломшаков, Г. Н. Пио-Ульский, А. А. Чупров, В. Е. Грум-Гржимайло, В. М. Гессен, М. А. Дьяконов, А. Ф. Иоффе, Б. Н. Меншуткин, В. Ф. Миткевич, С. П. Тимошенко, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, М. И. Фридман и др.² Директором института в 1911–1917 годах был физик В. В. Скобельцын.

Это было поистине блистательное созвездие ученых, причем не только «технарей» и естественников, как можно было бы ожидать от членов Ученого совета Политехнического института. Наряду с экономистами (в институте впервые в России было экономическое отделение) мы видим среди физиков, химиков, механиков, статистиков также юристов (Ельяшевич, Гессен) и историков (Дьяконов, Петрушевский). Выпускники института получали поистине фундаментальное образование. Многие ученые не ограничивались только научной и преподавательской деятельностью. Среди перечисленных выше некоторые были

¹ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Л. 68, 79–81, 143.

² Там же. Л. 141 об.

весьма активны на общественно-политической арене. Трое являлись членами Государственных дум (Ломшаков, Струве, Гессен). Выдающиеся экономисты Туган-Барановский и Струве были в 1890-е «двумя Аяксами» марксизма, а в 1900 году участвовали вместе с В. И. Ульяновым-Лениным и Ю. О. Мартовым в Псковском совещании по вопросу о создании социал-демократической газеты, получившей название «Искра». В результате прихода к власти партии, возглавляемой Лениным, Струве в итоге оказался в эмиграции, так же как Ломшаков, Гессен, Пио-Ульский, Ельяшевич, Тимошенко, Чупров. Почти все оставшиеся в России и пережившие период Гражданской войны (академик Дьяконов умер в 1919 году в Петрограде от истощения, в том же году ушел из жизни Туган-Барановский) стали академиками или членами-корреспондентами Академии наук СССР и сыграли выдающуюся роль в становлении советской науки. В частности, Абрам Иоффе стал основателем и директором Физико-технического института, вице-президентом АН СССР и главой школы, «выпустившей» блестящую плеяду физиков, за что и получил прозвище «папа Иоффе»¹. Заслуги Иоффе не помешали снять его с должности директора Физтеха в 1950 году, в период «борьбы с космополитизмом». Но это была «музыка будущего», а пока что профессора Политеха вряд ли могли вообразить, какие крутые повороты судьбы их (как и всю страну) ждут через несколько лет. И, наверное, в самом удивительном сне не могло привидеться профессору-экономисту Петру Струве, что он станет министром иностранных дел в последнем антибольшевистском правительстве на европейской территории России, а профессору-гидравлику Борису Бахметеву, — что он будет российским послом в Вашингтоне.

Для полноты картины добавлю, что среди студентов института (недолгое время кораблестроительного отделения, затем экономического) был Вячеслав Молотов. Поступил он в 1911 году, к 1916-му доучился до четвертого курса. Занимался он, по его собственному признанию, «очень мало». Мало кто мог вообразить, что этот нерадивый студент будет свыше 10 лет возглавлять

---

¹ Среди тех, кто начинал научную деятельность под его руководством, были будущие лауреаты Нобелевской премии Н. Н. Семенов, Л. Д. Ландау и П. Л. Капица.

правительство России, которая, правда, обзаведется «псевдонимом» Советский Союз.

Бахметев не был только теоретиком и преподавателем; он организовал частную контору, которая занималась разработкой технических проектов как по заказам правительства, так и частных компаний. Бахметев привлек к работе не только русских, но также французских и швейцарских инженеров. Проекты, над которыми работала бахметевская контора, были достаточно масштабными¹. Он был увлечен практической деятельностью, которая должна была преобразовать Россию. По мнению Бахметева, эпоха 3-й Думы (1907–1912) была временем бурного развития страны — это касалось народного образования, экономического и технического прогресса. В интервью Уэнделлу Линку, записывавшему его воспоминания, Бахметев говорил, с явно чувствующейся досадой, что большинство технических достижений коммунистов — гидроэлектростанции, железные дороги и т. д. — уходят своими корнями в эпоху 3-й Думы.

Досада Бахметева объяснялась тем, что он стоял у истоков многих проектов, завершенных уже при советской власти и объявленных ею своим достижением. Причем завершенных во многом не так, как мыслилось Бахметеву. Так, он был главным инженером большой компании, планировавшей построить гидроэлектростанцию на Днестре. Этот первый большой проект Бахметева был претворен в жизнь коммунистами — название этой гидроэлектростанции известно всем: ДнепрогЭС. Однако при проектировании Днепростроя Бахметев не шел так далеко, как коммунисты, — ему нельзя было переселять деревни, затоплять кладбища и т. п. Сравнивая свой и большевистский проекты с экономической точки зрения, Бахметев говорил, что его проект стоил около 17 млн руб., а большевистский, в сопоставимых ценах, — 150 млн. Это результат неэффективного планирования и работы, считал он. Другая сторона

---

¹ Под его руководством были построены «гидроэлектрическая установка» на р. Сатке Уральского электромеханического товарищества, гидроэлектростанция на р. Бережок для лесопильного завода председателя 3-й и 4-й Государственных дум М. В. Родзянко, при его участии был разработан проект «утилизации водных сил водопадов р. Сучан» для военного ведомства и ряд других проектов. Неполный перечень см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Л. 80–81.

проблемы — использование электроэнергии. Если Бахметев и его команда были озабочены продажей электроэнергии и их сдерживало отсутствие достаточной емкости рынка, то большевиков не очень волновали эти проблемы. В результате, по мнению Бахметева, энергия обходилась чересчур дорого для электрохимической и электрометаллургической промышленности.

Кроме Днепростроя, он был главным инженером при проектировании Волховстроя и еще одной гидроэлектростанции в Финляндии, которые должны были, наряду с Днепростроем, снабжать электроэнергией Петроградскую губернию. В ноябре 1914 года Бахметева избрали в правление акционерного Петроградского общества электропередач силы водопадов. Проектирование и постройку всех перечисленных выше гидроэлектростанций осуществили впоследствии в значительной степени ученики и помощники Бахметева. Принимал он также участие в разработке проекта по ирригации и орошению Средней Азии, в частности Голодной степи¹.

Эту бурную созидательную деятельность прервала война. Бахметев стал работать в Красном Кресте; он был помощником управляющего хирургическим госпиталем, в который были преобразованы общежития Политехнического института, затем в течение четырех или пяти месяцев был его директором. 14 ноября 1916 года «за труды по обществу Красного Креста при обстоятельствах военного времени» он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени². В начале 1915 года Бахметев начал также работать для Особого совещания по обороне. Ему давались различные ответственные поручения. Так, он был направлен на некоторое время в Архангельск, остававшийся единственным незаблокированным русским портом, с тем чтобы помочь наладить там дело. Его помощником в этой поездке был М. И. Терещенко, будущий министр иностранных дел Временного правительства.

В сентябре 1915 года Бахметев по предложению председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкова

¹ *Bakhmeteff V. Oral History Memoir. P. 111–112, 114; ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Л. 102.*

² *ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Л. 138.*

и председателя Государственной думы М. В. Родзянко, входившего в ЦВПК, был командирован в США — разобраться, почему происходят задержки с поставками заказанных материалов, и выправить ситуацию. Гучкову и Родзянко было известно, что Бахметев владеет английским языком, а также бывал в США раньше. Бахметев называл их своими большими друзьями, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте. Решение было принято в сентябре, а в октябре Бахметев уехал за океан¹.

16 апреля 1916 года Особое совещание ходатайствует перед министром торговли и промышленности о необходимости оставления Бахметева в Америке в связи с отъездом председателя Русского заготовительного комитета генерал-майора А. В. Сапожникова в Лондон². 14 сентября 1916 года председатель ЦВПК Гучков обратился к министру торговли и промышленности с просьбой продлить командировку Бахметева, так как он, «будучи фактически одним из виднейших организаторов и руководителей Американского заготовительного комитета, является не только лицом незаменимым для Центрального комитета, но его деятельность имеет неоценимое значение для самого заготовительного комитета. Отозвание такого опытного и энергичного деятеля, сумевшего так высоко поставить и блестяще выполнить порученное ему дело, не может не нанести огромного и непоправимого ущерба деятельности Американского комитета и, несомненно, отзовется на успешности его работы на оборону»³.

Бахметев вернулся из США в ноябре 1916 года в связи со смертью отца.

Позднее, подводя итог своей годичной работы в США в 1915–1916 годах, Бахметев писал:

Если мне сопутствовал некоторый успех и я имел некоторое влияние, когда приехал сюда в качестве посла, то это в значительной степени благодаря тому, что в период войны я завязал связи и, возможно, установил отношения взаимного доверия со многими людьми — возможно,

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir.* P. 159, 163.

² *Ibid.* P. 117.

³ *Ibid.* P. 119; ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Л. 132.

не столько по политической, сколько по экономической и производственной линии — но, как бы то ни было, это был достаточный капитал, который помог мне в период моего пребывания в качестве посла в Вашингтоне¹.

По возвращении из Америки Бахметев поехал в Тифлис, урегулировать дела с недвижимостью, принадлежавшей его отцу. Однако и здесь ему не удалось заняться только личными делами. В это время на Кавказ приехал Гучков, и командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич попросил его сделать нечто вроде инспекции «материальной части» армий Кавказского фронта. Гучков привлек к этой инспекции Бахметева. Дело было в декабре 1916 года². Не прошло и трех месяцев, как вся жизнь страны — и Бахметева — стремительно переменялась. В феврале 1917 года случилась революция.

Каковы были к тому времени политические «верования» бывшего члена ЦК РСДРП? Бахметев разорвал всякие отношения с социал-демократами еще за шесть или семь лет до революции. К моменту падения самодержавия он не имел со своими бывшими товарищами по партии абсолютно никаких связей. Бахметев не принадлежал ни к одной из партий, но большинство его друзей, в том числе Гучков и Родзянко, принадлежало к октябристам. Однако сам Бахметев октябристом не был. Не был он и кадетом. Позднее Бахметев определил свои тогдашние воззрения как гуманистический социализм. Причем сохранил он их до начала 1950-х годов. Правда, к тому времени, вспоминая Бахметев, он совершенно потерял веру в социализм, национализацию, да и вообще в любые социалистические экономические теории³.

9 марта 1917 года Бахметев получил назначение на должность товарища министра промышленности и торговли Временного правительства при министре А.И. Коновалове, с оставлением в должности профессора Политехнического института. Ему непосредственно были поручены два департамента — один

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 171–172.*

² *Ibid. P. 188, 197.*

³ *Ibid. P. 230.*

был связан с коммерческим и техническим образованием, другой — с портами и торговым флотом. К тому же Бахметев, как статс-секретарь, замещал в случае необходимости министра на заседаниях правительства. Бахметев был увлечен своей работой. Занимался он ею недолго, лишь два месяца до своего отбытия в Америку, но, как он говорил впоследствии, я «никогда не был так занят, я никогда не был так счастлив, я никогда не был так удовлетворен»¹.

В ходе работы в должности заместителя министра Бахметев столкнулся с проблемой режима рыболовства то ли в районе Камчатки, то ли в Желтом море; по этому вопросу были большие разногласия с Японией. Бахметева интересовала общая политика Министерства иностранных дел по этой проблеме; однако никто из служащих МИДа не мог ему дать вразумительного ответа на интересовавший его вопрос. В конце концов пришлось идти на прием к министру — П. Н. Милюкову.

Милюков сказал Бахметеву, что очень удивлен. Это был первый случай, когда кто-то пришел к нему с конструктивным вопросом. Министр тоже не знал ответа на вопрос о режиме рыболовства; он посоветовал Бахметеву все же разыскать ответственного в министерстве и принять решение по собственному разумению. Милюков сказал, что рад знакомству, в особенности потому, что слышал, что его посетитель был в Америке и хорошо там поработал.

Тут же Бахметев получил неожиданное предложение — вновь отправиться в Америку, теперь уже в качестве посла. Прежний посол, однофамилец Бахметева Георгий Петрович, подал в отставку. Он был одним из двух послов царского правительства, заявивших о непризнании нового режима и об уходе в отставку после Февральской революции. Русское посольство в США, по выражению Милюкова, развалилось на куски. «Мы должны послать кого-нибудь туда. Возьметесь ли вы за это дело?» — в лоб спросил посетителя Милюков.

Бахметев поначалу отнекивался, ссылаясь на свою молодость (36 лет в тот момент, что считалось довольно юным возрастом для посла) и неопытность. Милюков настаивал, подчеркивая,

---

¹ Ibid. P. 246–247.

что в данном случае это не только дипломатическая миссия. Это правительственная миссия по организации военного сотрудничества и урегулированию экономических проблем. Россия остро нуждалась в получении новых займов. «У нас нет никого, кто знает Америку так хорошо», — заключил министр.

Бахметев поначалу не хотел ехать, так как был занят своей работой, в особенности преобразованием экономического законодательства России, но в конце концов дал согласие на предложение Милюкова. Факторами, определившими это решение, были, во-первых, то, что Бахметеву предлагали гораздо более престижный пост, чем должность статс-секретаря, которую он занимал. Во-вторых, вспоминал он позднее,

моей важнейшей идеей относительно Америки было то, что можно было назвать мечтой или глубоким убеждением, которое сформировалось еще в то время, когда я был там в составе военной миссии, работавшей по заданию Центрального военно-промышленного комитета. Это была мечта работать для будущей российско-американской дружбы.

Я был абсолютно уверен, исходя из моих прошлых контактов с Соединенными Штатами и исходя из общих принципов, что тесные связи между Соединенными Штатами и Россией были делом огромной важности для обеих стран и вполне естественным делом. Оба народа — русские и американцы — населяют континенты с обширными пространствами, сравнительно редко населенными и представляющими огромные возможности для будущего развития. Обе страны достигли того, что может быть названо их естественными границами. Поскольку океаны и моря были достигнуты и исключая не национальную — империалистическую политику — некоторых царей, я был уверен, что люди не хотят никакого территориального расширения. Все, чего они хотели, был мир и возможность повышать свое благосостояние, получать образование и т. д.

Мир, на самом деле, был высшей необходимостью для русских людей, и в этом их национальные устремления были параллельны искреннему стремлению к миру, которое всегда было свойственно американскому народу.

Другая вещь, которую Бахметев считал необыкновенно важной, — привлечение иностранного капитала и частично зару-

бежных технических навыков для разработки российских естественных богатств. Если европейский капитал, французский, бельгийский и в особенности германский и английский преследовал, по мнению Бахметева, как правило наряду с экономическими, политические цели, то американский капитал был абсолютно аполитичным. Более того, технические проблемы, стоявшие перед Америкой, были того же характера, что и перед Россией. Например, строительство железных дорог, производство подвижного состава и т.п. Сравните, например, говорил конкретно мыслящий выпускник Института путей сообщения Бахметев, маленькие английские железнодорожные вагоны с американскими, и вы поймете разницу¹.

Колебания Бахметева закончились чем-то вроде компромисса — он возглавлял миссию и после завершения ее работы мог вернуться обратно. Ему был обещан, в случае возвращения, тот же пост. 25 апреля 1917 года указом Временного правительства Бахметев был назначен «начальником российской чрезвычайной миссии в США с возложением на него на время пребывания миссии в США управления российским посольством в Вашингтоне и присвоением на это время звания чрезвычайного и полномочного посла»².

Среди бумаг Бахметева в Колумбийском университете сохранился его дипломатический паспорт. С фотографии смотрит коротко стриженный и довольно упитанный молодой человек в очках; Бахметев был одет в тройку, с галстуком-бабочкой; в паспорт вклеена и фотография его жены, темноволосой, в пенсне, в темном платье, строгого «учительского» вида; она выглядела старше мужа, хотя на самом деле они были одногодками.

Миссия, в которую входили специалисты разного профиля, через Японию добралась до США; здесь она проделала путешествие от Сиэтла до Вашингтона, проехав почти через всю страну.

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 251–258.* В начале 1917 года, накануне Февральской революции, Бахметев, выступая в Петрограде, ратовал за привлечение американского капитала в русское железнодорожное строительство, подчеркивая его нейтральность и аполитичность («Трудно себе представить такую политическую конъюнктуру, при которой Америка может иметь непосредственные политические задачи в России») // Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения... С. 50–51.

² *Biographical notes // BAR. Bakhmeteff. Box 46.*

20 июня миссия прибыла в Вашингтон, приступив к выполнению поставленных перед ней задач. Для Бахметева началась его пятилетняя дипломатическая эпопея. Анализируя через пять лет деятельность миссии, он писал:

Миссия приехала в Америку совершенно неподготовленная к той деятельности, которая ей предстояла. Думаю, не ошибусь, сказав, что никто из членов миссии, равно как и никто в России не отдавал себе отчета и не имел ясного представления о том, как работает вообще мировая политическая мысль и каким образом вообще совершаются мировые события. Дипломатия, политика в лучшем случае рисовались как система известных навыков и приемов, присущих дипломатическим канцеляриям. Оценка дипломатического таланта и умения сводилась к признанию известной сноровки и ловкости в манипулировании этими рутинными приемами¹.

Бахметев был совершенно неопытным дипломатом; однако в этой конкретной ситуации дипломатический опыт старой школы мог скорее помешать, нежели помочь. Его бесспорным преимуществом было неплохое знание Америки, американских политических нравов и обычаев. Бахметев представлял разительный контраст со своим предшественником и однофамильцем. Первое, что бросается в глаза в деятельности свежее испеченного дипломата, — публичность, стремление воздействовать на американское общественное мнение, поразительная активность.

23 июня Бахметев выступил с речью в палате представителей Конгресса США, а 26 июня — в Сенате. Обе его речи имели оглушительный успех. Возможно, потому, что конгрессмены и сенаторы услышали от Бахметева то, что хотели услышать. Как справедливо пишет Марк Раев, Бахметев появился перед конгрессменами и сенаторами для того, чтобы «публично подтвердить обязательство Временного правительства продолжать войну против центральных держав»². Аплодисментами были

¹ [Бахметев Б. А.] Материалы по деятельности Российской чрезвычайной миссии в Северо-Американских Соединенных Штатах // ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 37.

² Foreign Visitors to Congress: Speeches and History / Ed. Mary Lee Kerr: United States Capitol Historical Society. New York, 1989. Vol. I. P. 82.

встречены в палате представителей заявления Бахметева, что Россия отвергает всякую мысль о сепаратном мире и что слухи об этом, циркулирующие в США, совершенно беспочвенны. Бахметев также говорил о новорожденной русской демократии, о том, что новое правительство пользуется полной поддержкой и представляет все живые элементы страны¹.

С огромным успехом прошло выступление Бахметева в Сенате. В стенограмме отмечено, что его патетическая речь постоянно прерывалась просто аплодисментами, продолжительными аплодисментами, громкими аплодисментами. Еще бы! Бахметев говорил необыкновенно приятные для сенаторских ушей вещи: о приверженности русского народа демократии; о том, что люди сплотились вокруг коалиционного правительства, сильного своими демократическими устремлениями, сильного верой людей в его способность установить законность и порядок. «Когда я сказал, — вспоминал Бахметев, — “ни при каких обстоятельствах мое правительство не заключит сепаратный мир”, вся палата разразилась аплодисментами. Я никогда не видел такой овации за всю свою жизнь»².

Полными оптимизма относительно участия России в войне были также газетные интервью Бахметева и его выступления перед полными энтузиазма толпами народа на митингах. Как справедливо пишет Д. Фоглсонг, игнорируя известия об антивоенных демонстрациях в Петрограде, Бахметев говорил корреспонденту «Нью-Йорк таймс», что «война была одним из великих фундаментальных бесспорных вещей, относительно которых в России не было разногласий». Даже после сдачи немцам Риги в сентябре 1917 года Бахметев настаивал, что «только 1 или 2 процента армии» ненадежны, и заявлял, что «русская армия не сокрушена и не будет сокрушена»³.

Другой излюбленной темой выступлений Бахметева был исконный демократизм русского народа. Он усматривал его, в частности, в крестьянской общине, что совершенно противоречило его прежним социал-демократическим взглядам.

¹ Foreign Visitors to Congress. P. 86.

² *Bakhmeteff*. Oral History Memoir. P. 321.

³ *Foglesong* D. S. America's Secret War Against Bolshevism. P. 52; New York Times. 1917. July 1, 7 and September 4.

Бахметев проводил мысль, что славяне были подготовлены для восприятия американских идей и практики. Выступая в Бостоне, он говорил, что «Россия, великая демократия Востока, встанет рука об руку с ее старшей сестрой, великой демократией Запада, чтобы пронести по всему миру высокие идеалы гуманизма, свободы и справедливости»¹.

Бахметев хорошо понимал менталитет и особенности политической культуры Америки. Он предпринял беспрецедентное в истории русской дипломатии пропагандистское турне по стране; с июня по ноябрь 1917 года он выступал не менее 26 раз на различных митингах, собраниях, банкетах. Бахметев выступал, кроме Вашингтона и Нью-Йорка, где были сосредоточены его политические и экономические интересы, в Чикаго, Бостоне, Саратоге, Атлантик-Сити, Олбани, Филадельфии, Балтиморе, Мемфисе².

Бахметеву также удалось установить доверительные личные отношения с высшими чиновниками Госдепартамента, которые отвечали за российское направление, Фрэнком Полком и Брекенриджем Лонгом, а также с ближайшим сотрудником президента Вильсона и его советником по внешнеполитическим вопросам полковником Эдвардом Хаузом. Бахметев ездил к полковнику Хаузу в его имение Магнолия в штате Массачусетс и произвел на него весьма благоприятное впечатление. Хаузу особенно понравилось, что Бахметев с сочувствием отнесся к его планам будущего мирного договора и заверил полковника, что «новая Россия будет бок о бок с Соединенными Штатами отстаивать подобную программу». Другой раз Хауз отметил в дневнике, что он и русский посол говорят на одном языке. Имелись в виду твердые либеральные убеждения Бахметева.

Новый посол представлял разительный контраст по сравнению со своим предшественником и однофамильцем. Государственный секретарь Роберт Лансинг вспоминал о своей последней встрече с послом императорской России Георгием (Юрием) Петровичем Бахметевым:

¹ New York Times. 1917. July 1, 7 and September 4.

² Speeches of the Russian Ambassador // BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 38.

В нем было что-то варварское. Его хладнокровный цинизм и равнодушие к ужасающему кровопролитию среди его соотечественников на полях сражений и лишениям простых людей империи поражали своим бессердечием и жестокостью. Он принадлежал прошлому веку. Его современный облик и манеры были просто внешним налетом. Его преданность царю и особам императорской крови была средневековой. Для него царь был Россией. Он не признавал никакого другого государства, которому он должен был сохранять верность.

Неудивительно, что Лансинг не особенно прислушивался к мрачным прогнозам Г. П. Бахметева, которые тот сделал при их последней встрече 11 апреля 1917 года. Посол предрекал, что Временное правительство долго не протянет и что «радикальные социалисты» (по терминологии Лансинга; Бахметев употреблял слово «анархисты») возьмут верх и заключат сепаратный мир с Германией. «К сожалению, — меланхолично констатировал Лансинг задним числом, — мнение посла было подтверждено последующими событиями. Однако во время нашего разговора я не придавал его предсказаниям особого значения, потому что он был убежденным монархистом, полностью преданным своему императору»¹.

Поначалу у Бахметева 2-го сложились с госсекретарем Лансингом гораздо более прохладные отношения, нежели с Хаузом. Демократическая риторика и оптимизм посла противоречили некоторым сообщениям и аналитическим заключениям, которые Лансинг получал из России по другим каналам. Антивоенная пропаганда, активно проводившаяся в России большевиками и встречавшая все большую поддержку среди солдат и рабочих, очевидная неспособность Временного правительства справиться с деятельностью экстремистов — все эти факторы не внушали государственному секретарю уверенности в продолжении участия России в войне. На него также произвели впечатление письма из России такого известного эксперта, как Джордж Кеннан, в которых тот резко критиковал политику Временного правительства и обращал внимание на опасную деятельность Советов. Лансинг сомневался в способности

¹ *Lansing R. War Memoirs of Robert Lansing. Indianapolis, 1935. P. 331–332.*

Керенского справиться с радикалами и защитить общество от беззакония¹.

Учитывая события, развернувшиеся в России с июня 1917 года, которые трудно характеризовать иначе, чем перманентный политический и экономический кризис, завершившийся захватом большевиками власти в октябре и выходом страны из войны четыре месяца спустя, заверения Бахметева кажутся задним числом чем-то граничащим с очковтирательством. Приблизительно так изображена (конечно, в строго выдержанном академическом стиле) деятельность Бахметева в книге Д. Фоглсонга. Полагаю, однако, что дело было не только во вполне понятном желании Бахметева получить финансовую поддержку для сражающейся России, что делало необходимым представлять ход событий в России в более выигрышном свете, чем это было в действительности.

К ноябрю 1917 года американское правительство согласилось предоставить России в общей сложности 325 млн долл.² в виде займов и кредитов, но переведено на счета Временного правительства было только 187 729 750 долл., то есть несколько более половины обещанного. Это было гораздо меньше того, что запрашивали русские официальные лица, и составляло весьма незначительную сумму по сравнению с той помощью, которая была оказана Англии и Франции.

Бахметев действительно верил в новую демократическую Россию и в ее способность отстаивать свою только что обретенную свободу с оружием в руках. Для этого нужна была помощь — ее он и добивался. О том, что Бахметев действительно верил в эту новую Россию, свидетельствует его личная переписка, в особенности с Маклаковым. Надо также иметь в виду специфический жизненный опыт Бахметева. Выросший в семье предпринимателя, человека, «сделавшего себя», в обстановке, проникнутой духом «пионеров», он и далее вращался в среде молодых, энергичных предпринимателей, политиков, людей, на его глазах строивших новую Россию. В одном из писем Маклакову он сравнил Россию 1903 и 1913 годов. Изменения произошли разительные;

¹ *Fogleson D. S. America's Secret War Against Bolshevism. P. 53–54.*

² Дополнительный кредит на 125 млн долл., открытый 1 ноября 1917 года, остался неиспользованным и вскоре был отозван.

налицо бурный экономический подъем. Еще более разительными были изменения в политической области: с одной стороны, полицейский режим Плеве, с другой — Государственная дума, утверждавшая бюджет страны, с социал-демократической фракцией, в ней заседавшей, фактически мало чем ограниченная свобода слова и т. д.

После Февральской революции Бахметев также занимался конкретным и весьма интересным делом; он видел практические положительные результаты революции, по крайней мере в области законодательства; к той его части, которая касалась экономики, регулировала предпринимательскую деятельность, он сам успел приложить руку. Он уехал из России, когда медовые месяцы свободы еще не закончились; возможно, это наложило отпечаток и на его оценку ситуации в стране в более поздний период, когда движение по наклонной плоскости принимало все более ускоренный и необратимый характер.

Надо, по-видимому, также принять во внимание своеобразную «философию истории» Бахметева. Много позже, рассуждая в связи со своим рассказом У. Линку о Февральской революции и о закономерности и случайности в истории, Бахметев привел свой разговор об этом со знаменитым историком Античности М. И. Ростовцевым. Ростовцев говорил на основании своего 50-летнего опыта изучения истории, что в ней нет ничего неизбежного, что большинство событий совершенно случайны. Конечно, в истории действуют глубинные силы — политические, экономические, социальные, национальные, которые определяют движение в том или ином направлении, они проявляются на протяжении 20, 30, 50 и более лет. Но то, что происходит из дня в день, — абсолютно случайно¹.

Таким образом, многое в истории зависит от деятельности конкретного человека в конкретных обстоятельствах. Ничто не predetermined. И бывший социал-демократ стремился сделать все возможное, что было в его силах, для новой (реальной или воображаемой) демократической России.

Надо учесть еще один фактор — в новую демократическую Россию и в прочность положения Временного правительства

---

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. Box 37. P. 212–213.*

уверовал не только Бахметев. Миссия сенатора Э. Рута, направленная американским правительством в Россию¹, чтобы разобраться в обстановке на месте, пришла к заключениям, сходным с заверениями посла. Американский историк Ф. Шуман, не скрывая иронии, писал:

Вся миссия была полна духом оптимизма, доверия Временному правительству, верой в решимость и способность России энергично вести войну против центральных держав. По возвращении в Америку они поспешили заверить страну в лояльности России делу союзников и в светлом будущем русской демократии. 8 августа миссия была вызвана в Белый дом и доложила свои выводы президенту Вильсону. Оптимизм был единодушным, хотя подчеркивалась необходимость в американской помощи².

Взгляды, которые развивало либерально-демократическое руководство Временного правительства относительно значения русской революции и целей войны, полностью гармонировали со взглядами американских либералов. Новый импульс был придан старой традиции российско-американской дружбы, Россия начала движение по пути политического развития, по которому уже давно шли Соединенные Штаты. От Америки очень хотели совета, ободрения и помощи. Временное правительство столкнулось с трудностями, но предполагало, твердо опираясь на поддержку масс, успешно справиться с двойной задачей ведения войны и созыва Учредительного собрания для того, чтобы заложить прочный фундамент будущего Русского государства. Таковы были взгляды министров этого правительства, конституционных демократов, многих умеренных социалистов, либеральной интеллигенции и их представителей за границей. Такими были взгляды президента Вильсона, мистера Рута, посла Фрэнсиса и огромного большинства американских законодателей, издателей и в целом общественных деятелей. И придерживаться этих представлений было наиболее приятно. Перспективы, которые они открывали, были обнадеживающими, ободряющими и в то же время

¹ Миссия Рута находилась в России в период с 31 мая (13 июня) по 26 июня (9 июля) 1917 года. См. подробнее: *Иоффе А. Е.* Миссия Рута в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1958. № 9; *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. 1914–1917 гг. Л., 1969. С. 254–255.

² *Schuman F. L.* American Policy Toward Russia Since 1917. P. 44.

желательными. Они точно соответствовали сформированным заранее понятиям и политическим и социальным предрассудкам тех, кто их придерживался. То, что они не соответствовали действительной ситуации в России, было недостаточной причиной, чтобы отказаться от них. Они прочно засели в умах американцев на много лет, с последствиями столь же трагическими, сколь абсурдны были эти представления¹.

Задним числом Бахметев говорил: «Возможно, продолжать войну было фатальной ошибкой, но я верю, что это было правильно — держаться и постараться быть верными делу союзников»². Размышляя о причинах краха Временного правительства 33 года спустя, он говорил об усталости от войны, о том, что, заключив Временное правительство мир, оно удержало бы власть. «Однако оно выбрало путь чести». И в первый же день его существования министр иностранных дел заверил послов союзников, что Россия продолжит воевать. «Это было, разумеется, для них большим облегчением, но, вероятно, похоронным звоном для Временного правительства»³. Однако в 1917 году посол рассуждал совершенно по-иному.

Так или иначе, но период взаимных восторгов, правда омрачавшихся время от времени тревожными сообщениями из Петрограда, с большевистским переворотом закончился. Период от ноября 1917 года до заключения перемирия между союзниками и центральными державами представлял для посла «наиболее трудный и наиболее болезненный период деятельности». Через несколько дней по прибытии из Мемфиса, где Бахметева застало известие о смене власти в Петрограде, он направил государственному секретарю ноту, в которой «резко и бесспорно отделил наше представительство от большевистской власти и тут же заявил, что мы считаем долгом, поскольку обстоятельства позволяют, оставаться на посту, чтобы защищать интересы национальной России».

Всем поначалу казалось, что большевики — непродолжительный эпизод. Бахметев «давал этой власти несколько больше

¹ Ibid. P. 48–49.

² *Bakhmeteff B. Oral History Memoir.* Box 38. P. 321.

³ Ibid. Box 37. P. 267–268.

времени, измеряя ее пребывание месяцами»; однако и ему представлялось, что большевикам не дожить до весны. Рассуждая в своей позднейшей аналитической записке о причинах прихода к власти большевиков, Бахметев, в частности, писал:

Мне также было ясно влияние неправильной внешней политики как со стороны союзников, так и со стороны Временного правительства, политики, которая ни в какой мере, казалось мне, не считалась стихийной волей страны, направленной к выходу из войны. Сейчас оценивая пережитое за десять лет, думаю, что я переоценивал в то время возможность положительного влияния на настроения масс разумной внешней политики... Во всяком случае, для меня было совершенно ясно, что как в интересах России, так и в свете справедливой и разумной политики со стороны союзников надо было немедленно отделить большевистскую власть от народа¹.

Идеи Бахметева были восприняты (или совпали) с чувствами руководителей американской администрации. Самое главное, что они соответствовали представлениям главы администрации — президента Вильсона. Оба, и президент, и посол, как пишет Д. Фоглсонг, видели в большевистской революции временную неудачу, которая будет преодолена. Оба четко разделяли режим, пришедший к власти в Петрограде, и подлинных русских людей. Вильсон писал 13 ноября 1917 года одному из конгрессменов, что не потерял веру в возрождение России: «Россия, подобно Франции в прошлом столетии, вне всякого сомнения перейдет глубокие воды и выберется на твердую землю на другом берегу и ее великий народ... займет достойное его место в мире»².

Не все представители администрации, связанные с русскими делами, разделяли оптимизм президента; но его мнение было решающим. К тому же, как бы ни относились к Бахметеву и его необычному статусу посла несуществующего правительства те или иные представители администрации, их объединяло одно — ненависть к большевизму, еще более усугубившаяся после заключения советским правительством мира с Германией.

¹ Материалы для деятельности... // BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 37.

² *Foglsong D. S. America's Secret War Against Bolshevism.* P. 59.

Таким образом, Бахметев сохранил свой статус; его в Вашингтоне считали настоящим представителем русского народа. Более существенным было то, что Бахметев, хотя и под присмотром и с разрешения Министерства финансов, получил право распоряжаться средствами, находившимися на счетах Временного правительства в банках США. Перечисление средств в счет кредитов и займов Временному правительству прекратилось. Однако те деньги, которые уже были переведены, не были заморожены, а использовались послом для обслуживания российских долгов, выплат по уже заключенным под гарантию американского правительства контрактам и т.п.; эти средства в значительной степени шли на финансирование антибольшевистских движений в России. Посольство было удобным каналом для перечисления средств в Россию; именно через посольство финансировалась деятельность американской миссии по поддержанию в рабочем состоянии Транссибирской магистрали. Всего, по подсчетам Фоглсонга, через посольство было проведено финансирование закупок для нужд белых армий на сумму, превышающую 50 млн долл. «Использование российского посольства как канала для помощи антибольшевистским движениям позволило вильсоновской администрации избежать запросов на финансирование этих целей у Конгресса и способствовало тому, что эта помощь оставалась скрытой от прессы и американского народа», — пишет американский историк¹.

Неудивительно, что Бахметев стал одной из наиболее влиятельных фигур среди русских дипломатических представителей за рубежом.

Другой ключевой фигурой в дипломатическом, финансовом и материальном обеспечении антибольшевистского движения стал посол в Париже В. А. Маклаков². С первых дней своего пребывания в Париже ему пришлось взять на себя лидирующую роль в организации антибольшевистского движения. Уже 27 октября он отправил телеграммы российским послам в Лондоне (К. Д. Набокову), Риме (М. Н. Гирсу) и Вашингтоне

¹ Ibid. P. 70, 71.

² См.: о нем предшествующую статью в этом сборнике. О дипломатической деятельности Маклакова см. подробнее: *Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925. PhD Dissertation. Stanford University, 1979.*

с предложением занять единую позицию и, разумеется, не признавать большевистского правительства¹. Маклаков встретил полную поддержку со стороны своих коллег, включая Бахметева.

Послам приходилось отстаивать национальные интересы России в условиях послевоенного переустройства мира, когда сила и чувство мести нередко преобладали над справедливостью и здравым смыслом; при этом послы не могли опереться на какое-либо законное российское правительство; ни одно из антибольшевистских правительств не оказалось достаточно сильным и долговечным, чтобы удостоиться официального международного признания; что же касается правительства, сидевшего в Москве, то послы, напротив, прилагали все усилия, чтобы не допустить даже переговоров с ним.

Послам приходилось сдерживать амбиции белых генералов и служить своеобразными посредниками между различными политическими силами антибольшевистского лагеря; нередко их деятельность была направлена не столько на представительство интересов российских правительств за рубежом, сколько на воздействие на их внутреннюю политику — против «реставраторства», «монархизма», неумения учесть интересы различных народов, населявших бывшую Российскую империю. После поражения белых на плечи послов легла забота о сотнях тысяч русских беженцев.

22 ноября (5 декабря) 1917 года нарком иностранных дел советского правительства Л. Д. Троцкий направил российским послам требование подчиниться новому правительству и следовать его указаниям или же немедленно уйти в отставку; Троцкий предупреждал, что отказ выполнить его требование будет рассматриваться как тягчайшее государственное преступление². Все послы, по взаимному соглашению, за исключением российского представителя в Португалии П. Л. Унгерн-Штернберга, не ответили на телеграмму Троцкого, тем самым отказавшись признать новую власть. 26 ноября (9 декабря) последовал приказ Троцкого об увольнении послов и посланников, не ответивших

¹ Маклаков В. А. — Набокову К. Д., Гирсу М. Н., Бахметеву Б. А. 27 октября (9 ноября) 1917 // Из архива организаторов интервенции в России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 61.

² Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 41.

на телеграмму с предложением работать под руководством советской власти, «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»¹.

В конце ноября 1917 года в Париже был создан координационный орган, Совещание послов, включавший М. Н. Гирса (Италия), К. Д. Набокова (Англия), М. А. Стаховича (Испания), И. Н. Ефремова (Швейцария) и Маклакова. Формально все российские послы значились членами Совещания, однако фактически, кроме упомянутых, активное участие в его работе принял только Бахметев. Совещание должно было собираться время от времени, обсуждать текущую политику и вырабатывать общую позицию, причем все решения должны были приниматься единогласно; председателем Совещания был избран Маклаков².

Цели, которые ставили перед собой дипломаты, сводились к четырем основным моментам: предотвращение признания союзниками советской власти; обеспечение моральной и материальной поддержки белых войск; защита территориальной целостности России и отстаивание ее традиционных национальных интересов; признание западными державами антибольшевистских правительств легитимными представителями России³.

Очень быстро российские послы убедились, что надежды на скорый крах советского правительства безосновательны и без иностранной поддержки, вплоть до прямого вооруженного вмешательства, большевиков одолеть будет нелегко. Реально такую поддержку могли в той или иной степени оказать Англия, Франция, США и Япония. Однако между ними существовали противоречия, иногда серьезные, как между США и Японией на Дальнем Востоке; но еще большие противоречия существовали между различными силами антибольшевистского лагеря как внутри, так и, особенно, вне России.

Маклаков и Бахметев были согласны, в особенности после подписания большевиками Брест-Литовского мира, с необходимостью скорейшего иностранного вмешательства, однако посол в Вашингтоне считал желательным поддержать его «именем

¹ Там же. С. 43.

² *Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925.* P. 30.

³ *Ibid.* P. 4.

находящихся за границей русских», а также именами известных российских политиков демократической ориентации, например Б. В. Савинкова и И. Г. Церетели, для чего даже специально выписать их из России. Маклаков же полагал, что медлить нельзя; зная лучше своего корреспондента нравы российской политической элиты, он опасался, что серьезные решения утонут в спорах по пустякам.

«Всячески сочувствуя Вашей мысли морально поддержать вмешательство извне и для этого объединить заграничные русские силы, — телеграфировал Маклаков Бахметеву в конце апреля 1918 года, — думаю, что настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России военной силы, пришедшей на ее защиту... С ужасом вижу, что Вильсон слишком медленно понимает, что надо делать, и избытком корректности губит Россию»¹.

На истекающую кровью Францию рассчитывать не приходилось; к тому же после заключения Россией сепаратного мира она переживала пароксизм русофобии. Столь же невелики были надежды на Англию, которой было не до России в период, когда сражения на Западном фронте вступили в решающую фазу. Российский представитель в Англии К. Д. Набоков писал о ситуации марта–августа 1918 года:

Министры, члены военного кабинета и сам глава кабинета, с все возрастающим волнением ожидавшие, два раза в день, «военного бюллетеня» с западного фронта — могли ли они «загадывать о дне грядущем», смотреть далеко вперед и понимать тогда, что оставлением России на произвол большевиков они... рискуют парализовать последствия даже самой полной победы? Нет, не могли. Они «отмахивались» от России, от вопроса о помощи России...²

Относительно Японии и ее намерений российские дипломаты испытывали серьезные сомнения. Наиболее емко их сумел сформулировать британский посол в Париже лорд Берти,

¹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву. 28 апреля 1918. № 145 // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1–13.

² Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 237–238.

записавший в дневнике 12 марта 1918 года: «Так называемый русский посол Маклаков хочет и не хочет японской интервенции в Сибири»¹. Такой же была позиция Бахметева; его опасения относительно искренности намерений японцев и масштабов их присутствия в России коррелировали с подозрительным отношением к активности Японии на Дальнем Востоке со стороны американской администрации.

С апреля по июль 1918 года российское посольство в Вашингтоне предприняло кампанию с целью убедить президента Вильсона и американский народ одобрить американскую интервенцию в Россию. Сотрудники посольства направлялись в пропагандистские лекционные турне; в кампанию включились видные русские политики, оказавшиеся за рубежом; кроме публичных выступлений, проводилась «индивидуальная» работа с чиновниками Госдепартамента.

Невмешательство во внутренние дела других стран, по крайней мере на словах, было фундаментальным принципом дипломатии Вильсона. Поэтому, даже накануне решения президента послать американские войска в Россию при условии того, что они будут частью вооруженных сил союзников, состоялась встреча Бахметева с одним из помощников госсекретаря, Б. Лонгом, на которой было оговорено, что американские войска не станут действовать в интересах той или иной политической группы, а поддержат только то движение, которое примет общенациональный характер и будет выражать интересы России в целом.

При этом подразумевалось, что большевики признаны такой общенациональной силой не будут ни при каких обстоятельствах. Условием признания группы или движения, выражающими действительно общерусские интересы, являлось признание ими принципов демократии, свободного предпринимательства и намерение продолжать войну с Германией и ее союзниками². В течение всей Гражданской войны русские дипломаты добивались признания союзниками какого-либо

---

¹ *Берти Ф.* За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М.; Л., 1927. С. 179.

² См.: *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // *Diplomatic History*. Vol. 2. No. 3. Summer 1978. P. 241–243.

из антибольшевистских правительств, действовавших на территории России. Успехом это не увенчалось, если не считать признание правительства Врангеля Францией *de facto* в августе 1920 года, когда это уже имело почти символическое значение.

Насколько советы и мнения Бахметева учитывались администрацией Соединенных Штатов при формировании своей российской политики? Мнения историков по этому поводу расходятся. Среди тех, кто считает влияние Бахметева серьезным, — Джордж Кеннан, Роберт Мэддокс, Линда Киллен и в особенности Дэвид Фоглсонг¹. Л. Киллен пишет, что Бахметев «не делал русскую политику Америки. Он пытался, и с определенным успехом, влиять на формулирование этой политики»². В тезисе Киллен чувствуется некоторое противоречие. Не есть ли «формулирование» политики в известном смысле ее «делание»? На наш взгляд, более точен Р.Ш. Ганелин, который пишет, что «идеи Бахметева оказали известное влияние на послеоктябрьский курс Вашингтона в „русском вопросе“. Они стали отправной точкой одной из линий американской политики, явившись довольно важным эпизодом в предыстории... 14 пунктов Вильсона»³.

Особенно отчетливо это прослеживается в истории с 6-м пунктом из знаменитых «14-ти» президента Вильсона, посвященным России. Заключение большевиками перемирия с Германией и их призыв к немедленному подписанию мира без аннексий и контрибуций послужили побудительным мотивом для речи

---

¹ *Kenan G. F. Soviet-American Relations. 1917–1920. Vol. 2. The Decision to Intervene. Princeton, 1958. P. 322–323; Maddox R. J. The Unknown War with Russia. San Rafael, Calif., 1977; Idem. Woodrow Wilson, the Russian Embassy and Siberian Intervention // Pacific Historical Review 36. November 1967. P. 435–448; Killen L. The Search for Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // Diplomatic History 2. No. 3. Summer 1978. P. 237–256; Idem. The Russian Bureau: A Case Study in Wilsonian Diplomacy. Lexington, Ky., 1983; Foglesong D. S. American Secret War against Bolshevism. В качестве исследования, в котором отрицается какая-либо связь между Госдепартаментом и русским посольством, Д. Фоглсонг, автор работы, в которой наиболее тщательно проанализирована роль Бахметева, приводит диссертацию: *Walsh W. J. Secretary of State Robert Lansing and the Russian Revolution of 1917. Georgetown University, 1986.**

² *Killen L. In Search for Democratic Russia. P. 237.*

³ *Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 51–52.*

Вильсона; в отношении России, дальнейшие намерения нового руководства которой были неочевидны, необходимо было соблюсти деликатность, чтобы не толкнуть ее в объятия Германии и, в то же время, продемонстрировать дружеское расположение Америки к России. Бахметев, которого трудно заподозрить в симпатии к большевикам, советовал воздержаться от формальных протестов против политики Ленина или каких-либо угроз, которые только укрепят позиции большевиков.

Телеграмма, которую посол дал 30 ноября 1917 года полковнику Хаузу, произвела на последнего сильное впечатление. Бахметев телеграфировал:

Хотя правительство Ленина, захватившее власть путем насилия, не может рассматриваться как правительство, представляющее волю русской нации, его призыв, обращенный к союзникам и призывающий к перемирию, не может быть оставлен без ответа, так как всякое уклонение союзников от решения вопроса о мире только усилит позицию большевиков и поможет им создать в России атмосферу, враждебную союзникам. Какой-либо формальный протест против политики Ленина или какие-либо угрозы будут иметь тот же самый эффект. Они только ухудшат положение и помогут максималистам дойти до крайности...¹

Хауз советовался с Бахметевым перед отъездом в Вашингтон, и «написанное Вильсоном по своей сущности и содержанию близко к наброску посла». Хауз записал:

Я прочел ему (президенту. — О. Б.) приготовленное мной предложение, относящееся к России и предварительно рассмотренное русским послом, вполне его одобрившим. Я сказал, что безразлично, сколь велико негодование президента по поводу поступка русских: разум велит нам изолировать Россию, насколько возможно, от Германии, а этого можно достигнуть только открытым и дружественным выражением сочувствия и обещанием более существенной помощи. Президент

---

¹ Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. III. С. 232. Одновременно Бахметев представил государственному секретарю меморандум, в котором высказывал соображения о желательной политике США в отношении России, идентичный по содержанию телеграмме Хаузу. См.: Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения... С. 51–53.

не возражал, так как наши мысли были вполне одинаковы, и то, что он написал о России, является, по-моему, в некоторых отношениях наиболее красноречивой частью его послания.

В пункте 6 говорилось:

Очищение всей занятой русской территории и разрешение вопросов, затрагивающих Россию, способствующее наилучшему и свободнейшему сотрудничеству других наций мира, с целью помочь России использовать беспрепятственно и без затруднений благоприятные возможности для независимого разрешения вопросов ее собственного политического развития и национальной политики и для гарантирования ей искреннего, радушного приема в содружество свободных наций при условии установления ею формы правления по собственному выбору. И даже не только приема в союз наций, а также и помощи любого рода, в которой она может нуждаться и которой она сама пожелает¹.

Вся эта обходительность оказалась напрасной. Ленин хотел совсем другого, чем президент Вильсон. Да и Германия отнюдь не собиралась выпускать из рук долгожданную добычу.

Таким образом, Бахметев, по крайней мере время от времени, участвовал не только в формулировании, но и в формировании американской политики в отношении России. Два важнейших текста, в которых декларировались принципы этой политики, были подготовлены при его участии — кроме «6-го пункта», посл, позднее, приложил руку к ноте госсекретаря Б. Колби.

Более высоко, чем Киллен, хотя в целом негативно, оценивает влияние русского посла Фоглсонг. Он пишет, что, несмотря на утрату президентом Вильсоном и его советниками доверия к Временному правительству, ввиду допущенных им грубых просчетов и неумелости, чиновники Госдепартамента сохранили свою высокую оценку посла Бахметева. «После большевистской революции общий антибольшевизм сцементировал связь между Лансингом и Бахметевым. Государственный секретарь часто ссылался на мнения Бахметева, в особенности в противостоянии «раздроблению» России на «отдельные государства». В своих

¹ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения... С. 51–53.

мемуарах Лансинг яркими красками рисует, как Бахметев «вел себя и дела своего посольства с тактом и сдержанностью, так что когда он оставил свой пост... он сохранил уважение и доброжелательность многочисленных друзей, приобретенных им за время своей посольской карьеры». Столь же высоко оценивал Бахметева заместитель Лансинга Фрэнк Полк, считавший посла «чрезвычайно полезным представителем» России¹.

Совсем с иных позиций оценивает деятельность Бахметева и его партнеров в администрации президента Вильсона современный исследователь Фоглсонг:

Российское посольство играло решающую двойную роль в тайной войне администрации против большевизма. Посольство выполняло функцию публичного символа «Настоящей России», которая, как надеялась вильсоновская администрация, появится из хаоса гражданской войны. В то же время посольство служило тайным каналом для снабжения антибольшевистских сил, что администрация не могла осуществить открыто и напрямую, так как опасалась оппозиции в обществе и критики в Конгрессе. Бахметевские «такт и сдержанность», превознесенные Лансингом, помогли Вашингтону сохранить веру в «Россию», в то время как тайная поддержка антибольшевистских движений повлекла за собой подрыв веры в демократические процедуры в Америке².

Если попытаться взглянуть на тогдашнюю ситуацию глазами самого Бахметева, а его воспоминания и в особенности переписка 1917–1930-х годов позволяют это сделать, то вся его деятельность в качестве посла была направлена на то, чтобы предоставить русскому народу возможность выразить свою волю и реализовать присущие ему устремления; Бахметев был убежден, что к ним относятся свобода, демократия, право собственности. Он считал необходимым сохранить целостность государства, создававшегося столетиями. Иностранная помощь, в силу сложившихся обстоятельств, представлялась ему необходимым

¹ *Foglesong D.S. America's Secret War Against Bolshevism. P. 68; Lansing R. War Memoirs. P. 278;* Фоглсонг цитирует также письмо Лансинга Т. Масарику от 25 октября 1918 года и запись разговора о Бахметеве с С. Д. Сазоновым в дневнике Полка (23 августа 1919 года).

² *Foglesong D.S. America's Secret War Against Bolshevism. P. 75.*

условием выхода из тупика, в котором оказалась страна. Апеллируя в многочисленных речах, статьях, интервью, меморандумах к американскому общественному мнению или же к конкретным чиновникам администрации с просьбами поддержать демократическую Россию, Бахметев не лукавил. Он действительно верил в эту демократическую Россию, частью которой себя ощущал. Другой вопрос, существовала ли эта Россия в действительности. Полагаю, что, кроме логики, внутренняя убежденность посла оказывала воздействие на американских политиков, не лишенных, как и он, изрядной доли идеализма.

Возможно, наиболее ответственный момент для российской дипломатии наступил после окончания боевых действий и заключения перемирия. На Парижской конференции должны были решаться судьбы мира. Защита интересов России требовала представительства. Однако положение русских дипломатов было крайне двусмысленным; вынеся на своих плечах тяжесть первых трех лет войны и понеся огромные потери, Россия, после прихода к власти большевиков, заключила сепаратный мир и вышла из войны. Можно было сколько угодно рассуждать о том, что большевики не отражали истинных настроений народа, который хотел сражаться дальше, но факт был налицо.

Ни одно из антибольшевистских правительств не было достаточно сильным и долговечным, чтобы его признали правительства союзников; к тому же Колчак и Деникин все еще не могли договориться между собой. Временного правительства, которое представляли некогда послы, уже не существовало. Чтобы как-то выйти из этого двусмысленного положения, Бахметев предложил создать суррогат национального представительства из дипломатов, добавив к нему несколько представителей вновь образованных органов власти в России. Он справедливо предвидел трудности «в обеспечении этому органу решающего голоса» на конференции¹. Бахметев настаивал на ускорении процесса формирования представительства ввиду ожидавшегося прибытия в начале декабря президента Вильсона в Париж, опять-таки справедливо полагая, что многое будет решаться

---

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 6 ноября 1918. № 216 // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1–13.

на предварительных совещаниях до официального открытия конференции. Он предложил в качестве возможных лидеров делегации генерала М. В. Алексеева и князя Г. Е. Львова. «Эти два имени, олицетворяя собой символ национальной России, организовали бы вокруг себя русское представительство»¹.

Маклаков, выразив сомнение в том, что «какой-нибудь суррогат законного представительства мог обеспечить России равноправное участие на конгрессе» (причем возражения он ожидал не только со стороны держав, «но впоследствии и самой России»), тем не менее считал создание «сурrogата» необходимым, прежде всего для защиты интересов России на «прелиминарной» стадии конференции. В конечном же счете «судьба России будет зависеть исключительно от успешности ее воссоздания, которое идет медленно». Вопрос о представительстве Маклаков считал настолько важным и трудным, что настаивал на приезде Бахметева в Париж; к тому же он рассчитывал, что послу в Вашингтоне удастся достать деньги для обеспечения работы представительства². Маклаков, после совещания с приехавшими в Париж Гирсом и Набоковым, телеграфировал Бахметеву, что они поддерживают его план, однако с некоторыми уточнениями:

...пока не будет общепризнанного правительства для официозного представительства России, необходимо создать коллегия, в которую, кроме дипломатических представителей, вошли бы видные и авторитетные представители всех главных направлений и оттенков политической мысли. Мы считаем необходимым, чтобы были представлены все, для того чтобы это мнение не казалось партийным и не могло быть оспариваемо видными политическими течениями... единогласное мнение такой коллегии кажется нам наиболее авторитетным как в России, так и для Конгресса. В этом наше разномыслие с Вами; у нас нет одного общепризнанного национального вождя. Алексеев умер, а кн. Львов один недостаточен. Необходим фронт, а не лицо³.

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 24 ноября 1918. № 244 // Там же.

² Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 17 ноября 1918. № 390 // Там же. 1–14.

³ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 4 декабря 1918. № 455 // Там же. Об образовании «сурrogата» российского представительства см. также: *Thompson J. M. Russia, Bolshevism and Versailles Peace. Princeton, 1967. P. 67–71.*

В результате трудных переговоров было образовано нечто вроде общероссийского представительства, получившее название Русского политического совещания. Первое упоминание о нем относится к декабрю 1918 года. В его состав в конечном счете вошли послы Маклаков, Гирс, Бахметев, К. Н. Гулькевич, Ефремов, Стахович, а также бывшие царские министры иностранных дел С. Д. Сазонов, признанный министром иностранных дел Колчаком и Деникиным, и А. П. Извольский, бывший министр Временного правительства А. И. Коновалов, представители демократии — глава Архангельского правительства, в прошлом знаменитый революционер-народник Н. В. Чайковский, С. А. Иванов, член Кубанского правительства Н. С. Долгополов, террорист Б. В. Савинков. Председателем Совещания был избран кн. Г. Е. Львов, бывший премьер-министр Временного правительства. Он являлся представителем Омска, да к тому же, вследствие своего краткосрочного и неудачливого премьерства, был наиболее высокопоставленной в недавнем прошлом фигурой среди русских политиков за рубежом.

Несколько позже из состава Совещания была выделена Русская политическая делегация, уполномоченная в случае возможности представлять интересы России на мирной конференции; в Делегацию вошли кн. Львов (председатель), Сазонов, Маклаков, Чайковский; в августе 1919 года добавился Савинков. При Совещании работал ряд комиссий; Бахметев возглавил работу Политической комиссии, занимавшейся в основном подготовкой документов по вопросам территориального урегулирования, в особенности по проблемам статуса Бессарабии и Финляндии.

Работа Совещания, а также экспертов, обслуживавших его нужды, была профинансирована, с согласия Госдепартамента США, за счет средств, находившихся на счетах Временного правительства. Бахметеву было отпущено 100 тыс. долл. Позднее необходимые средства стали поступать из Омска; в руках колчаковского правительства оказалась большая часть золотого запаса России. Бахметев прибыл в Париж в декабре 1918 года, сделавшись одной из ключевых фигур Совещания; вернулся посол в США в июле 1919 года. Во время совместной работы, несомненно, и произошло личное сближение Бахметева и Маклакова.

Среди важнейших задач, которые ставило перед собой Русское политическое совещание, было сохранение территориальной целостности России. Оно стремилось также добиться, чтобы любое решение конференции, затрагивающее интересы России, было отложено до консультаций с признанным русским правительством; наконец, совещание добивалось от союзников ясных заявлений, осуждающих большевизм и провозглашающих поддержку либеральных сил в России. Бахметев информировал обо всех этих пожеланиях американскую делегацию¹.

Русское политическое совещание, несмотря на проявленные его членами активность и упорство, большинства своих целей, если не считать заявления Англии, Франции, США и Италии от 26 мая 1919 года о готовности признать Колчака при условии проведения им демократических выборов и соблюдения прав национальностей (признания независимости Польши и Финляндии, автономии, впредь до окончательного решения вопроса об их статусе, Литвы, Латвии и Эстонии, а также кавказских и закаспийских образований), подтвержденного 12 июня, после получения положительного, хотя и уклончивого по вопросу о национальностях ответа Колчака, не достигло. Да и не могло достичь, ибо все-таки висело в воздухе. Надо признать, что в той ситуации, в которой оказались люди, заявлявшие, что они говорят от имени России, они сделали все возможное².

Бахметева многие считали противником Белого движения. Это нашло впоследствии отражение даже в одном из некрологов.

Историку... придется решать, — писал анонимный автор, возможно, М. М. Карпович, — кто был прав в некотором расхождении, возникшем между руководителями «белого движения» и Б. А. Бахметевым: они ли,

¹ Killen L. In Search for Democratic Russia. P. 247.

² Перечень многочисленных меморандумов, с которыми обращалось Русское политическое совещание к руководителям мирной конференции, см. в книге: Thompson J. M. Russia, Bolshevism and Versailles Peace. P. 399–400. Оригиналы меморандумов находятся в Архиве Гуверовского института; они затрагивают в основном вопросы территориального урегулирования — от Бессарабии до Шпицбергена, а также проблемы раздела торгового флота центральных держав, помощи генералу Н. Н. Юденичу, опасности германской технической помощи Советам и т. п. Подробнее о деятельности Русского политического совещания см.: Thompson J. M. Russia, Bolshevism and Versailles Peace. P. 66–81; Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925. P. 107–153.

хотевшие, чтобы он стал их дипломатическим агентом, или он, считавший, что может принести больше пользы, если останется в глазах американцев носителем идеи свободной России, которая «была и будет». Это не значит, конечно, что он отказывался помогать тем, кто боролся с большевиками на русской территории. Вероятно, все возможное в условиях того времени было им сделано. Но во многом он не одобрял политики руководителей «белого движения» и хотел сохранить свою от них независимость¹.

Этого не отрицал бы и сам Бахметев; в начале 1921 года он подвергся неистовой критике со стороны В. Л. Бурцева на страницах парижского «Общего дела», игравшего в период Гражданской войны роль заграничного официоза сначала Деникина, а затем Врангеля. Бурцев обрушился на Бахметева за то, что он оказывал помощь левым кругам эмиграции, в частности Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания, в то же время не поддерживав в достаточной мере белые армии в ходе Гражданской войны. «Бурцев, я думаю, прав в одном, — писал Бахметев П. Н. Милюкову, — что никто из послов не держал себя более независимо по отношению к национальным правительствам и избегал солидаризироваться с ними. Он неправ, однако, упрекая меня в саботаже»².

Бахметев, конечно, оказывал Белому движению и дипломатическую, и материальную поддержку. Похоже, что больше симпатий он испытывал к Колчаку; возможно, потому, что тот был в чем-то таким же «новым русским», как Бахметев, — ученым-гидрографом, путешественником, «технарем» — специалистом по минному делу, флотоводцем. Однако то ли сам Колчак, то ли его окружение относились к Бахметеву с подозрением. Несомненно, играло свою роль социал-демократическое прошлое Бахметева; возможно также, что независимое поведение посла не устраивало Омск.

Когда Колчак был признан основными антибольшевистскими силами верховным правителем России, а бывший царский

¹ Памяти Б. А. Бахметева // Новый журнал. 1951. Кн. 36. С. 253.

² Бахметев Б. А. — Милюкову П. Н. 14 апреля 1921 // ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 9.

министр иностранных дел Сазонов стал заграничным представителем не только Деникина, но и Колчака в ранге министра, то верховный правитель счел нужным официально подтвердить полномочия послов. Он утвердил всех, кроме Бахметева, активно боровшегося за признание Колчака. Сазонов добился у Колчака признания Бахметева и лишь после этого показал послу предыдущую телеграмму, содержащую неприятные для него сведения. Этот инцидент, по мнению Бахметева, характеризовал отношения между «старым» и «новым». Впрочем, Бахметев сказал новому (старому) министру, что одобрение или неодобрение адмиралом его миссии никак не повлияло бы на его позиции в Вашингтоне, так как сам Колчак не признан. «Однако, несмотря на это крайне тупое и глупое отношение, — заявил посол Сазонову, — я намерен работать для признания колчаковского правительства, потому что я верю, при данных обстоятельствах, несмотря на то, что я знаю все его недостатки, это лучшее, что может быть сделано»¹.

Колчаковское правительство было ближе к признанию союзниками, чем какое-либо другое из белых правительств. Союзников сдерживали колебания Вильсона, подозревавшего, что Колчак — монархист и реакционер. Этим подозрениям способствовали высказывания в Париже А. Ф. Керенского и некоторых других представителей революционной демократии, а также донесения американского посла в Пекине Пола Рейнша (Reinsch). Тогда в Омск «с инспекцией» был направлен американский посол в Токио Роланд Моррис.

Моррис, прибывший в Омск 21 июля 1919 года, три недели изучал положение. В своих донесениях он отмечал недостатки режима, недовольство населения колчаковской диктатурой; тем не менее он рекомендовал признание и оказание финансовой поддержки Колчаку, что должно было спасти его от надвигающегося краха. Колчак, как бы ни оценивать методы его управления, оставался наиболее серьезной альтернативой большевизму. Предложения Морриса достигли Госдепартамента в конце августа, накануне общенационального агитационного турне президента Вильсона в поддержку ратификации Версальского

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir.* 38–4. P. 455–458.

мирного договора. Так что чиновники Госдепартамента были озабочены совсем другими проблемами; к тому же почти все новости, приходившие в то время из Сибири, содержали сообщения об очередных победах Красной армии. Признание вновь было отложено. «Хотя Бахметев, только что вернувшийся из Парижа, продолжал свои обращения (о признании. — О. Б.) и говорил о перспективах Колчака в пылких выражениях, — с иронией писал Ф. Шуман, — Красная Армия убрала эту проблему из сферы практического рассмотрения»¹. «Бахметев боролся за американскую поддержку Колчака до самого конца», — пишет Линда Киллен², оправдывая, сама того не ведая, предсказание Бахметева, сделанное им в письме к П. Н. Милюкову в апреле 1921 года:

...будущие историки, вероятно, покажут, что из всех представителей [России] я сделал, м[ожет] б[ыть] больше всего, чтобы подвести вопрос о признании колчаковского правительства к осуществлению, а также, вероятно, из всех послов оказал непосредственно наибольшую материальную и денежную помощь национальным армиям³.

Возможно, на долю антибольшевистского движения на Юге пришлось меньше посольских забот, в особенности при Деникине. Отчасти это объяснялось охлаждением американской администрации к русским делам и утратой доверия к антибольшевистским правительствам. В разговоре с Бахметевым Лонг как-то раз заметил, что «антибольшевистские силы сражаются с большевиками только немногим упорнее, чем друг с другом». Тот же Лонг высказал предположение, что иностранное военное вмешательство только помогает большевикам, позволяя им заявлять,

¹ *Schuman F. L. American Policy Toward Russia Since 1917. P. 146–148.* Об усилиях российских дипломатов, направленных на признание колчаковского правительства, см. также: *Thompson J. M. Russia, Bolshevism and Versailles Peace. P. 63, 66, 77, 280–283* и др.; *Killen L. The Search for a Democratic Russia. P. 249–252.*

² *Killen L. The Search for a Democratic Russia. P. 251.*

³ Бахметев Б. А. — Милюкову П. Н. 14 апреля 1921 // ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Вох 9. Об участии посольства во главе с Бахметевым в организации снабжения и финансирования противников большевиков см.: *Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 160–218.*

что они сражаются с войсками союзников, а не с небольшими воинскими контингентами, противостоящими им на различных фронтах. После поражения Колчака Бахметев продолжал просить об американской поддержке для оставшихся антибольшевистских сил. Однако в декабре 1919 года Вильсон, Лансинг и Лонг пришли к выводу о необходимости вывести американские войска из Сибири, что и было завершено к апрелю 1920 года.

«Как бы ни хотели Соединенные Штаты видеть прогрессивную, антибольшевистскую Россию, они не хотели брать на себя всю ношу, — пишет Л. Киллен. — Лонг мог сказать Бахметеву в декабре 1919 года, что «Соединенные Штаты не должны нести ответственность за судьбу России». Тогда же Лансинг заметил, что союзники и Америка пришли к решению, что они не имеют более обязательств поддерживать любую из русских фракций»¹.

Симптоматично, что как раз в начале декабря 1919 года Маклаков писал начальнику деникинского штаба генералу И. П. Романовскому, пользовавшемуся репутацией либерала, об отношении к русским делам во Франции:

...ответственные политические люди превосходно понимают, что большевизм есть общая опасность, что Деникин борется не только за Россию, но и за весь цивилизованный мир, что все разумные люди должны бы помогать нам не торгуясь, но... дураков всегда больше, чем умных, и у большевизма есть сторонники всюду. Очень многие предпочитают выгоду сегодняшнего дня большому выигрышу в будущем. Нельзя требовать от союзников большего напряжения сил против большевизма. Демократия этого все же не позволит. И хотя в парламенте консервативное большинство, оно все же демократии испугается².

В тех условиях, в которых оказался Бахметев, он, по-видимому, сделал все, что мог. Приведу фрагмент письма Бахметеву П. Н. Врангеля, в котором послу воздавалось по заслугам: «От имени Русской армии и нашего национального дела прошу Вас принять глубокую благодарность за оказанную Вами бесценную

¹ Killen L. The Search for a Democratic Russia. P. 252–253.

² Маклаков В. А. — Романовскому И. П. 2 декабря 1919 // НИА. Vasily Maklakov Collection. 11–17.

помощь армии, — писал генерал 31 августа 1921 года. — Благодаря Вам, Русская армия, последний оплот антибольшевистских сил, спасена и перевозится в дружественные нам славянские страны»¹. Далее следовали традиционные денежные просьбы. Похоже, Бахметева считали противником Белого движения не столько потому, что он не снабжал его средствами, сколько потому, что руководители белых ждали и хотели получать от него все больше и больше.

После поражения Деникина Бахметев утратил веру в возможность низвержения большевизма путем «военных движений». Он больше не настаивал на признании какого-либо из антибольшевистских правительств. Его главной дипломатической задачей стало предотвращение признания большевистского правительства США; кроме того, посол стремился «организовать» публичное провозглашение принципов американской политики в отношении России. Разумеется, речь шла о политике непризнания большевиков. Это было особенно важно в связи с очевидным намерением британского премьера Д. Ллойд Джорджа нормализовать отношения с Советами.

Тем временем в Госдепартаменте произошли кадровые изменения, заставившие Бахметева поначалу поволноваться. Однако смена Лансинга и Полка на Бейнбриджа Колби и Нормана Дэвиса не привела к перемене политики в отношении России, более того, «русская политика» стала, с точки зрения Бахметева, «еще лучше». Бахметев «ходатайствовал» перед Госдепартаментом о провозглашении принципов американской политики в «русском вопросе». Он не добивался встречи непосредственно с Колби, поскольку считал неудобным для посла просить государственного секретаря написать нечто от имени американского правительства. Бахметев по большей части обрабатывал своего друга (насколько слово «дружба» уместно для характеристики взаимоотношений дипломатов различных стран), помощника госсекретаря Лонга. Бахметев обращался к Лонгу столь часто и настойчиво, что тот при появлении посла в его офисе неизменно восклицал: «Привет, мистер Декларация!»

¹ Врангель П. Н. — Бахметеву Б. А. 31 августа 1921 // ВАР. Boris Bakhmeteff Collection. Box 13.

В конце концов настойчивость Бахметева принесла плоды. Нота была подготовлена. Писал ее Джон Спарго, известный публицист, в прошлом социалист, пересмотревший свои взгляды и ставший примерным христианином. Спарго интересовался русскими проблемами и опубликовал по ним несколько брошюр и статей. Он был другом Бахметева и вообще посольства. Когда Бахметев употреблял слово «друг» в отношении Спарго, это была не просто формула вежливости. В архиве Бахметева хранятся три коробки их личной переписки. Позднее, в 1924 или 1925 году, Бахметев был крестным отцом сына Спарго, Джека. Мальчику исполнилось в то время уже 11 или 12 лет, но он не был в свое время крещен, поскольку его отец и мать являлись тогда воинствующими атеистами. Вряд ли можно сомневаться, что Бахметев приложил руку к подготовке ноты. Если сравнить ее текст с идеями, высказывавшимися послом в личной переписке, совпадения не могут не броситься в глаза.

Поводом для ноты послужил формальный вопрос итальянского посла от 20 июля 1920 года об отношении Америки к России. В ответ посол неожиданно получил целую «диссертацию». Бахметев особо выделял в ноте два момента. Во-первых, четкое разделение людей, народа, с одной стороны, и советского правительства — с другой. Первым выражалось сочувствие и обещалась поддержка; декларировался отказ от установления дипломатических отношений со вторым. Во-вторых, рассматривались польский и другие вопросы. Подчеркивалось, что Польша, воспользовавшись ситуацией для нападения на Россию, вызвала дезориентацию и ложный патриотизм среди русского народа¹. Бахметев считал ноту одним из своих важнейших дипломатических успехов.

Еще одна вспышка дипломатической активности Бахметева приходится на вторую половину 1921 — начало 1922 года, период подготовки и проведения Вашингтонской конференции², посвященной ограничению морских вооружений и урегулированию отношений на Дальнем Востоке. Бахметев, посетивший Париж в середине сентября 1921 года, высказал предположение, что союзники,

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir.* 38–4. P. 474–475, 478–480.

² Проходила в период с 12 ноября 1921-го по 6 февраля 1922 года.

в особенности американцы, должны быть заинтересованы в том, чтобы выслушать мнение по обсуждаемым вопросам объединенной русской делегации. Поскольку на конференции собирались обсуждать проблемы Дальнего Востока, любая дискуссия должна была в той или иной степени касаться проблем Сибири и сохраняющегося там японского присутствия. Бахметев полагал, что союзники должны будут принять во внимание позицию России. Правда, возникал вопрос, о какой России идет речь.

Дискуссии вокруг российского представительства на Вашингтонской конференции напоминают эффект дежавю. Вновь встал вопрос о том, кто будет говорить от имени России. Это было тем более важным, что Бахметев рассматривал Вашингтонскую конференцию как еще одну возможность обсудить будущее России. Он хотел бы, чтобы различные группировки эмигрантов выступили наконец единым фронтом и выработали согласованную программу. Речь шла не только о единой позиции по дальневосточным проблемам. Бахметев рассчитывал, что будет выработана наконец общепринятая программа преобразования России на национально-демократических началах, вокруг которой объединятся антибольшевистские силы, программа, приемлемая и привлекательная также и для западных демократий.

Однако русские представители на конференцию приглашены не были, а заготовленные для конференции требования — включить в повестку дня конференции русскую проблему и выслушать представителей антибольшевистской России, одобрить твердую политику защиты территориальной целостности России и ее прав на Дальнем Востоке, а также доктрину непризнания советского режима — соответственно, не были выслушаны. Заветная идея Бахметева — продемонстрировать миру новую, «крестьянско-купеческую» Россию — также осталась нереализованной¹. Слабым утешением могло служить то, что на конференцию не были допущены представители РСФСР, а также марионеточной просоветской Дальневосточной республики.

После крушения Колчака и Деникина деятельность Бахметева в качестве посла в значительной степени теряла смысл; становилось все более понятным, что попытки свергнуть советскую

¹ См.: *Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925*. P. 342–347.

власть военным путем провалились и вряд ли можно рассчитывать на возобновление вооруженной борьбы в обозримом будущем в более или менее серьезных масштабах. Не приходилось рассчитывать и на интервенцию, тем более что Бахметев считал, что она скорее приведет к прямо противоположным результатам — росту патриотизма и укреплению большевиков, которые окажутся в роли защитников отечества от иностранного вторжения. Уже в 1920 году он заговорил об отставке, но тогда Госдепартамент счел ее преждевременной и советовал Бахметеву повременить.

Ситуация рязительно изменилась два года спустя. Бахметев подвергся атаке со стороны популярного сенатора Уильяма Бора, заинтересовавшегося странным посольством, представляющим несуществующее правительство и живущим явно на американские деньги. Обвинения в бесконтрольном расходовании денег американских налогоплательщиков на не предусмотренные законом цели имели под собой почву; правда, равную ответственность, наряду с послом, должна была нести в этом случае и американская администрация. Дело, вкратце, сводилось к тому, что предоставленные американским правительством Временному правительству займы и кредиты на военные цели остались на счетах посольства после Октябрьской революции и были использованы для финансирования Белого движения. Существование самого посольства также фактически поддерживалось за счет прямого или опосредованного (продажа имущества, ранее закупленного для военных целей и другой собственности, приобретенной за счет кредитов американского правительства) использования средств, отпущенных давно не существующему Временному правительству. Надо, разумеется, учесть, что расходование средств производилось только с одобрения Министерства финансов и Госдепартамента. Однако, как вполне логично писал Ф. Шуман, окончание интервенции и победа советского правительства в Гражданской войне положили конец американским поставкам в Россию.

Бахметеву была предоставлена моральная и материальная поддержка для его усилий по разрушению Советского режима. Он потерпел неудачу, и Советское правительство установило бесспорный контроль

над народом, чьим послом он намеревался быть. После 1920 года он не представлял ничего, кроме несбывшихся надежд и разбитых мечтаний русских эмигрантов и изгнанников¹.

Бора потребовал от Бахметева явиться в возглавляемый им сенатский комитет и ответить на вопросы: посла по существу вызывали на допрос. Государственный секретарь указал, что посол находится вне юрисдикции американских учреждений, включая Конгресс. Одновременно Бахметева вызвали в Госдепартамент, где уведомили, что ситуация становится нетерпимой².

Бахметев съездил в Нью-Йорк, посоветовался со своим адвокатом и 28 апреля сам обратился к государственному секретарю Хьюзу с письмом об отставке. Бахметев писал, что у него нет признанного правительства, к которому он мог бы обратиться с просьбой об отставке. «Однако я полностью готов, если правительство Соединенных Штатов желает этого, уйти в отставку и прекратить исполнение своих официальных функций». Бахметев сообщал также, что будет готов урегулировать все дела по посольству к 30 июня. На этот раз отставка была принята; 29 апреля последовало ответное письмо Хьюза, в котором госсекретарь соглашался со сроками и предложенной Бахметевым процедурой; ее срок согласовали таким образом, чтобы это не выглядело как уход под давлением³.

Подготовка к ликвидации посольства шла скрытно, о ней знали лишь два-три человека. Бахметева принял на прощание президент Уоррен Гардинг. На вопрос посла, может ли он вернуться в страну, президент ответил: «Да, конечно». Но теперь Бахметев возвращался в США в другом качестве, и американскую визу он должен был получать в Англии. Бахметев покинул страну 20 июня, за десять дней до формальной отставки, после прощального ланча, который был дан в его честь в Юридическом клубе Нью-Йорка. На ланче присутствовали Фрэнк Полк, Норман Дэвис, Джон Спарго, Оскар Страус и другие известные политические деятели. Поскольку остались неурегулированными

¹ *Schuman F.L.* American Policy Toward Russia Since 1917. P. 226.

² *Bakhmeteff B.* Oral History Memoir. P. 536–538.

³ Resignation // BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 46.

многие финансовые вопросы, финансовый агент С. А. Утет продолжил исполнение своих обязанностей, взяв на себя также функции поверенного в делах. Деятельность представительства была перенесена в Нью-Йорк, поскольку основные финансовые дела посольства велись там. Предполагалось, что Утет ликвидирует оставшиеся дела в течение двух-трех лет, однако фактически он исполнял обязанности вплоть до признания Соединенными Штатами СССР в 1933 году, хотя и не был включен в дипломатический лист¹.

Бахметев побывал в Англии, Германии и Франции и вернулся в США в октябре того же 1922 года. За четыре месяца его отсутствия шум вокруг его имени улегся. Около года Бахметев был фактически персоной нон грата. Однако начиная с весны 1923 года он вновь стал стараться влиять на русскую политику. Теперь это влияние осуществлялось через различные неформальные разговоры, доклады, речи в узком кругу политиков и бизнесменов. Бахметев сохранил обширные знакомства; к его мнению прислушивались. Особо важными Бахметев считал свои выступления в Политическом институте в Вильямстауне (штат Массачусетс). Институт был создан на средства Барнарда Баруха и некоторых других деятелей. Там собирались летом до 300–400 политиков, юристов, профессоров университетов, интересующихся внешней политикой и достаточно влиятельных. Бахметев, начиная с 1923 года, читал в Вильямстауне лекции, проводил дискуссии за круглым столом. Последний раз он выступал в Вильямстауне в 1929 или 1930 году по поводу ситуации вокруг Китайско-Восточной железной дороги². Кроме того, Бахметев время от времени публиковал аналитические статьи о положении в России³.

Когда в 1933 году США признали СССР, Бахметев, по его уверениям, совершенно прекратил свою политическую деятельность,

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 539–541.*

² Здесь и далее основные вехи жизни Бахметева в США в качестве частного лица излагаются по его уже неоднократно цитировавшимся нами воспоминаниям. С. 548–597.

³ *Russia at the cross-roads // Foreign Affairs. Vol. II. No. 3. March 1924. P. 421–435; The nep in eclipse // The Slavonic Review. Vol. III. No. 8. December 1924. P. 259–271; Ten years of Bolshevism // Foreign Affairs. Vol. VI. No. 4. July 1928. P. 587–599.*

поскольку она потеряла всякий смысл. Он по-прежнему сохранял интерес к международным делам и обсуждал их в кругу друзей и специалистов; но теперь он подходил к этим проблемам как американец русского происхождения. В 1934 году Бахметев принял американское гражданство. Он был хорошим гражданином своей новой родины. Его юрист и друг Фредерик Кудерт говорил своему клиенту: «Борис, ты лучший американец из всех, кого я знаю. Ты едва ли не единственный, кто не поносит постоянно свою страну за то или за это». По словам Кудерта, Бахметев был твердым приверженцем американской конституции и избирательной системы¹. Бывший социал-демократ стал республиканцем и был даже делегатом съезда республиканцев штата Коннектикут, где у него была крупная ферма.

По возвращении в 1922 году в США Бахметев поселился в Нью-Йорке, где открыл консультационное агентство по вопросам инженерного дела и международных экономических отношений, преимущественно торговли². Однако дело не пошло. Тогда Бахметев занялся бизнесом. Он приобрел по случаю оборудование маленькой спичечной фабрики. Это небольшое поначалу предприятие (Lion's Match Factory) довольно быстро вошло в число четырех крупнейших спичечных фабрик США. Бахметеву его успех на предпринимательском поприще принес достаточные средства для того, чтобы вернуться к своей прежней профессии инженера и ученого.

В 1931 году Бахметев стал профессором Колумбийского университета, где читал лекции по гидравлике; он был согласен не получать жалованья в обмен на предоставление ему лаборатории для научных экспериментов. Бывший посол приложил руку к реформированию инженерного дела в США. Инженерное дело традиционно понималось в Америке как сумма практических навыков, инженерная теория недооценивалась, что ставило США в зависимость от иностранных талантов. Бахметеву удалось доказать необходимость сочетания науки и технологии, выделения инженерной теории в специальную отрасль. Он стал одним

¹ The Reminiscences of Frederic Rene Coudert. P. 170 // Oral History Research Office, Butler Library, Columbia University.

² См.: Commercial and Financial World (New York). Vol. XXV. No. 23. December 16, 1922. P. 3.

из учредителей Инженерного фонда, оказывающего поддержку исследованиям в области инженерного дела; коллеги избрали Бахметева председателем фонда (начал свою работу в 1945 году, был официально признан в 1950-м).

Бахметев вернулся также к исследовательской работе. В 1932 году была издана его книга «Гидравлика открытых каналов» (*Hydraulics of Open Channels*). Книга, конечно, не стала бестселлером, но, как с гордостью отмечал Бахметев почти 20 лет спустя после ее выхода в свет, продолжала понемногу продаваться. В 1934-м были изданы лекции, прочитанные Бахметевым для ученых и инженеров в Принстоне, — «Механика турбулентного движения» (*Mechanics of Turbulence*). Книга была переведена на несколько языков. Вполне обоснованно Бахметев говорил, что американские гидравлики считают его своим деканом. К 70-летию Бахметева вышла книга в его честь, написанная четырнадцатью выдающимися американскими учеными-гидравликами.

Говоря о своей научной и преподавательской деятельности, Бахметев выражал надежду, что благодаря ей ему удалось расплатиться с Америкой за ее доброту по отношению к нему. «Я должен написать еще по меньшей мере две книги, — говорил он в заключение своего огромного «интервью» Уэнделлу Линку. — Они частично уже написаны — я сказал бы написаны наполовину или на две трети, и в течение нескольких ближайших лет, если я буду жив, я их закончу. Я надеюсь, что с этим все, что я мог сделать для инженерного дела в Америке, будет сделано»¹. Это были последние слова Бахметева, записанные Линком.

Бахметев подчеркнуто дистанцировался от русской эмигрантской политики. Однако это вовсе не означало его ухода от русских дел и интересов. Он стал основателем и директором Гуманитарного фонда, оказывал финансовую поддержку Фонду помощи русским студентам. Бахметев был и главным спонсором Гуманитарного фонда, направляя на его нужды средства, заработанные в спичечном бизнесе. Фонд (фактически его делами по большей части занимался М. М. Карпович, готовивший для Бахметева заключения по тем или иным проектам) оказал поддержку для подготовки различных работ Г. В. Вернадскому,

¹ *Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 597.*

Н. В. Валентинову-Вольскому, гр. П. Н. Игнатьеву, А. Ф. Керенскому, Н. О. Лосскому, С. П. Мельгунову, С. Н. Прокоповичу, Г. П. Федотову и др., оказывал помощь в связи с болезнью И. А. Бунину, А. Л. Толстой, отчасти финансировал издание нью-йоркского «Нового журнала», заменившего, в известном смысле, парижские «Современные записки», выделял средства русскому детскому дому и русской гимназии в Париже¹.

21 июля 1951 года Бахметев скончался в результате сердечного приступа в своем имении в Коннектикуте.

За 30 лет до этого, в июле 1921 года, в возрасте 41 года скоропостижно, по той же причине, скончалась жена Бахметева Елена. В 1938 году Бахметев женился на американке Мэри Коул (Marie C. Cole). Детей ни в первом, ни во втором браке у Бахметева не было. Основанный Бахметевым Гуманитарный фонд продолжал функционировать до 1971 года, когда правлением фонда было принято решение о его ликвидации. По-видимому, основной причиной стало то, что ценные бумаги в условиях экономического кризиса 1969–1971 годов перестали приносить доход и было вполне логично продать их, дабы не нести дальнейших убытков. На совместном совете члены правления Гуманитарного фонда и вдова бывшего посла решили передать вырученные средства Колумбийскому университету, в котором Бахметев провел, возможно, самые счастливые годы своей жизни. В 1973 году Колумбийский университет получил в дар 1 млн 400 тыс. долл. бахметевских денег. Коллекция икон и картин, собранная Бахметевым, была передана в дар нью-йоркскому музею Метрополитен. Среди прочего полученные средства пошли на поддержку Архива русской и восточноевропейской культуры при Батлеровской библиотеке Колумбийского университета, одним из основателей и попечителей которого был Бахметев. В 1975 году архиву было присвоено его имя. Среди исследователей это знаменитое собрание с тех пор более известно как Бахметевский архив.

В составе этого архива находятся и личные бумаги бывшего посла, в том числе обширная переписка. Среди корреспондентов Бахметева — П. Н. Милюков, Е. Д. Кускова, М. В. Родзянко, Г. Е. Львов, М. Н. Гирс и др. Особое место в эпистолярном

¹ См. подробнее: *Будницкий О. В.* Б. А. Бахметев и Гуманитарный фонд // *История и историки: Историографический вестник.* М., 2010. С. 363–390.

наследии Бахметева занимает переписка с В. А. Маклаковым, позволяющая, на наш взгляд, говорить о нем не только как об ученом и дипломате, но и как о крупном политическом мыслителе.

* * *

Официальная, деловая переписка Маклакова и Бахметева началась уже в ноябре 1917 года. По тону и характеру она почти ничем не отличалась от их переписки с другими послами. Первое неофициальное письмо, отправленное Бахметевым Маклакову за океан в августе 1919 года, написано в совершенно иной манере, чем его прежние послания; оно адресовано другу и единомышленнику, которому можно доверить самые сокровенные размышления. Так началась переписка, продолжавшаяся, с перерывами, почти 33 года; последнее сохранившееся письмо — Бахметева Маклакову, датировано 26 февраля 1951 года.

Переписка сохранилась практически полностью в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета, где находятся оригиналы писем Бахметева и машинописные отпуски писем Маклакова, и в Бахметевском архиве Колумбийского университета, где, соответственно, хранятся оригиналы писем Маклакова и машинописные отпуски писем Бахметева. Всего сохранилось свыше 270 писем, общий их объем составляет около 2700 листов. Автором этих строк переписка двух действующих, а затем отставных послов полностью опубликована. Она составила, вместе с комментариями, три увесистых тома¹. Письма неравномерны по объему: от коротких записок на одной-двух страничках (характерных в основном для периода 1945–1951 годов) до настоящих «трактатов», превышающих 20, 30, а иногда и 70 страниц машинописного текста.

Переписка является уникальным историко-литературным памятником, позволяющим не только по-новому взглянуть на многие аспекты истории России и международных отношений первой трети XX века; это не только первоклассный исторический

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. Публикация, вступительная статья и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Hoover Institution Press, 2001–2002. Т. 1. 568 с., ил.; Т. 2. 672 с., ил.; Т. 3. 672 с., ил.

источник — это настоящий «интеллектуальный роман»; размышления Маклакова и Бахметева об особенностях исторического пути России, о способах выхода из исторического тупика, в котором она оказалась, звучат свежо и современно и могли бы добавить немало перцу в нынешние дискуссии о путях построения новой России. Столь же любопытны размышления и споры корреспондентов о принципах межгосударственных отношений в XX веке; о демократии, ее достоинствах и проблемах; об этатизме, правах личности и государства; о принципах сосуществования народностей в многонациональном государстве и о многом другом. Конечно, в центре внимания Маклакова и Бахметева — Россия, события, которые в ней происходят, пути преодоления большевизма.

Бахметев раньше многих других понял, что попытка «силою военного размаха» сбить большевиков не удалась, и уже в январе 1920 года пришел к выводу, что «верить в повторение неудавшегося рецепта наивно и бесполезно». Трагичность положения, по мнению Бахметева, заключалась в отсутствии «субъекта национального движения». В этой ситуации он считал первоочередной задачей выработку программы, которая могла бы стать платформой «национально-демократического возрождения России». Нужно решительно отказаться от какой-либо реставрации; недоговоренность «непредрешенчества», лежавшего в основе программ белых, должна быть снята.

Придя к выводу, что главная причина неудачи антибольшевистских движений — отсутствие идеологии, которую можно было бы противопоставить большевистской пропаганде, Бахметев уже в январе 1920 года набросал основы программы, которая наметила бы «разрешение аграрного вопроса, вопроса о национальностях и децентрализации»¹. Записка, в которой более подробно были изложены основные положения новой идеологии, была составлена им в сентябре 1922 года, хотя вполне возможно, что ее наброски распространялись им и ранее². Вполне

¹ См. письмо Бахметева Маклакову от 19 января 1920 // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка. 1919–1951. В 3 т. М.; Стэнфорд, 2001. Т. 1. С. 160–165.

² Так, в письме П. Н. Милюкову от 30 марта 1921 года Бахметев изложил, в сжатом виде, примерно те же идеи, которые позднее более подробно развил

вероятно, что в составлении «Записки» участвовал Маклаков и, возможно, окончательная литературная форма тексту была придана им. «Формула» идеологии для новой России выработывалась в интенсивном эпистолярном диалоге и в некоторых письмах Маклакова высказывались сходные с идеями «Записки» мысли. Однако же инициатором выработки принципиально новой идеологической платформы постбольшевистской России был все же Бахметев, и если «Записка» в самом деле результат совместного труда, то первую скрипку среди соавторов играл, по нашему мнению, в данном случае именно он.

Собственность, народоправство, демократизм, децентрализация и патриотизм — вот идеи, «около которых уже выкристаллизовывается мировоззрение будущей национальной России», — считал русский посол в Вашингтоне. Основой экономической жизни, полагал он, будет «частная инициатива, энергия и капитал. К покровительству им, к охране их приспособится весь правовой и государственный аппарат; в помощи частной инициативе будет заключаться главная функция правительства»¹.

Проблемы идеологии для новой России волновали Бахметева и позднее; в 1928 году он считал необходимым обсудить такие «животрепещущие» вопросы, «как сущность государства, взаимоотношение власти и правительства, существо национального бытия и проч». «Вопросы эти я называю животрепещущими, — писал он, — потому что нам, русским, нужно не только сжигать старые пни и обрубать сухие ветки, но нужно выучиться как-то чувствовать и мыслить в связи с нашим будущим»².

в «Записке» (название дано нами) — см. л. 5–9 упомянутого письма Бахметева — BAR. Paul Miliukov Collection. Вох 1. «Записка» была атрибутирована и опубликована нами в журнале «Отечественная история» (1997. № 4. С. 167–173) по неподписанному и недатированному тексту, находящемуся среди бумаг В. А. Маклакова в архиве Гуверовского института (НИА. Vasily Maklakov Collection. 15–8). «Записка» была датирована нами первой половиной — серединой 1921 года. Позднее нами в личном фонде Б. А. Бахметева в Бахметевском архиве Колумбийского университета была найдена копия «Записки», с обозначенной им датой — сентябрь 1922 года.

¹ Отечественная история. 1997. № 4. С. 170. См. подробнее: Будницкий О. В. Идеология для новой России // Роль ученых в построении гражданского общества. USIA, 1997. С. 181–188.

² Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 16 августа 1928 // «Совершенно лично...» Т. 3. С. 404.

Несомненно, что на Бахметева заметное влияние оказала американская система ценностей и американский образ жизни; точнее, несколько идеализированные представления о нем. Обозначив в одном из писем новую Россию как Россию буржуазную и ее новую идеологию как буржуазное самосознание, Бахметев подчеркнул, что имеет в виду американский вариант капитализма. Бахметев ссылаясь на разговоры с Гербертом Гувером, который как-то раз сказал ему, что капитализм европейский и американский — две совершенно различные вещи, что в Америке нет того капитализма, который описан Марксом, и что если в основе капитализма европейского лежит идея эксплуатации, то в основе американского — идея «equal opportunities», равных возможностей.

Отсутствие жестких социальных перегородок внутри общества, возможность перемещения «по вертикали», придает обществу стабильность. На человека, достигшего успеха, смотрят не с завистью, а с одобрением. Отсюда — отсутствие классовой ненависти, породившей социализм. По наблюдениям Бахметева, в американском обществе

господствующим стимулом является соревнование. Государство, как таковое, есть собственность народа, есть коллективный организм, охраняющий его свободу и «равенство возможностей». В своей государственности американцы видят установление, охраняющее эту свободу, и потому господствующей психологией является не нигилизм, а лояльность государственному строю, преданность и готовность защищать установления, представляющие каждому стремиться и получать плоды своих стремлений.

Наблюдения над американской жизнью привели Бахметева к выводу, что возможен «прочный политический и социальный строй, основанный на действительном народовластии, и что власть народа не противоречит прочному консервативному социальному укладу»¹.

Бахметев усматривал сходство между Россией и Америкой, хотя бы в необъятных просторах; он мечтал о будущем сотрудничестве двух держав. В письме к Г.Е. Львову в июне 1921 года

¹ Бахметев Б.А. — Маклакову В.А. 23 марта 1922 // «Совершенно лично...» Т. 2. С. 226–228.

он вспоминал об одной из бесед в Париже с А. Ф. Керенским. Бывший премьер поразил его замечанием, что «русские либералы и империалисты не понимают тех огромных международных возможностей, которые таит в себе идея сильной *демократической России*». Бахметев писал:

Я отдал дань политической прозорливости А. Ф., тем более, что никто другой, за все время моего пребывания в Париже, даже не приближался к подобному пониманию. В этих словах отразилась та же самая концепция, которая руководила здесь нами во всей нашей деятельности. Это то, о чем я так много беседовал лично с Вами; я продолжаю верить, что демократическая державность будет основой наших взаимоотношений с Америкой и что наше сотрудничество будет господствующим фактором будущих международных отношений¹.

Несмотря на свой «американизм», Бахметев был искренним русским патриотом, националистом (разумеется, его национализм был не «расовым» или этническим, а государственным) и «державником». Как ни парадоксально, под пленкой западничества отчетливо вырисовывался славянофил. Точнее, западничество и славянофильство составляли у Бахметева своеобразную амальгаму, как, впрочем, и у Маклакова. В этом плане его предшественником можно было бы считать Герцена. Свое патриотическое «исповедание веры» Бахметев излагал и в письмах к Маклакову, но, возможно, наиболее отчетливо — в посланиях к последнему председателю Государственной думы М. В. Родзянко. Любопытно, что пребывание в Америке и наблюдения над американской жизнью еще более укрепили бахметевский патриотизм, который строился не на контрасте и не на отрицании американизма, а напротив, находя сходные черты в образе жизни и творческом потенциале русского и американского народов, Бахметев укреплялся в своей вере в Россию. Он писал Родзянко в сентябре 1921 года:

Я бесконечно верю в Россию. Свое вдохновение я черпаю в ее истории. Я не могу забыть, как маленькое, незначительное славянское племя на берегах Днепра и его притоков выросло, путем естественной

¹ Бахметев Б. А. — Львову Г. Е. 14 июня 1921 // ВАР. В. Bakhmeteff Collection. Box 5.

колонизации, силой и настойчивостью народного гения, в величайшее континентальное государство. На протяжении 10-ти веков история нас была и пыталась; но мы неуклонно развивались и через все испытания русский народ пронес свою религию, свой язык и свою культуру. Мое долговременное пребывание в Америке показало мне многое, чего нельзя понять, живя в России или в Европе; показало мне лабораторию и фабрику народного творчества, и это меня укрепило лишь еще более в моей вере¹.

Два года спустя Бахметев писал тому же Родзянко, в приподнятом тоне:

Я всегда верил в наше будущее, так как я верю в национальный гений и в коренные черты русского народа, который сковали и изуродовали в прошлом не присущими нам и чуждыми формами политической государственности. История России есть синодик борьбы и развития маленького племени с окружающими его врагами, врагами, стремящимися его поработить, физически ослабить, уничтожить и поглотить культуру. Этого не произошло, и мы выросли в огромное по величине государство, и как я Вам уже писал, пронесли через века истории свою культуру, свою религию, свой язык. Отличие России от других славянских племен заключается в том, что наша государственность и наша нация есть славянско-варяжская нация; как нынешняя Великобритания выросла из оплодотворения кельтских и других основных племен норманнским нашествием, так и наше государство получило великодержавный гений от нордических пришельцев, называемых в прошлом варягами. Мы соединили мягкий славянский гений с нордической способностью к государственному строению, но наша стихия есть стихия индивидуализма и роста снизу. Эта стихия была разрушена в начале XVIII века, и за это нарушение мы заплатили большевизмом².

В переписке Бахметева и Маклакова 1920 года возникает еще одна тема, ставшая постоянной в последующее десятилетие, — это вопрос о возможности внутренней эволюции большевизма

¹ Бахметев Б. А. — Родзянко М. В. 14 сентября 1921 // Там же. Вых 20.

² Бахметев Б. А. — Родзянко М. В. 16 марта 1923 // Там же.

и о том, как этой эволюции может способствовать эмиграция. Определенные надежды вселил переход к нэпу. Однако вскоре характер экономического развития страны стал внушать серьезные сомнения в том, что началось долгожданное «оздоровление».

Маклаков опасался, что в России

началось не серьезное производство работы, при которой и рабочий и собственник и тот, кто у них покупает, почувствовали связь их интересов, а исключительно спекуляция и нелепое и неприличное прожигание даром заработанных денег. Когда смотришь на то, что там делается в области работы и торговли, то невольно боишься, что через скорый промежуток времени собственность и капитал, на которые пока возлагаются такие надежды, покажут себя в таком отвратительном виде, что это вызовет новый и на этот раз гораздо более обдуманый и серьезный прилив ненависти к капиталу и буржуазии¹.

Бахметев более спокойно относился к периоду «хищнического капитализма», считая его неизбежным:

Впереди — огромные возможности. Но если мы не дерзнем и снова окажемся позади, то поле останется безраздельно за большевиками. Что же дальше? Троглодитный период? Я думаю, что при всяких обстоятельствах в результате придут Колупаевы и Разуваевы и что их-то правительство и будет началом прочного благосостояния и процветания².

Корреспонденты пристально следили за происходящим в России; они сразу же и совершенно правильно определили значение процессов, которые начались в стране в конце 1927 — начале 1928 года, то есть кризиса нэпа и наступления советской власти на крестьянство. Бахметев, отметив, что нэп себя изжил, точно определил, что суть происходящего коренится в политике, а не в экономике; установив господство «в главнейших областях народного хозяйства», «диктаторская власть не может чувствовать себя прочно и спокойно, поскольку главная отрасль хозяйственной жизни страны — земледелие, зависит

¹ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 4 марта 1922 // «Совершенно лично...» Т. 2. С. 194.

² Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 2 декабря 1920 // Там же. Т. 1. С. 293–294.

в конечном счете от доброй воли многих миллионов индивидуальных крестьянских хозяев». Бахметев справедливо указал на «кризис хлебозаготовок» 1927 года как толчок к началу наступления на крестьянство.

У Сталина, заключал бывший социал-демократ, «хватило марксистской логики сделать выводы и признать, что советская власть должна иметь источник земледельческого производства в своих руках, источник, которым она могла бы распоряжаться, и маневрируя которым, власть будет таким же господином в области земледельческого производства и обмена, каким она является в области промышленной». Бахметев вспомнил полемику Сталина с Троцким середины 1920-х годов, указывая, что генсек воплощает в жизнь программу своих оппонентов.

Теперь... Сталин ведет в течение нескольких месяцев практическую политику истребления кулака, применяя к нему все чрезвычайные меры военного коммунизма, а теоретически провозглашает совершенно, по моему, правильную и логическую с коммунистической точки зрения доктрину о необходимости, вместо кулака, иметь фабрики хлеба, т. е. колхозы и совхозы, где в сфере правительственных распоряжений будет фабриковаться достаточное количество зерна, чтобы сделать власть независимой от капризов и настроений крестьянских масс.

Бахметев предсказал в связи с этой политикой голод, а также в ближайшие год-два «динамические сдвиги», сопоставимые с теми, которые произошли в 1921–1922 годах¹.

Маклаков в целом соглашался с бахметевским анализом, указывая, что если следовать учению Маркса о том, что власть должна принадлежать экономически господствующему классу, то происшедшее в России — бессмыслица: «Не экономический класс захватил власть, а чисто политическая партия — коммунисты, захватили экономическую жизнь». Поскольку же крестьянство остается

экономически господствующим классом — нельзя, по самому Марксу, чтобы политическая власть принадлежала коммунистической партии; здесь совершенный абсурд и борьба... идет между двумя врагами, либо

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 16 августа 1928 // «Совершенно лично...» Т. 3. С. 407–408.

крестьянин как собственник должен исчезнуть, превратиться в крепостного или батрака-рабочего на государственной земле, т. е. вернуться к военному коммунизму, или крестьянин господство коммунистической партии сломит... от исхода этой борьбы зависит все будущее России; так как невозможно допустить, чтобы окончательная победа оказалась за коммунистами, то вопрос не в победе, а только в сроке; а от сроков этой победы зависит, что ко времени победы останется от русской культуры¹.

Если Бахметев безоговорочно желал победы «мужику», то у Маклакова добавлялось к этому чувство горечи; кулак, по его мнению, и так оказался бы на авансцене русской политической жизни, без всякой революции и последующих бедствий, благодаря столыпинской политике и дворянскому оскудению; пройдя через кровавую резню и разорение промышленности, Россия должна была вернуться «на круги своя». Маклаков не винил в этом революционеров, так как считал их или фанатиками, или дураками; гораздо серьезнее были его претензии к либералам, которые «в сущности всей этой революционной глупости потворствовали»².

Бахметев писал, развивая тему:

Вся история России между 18 и 29-ым годом, включая НЭП, уступки 25 года и проч., все сводится к основным противоречиям между коммунизмом и крестьянским бытом; в прошлом этот быт несознательно и тупо постоянно побеждал. Отличие наступившей сейчас схватки мне кажется в том, что в разрешении ее оказывается уже невозможным путь компромисса и полумер. Компромисс и полумеры были по существу пафосом НЭПа. Они были испробованы и отменены. В настоящее время на пути новой крестьянской политики Сталин, мне представляется, действует логично; если бы я был последовательным коммунистом, я бы делал то же самое. Сталин умеет приспосабливаться и, в отличие от других большевистских политиков, обладает тактическими дарованиями; но мне кажется ошибочным думать, что он оппортунист и что для него коммунизм лишь название. [...] Выхода нет, или надо уступать хозяйственному мужику, а это неминуемо

¹ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 12 сентября 1928 // Там же. С. 414.

² Там же. С. 414–415.

ведет к гибели коммунизма, или придерживаться сталинской линии до конца... [...] Старая история о богатыре на распутье и, повторяю, с точки зрения последовательного коммунизма другого пути, кроме сталинского, нет¹.

Маклаков был согласен с Бахметевым, что «катастрофа Сталина неизбежна и что покуда ее не произошло, ничего серьезного в России не будет». «Если даже не будет катастрофы со Сталиным, то он когда-нибудь умрет и тогда произойдет то же самое, что произошло после смерти Николая Павловича». Однако он не был столь оптимистичен в прогнозах, как его заокеанский друг: «Словом, мы можем предвидеть заранее, как российская телега перевернется на косягоры, но может это быть и раньше получения Вами этого письма, но и через много лет»².

За две недели до наступления рокового для русского крестьянства 1930 года Бахметев предвидел исключительно глубокую, беспощадную, а потому кровавую и затяжную борьбу между коммунистической властью и крестьянством. Кстати, в этом же письме он высказал весьма любопытное мнение о пятилетке, отличное от большинства эмигрантских аналитиков:

Я совершенно не разделяю мнения, что пятилетка вообще невозможна; одинаково, и в силу тех же причин я не падаю в обморок от фактов, подтверждающих, что, по крайней мере, до настоящего времени пятилетка выполнялась с успехом и даже с опережением. Советы так же неправильно выдвигают успех пятилетки в качестве аргумента в свою пользу, как противники советов видят в ней оселок советского краха. С моей точки зрения постройка заводов, электрических станций и железных дорог вполне осуществимая задача для всякой власти, которая держит бразды правления в своих руках, власти, которая в состоянии поддерживать государственную дисциплину и выкачивать из страны теми или иными путями достаточно для своих предприятий средств. Постройка заводов и фабрик среди обнищавшей России ничем не отличается, с моей точки зрения, от постройки еще более бедной Россией 18-го столетия исключительных по роскоши столичных зданий

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 12 февраля 1929 // «Совершенно лично...» Т. 3. С. 420–421.

² Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 8 марта 1929 // Там же. С. 423.

и пр. ... Мне представляется, что нелепость пятилетки в самом существе, в ненужности и бесполезности такого строительства для страны, покупательная способность которой составляет одну треть или половину довоенной. Я всегда только с этой точки зрения говорю с американцами, приезжающими из России, которые рассказывают мне о чудесах, виденных там. Я этих чудес не отрицаю; наоборот, очень часто вспоминаю свой прошлый опыт и те заманчивые строительные планы, к которым Россия подошла вплотную перед самой войной. Часто также прибавляю, что самая возможность подобных кунштштюков несмотря на нелепость большевистской власти и самые невозможные условия государственного быта показывают какие силы и возможности таит в себе Россия как таковая¹.

Бахметев считал, что 1930–1931 годы будут решающими для следующих десятилетий жизни России. Ему все более представлялось, что Россия идет к сельскохозяйственной катастрофе. Из чтения советской прессы и других источников он представил, что «в процессе уничтожения кулачества не только уничтожается наиболее ценный человеческий элемент, то есть наиболее индивидуальные и хозяйственные крестьяне, но равно разбазаваются материальные основы сельскохозяйственного производства, а именно мужицкий сельскохозяйственный инвентарь». «В результате, — предрекал Бахметев, — будет ли это в 30-ом или 31-ом году... надо ожидать, что производственная анархия и голод проявятся в масштабе, перед которым 20–21 годы будут игрушкой». Предсказание, увы, оказалось точным, за исключением разве что того, что пик голода пришелся на 1933 год. Бахметев допускал возможность крушения власти, однако его пугала перспектива анархии и гибели немногочисленных культурных элементов страны, которая последует в результате.

Другой возможный вариант развития событий — победа, несмотря ни на что, большевизма.

К сожалению, — констатировал Бахметев, — я отдаю себе полный отчет в пассивности и способности русского народа переносить всё и вся. Эти ужасные свойства усугублены бедностью и одичанием, которые

---

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 16 декабря 1929 // Там же. С. 460–461.

произошли в результате революционных событий. Россия и без того пассивная, ослабела до последней меры и возможно, что даже на фоне голода и земледельческой катастрофы она не сбросит стихийным порывом крепко организованную и решившуюся на всё власть. Наконец, возможно, что так или иначе, не полностью, а хотя бы наполовину, программу государственной организации земледельческого производства Сталин проведет. Крестьянская нужда и страдания ему ничем, лишь бы достаточно было хлеба, чтобы поддержать города, железные дороги и армию. Для этого, по существу, не так много уж и нужно. И за счет резкого сокращения крестьянского потребления подобный эксперимент при известных условиях осуществить возможно. Конечно, это значит гибель скота, снова резкое увеличение детской смертности и все другие вещи, но повторяю, с точки зрения политических задач коммунистической власти эти обстоятельства второстепенные. Если же удастся, хотя и наполовину, выполнить план, то в этом случае последний самостоятельный, единственный фактор, который во всей большевистской эпопее был непобедим — крестьянство, окажется уничтоженным. Другими словами, господство большевиков над русской землей станет полным и неограниченным ничем. Сколько лет тогда продолжится диктатура большевиков, никто сказать не может. Во всяком случае, думаю, тогда годы эти будут дольше того периода, который практически может интересовать Вас и меня¹.

Прогнозы Маклакова были также неутешительными. Он предрекал, что если поход большевиков против крестьянства закончится удачей, то это позволит сохранить

единство России и ее империализм, но только ценой такого чудовищного усиления государственной власти, которое поведет к мировой войне и к концу всей современной культуры в Европе; но неудача большевизма повалит власть в то время, когда все центробежные силы России и все ее внутренние связи находятся в воспаленном состоянии и тогда Россия как единая держава, просто как большое государство ведь быстро развалится. И вот откуда идет мой пессимизм, ибо хорошего выхода для России я уже не вижу².

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 4 марта 1930 // «Совершенно лично...» Т. 3. С. 469–471.

² Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 14 апреля 1930 // Там же. С. 485–486.

«Странно сказать, — соглашался с Маклаковым Бахметев, — на мрачной оценке современного момента мы с Вами сошлись больше, чем на любом другом вопросе за все эти годы дружбы и переписки». Однако же Бахметев, несмотря ни на что, старался не терять веры, хотя признавал, что, может быть, это и глупо. Бахметев по-прежнему делал ставку на «быт», под которым понимал не только «серый и почти дикий уклад крестьянской жизни», но и «всю совокупность жизненной обстановки и ее внутренней динамики, включая сюда и города, и спецов, и потенциальных торговцев, и нэпманов, и армию, одним словом все, что фактически живет, строит, страдает и (здесь Бахметев написал было слово «действует», затем зачеркнул и надписал от руки «шевелится») в России»¹.

Маклаков объяснял некоторый оптимизм, все еще теплившийся у Бахметева, скорее его психологией, нежели опорой на реальные факты. Он не спорил с ним, что «отступление Сталина», то есть его известное письмо «Головокружение от успехов», не столько сдерживавшее наступление на крестьянство, сколько перекладывавшее ответственность за головоутипство и «перегибы» на «низовых» партработников, «есть победа быта над властью». Маклаков отмечал:

...в организме России еще сохраняются силы, это доказывалось и той реакцией, которую в ней вызвал в свое время нэп и доказывает и теперешнее сопротивление. Конечно, Россия пока еще не умерла; но ее теперешняя реакция напоминает мне все-таки последние содрогания трупа; умирающий может реагировать и на уколы и на ожоги и на многое другое, это вовсе не признак победы жизни над болезнью. Большевицкая власть держит Россию еще слишком крепко, а главное продолжает свою линию слишком последовательно. Конечно, она переборщила, что почувствовала и сама, нужно опять отступление, передышка, но только затем, чтобы безопасно продолжать свою политику. Жизненные силы России оказались достаточными, чтобы ослабить нажим, но ведь только для этого, их недостаточно, чтобы сбросить большевизм... и если Россия не сможет сбросить эту власть даже тогда, когда за ошибки в темпе она заплатит миллионами голодных

¹ Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 29 апреля 1930 // Там же. С. 486–487.

смертей, то ясно, что она не выскочит из рук того, кто ее душит. Рано или поздно, вернее сказать, немножко позже, чем мы думали, а она ее задушит¹.

Писать, по большому счету, было больше не о чем. Главный предмет переписки — Россия — после очередного массированного кровопускания казалась неспособной к сопротивлению власти большевиков; более того — сформировался слой людей, этой властью вполне довольных и от нее кормившихся. Схема, которую рисовал Бахметев, была воплощена в жизнь. Во всяком случае, надеяться на возвращение эмигрантам не приходилось. Теперь это понимали, по-видимому, не только Маклаков с Бахметевым.

Следующее письмо, скорее записку, Бахметеву Маклаков написал почти два года спустя, 6 апреля 1932 года: «Мне давно нужно было Вам написать, но, по-видимому, те же причины мешают мне, что и Вам, — пытался он объяснить причины затухания некогда столь напряженного диалога. — Писать о пустяках не хочется, а для серьезного письма нет ни времени, ни настроения»².

После обмена посланиями на рубеже 1933 и 1934 годов, в которых корреспонденты обсуждали «новый курс» Ф. Рузвельта, переворачивавший представления Бахметева о незыблемости американского индивидуализма и весьма негативно им оценивавшийся, переписка практически замерла, не считая однодвухстраничных записок, содержащих рекомендации, мелкие просьбы или какие-либо пожелания. «Очевидно, переписываться нам с Вами больше не удастся, — писал Маклаков пять лет спустя после их последнего по времени обмена объемистыми письмами и, как вскоре выяснилось, накануне новой мировой войны. — Оженивися думает о жене³, а неоженивися — как угодить Господу. Я об Вас узнаю только от времени до времени по Вашим письмам к моей сестре...»⁴

¹ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 24 мая 1930 // «Совершенно лично...» Т. 3. С. 489.

² Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 6 апреля 1932 // Там же. С. 494.

³ Маклаков намекает на второй брак Бахметева. Он женился 7 июня 1938 года на Мэри Хеландер Коул (Marie Helander Cole). Первая жена Бахметева, Е. М. Сперанская, скончалась 23 июля 1921 года.

⁴ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 7 февраля 1939 // Там же. С. 509.

Переписку прервала на шесть лет война.

После войны переписка возобновилась, хотя носила столь же sporadический характер. Поводом для ее возобновления послужило то, что Бахметев, без всякой просьбы со стороны Маклакова, переслал ему некоторую сумму денег. Деньги пришлось весьма кстати, поскольку, кроме всего прочего, сестра Маклакова сломала ногу и вообще чуть не умерла. Положение русских эмигрантов во Франции, тем более людей преклонного возраста, было, в особенности в первые послевоенные годы, незавидным. Из-за океана счастливицы, сумевшие выбраться в США еще до войны или вскоре после ее начала, сумели наладить вещевые и продуктовые посылки для своих компатриотов. Насколько убог был быт эмигрантов, даже таких сравнительно благополучных, «при должности» (глава «Офиса» по делам русских беженцев во Франции), как Маклаков, свидетельствует одно из послевоенных писем Ариадны Тырковой Бахметеву: «На днях я была у Маклаковых, когда М[ария] А[лексеевна] получила от Вашей жены посылку. И приятно, и грустно было смотреть, с каким удовольствием, с каким веселым аппетитом не только она, но и В[асилий] А[лексеевич] доставали и рассматривали одну вещь за другой. Как только показывался кусок мыла, экс-амбасадор накладывал на него свою лапу. М[ария] А[лексеевна] очень довольна, что платья Вашей жены точно на нее сшиты»¹.

Маклаков, благодаря своего заокеанского друга за помощь, вернулся к их давнему спору о соотношении прав личности и государства:

Из нашей с Вами переписки можно было бы составить не одну книгу, и очень актуальную. Но я не признаю, что Вы были правы. Этатизм расцвел не только в Европе, но и в Америке, ибо Нью Диль («новый курс» Рузвельта. — О. Б.) был тоже этатизмом и в нем я не вижу ничего реакционного, пока он не выходит за пределы дозволенного и умеет относиться с уважением к правам человека, который требует от государства элементарных забот о себе, «права на труд, права на достойное существование и т.д.» Все это — «права человека». Он переходит границы, когда «право» одного превращается в долг для другого; вопрос,

¹ Тыркова А. В. — Бахметеву Б. А. Б/д // BAR. Boris Bakhmeteff Collection. Box 13.

как это сочетать, в чем «государство» ограничено перед правами человека, что государство не смеет делать — это та основная проблема государственности, от решения которой зависит будущее... свобода личности для меня состоит не столько в общем праве человека, сколько в их обеспечении; все зло в том, что право, объективное право, заменилось «волей» тех, кто управляет. Это исключает свободу. Это уже рабство, когда человек должен делать, что ему прикажут¹.

Маклаков время от времени делился своими размышлениями; предмет был все тот же — «права человека и государства». Права меньшинства, которому угрожает не только тоталитаризм, но и современное понимание демократии, по-прежнему оставались в центре внимания Маклакова; его беспокойство усиливалось такими тревожными, на его взгляд, процессами, как национализация частных предприятий в Англии лейбористским правительством, загнивание парламентской системы во Франции, усиливающееся влияние на Западе коммунистических идей.

Человеку, который понимал его лучше, чем кто-либо другой, Маклаков писал:

В мыслях мы с Вами идем одной дорогой, и я думаю, что мы одинаково смотрим на пропасть, куда все с разных [сторон] мы скользим. Тоталитаризм, советский режим — конечно, прямые наследники худших форм деспотизмов и самодержавий; все элементы его управлений имели зародыши там; он только воскресил и обострил старое. Герцен называл когда-то подобный режим Чингисхан с телеграфом; у современных Чингисханов не телеграф, а авионы, газы и атомные бомбы... Но и с другого конца, из лагеря свобододолюбцев, человеколюбцев, из революционного лагеря — где боролись с деспотизмом, с полицией, с милитаризмом, пришли к тому же концу; это исполнение пророчества Достоевского, осуществление Шигалевщины².

Последний обмен письмами между бывшими послами произошёл в феврале 1951 года. Маклаков обратился к Бахметеву

¹ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 24 августа 1945 // «Совершенно лично...» Т. 3. С. 513–514.

² Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 19 сентября [1948] // Там же. С. 551.

по поводу сбора, организованного в Париже в пользу И. А. Бунина, «который очень плох, зарабатывать не может и средств не имеет». «Я ненавижу просить деньги, — писал он, — даже для хорошей цели; в таких просьбах есть элемент морального насилия над человеком»¹. Тем более что к Бунину отношение было не у всех одинаковым.

Бахметев ответил сразу: «Дорогой Василий Алексеевич. Отвечаю на Ваше письмо о Бунине. Конечно, надо ему помочь. Наш фонд, через который я провожу все мои пожертвования, может [дать сбор] в пользу Бунина \$100 (по тем временам немалые деньги. — О. Б.). Как только Вы мне сообщите, кому перевести деньги и как, мы немедленно сделаем необходимое. Обнимаю Вас дружески. Б. Бахметев»².

Это было его последнее письмо.

* * *

Интеллектуальное наследие Бориса Бахметева возвращается на его родину как нельзя более вовремя; его размышления об исторических судьбах России и о возможных путях ее преобразования звучат по-прежнему свежо и современно. Но, возможно, наиболее важен и интересен урок его жизни — ученого, инженера, дипломата, политика, предпринимателя, мецената, блистательного интеллектуала, человека дела, сумевшего реализовать себя и в России, и в Америке.

¹ Маклаков В. А. — Бахметеву Б. А. 23 февраля 1951 // Там же. С. 564.

² Бахметев Б. А. — Маклакову В. А. 26 февраля 1951 // Там же. С. 565.

Русские деньги за рубежом

ЦАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО¹

Тема царских сокровищ, якобы переправленных за границу последним российским императором, давно является излюбленным сюжетом многочисленных кладоискателей. О царских деньгах, хранящихся в английских, германских, американских банках, писали эмигрантские газеты еще в 1920-е годы. Особенно модной эта тема стала в российской периодике 1990-х годов, когда на страницах некоторых изданий стали появляться «достоверные» сведения о тоннах (!) золота, отправленных Николаем II за рубеж.

Тема царских денег неизменно привлекала внимание и западных историков. Наиболее основательное расследование провел британский финансист и историк, автор многочисленных сочинений о жизни лондонского Сити Уильям Кларк. Его книга «Потерянные сокровища царей» (William Clarke. The Lost Fortune of the Tsars. L., 1994) стала бестселлером. Надо сказать, что все относящееся к истории династии Романовых, близких родственников английского королевского дома, вызывает в этой стране большой интерес. На полках книжных магазинов в разделе русской истории, кроме книг о последнем императоре, можно встретить биографии разве что еще трех деятелей русской истории — Петра Великого, Екатерины II и — особы совсем уж не царских кровей — генералиссимуса Сталина. Проблема царских денег особенно занимательна для англичан, ибо чаще всего речь идет о счетах или в Английском банке, или в банке братьев Бэринг, многолетних партнеров российской казны.

Проведя изыскания в разных странах и архивах различных банков, Кларк, правда, не нашел ни «царского» золота, ни царских счетов. Зато обнаружил нечто противоположное. Вступив

---

¹ Будницкий О. Царское наследство // Знание — сила. 2002. № 7. С. 118–125.

на престол в 1894 году и узнав, что значительная часть личных денег царской семьи хранится в Английском банке, Николай II, будучи патриотом своего отечества и зная, что его страна прибегла к крупным заимствованиям на мировом финансовом рынке, счел невозможным держать свои личные сбережения за границей. Для Английского банка это был удар — потерять столь именитого и столь крупного клиента. Перевести царские деньги обратно в Россию при тогдашней банковской технологии было непросто. Процесс растянулся на несколько лет и завершился в 1900 году, причем для надзора за переводом был направлен в Лондон директор Государственного банка России Э. Д. Плеске.

Автору этих строк удалось обнаружить новые материалы, которые, как нам кажется, могут поставить точку в многолетних спорах о царском наследстве. Мне посчастливилось получить доступ к российским дипломатическим документам, находящимся в одном из британских архивов. Среди прочих бумаг оказалась папка, озаглавленная «О заграничных имуществах покойного императора». Она находилась среди бумаг председателя Совещания российских послов в Париже (координационный орган, созданный бывшими послами Российской империи и Временного правительства) Михаила Николаевича Гирса и содержала переписку по этому вопросу, приобретшему в конце 20-х годов скандальный характер.

Дело в том, что в начале 1920-х годов в Германии объявилась якобы чудесно спасшаяся при убийстве царской семьи великая княжна Анастасия. Наиболее активно в поддержку идентичности молодой женщины, не говорившей ни по-русски, ни по-английски (языки, принятые в императорской семье), и подлинной Анастасии выступили дети лейб-медика Евгения Боткина, расстрелянного вместе с царской семьей, — Глеб и Татьяна (по мужу — Мельник). Семья Боткиных жила в 1908–1914 годах в Царском Селе, а в период летних выездов в Крым дети врача играли вместе с царскими детьми — Марией, Анастасией и Алексеем. Поэтому свидетельство Боткиных, которые впервые встретились с «Анастасией» в 1927 году, произвело довольно сильное впечатление. Что же касается Романовых, то ни крестная Анастасии великая княгиня Ольга Александровна, ни другая сестра покойного императора, великая княгиня Ксения

Александровна, новоявленную «племянницу» не признали. История «Анастасии» (она же Чайковская, она же Анна Андерсон) хорошо известна. Много лет спустя отсутствие каких-либо ее родственных связей с Романовыми было подтверждено на генетическом уровне. Для нас в данном случае имеет значение, что история с «Анастасией» послужила толчком для проведения «служебного расследования» о царских вкладах.

В октябре 1928 года Глеб Боткин обратился с открытым письмом к великой княгине Ксении Александровне, обвиняя сестру царя в том, что она отказывается признать «Анастасию» по материальным соображениям. «Факты таковы, — писал Боткин, — что существует крупное наследство покойного императора и его наследников, как в виде денег, так и недвижимости, включая суммы, принадлежащие лично великой княжне Анастасии Николаевне; все это теперь по праву принадлежит великой княжне». Боткин утверждал, ссылаясь на сообщения газет, что великая княгиня Ксения Александровна добилась через британские суды признания себя наследницей императора и его наследников, что она годами пытается мошенническими способами завладеть наследством императора и уже кое в чем преуспела и что многие сведения о царском наследстве стали ей известны лишь после того, как они были сообщены великой княжной Анастасией Николаевной.

Письмо Глеба Боткина, бывшего дипломата, проживавшего в США, было перепечатано многими американскими газетами; появилось оно в извлечениях и в популярной *New York Evening Post* 29 октября 1928 года.

7 декабря 1928 года российский финансовый агент (атташе) в США С. А. Угет (после отставки посла он исполнял также обязанности поверенного в делах в 1922–1933 годах и оказался последним дипломатом небольшевицкой России, признаваемым зарубежным правительством), пересылая М. Н. Гирсу копию «гнусного письма» Боткина, писал (здесь и далее при цитировании документов соблюдаются особенности орфографии подлинника):

Мерзость его поступка только усиливается тем обстоятельством, что, по моем возвращении из Европы, он был у меня, и я привел ему испепывающие данные, доказывающие, что никакого, сколько-нибудь

значительного, имущества за границей у покойного Государя не было и не могло быть. Насколько мне известно, лишь у Мендельсонов в Берлине остались небольшие вклады русскими процентными бумагами, сделанные Государыней на имя каждого из ее детей. Если не ошибаюсь, нарицательная сумма каждого из вкладов составляла 250 000 рублей.

Угет, полагая, что письмо Боткина «содержит в себе все элементы для привлечения его к законной ответственности», считал, однако, что «не приличествовало бы достоинству Великой Княгини обращать внимание на подобный пасквиль».

В то же время Угет писал, что «положить предел „легенде“ о заграничных суммах Царя... является моральным долгом каждого, который осведомлен в несправедливости подобных слухов». Со своей стороны Угет информировал Гирса, что по поводу возможных царских вкладов в США прислал телеграфный запрос П. Н. Милюков, первый министр иностранных дел Временного правительства; тогдашний посол Г. П. Бахметев «ответил решительным утверждением, что никаких фондов через него Государем в американские предприятия не помещалось и что вообще никаких Его средств в С. Ш. А. не имеется».

Угет, который отнюдь не был монархистом, писал:

Враги и сторонники покойного Царя, сходятся на одном, что Он был большой патриот, жизнью Своей запечатлевший преданность Родине. Поэтому, следует положить предел всем злонамеренным и безответственным толкам, возникшим в свое время в порядке революционной пропаганды, что якобы Он хранил крупные средства за границей. В то время, когда Россия лихорадочно искала всевозможных источников получения иностранной валюты, недобросовестно предполагать, что ее Верховный Глава держал, для верного обеспечения, Свои деньги за границей, а не обращал их во внутренние Военные Займы или на иные нужды войны. Временное Правительство, немедленно по переходе к нему власти, проверило эти слухи и, насколько я знаю, признало их вымышленными.

Российского Правительства пока не имеется, поэтому официально удостоверения истины в настоящее время ожидать нельзя. Но в изгнании имеется достаточное число высших чинов ведомств Императорского Двора, Иностранных Дел и Финансов для того, чтобы перед

беспристрастной соответствующей Комиссией дать авторитетные показания о ложности подобных толков. Не сомневаюсь, что представители Временного Правительства с полной готовностью поделятся всем тем, что, по прежнему высокому положению, им известно по этому делу. Ведь поднимаемый мною вопрос отнюдь не носит признаков монархических или демократических тенденций, а просто является нравственной обязанностью для каждого государственного или общественного деятеля установить правду, раз обвинения взводятся на Главу страны, которая не может более возвысить своего голоса.

Указывая на статью «Легенда о капиталах Имп. Николая II», опубликованную в парижских «Последних Новостях» 6 ноября 1928 года, Угет подчеркивал: «Надо, чтобы эта „легенда“ была разрушена не при помощи репортерской заметки, а путем авторитетного расследования компетентным органом, результаты изысканий коего подлежали бы опубликованию в иностранной и зарубежной печати».

Гирс предпринял энергичные шаги для производства расследования, благо что почти все компетентные лица были «под рукой». Он обратился с письмами к последним министрам финансов царской России, графу В. Н. Коковцову и П. Л. Барку. Коковцов посоветовал привлечь также служивших по Министерству двора графа М. Е. Нирода и князя С. В. Гагарина, проживавших в то время в русском доме княгини Мещерской, бывшего директора Кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдова, а также кого-либо из состава Временного правительства, упомянув живших в Париже бывших министров иностранных дел М. И. Терещенко и П. Н. Милюкова, военного министра А. И. Гучкова и А. Ф. Керенского, принимавшего «наиболее энергичные меры к розысканию всяких документов, изобличавших покойного Государя» и кончившего «торжественным заявлением о том, „что Царь и Царица невиновны в взводимых на них обвинениях“». «Я не знаю, конечно, — писал Коковцов, — кого из господ последней категории согласились бы Вы пригласить в Совецание под Вашим председательством и кто из них согласится явиться» (Коковцов — Гирсу, 26 декабря 1928). Барк, постоянно живший в Лондоне, встретился с Гирсом 21 февраля 1929 года и дал главе российской «дипломатии в изгнании» необходимые разъяснения.

Наконец, 26 февраля 1929 года у Гирса состоялось совещание «по вопросу о заграничных Имуществах покойного Императора Николая II и Его Семьи» при участии графа В. Н. Коковцова, последнего министра финансов Временного правительства М. В. Бернацкого, Л. Ф. Давыдова, начальника канцелярии Министерства Императорского двора князя С. В. Гагарина и барона Б. Э. Нольде, юрисконсульта Министерства иностранных дел при царском правительстве, а затем заместителя министра иностранных дел Временного правительства.

Граф Коковцов, товарищ (заместитель) министра финансов с 1896 по 1902 год, министр финансов с февраля 1904-го по январь 1914-го (с непродолжительным перерывом в 1905–1906 годах; к тому же с сентября 1911-го по январь 1914 года Коковцов возглавлял правительство), заявил, что вплоть до июня 1913 года до него не доходили никакие сведения о переводе царских денег за границу, касалось ли это Министерства двора, удельного ведомства, Кабинета его величества, Государственного банка или же какого-либо из коммерческих банков.

Коковцов рассказал «под запись»:

Впервые мне пришлось встретиться с вопросами Финансовой части Министерства Императорского Двора, только в Июне 1913 г., при условиях, совершенно ясно сохранившихся в моей памяти и которые я готов подтвердить за полную мою моральную ответственность.

Граф Фредерикс обратился ко мне однажды по телефону с просьбой принять Управляющего Контролем Кабинета Его Величества г. Федорова по секретному делу, которое не должно быть сообщено кому бы то ни было из членов моего ведомства и, по воле Его Величества, должно остаться исключительно в моих личных руках.

В тот же день я принял г. Федорова и узнал от него, что вопреки неоднократным возражениям со стороны Графа Фредерикса, Государь Император категорически повелел немедленно перевезти в Россию все, принадлежащие Государю Императору ценности, в виде процентных бумаг, вывезенные в Берлин еще в 1905 г. и хранящиеся до сего времени в распоряжении Банкирского Дома Мендельсонов и Ко. Федоров не указал мне суммы этих денег и самого наименования их, но из беглого разговора с ним я вынес впечатление, что все эти ценности заключались преимущественно, если даже не исключительно,

в русских процентных бумагах. При этом Федоров пояснил мне, что главная забота Его Величества заключалась в том, чтобы перемещение ценностей было произведено без всякой огласки и без таможенного досмотра на нашей границе, при котором нельзя уже избежать нежелательных разговоров. Из беседы с Федоровым я вынес заключение, что самое обращение ко мне делается исключительно как Начальнику таможенного ведомства (министр финансов по должности возглавлял и это ведомство. — О. Б.). Мы условились тут же, что я сделаю с моей стороны простое распоряжение, чтобы Вержболовская таможня приняла просто счетом количество «мест», которое будет доставлено из Берлина за печатями Кабинета Его Величества, сверила их вес с фактурой дома Мендельсона и погрузила бы их в подготовленный Кабинетом вагон, а Кабинет принял бы весь транспорт в Петербурге и выдал мне удостоверение в том, что все отправленное из Берлина прибыло в целости и сдано по назначению. Впоследствии меня просили дать для сопровождения в пути отправленных из Вержболова ценностей небольшую охрану из чинов Корпуса Пограничной стражи. На следующий день Граф Фредерикс протелефонировал мне, что он очень благодарен мне за мою готовность помочь ему исполнить волю Его Величества, что Государь вполне одобрил все мои предположения и будет лично благодарить меня, при первом свидании со мною.

И действительно, на ближайшем же моем всеподданнейшем докладе Государь не только горячо благодарил меня, сказавши при этом, что Он вполне уверен, что при таком способе пересылки бумаг не выйдет никакой болтовни и не сочинят никакой новой небылицы, но рассказал мне даже, что перевозимые из Берлина бумаги отправлены туда в 1905 г. без Его согласия и даже после того, что Он дважды выражал Свое нежелание не делать подобной операции, а за протекшие восемь лет не раз говорил Графу Фредериксу о необходимости вернуть все обратно из Берлина, но все Его указания почему-то постоянно откладывались исполнением. В конце моего доклада Государь просил меня даже съездить и посмотреть какие прекрасные хранилища устроены около Петропавловской крепости для хранения всего наиболее ценного, принадлежащего Уделам и Кабинету.

Из этого моего сообщения с несомненностью вытекает, что все капиталы, находившиеся в Берлине были оттуда вывезены и не могли быть возвращены туда и после моего ухода из Министерства Финансов в конце Января 1914-го года. Не могли они быть перемещены туда

и в первой половине этого последнего года, так как с конца 1913 г. политическая атмосфера была настолько напряженная, что не могло быть и речи о перемещении ценностей за границу в видах безопасности. Я думаю также, что никаких ценностей принадлежащих Государевой Семье не могло быть и в других европейских странах, по крайней мере мне приходилось слышать, что Временное Правительство пыталось наводить об этом справки в первые месяцы своего существования в частности в Лондоне, но получило совершенно отрицательные ответы.

Относительно же слухов, что в Берлине остались «капиталы Августейших детей», Коковцов рассказал следующее:

Недавно мне пришлось иметь беседу с одним лицом близким дому Мендельсон и Ко и из его осторожных реплик на мои соображения я вынес только одно впечатление, что после 1913 г. оставались на хранение в Банкирском Доме небольшие остатки в виде германских процентных бумаг, которые были во время войны изъяты по распоряжению германского правительства и переданы на хранение в одно из государственных учреждений и там, после денежного кризиса, сопровождавшего инфляцию, конвертированы по тому курсу, который был установлен для ликвидации всех прежних долгов, кажется из расчета 100.000 германских марок прежнего счета — за одну новую золотую марку современной денежной системы.

Бернацкий, вступивший в управление Министерством финансов в июне 1917 года, рассказал, что при нем никаких расследований «относительно заграничных средств Государя и Его Семьи» уже не производилось. Однако припомнил характерный эпизод:

На одном из заседаний Временного Правительства во второй половине Июля 1917 года А. Ф. Керенский поднял вопрос о месте дальнейшего пребывания Царской Семьи. При этом он высказал мнение, что самое хорошее разрешение заключалось бы в отправке Государя с Семьей за границу при помощи англичан — через Швейцарию (оговорка Бернацкого, на самом деле обсуждалась отправка царской семьи через Швецию. — О. Б.). На замечание некоторых членов Правительства — социалистов, что Государь, находясь за границей, при помощи

своих средств, там находящихся, может организовать контрреволюцию, А. Ф. Керенский ответил с брезгливой гримасой: «Все слухи о таких средствах — ни на чем не основанная легенда». Косвенное подтверждение этого взгляда я нашел в просьбе управляющего делами Императорской ветви «Константиновичей», от их имени, выдать некоторую ссуду облигациями «Займа свободы» под лично им принадлежащие дворцы. Я поддерживал это ходатайство перед Временным Правительством, но удовлетворения не получил: дело было отложено. Для меня было ясно, что если бы у Царского Семейства имелись деньги за границей, то они могли бы располагать любым кредитом у частных лиц в Петрограде и Москве.

Князь Гагарин

от своего имени и от имени не имевшего возможности прибыть в заседание графа М. Е. Нирода высказал нижеследующее:

По имевшимся у нас неофициальным сведениям, во время бывших в России в 1905–1906 гг. беспорядков, по распоряжению Министра Императорского Двора, были переведены за границу принадлежащие Августейшим детям Государя Императора суммы, в размере, кажется, около 4–4,5 миллионов рублей.

Средства эти образовались путем накопления отпускавшихся, согласно Основным законам, ассигнований на содержание детей Царствующего Императора.

Деньги эти были помещены на хранение в Банкирский Дом Мендельсона в Берлине. — Были ли они перевезены обратно в Россию нам неизвестно.

Относительно нахождения у Государя Императора Николая II где-либо за границей каких-либо принадлежащих Ему капиталов у нас никаких сведений не имеется. Что же касается Главного Управления Уделов, то в заведывание сего Управления никаких принадлежащих Государю Императору сумм не находилось.

Наконец барон Нольде сообщил, что

в первые месяцы существования Временного Правительства он в качестве юриста был привлечен к работе совещания для определения юридического положения Государственных имуществ Императорского

Дома. В этом совещании, в котором приняли участие представители всех учреждений Министерства Императорского Двора, было оглашено, что Государь Император и Его Августейшая Семья, никаких имуществ за границей не имели, кроме небольших капиталов Дочерей Государя, около одного миллиона марок на каждую, в Банке Мендельсона в Берлине.

Зная законодательство военного времени, Нольде не сомневался, что «суммы эти были секвестрированы, и затем невосребованные подверглись, вероятно, всем последствиям инфляции и превратились в ничто».

Гирс подытожил:

Таким образом можно считать что никаких сколько-нибудь значительных имуществ за границей у Государя Императора и Его Августейшей Семьи не было и что по всей вероятности то небольшое, что лежало на счетах Августейших Дочерей в Германии, подверглось последствиям инфляции и практически более не существует.

Был запрошен также управляющий царским Кабинетом генерал Волков, обосновавшийся на юге Франции. В письме на имя графа М. Е. Нирода от 18 апреля 1929 года Волков сообщил, что за время управления им Кабинетом Его Величества «никаких сумм в заграничные банки на имя Государя Императора и членов его семьи не переводилось».

Однако же Волков высказал опасение, что «всякие разъяснения в прессе по упомянутому вопросу вызовут лишь увеличение и возобновление слухов и полемику». «Аргумент этот высказывался и раньше из другого, заинтересованного в деле источника, — писал Гирс Угету, намекая на великую княгиню Ксению Александровну. — Лично я не считаю его убедительным, но полагаю, что во внимание к лицам, выставившим его, нам не следует пока предавать протокол гласности». К тому же П. Л. Барк «всеми мерами» старался убедить Гирса, что оглашение Протокола «повредит интересам наследников покойного Императора, коими он, П. Л. Барк, ныне ведает».

В конечном счете, после более чем годичной борьбы Протокол в марте 1930 года был напечатан в извлечениях

в парижской газете «Возрождение». Сведения участников Совещания о том, что единственными «царскими» деньгами за границей являются вклады на имя великих княжон в банке Мендельсона в Берлине и что размер вкладов относительно невелик, через несколько лет подтвердились. В 1934 году суд Центрального района Берлина признал наследниками этих сумм великих княгинь Ксению и Ольгу, графиню Брасову, вдову великого князя Михаила Александровича, а также родственников покойных княжон по линии матери, императрицы Александры Федоровны, — принцессу Викторию Гессенскую, принцессу Ирину Прусскую, великого герцога Гессенского Эрнста и некоторых других. Как и предполагали финансисты, инфляция обесценила вклады, и к моменту выдачи судом официальных бумаг на право вступления в наследство (суд не очень торопился, и это произошло лишь в 1938 году) общая сумма составляла менее 25 тыс. ф. ст. На долю каждого из наследников пришлась весьма незначительная сумма, так что великая княгиня Ксения Александровна даже не удосужилась получить свою часть.

Угет писал Гирсу 9 мая 1929 года, убеждая его в необходимости публикации Протокола Совещания:

Злонамеренных людей ни в чем убеждать не надо, но только все же ловля в мутной воде будет значительно затруднена. Одна возможность ссылки на опубликованное заявление за авторитетными подписями ограничит работу проходимцев. Они должны будут утверждать, что фондов нет в Германии, но они есть в Англии. Если будут ссылаться на «конкретные» данные, можно будет обследовать и вновь доказать очередную ложь.

...думаю, что Вы признаете желательность того, чтобы постепенно добиться гласности этого дела — единственного способа защиты памяти покойного Государя от инсинуаций.

Могли ли представить себе российские дипломаты, сколько мути выльется на страницы печати свободной России по поводу царских богатств за рубежом. Некоторые «исторические оптимисты» даже собрались за их счет расплатиться еще с советскими долгами.

Автор этих строк не относится к расплодившимся в последнее время поклонникам последнего императора. Истории было угодно отвести человеку с кругозором «полковника хорошего семейства» роль — к несчастью для него и для страны — почти неограниченного правителя России в наиболее сложный для нее период. С этой ролью он явно не справился, и на его совести немало грехов, ошибок и крови. Однако в чем нельзя было отказать последнему царю — это в патриотизме и отсутствии личной корысти. Надеюсь, наша публикация остановит копошение различных «кладоискателей», морочащих головы легковерным гражданам и кормящихся, подобно могильным червям, около давно не существующего царского наследства.

АНГЛИЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО ЗОЛОТА¹

18 мая 1919 года министр финансов колчаковского правительства Иван Михайлов пригласил нескольких своих коллег по Совету министров, во главе с председателем, проинспектировать золотой запас Государственного казначейства, хранившийся в подвале Омского отделения Государственного банка.

Председатель Совмина Петр Вологодский записал в дневнике в тот же день:

Оказалось, что всего в наличности золота на 651.532.117 руб. 86 коп. Из этого числа: 1) российской монеты — 514.820.613 р. 78 к., 2) иностранной — 40.577.839 р. 36 к., 3) слитками золота на 95.078.493 р. 25 к., 4) золота полосами на 529.594 руб. 24 к., 5) кружками на 525.447 р. 25 к. Кроме того, в операционной комнате банка было выставлено серебро в вещах, награбленных большевиками в помещичьих имениях и хранившихся большевиками на складах в Казани. Вещи эти представляют большой интерес по разнообразию их, по художественности изделий и по историческому происхождению их. Всего было раскупорено 6 ящиков с такого рода вещами, а их находится на складе 172 ящика.

В других измерениях — весе и долларом эквиваленте — богатство, находившееся в распоряжении Колчака, выглядело так: 30 653 пуда (490 т 448 кг) золота в монете и слитках (332 915 653 долл.) и 2 тыс. пудов лигатурного золота и серебра различной пробы.

---

¹ Лондон-Info. 15 марта 2002. № 9 (69). С. 4; 29 марта 2002. № 11 (71). С. 4; 19 апреля 2002. № 14 (74). С. 5.

Судьба большей части «колчаковского золота» известна — большевикам после падения власти адмирала было возвращено золота на 409 млн 620 тыс. золотых рублей, продано с мая по сентябрь 1919 года французам, англичанам и японцам 3232 пуда золота на общую сумму 35 186 145 долл.

Но вот что с остальной частью золота (свыше 6 тыс. пудов), общей стоимостью 65 млн 342 тыс. 940 долл., вывезенного за границу и депонированного в различных зарубежных банках в обеспечение кредитов? Ведь правительство адмирала А. В. Колчака пало в январе 1920 года, так и не успев потратить причитавшиеся ему миллионы фунтов стерлингов, долларов и иен? На протяжении десятилетий этот вопрос волновал историков и финансистов, породив обширную литературу на разных языках, и не только научную. В СССР на эту тему была написана повесть и снят художественный фильм («Золотой эшелон»). Английский писатель Брайан Гарфилд выпустил роман «Колчаковское золото», в котором изобразил поиски нацистами якобы спрятанного где-то в шахте в Сибири золота, а затем борьбу за колчаковские сокровища ЦРУ и КГБ (*Garfield B. Kolchak's Gold*. London: Macmillan, 1974).

В 1990-е на страницах российской печати появилось множество публикаций о царском и колчаковском золоте, которое якобы находится до сих пор в английских и японских банках и при помощи которого Россия сможет погасить свой внешний долг. «Кладоискатели» уже подсчитали, что, учитывая набежавшие проценты, стоимость золота составит круглую сумму в 100 млрд долл. А «Комсомольская правда» с неистребимым юным задором опять готовится снаряжать экспедицию в тайгу на поиски заброшенной «золотой» шахты...

Однако «копать» следовало совсем в другом месте.

Разгадку «тайны колчаковского золота» автору этих строк удалось найти за океаном — в Гуверовском архиве, что при Стэнфордском университете в Калифорнии. Никакой внешней «кладоискательской» романтики — лопаты, внезапно клацнувшей о сундук с драгоценностями, или чего-либо подобного — увы, не было. Были тысячи листов бухгалтерских отчетов, секретной переписки, номера счетов, ведомости закупленного или проданного имущества, разбросанные по разным фондам.

В результате удалось проследить «путь» каждой унции золота и выяснить, куда же делись вырученные от его продажи фунты, доллары, франки, иены. Благо что отчетность российскими финансистами велась образцово: сохранились не только ведомости о закупках винтовок и пулеметов на сотни тысяч долларов, но и, к примеру, счет на 75 долл. за травлю «различного рода насекомых» в помещении российского торгового представительства в Нью-Йорке.

Истории было угодно распорядиться, чтобы деньги, вырученные от продажи последней части золотого запаса Российской империи, оказавшегося в руках А. В. Колчака, попали в Англию и хранились здесь более 25 лет. Хотя, казалось бы, именно Англия была для этого наименее подходящим местом.

Дело в том, что в период Первой мировой войны Англия стала крупнейшим кредитором России. Российский долг Англии составил, по разным подсчетам, от 538 до 579 млн ф. ст. Для поддержания курса фунта и в залог под кредиты российское Министерство финансов передало в распоряжение Английского банка за годы войны золота на 68 млн ф. ст. Расплатиться российское правительство должно было в срок от трех до пяти лет. Однако другое правительство — советское — по обязательствам предыдущего отказалось платить вообще, чем и решило судьбу залогового золота.

После Октябрьской революции 1917 года российские правительственные счета в Англии были арестованы. Однако, когда в начале 1918 года британское казначейство потребовало от знаменитого банка *Varing Brothers*, на протяжении многих десятилетий служившего финансовым агентом российского правительства в Англии, перечислить казначейству средства со счетов российских представителей, ибо источником появления этих средств были британские кредиты, банк выполнить это требование отказался. Отказался он, разумеется, выдать деньги и советским представителям — сначала М. М. Литвинову, а затем его преемникам. На российских счетах в 1918 году находилось немалым более 4 млн ф. ст.

Проблема российских долгов Англии была урегулирована лишь в 1986 году М. С. Горбачевым и М. Тэтчер. К этому времени суммы на российских счетах, учитывая набежавшие проценты,

достигли 46 млн ф. ст. По соглашению обеих сторон эти деньги должны были пойти на компенсацию держателям российских ценных бумаг и лицам, потерявшим собственность в России. Разбираться с претензиями поручили фирме Price Waterhouse. Педантизм британцев, оказывается, вполне сопоставим с немецким. Так, была предъявлена претензия за утрату багажа, в котором находились четыре коробки сардин, три неиспользованных билета на цикл музыкальных концертов и абонемент в оперу. Самая крупная выплата — 900 тыс. ф. ст. — была сделана одной компании в обмен на несколько сотен коробок российских бондов, самая маленькая — 3,63 ф. ст. — в порядке компенсации за потерянный в одном из банков Петрограда депозит в 127 руб.

Но вернемся к эпохе Гражданской войны. В декабре 1919 года, когда стало ясно, что падение Колчака — дело ближайших недель, министр финансов колчаковского правительства Павел Бурыйшкин (впоследствии автор известных воспоминаний «Москва купеческая») дал телеграмму российским финансовым агентам о перечислении государственных денег на их личные счета. Смысл этого был понятен: если бы правительство пало, его счета могли быть арестованы и, что постоянно мерещилось белым финансистам, деньги, в случае признания большевистского правительства, могли быть переданы ему. Доверенными лицами Бурыйшкин избрал финансовых агентов: в Англии — Конрада фон Замена, бывшего директора Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, в США — Сергея Угета и в Японии — Карла Миллера. После крушения Колчака финансисты Белого дела обслуживали нужды Деникина, а затем Врангеля.

После падения Врангеля и эвакуации его армии из Крыма в ноябре 1920 года «власть» в свои руки взяли российские послы, назначенные или переутвержденные еще Временным правительством и по-прежнему признававшиеся правительствами стран их пребывания. Они организовали в Париже Совет российских послов под председательством старейшины русского дипломатического корпуса М. Н. Гирса. При Совете послов был образован Финансовый совет для распределения казенных средств под председательством того же Гирса. В состав Финансового совета входили российский посол в Париже В. А. Маклаков,

бывший премьер-министр Временного правительства и глава воссозданного за границей Земского союза князь Г.Е. Львов, бывший министр финансов Временного правительства, а затем правительств Деникина и Врангеля профессор политэкономии М.В. Бернацкий; российские послы в США Б.А. Бахметев и в Японии В.Н. Крупенский, а также дипломатический представитель в Великобритании Е.В. Саблин являлись членами совета во время их пребывания во Франции.

Сколько же денег оказалось на счетах финансовых агентов? В мае 1922 года советская делегация на конференции в Генуе распространила меморандум по вопросу о долгах и указала сумму своих контрпретензий к союзникам. В том числе были названы суммы, находившиеся на счетах финансовых агентов. В том числе 22,5 млн долл. у Угета в Нью-Йорке, 606 644 ф. ст. у Замена в Лондоне, свыше 6,5 млн иен, 170 тыс. долл. и 25 тыс. ф. ст. у Миллера в Токио и др. С тех пор эти цифры неоднократно повторялись в «кладоискательской» литературе. Повторяются и сейчас. Однако даже в момент их обнародования было ясно, что большей части этих денег на счетах агентов уже нет. Советская делегация основывалась на материалах колчаковского Министерства финансов, захваченного Красной армией. Последние сведения там относились в лучшем случае к июлю 1920 года. А с тех пор утекло немало воды. И денег.

Чтобы рассказать обо всем, потребовалась бы целая книга; остановлюсь опять-таки только на Англии и на судьбе последней части российского золота. В начале 1921 года освободилась партия золота, депонированная колчаковским правительством в Гонконг-Шанхайском банке в августе 1919 года в качестве гарантии платы за винтовки фирме «Ремингтон». Весной 1921 года золото, двумя партиями, было продано финансовым агентом в США Угетом, в непосредственном распоряжении которого оно находилось, японскому Иокогама Спесие банк.

Вес чистого золота первой партии слитков составил 12 131 унцию; за нее было выручено 503 101 иена, что равнялось 244 633 долл. Вторая партия слитков «потянула» на 12 102 унции; за нее получили 501 874 иены, или 244 036 долл. Я привел все расчеты столь подробно, поскольку эта продажа, не столь крупная по сравнению с другими операциями по продажам и залогам

золота, проведенными российскими финансовыми представителями за рубежом, имела особое значение.

Ибо на этот раз была продана последняя часть золотого запаса России, оказавшаяся некогда в распоряжении Колчака и его «наследников». Так завершилась история «колчаковского золота», если оперировать физическими понятиями и говорить, в данном случае, о золотых слитках. Деньги же, вырученные от продажи, имели свою, и неожиданно довольно долгую, судьбу.

По-видимому, именно продажа последней части золота навела посла в США Б. А. Бахметева и его ближайшего сотрудника Угета на мысль о необходимости сохранить вырученные средства для будущего антибольшевистского правительства. Тем более что в конце 1920-го — начале 1921 года средства на счетах российских представителей за границей таяли стремительно, в основном направляясь на содержание и обустройство армии Врангеля и гражданских беженцев.

В конце апреля 1921 года Бахметев обратился с «совершенно личным» письмом к М. Н. Гирсу, в котором писал:

Последние дни я все беспокоился мыслью об обеспечении необходимыми денежными средствами русского национального движения, с тем, чтобы эти средства могли быть использованы для патриотических целей, независимо от положения нашего представительства в той или другой стране. Валюты осталось страшно мало, нужды беженцев огромны, мы живем все время под психологическим давлением отпустить все что возможно на хоть незначительное облегчение страданий; между тем, возможно, что впереди — еще многие месяцы, если не годы, до тех пор пока какая-либо русская национальная власть сможет получить какие-то средства на свои заграничные расходы. Мне кажется что поэтому совершенно целесообразным является наперед выделить в какой-то особый национальный фонд известные суммы, забронировав их, с одной стороны, от изменений в положении нашего представительства, с другой стороны — от расходования на какие-либо иные цели.

Бахметев изложил председателю Совета послов план действий, предложенный Угетом, а именно: образовать особый Национальный фонд из средств, выделенных тремя главными

финансовыми центрами эмиграции — Европой, Америкой и Японией (имелись в виду, разумеется, распорядители российских средств в этих странах).

Практически одновременно и независимо от возникновения идеи о создании Национального фонда эмигрантскими финансистами начал дебатироваться вопрос о способах хранения (точнее, сокрытия) государственных средств. Во-первых, правительства стран — кредиторов России вполне могли, если бы очень захотели, конфисковать государственные средства в порядке компенсации за долги. Во-вторых, подписание англо-советского торгового договора 16 марта 1921 года, как казалось, создало реальную угрозу передачи казенных средств Советам — ведь теперь большевистское правительство фактически признавалось британским. Эти обстоятельства послужили побудительным мотивом поисков новых способов хранения денег. Отмечу, что опасения относительно намерений британского правительства были сильно преувеличены, однако для нас важно то, что они разделялись большинством дипломатов и финансовых агентов.

Держатели российских средств в Европе рассмотрели и отвергли два возможных варианта хранения: 1) на счетах частных лиц — поскольку в случае судебного преследования было бы невозможно объяснить происхождение денег; 2) в банковском сейфе наличными или в краткосрочных бонах — однако бонны, опять-таки, надо было регистрировать, а местоположение сейфа могли обнаружить большевистские агенты. Во Франции вдобавок существовала угроза секвестра российских средств правительством в порядке компенсации за содержание армии Врангеля.

Средства нужно было централизовать, хранить в надежном месте и в то же время обеспечить их быстрое получение в случае необходимости. Очевидно, что всем сформулированным условиям мог отвечать только банк, причем банк «свой». Единственный способ «полного сокрытия казенного характера сумм и вместе с тем безопасного их помещения», полагал управляющий делами Финансового совета В. И. Новицкий, — вложить их в операции с акциями и векселями. Для обеспечения надежности надо стать «одними из хозяев дела», для чего внести часть казенных средств в основной капитал банка.

Рассуждения Новицкого были отнюдь не абстрактны, и речь шла о вполне конкретном банке. А именно — о London & Eastern Trade Bank. В предварительных совещаниях по вопросу о способах хранения участвовали видные дипломаты, юристы и финансисты М. Н. Гирс, В. А. Маклаков, М. В. Бернацкий, М. С. Аджемов, барон Б. Э. Нольде и П. А. Бурьшкин; наиболее приемлемыми они сочли предложение новообразованного лондонского банка.

Банк насчитывал от роду менее полугода. Однако среди его отцов-основателей были знакомые все лица. Это была группа Московского купеческого банка, нефтепромышленники С. Г. Лианозов (председатель Совета банка), братья Цатуровы, Г. Л. Нобель. В правление банка входили К. Е. Замен и бывший заместитель российского министра финансов С. А. Шателен.

Для формирования фонда Бахметев и Угет перевели в Европу 130 300 ф. ст. за счет сумм, полученных от продажи остатков золотого запаса. 60 тыс. ф. ст. дали «европейцы». Деньги, переведенные из США, а также 36 400 ф. ст., выделенные «европейцами», были помещены в акции London and Eastern Trade Bank, остальные 23 600 ф. ст. были размещены в том же банке в виде векселей.

Новицкий выделял три главных мотива, заставившие распорядителей казенных средств за границей приобрести акции банка:

- 1) необходимость создания юридического лица, могущего за нас выступать и действовать и дающего возможность как хранения, так и сокрытия имеющихся у нас казенных средств, 2) желательность сохранения известной части средств до момента восстановления России для передачи их будущему национальному правительству, 3) желательность подготовить банковский аппарат за границей для облегчения возможности получения кредитов для восстановления России и будущих торговых сношений ее с заграницей.

Кроме того, банк использовался для переводов средств дипломатическому представительству, гуманитарным учреждениям, на расселение армии.

История банка опять-таки могла бы послужить темой для самостоятельного исследования. Завоевать место под солнцем

на давно уже поделенном британском финансовом рынке было нелегко. К тому же банк сотрясали внутренние противоречия: для сравнительно небольшого кредитного учреждения в нем оказалось чересчур много крупных предпринимателей и отставных политических деятелей. На каждого служащего приходилось едва ли не по два члена правления и совета. Да и среди «простых» служащих оказался, например, бывший управляющий Министерством иностранных дел в правительстве Колчака Иван Сукин, заведовавший в банке валютным отделом при скромном жалованье 50 ф. ст. в месяц. Неоднократно, особенно в первые годы существования, менялся состав акционеров, совета и правления.

Правда, несмотря на все эти склоки и потрясения, Банк, председателем правления которого со временем стал Г. Л. Нобель, просуществовал на удивление долго. Банк проводил операции в Австрии, Германии, прибалтийских государствах. Что же касается Национального фонда, то конец его существованию — точнее, его существованию в том размере и с той системой управления, которая оформилась в декабре 1921 года (фондом ведала Коллегия попечителей, состоявшая в основном из послов), — пришел совсем не вследствие нестроений в Банке, а по внешним и более фундаментальным причинам.

К лету 1924 года выяснилось, что средства на содержание официальных органов и на помощь беженцам иссякли. На совещании финансовых агентов и дипломатов было решено освободить на эти нужды 40 тыс. ф. ст. из Национального фонда (по 20 тыс. из европейской и американской частей). Коллегия попечителей была распущена, а распоряжение Национальным фондом было передано финансовым агентам под контролем послов.

Можно было бы предположить, что вслед за первой порцией последуют другие и Национальный фонд будет быстро израсходован на эмигрантские нужды. Однако, судя по сохранившейся переписке, деньги находились в London and Eastern Trade Bank по меньшей мере еще 20 лет. В 1940 году Eastbank еще вполне сводил концы с концами, хотя и не относился к очень преуспевающим. Председателем совета директоров по-прежнему был Г. Л. Нобель, число директоров заметно сократилось, теперь их, кроме председателя, было всего трое — Шателен, Новицкий,

перешедший еще в 1924 году на службу в банк, и британец Р. Джерзалия (R. Gersaglia).

После окончания Второй мировой войны началось сокращение операций банка, а затем, в конце 1940-х годов, он был ликвидирован.

В. А. Маклаков (бывший посол стал теперь главой Office'a по делам русских беженцев во Франции) писал в сентябре 1946 года Б. А. Бахметеву (ставшему к тому времени профессором Колумбийского университета):

Существование наших эмигрантских учреждений переживает острый кризис с самого начала войны и массового вымирания лиц, которые с 1920-го года ведали этим делом. Ясно, что долго мы существовать не можем, но протянуть еще возможность есть.

Сейчас, как Вы может быть слышали, идет ликвидация Лондона, который дает некоторую помощь. Но там окажется то, что называется «американская» доля. Мы с Лондоном в связи и в контакте, они не забывают английских учреждений, но понимают, что у нас нужда больше... меня просили ходатайствовать в Америке, где, по-видимому, такой острой нужды, какая будет в Европе, нет, чтобы из американской доли была оказана помощь Европе и, в частности, Франции.

Просьба Маклакова была удовлетворена, и остатки Национального фонда были переведены в его распоряжение (по некоторым данным, деньги теперь хранились в Швейцарии). В сентябре 1949 года Маклаков писал своему заокеанскому коллеге и другу:

Вы интересуетесь так называемым «фондом». Кое-что еще остается... Обращение к этому фонду и выдача из него требуют тайны; придется считаться с последствиями и от удовлетворения их просьбы и от отказа. Денег немного... Те же, кто просят, думают, естественно, прежде всего о себе. Если давать все, что просят, повторится 20 год, когда в несколько месяцев было истрачено все, что предполагали на несколько лет.

Бережливый Маклаков сумел растянуть средства бывшего Национального фонда еще на несколько лет. Последнее упоминание о его суммах мне попало на глаза, в рукописном отделе

Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. Екатерина Кускова, высланная из Советской России в 1922 году и оказавшаяся в конце концов в Женеве, упоминала в письме к своей приятельнице летом 1954 года, что Маклаков прислал ей «из каких-то „остатных фондов“ — 500 швейцарских франков».

Она и не подозревала, что первоисточник этих «остатных фондов» — золотые слитки, некогда хранившиеся в подвалах Госбанка далекого сибирского городка.

ГЕНЕРАЛЫ И ДЕНЬГИ («ВРАНГЕЛЕВСКОЕ СЕРЕБРО»)¹

История «колчаковского золота»² неоднократно привлекала внимание историков и журналистов и находилась на слуху у просвещенного читателя, интересующегося историей Гражданской войны и эмиграции. Менее известна история «врангелевского серебра», наделавшая в свое время немало шума и ставшая объектом пристального внимания эмигрантской печати в начале 1920-х годов. Речь идет о продаже значительной части Петроградской ссудной казны (известной также как серебряная казна). Реальные обстоятельства этой весьма занимательной истории оставались до сих пор малоизвестны исследователям по той же причине, что и подлинная история «колчаковского золота»: важнейшие документы находятся в фонде генерала П. Н. Врангеля в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, что при Стэнфордском университете в Калифорнии, и были практически недоступны российским историкам и, по-видимому, не привлекали внимания других, имевших больше возможностей свободного передвижения по миру. Настоящая статья — попытка написать еще одну главу истории «денег русской эмиграции».

Ссудные казны были учреждены в 1772 году в Санкт-Петербурге и Москве по инициативе Ивана Ивановича Бецкого с целью «оказания помощи всем нужду в деньгах имеющим и в той самой нужде ростовщиками утесняемым». Заметим, что Бецкой, видный деятель екатерининского времени, был радетелем

¹ Диаспора: Новые материалы. Вып. VI. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2004. С. 134–173.

² См.: Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

просвещения, автором «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» (1763). По его инициативе были открыты училище для мальчиков из разных сословий при Академии художеств (президентом которой он состоял более 30 лет, 1763–1794), Коммерческое училище в Москве и первое в России образовательно-воспитательное учреждение для женщин — знаменитый Институт благородных девиц с отделением для девочек из мещан при Смольном монастыре.

Не случайно поначалу Ссудные казны действовали при воспитательных домах, «не для обогащения воспитательного дома, но человеколюбия ради, к пооществованию терпящим нужду». Смысл образования финансовых учреждений подобного типа, выдающих сравнительно небольшие ссуды под низкий процент, заключался в создании дешевого кредита (после различных экспериментов «интерес» был установлен в 6% годовых, что было в 3–4 раза ниже процентов, взимаемых частными ломбардами) для бедных. В связи с реформой государственных кредитных учреждений в 1860 году Ссудные казны были переданы из ведомства опекунского совета в ведение Министерства финансов. Обратные средства Ссудным казнам предоставлял Государственный банк под 4% годовых, ссудные казны, в свою очередь, взимали 6%. С 1840 года казны прекратили принимать в заклад платье, белье, ткани и «мягкую рухлядь», полностью перейдя на изделия из драгоценных и полудрагоценных металлов и другие «твердые» ценности. Согласно правилам от 5 декабря 1862 года Ссудные казны могли принимать в заклад золотые и серебряные вещи, часы, бриллианты, драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро установленной пробы в слитках. Ссуды выдавались на срок до года в размере $\frac{4}{5}$ оценки залога из золота или серебра и $\frac{2}{3}$ под прочие заложения. Просроченные заложения продавались с аукциона. К услугам Ссудной казны обращались отнюдь не только небогатые слои населения. Дешевый кредит был весьма привлекателен, и его стремились получить многие¹. Кроме заложений, в Ссудной казне хранились также ценные вещи частных лиц (вклады).

¹ Ссудные казны // Энциклопедический словарь: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. XXXI. Стб. 365–368.

Путешествия Петроградской ссудной казны начались в революционном 1917 году. В августе 1917 года Временное правительство ввиду угрозы захвата Северной столицы немецкими войсками, а также с целью «разгрузки» города, испытывавшего затруднения с подвозом продовольствия, распорядилось вывезти Ссудную казну из Петрограда. Особым распоряжением Временного правительства от 29 августа 1917 года операции Ссудной казны были приостановлены в связи с подготовкой к эвакуации. В сентябре в Москву в два этапа были вывезены все золотые и бриллиантовые заклады, размещенные в кладовых Московской ссудной казны; туда же были вывезены наиболее дорогие и негромоздкие вклады на хранение¹.

После тщательных поисков подходящим местом для хранения приблизительно тысячи ящичков, содержавших серебряные заклады общей численностью 31 328 единиц, а также наиболее громоздких вкладов было признано здание Городского общественного банка в г. Ейске Кубанской области. 15 октября 1917 года из Петрограда вышел первый эшелон, содержащий 700 ящичков серебряных вкладов (около 23 тыс. единиц) и 580 ящичков вкладов. Начальником эшелона был директор Петроградской ссудной казны И. В. Сахаров. В Ейск предполагалось перевести и все управление казной, а также ее контроль и бухгалтерию. Последующие события не позволили этого сделать в полном объеме. Оставшиеся в Петрограде примерно 10 тыс. вкладов и некоторые вклады в феврале–марте 1918 года были эвакуированы в Екатеринбург, а в августе, ввиду наступления войск антибольшевистского Сибирского правительства, вывезены обратно в Петроград.

До июля 1918 года Ссудная казна вполне мирно существовала в условиях советской власти, и лишь перед оставлением ими города большевики дважды пытались вывезти казну из Ейска или даже разделить ее между солдатами, но, по утверждению Сахарова, вследствие его личных объяснений с властями

---

¹ Записка И. В. Сахарова. Котор. 14 августа 1922 // НИА. Stanford University: Stanford, California. Vrangell Collection. 158–58. Л. 235–235 об. (При подготовке передачи архива Врангеля в Гуверовский институт секретарем покойного генерала Н. М. Котляревским большинство документов было наклеено на страницы огромных «амбарных» книг.)

и «протестов со стороны других служащих, попытки эти были оставлены и ценности сохранены в целости». Большевиков сменили казаки; по настоянию представителей Краевого Кубанского правительства ввиду угрозы захвата города немецкими войсками, уже занимавшими Таганрог и некоторые другие пункты побережья Азовского моря, во второй половине августа Казна была перевезена в Екатеринодар, где размещена в амбарах мельницы И. Дицмана на Екатерининской улице. Вскоре выяснилось, что заботы Кубанского правительства о Ссудной казне были отнюдь не бескорыстными — оно рассчитывало за ее счет пополнить свой бюджет. Тем не менее этого сделано не было, по видимому, в связи с усилением позиций в Кубанской области Добровольческой армии. Служащие Ссудной казны жили своей жизнью, получая необходимые средства от Кубанского правительства и даже, «ввиду наступившего спокойного времени и участвовавших заявлений клиентов», приступили к выдаче ценностей владельцам. В екатеринодарский период было возвращено 293 заклада и 10 вкладов.

Однако в декабре 1919 года вновь поползли слухи о намерении Кубанского правительства прибрать ценности Ссудной казны к рукам. В начале января 1920 года Сахаров обратился в Управление финансов при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России с просьбой о содействии в вывозе Казны в более безопасное место. В Екатеринодар был командирован от Управления финансов А. М. Гензель, которому были даны полномочия на перевозку Казны в Новороссийск, а затем в Крым. По счастью, мельница находилась недалеко от железнодорожных путей, так что ящики были скрытно погружены на специальный поезд, а 24 января 1920 года ценный груз был уже в Новороссийске. Операция была предпринята более чем своевременно. Вскоре Сахаров получил от служащего Казны, оставшегося в Екатеринодаре, копию Протокола заседания Кубанского правительства, на котором было решено продать или заложить ценности Ссудной казны за границей, а вырученные средства обратить на нужды фронта. Так была предпринята (пока только теоретически) первая попытка продажи ценностей Ссудной казны за границу; неясно правда, каким образом это удалось бы сделать Кубанскому правительству практически.

Около месяца простоял «серебряный эшелон» на станционных путях; наконец 18 февраля 1920 года удалось погрузить ценности на пароход «Дооб». Работы производились в спешке, днем и ночью; на погрузке работала артель рабочих из Отдела морских перевозок. При погрузке была обнаружена попытка хищения из одного из ящиков, о чем составлен акт; возможно, по признанию Сахарова, что какие-то мелкие вещи и даже целые заклады могли выпасть или быть похищены в условиях спешки и темного зимнего времени. Удивляться этому не приходится; скорее удивительно другое: как удалось вывезти Ссудную казну и обойтись при этом без сколько-нибудь значительных потерь в условиях Новороссийской катастрофы деникинской армии.

В Керчи выгрузке ценностей воспротивился начальник гарнизона ввиду беспокойной обстановки в городе; ящики перегрузили на стоявший в порту транспорт, затем, по каким-то причинам, на другой. 15 марта транспорт с Ссудной казной прибыл в Феодосию. Наконец 9 мая в Феодосию из Севастополя пришел пароход «Самара», на котором ценности Ссудной казны должны были быть вывезены на хранение в дружественную Сербию. 13 мая пароход вышел из Феодосии в Котор. Сделав по пути остановки в Константинополе, Коринфе, Корфу и Дубровнике, он ровно через месяц, 13 (26) июня 1920 года, прибыл в Котор (Каттаро). Выгрузка продолжалась два с половиной дня¹.

По данным ответственного служащего Ссудной казны А. Ф. Шелеста, в ее состав входили:

1) 580 ящиков с вкладами, среди которых находились несколько ящиков с драгоценностями Русского музея Императора Александра III, стоимость которых, по оценке Шелеста, была «во всяком случае не менее миллиона фунтов стерлингов»²;

2) 700 ящиков с 22 300 закладами, под которые в свое время были выданы ссуды на сумму 1 млн 660 тыс. рублей золотом.

¹ Записка И. В. Сахарова. Котор. 14 августа 1922 // НИА. Stanford University: Stanford, California. Vrangell Collection. 158–58. Л. 235 об. — 237 об.

² И. Качаки сообщает, что «между ящиками вкладов находились четыре ящика (500 кг) коллекции старинных русских медалей, принадлежавших Русскому музею императора Александра III, и частная нумизматическая коллекция великого князя Георгия Михайловича огромной ценности» // Русская мысль. Париж, 2001. 5 апреля. № 4360.

Кроме того, на складах Казны хранились ценности учреждений Государственного банка и казначейств — 275 ящиков с ценностями частных лиц (вклады, судебные депозиты, залоги и т. д.), эвакуированные в Каттаро одновременно с Ссудной казной.

В конце декабря, после эвакуации армии Врангеля из Крыма, в Каттаро привезено было еще 63 ящика из севастопольского отделения Государственного банка.

По спискам ценностей учреждений Государственного Банка значилось 55 громоздких ящиков с золотыми и серебряными изделиями, художественной работы всех эпох, числившимися за Всеукраинским Комитетом Охраны памятников искусства (сокращенно: «Вукопис»). Этот комитет был большевистским, но устроен был в Киеве не большевиками, а лицами, хотевшими спасти это художественное имущество от большевистского разграбления. На счет этого комитета, организованного в Киеве после падения петлюровской Директории, были перечислены все художественные изделия из благородных металлов, как из вкладов киевской конторы Гос. Банка, так и из сейфов частных банков г. Киева. Наконец, на имя этого комитета и добровольно сдавались ценности, лишь бы спасти их от разграбления. Ценности по названному комитету хранились в киевской конторе, а затем после занятия Киева Добровольческой Армией, были вывезены в Новороссийск, откуда вместе с ценностями Сс[удной] Казны попали в Каттаро в первую эвакуацию¹.

На складах Ссудной казны в Каттаро оказались ценности учреждений Государственного банка и казначейств, а именно:

- 1) Киевской, Харьковской и Одесской контор Госбанка;
- 2) отделений — Винницкого, Елисаветградского, Житомирского, Калишского, Либавского, Мариупольского, Мелитопольского, Петроковского, Роменского, Севастопольского, Симферопольского, Херсонского, Царицынского, Черниговского, Евпаторийского;
- 3) ценности казначейств — Вейсенштейнского, Генического, Днепровского, Евпаторийского, Екатеринославского, Кобелякского, Мариупольского, Мелитопольского, Новомосковского,

---

¹ Шелест А. Ф. Операции с Ссудной Казной // Последние новости. 1923. 18 мая.

Перекопского, Ставропольского, а также ценности всех казначейств, бывших подотчетными киевской конторе, Черниговскому и Либавскому отделениям Госбанка;

4) ценности самостоятельных сберегательных касс — Екатеринославской и Одесской.

Ценности учреждений Банка и казначейств разделялись на:

I. Собственность Государственного банка:

- а) около 7000 килограммов российской серебряной монеты;
- б) около 1500 килограммов российской медной монеты;
- в) приблизительно на 8000000 руб. различных ценных бумаг;
- г) приблизительно на 2000 миллиона руб. различных денежных документов, векселей и т. п.;
- д) денежные знаки правительств А. В. Колчака, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, П. П. Скоропадского, С. В. Петлюры, большевиков и др.;
- е) различные купоны, бланки, переписка и т. п.

II. Собственность частных лиц:

- а) более 100 ящиков, включая и «Вукопис» с вкладами и депозитами, состоявшими из драгоценных, золотых и серебряных вещей;
- б) свыше 100 миллионов рублей номинальных ценными бумагами, числившимися во вкладах и депозитах на имя приблизительно 60000 частных лиц;
- в) иностранная валюта, коллекция золотых и серебряных монет, также числившиеся во вкладах и депозитах;
- г) документы, духовные завещания и т. д. и т. п., сданные в свое время на хранение перечисленным выше учреждениям¹.

Понятно, что стоимость значительной (если не большей) части бумаг, включая денежные знаки почивших в бозе правительств, оказавшихся на складах Ссудной казны, не превышала цены макулатуры. Заметим все же, что, кроме вполне реальных ценностей — серебряной монеты и т. п., некоторые бумаги — акции и т. п. — также чего-то стоили и котировались на некоторых

¹ Шелест А. Ф. Операции с Ссудной Казной.

международных фондовых биржах, хотя и по цене существенно ниже номинала.

Внутренняя организация Ссудной казны выглядела следующим образом: заведующим Ссудной казной был назначенный еще правительством А. И. Деникина в Екатеринодаре уполномоченный Министерства финансов А. М. Гензель; ценностями собственно Ссудной казны (вкладами и закладами) заведовал директор Казны И. В. Сахаров, ценностями учреждений Государственного банка и казначейства — А. Ф. Шелест. Ссудная казна подчинялась представителю финансовой части Русской армии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (впоследствии — Югославия) барону А. Е. Тизенгаузену, имевшему резиденцию в Белграде и осуществлявшему надзор за ее операциями. Тизенгаузен, в свою очередь, подчинялся Финансовой части, находившейся в Константинополе и возглавлявшейся Е. М. Балабановым¹.

Понятно, что, испытывая острую нужду в деньгах, врангелевские финансисты не могли не обратиться к сокровищам, счастливо оказавшимся в их распоряжении. Первым объектом, на который они положили глаз, была серебряная монета, являвшаяся собственностью различных учреждений Государственного банка. Поскольку Врангель рассматривал себя в качестве не только носителя идеи российской государственности, но и легитимного преемника верховной власти Колчака и Деникина, следовательно, и распоряжаться государственными ценностями он имел, с точки зрения Главнокомандующего и его окружения, полное право.

Однако продать серебряную монету было не так-то просто. Во-первых, надо было заручиться разрешением сербского правительства на продажу и на вывоз серебра, во-вторых, найти покупателя, который рискнул бы иметь дело с достаточно сомнительным с юридической точки зрения продавцом.

Поначалу серебро было предложено сербскому Министерству финансов; однако министр финансов в устной форме заявил, что ни министерство, ни Народный банк в приобретении серебра не заинтересованы. Тогда финансовый представитель Врангеля в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС)

---

¹ Шелест А. Ф. Операции с Ссудной Казной.

А. Е. Тизенгаузен обратился с официальным письмом на имя Генерального инспектора Минфина с просьбой о разрешении на беспрепятственный и беспошлинный вывоз серебра за границу, подчеркивая, что «указанное выше серебро предназначается к продаже для увеличения ресурсов на содержание беженских организаций в пределах Королевства С. Х. С. и было в первую очередь предложено Королевскому Министерству финансов»¹. Необходимое согласие было получено.

Заметим, что средства предполагалось использовать прежде всего для содержания армии, а не «беженских организаций». Однако писать об этом открыто означало нарушать политические приличия.

Переговоры о продаже серебряной монеты велись с Русско-славянским банком, единственным русским банком в Югославии. Директором и, по-видимому, хозяином банка был В. А. Лебедев, бывший начальник Управления торговли Особого совещания при генерале А. И. Деникине. Русско-славянский банк изъявил готовность «поместить» 6 тыс. кг серебра в русских монетах по цене 28 пенсов за унцию стандартного серебра «на британском рынке». Банк должен был получить 2% от вырученной суммы, платеж должен был быть произведен в фунтах стерлингов в Лондоне или в динарах в Белграде. Банк авансировал расходы по отправке серебра в Лондон и брал на себя все хлопоты по этой операции; управление финансов затем должно было оплатить расходы банка. «Мы примем все меры, — говорилось в письме Лебедева Тизенгаузену, — чтобы треть стоимости была уплачена против пароходных документов»².

По-видимому, предложенные условия не устроили врангелевских финансистов. Было очевидно, что Лебедев хочет получить серебро в кредит, а деньги нужны были как можно скорее. Однако переговоры с Адриатическим банком в Белграде также завершились неудачей. По сведениям Тизенгаузена, причиной внезапного отказа Адриатического банка от покупки серебра были интриги Лебедева, убедившего сербов

---

¹ А. Е. Тизенгаузен — Генеральному инспектору Министерства финансов Королевства СХС. 1 марта 1921 // НИА. Vrangeli. 154–57. Л. 24–24 об.

² Русско-славянский банк — А. Е. Тизенгаузену. 2 апреля 1921 // Там же. Л. 25.

не вмешиваться в сделку. Пришлось возобновить переговоры с Русско-славянским банком. Теперь Лебедев предлагал 22 пенса за унцию при выплате половины суммы наличными, а второй половины через два с половиной месяца. Тизенгаузен выторговал цену в 24,5 пенса за унцию, и к 14 мая 1921 года был составлен проект договора. Проблема заключалась в том, чтобы обеспечить надежную гарантию и форму получения второй половины платежа. Предлагавшиеся Лебедевым срочные заграничные чеки, как выяснилось, не котировались на Белградской бирже. Сошлись в конце концов, что средством платежа второй половины суммы послужит акцептованная¹ одним из английских банков тратта².

Отметим, что переговоры велись весьма интенсивно; когда, казалось, были выработаны взаимоприемлемые условия по всем пунктам сделки, 17 мая банк внезапно вместо внесения первой половины платежа наличными предложил следующую комбинацию: «По подписании договора покупатель открывает в Английском банке в Белграде (Trade Corporation) аккредитив на сумму около 6000 фунтов стерл[ингов]. По приемке товара и по погрузке его на пароход, продавец получает коносамент на ордер, каковой коносамент представляется в Английский банк, где получает наличными фунтами или чеками на Лондон сумму по расчету 1 ф. ст. за каждый килограмм серебряной монеты, а остальную причитающуюся сумму, согласно Вашему проекту, в виде акцептованной тратты».

Тизенгаузен при участии советника миссии Пелехина и сенатора Д.И. Никифорова отредактировал договор заново и в тот же день отправил его в банк в сопровождении ультиматума: в течение 36 часов или принять договор в единственно приемлемой для продавцов редакции, или отказаться от сделки³.

¹ Акцепт — надпись банка на чеке или векселе, выражающая его согласие на их оплату.

² Тратта, или переводной вексель, — письменный приказ одного лица (кредитора) другому (заемщику) об уплате определенной суммы третьему лицу или предъявителю.

³ Докладная записка (очевидно, А.Е. Тизенгаузена) на имя и.о. начальника Финансовой части от 25 мая 1921 // НИА. Vrangell. 154–57. Л. 57–59.

Лебедев ответил, по словам автора записки о неудачных попытках продать серебро, совершенно неприличным как по тону, так и по содержанию письмом.

Лебедев писал Тизенгаузену и А. Э. Ломейеру:

Несмотря на согласие в цене и других деталях оплаты, между нами существует основное различие во взглядах. Вы считаете себя представителями Российской Казны и составили проект договора от имени Управления Финансов. Между тем, в действительности Российской Казны, могущей отвечать перед контр-агентом всем достоянием Государства, и самого Управления Финансов в прежнем виде не существует (подчеркнуто кем-то из получателей письма. — О. Б.). Поэтому Сербское учреждение не может рассматривать этот договор, как договор с Казной, а может рассматривать только как обычную торговую сделку между частными лицами. А так как Вы, как частные лица, не обладаете достаточными гарантиями для пополнения наших убытков в случае необходимости, а равно мы не можем нести риск, связанный с казенной продажей, то мы принуждены применить частные методы торговли.

Каким образом мы можем принять на себя, в том случае, если вся оплата будет произведена до погрузки, нижеследующий риск?

1. От возможной задержки в таможнях, которая вновь может за- просить Белград.
2. От Вашей болезни или смерти.
3. От грабежа или несчастных случаев.
4. От наложения ареста за долги.
5. От политических осложнений и пр.

Все вышеуказанные причины могут задержать груз, в это время пароход может уйти, наша срочная сделка с Лондоном будет наруше- на и мы потерпим крупные убытки от потери в курсе серебра, курсе валюты и интереса на затраченный капитал.

Открытие аккредитива «в постороннем солидном банке» Ле- бедев считал нормальным коммерческим обеспечением сделки¹.

Причину «резкого и неожиданного изменения тона» Лебеде- ва представители Управления финансов объясняли тем, что он

¹ Русско-славянский банк — Финансовому Агенту при Российской Миссии в Белграде А. Е. Тизенгаузену и г. А. Э. Ломейеру. 18 мая 1921 // Там же. Л. 54.

все время надеялся «купить серебро без денег, когда же нашим ультиматумом от 17-го мая он был поставлен в необходимость либо купить серебро и заплатить немедленно деньги, либо отказать от сделки, он не нашел для себя более приличного выхода, как ответить нам указанным выше образом».

Разрыв с Лебедевым поставил врангелевских финансистов в крайне тяжелое положение; возможность реализации серебра в Белграде «почти исключалась». Представители Управления финансов рассматривали вопрос, ввиду все той же острой потребности в деньгах, о возможности залога серебра в белградском Национальном банке. Они считали это целесообразным в случае, если бы размер ссуды составил 75% стоимости серебра, что дало бы приблизительно 25 пенсов за унцию¹.

Однако покупатель все-таки нашелся в лице некоего Руско-сербского общества для развития торговли и промышленности в славянских странах («Руссосерб»). Его директора Валентин Павлович Гайдуков и Яков Матвеевич Хлытчиев оказались более сговорчивы и, по-видимому, более кредитоспособны, чем Лебедев. Сделка, заключенная в июне 1921 года, была несомненно весьма выгодна для покупателей, точнее, перекупщиков. Продажная цена составила 24 пенса за стандартную унцию серебра при рыночной цене 36 пенсов. Нетрудно подсчитать, что скидка составила 33%².

Тем не менее задача пополнения стремительно скудеющей казны Врангеля была выполнена, и начальник Финансовой части Е. М. Балабанов мог доложить Главнокомандующему, что операция по продаже серебра в разменной и банковской монете, потребовавшая несколько месяцев усилий, успешно завершена. Всего было продано 5031,4 кг серебра. Чистая выручка составила 9311 ф. ст.³

Однако еще до окончательного завершения сделки по продаже серебряной монеты Балабанов письмом от 30 июня и теле-

¹ Докладная записка на имя и. о. начальника финансовой части от 25 мая 1921 // НИА. Vrangeli. 154–57. Л. 59–60.

² Справка по вопросу о продаже просроченных залогов Петроградской Ссудной Казны // Там же. 154–58. Л. 107.

³ Докладная записка начальника Финансовой части Е. Балабанова Главнокомандующему Русской Армией. 18 июля 1921 // Там же. 154–57. Л. 113.

граммой от 12 июля потребовал от представителей Управления финансов в Сербии изыскать дополнительные средства для содержания армии. Способ пополнения средств был один — продажа оказавшихся в распоряжении армейских финансистов ценностей. Тем более что «Руссосерб» охотно соглашался их приобретать.

В докладной записке на имя начальника Финансовой части от 12 июля 1921 года¹ излагалась программа реализации имущества. К продаже предлагалась партия золотых монет, сданная 10 мая 1920 года Феодосийским отделением Государственного банка и оцененная по акту в 4045 руб. 85 коп. Партия состояла из 3525 руб. в российской золотой монете, в число которых входила одна монета времени Екатерины II, 28 турецких золотых лир, 260 германских золотых марок, 215 французских франков, 30 австрийских крон и полфунта в золоте, как скрупулезно отметили финансисты. Очевидно, что реализация указанных золотых монет, так же как небольшого количества процентных бумаг, вывезенных наряду с монетами из Каттаро еще в январе 1921 года и находившихся «под рукой», могла дать незначительную выручку.

Гораздо более серьезные результаты сулила продажа так называемого реалдоба (реальная добыча), состоявшего из ценностей, захваченных в различных большевистских учреждениях, пожертвованных на нужды Добровольческой армии (серебряные портсигары, золотые нательные крестики и т. п.). Сюда же входило выморочное имущество, например ценности, принадлежавшие умершей бездетной вдове подполковника Крапивиной и внесенные судебным приставом в Севастопольское отделение Государственного банка в июле 1920 года, оцененные в 100 тыс. золотых рублей. По имевшимся сведениям, у покойной была сестра, но где ее было искать — неизвестно; материалы, конфискованные контрразведкой, в том числе тюки с деньгами (имевшими, впрочем, ценность близкую к макулатуре), вещественные доказательства уголовного розыска и т. п.

Собственно к реалдобу, военной добыче, строго говоря, следует относить вещи, попавшие в армейскую казну в результате

---

¹ Там же. Л. 143–151.

«самоснабжения» Вооруженных сил Юга России и Русской армии. Однако для простоты, следуя врангелевским финансистам, мы будем именовать этим термином партию ценных вещей, оказавшихся различными путями в армейской казне и предназначенных к продаже во вторую очередь, после серебряной монеты. Поскольку предметы, входившие в состав реалдоба, были весьма разнородны, предполагалось пригласить для их оценки специального оценщика из Вены, так как в Белграде найти квалифицированного оценщика было невозможно. Покупатели, после согласования цены, расплачивались, как и в случае продажи серебряной монеты, наличными еще до погрузки ценностей на пароход.

Готовы были финансисты продать и государственные процентные бумаги номинальной стоимостью 31,8 млн руб. Посреднические услуги и в этом случае предложил «Руссосерб». Как ни странно, на российские ценные бумаги находились покупатели: некоторые биржевые игроки не верили в долговечность большевистского режима, иные рассчитывали, что советское правительство будет вынуждено выйти на мировой финансовый рынок, что вряд ли можно было сделать без признания финансовых обязательств прежней России. В случае реализации любого из этих сценариев российские госбумаги, приобретенные по бросовым ценам, могли принести их владельцам внушительный доход.

Однако главной ценностью, находившейся в распоряжении врангелевских финансистов, были заклады и вклады Петроградской ссудной казны. «Белградские» финансисты сочли совершенно неосуществимым предложение своего шефа Балабанова, находившегося в Константинополе, о получении «некоторого количества валюты» у сербского правительства под залог части или даже всех ценностей Ссудной казны, во-первых, в силу тяжелого финансового положения Королевства, во-вторых, в силу крайне низкой квалификации сербских финансистов.

Было выдвинуто альтернативное предложение — об акционировании Петроградской ссудной казны. Акционерное общество с правами юридического лица, к которому перешли бы все права и обязанности Ссудной казны, должно было бы компенсировать государству (то есть Русской армии) все затраты, включая

полную сумму выданных ссуд, проценты по ссудам, расходы по эвакуации и хранению и т. д. Вырученная сумма должна была исчисляться «многими десятками, если не сотнями тысяч фунтов стерлингов». К акционированию Ссудной казны должен был быть привлечен иностранный капитал, поскольку необходимых средств в Сербии было не найти, «да если бы они и нашлись, то проектируемая операция оказалась б опять-таки слишком сложной и непонятной для примитивного сербского мышления».

Интерес частного капитала заключался бы в том, что «выплачиваемая казне одновременно сумма обеспечивается во много раз превосходящими ее по ценности вкладами и закладами» и что «постепенная продажа (аукционы) заложенных вещей и их выкуп обеспечивают нормальный доход на затраченный капитал». Интересы же вкладчиков должны были быть обеспечены включением «необходимых постановлений в устав общества, воспроизводящих в общих чертах соответствующие статьи устава Петроградской Ссудной Казны».

В пользу предлагаемого проекта его авторы выдвинули целый ряд дополнительных аргументов, вроде того, что оставшаяся в Петрограде часть Ссудной казны может быть впоследствии передана на тех же основаниях тому же акционерному обществу, что «может явиться немаловажным источником средств для будущего Российского правительства, которое на первых порах своего существования будет неизбежно испытывать значительные финансовые затруднения». Финансисты вспомнили и экономическую науку, издавна рекомендовавшую акционирование государственных кредитных учреждений для повышения эффективности их работы. Наконец, они указывали, что Ссудная казна после падения Крыма «перестала быть тем государственным кредитным учреждением, которое жило и управлялось на точном основании своих в установленном порядке утвержденных Устава и Наказа, а превратилась в огромное скопление весьма значительных ценностей, неизвестно как и на основании каких правил управляемых»¹.

Разумеется, и здесь не обошлось без «Руссосерба». Предлагаемый проект был сочтен его директором Гайдуковым

¹ НИА. Vranghel. 154–57. Л. 147–148.

осуществимым, и он заявил о готовности «Руссосерба» привлечь необходимые капиталы в Англии. Такая привязанность к одному и тому же финансовому учреждению выглядела по меньшей мере странно, и авторы докладной записки (она не подписана, но вряд ли можно сомневаться, что ими были Тизенгаузен и Ломейер) не могли этого не понимать. В пользу сотрудничества с «Руссосербом» они выдвинули целый ряд аргументов:

Опыт продажи серебра показал, во-первых, что всякие попытки создать здесь конкуренцию между возможными покупателями ни к чему не приводят, так как при исключительно ограниченном здесь круге деловых людей и предприятий, последние всегда между собой достигают соглашения и отказываются от всякого друг с другом соревнования; во-вторых — что разглашение той или иной сделки путем предложения ее нескольким лицам лишь сбивает цену; в-третьих, — что «Руссосерб» выполнил все свои обязательства по покупке серебра весьма добросовестно и без малейших шикан; — в-четвертых, — что директора «Руссосерба», а особенно В. П. Гайдуков, с которым мы ведем переговоры, безусловно умеют соблюдать необходимую в делах молчаливость (чего отнюдь нельзя сказать о В. А. Лебедеве) и, наконец, в-пятых, — что иметь дело с русским предприятием, зарегистрированным в качестве сербского представляет по нынешним условиям немалые выгоды¹.

Тизенгаузен и Ломейер отлично понимали, что реализация имущества в столь крупных масштабах, а тем более акционирование Ссудной казны может вызвать недовольство дипломатической миссии в Белграде, с которой у врангелевских представителей были довольно натянутые отношения, а следовательно, и «Парижа», то есть Совета послов. Они считали возможным сделки с золотыми монетами и частью процентных бумаг провести втайне ввиду их небольшого объема. Скрыть продажу реалдоба было нереально, и финансисты считали необходимым поставить в известность об этом миссию, поскольку, полагали они, это имущество состоит или из бесспорной военной добычи Добровольческой армии и ее преемницы — Русской армии, или же из пожертвований в пользу добровольцев и вряд ли его

¹ НИА. Vranghel. 154-57. Л. 148-149.

продажа вызовет какой-либо протест. Иным образом обстояло дело с продажей процентных бумаг государственных кредитных учреждений и ценностей Ссудной казны. В этом случае финансисты считали необходимым заручиться санкцией Парижа и просили Балабанова посодействовать им в этом вопросе¹.

По-видимому, сделка по продаже золотых монет и небольшой партии процентных бумаг прошла без проблем. Что же касается реалдоба, то его продажа потребовала серьезной подготовки и сопровождалась отчаянным торгом. Для оценки стоимости предлагаемых к реализации вещей представителями казны (имеется в виду Финансовая часть Русской армии) был приглашен оценщик Венского казенного ломбарда (Dorotheum) Мейндль². Он оценил намеченные к продаже предметы из серебра, золота и драгоценных камней, а также небольшое число вещей из неблагородных металлов³ в 6435 ф. ст. 2 шиллинга 2 пенса. В свою очередь приглашенный контрагентами (то есть «Руссосербом») оценщик-англичанин оценил реалдоб в 4356 ф. ст. 13 шиллингов 5 пенсов. Правда, он отказался оценивать вещи из неблагородных металлов, а также некоторые вещи из золота и серебра, преимущественно часы и изделия с драгоценными камнями. Если исключить из общей суммы предметы, не оцененные англичанином, то расхождение получалось приблизительно 10–15%. За исключением самого ценного предмета — пары бриллиантовых серег в 35 с четвертью каратов: австриец оценил серьги в 1060 ф. ст., англичанин — в 550 ф. ст.⁴

Как выяснили финансисты, отказ англичанина от оценки некоторых вещей вовсе не означал нежелания контрагентов их приобретать. Поразмыслив, белградские мудрецы назвали продажную цену на 15% выше оценки австрийца, мотивируя это тем, что оценщик — служащий казенного ломбарда, поэтому

¹ Там же. Л. 149–151.

² Приглашение оценщика обошлось в 115 ф. ст. — Докладная записка финансового представителя в Королевстве СХС на имя заведующего финансами при Главнокомандующем Русской Армией // НИА. Vrang. 154–57. Л. 284.

³ Их стоимость, по оценке эксперта, составляла всего 88 ф. ст. 11 шилл. 7 пенсов. (Здесь и далее сведения приводятся по докладной записке от 25 октября 1921 г. — см. след. примеч.).

⁴ Докладная записка на имя начальника Финансовой части от 25 октября 1921 // НИА. Vrang. 154–57. Л. 203.

ему свойственна чрезмерная осторожность в оценках; к тому же на него должна была повлиять и атмосфера Венского рынка, в которой привык работать эксперт: «постоянно ухудшающаяся валюта, неизменно реализационная тенденция этого рынка и нек[оторые] друг[ие]»¹.

После отъезда предполагаемых покупателей из Каттаро врангелевские финансисты провели дополнительный осмотр ценностей различных учреждений Государственного банка и «Вукописа» и изыскали еще около 130 кг серебряных изделий и незначительное количество (примерно на 3 ф. ст.) золота. Поистине каждый золотник был дорог.

Начался торг, с детальным учетом накладных расходов контрагентов и т. п. В результате предложение «Руссосерба» свелось к следующему:

Серебро, подвергнутое оценке обоими оценщиками, — 2585 ф. ст.

Золото, подвергнутое оценке обоими оценщиками, за исключением четырех бриллиантов, оцененных австрийцем в 1.200 ф. ст. — 830 ф. ст.

Предметы, оцененные одним австрийцем со скидкой в 35% против его оценки — 445 ф. ст.

Дополнительная партия серебра в 130 килограммов — 446 ф. ст.

Итого: 4.306 ф. ст.

В результате «усиленного торга» контрагенты согласились повысить сумму до 4500 ф. ст., на чем стояли твердо. При этом цена стандартной унции серебра составила бы 28,8 пенса при рыночной цене 42 пенса, то есть 68% рыночной цены. Вероятная прибыль «Руссосерба» выглядела, как и в случае первой сделки, вполне внушительной².

В конце концов Финансовая часть согласилась на предложенную контрагентами цену, хотя сумма расчета незначительно изменилась, поскольку из общего числа предметов не был сдан «ряд серебряных предметов, главным образом из числа имущества разных полков, общим весом 15.875 гр., [...] три золотых

¹ НИА. Vrangell. 154–57. Л. 205.

² Там же. Л. 205–206.

орденских знака весом 41 гр. (изъяты для награждения ими лиц, коим Главнокомандующим пожалованы соответствующие ордена) и 10 старинных золотых русских монет, весом 18 гр., представляющих нумизматический интерес. Напротив того, сдано контрагентам лишних против договора: 10.340 гр. серебряных изделий и 29 отдельных золотых предметов, стоимостью в особой оценке в 3 ф. ст.»¹.

«Руссосерб» расплатился согласно оговоренным условиям, и сделка прошла в общем без особых осложнений, за исключением эпизода с так называемым «медальоном с волосами». Спор по поводу медальона напоминал скорее перепалку мелких спекулянтов, нежели государственных мужей и солидных финансистов. Медальон было признано в Константинополе не сдавать контрагентам ввиду предложенной ими за него слишком низкой цены.

Между тем контрагенты, считая медальон чуть ли не самой ценной вещью во всей партии, — доносил Балабанову Тизенгаузен, — и основываясь на том, что сделка уже заключена, что медальон следовательно в числе других вещей им продан и составляет их собственность соглашались на его возвращение не иначе как за 30 ф. ст. (оценка австрийца) между тем как продажная цена его составляла около 15 ф. ст. (оценка англичанина — 16 ф. ст.). Считая такую комбинацию невыгодной, мы остановились на компромиссном решении: наши контрагенты предоставили нам медальон против депонирования им 30 ф. ст. условно с тем, что если мы выручим за него более 30 ф. ст., то 30 ф. ст. поступают в их полное распоряжение, а излишек нам, в противном случае мы возвращаем им медальон, а они нам 30 ф. ст.

Медальон и исключенные из сделки четыре бриллианта были отправлены в Константинополь вместе с выручкой от сделки².

Гораздо более серьезным эпизодом, омрачившим проведение сделки, было «поведение состоящего при Петроградской Судной Казне представителя контроля Долгополова». Тизенгаузен жаловался Балабанову:

¹ Докладная записка финансового представителя в Королевстве СХС на имя заведующего финансами при Главнокомандующем Русской Армией // Там же. Л. 286.

² Там же. Л. 289.

Своими мелкими, чисто формального свойства придирками, постоянным стремлением вмешиваться в чисто распорядительные действия должностных лиц финансового ведомства, полным непониманием существа возложенных на него функций и круга своих полномочий г. Долгополов всячески тормозил и постоянно тормозит всю проводимую в Каттаро работу. Кроме того, отсутствием всякого личного и служебного такта, часто неумением говорить элементарно приличным тоном, г. Долгополов вносит в работу много ненужных трений и неприятных личных осложнений. Так, во время сдачи контрагентам купленных ими вещей г. Долгополов неоднократно позволял себе по их адресу различные ничем не оправданные неуместные замечания... которые легко могли кончиться весьма крупными и, конечно, нежелательными для нас осложнениями¹.

Долгополов под предлогом болезни отказался подписать акты о сдаче товара, очевидно не желая разделять ответственность за незаконную с его точки зрения и явно убыточную для казны сделку. Можно легко представить, какого рода замечания он делал в адрес деятелей «Руссосерба», получавших сверхвысокую прибыль, на которую они никак не могли бы рассчитывать в нормальных обстоятельствах.

Однако же отзыв Долгополова Тизенгаузен считал «в настоящее время» невозможным и даже нежелательным, полагая, по-видимому, что тот может «вынести сор из избы» и помешать осуществлению следующих операций, по масштабам существенно превосходящих все предыдущие. В то же время он подчеркивал, что «назначение в Каттаро второго представителя Контроля способно совершенно затормозить там всякую работу и сделать отвечающую интересам Армии деятельность чинов финансового ведомства невозможной»².

«Обструкция» представителя контроля была лишь предвестием череды скандалов, сопровождавших операции по продаже серебра и других ценностей.

Пока что в Каттаро после продажи реалдоба остался сенатор Д. И. Никифоров для «инвентаризации» процентных бумаг

¹ НИА. Vrangell. 154–57. Л. 288.

² Там же.

с целью их последующей продажи. По данным А. Ф. Шелеста, в Лондон от имени Тизенгаузена, Никифорова и других деятелей финансового ведомства было выслано из Каттаро почтовыми посылками на имя «List of Securities, sent to the American Intersent Corporation, C Western Bank» различных ценных бумаг на сумму 15 млн 475 тыс. руб. номинальных. «В дальнейшем истребовали от Ссуд[ной] Казны все остальные ценные бумаги в Белград и оттуда размещали их по разным биржам и комиссионерам»¹.

Но главное — полным ходом шла подготовка к крупнейшей финансовой операции Врангеля — продаже залогов Петроградской ссудной казны.

В данном случае проблема выходила за пределы чисто финансовой. Вопрос был одновременно и политическим и нравственным. Ведь речь шла фактически о конфискации частной собственности. Решение о продаже залогов должно было быть прежде всего политическим. Врангель явно не хотел брать ответственность на себя лично, намереваясь разделить ее с «общественностью».

* * *

14 октября 1921 года в российском посольстве в Константинополе состоялось секретное заседание Русского совета. Присутствовали: старший товарищ председателя Русского совета И. П. Алексинский, товарищ председателя Русского совета граф В. В. Мусин-Пушкин, исполняющий должность первого секретаря Русского совета В. М. Знаменский, члены Совета — кн. Павел Д. Долгоруков, Н. П. Савицкий, В. В. Лашкевич, И. Н. Чумаков, Н. А. Ростовцев, Н. Н. Львов, граф А. И. Уваров, члены Совета с совещательным голосом — С. П. Шликевич, генерал-майор П. А. Кусонский, Е. М. Балабанов и В. К. Пуницкий.

Заседание было посвящено финансовому положению Русской армии, а именно — вопросу о продаже просроченных залогов Петроградской ссудной казны как единственного реального способа его улучшить. С докладом выступил заведующий финансами Е. М. Балабанов. Понятно, что целью заседания было

¹ Шелест А. Ф. Операции с Ссудной Казной.

заручиться политической поддержкой общественности; в том, что такая поддержка будет оказана, вряд ли можно было сомневаться — ведь в Русский совет входили только убежденные сторонники Врангеля.

С речью, которая впоследствии стала как бы моральным обоснованием продажи закладов Ссудной казны и которая была частично опубликована, выступил Н. Н. Львов:

С моральной стороны допустима ли продажа ценностей, хранящихся в Сохранной Казне? [...]

Прежде всего эти ценности не доверены нам на хранение. Они скорее всего могут быть приравнены к находке, при которой, по закону, одна треть принадлежит нашедшему. Но это даже и не находка. Имущество отбито Армией у большевиков, похитивших его и растративших часть ценностей. Как известно, Петроградская Сохранная Казна была взята в Ейске после ряда боев и занятия Кубанской Области. Это имущество оплачено кровью. Это более чем находка, это — цена крови.

Теперь, когда спасение людей зависит от реализации этого имущества, Главнокомандующий не только имеет право, но и обязан продать ценности, оплаченные кровью, и на вырученные средства обеспечить Армию.

Было бы морально недопустимым, если бы из-за соображений скорее формального характера, Армия была бы обречена на лишения и голод, а вещи были бы в неприкосновенности сохранены в местах их хранения, вплоть до появления неизвестных владельцев заложенного имущества. Человеческое чувство не может не возмущаться этим и я уверен, что большинство закладчиков сами были бы глубоко возмущены таким способом охранения их моральных прав¹.

Граф Мусин-Пушкин не поддержал пафосный тон, заданный Львовым, но согласился с ним по существу:

Сказать, что за эти вещи заплачена цена крови, [...] — это просто ораторское преувеличение. Ни одной капли крови не было пролито для сохранения Ссудной Казны, просто ее чрезвычайно ловко увезли из

---

¹ Журнал заседания Русского Совета № 59 от 14 октября 1921 // НИА. Vrangeli. 154–58. Л. 2.

Екатеринодара в Новороссийск. В Крым она доставлена была также без всяких жертв и отправлена оттуда за границу задолго до эвакуации. Если мои вещи захвачены в совдепии, то я с этим мирюсь, так как там царствует социализм, но здесь на нашей стороне нарушить право собственности не так легко. К решению этого вопроса есть единственный путь — это путь целесообразности. Поэтому надо установить резкое различие между вкладами и закладами. Заклады должны быть проданы в интересах самих залогодателей. Что же касается вкладов, то продажа их не имела бы смысла, так как вся вырученная ценность должна была бы возвратиться собственнику. В интересах Армии вклады могут быть только реквизированы. Когда-то Петр Великий, в силу необходимости, снял все колокола с церквей и перелил их в пушки¹.

Журнал был утвержден Врангелем 29 октября, что открыло зеленый свет действиям финансистов.

Положение армии в Сербии и Болгарии было, конечно, несравненно лучше, чем в Галлиполи или на острове Лемнос, однако же оставляло желать много лучшего. В нашу задачу не входит в рамках настоящей статьи рассматривать положение той ее части, что была «расселена» на Балканах, тем более что необходимые сведения можно почерпнуть в ряде исследований. Приведу лишь для характеристики настроений военнослужащих довольно необычный и забавный источник — фрагменты поэмы, принадлежащей перу некоего К. Дитлова, сотрудника самодеятельного журнала с ироническим названием «Развей горе в чистом поле». Журнал выходил в Маслянице, Далмация; поэма была опубликована в номере от 13 января 1922 года. Автор, очевидно, принадлежал к наиболее «привилегированной» части крымских ветеранов, тех, кто получил службу в сербской пограничной страже. Другим повезло меньше: они вынуждены были трудиться на строительстве шоссежных дорог или на шахтах. К сожалению, каких-либо сведений об авторе поэмы, сохранившейся среди бумаг Врангеля, найти не удалось.

[...]

Принявши верности присягу,
Привязан я на целый год,

¹ Там же. Л. 3 об.

А то давно задал бы тягу
От этих Далматинских вод.
У нас обычная картина —
Обилие «црного» вина
И Масляницкая «кантина»
С утра до вечера полна.
Но для граничного кармана
Чужда вся прелесть винных чар,
Пока мы ждем от капитана
Получки месячных динар.
Здесь женщин нет, не бьется сердце,
Сегодня скучно, как вчера,
На патрули в погоне «шверца»¹
Уходят наши вечера.
[...]
Читаем русские газеты
И с изумленьем узнаем,
Что будут признаны Советы,
Что входит в моду Совнарком.
Что сам Чичерин едет в Лондон,
В Берлин Варшавский Карахан,
И будто в этом диком рондо
Запляшет скоро сам Бриан.
Что Джордж и Красин словно братья,
Что едут немцы на конгресс,
И что на днях в одном объятии
Сольются Ленин и Стиннес.
И что в страну, где горды бритты,
По приглашению короля
Поедут красные бандиты —
Убийцы русского царя.
Что соберутся дипломаты,
И все, кто в деньгах знает толк,
И там московские Мараты
Заплатят златом царский долг.
Потом во все столицы света
Богаты, щедры и милы,

---

¹ Шверца — контрабанда. (Примеч. автора поэмы.)

«С коммунистическим приветом»
Поедут красные послы.
Воровский, Иоффе и Литвинов,
Чичерин, Красин, Карахан
На радость местных якобинов
И пролетариев всех стран.
А Русь, с Сибирью и Украиной
Страдает молча вдалеке,
От нас сокрыта страшной тайной,
А Русь по-прежнему во мгле.
Там все, что строили столетья,
Сдано теперь в ненужный брак,
И пусть на Волге гибнут дети
За «планетарный» кавардак.
Но мы здесь, русские в изгнании,
Мы все, привыкшие страдать,
Не верим призрачным «признаниям»;
Мы ждали, ждем и будем ждать.
[...]
Мы все живем одной надеждой,
Что день торжественный придет,
И сбросит красные одежды
Наш отуманенный народ.
Найдет людей, порывом смелых,
Что Русь на верный путь вернут,
И нас отсюда, сердцем белых,
К себе на помощь позовут¹.

Ну а для того, чтобы дожидаться «весеннего похода», нужны были деньги, деньги и еще раз деньги.

По вопросу о продаже просроченных залогов Петроградской ссудной казны была подготовлена справка, датированная 4 марта 1922 года и дающая представление о европейском рынке серебра и о возможной выручке от продажи залогов. Главным мировым рынком серебра был в то время лондонский. Лондонские биржевые котировки публиковались в газетах и означали цену в пенсах за одну тройскую унцию стандартного серебра.

¹ НИА. Vranghel. 50–26.

Тройская унция была равна 31,1 г, стандартным считалось серебро 925-й пробы, из которого чеканилась английская серебряная монета¹.

Русское серебро в изделиях обычно бывало 84-й пробы (875%). Российская серебряная монета чеканилась из серебра 500%, банковая — из серебра 900%. 1 кг серебра 84-й пробы соответствовал 31,29 унции стандартного серебра 925-й пробы. Для получения цены 1 кг серебра нужно было соответственно умножить 31,29 на биржевую цену серебра за одну тройскую унцию².

Сколько же серебра хранилось на складах Ссудной казны? Точных сведений об этом не имелось. Всего насчитывалось 22 273 заклада. Они были весьма различны по весу и размеру — мелкие были просто завернуты в бумагу, средние и крупные имели, как правило, индивидуальную упаковку — футляры и т. п. Все они были сложены, как уже говорилось, приблизительно в 700 ящиков. Косвенным образом вес серебра можно было определить по сумме выданных ссуд, что, в свою очередь, позволяло определить оценку закладов. Общая оценка закладов за 1913–1916 годы составляла 664 792 руб., за 1917 год — 1 560 609 руб. Один золотник³ серебра в 1913–1916 годах оценивался Петроградской ссудной казной в 25 коп., в 1917 году — в 28 коп. Следовательно, общий вес серебряных закладов должен был составить 8 232 771 золотник, или 35 072 кг.

При расчете другим способом — исходя из веса брутто ящиков с серебром за минусом веса тары — получалось 35 560 кг серебра, то есть цифры отличались не принципиально, с учетом того, что общий вес серебра превышал, по расчетам, 35 т⁴.

Принимая во внимание условия продаж серебра по прежним сделкам — скидка при продаже серебряной монеты составила 33% от рыночной цены, реалдоба — 31,4%, — можно было рассчитать вероятную выручку от реализации закладов Ссудной казны. По прикидкам финансистов, она должна была составить сумму от 100 308 до 106 458 ф. ст.⁵ В любом случае получалась

¹ НИА. Vrangell. 154–58. Л. 105.

² Там же.

³ Один золотник равен 4,266 г.

⁴ НИА. Vrangell. 154–58. Л. 106–107.

⁵ Там же. Л. 109.

сумма, способная поддержать существование Русской армии на достаточно длительный период, имея в виду, что расходовать ее предполагалось преимущественно в Королевстве СХС с его слабой валютой и сравнительной дешевизной жизни.

С технической и международно-правовой стороны реализация залогов Ссудной казны не должна была составить особых проблем. Серебро хранилось на складе сербского военного ведомства, в бывшей казарме. Охранял склад сербский караул. Склад находился в 200–250 м от пристани, куда могли подходить морские суда. С точки зрения таможенных правил склад считался транзитным, а все ценности Ссудной казны — не ввезенными на территорию Королевства СХС. Постановлением Совета министров Королевства ценности были признаны свободными к беспошлинному вывозу за границу¹.

Контрагентом по продаже просроченных залогов Ссудной казны выступил неизменный «Руссосерб». Договор о продаже серебра был подписан 28 июня 1922 года в Белграде. От имени Главного командования его подписали инженер Вадим Петрович Шмидт (Шмит) и князь Павел Дмитриевич Долгоруков, от «Руссосерба» — его директора Гайдуков и Хлытчиев.

Договор предусматривал сдачу не менее 20 тыс. и не более 40 тыс. кг серебра. Стоимость чистого серебра 84-й пробы определялась по взвешиванию, для предметов, имевших несеребряные составные части, устанавливался сложный коэффициент в зависимости от доли несеребряных частей. Содержание серебра в такого рода изделиях определяла избранная по согласованию аффинажная² фабрика. Также по согласованию устанавливалась цена в случае содержания в предметах более ценных металлов и камней.

Размер платы устанавливался по весу, исходя из средней из цен на серебро, напечатанных в газете «Таймс» в Лондоне для сделок на срок за четвертый, пятый и шестой день после окончания сдачи серебра «Руссосербу» в Каттаро, не считая выходных дней на Лондонской бирже. Для определения продажной цены в пенсах за тройскую унцию серебра 84-й пробы применялась

¹ Там же. Л. 105–106.

² Аффинаж — получение благородных металлов высокой чистоты, разновидность рафинирования металлов.

специальная формула, причем средняя цена за три дня умножалась на 875, полученное произведение делилось на 925, а из частного вычиталось шесть и три четверти, что, по-видимому, и составляло маржу «Руссосерба»¹.

14 августа 1922 года завершилось взвешивание и упаковка серебра, предназначенного для передачи «Руссосербу»; ящики, в которые упаковывались серебряные предметы, были опечатаны казначеем Русской армии А. И. Цакони и директорами «Руссосерба»². Общее количество серебра, сданного обществу «Руссосерб», составило 31 992 344 г, или 1 028 593 тройские унции. Цена, выведенная по указанной выше формуле, составила 26,476 пенса за унцию, что давало в сумме 113 470 ф. ст., причем 104 960 ф. ст. были уплачены сразу, а 8510 ф. ст. подлежали уплате в течение 45 дней после выхода «серебряного парохода» из Котора (Каттаро). Расчет заверил, кроме Цакони, уполномоченный заведующего контролем В. К. Пуницкий³.

Серебро было перепродано «Руссосербом» одному из «крупнейших в Англии домов по торговле серебром». «В основу расценки серебра, — по словам генерала Е. К. Миллера, — положена была официальная его котировка на Лондонской бирже, а окончательная цена была установлена путем необходимого вычета из биржевой расценки таких элементов, как торговая прибыль покупателей и расходы по фрахту, страховке и дальнейшей переработке металла»⁴.

Следует добавить, что торговая прибыль покупателей была чрезвычайно высока, а скромная фраза о дальнейшей переработке металла означала обезличку изделий из серебра, среди которых были и высокохудожественные. Ведь в случае появления владельцев закладов у покупателей могли возникнуть серьезные проблемы. Это не позволяло продавать изделия с аукциона, что могло дать гораздо большую прибыль, нежели перепродажа «серебряного лома». Вряд ли можно все же принимать всерьез утверждение эсеровской газеты «Дни», что

¹ НИА. Vrangell. 154–58. Л. 133–135.

² Там же. Л. 201.

³ Там же. Л. 205.

⁴ Доклад Е. К. Миллера Вел. кн. Николаю Николаевичу. Апрель 1926 // НИА. Vrangell. 146–32. Л. 159–167.

на улицах Белграда подбирали «голодных офицеров, отправляли их вагонами в Катарро и там, дав в руки молоток, заставляли расплющивать вазы, бокалы, чаши, выламывать стальные клинки у ножей, костяные ручки у чайников. Расплющивать, расплющивать!.. Стучали молотками голодные офицеры, подгоняемые „контрольной комиссией“, ибо нужно было торопиться с погрузкой»¹.

По условиям договора, несеребряные части должны были быть отделены от серебряных, но маловероятно, чтобы для этого потребовались «вагоны» офицеров, и, как резонно замечает И. Качаки, «все-таки трудно поверить, что ломали изделия известных российских мастеров серебряных дел: Фаберже, Овчинникова, Грачева, Губкина»².

Наиболее деликатным моментом в истории с продажей просроченных залогов Судной казны было явное попрание прав частных собственников. По мнению самих участников «ликвидации» залогов, они стремились руководствоваться духом закона и принципом ограждения частной собственности. В газетах было опубликовано объявление о возобновлении операций Судной казны, приостановленных Временным правительством на все время ее эвакуации из Петрограда. Были приняты меры и для оповещения возможных владельцев, находящихся за границей, через российские дипломатические представительства. Таким образом, для владельцев просроченных залогов наступали юридические последствия — не выкупленные в срок залоговые подпадали под продажу.

Как писал один из непосредственных участников «ликвидации» кн. Павел Долгоруков, «мы решили осуществить принципиально ничего ненормального в себе не заключающую реализацию просроченных залогов и выделить в твердой денежной форме причитающуюся собственникам этих залогов долю», обратив остальное «на нужды русского дела»³. Владельцам даже как бы оказывалось благодеяние, ибо, учитывая расходы казны по хранению залогов, которые легли бы на владельцев, им

¹ К. А. Серебряные операции Врангеля // Дни. 1923. 24 июня.

² Качаки И. Письмо в редакцию // Русская мысль. Париж, 2001. 5 апреля. № 4360.

³ Цит. по: Серебряные операции Врангеля.

пришлось бы платить при выкупе своих вещей суммы, превышающие их полную стоимость.

Очистили свою совесть продавцы тем, что оставили неприкосновенными вклады на хранение (по мнению И. Качаки, были проданы и некоторые вклады¹) и заклады, собственники которых отозвались. «В продажу были, таким образом, обращены лишь те вещи, собственники которых оставались за все время пребывания Ссудной Казны за границей не обнаруженными, сроки залога которых давно истекли и самую вероятность выкупа которых не представлялось, при таких условиях, возможным принимать к учету», — рассуждал впоследствии ставший одним из главных врангелевских финансистов генерал Е. К. Миллер².

В случае обнаружения владельцев было решено компенсировать им стоимость проданных вещей за вычетом суммы долга и небольшого платежа за хранение без начисления процентов по ссуде. К тому же выдачи производились и в фунтах стерлингов «с пересчетом рублей на английскую валюту по нормальному, довоенному паритету (1 ф. ст. = 9 руб. 46 коп.)». В результате некоторое, «правда, незначительное количество имущества было возвращено собственникам... рассчитывать на востребование из Казны сколько-нибудь значительного количества хранившихся в ней ценных вещей или хотя бы на обнаружение достаточно заметного числа их владельцев, не представлялось возможным: ...в расчет могли... идти только лица, оказавшиеся за рубежом, а они составляли, как само собою понятно, лишь незначительное меньшинство клиентов Ссудной Казны»³.

Финансово-контрольный комитет в самом деле удовлетворял претензии оказавшихся за границей владельцев залогов до 1 июля 1927 года, когда выплаты прекратились «за исчерпанием всех имеющихся в его распоряжении средств и одновременно почти полным прекращением поступления новых ходатайств». Для расчета с владельцами было зарезервировано 10 800 ф. ст. Всего поступило 2888 ходатайств о выплате денег

¹ Качаки И. Письмо в редакцию.

² Доклад Е. К. Миллера Вел. кн. Николаю Николаевичу.

³ Там же.

по 5381 проданному закладу на сумму 14 140 ф. ст. 9 шиллингов 2 пенса. На первоначальную сумму набегали проценты, так что владельцам выплатили 12 971 ф. ст. 2 шиллинга 2 пенса. Были отклонены по разным причинам 346 ходатайств на сумму 1169 ф. ст. 7 шиллингов 1 пенс¹.

Однако было очевидно, что большая часть владельцев предъявить претензии не может, ибо находится в России. Таким образом, их собственность была просто-напросто конфискована.

Объявление о возможной продаже — еще до фактического осуществления сделки — вызвало бурю в эмигрантской печати. Врангель был, естественно, прежде всего атакован «слева», причем слабое место в позиции продавцов было нащупано весьма точно. Милюковские «Последние новости» поместили информацию о готовящейся продаже под шапкой «По примеру красных», с пояснением: «Агенты Врангеля распродают вклады петербургской ссудной казны»², сменовеховская «Накануне» в статье, озаглавленной «Священная собственность» с подзаголовком «Из последних походов генерала Врангеля», писала: «...оказывается, он — недурной коммерсант, хотя и с уголовным оттенком»³.

Скандал вспыхнул с новой силой почти год спустя, когда в «Последних новостях» была опубликована статья А. Ф. Шелеста, бывшего заведующего ценностями учреждений Государственного банка и казначейства, оказавшихся в составе Ссудной казны, под названием «Операции с Ссудной Казной»⁴. Шелест поведал обо всех четырех операциях по продаже ценностей Ссудной казны — серебряной монеты, реалдоба, процентных бумаг и просроченных закладов. Он утверждал, что некоторые ценности, владельцы которых были известны, сознательно «обезличивались».

---

¹ Отчет Финансово-контрольного комитета об израсходовании сумм, вырванных от продажи просроченных закладов Петроградской Ссудной Казны — брошюра, изданная типографским способом, без указания места и года выпуска, находится в фонде Врангеля в Гуверовском архиве (НИА. Vrangell. Vox 166–40).

² Последние новости. 1922. 22 июля.

³ Накануне. 1922. 29 июля.

⁴ Шелест А. Ф. Операции с Ссудной Казной // Последние новости. 1923. 18 мая.

Так, было продано 67 ящиков золотых, серебряных и драгоценных вещей (в том числе 24 ящика художественных изделий «Вукописи») (реалдоб), под видом бесхозного имущества, несмотря на указание Шелеста, что имеются списки, позволяющие установить, кто является его собственником. «Мне откровенно указали, — свидетельствовал Шелест, — что документы можно уничтожить. В изъятии и продаже этих ценностей составили акт о том, что изъято и продано безхозяное имущество».

После этой второй продажи приступили к обезличению ценных бумаг, принадлежавших вкладчикам учреждений Государственного Банка, казначейств и сберегательных касс. Мэру эту провели под видом (как гласило в официальном для этой цели распоряжении) наилучшего способа обеспечить сохранность ценных бумаг, так как хранение их по учреждениям и вместе с взносами объявлениями (документами, кои составляют собственноручно вкладчиками при взносе на хранение бумаг) является громоздким и не дает возможности следить за наличностью натуры...¹

Шелест назвал и имена «главных деятелей» «по ликвидации эвакуированных в Каттаро ценностей»: начальника Финансовой части Е. М. Балабанова, финансового представителя в Королевстве СХС барона А. Е. Тизенгаузена, начальника контрольной части сенатора Д. И. Никифорова, казначея Русской армии А. И. Цакони, помощника начальника контрольной части В. К. Пуницкого. «Их контрагенты, — писал Шелест, — посредники всех продаж — г. г. Гайдуков и Хлытчиев, обосновавшиеся в Белграде под фирмою „Руссосерб“ и нажившие на операциях продажи ценностей Ссудной Казны и учреждений Гос[ударственного] Банка не один десяток миллионов динар»².

Шелесту на страницах «Последних новостей» отвечали не «обвиняемые», а кн. Павел Долгоруков, один из тех, кто дал как бы общественную санкцию продаже серебра. Отвергая обвинения Шелеста, он подчеркивал, что тот — уволенный служащий и сводит счеты со своим бывшим прямым и косвенным начальством.

¹ Шелест А. Ф. Операции с Ссудной Казной.

² Там же.

Через неделю после появления статьи Шелеста по врангелевцам «выстрелили» «Дни», назвавшие руководство остатков Русской армии «торговым домом Врангель и Ко» и сообщившие, среди прочего, что после участия в продаже серебра кн. Павел Долгоруков заработал в Белграде прозвище «князя Серебряного». По утверждению газеты, готовилась еще одна продажа партии серебра; вырученные же ранее деньги шли на содержание «врангелевской компании»¹.

Через месяц в двух номерах «Дней» появилась обширная статья «Серебряные операции Врангеля», в которой рассматривались, конечно небеспристрастно по отношению к политическим оппонентам, моральные и юридические аспекты продажи серебра. Автор статьи, подписавшийся инициалами «К. А.», подчеркивал, что большая часть закладов была внесена в Петроградскую ссудную казну в 1917 году, когда «за переполнением кладовых был прекращен прием вкладов». Опасаясь взятия Петрограда немцами, большевистских беспорядков, ограблений, люди «несли серебро в Ссудную Казну хотя бы в заклад, чтобы только поместить его в верном месте». Закладывали вещи, по мнению автора, подешевле, чтобы платить поменьше процентов, ибо настоящей целью было не получение ссуды, а сохранение самих вещей².

Продажа чужого серебра ни в малейшей степени не нарушила интересы большевиков, разве что лишила их возможности заработать на этом достоянии России. Она касается только интересов частных лиц, притом людей состоятельных, ограбленных в союзе большевиками и здесь «обработанных» белыми. Каждый заинтересованный ждет, когда же наступит «свое время»³ для выяснения разницы между отобранием мебели и книг в Москве и серебра, считавшегося спасенным, в Катарро. Какая разница в утверждении одних, что национализация домов, например, производится в интересах народа, и в утверждении князя (Павла Долгорукова. — О. Б.), что продажа серебра после-

---

¹ Белоцветов Н. Петр Врангель и Ко (Письмо из Юго-Славии) // Дни. 1923. 25 мая.

² Дни. 1923. 24 июня.

³ Автор иронизирует по поводу слов кн. Долгорукова, что «все акты и документы в свое время станут достоянием гласности».

довала для «нужд русского дела за границею»? Какая разница между непризнанием со стороны эмигрантов законности действий московских комиссаров и непризнанием со стороны коренного петербуржца, оставшегося там и твердо рассчитывающего на свое серебро, действий белградских генералов и «общественных деятелей»¹.

Вероятно, в эти дни кем-то была выпущена почтовая карточка, на которой был помещен рисунок, изображающий Врангеля на коне, попирающем серебряный поднос, кувшин, подсвечник и т. п. В руках у Главнокомандующего была вилка, а к поясу вместо шашки приторочен серебряный половник. Надпись над рисунком гласила: «Картина лубок, изданная признательными лицами, потерпевшими от продажи их драгоценностей», под рисунком: «Герой нашего времени, волею судеб и катаррского серебра Петр IV Барон Врангель»².

Автор «Дней» прямо обвинял Врангеля в краже серебра и указывал, что английская фирма, придерживавшаяся правила, что «золото, а следовательно, и серебро не пахнет ни кровью, ни вором», не случайно предпочла приобрести ценности у частной компании-посредника, а не напрямую у Врангеля, и в качестве серебряного лома. Ибо, возможно, уже имела ранее неприятность «встретиться с собственником купленной у большевиков вазы». Публицист предположил, что фирма «Руссосерб» была «подставным лицом» и именно поэтому посредник, не имевший «ни одного ф. ст.», купил в собственность у Врангеля серебра на 91 200 ф. ст. и продал его англичанину за 114 800 ф. ст., получив 20% коммерческой прибыли³.

Напомним, что на самом деле сумма, полученная Врангелем, была иной — 110 800 ф. ст., а прибыль «Руссосерба», возможно, еще выше. Означает ли это, что фирма была в самом деле «подставным лицом» и прибыль была поделена между владельцами фирмы и врангелевскими финансистами? Секретная переписка служащих финансового ведомства Врангеля говорит скорее об обратном. С «Руссосербом» шел, во всех случаях

¹ Дни. 1923. 23 июня.

² НИА. Vrangell. 166–40.

³ Дни. 1923. 23 июня.

продажи ценностей, упорный торг, и поначалу, как мы видели выше, Тизенгаузен и Ломейер пытались найти других покупателей на серебряную монету. Однако попытки продать ее Русско-славянскому, затем Адриатическому банку не увенчались успехом. Учитывая то, что деньги нужно было получить срочно и наличными (чеки, которыми расплачивался «Руссосерб», «обналичивались» без проблем и в несколько дней), а также далеко не бесспорный в правовом отношении характер операции, удивляться столь большой скидке покупателю не приходится.

Получали ли лично финансисты «комиссионные», о чем открыто писали недоброжелательно настроенные к Врангелю газеты? Например, досталось Ломейеру, о котором «Дни» писали, что он в короткий срок заработал «на разных комиссиях крупный капитал»¹, не утверждая, впрочем, что речь идет именно о продаже серебра. Никаких данных, кроме «мнения», об этом не имеется. Заметим, правда, что участники операций по продаже ценностей не постеснялись премировать себя предметами не из благородных металлов, находившихся на складах Ссудной казны и не пошедших в продажу. Впоследствии Тизенгаузен был уволен за растрату, однако это никак не свидетельствует о его нечистоплотности в делах о продажах ценностей Ссудной казны. Да и в случае с растратой, поскольку официального следствия не проводилось, трудно установить, был ли в действиях Тизенгаузена корыстный умысел или же он сам был введен в заблуждение недобросовестным партнером².

С «общественной» точки зрения большой интерес представляет обвинение «Дней», что «реализованное чужое серебро...

---

¹ Белоцветов Н. Петр Врангель и Ко (Письмо из Юго-Славии) // Дни. 1923. 25 мая.

² «История» Тизенгаузена развернулась осенью 1924 года. «Среди ударов, сыпавшихся на Армию, еще один, особенно чувствительный, — писал Врангель Е. К. Миллеру 14 октября 1924 года, — в финансовом отделе обнаружена растрата, подлог в отчетах. Виновник — заведывающий финансами барон Тизенгаузен».

Растрата обнаружилась при следующих обстоятельствах: узнав о тяжелом положении Русскославянского банка, в котором хранилась часть армейских средств, Врангель дал команду потихоньку их снимать. На счетах Главного командования оставалось всего 400 тыс. динаров. Однако, к его удивлению, взносы общества «Техника» за выполненные военными работами были помещены Тизенгаузенем в тот же банк, и сумма на счету возросла до 3 млн

вопреки всем уверениям на „поддержку существования тысяч и десятков тысяч русских людей, на поддержку их семей, на помощь русским гражданским беженцам“ не тратилось, а получило совершенно другое назначение»¹.

Каким же образом на самом деле были потрачены вырученные деньги, названные врангелевскими финансистами Военным фондом? В конце 1922 года Русский совет был распущен в связи с тем, что «Главкомандующий ограничил свои обязанности исключительно заботами об остатках Русской Армии», а из его состава был выделен Финансово-контрольный комитет (Фи-ко-ко, как сокращенно называли его в служебной переписке), который «принял на себя обязанности наблюдать за хранением сумм, вырученных от продажи просроченных закладов, и за их расхождением»².

По авторитетному свидетельству П. Н. Шатилова, в прошлом начальник штаба Русской армии, личного друга и одного из самых доверенных лиц Главкомандующего, члены Фи-ко-ко не просто «наблюдали» за хранением сумм, вырученных в результате продажи закладов Ссудной казны; они, собственно, и были их хранителями. «Дабы оградить себя, в дальнейшем, от возможности каких-либо поползновений на арест вырученных денег, генерал Врангель расписал их по частным лицам и на С. Н. Ильина (начальник канцелярии Главкоманду-

---

динаров. Удалось вернуть 1 млн динаров, и то не «живыми» деньгами, а акциями, а надежд на получение оставшихся 2 млн практически не было, и эти суммы не были учтены при составлении финансового плана армии.

Врангель решил расстаться с Тизенгаузеном, но предварительно надо было снять деньги с его счетов в разных банках, вложения в различные предприятия. «На днях мною отдано было распоряжение закрыть личные счета барона Тизенгаузена, сосредоточив все деньги на имя „Техпрома“. Вот тут-то и обнаружилось, что показываемая им в ежемесячных сведениях наличность не соответствует действительности, — жаловался Главком Миллеру, — что цифры дутые и что с некоторых текущих счетов им сняты суммы, по книгам не проведенные. По представленному им объяснению он, желая спасти вложенные в Русскославянский банк суммы, покрывал выдаваемые банком безденежные чеки; пока обнаружена растрата в 500 000 динар. Сейчас производится ревизия, дела принимаются от барона Тизенгаузена новым заведывающим финансами А. И. Цакони и лишь через несколько дней можно будет определить размер растраты» (НИА. Vranghel. 144–27. Л. 1721–1722).

¹ Дни. 1923. 24 июня.

² Отчет Финансово-контрольного комитета.

ющего. — О. Б.), — вспоминал Шатилов. — Лица эти были раньше членами Русского Совета и исключительно благожелательны к Армии.

Эти же лица должны были войти в состав финансово-контрольной комиссии, ассигнующей деньги, и выполнять этим общественный контроль»¹.

В состав комитета (комиссии) входили В. П. Шмит (председатель), кн. Павел Д. Долгоруков, Н. Н. Львов, В. М. Знаменский (секретарь); позднее Долгорукова и Знаменского сменили граф А. И. Уваров и А. И. Цакони. В 1927 году был издан Отчет Фико-ко об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных закладов Петроградской ссудной казны.

Как показывают архивные материалы — Журналы заседаний Финансово-контрольного комитета № 1–119 (7 октября 1922 — 1 сентября 1925)² и Сводный отчет об оборотах сумм, ассигнованных из Военного фонда за время с 1 сентября 1922 года по 1 октября 1924 года объемом 47 страниц³, Отчету вполне можно доверять. Практически такие же цифры, что и в Отчете, приводит генерал Е. К. Миллер в не предназначавшемся для печати докладе об израсходовании сумм Военного фонда великому князю Николаю Николаевичу, которому Врангель передал верховное руководство военной организацией, наивно рассчитывая, что великому князю удастся привлечь для ее содержания дополнительные средства.

План расходования суммы был разработан Совещением из «главных военных начальников» под председательством генерала А. П. Кутепова и утвержден Русским советом, которому принадлежало право контроля; после упразднения Русского совета «финансово-контрольные права его перешли к вновь образованному из нескольких бывших членов Совета официальному общественному органу — Финансово-контрольной комиссии при Главном командовании»⁴.

¹ Шатилов П. Н. Воспоминания. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Shatilov Collection. Box 10. Л. 1287.

² НИА. Vrangel. 154–55.

³ Там же. 154–56.

⁴ Доклад Е. К. Миллера Вел. кн. Николаю Николаевичу.

Правда, как выяснилось, генералы рассчитали плохо, и уже 16 декабря 1922 года на совместном заседании Фи-ко-ко и Сметно-распорядительной комиссии с участием приглашенных лиц¹ выступивший с докладом Шмит указывал, что за прошедшие три месяца стало ясным, что финансовый план, выработанный комиссией под председательством Кутепова на период до 1 апреля 1924 года, является «совершенно невыполнимым». Произошли неожиданные события в Болгарии и Константинополе, но главное — военный фонд был определен планом в 37 млн 500 тыс. динаров, тогда как он на самом деле не превышал 28 млн 200 тыс. динаров. За три месяца было израсходовано около 9 млн 200 тыс. динаров, то есть более трети всей суммы военного фонда, и если бы расходование денег продолжалось такими же темпами, то их хватило бы еще на пять–семь месяцев. Предложение Фи-ко-ко сводилось к сокращению окладов содержания и общей реорганизации с целью сокращения всех расходов².

Острая дискуссия отчетливо выявила противоречия и взаимную подозрительность между генералами и политиками, военными и гражданскими. Кутепов был недоволен тем, что Фи-ко-ко выделил чересчур много денег не на содержание Русской армии, а на другие цели, например, Красному Кресту было ассигновано 1 млн 170 тыс. динаров, а на различные нужды в Константинополе, то есть гражданским беженцам, было выделено 1500 ф. ст. Он заявил, что организация Сметно-распорядительной комиссии и Фи-ко-ко «страдает основным дефектом: отсутствием в ее составе начальников отдельных воинских частей,

---

¹ В «соединенном заседании» участвовали: приглашенные лица: помощник Главнокомандующего Русской армией генерал А. П. Кутепов, помощник Главнокомандующего генерал Ф. Ф. Абрамов, начальник кавалерийской дивизии генерал И. Г. Барбович, генерал В. К. Витковский, и. о. военного агента в Королевстве СХС Генерального штаба полковник В. И. Базаревич; члены Финансово-контрольного комитета при Главном командовании Русской армии: председатель комитета В. П. Шмит, кн. П. Д. Долгоруков, Н. Н. Львов и секретарь комитета В. М. Знаменский; члены Сметно-распорядительной комиссии: и. о. начальника штаба Главнокомандующего генерал П. А. Кусонский, помощник начальника снабжения Русской армии барон А. Е. Тизенгаузен, заведующий контролем при Главнокомандующем Русской армией Д. И. Никифоров, главный казначей Русской армии А. И. Цакони, помощник заведующего контролем при Главнокомандующем Русской армией В. К. Пуницкий.

² Журнал № 19/54 // НИА. Vtangel. 154–55. Л. 37–38.

более непосредственно связанных с Армией». Будь в составе этих органов начальники воинских частей, полагал Кутепов, ассигнования на другие цели, подобные уже произведенным, были бы невозможны¹.

Кн. Долгоруков указал, что «ассигнования на Красный Крест и на беженцев в Константинополе были необходимы по политическим причинам, хотя, может быть, и не в таких широких размерах». Однако он тут же вернул упрек «в слишком широком размахе ассигнований... той же комиссии, которая заседала под председательством генерала Кутепова». «Вследствие этого, — заключил князь, — в настоящее время мы стоим перед тяжелой обязанностью сокращать оклады, утвержденные всего три месяца назад»².

Шмит, подчеркивая, что «роль Финансово-Контрольного комитета сводится к тому, что он принимает на себя нравственную ответственность перед Главнокомандующим за все принимаемые (так!) им ассигнования», дал понять, что военные не предоставляют Фи-ко-ко всех необходимых сведений для составления смет. Он отметил, что «в некоторых воинских частях образуются свободные суммы, остатки, экономии так называемых хозяйственных сумм, которые недопустимы при современном состоянии Армии и должны подлежать возвращению в казну Главного Командования». Ему резко возражал Кутепов, заявляя, что «никаких экономий хозяйственных сумм в частях нет и при настоящем положении Армии их и не может быть». Кутепову вторил генерал И. Г. Барбович, признавая в то же время, что «в распоряжении штабов отдельных частей имеются большие средства, но это не есть результат экономии несуществующих хозяйственных сумм, а просто еще неизрасходованные деньги по ранее утвержденным ассигнованиям... Остатки могут быть определены только весной, когда пройдут трудные зимние месяцы. Возможность оставлять у себя раз ассигнованные деньги приучает части к большей экономии. Этот стимул немедленно исчезнет, — рассуждал как завзятый экономист кавалерийский генерал, — если только деньги будут подлежать возвращению»³.

---

¹ Там же. Л. 38 об. — 39.

² Там же. Л. 40–40 об.

³ Там же. Л. 38–39, 41.

Соединенное заседание не приняло каких-либо решений, принципиально меняющих систему или размеры ассигнований, ограничившись частностями. Ясно было одно — денег для содержания Русской армии в прежнем составе недостаточно, необходимы режим жесткой экономии и сокращения.

* * *

Недовольство военных механизмом распределения средств нашло отражение в воспоминаниях Шатилова. По его словам,

общая сумма находившихся в распоряжении финансовой части средств скрывалась даже и от и[сполняющего] д[олжность] Начальника штаба, Генерала Кусонского.

Кроме того, рассмотрения всех ассигнований на гражданские учреждения проводились помимо представителя военного ведомства, почему он не мог протестовать по вопросу ассигнований вне армии, которые с точки зрения военных, были не нужны и лишь обездоливали армию. При этом оклады гражданских лиц, — утверждал Шатилов, — превышали оклады военных почти в два раза¹.

Вырученные от продажи просроченных залогов Ссудной казны средства начали расходоваться с 1 октября 1922 года; они иссякли к концу 1924-го² (не считая фонда в 10 800 ф. ст., зарезервированного для расчетов с владельцами залогов). Повторим еще раз, что Отчет Фи-ко-ко дает достаточно точное представление о том, как и на что тратились деньги. 100 тыс. ф. ст., оставшиеся в распоряжении Врангеля, были обменены на 37 млн 500 тыс. динаров. За вычетом 371 тыс. динаров, потраченных на операционные расходы по продаже, осталось 37 млн 129 тыс. динаров, которые были израсходованы на следующие цели:

1. Содержание и питание чинов Армии в Галлиполи, Болгарии и в Сербии впредь до постановки целых частей и отдельных лиц на работы, перевозка частей из Галлиполи, содержание временно

¹ Шатилов П. Н. Воспоминания. Л. 1290.

² Согласно цитированному выше докладу генерала Е. К. Миллера — к 1 октября 1924 года.

безработных и содержание кадров Армии [...] — 9 867 175, 01 дин., то есть около 27,1% от всей вырученной суммы.

2. Обследование и подыскание работ в Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, организация таких работ, перевозка частей и их имущества на работы в Сербии и Болгарии, пособия на отправку рабочих партий во Францию и т. д. — 1 689 447, 11 дин. — 4,6%.

3. Удовлетворение духовных нужд, содержание духовных лиц, объезды ими частей, перевозка церковного имущества, пособия на устройство церквей и т. д. — 348 559, 25 — 0,9%.

4. Врачебная и санитарная помощь, содержание лазаретов, приемных покоев и санаториев, приобретение медикаментов, перевязочных и других материалов, содержание коек в госпитале, содержание заболевших и проч. — 4 668 778, 88 дин. — 12,9%.

5. Содержание и пособия семьям, женщинам, детям, инвалидам и нетрудоспособным, нуждающимся, заболевшим — 9 517 787, 46 дин. — 26,1%.

6. Содержание и пособия учебным заведениям, Николаевскому кавалерийскому училищу, гимназии в Болгарии, корпусам в Королевстве С. Х. С., морскому корпусу в Бизерте, студентам в Королевстве С. Х. С., в Праге, в Венгрии, в Берлине — 5 134 993, 89 дин. — 14,1%.

7. На культурно-просветительные нужды, выпуску газет и журналов, выдачу ссуд на издания, переводы и покупку книг, на организацию курсов самообразования, лекций и проч. — 616 474, 80 дин. — 1,7%.

8. На помощь разным организациям, О[бщест]ву Красного Креста, Беженскому Комитету в Константинополе, Союзу офицерских организаций, студенческим организациям, Комитету по постройке русского храма в Белграде — 2 857 845, 00 дин. — 7,8%.

9. Разные расходы по оказанию помощи частям Армии в виде организации потребительских лавок, заготовки одежды и обуви, перевозки пожертвованных предметов питания, одежды и т. д. — 1 059 822, 05 дин. — 2,9%.

10. Помощь высланным или бежавшим из Болгарии — 696 083, 20 дин. — 1,9%.

11. Содержание организации, наблюдавшей за хранением и расходом средств, — 268 275 дин. — 0,7%.

12. Содержание администрации и другие расходы по Ссудной Казне — 319 800 дин. — 0,8%¹.

---

¹ Отчет Финансово-контрольного комитета.

Таким образом, большая часть «серебряных» денег пошла на содержание армии и на перевод ее на гражданское положение, а также на содержание военно-учебных заведений. Все же не менее 40% вырученной суммы было потрачено на гуманитарные нужды. Военные были бы не прочь распорядиться всеми деньгами, однако давление общественного мнения было, по видимому, чересчур сильным, а скандал, разыгравшийся вокруг продажи просроченных залогов Ссудной казны, — чересчур громким. Поэтому пришлось уступить политикам.

Несмотря на то что Врангелю было известно недовольство Кутепова, Кусонского и других высших офицеров армии распоряжениями Финансово-контрольной комиссии, он не желал вмешиваться в ее действия. «Продажа ссудной казны производилась при моральной поддержке общественных организаций», и Главнокомандующий «считал необходимым предоставить им полную свободу ассигнований», объяснял его необычную лояльность к «гражданским» Шатилов¹.

Вопрос о целесообразности и правомерности продажи чужой собственности разрешило время. Оно показало, что возвращение залогов их законным владельцам в любом случае было бы невозможным. Советская власть продержалась гораздо дольше, чем это могли предположить самые черные пессимисты, и во всяком случае дольше биологического существования владельцев серебра, оставшихся в Советской России. С другой стороны, замарав чистоту своих одежд, Врангель и его соратники лишь продлили агонию «Белого дела», Русская армия в изгнании со своим Главным командованием, штабами, генералами, сохранением субординации и т. д. все больше напоминала «потешное» войско, а ее руководители — мальчишек, упорно не желающих понимать, что их игру в солдатики всерьез воспринимают лишь они сами.

Что же касается остальных — и немалых! — ценностей Ссудной казны, то с 1 января 1923 года, по словам генерала Миллера, «причисленные к заведению имуществом Сс[удной] Казны служащие, — большею частью бывшие чины этого учреждения в Петрограде, — устранились от подчинения Главному Командованию,

---

¹ Шатилов П. Н. Воспоминания. Л. 1291.

оставшееся имущество, перевезенное из Каттаро в Белград, было взято в свое ведение правительством Югославии»¹. По-видимому, служащие Ссудной казны, всю жизнь стоявшие на страже интересов своего учреждения и его клиентов, в конце концов взбунтовались против хозяйничания военных и разбазаривания вверенных им ценностей. Правительство Югославии, в целом вполне лояльно настроенное по отношению к Русской армии, также, по-видимому, не могло не реагировать на скандальные публикации в сербской и русской эмигрантской печати.

По утверждению И. Качаки, пользовавшегося материалами югославских архивов и югославской печати, «дальнейшая история казны связана со многими скандалами, кражами (и арестами за эти кражи служащих казны), секвестированиями, которыми королевское правительство пыталось приостановить неправильности в работе казны»².

В 1924 году в Белград прибыло 657 оставшихся ящиков с ценностями Ссудной казны; в 1920 году их было в общей сложности 1618. Постепенно число ящиков сокращалось; иногда всплывали владельцы вкладов и оставшегося незначительного числа закладов, выкупавшие свое имущество. Однако очевидно, что таких случаев было не очень много.

В период нацистской оккупации, в 1942 году, по настоянию немецкого уполномоченного по хозяйственным делам доктора Франца Нейхаузена сербы передали остатки казны в распоряжение генерала В. В. Крейтера, назначенного в конце 1941 года начальником Русского бюро, ведавшего делами русских эмигрантов. В Русский дом на грузовиках было перевезено 122 больших ящика. Ценности передали без описи и не взвешивая. Заботливость нацистов объяснялась тем, что часть эмигрантов восторженно встретила приход оккупантов. Так, на здании бывшего русского посольства какими-то «энтузиастами» был выставлен плакат: «Победа Германии — освобождение России»³. Более существенным было то, что на стороне нацистов сражался с югославскими партизанами Русский охранный корпус, сформированный

¹ Доклад генерала Е. К. Миллера Вел. кн. Николаю Николаевичу.

² Качаки И. Письмо в редакцию.

³ Маевский В. А. Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 348–349, 280.

в значительной степени из остатков Русской армии. Если не сам корпус, то члены семей военнослужащих финансировались, по-видимому, за счет продажи ценностей Ссудной казны.

В структуре Русского бюро был образован особый отдел во главе с военным юристом полковником Н.Э. Барановским. Задачей отдела являлось хранение Ссудной казны. На самом деле «хранение» было не более чем эвфемизмом. Экономический комитет, который должен был заниматься, по-видимому, изысканием средств на поддержку эмигрантов, открыл комиссионный магазин, через который продавались малоценные вещи, в том числе серебряные ложки, подстаканники, портсигары, полковые значки и т.п. Более ценные вещи продавались, по слухам, келейно и при участии служащих гестапо¹.

Очень быстро деятельность Крейтера вызвала недовольство в эмигрантской среде. Профессором Е.П. Джунковским был подготовлен меморандум от 11 ноября 1942 года, в котором суммировались претензии эмигрантов к своему «заведующему», и вручен им Крейтеру. Специальный пункт был посвящен Серебряной казне:

Единственным источником средств для удовлетворения нужд эмиграции явилось имущество Санкт-Петербургской Ссудной Казны. На каких условиях оно получено, никому не известно. Это глубокая и непроницаемая тайна, сопровождаемая отсутствием общественного контроля. Что продано и на какую сумму — неизвестно. Неизвестен и общий бюджет Бюро (но известны огромные суммы оплаты высших служащих). Неизвестно, на какую сумму следует продавать для исполнения бюджета. Продажа же, ввиду роста цен, должна производиться постепенно. Не только эмиграции, но и самому Бюро неизвестна общая стоимость фонда и даже его содержание. Приняли по счету ящиков без составления описи. Очевидно, крайне торопились... Легкомыслие, с которым велось все это дело, можно назвать преступным — и у эмиграции возникают большие сомнения в смысле охраны ее интересов при ликвидации исключительно ценного имущества. А между тем это единственное достояние обездоленных русских людей, и катастрофа на этом фронте есть общая катастрофа. После отображения фонда от сербов,

¹ Маевский В. А. Русские в Югославии. С. 314–315, 349–350.

которые бережно его хранили, говорить с ними о материальной помощи не приходится. Поэтому выяснение вопроса «серебряного фонда» есть неотложная задача дня. Сторонники тайны должны быть устранены, и дело должно быть поведено открыто. Этого требуют не только жизненные интересы, но и достоинство русского имени¹.

Крейтер пригласил Джунковского для объяснений и проинформировал профессора, что «серебряный фонд» дан немцами в качестве источника средств на три года и оценен в 30 тыс. динаров.

По утверждению историка русской эмиграции в Югославии и религиозного писателя В. А. Маевского, находившегося в указанное время в Белграде, «последнее совершенно противоречило действительности: часть вещей не была еще и распакована, а бывшие служащие Ссудной Казны утверждали, что там имеются древние, редкие и драгоценные вещи. Во всяком случае за один только год начальствования генерала Крейтера израсходовало Бюро 17.000.000 динар. Спрашивается: на что?»².

Дальнейшая история Ссудной казны изложена в статье полковника Генерального штаба, в годы Второй мировой войны — обер-лейтенанта Русского корпуса Ю. В. Сербина, опубликованной в газете «За Правду», выходившей в Буэнос-Айресе (№ 317 от 8 октября 1955). К сожалению, этот номер газеты остался нам недоступен, но основная часть статьи воспроизведена в книге Маевского. Сербин жил в эмиграции в Югославии; затем переехал с Русским корпусом в Германию, где в первые послевоенные годы находился в лагере ди-пи (перемещенных лиц) в Дахау, после чего с «остановкой» в Австрии эмигрировал в Аргентину. Судя по тому, что он сообщает весьма колоритные детали, Сербин был если не участником, то непосредственным свидетелем событий.

По данным Сербина, в 1944 году в Вену были отправлены последние 20 ящиков³ имущества Ссудной казны для передачи

¹ Там же. С. 336–337.

² Там же. С. 341.

³ По утверждению Маевского, не подкрепленному, впрочем, ссылкой на какой-либо источник, предварительно были отобраны наиболее ценные вещи и отправлены в Вену в два приема на немецких военных самолетах (Маевский В. А. Указ. соч. С. 350).

в дальнейшем генералу А. А. Власову. С этой целью ящики переправили в Мюнхен. Однако попали они в конечном счете в руки американских военных. Оставшиеся 18 ящиков (два пропали при перевозке из Вены в Мюнхен) были переданы 7 октября 1948 года в Мюнхене американскими оккупационными властями русской эмигрантской организации (Союз Андреевского флага, сокр. САФ) генерал-лейтенанта П. В. Глазенапа. В САФ входили преимущественно бывшие власовцы. Глазенап составил подробную опись всего имущества, причем оказалось, что в ящиках, кроме некоторого количества старинных икон, содержался серебряный лом, преимущественно ложки¹.

Имущество хранилось в подвале дома САФ в Мюнхене и доставляло организации массу хлопот: ходили, как водится, слухи о растрате, публиковались «разоблачительные» газетные заметки. Несколько раз охране пришлось отражать нападения бандитов, причем однажды один из нападавших — поляк из числа ди-пи — был убит.

Глазенап пытался сбыть казну с рук, однако ее отказались принять и митрополит Анастасий, как будто не заинтересовавшийся находившимися в ее составе иконами, и князь С. С. Белосельский-Белозерский. Последний, в прошлом штабс-ротмистр, сделал неплохую карьеру в США, став там полковником авиации. Белосельский-Белозерский был довольно активен в «русской политике» и основал за океаном Российский комитет освобождения и Российский комитет в США. Князь согласился принять казну на свое попечение в том случае, если будет оплачена ее доставка в США. Это было САФ не по средствам. В конечном счете Глазенап продал остатки казны какому-то швейцарцу за 30–32 тыс. германских марок, а деньги передал Центральному представительству русской эмиграции (ЦПРЭ), своеобразному эмигрантскому правительству в американской зоне оккупации.

При передаче денег один из членов правления, лидер основанного в 1948 году Российского общенационального народно-державного движения (РОНДД), участник власовского движения Е. Н. Арцюк, предусмотрительно заручился запиской

---

¹ Здесь и далее события излагаются по статье Сербина, воспроизведенной на с. 349–352 книги Маевского.

Глазенапа, что средства должны быть использованы на «национально-патриотическую» работу. Вскоре Арцюк устроил на заседании правления общеэмигрантской организации скандал, обвинив членов правления в раздаче ссуд на торговые дела ненадежным лицам. Он предъявил записку Глазенапа и заявил, что никаких ссуд впредь выдавать не должно, а деньги следует передать единственной организации, ведущей «национально-патриотическую работу», то есть возглавляемому им РОНДД. Перепалка закончилась тем, что казначей ЦПРЭ донской генерал С. К. Бородин, также успевший послужить гитлеровцам, бросил потрфель с деньгами на стол, заявив, что не желает больше спорить. Таким образом, последние «серебряные» деньги, приблизительно 22–24 тыс. германских марок, достались РОНДД и были потрачены «державниками» на различные политические цели¹.

* * *

Возможно, что какая-то часть сокровищ Ссудной казны осталась в Сербии. В мае 2000 года в Этнографическом музее в Белграде на выставке «Русское серебро» (из фондов музея) И. Качаки среди других экспонатов видел «серебряный столовый прибор работы мастерской Грачева, с гравированным гербом старинного русского дворянского рода Бахметьевых, общий вес которого превосходит 200 килограммов». Сотрудники музея не располагали достоверной информацией о «происхождении» этих и некоторых других серебряных предметов, кроме того, что они были получены «после Второй мировой войны». По предположению И. Качаки, это и есть «один из последних следов долгого пребывания Петроградской ссудной казны в Белграде»².

Верно ли это предположение, могут показать лишь дальнейшие разыскания в разбросанных по всему миру эмигрантских архивах. Так же как прояснить, каким образом «растворились» более 500 ящичков ценностей в период между 1924 и 1942 годами.

---

¹ *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 352; *Базанов П. Н.* Как растратили остатки С.-Петербургской ссудной казны // *Зарубежная Россия 1917–1945.* СПб., 2004. Кн. 3. С. 30–37.

² Там же.

В поисках выхода

ВЛАДИМИР БУРЦЕВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ, 1919–1938¹

Вряд ли в мировой литературе есть более полярные образы, чем Дон Кихот и Шерлок Холмс. Владимира Бурцева современники сравнивали и с тем, и с другим. И действительно, в нем удивительным образом сочетались пронциательность и холодный аналитический ум с наивностью и беззаветностью в увлечениях, умеренные либерально-демократические воззрения с социалистическими мечтаниями и свирепыми призывами «пожелаябовски» бороться с Николаем II, а позднее — с Лениным и Троцким, юношеский темперамент и ригоризм с внешностью «старой козы». В течение своей долгой жизни Бурцев боролся с царизмом, большевизмом и нацизмом, был «объектом» охраны, Скотленд-Ярда, ГПУ и гестапо, «привлекался» при Александре III, королеве Виктории, Николае II, Ленине и Гитлере. Поразительная биография Бурцева изучена лишь частично; правда, он стал героем романа Юрия Давыдова «Бестселлер»². Не претендуя на полноту изложения, остановлюсь на основных моментах политической и литературной «карьер» Бурцева.

Владимир Львович Бурцев (1862–1942) начинал свою политическую деятельность как народоволец. «Я вырос на народовольческих дрожжах», — повторял он не раз впоследствии.

---

¹ Будницкий О. В. Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. № 6. С. 110–122.

² Лурье Ф. М. В. Л. Бурцев // Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Л., 1990. С. 14–22; Будницкий О. В. Бурцев В. Л. // Политические деятели России 1917 года: Биографический словарь. М., 1993. С. 52–53; Он же. Бурцев В. Л. // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 314–315; Пантелеева Т. Л. В. Л. Бурцев: личная история, политическая и общественная деятельность в 1882–1907 годы. Уфа, 2008; Давыдов Ю. В. Бестселлер. М., 2001.

После ареста в 1885 году и двух с половиной лет заключения в Петропавловской крепости был выслан в Иркутскую губернию. Из ссылки бежал за границу. В 1888–1905 и 1907–1914 годах — в эмиграции. Не входя ни в одну из партий, пытался объединить эмиграцию на идеях конституционализма, причем главным средством достижения политической свободы в российских условиях считал индивидуальный террор. За пропаганду террора был приговорен в Англии к 18 месяцам каторжных работ, высылался из Франции и Швейцарии. В эмиграции издавал газеты «Свободная Россия» (Женева, 1889, совместно с В. К. Дебогорием-Мокриевичем), «Общее дело» (Париж, 1909–1910), «Будущее» (Париж, 1911–1914), журналы «Народоволец» (Лондон, 1897; Женева, 1903) и «Былое» (Лондон, Женева, 1900–1904; Париж, 1908–1913). Выпустил также несколько публицистических сборников: «Долой царя!» (Лондон, 1901), «К оружию!» (Лондон, 1903), «Да здравствует „Народная воля“!» (Париж, 1907), на страницах которых призывал к возрождению народофильства.

Неудивительно, что ортодоксально-народофильские взгляды Бурцева привели его к политической изоляции. Однако, оставшись в политической сфере, по меткому и злому выражению В. М. Чернова, человеком «до всего побочным», Бурцев преуспел на другом поприще — в изучении истории революционного движения. Им был подготовлен монументальный справочник по истории революционного движения «За сто лет» (Лондон, 1897); он стал основателем первого отечественного историко-революционного журнала «Былое». В 1906–1907 годах Бурцев вместе с В. Я. Богучарским и П. Е. Щеголевым редактировал одноименный журнал, выходивший в Петербурге и завоевавший всероссийскую популярность. Издал ценные сборники секретных правительственных документов — «Царский листок. Доклады министра внутренних дел Николаю II за 1897 год» (Париж, 1909) и «Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: Записке гр. Ламсдорфа и Малиновой книге» (Берлин, 1910).

Подлинно европейская известность пришла к Бурцеву после разоблачения им «великого провокатора» Е. Азефа, а затем и целого выводка провокаторов в различных партиях — З. Жученко, Я. Житомирского, И. Каплинского и др. Бурцев основал

в Париже своеобразное революционное сыскное бюро, к услугам или посредничеству которого прибегали деятели самых разных направлений, включая В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского¹.

С началом Первой мировой войны Бурцев занял оборонческую позицию и вернулся в Россию, заранее объявив о своем возвращении в многочисленных интервью. Однако политическая позиция не спасла личного врага Николая II от ареста на границе. Он был препровожден в Петропавловскую крепость, а затем приговорен к ссылке в Сибирь (защищали его А. Ф. Керенский и В. А. Маклаков). В Сибири Бурцев пробыл недолго. По ходатайству французского правительства его амнистировали.

Бурцев горячо приветствовал Февральскую революцию. После июльских событий он стал одним из застрельщиков антибольшевистской кампании. Бурцев писал о большевиках: «Это — бывшие наши товарищи. Теперь они, пользуясь тем критическим положением, в котором находится вся страна благодаря войне, являются ее врагами и ради успеха своего доктринерства и своей демагогии решили довести до конца свои задачи, хотя бы для этого нужно было поставить на карту судьбу всей страны». Он считал, что в июльские дни «Ленин с товарищами обошлись нам не меньше хорошей чумы или холеры»².

Особенно доставалось от Бурцева А. М. Горькому, которого он обвинил в покровительстве большевикам. Впрочем, резкая полемика между Бурцевым и Горьким в июле не помешала Сталину уже в октябре поставить их на одну доску, причислив Горького к перепуганным интеллигентским неврастеникам, дезертирующим «из рядов революции в черную рать Бурцевых-Сувориных»³. На страницах своей газеты «Общее дело»

---

¹ Бурцеву было выдано удостоверение от 18 апреля 1912 года за подписью В. И. Ленина, в котором говорилось, что «ЦК РСДРП по соглашению с товарищем Бурцевым составил Комиссию по расследованию провокации в рядах РСДРП. Членами этой комиссии являются товарищ Бурцев и товарищи Николай Васильевич и Юрий» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 378. Л. 2). Ф. Э. Дзержинский просил Бурцева через Н. К. Крупскую связать его с известным охранником-«покаянцем» Л. П. Меньщиковым (Там же. Д. 802. Л. 1).

² Бурцев В. Или мы, или немцы и те, кто с ними // Будущее: Сборник статей на злобу дня. Пг., 1917. № 3. С. 14, 18.

³ Статья И. В. Сталина «Окружили мя тельцы мнози тучны», напечатанная в газете «Рабочий путь» 20 октября (2 ноября) 1917 года. Цит. по: Горький А. М.

Бурцев впервые опубликовал список фамилий 159 эмигрантов, вернувшихся в Россию через территорию Германии. Однако его утверждения о связи большевиков с германским командованием остались на уровне логических умозаключений, не будучи подтверждены документально. Бурцев выступал в поддержку генерала Л. Г. Корнилова, критиковал за нерешительность Временное правительство и персонально А. Ф. Керенского, которому предлагал повиниться перед генералом. В конце концов «Общее дело» было Временным правительством запрещено.

25 октября 1917 года Бурцев выпустил первый и единственный номер газеты «Наше общее дело». Его передовая статья начиналась словами: «Граждане, спасайте Россию...» Номер был конфискован — на сей раз по личному распоряжению Л. Д. Троцкого, а Бурцев в тот же день арестован и опять угодил в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, в котором он сидел и при Александре III, и при Николае II. Владимир Львович стал первым «политическим», арестованным новой властью. Министров Временного правительства привезли в крепость уже после него.

В феврале 1918 года во время неразберихи, вызванной немецким наступлением, Бурцева выпустили. Он бежал в Финляндию, а оттуда в Швецию, где немедленно напечатал открытое письмо «Проклятие вам, большевики!», в котором повторил свои обвинения, выдвигавшиеся ранее в «Общем деле». Открытое письмо Бурцева неоднократно переиздавалось в России и за границей.

Затем Бурцев обосновался в Париже, где возобновил издание «Общего дела». До появления милюковских «Последних новостей» это была крупнейшая газета эмиграции. Как и до революции, Бурцев призывает к единству — на этот раз в борьбе с большевиками. Он осуждает своих прежних друзей-эсеров за раскольнические, по его мнению, действия, призывает сплотиться под знаменем Колчака и Деникина. Бурцев обвинил Антанту

Несвоевременные мысли. Paris, 1971. P. 275–276. Нападки Бурцева глубоко задела Горького, тем не менее, когда его оппонент оказался в Петропавловской крепости уже по воле советской власти, писатель выступил в его защиту. Он писал 12 (25) ноября 1917 года в «Новой жизни»: «Держать в тюрьме старика революционера Бурцева, человека, который нанес монархии немало мощных ударов, держать его в тюрьме только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий, — это позор для демократии» (*Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 152–153*).

в недостаточно активной борьбе с большевиками и считал необходимой немедленную интервенцию всех союзников в Россию «во имя требований демократической, ясно, по-вильсоновски, сформулированной программы»¹. Он ездил в Россию, встречался с А. И. Деникиным, а позднее — с П. Н. Врангелем, получил от них поддержку, в том числе финансовую.

В 1920–1930-е годы Бурцев не оставляет попыток объединить антисоветскую эмиграцию в рамках Национального комитета, товарищем председателя которого он являлся. Ведя нищенское существование, Бурцев все же пытался издавать «Общее дело», однако в начале 30-х годов газета окончательно прекращает выходить в свет. Издает он также ряд публицистических сборников, в основном составленных из его ранних антибольшевистских статей, и несколько любительских историко-литературных работ о Пушкине, Грибоедове, Шекспире. Неудачной оказалась попытка возобновить «Былое» — удалось выпустить лишь два номера в 1933 году, наполовину заполненных бурцевскими воспоминаниями. Книга воспоминаний Бурцева «Борьба за свободную Россию» (Берлин, 1923)², пожалуй, наиболее интересное из опубликованного им в годы третьей эмиграции.

Интересно, что политические взгляды Бурцева за десятилетия мало изменились. Выступая на своем 75-летию в присутствии цвета парижской эмиграции — П. Н. Милюкова, М. А. Алданова, М. С. Аджемова, Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова и др., Владимир Львович сказал: «Часто задают вопрос: кто такой Бурцев? левый? правый? умеренный? и т. д. На этот вопрос можно уверенно ответить определенно: левый, левый, левый! и только левый! Я всегда был определенно демократом, социалистом, республиканцем и по большей части революционером. Но революционером я не был, например, во время Государственной думы, конечно, во время войны и во время Временного правительства, т. е. тогда, когда я надеялся, что можно действовать легальными способами»³.

¹ Бурцев В. То, что нужно теперь России // Общее дело. 1919. 29 января.

² См. комментированное издание: Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию / Сост. Т. Л. Пантелеевой. СПб., 2012.

³ 75-летие В. Л. Бурцева. На чествовании, устроенном редакцией «Иллюстрированной России» // Иллюстрированная Россия. Париж, 1937. № 52. С. 7–8.

В 1930-е годы Бурцев выступает против нацизма и его неотъемлемой частью — антисемитизма. Он участвует в качестве свидетеля в Бернском процессе 1933–1935 годов, на котором была доказана подложность пресловутых «Протоколов сионских мудрецов», состряпанных в свое время в недрах царской охранки и использованных гитлеровцами. Вместе с Бурцевым свидетелями обвинения были П. Н. Милюков, Б. И. Николаевский, С. Г. Сватиков. А в 1938 году Бурцев издает в Париже книгу «„Протоколы сионских мудрецов“ — доказанный подлог» с недвусмысленным подзаголовком «Рачковский сфабриковал „Протоколы сионских мудрецов“, а Гитлер придал им мировую известность». Неудивительно, что Бурцев стал объектом травли со стороны нацистского ведомства, занимавшегося внешней пропагандой. После захвата нацистами Парижа Бурцева вызывали в гестапо, но, вероятно, в связи с преклонным возрастом отпустили. Умер Бурцев в 1942 году в парижском госпитале для бедных от заражения крови, не дожив месяца до своего 80-летия.

Огромный архив Бурцева разошелся по различным архивохранилищам. Наиболее значительные его части оказались в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США) и Госархиве Российской Федерации (ГА РФ), некоторые материалы — в РГАЛИ и РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В ГА РФ хранится та часть бурцевских бумаг, которая попала в Россию в составе эмигрантского Русского заграничного исторического архива (Пражский архив)¹ после Второй мировой войны. Фонд Бурцева в ГА РФ насчитывает свыше 2 тыс. единиц хранения. Среди них — рукописи работ Владимира Львовича, в том числе воспоминаний «Борьба за свободную Россию», исследования «Протоколы сионских мудрецов», десятков статей на политические и исторические темы. Большинство их опубликовано. Значительная часть архива — подготовительные материалы к работам Бурцева: копии документов Департамента полиции, газетные вырезки, анкеты революционеров и т. д. Еще один блок материалов относится к деятельности Бурцева по разоблачению провокаторов — списки провокаторов, материалы, собранные для

¹ О Пражском архиве см.: Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30.

расследования провокаторской деятельности отдельных лиц. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет переписка Бурцева. Среди сотен его корреспондентов — старые революционеры, политические деятели различных направлений, писатели, историки. Назову лишь некоторые имена: О. В. Аптекман, А. Н. Бах, Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин, С. М. Степняк-Кравчинский, В. Н. Фигнер, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, Б. В. Савинков, В. М. Чернов, П. Н. Милюков, Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров, П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, А. И. Куприн, М. Н. Покровский, С. П. Мельгунов, В. И. Семевский и многие другие.

Ниже публикуется несколько писем из той части архива Бурцева, которая хранится в ГА РФ. Все они относятся к периоду его третьей эмиграции. Для публикации отобраны письма, которые достаточно ярко характеризуют настроения и положение различных слоев эмиграции в разные годы ее существования, дают представление о том, почему в принципе была нереализуема бурцевская идея о единстве эмиграции. Размышления авторов некоторых писем о сущности большевизма, о влиянии революции и Гражданской войны на судьбы нашей страны звучат весьма современно и могут быть интересны не только специалистам, но и широкому читателю. Наконец, корреспонденты Бурцева — люди, оставившие заметный след в российской истории и литературе, и публикуемые письма послужат дополнительным материалом для характеристики их политических взглядов и жизненных обстоятельств.

Многие корреспонденты Бурцева — Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, А. И. Деникин, П. Н. Врангель и др. — в специальном представлении не нуждаются.

Несколько слов о Е. Д. Кусковой. Екатерина Дмитриевна Кускова-Прокопович (1869–1958) — единственная из корреспондентов Бурцева, кто покинул Россию не по своей воле. В 1922 году она была арестована по делу Всероссийского комитета помощи голодающим, приговорена вместе с мужем, С. Н. Прокоповичем, к расстрелу, который был заменен им высылкой за границу. Подробно история высылки членов комитета изложена в статье М. С. Геллера¹.

¹ Геллер М. С. «Первое предостережение» — удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9.

Имя Кусковой стало едва ли не нарицательным и с детства известно каждому школьнику по стихам Маяковского. Редко кого столь часто в негативном плане упоминал В. И. Ленин — начиная с критики им «экономизма» Кусковой и Прокоповича и заканчивая его прямым указанием о разгоне Всероспомгола. В результате Кускова не удостоилась даже статьи в Советской исторической энциклопедии. Как справедливо заметил М. С. Геллер, биография Кусковой еще ждет историка. Возможно, публикуемое ниже письмо послужит материалом для будущего биографа этой выдающейся личности.

Большинство публикуемых писем — подлинники. Аутентичность двух писем, представленных в архиве Бурцева машинописными копиями (№ 2 и 7), бесспорно подтверждается сопутствующей перепиской. Письма публикуются в хронологическом порядке.

№ 1

Л. Н. Андреев — В. Л. Бурцеву

[Нейвала], 9 сентября 1919 г.¹

Дорогой друг, милый Владимир Львович!

Был я в Гельсингфорсе, видел там Вашего посланца, видел много людей и людишек, много говорил, еще больше слушал — и ожидания мои оправдались: для меня работы в Гельсингфорсе и вообще здесь — нет. В письме я не решаюсь говорить о том, что такое новое С[еверо]-З[апад]ное правительство, но мое отношение к нему совершенно отрицательное. Самая история возникновения его под грубым давлением извне², самочинное, вопреки декларации Колчака, признание независимости Эстонии³, наконец, серенький состав при наличии таких темных пятен, как

¹ 12 сентября Андреев умер. Таким образом, это письмо стало его своеобразным политическим завещанием. Под названием «Заветы Леонида Андреева» отрывок из письма был опубликован Бурцевым в № 59 «Общего дела» за 1919 год.

² Северо-Западное правительство («Правительство Русской Северо-Западной области») создано при Н. Н. Юдениче в Ревеле (ныне Таллин) 11 августа 1919 года по инициативе члена Союзной военной миссии в Прибалтике генерала Ф. Марша. Прекратило свое существование в декабре 1919 года, после провала похода Юденича на Петроград.

³ В «Предварительном заявлении», составленном Маршем, Северо-Западное правительство признало независимость Эстонии. Под декларацией Колчака, вероятно, имеется в виду его ответ на союзническую ноту, полученный

Н. Иванов¹, внушают большие опасения за будущее. Опять-таки не решаюсь говорить о подробностях и развивать мою мысль, но во всяком случае с ними я работать не могу, если бы даже они были способны к работе. Но и этого пока не видится. Между прочим, они предлагали портфель м[ини]стра пропаганды И. Гессену², но он отказался; меня все гельсингфорские немного боятся, как, вероятно, множество людей дружески боится Вас — Вашей прямоты и яркости. Когда читаю Ваши великолепные, прямые и честные обличения союзников, я думаю с улыбкой: сколько заячьих сердец с ужасом читают эти строки и шепотом осуждают дерзость неукротимого Бурцева! Антанта нас кормит, Антанта может быть когда-нибудь окажет нам помощь, а он такое говорит почтенной Антанте — даже требует!³ И самое печальное, что я увидел и почувствовал, это жестокая приниженность, почти нищенская поза, в какую охотно становятся многие весьма даже порядочные люди.

Я размышляю о великолепном мавзолее, который будет воздвигнут на могиле нашей дружбы с Антантою. И одним из мраморных камней я положил бы слезно-отчаянную мольбу архангелов, чтобы их не оставляли на смерть и гибель английские войска — и увод английских войск. И обо всем этом я давно написал бы в «Общее дело», если бы не неисправность почты; а оказии, вроде недавней, редко представляются и всегда неожиданно. Вообще писать отсюда — вещь невозможная.

в Париже 9 июня 1919 года, в котором Колчак подтверждал независимость Польши, обещал обеспечить независимость Финляндии «во внутренних вопросах», соглашался «подготовить решения» о судьбе прибалтийских государств.

¹ В состав Северо-Западного правительства входили представители различных партий — от кадетов до меньшевиков. Николай Никитич Иванов (1886–?) — до революции петербургский присяжный поверенный, коммерсант — владелец «Банкирского дома Н. Иванов и К^о», сотрудничал в суворинском «Вечернем времени». Ходили слухи о его связях с Распутиным. В эмиграции основал Народную практическую партию, был выбран в Ревеле российским консулом. Считал необходимым немедленное признание независимости Эстонии.

² Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — до революции редактор «Права» и «Речи», депутат 2-й Государственной думы, член ЦК партии кадетов.

³ Бурцев, как и Андреев, призывал союзников к интервенции в Россию, обвинял их в пассивности. Андреев писал в начале 1919 года: «То, что ныне по отношению к истерзанной России совершают правительства союзников, есть либо предательство, либо безумие» (Андреев Л. С. О. С. Гельсингфорс, 1919. С. 3).

Таким образом, я окончательно решаю плыть в Америку¹, рассылаю письма, телеграммы и запросы. Пока ни [на] одно ответа не имею, но с упованием жду. Пишет мне о какой-то работе в Лондоне Н. К. Рерих, чудесный человек и мой большой друг, но в чем дело, еще не знаю. Во всяком случае по дороге в Штаты я пробуду некоторое время в Лондоне, а если будет возможность (виза), то приеду в Париж исключительно для беседы с вами и согласования действий.

Очень много хотелось бы сказать Вам, дорогой друг, но всякая цензура действует на меня гнетущим образом. Не зная, можно ли писать то и другое, я впадаю в полное недоумение. Поэтому с особым нетерпением жду минуты, когда так или иначе можно будет побеседовать свободно, без ежеминутных оглядок по сторонам. Думаю, что теперь этой минуты не так долго ждать. Между прочим, надежд на скорое взятие С[анкт]-П[етербурга] у меня нет; конечно, могут быть совершенно неожиданные случайности, но как можно учитывать случайность? Конечно, как двухголовый теленок, как всякий монстр, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет? Приспособляемость человека, особенно российского, чрезвычайно велика, растяжимость его шкуры огромна; сейчас большевики содрали и натянули эту шкуру на барабан, колотят и сзывают зевак и ослов, — но когда барабан лопнет?

А какой вид будет иметь Россия, когда уйдут большевики! Страшно подумать. Больше всего меня страшит страшная убыль в людях. С одной стороны, защищая себя, большевизм съел среди рабочих и демократии все наилучшее, сильнейшее, более других одаренное — это они в первую голову гибли и гибнут на бесчисленных фронтах в бесчисленных сражениях и кровопролитиях. И наоборот: наиболее трусливое, низкое и гнусное остается в ихнем тылу, плодится и множится и заселяет землю — это они палачествуют, крадут, цинически разрушают жизнь в самых основаниях.

С другой стороны, нападая, он съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил

---

¹ Андреев собирался совершить пропагандистские турне по США, с тем чтобы подтолкнуть американцев к более активному вмешательству в русские дела.

морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры. Он трус и чистюля, ему хочется сохранить приличный вид и как можно больше запутать людей, зная, что каждое новое «имя», каждый профессор, ученый интеллигент или просто порядочный человек соответственно уменьшает его личную ответственность. Если даже Нерона многие одобряют за любовь к искусству, то как же ему, Луначарскому, не создать некоего «золотого века», рая художников и режиссеров, рая, который так приятно контрастирует с черной чрезвычайкой и придает Л[уначарскому] вид исключительного джентельменства. Светлый луч в темном царстве — так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо кроме всего он человек пошлый и недалекий. (Вы знаете, что они и меня пробовали? — предлагали очень выгодно издать сочинения, утверждая, что «все там» и что мне нет смысла кобениться¹.)

В России и так было безбожно мало интеллигентных, образованных людей — сколько же их осталось теперь? Действительно, страшно вообразить. Вспомнить всех этих бесчисленно расстрелянных офицеров, начальниц гимназий, попов, каких-то гласных, земцев, профессоров и прочих неведомых, их имена Господи веши. А каждый образованный человек — это как дерево, которое требует определенного времени для своего роста; сожгут у меня дачу, я в год выстрою новую, сгорит береза рядом — жди 25 лет! И когда подумать, сколько стоит (буквально) каждый образованный человек, то какой колоссальный капитал потеряла Россия в лице убитых!

Кто же выиграл в результате этого убийственного «отбора»? Черная сотня в широком смысле слова. Хищники и присмыкающиеся, кусающие и ползающие. Мне думается, в этом кроется отчасти объяснение непонятно долгой «живучести» большевизма. А какая в связи с этой убылью в людях ждет нас реакция? Реакция неизбежная и неустраняемая, ибо она будет иметь почти биологические основания — вырождение народа.

---

¹ Андреев говорил М. К. Иорданской, что к нему приезжали З. И. Гржебин и А. Н. Тихонов от имени А. М. Горького, предлагали купить сочинения Андреева для своего издательства за 2 млн руб. (*Иорданская М.* Эмиграция и смерть Леонида Андреева. [Б. м. и б. г.] С. 54).

Вот все говорят об Уч[редительном] собрании, а кто теперь составит его? чью волю оно выразит? И на что, в конце концов, рассчитывают европейцы, так бесконечно затягивая эту борьбу? И заметили ли европейские социалисты, что наибольший процент гибнущих приходится на долю демократии, а наименьший, ничтожный — на долю мелкой и крупной буржуазии, припасшей капиталец, наименее голодавшей и стоявшей в стороне от непосредственной борьбы? И понимают ли они, что, готовя России эту ужасную реакцию, они сами падут жертвой ее? Чем требовать от Колчака, чтобы он клялся Учредительному, лучше бы сохранить жизнь одному образованному русскому!

Ну, разболтался. Крепко целую Вас и жму руку. По мере моего движения к Америке, буду писать Вам. Кстати, мой новый адрес: Мустаямки, дача Фальковского. Здесь, слишком близко к пограничной полосе, жить затруднительно: аэропланы бросают бомбы и проч[ие] военные неудобства. «Общее дело» всюду, куда даю, вызывает полнейшее сочувствие.

Ваш Леонид Андреев

только что получил Вашу телеграмму. Как видите, Америка! Попробую за эти дни соорудить для «Общего дела» статейку, но не знаю. Не умею маленьких. После написания сего письма, в ночь, был налет аэропланов: чувство довольно сильное. В Вамельсу, совсем близко от моего дома, сброшено три бомбы¹.

ГА РФ. Ф. 3802. Оп. 1. Д. 76. Л. 6–6 об. Машинопись. Подлинник.

№ 2

«Записка» А. И. Деникина В. Л. Бурцеву

12 мая 1920 г.²

В последние дни парижская и лондонская печать, в особенности последняя, полны дифирамбов Польше: ненависть, разжигаемая искусственно против России, считается вполне законной; Польша — «благородная страна, освободившаяся сама (?) от русского ига»; от России Польша отнимает то, что ей принадлежит

¹ Последний абзац — приписка на полях черными чернилами рукой Л. Н. Андреева.

² К моменту составления «Записки» Деникин уже почти два месяца был частным лицом и «простым» эмигрантом. Однако его влияние на эмигрантские круги было еще велико.

«по праву», и т. д. Французские газеты иногда сентиментально считают нынешнее наступление поляков освобождением от большевистского ига...

Полагаю, что «Комитет Освобождения»¹ и «Общее дело» должны начать кампанию для разъяснения сущности польской политики.

Основные положения:

1) Русское правительство добровольно даровало свободу Польше.

2) Польша повторяет наши исторические ошибки в значительно более сильной степени: полонизация и чудовищное преследование православия в занятых русских землях. Густо размывая историю Варшавской цитадели (10-й павильон²), ничего не говорит о Кремле и Гермогене³.

3) Польская печать усиленно проводит циничный взгляд: все внимание на Запад, Восток сгнил, в лучшем случае через несколько лет обратится в множество слабых и враждующих штатов, а потому надо теперь же разрешить на Востоке свои «исторические задачи»...

4) Польское правительство не желало вести освободительные войны совместно с вооруженными силами Ю[га] Р[оссии]. Переговоры затягивались на много месяцев. Стратегические разграничительные линии ими были отвергнуты. Наступление прекратилось тотчас же вслед за взятием нами Киева и возобновилось тотчас же после крушения (временного) южных русских армий.

5) Нынешнее наступление поляков имеет характер совершенно ясно выраженный: не борьба с большевиками, а завоевание, отторжение русских земель, пользуясь временным бессилием русского народа.

¹ Комитет освобождения России (Russian Liberation Committee) (1919–1924), русская эмигрантская организация в Лондоне, наиболее видными деятелями которой в период Гражданской войны были академик М. И. Ростовцев, П. Н. Милюков, А. В. Тыркова-Вильямс.

² В 10-м павильоне Варшавской цитадели содержались во времена самодержавия политзаключенные, в том числе приговоренные к смерти.

³ Гермоген — патриарх Русской православной церкви в 1606–1612 годах, в период польской оккупации Москвы занял патриотическую позицию. Интервенты уморили его голодом в тюрьме.

б) При этом повторяется полностью, по договору с Петлюрой, немецкая политика расчленения России.

7) Результаты:

а) Гальванизация большевизма (письмо Брусилова и проч.)¹.

б) Грабеж России.

в) Возбуждение вражды к полякам даже среди элементов расположенных.

По-видимому, некоторые союзники ничего против этого не имеют.

г) Уклон России к союзу с немцами.

8) Польше необходимо стать на правильный путь — не завоевания, а освобождения России совместно с русскими антибольшевистскими силами. Это не услуги, а самострахование. Отнюдь не разрешая ныне вопросов территориальных и границ.

Иначе Польша в ближайшие годы будет раздавлена до основания и, как самостоятельное государство, погибнет навсегда.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. I. Д. 230. Л. 2–3. Машинопись. Копия.

№ 3

И. А. Бунин — В. Л. Бурцеву

Париж, 17 (30) сентября 1921 г.²

Многоуважаемый Владимир Львович,

Я был у Вас четвертого дня, но Вы были заняты с кем-то и я передал то, что хотел сказать Вам, В. В. Топорову³. Дело в том,

¹ Письмо генерала А. А. Брусилова на имя начальника Всероссийского Главного штаба Красной армии Н. И. Раттеля, в котором он предлагал собрать Совещание при главкоме из людей «боевого и жизненного опыта», чтобы «обсуждать дело снабжения войск». Приказ об образовании Особого совещания под председательством Брусилова был опубликован в «Правде» 5 мая 1920 года.

² Сотрудничество в «Общем деле» И. А. Бунина, как и других известных писателей — Л. Н. Андреева, А. И. Куприна, А. Н. Толстого, объяснялось прежде всего тем, что бурцевское издание вплоть до начала 1920-х годов было единственной крупной эмигрантской газетой. Близки были и политические позиции Бурцева и Бунина. Их подписи стоят под обращением группы видных эмигрантов от 27 января 1921 года, в котором ставилась задача объединения всех антибольшевистских сил зарубежья на широкой демократической основе. Однако публикуемое письмо представляет интерес прежде всего с бытовой стороны. Тяжела же была жизнь классика русской литературы, если гордый Иван Алексеевич пытался хоть что-то получить с не менее гордого, но еще более нищего Владимира Львовича.

³ В. В. Виктор (Топоров) — до революции корреспондент «Речи», сотрудник «Общего дела».

что я в большой нужде и потому прошу Вас чрезвычайно уплачивать мне то, что Вы должны мне, хотя бы по малым частям, хотя бы по 200, по 100 франков в месяц. Такая сумма при большом денежном обороте, который имеет всякая газета не только в месяц, но и в сутки, — совершенный грош — почти 3 франка в день. Ведь как-никак, а газета все же существует и все же кое-что платит прочим сотрудникам, даже и тем, которые не на жалованье, — например Яблоновский¹, Куприн, — а я почему-то в такой немилости, что мне даже отказали в печатании моего объявления о моей книге, каковое я просил ставить в счет уплаты долга мне: поставили раз — и конец, меж тем как в газете идут буквально круглый год, буквально каждый день большие бесплатные объявления даже тех, кто совсем чужой газете.

В надежде, что Вы помните о моей просьбе,

С совершенным почтением

Ив. Бунин

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–1 об. Автограф.

№ 4

П. Н. Врангель — В. Л. Бурцеву

Сремски Карловцы, 27 июня 1922 г.

Глубокоуважаемый Владимир Львович,

сегодня в Белграде получен № 565 «Общего дела». Ознакомившись с ним, я спешу горячо поблагодарить Вас за нравственную поддержку Армии и неизменную защиту ее интересов.

«Общее дело» осталось верным своим боевым лозунгам и по-прежнему является доблестным авангардом антибольшевистской печати.

Оно не устает смело и громко изобличать большевиков и иже с ними и призывать эмигрантские круги к единению в общей борьбе с врагом Родины.

Не могу, однако, не остановиться на некотором недоумении, вызываемом Вашей передовицей «Все — против большевиков».

Призывая всех на борьбу с большевиками, Вы пишете: «Нам нужен один антибольшевистский фронт от левых демократов до Национального комитета».

¹ Яблоновский Александр Александрович (1870–1934) — критик и фельетонист, в эмигрантской литературе считался «королем шуток».

Таким образом, Вы оставляете в стороне монархистов, между тем как они, несмотря на отличие их политической идеологии от указанных группировок, являются несомненно элементами антибольшевистскими.

Предложенный Вами единый фронт, не обнимая собой все зарубежные антибольшевистские силы, естественно, рождает наряду с ним другой антибольшевистский фронт — от Национального комитета до правых монархистов.

Получается вместо желаемого объединения вредящее делу разъединение.

Мне думается, мы должны всемерно стремиться к действительно общему сплочению, и это не так уж безнадежно.

Объединения, имевшие ныне место в Константинополе, Белграде и Финляндии, тому пример.

Хочу думать, что в конце концов к этому придет и Париж.

Единодушный протест русской прессы и русской общественности побудил наконец болгарское правительство, хранившее до сих пор упорное молчание, к официальным разъяснениям.

В номере «Le Temps» от 21-го июня появилось официальное сообщение Бюро болгарской прессы. «La question de L'armée Wrangel», исполненное от начала до конца сознательной намеренной лжи¹.

Необходимо выступить с энергичным опровержением и требовать представления доказательств и всестороннего расследования, которого, пока безуспешно, домогались я в письме моем к Председателю Совета министров, русские общественные организации и часть русской прессы.

Прошу Вас принять уверения в истинном моем уважении и преданности.

[Подпись]

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 178. Л. 14–14 об. Машинопись. Подлинник.

¹ Врангелевские части, расквартированные в Болгарии, превосходили ее вооруженные силы по численности, которые, по Нейискому миру 1919 года, не должны были превышать 6,5 тыс. человек. Вмешательство врангелевцев во внутренние дела Болгарии вызывало острую реакцию ее правительства, вплоть до высылки видных белогвардейцев. Опасения болгарских властей оказались вполне обоснованными — год спустя врангелевцы приняли участие в перевороте 9 июня 1923 года, когда было свергнуто правительство А. Стамболийского.

№ 5

А. И. Деникин — В. Л. Бурцеву

Брюссель, 11 декабря 1925 г.

Многоуважаемый Владимир Львович!

В январе перешлю газеты по адресу, который Вы укажете¹.

Относительно разлада среди русской зарубежной интеллигенции так было и так, вероятно, будет и впредь. Мне этот вопрос знаком близко: за время 1–1/2 годового правления я наблюдал множество попыток к объединению на почве «реальной национальной политики», и все они кончались ничем. Не было искренности или катехизис мешал.

Одно из двух: либо мы незрели, либо время еще не пришло.

С удовольствием повидаюсь и побеседую с Вами, когда судьба приведет встретиться. Только поднимаюсь я с места очень редко.

Уважающий Вас А. Деникин

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 230. Л. 11. Автограф.

№ 6

Е. Д. Кускова — В. Л. Бурцеву

Прага, 29 сентября 1936 г.

Дорогой Злец, Владимир Львович!

Я бы тоже хотела с Вами здорово поругаться (на почве: «я — революционер...»). Но в то же время совместно вспомнить — без ругни, а с горячим сердцем — старое... Старое... Вас. Дорогого мне Василия Яковлевича]...² И те времена, те времена, которые к большевизму привели непосредственно и прямой дорогой. Нет, дорогой Злец, нам с С[ергеем] Н[иколаевичем]³ не место в Национ[альном] комитете. Хотите знать интимную (только нашу причину)? сторону дела? Да Вы, как исследователь русской революции, должны бы и могли бы ее знать. Вот в чем она состоит. С самых юных лет и он, и я (14-ти лет — в Саратове)

¹ Речь идет о газетах, выходявших на Юге России в период Гражданской войны. Они потребовались Деникину во время работы над «Очерками русской смуты» и, конечно, нашлись в необъятном бурцевском архиве.

² Василий Яковлевич Яковлев-Богучарский (1861–1915) — историк революционного движения и публицист, редактировал вместе с Бурцевым и П. Е. Щеголевым «Былое» в 1906–1907 годах. По своим взглядам был близок Кусковой.

³ Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) — муж Е. Д. Кусковой, общественный деятель, экономист и публицист.

попали в левые революционные кружки. И с этих же лет стали с ними, с революционерами, бороться там, внутри их гнезд. Не знаю, кто в нас с С[ергеем] Н[иколаевичем] всадил внутреннюю культуру. У него она еще понятна: сын очень умной, очень культурной матери. А я, я росла беспризорная, в больших тяжестях жизни из-за семейной трагедии матери и отца (отец застрелился). Но — оба мы были влюблены в культуру, в знание, в честность познания, в мораль и в прочие глупости, с теперешней точки зрения. И вот с этой-то вышки культуры, на кот[орой] мы себя мнили, нам обоим революционная среда была глубоко противна. Ложь, провокация, цель оправдывает средства, и — оазисы (только оазисы) настоящего героизма. Мы ведь лично и глубоко, и хорошо знали многих революционеров. Очень хорошо знали Плеханова, Чернова и прочих столпов двух основных русских направлений. Прочтите переписку Плеханова... И Вы поймете, почему мы выскочили оттуда, как ошпаренные. Не вскочили и в другое направление. Там, по моему, было еще хуже. Так и жили, неприкаянные, до Союза Освобождения. Здесь среда была иная: можно было «делать революционное дело», не боясь продать черту души, т. е. замараться какой-либо грязью от «партийной диктатуры». Это было единственное светлое пятно в нашей политической карьере: работали, как Вы знаете, вовсю. В то же время, по своей жизни, мы хорошо знали политическую жизнь, психологию этого класса даже в его высоких этажах, в к[онституционно]-д[емократической] партии. Знали и русскую буржуазию. Пришли к выводу: эта среда нам чужда по духу, по целям, по навыкам, по непониманию истинных задач демократии. От этого пришли к другому решению: среда революционеров нам неизмеримо ближе, несмотря на все ее отрицательные стороны. Если демосу русскому суждено подняться и привести Россию к демократии, то эта среда сделает это, а не иная. Пройдет она через грязь и через кровь. Но ведь и революционеры подполья проходили через это: таков удел. Но мы все же останемся до конца жизни демократами и с демократией. Это определило нашу позицию по отношению к белому движению и к тому, что мы остались в России, не сгибая голов, каждую минуту эти головы рискуя потерять. О грязи их поведения, совершенно

не стесняясь, говорили и Менжинскому¹, и Каменеву² и другим б[ольшеве]кам того времени. Отказались разговаривать (как кооператоры) с Лениным, когда он в 1921 г. хотел устроить банкет со старыми общественными деятелями. Просили (жив В. М. Свердлов³, через кот[орого] шли переговоры) передать ему: банкеты мы будем совместно устраивать тогда, когда выйдем из состояния рабов, рот которых завязан и кот[орые] чувствуют себя пленниками диктатуры, т. е. когда рядом с нэпом будут возвращены русскому народу свободы.

Да многое можно было бы рассказать из этого кошмарного периода. Да вот нет времени писать воспоминания. Одним словом: мы не приемлем эмиграционной среды, за исключением крошечных участков она сплошь реакционна и сплошь мечтает о реставрации. Пример — П. Б. Струве, когда-то бывший нашим другом, а теперь готовый идти с немцами и японцами на Россию⁴. А мы — душою с Россией, ею живем и в ней ищем самоочищения. Ибо глубоко верим, что зараза большевизма сидела в самом народе, а не только в его вождях. Глубоко также верим, что он самоочистится, уже очищается, и сделает это глубже, прочнее, вернее — без помощи Национ[альных] комитетов

¹ Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934) — в 1920–1922 годах начальник Особого отдела ВЧК.

² Лев Борисович Каменев (Розенфельд) (1883–1936) — в описываемое время член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Моссовета.

³ Вениамин Михайлович Свердлов (1886–1939) — младший брат Я. М. Свердлова, в 1921 году председатель Главного комитета государственных сооружений.

⁴ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) в описываемое время жил в Белграде. 5 марта 1934 года он прочел там публичную лекцию «Международная ситуация и Россия», закончившуюся скандалом. Среди прочего, он заявил, что никакая иностранная интервенция не может нанести стране больший ущерб, чем большевизм, и предлагал сравнить положение русских в оккупированном японцами Харбине и во Владивостоке. Струве полагал, что не стоит опасаться отторжения японцами русских территорий, ибо дальневосточная Россия непригодна для японской колонизации. Неясно, на чем основано мнение Кусковой, что Струве был готов «идти с немцами на Россию». Во всяком случае позднее, в 1938 году, он резко критически отнесся к Мюнхенскому соглашению, а в марте 1939 года отправил лично ему знаменитому видному британскому политику Самуэлю Хору письмо, предостерегая против каких-либо компромиссов с Гитлером, которого называл «психопатической личностью» (*Пайнс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М., 2001. С. 518–520, 534–536*).

и в особенности «национально-фашистских» спасителей. А ведь что греха таить: фашизму сочувствует большинство «национально-мыслящих». С ними нам не по пути. Останемся с демосом, хорошо видя все его гнойники, отвратительные язвы. Но — с ним. И если будет малейший просвет, малейшая возможность работы там, работы нашей всегдашней — культурной, государственной, кооперативной — мы будем там. И на белом коне въехать туда не мечтаем. Мы — стары. Можем умереть тут, все же революцию не проклиная: есть ведь «лучшие люди» («я — революционер»), [которые] шли к ней, хотели ее, звали ее и ждали ее. Она и пришла — в образе диком, иной и быть не могла. Но мы уж будем с ней... Сами ведь немало потрудились для нее и отречься от нее не хотим и не можем: околавываясь все время то в подполье, то около подполья, знали его хорошо, знали, куда шли, знали и то, что победа его сразу счастья России не принесет. Народу нужно было по всему ходу вещей и по преступности самодержавия через этот ад пройти и... все познать опытом, очиститься для новой жизни. В эту новую жизнь верю, если подлецы из «Mein Kampf» не схватят за горло выздоравливающего. А если схватят — поступим так же, как когда-то поступили Вы, и иначе поступить не можем.

Вот Вам краткая исповедь и отчет в нашем «большеви-занстве». Поверьте, его грязь ненавидим не меньше, чем Вы. Но... Не верим, чтобы отмыть ее могли слезливые прачки из «Национ[альных] союзов и комитетов»: не те руки.

Все. С Россией поддерживаем крепкие связи. Еще кое-кто жив там и верит так же, как и мы, в воскресение, в спадение чешуи большевизма.

Недавно узнала, что обширный архив Вас[илия] Як[овлевича] «приобретен» Музеем революции, где работает Бонч-Бруевич¹. Не думаю, что это тот архив (небольшой), кот[орый] оставался у Эмил[ии] Венц[еславовны]². Очевидно, это архив, кот[орый] В[асилий] Я[ковлевич] когда-то передал покойному

¹ На самом деле Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) был директором Государственного литературного музея, которым был приобретен архив В. Я. Богучарского и где он хранится и в настоящее время.

² Эмилия Венцеславовна Яковлева-Покорни — вдова В. Я. Богучарского.

Срезневскому¹. Как Вы думаете? Эмил[ия] Вен[цеславовна] написала воспоминания о своем муже. Вряд ли они могут быть сейчас изданы. Сама она живет в Ленинграде и завалена работой: дает уроки английского языка отдельным лицам и группам рабочих, кот[орые] азартно учатся языкам. Этой работой она очень довольна. Душой же живет, посещая Волково кладбище, — душа ее прекрасная, детская — там.

С[ергей] Н[иколаевич] написал огромную книгу о хозяйстве России с критикой политико-экономических доктрин коммунизма. 45 печ[атных] листов. Ее должен был издать здешний Славянский институт. Теперь этого — к горю нашему — сделать нельзя: страна маленькая и ссориться с «Великой Россией» — не желает...² Французы и англичане тоже предпочитают издавать Веббов³, а не критику.

Будьте здоровы, очень благодарю за письмо, за привет! С[ергей] Н[иколаевич] шлет Вам лучшие пожелания. Крепко жму Вашу руку.

Пред[анная] Вам Ек[атерина] Прокоп[ович]

Можно же ставить такую печать, на кот[орой] немислимо прочесть адрес!! 18 или 13? Читаю по догадке.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 35б. Автограф.

№ 7

В. Л. Бурцев — А. И. Деникину

Париж, 25 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Антон Иванович!

Посылаю Вам только что вышедшую мою книжку о «Сионских протоколах»⁴. Знаю, что Вы от эмигранта антибольшевика

¹ Срезневский Всеволод Измайлович (1867–1936) — историк литературы, библиограф, член-корреспондент Академии наук. Печатался в «Былом».

² Вероятно, имеется в виду работа С. П. Прокоповича «Народное хозяйство СССР», опубликованная в Нью-Йорке в 1952 году.

³ Супруги Сидней (1859–1947) и Беатриса (1858–1943) Вебб (Webb) — британские экономисты и общественно-политические деятели социал-реформистского толка. В 1932 году посетили СССР и в 1935 году издали книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?» (Soviet communism: a new civilisation? Т. 1–2. Русский перевод 1937), в которой позитивно оценили советский опыт.

⁴ Бурцев В. Л. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. Paris, 1938.

ждете издания на другие темы. За эти последние годы я несколько раз подготавливал полностью номера «Общего дела» и «Ла Коз Коммюн»¹ на жгучие современные темы, но ни разу не удавалось мне довести дело до конца. Начатые номера не были изданы. Материалы старели. С течением времени началась новая попытка издать что-нибудь на современные темы и не удавалась. Идти на какие-нибудь компромиссы направо или налево не могу: шея не гнется. А было что сказать по страшным совершавшимся событиям. Вот и теперь я накануне новой попытки. Не знаю, смогу ли довести ее до желанного конца. Мы живем в нелепое время. Из рук валяются самые блестящие идеи. Приходится молчать, когда камни вопиют. Но зато, если мне в ближайшее время удастся выпустить несколько номеров, это будут пламенные номера.

Что касается страшного вопроса русской жизни — еврейского — и страшного и в то же время глупейшего вопроса о «Протоколах», то Вы, быть может, не согласитесь со мной, если не по тем выводам, к которым я прихожу, то по значительности этого вопроса и в прошлом и в настоящем времени.

Я убежден, что еврейский вопрос, неправильно поставленный, нанес освободительному антибольшевистскому движению страшный вред. Глупые «Протоколы», несмотря на свою ничтожность, и в России в Добровольческий период нашей борьбы с большевиками, и [в] Германии, как и в других странах, играли и играют огромную роль. С ними нужна упорная борьба. Вот к этому сводится смысл издания моей книги. Нам прежде всего надо отмежеваться от какой бы то ни было ответственности за них. О прошлом надо сказать правду о том, какое было у нас отношение к «Протоколам»². А для настоящего

---

¹ Газета Бурцева имела двойной заголовок — по-русски и по-французски: *La Cause commune*. Некоторые номера «Общего дела» выходили параллельно на французском языке.

² «Протоколы сионских мудрецов» были переизданы в Москве в 1918 году, затем прибывшие на юг московские антисемиты присяжный поверенный А. Н. Варламов, протоиерей Восторгов и др. перепечатали их в Таганроге. Хотя А. И. Деникин относился к антисемитской пропаганде отрицательно и московские антисемиты не встретили официальной поддержки, «Протоколы» распространялись, а в деятельности деникинского Освага (Осведомительного агентства) антисемиты сыграли видную роль. Позднее крупный донской

времени надо ярко высказать свое отношение к ним как к преступному явлению. Я так жалею, что ген[ерал] Глобачев, сказав правду об отношении Николая II к «Протоколам», старается отказать от своих слов¹. Но я сумею уличить его в том, что он один из укрывателей подлога. Я охотно процитировал в своей книге все, что говорилось раньше о борьбе с «Протоколами», а также охотно оборвал нелепости антисемитов. Надо нам избавиться от этих кандалов. Ими пользуются большевики для борьбы с нами и в России, и за границей.

Я очень жалею, что в моей книге мог сказать недостаточно много о борьбе антибольшевиков с антисемитами и с их «Протоколами». Я обращался с этой просьбой всюду, куда мог.

В настоящее время я подготавливаю перевод моей книги о «Протоколах» на иностранные языки. В этих изданиях для каждого языка в отдельности я смогу добавить в эти издания все, что будет мне прислано ценного. С этой просьбой я прежде всего обращаюсь к Вам, а через Вас ко всем, кто бы мне мог помочь пополнить новое издание моей книги, на иностранных языках.

Я очень рад, что смог сначала выпустить русский текст своей книги, прежде чем буду беседовать с иностранными читателями.

предприниматель и общественный деятель Н.Е. Парамонов, в прошлом издатель «Былого», возглавивший по поручению Деникина Отдел пропаганды, попытался удалить из него бывших сотрудников Освага, но через несколько недель сам был вынужден уйти. (См. подробнее: *Бурцев В.Л.* «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. С. 88–89.)

¹ Генерал К.Н. Глобачев, в прошлом начальник Петербургского охранного отделения, через посредника информировал Бурцева об отношении императора Николая II к «Протоколам». Николай сначала поверил в их подлинность, однако, когда деятели Союза русского народа обратились в МВД за разрешением использовать «Протоколы» для антисемитской пропаганды, П.А. Столыпин все же приказал двум жандармским офицерам (Васильеву и Мартынову) провести расследование об их происхождении. Дознание установило подложность «Протоколов» и имена авторов подделки. На докладе черносотенцев о возможности, несмотря на это, использовать «Протоколы» Николай II якобы писал: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами».

Впоследствии Глобачев напечатал в газете «Возрождение» письмо, в котором в уклончивых выражениях заявил, что никакому агенту сведений об отношении Николая II к «Протоколам» не давал. Бурцев полагал, что Глобачева подтолкнул к публикации письма его брат, сторонник нацистов, обосновавшийся в Берлине (см.: *Бурцев В.Л.* Протоколы сионских мудрецов... С. 106, 138).

Поблагодарю Вас за те теплые слова, которые Вы сказали в Вашей последней речи о моем отношении к разоблачениям провокаторов за границей. Могу Вам констатировать печальный факт. Со времени последнего номера «Общего дела» и со времени моей брошюры «Боритесь с ГПУ!»¹ я не встретил никого, кто бы помог мне в этом деле, хотя бы в денежном отношении. А между прочим, по этому вопросу надо бить в набат и на русском, и на иностранных языках. Нужно этому вопросу уделять столько же места, сколько уделяло «Общее дело» и «Ла Коз Коммюн».

Посмотрите, что делается во Франции по делу Миллера². Кому следует из властей я доставил блестящие сведения: о непосредственных участниках похищения Миллера, большевиках Белецком, Г. (который сбежал), спокойно живущем здесь Любарском, затем о тех, кто служит орудием у большевиков, как Завадские и его целая организация, Савин (только что сегодня мне сказали, что он сбежал в Италию), Ларин (бывший дроздовец, глава возвращенцев), глава бельгийского ГПУ Григорьев, работающий и в Париже среди русских, известный всем писатель Крымов³,

¹ Бурцев В. Л. Боритесь с ГПУ! Париж, 1932.

² Генерал Евгений Карлович Миллер (1867–1939), председатель Русского общевойскового союза, был похищен в Париже 22 сентября 1937 года агентами НКВД и вывезен в Москву. Расстрелян 11 мая 1929 года во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Его похищение было подготовлено советскими агентами бывшим министром Временного правительства С. Н. Третьяковым и генералом, бывшим командиром Корниловского полка Н. В. Скоблиным.

³ Крымов Владимир Пименович (1878–1968) — писатель, автор романов «За миллионами» (Т. 1–3. Берлин, 1933), «Похождения графа Азара» (Париж, 1938) и др. Приятельствовал с А. Н. Толстым и оставил о нем интересные воспоминания «А. Н. Толстой без ретуши» (Мосты. 1962. № 7). Насколько Крымов, как и другие упомянутые Бурцевым лица, был причастен к похищению генерала Миллера, установить не удалось. Борьба Бурцева против советской разведки оказалась значительно менее успешной, чем против охраны. Интересное объяснение этому дала Е. Д. Кускова в письме Бурцеву от 10 августа 1938 года: «...Когда я задавала Вам вопрос, почему так неуспешна деятельность Ваша теперь, когда кругом нас кишат большевистские агенты и в образе гораздо более страшном (часто убийцы и похитители), Вы мне ответили не совсем удовлетворительно. А ведь суть-то была в том, что наш эмигрантский следопыт работал тогда в союзе с предававшими самодержавие чиновниками. Чиновники большевизма строй не предают или боятся его предавать...» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 356. Л. 27). В то же время справедливости ради надо отметить, что Бурцев правильно указывал, что знаменитый «Трест» «проеден» провокацией, а трамплином, при помощи которого провокация перекинулась в эмиграцию, была организация евразийцев.

миллионер, нажившийся на связях с большевиками, кто тесно связан был с Алексеем Толстым, когда тот подготавливал похищение Куприна или сманивал в Россию французского писателя Жид¹, и т. д. Все эти темы требуют не только опубликования, но многократных повторений и смелых формулировок. Надо, чтобы наш негодующий протест слышали не только русские, но и французы, и весь мир. И вот для этой задачи я не могу найти людей, которые помогли хотя бы в денежном отношении. А для этого, конечно, мало тех грошей, которые с неимоверными затруднениями я добываю на некоторые мои издания.

Нужен боевой Национальный комитет, властный, сильный комитет, а не такой, одним из товарищей председателя коего являюсь я.

Когда же будет этот комитет?

Когда же будет положено хоть начало образованию такого комитета? Чтобы Вам была ясна моя мысль, я еще раз пошлю Вам некоторые мои издания.

Политическое положение ужасное. Но начать настоящую нужную борьбу с большевиками мы можем в любое время, когда этого мы захотим.

Итак, нужно, чтоб мы захотели как следует бороться с большевиками.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 230. Л. 26–27 об. Машинопись. Копия.

---

¹ Французский писатель Андре Жид (1869–1947) посетил СССР в 1936 году, однако его вышедший в том же году очерк о поездке («Возвращение в СССР») был довольно критическим. В 1937 году он издал еще более критические дополнения к очерку.

«КОММУНИСТОВ БЕЙ ТЫ ВРАЗ!»

*Братство Русской Правды — последний литературный проект
С. А. Соколова-Кречетова¹*

Братский наш такой наказ:
Коммунистов бей ты враз!
Бей обрезом, бей колом,
Бей крестьянским топором!
(Русская Правда. 1931. № 67)

После поражения Белого движения терроризм, наряду с «повстанчеством», представлялся многим не желавшим складывать оружие эмигрантам весьма перспективным средством борьбы против советской власти.

По сравнению с числом призывов к истреблению большевиков и в особенности их верхушки реальные достижения белых террористов оказались на удивление невелики: убийства советских дипломатов В. В. Воровского и П. Л. Войкова террористами-одиночками, взрыв партийного клуба на Мойке в Ленинграде в июне 1927 года боевиками организации А. П. Кутепова да несколько неудачных попыток, предпринятых в основном теми же кутеповцами.

Деятельность советских спецслужб по защите своих вождей, так же как их операции против эмигрантских «активистов» в Европе, оказались значительно более эффективными: достаточно вспомнить похищения в Париже руководителей Русского общевосточного союза генералов Кутепова в январе 1930 года и Е. К. Миллера в сентябре 1937-го. Последний был даже вывезен в Москву, где содержался почти два года на Лубянке под именем Иванова, после чего был расстрелян по приговору «тройки» НКВД.

---

¹ Будницкий О. В. Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 114–143.

Гораздо более значительный след антибольшевистский терроризм оставил в эмигрантской литературе. Несомненно, самым ярким памятником «террористической мысли» в русской зарубежной печати был журнал «Русская Правда», выходивший в 1923–1933 годах. «Русская Правда» была органом Братства Русской Правды (далее — БРП), единственной в своем роде террористической организации. В немногочисленной литературе вопроса деятельность БРП оценивается по-разному: Д. И. Зубарев считает организацию «вполне реальной (хотя, конечно, она о себе воображала больше, чем было на самом деле)»¹. Ближе к истине, на наш взгляд, был покойный А. И. Добкин, полагавший, что «эмигрантское руководство БРП пыталось представить стихийную активность белорусских национальных отрядов (так называемых „Дружин Зеленого Дуба“) и остатков организаций Савинкова и Булак-Балаховича как направляемую из единого центра в Берлине, а когда эта активность была подавлена ОГПУ — занялось прямой фальсификацией»².

Обоих исследователей поражало, как при явных преувеличениях и несообразностях, содержащихся в информации о деятельности Братства, Брату № 1 (а все члены строго законспирированной БРП носили порядковые номера), редактору и основному автору «Русской Правды» С. А. Соколову-Кречетову удавалось заручиться поддержкой известных эмигрантских политиков и общественных деятелей и получать на протяжении десяти лет довольно приличное финансирование из различных источников. Многие участники предприятий Соколова были склонны задним числом объяснять его фантастические построения болезнью — опухолью мозга. Этим же А. В. Амфитеатров (чью интерпретацию событий Добкин считал самой продуктивной)

---

¹ Зубарев Д. И. Красная чума и белый терроризм (1918–1940) // Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С. 166. Вполне реальной считает организацию П. Н. Базанов, хотя признает, что руководители организации «в целях саморекламы... сильно завышали число своих сторонников в СССР и количество совершенных ими акций» (Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 115).

² Добкин А. И. С. А. Соколов-Кречетов: От «Золотого Руна» к «Русской Правде» // In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 93.

объяснял и маниакально фантастическую убедительность Соколова, «которая заставляла верить ему нас, морочимых, вопреки возникавшим сомнениям». «Совершенно ясно выявляется, что во главе БРП много лет стоял и судьбами его руководил психопат, одержимый лукавейшим недугом — *fobie raisonnante*. [...] резонирующий маньяк — прежде всех других — убеждает в реальности своей мысли самого себя, и отсюда истекает изумительно твердая последовательность его „перманентных“ галлюцинаций и его способность к их псевдологическому развитию»¹.

Объяснение удобное, но малоубедительное. Трудно предположить, во-первых, что Соколов жил с опухолью мозга столь длительное время, во-вторых, его деятельность и многочисленные письма (один Амфитеатров получил их около двухсот) свидетельствуют скорее о полной нормальности их автора.

Братство Русской Правды, на мой взгляд, на самом деле было одним из наиболее успешных (учитывая необычные условия) и длительных литературных проектов издателя «Стихов о Прекрасной Даме». Что мы и попытаемся показать, опираясь в значительной степени на новые архивные материалы.

Сергей Алексеевич Соколов (литературный псевдоним Сергей Кречетов) (1878–1936) в особом представлении не нуждается. Поэт-символист «второго ряда», основатель и владелец издательства «Гриф», один из основателей журнала «Золотое руно», издатель «Стихов о Прекрасной Даме» Блока², книг Бальмонта, Андрея Белого, Сологуба, Ходасевича, Иннокентия Анненского, Волошина...³

В литературе почти не обращалось внимания на деловую сметку и хватку Соколова. Юрист по образованию, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты, за несколько лет до начала Первой мировой войны он оставил адвокатуру и «избрал себе деятельность по проведению железнодорожных

¹ Письмо А. В. Амфитеатрова П. Н. Краснову от 1 февраля 1937 года цитируется по: Добкин А. И. С. А. Соколов-Кречетов. С. 98–99.

² Об отношениях Блока с Соколовым см.: Переписка Блока с С. А. Соколовым / Пред., публ. и коммент. К. Н. Суворовой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 527–551.

³ Подробнее о нем см.: Лавров А. В. Русские писатели. Биографический словарь. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 149–151.

концессий и постройке новых железных дорог. Состоял секретарем и участником различных банковских синдикатов и учредительских групп по разным железнодорожным проектам. Перед войной был директором правления Копорской железной дороги». К тому же Соколов управлял принадлежавшим ему совместно с братом имением Малаховка по Казанской железной дороге¹.

«Имел дар, — свидетельствовал Андрей Белый, — был — делец, достающий деньги для издательства и перекидывающий с руки на руку, точно брелоки, журналы: „Искусство“, „Руно“, „Перевал“ — были сфабрикованы им, как и издательство „Гриф“; и — провалены им, как и „Гриф“»². Относительно провала «Грифа» Андрей Белый, относившийся к Соколову весьма недружелюбно, явно преувеличил: издательство достаточно успешно работало с 1903 года до начала Первой мировой войны (формально прекратило свою деятельность в 1915 году).

Когда началась война, Соколов, прапорщик запаса полевой легкой артиллерии, несмотря на освобождение от службы, которое ему давала должность директора железной дороги, пошел на фронт добровольцем. Он принимал участие в боях в Восточной Пруссии; был произведен в поручики, награжден орденами св. Анны «за храбрость» и Станислава 3-й степени. В трагическом для русской армии сражении в Августовских лесах был ранен в голову, попал в плен, где находился три с половиной года. В августе 1918 года вернулся в Москву, откуда пробрался на Юг, в Крым. Состоял одно время секретарем правления Таврического банка в Ялте. Затем перебрался в Ростов-на-Дону. С весны 1919-го по март 1920 года Соколов служил в Отделе пропаганды Вооруженных сил Юга России, в котором заведовал Литературно-политическим пресс-бюро; опубликовал за это время полсотни антибольшевистских статей, редактировал, совместно с Е. Е. Лансере, единственный литературно-художественный журнал, выходивший на территории, контролируемой белыми, — «Орфей»³.

¹ Автобиография С. А. Кречетова (Соколова). 2 июля 1932 // Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде). Stanford, 1995. С. 116.

² Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 256.

³ Автобиография С. А. Кречетова (Соколова). С. 116–117.

Тогда же Соколов написал в простонародном стиле несколько агитационных антибольшевистских брошюр, пользовавшихся, по его словам, популярностью и несколько раз переиздававшихся. Приведем образец его агитационного творчества этого времени, фрагмент брошюры «Обманутым братьям в красные окопы»:

Напугали мы крепко ленинскую свору.
Ей русский дух хуже всякого мору.
Знают, что ждет их веревка за проклятое дело, —
Чует кошка, чье мясо съела!
Заметались большевистские баре,
Нехристи-комиссары,
Что привыкли обирать народ до последнего рублика.
Загаддели: «спасайте Советскую Республику».
Вот и спасают воровскую свою махинацию;
Объявили всеобщую мобилизацию:
«Добром не хочешь, силой возьмем,
Плетью — так плетью, штыком — так штыком.
Ступай-ка, мужицкая темная рать,
За Лейбу Троцкого помирать,
За красное знамя!
Вперед, товарищи! А мы за вами».
Хороши товарищи, нечего сказать!
Они пьют да грабят, а вам умирать.
Эх, братья-крестьяне, раскиньте мозгами,
Кто вас ведет и **кто** правит вами?
Кто вас так скрутил, что ложись да помри?
И **откуда** взялись ваши новые цари?¹

Далее Соколов писал о том, что большевики насланы Германией, и намекал на «иностранческий» характер русской революции, упоминая латышей и китайцев; налицо был и традиционный «Лейба» Троцкий, хотя Ленину досталось гораздо больше. Соколов рассчитывал воздействовать на религиозные чувства красноармейцев:

Кто они, судите по тому примеру,
Что они гонят Христову веру;

¹ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–1 об.

Ту веру, в которой наши деды рождались.
Которой святые угодники спасались;
Ту веру, в которой защиту и покров
Находили мы, русские, во веки веков.
Задумали, окаянные, ни мало ни много,
Отнявши свободу, отнять и Бога.
Только стой!
Руки долой!
От Вас мы видали разные виды,
Но этой последней обиды
Ни от кого не снесет
Крещеный народ.
Подходит грозное время!
Пол-России уже сбросило бремя
Большевистского стада, что люд трудовой угнетало.
Пол-России восстало!¹

«Крещеный народ», однако же, снес все, а Соколов весной 1920 года через Константинополь уехал в Париж. Заметим, что его стихотворные агитационные брошюры времен Освага явились прямыми предшественницами «Русской Правды».

В Париже Соколов устроился вполне неплохо; около года он состоял «негласным доверенным политическим корреспондентом Главнокомандования (ген. Врангеля), сообщая туда доклады о парижских настроениях и кознях против Русской армии. Одновременно год с лишним состоял секретарем правления „Русско-Французского акционерного общества“, созданного на средства Главнокомандования в виде *частного* предприятия для снабжения Армии и населения Крыма»².

Весной 1922 года Соколов перебрался в Берлин, где стал директором основанного на средства герцога Г. Н. Лейхтенбергского издательства «Медный всадник». По-видимому, тогда же, летом 1922 года, было учреждено БРП; его отцами-основателями были Соколов, герцог Лейхтенбергский и генерал П. Н. Краснов. Первые два года, по словам Соколова, «оно было лишь чисто пропагандным начинанием на Россию, ведомым очень

¹ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 64. Л. 3 об. — 4.

² Автобиография С. А. Кречетова. С. 118.

небольшой группой, где на одних ложилась литерат[урная] часть, на других — техника распространения¹. В той фазе это дело, ведомое на месте его выполнения автономно, финансировалось из высших „белых“ наших источников². Высшие источники — означало Врангель.

Впоследствии Краснов издал несколько своих романов в «Медном всаднике». Соколов, называя герцога Лейхтенбергского и Краснова своими друзьями, видимо, не преувеличивал.

Два года спустя финансирование «Русской Правды» было Врангелем прекращено «за сокращением бюджета». К тому времени, то есть к лету 1924 года, у Врангеля кончились деньги, вырученные от продажи закладов Петроградской ссудной (серебряной) казны, ему не на что было содержать остатки вывезенной некогда из Крыма Русской армии, и неудивительно, что ассигнования на «Русскую Правду» были прекращены. Четыре месяца спустя «в дело вступила новая группа, взявшая его в руки и поставившая себе целью из чисто пропагандного журнала РП развернуть из накопившегося людского „сочувственного“ материала уже настоящую организацию не только с пропагандными, но и с активистскими целями»³.

Финансировали дело поначалу все тот же герцог Лейхтенбергский и крупный донской предприниматель, некогда основавший знаменитое демократическое издательство «Донская речь», а в 1919 году недолгое время возглавлявший деникинский Отдел пропаганды, Н.Е. Парамонов. Парамонов, лишившийся почти всего состояния — ведь не заберешь же с собой

¹ Об этих «других», точнее, другом — известном авантюристе В.Г. Орлове см.: *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 152–153 (примеч. к публикации переписки А.В. Амфитеатрова и Б.В. Савинкова, подготовленной Э. Гарэтто, А.И. Добкиным и Д.И. Зубаревым); о роли Орлова в БРП см.: *Добкин А.И. С.А. Соколов-Кречетов*. С. 92, 95.

² Брат № 1 — Ю.Ф. Семенову. 31 октября 1927 // НІА. Boris Nicolaevsky Collection. 19–3. В литературе обычно указывается 1921 год в качестве даты основания Братства. В данном случае дата, называемая Соколовым, представляется более вероятной, не только потому, что он-то и был одним из основателей: как мы увидим далее, приводимые им сведения далеко не всегда бывали достоверны. Во-первых, в данном случае Соколову незачем было придумывать, во-вторых, логично предположить, что Братство было основано в Германии, где летом 1922 года оказались трое друзей.

³ Брат № 1 — Ю.Ф. Семенову. 31 октября 1927.

антрацитовые рудники, — проведя год в Константинополе, приехал в Германию в расчете получить деньги, переведенные германским фирмам в качестве задатка за шахтное оборудование. Мнение о немецкой обязательности оказалось сильно преувеличенным, и надежда поправить свои дела таким способом не оправдалась. Зато сметливый казак точно предугадал бурное развитие автотранспорта, прикупил несколько пустырей в Берлине, — что в условиях германской гиперинфляции было совсем недорого — и построил на них гаражи и автозаправочные станции. А позднее на приобретенных вовремя участках — и квартирные доходные дома¹.

* * *

Несомненно, центральной тактической идеей Братства был терроризм, а средством пропаганды — антисемитизм.

В статье «!Да здравствует Русский террор!», название которой было с двух сторон обрамлено восклицательными знаками, разъяснялось, почему «власть чужаков, инородцев и евреев поганит по-прежнему своим зловонным присутствием священный Московский Кремль»: «Причина — простая! От того, что бьют не по лошади, а по оглоблям, не по комиссарской „головке“, а по комиссарскому третьему сорту».

«Можно продолжать выбивать сотни и тысячи мелких комиссаров, но дело спасения России не подвинется вперед ни на шаг, пока на верхах будет сидеть сплоченная шайка Совнаркома и Третьего Интернационала, те сливки компартии, о которых евреи во всех странах говорят с гордостью, что это „драгоценный мозг еврейства“».

Русский народ призывался плюнуть на коммунистическую мелочь, а бить крупных комиссаров. «Не гонись за красной плотвой, прицеливай острогу в красную щуку!»

«Разве не позор и не стыд для нас Русских, что всероссийский палач и главный чекист, польский еврей Дзержинский погиб не от Русской руки, а подох, отравленный своими же

---

¹ Подробнее о Н.Е. Парамонове см. в настоящем издании: Дело Парамоновых (От Ростова до Лос-Анджелеса).

товарищами-комиссарами в борьбе за власть и за дележку краденых Русских богатств?»¹

«Бей змею в голову!» — призывала передовая статья следующего номера². Для доходчивости использовались и животные, и рыбы, и пресмыкающиеся. «Бей по черепу Коминтерна! Бей по Комиссарским верхам!»³

«Не к еврейскому погрому зовем, а к погрому Еврейской власти!» — разъяснялось в последнем номере за 1926 год. Правда, в одноименной статье в основном рассказывалось о том, как и почему евреи придумали социализм и что «на самом деле Советская власть есть Еврейская власть». Более того, автор, все тот же Соколов-Кречетов, утверждал, что еврейская власть хочет сделать из России «нечто вроде Новой Палестины». Доказательство было весьма любопытным: «И разве не подтверждает это лучше всяких слов то гонение, которому Советская власть подвергает проповедников Сионизма, естественного и честного стремления лучшей части Еврейства сосредоточить все силы для заселения своей истинной древней Родины, старой Палестины?»

«Однако, нельзя всех Евреев, как и всех прочих людей, мерить одной меркой. Есть и евреи хорошие, есть и Русские подлецы. Разве что у евреев подлецов больше. Еврейский народ имеет право, как и все жить на свете. Может он жить и в России. Только мы, Русские, решительно хотим, чтобы он знал свое место. Всяк сверчок знай свой шесток»⁴.

Памятуя, вероятно, что «повторение — мать учения», Соколов поместил через номер вариацию на ту же тему. На сей раз статья называлась «Страшная правда», а речь в ней шла все о том же, и использовались почти такие же обороты, разве что были добавлены пассажи о всемирном еврейском заговоре: «Обманывать себя нечего. За всем тем, что делается в России, кроется общий еврейский план, и организованное мировое Еврейство сочувствует этому плану, считая Советскую власть близкою и родною»⁵.

¹ Русская Правда. 1926. Июль–август. С. 1–3.

² Русская Правда. 1926. Сентябрь–октябрь. С. 1.

³ Там же.

⁴ Русская Правда. 1926. Ноябрь–декабрь. С. 6–8.

⁵ Русская Правда. 1927. Март–апрель. С. 11.

В статье «Как народу спасти Россию? (Братское слово ко всем народам России)» излагался «Братский план» спасения. Спасение мог принести «повсеместный народный террор»:

«Бей комиссаров и комиссарчиков. Чем крупнее красная птица, тем лучше. Помни братский завет: — „Бей змею в голову“. Но помни и другой Братский завет: — „Бей змею, да не пропускай и змеенышей!“ Вспомни, как в старые годы враги России учили тебя действовать против Русской исконной христианской Царской власти. Вспомни, как тогда революционеры били на выбор Царских чинов, от губернаторов и министров до простого околоточного или урядника, а то и до простого городского. Действуй по тому же способу и ты. Поверни старое учение против слуг Антихристовой власти. Проку от нее для народа не получилось, пускай хоть учење ее пригодится. Бей, однако, с разбором. На местах каждый известен, кто чего стоит. Не за то бей, что он Красной власти служит. Это дело подневольное. А того бей, что за красную власть стоит и будет ее отстаивать грудью. В первую голову бей агентов и чинов ГПУ. Помни: — на Чеке весь красный режим держится. Дурную траву из поля вон! Не разбирайся много, кто Русский, кто еврей, кто еще какой инородец. У Советской власти мозг еврейский, а между тем иной Русский христопродавец ей получше всякого еврея служит. Надо сделать так, чтобы у коммунистов под ногами земля горела. Надо сделать, чтобы быть коммунистом стало опасно и страшно. Надо сделать, чтоб никому не было расчета примазываться к партии»¹.

Характерно, что вспомнить методы борьбы, практиковавшиеся русскими революционерами, призывали не только такие последовательные сторонники терроризма, как В. Л. Бурцев², но и деятели, некогда осуждавшие его с трибуны Государственной думы, вроде лидера почившей в бозе партии октябристов А. И. Гучкова. «Я не знаю, глубокоуважаемый Борис Александрович, — писал он бывшему российскому послу в Вашингтоне

¹ Русская Правда: Голос вольной русской национальной мысли. 1928. Январь-февраль // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 300–18.

² Подробнее об этом enfant terrible терроризма см. в главе «Владимир Бурцев и его корреспонденты» в наст. издании и в кн.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000 (по ук.).

Бахметеву вскоре после убийства в Женеве советского дипломата В. В. Воровского Морицем Конради, — как Вы относитесь к вопросам террора в той борьбе, которую мы ведем с большевиками? У меня выработался определенный взгляд: я — определенный сторонник террора внутри России и столь же определенный противник его вне России». Впрочем, Гучков в любом случае считал необходимым использовать «случай Конради» для разоблачения преступлений большевиков¹; защита на процессе убийцы Воровского сумела добиться оправдания террориста.

Вдохновенные строки посвятила «Братьям-террористам» харбинская поэтесса Марианна Колосова, чье стихотворение «Два слова» было опубликовано в одном из выпусков «Русской Правды»:

Граната и пуля — закон террориста.
Наш суд беспощаден и скор.
Есть только два слова: — «убей коммуниста»
За Русскую боль и позор.
[...]
Граната и пуля — закон террориста!
Мы сами решаем свой час.
Во взорах отвага, как солнце, лучиста.
И души, как пламя, у нас.
«Убей коммуниста!» Свершились два слова.
За ними блистанье и гул...
И *Русский* террор беспощадно сурово
В лицо комиссарам взглянул.

Одним из самых пикантных практических советов по истреблению супостатов был следующий: «Сделай лук потуже, а к нему стрелы с наконечниками из разогнутого рыболовного крючка. Смажь наконечник стрихнином либо салом с тараканым ядом. Подстреливай в сумерках из-за угла коммунистов»².

Между тем «общерусские лозунги», выдвинутые Братством, были в основном разумны и рассчитаны скорее на достаточно образованных людей, чем на воображаемое существо, подстерегающее коммунистов за углом с луком наготове.

¹ А. И. Гучков — Б. А. Бахметеву. 20 июня 1923 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Bakhmeteff Collection. Box 3.

² Цит. по: *Зубарев Д. И.* Красная чума и белый терроризм (1918–1940). С. 165.

После ритуальных 1) Первенства и свободы Православной Веры и 2) Охраны Русского быта следовали положения, под которыми могли в принципе подписаться многие деятели либерально-демократической ориентации (во всяком случае среди эмигрантов):

3. Равенство всех граждан перед законом. 4. Частная собственность, как основа всей жизни страны. 5. Свобода частной торговли и промышленности. 6. Классовый мир и дружное сотрудничество классов при полной охране прав и интересов трудового народа. 7. Беспартийный суд и ясный, беспристрастный закон. [...]. 9. Закрепление за крестьянством в полную и наследственную собственность всех земель, полученных во время революции. [...]. 12. Всероссийский Национальный Земский Собор для решения окончательного устройства правления, после установления порядка в России и без допуска коммунистов¹.

Позднее, уже после краха БРП, точнее, после добровольно-вынужденной отставки Брата № 1, Н.Е. Парамонов писал В.Л. Бурцеву, что Соколов, «человек честный и преданный делу», всегда представлялся ему «чересчур бумажным». «Не было связи с людьми, работающими на месте... Мало задавалось на места реальной работы, была уверенность, что людей *долгое время* (выделено Парамоновым) можно кормить только хорошей литературой, не давая сильных возбуждающих средств»².

Соколов-то как раз отлично понимал, что только под «хорошую литературу» длительное время получать финансирование трудно. И если «реальной работы» нет, то ее следует изобрести. Тем более что проверить происходящее в советском зазеркалье было крайне трудно.

По версии Соколова, изложенной им в письме к редактору «Возрождения», на второй стадии существования журнала

немногочисленная группа активистов сложила из себя Верх[овный] Круг, причем почти все из прежних участников отошли от дела... Члены В. Кр., ведя дело сообща, однако в частности распределили между собою

¹ Русская правда. 1927. Ноябрь–декабрь. С. 1.

² Н.Е. Парамонов — В.Л. Бурцеву. 10 ноября 1932 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 151–19.

его разные стороны: — одни занялись литерат. частью, другие — организационно-боевой. С началом этой второй фазы РП стала БРП, то есть воистину организацией, вылитой в стройную систему разных «ярусов» Братства, имеющих определенную «конституцию» и связанных присягой своему Центру, Верх. Кругу, особенно законспирированному даже от громадного большинства прочих Братьев. В этом своем новом виде БРП ширилась и ширится эти годы, оцепляя Триэсер своими Отделами и глубоко проникая в его пределы, причем это развитие все время одухотворялось журналом РП как органом БРП и другой литературой Братства. В порядке проникновения в Россию завязались у нас и связи с разными повстанческими организациями и пошло влитие таковых в наше Братство и под наши лозунги. Среди прочих вошли в наш состав и отряды «Зеленого Дуба» (их область действия — Белоруссия и Псковский и Смоленск. край), уже много лет ведущие там борьбу с большевиками. Этот процесс «влития» в БРП «тамошних» активных элементов продолжается и по сию пору. Вот что такое БРП в данное время¹.

В 1926 году, а в особенности в 1927-м, на страницах «Русской Правды» появляются рассказы о подвигах «братчиков» в Советской России. Чтобы не понять, что «Русская бывальщина (из жизни повстанческих отрядов „Зеленого Дуба“)» атамана Дергача², так же как рассказы о подвигах «братчиков», печатавшиеся в разделе «В Советской России», — откровенная клюква, надо было совсем уж не иметь ни элементарного литературного вкуса, ни здравого смысла. Приведем некоторые выдержки из хроник, печатавшихся в РП:

По всей России гуляют повстанческие отряды, уничтожая и вырезывая ответственных коммунистов и чекистов. Все губернии Западной России сплошь охвачены повстанчеством. Там орудуют Боевые Дружины нашего Братства Русской Правды, руководимые нашим боевым «Западно-Русским Центром».

Далее сообщалось об успешных боях с отрядами чекистов, взрывах складов с боеприпасами и т. п.

¹ Брат № 1 — Ю. Ф. Семенову. 31 октября 1927.

² Русская правда. 1927. Сентябрь–октябрь. С. 9–10.

Между Гомелем и Новозыбковым одна из наших Братских Дружин захватила поезд, в котором находились ответственные коммунисты Гомельского Округа. Трое чинов ГПУ были расстреляны на месте, а пятнадцать человек видных советских работников уведены в качестве заложников. Вскоре после этого во время стычки между красными и одной из наших Дружин в руки красных попали два начальника Дружины, Алексей Грушницкий и Николай Абрамов. Они были доставлены в Минск и расстреляны по приказу Минского ГПУ, *отказавшись выдать под пытками тайну нашего Братства* (курсив мой. — О. Б.)¹.

Это не Аркадий Гайдар. Это Сергей Кречетов.

Впрочем, «доблестные Братья, рабы Божии Алексей и Николай» были тут же отомщены — в ответ на их казнь упоминавшиеся выше пятнадцать красных заложников, по сообщению РП, были расстреляны.

По всей России от руки Русских мстителей падают ненавидимые народом комиссары... В Москве, в Кремлевской красной «головке» паника и растерянность под влиянием совершаемых один за другим террористических актов над крупными «товарищами»... Пора кончать, братья Русские! Пора кончать с чужеродной властью! Бей змею в голову всюду, где ни встретишь².

Дальше — больше:

От Петербургской губернии до Западной Украины, от Балтийского моря до Черного работают наши Братские Боевые Дружины, объединяемые «Западно-Русским Боевым Центром» с Главным Атаманом Братом № 72 во главе. Повсеместными лихими налетами они захватывают населенные пункты, уничтожают отряды ГПУ, жгут тюрьмы и здания Чеки, обезоруживают красные гарнизоны, взрывают мосты и склады военных припасов и быстрым своим судом расправляются с чекистами и ненавидимыми народом Комиссарами.

Под Крайском «наша 3-ья Братская Дружина три дня билась с высланным из Минска конным отрядом ГПУ и, отбив

¹ В Советской России // Русская Правда. 1927. Май–июнь. С. 14.

² Там же. С. 15–16.

его, ушла в леса... 3 августа Братьями РП сожжено здание Совнархоза в Минске». В Борисове вслед за неудачной попыткой их освободить были расстреляны, «после тяжелых пыток», во дворе тюрьмы ГПУ Братья полковник Николай Седлецкий, Лаврентий Рутковский и Николай Сергеев.

В ответ на это под Борисовым Особой Братской группой были выслежены, захвачены и повешены три чекиста, исполнители расстрела помянутых Братьев. На груди казненных приколоты записки: «Казнены Братством РП за участие в расстреле Братьев Седлецкого, Рутковского и Сергеева». По всей Белоруссии гремит имя начальника нашей 9-й Братской дружины, атамана Клима, недавнего красного офицера, выдающегося своими отчаянно смелыми набегами и крутыми расправами с комиссарами и чекистами. 18 июля атаман Клим в районе Слуцка наголову разбил высланный противи него отряд ГПУ под начальством члена Слуцкой ГПУ Грюнберга. Сам Грюнберг повешен...¹

Далее рассказывалось о подвигах братских дружин № 1, 16, 2, 7, 8, 13. Братчики пачками расстреливали чекистов и прочих коммунистов (по сообщению РП, почему-то по 25 человек). Дружины, правда, также несли потери. Действовали они преимущественно в Белоруссии, но их активность распространялась уже и на Украину, а отдельные террористические группы совершали подвиги и в столицах, и в Средней Азии, и на Кавказе...

Особая Северная Братская Террористическая Группа 24 июля взорвала в Петербурге адскую машину в помещении, где было коммунистическое собрание. Убитых и раненых около 100 человек². Красные

¹ В Советской России // Русская Правда. 1927. Июль–август. С. 14.

² В данном случае Соколов приписал мифической Северной Братской террористической группе реальный теракт, осуществленный членами Боевой организации генерала А.П. Кутепова во главе с капитаном В.А. Ларионовым. Они пробрались в СССР с территории Финляндии и 7 июня 1927 года бросили две гранаты (одна не взорвалась) в зал партийного клуба на Мойке в Ленинграде, где в это время проходила лекция философа М.Л. Ширвиндта «Американский неореализм». На лекции присутствовали преподаватели и студенты коммунистических вузов. Это были «мелкие сошки», и здание практически не охранялось. Террористы записались на проходной в качестве участников собрания с указанием номеров партбилетов! В результате теракта

власти скрывают этот случай... Наши Братья в Москве заложили адскую машину в Кремле, к сожалению раньше времени случайно найденную подметальщиком. Другой раз, Бог даст, не сорвется... В Асхабаде нашими братьями, благополучно скрывшимися, убит начальник местного отдела ГПУ... Нет возможности и нет места перечислить все случаи, когда красные комиссары падают от руки Русских мстителей. Это происходит каждый день и каждый час в различных концах России. Наша литература (наш журнал «Русская Правда» и наши многочисленные различные летучки, воззвания, плакаты и памятки) гуляет по всей России широкой волной, передаваемая тысячами рук, заходя и в хату крестьянина, и в тесную комнату рабочего, и в казарму красноармейца. Наш завет «Бей змею в голову всюду, где ее ни встретишь» крепко усваивается народом¹.

Здесь же предлагалось и удобное объяснение тому, что о подвигах «братчиков» не поступало из СССР никакой иной информации, нежели собственные сообщения БРП: «По приказанию из Кремля красные газеты всячески замалчивают то, что творится в России, стараясь скрыть от глаз Европы вскипающую волну повстанчества и народного ответного террора. Замалчивают и имя нашего Братства, опасаясь увеличить его популярность»².

Рассказы о подвигах «братчиков» на страницах «Русской Правды», журнальчика в эмиграции все-таки почти не читаемого, возможно, не вызвали бы большого резонанса, если бы не появление сводок БРП на страницах белградского «Нового Времени» и публикация в августе 1927 года в «Возрождении», второй по популярности газете Русского зарубежья, записок атамана Кречета, птицы из «стаи» Дергачей, Климов и прочих соколовских робингутов. Похоже, в последнем случае «Гриф»-Кречетов решил немного поиграть с публикой.

Казалось бы, столь откровенная утка, правильно квалифицированная одними политиками как фальсификация, а дру-

---

были ранены 26 человек, 14 из которых тяжело; был также убит пытавшийся задержать террористов научный работник Ямпольский. См.: *Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928; Ларионов В. Боевая вылазка в СССР. Париж, 1931.*

¹ В Советской России. С. 15, 16.

² Там же. С. 16.

гими — в частности генералом Врангелем сочтенная поначалу большевистской провокацией¹, должна была поставить крест на репутации БРП. Однако не было бы счастья, да несчастье помогло. Главной сенсацией весны и лета 1927 года в эмиграции было разоблачение крупнейшей провокации ГПУ — якобы антибольшевистской подпольной организации «Трест» в России. Эмиграция, как выяснилось, была «проедена» провокацией, и даже вселявшая надежду на перерождение большевизма изнутри книга В. В. Шульгина «Три столицы» оказалась написанной «под диктовку» чекистов, да и сама его поездка в Россию, как стало теперь очевидным, была организована и контролировалась советскими спецслужбами².

На фоне афронта, постигшего руководителя боевой работы при великом князе Николае Николаевиче генерала А. П. Кутепова, деятельность которого, как оказалось, освещалась агентурой Москвы, БРП, делавшее ставку не на засылку эмиссаров из-за границы, а на местные силы, выглядело гораздо привлекательнее в глазах некоторых непримиримых борцов с большевизмом. Взрыв в партийном клубе на Мойке в Ленинграде, осуществленный боевиками Кутепова, не мог полностью восстановить его репутацию, тем более что вслед за этим успехом последовал ряд провалов и гибель нескольких групп террористов в перестрелках с чекистами.

Тем не менее доверие и поддержка — моральная и материальная, полная или частичная, — оказанная БРП, то есть Соколову, некоторыми видными деятелями эмиграции, кажется почти невероятной. Публично в поддержку БРП высказались митрополит Антоний (Храповицкий), генералы П. Н. Краснов и Д. Л. Хорват, странно выглядевший в подобной компании В. Л. Бурцев, лидер правых кругов русской эмиграции в Югославии С. Н. Палеолог, литератор А. В. Амфитеатров, «полупризнал» в конечном счете БРП генерал П. Н. Врангель. Попытаемся разобраться в причинах этого.

¹ Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003. С. 233–234, 277–284.

² О реакции эмигрантской печати на разоблачение «Треста» см.: Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать.

Во-первых, Соколов, по-видимому, действительно обладал даром убеждения и умением импонировать слушателям и собеседникам. И дело было не в «гипнотической» убедительности, свойственной маньякам, как писал задним числом Амфитеатров. Прислушаемся к весьма недоброжелательно настроенному по отношению к Соколову Андрею Белому, нарисовавшему «портрет» молодого Сергея Кречетова:

Красавец мужчина, похожий на сокола, «жгучий» брюнет, перекручивал «жгучий» он усик; как вороново крыло — цвет волос; глаза — «черные очи»; сюртук — черный, с лоском; манжеты такие, что-о! Он пенсне дьяволически скидывал с правильно-хищного носа: с поморцем брезгливых бровей; бас — дьяконский, бархатный: черт побери — адвокат! Его слово — бабац; прямо цель! Окна вдребезги! [...] С эстрады — как кричат; а в кресле домашнем своем — само «добродушие» и «прямодушие», режущее «правду-матку»; не слишком ли? Бывало, он так «переправдит», что просто не знаешь, кидаться ли в объятия и благодарить иль грубо оборвать...¹

В пользу Соколова говорила и его биография: офицер-доброволец, отправившийся на фронт несмотря на освобождение от службы по должности, раненный, награжденный орденами, участник Белого движения и верный сотрудник Врангеля, непримиримый противник большевизма. Наконец, это был человек своего круга — с ним тесно сотрудничали, ему доверяли и, по-видимому, дружили герцог Лейхтенбергский и генерал Краснов; заметим, что в «Медном всаднике» издавался альманах «Белое дело», редактировавшийся еще одним близким сотрудником и корреспондентом Врангеля — генералом А. А. фон Лампе.

Шумная кампания, проводившаяся Соколовым-Кречетовым в печати, а также полемика между скептиками и теми, кто был склонен доверять сообщениям о «братской» борьбе с большевиками, привлекли внимание Врангеля, который писал секретарю великого князя Николая Николаевича генералу П. К. Кондзеровскому:

¹ Андрей Белый. Начало века. С. 255–256.

В последнее время в печати появились в большом количестве «сводки» о деятельности «Братства Русской Правды», причем во многих местах и в некоторых органах печати производятся сборы в пользу отрядов Братства. Из этих сводок, корреспонденций и объявлений в газетах о гибели членов Братства во время совершения того или иного террористического акта, с приглашением помолиться о погибших, видно, что «Братство Русской Правды» имеет свои отделы как в России, так и за рубежом ее, а руководящий центр его находится за пределами России.

В связи с этим ко мне поступают многочисленные запросы от воинских организаций и от отдельных чинов РОВСа о том, как надо относиться к деятельности сего Братства со ссылкой на то, что по некоторым данным и распространяемым агентами Братства сведениям о деятельности Братства осведомлен Его Императорское Высочество Верховный Главнокомандующий¹.

Врангель просил разъяснить дело, ибо не имел сведений ни о деятельности, ни о сущности БРП. Получив сообщение, что в штаб-квартире великого князя к БРП относятся благожелательно (еще бы! В это время при великом князе среди прочих состоял перебравшийся во Францию Краснов!), Врангель, не больно доверявший окружению Николая Николаевича, продолжал запрашивать об этой организации своих доверенных лиц и обсуждать со своими соратниками возможности сотрудничества с Братством.

Генерал А. А. фон Лампе писал Главнокомандующему из Берлина:

У меня был редактор «Русской Правды». Он взволнован дошедшими до него сведениями о том, что Вы якобы считаете «Атамана Кречета» (о «Дергаче» речи не было!) — мифом и его собственным изобретением. Он приводит ряд доказательств существования значительного ряда ячеек на периферии, он приводит длинный ряд доказательств существования организаций Кречета, Дергача и иных.

Он вновь, как я Вам докладывал весной, стремится во всем ориентировать Вас, конечно не привязывая и не солидаризируя явно своей деятельности с Вами.

---

¹ НИА. Vranghel. 147–34. Л. 457–458.

Я лично стою по-прежнему на моей точке зрения, которая в полной мере считается с возможностью существования этой организации и потому считаю, как я докладывал Вам и писал Павлу Николаевичу [Шатилову], что ее необходимо проверить всеми доступными мерами.

С Александром Павловичем [Кутеповым], который когда-то прикрыв «Русскую правду», теперь старается тем или иным способом за-брать ее под себя — она ничего общего не имеет.

Между прочим Шуань¹ (несомненно через ген. Краснова, близкого к редактору), запрашивало о том, принимаю ли я какое-либо участие в работе «Братства Русской Правды» и, конечно, получило отрицательный ответ.

Я весьма одобрил решение редактора воспользоваться имеющейся у него возможностью проехать в Бельгию, чтобы лично доложить Вам все то, что он знает, во что верит и на что надеется. Быть может, этот разговор даст основания для проверки, которая кажется мне, как я докладывал выше — желательной!

Надеюсь, я не ошибся и Вы не откажете его принять?²

Далее фон Лампе информировал своего кумира, что в Берлин приехал Н. Е. Марков — «по некоторым сведениям, цель его приезда тоже поиски центра „Братства Русской Правды“»³.

Поистине, БРП было событием сезона 1927 года!

Врангель «не отказал» принять «Грифа». Этому способствовало и просьба близкого друга генерала герцога Лейхтенбергского. «Пипер», как обращался к Главкому в личных письмах старый однополчанин, не мог отказать своему «Гиги». Однако, писал Врангель фон Лампе:

«Касательно Братства Русской Правды мои сомнения остаются в силе. Это не исключает того, что я буду очень рад побеседовать с Сергеем Алексеевичем»⁴.

Нам неизвестно, о чем беседовали Врангель с Братом № 1. Беседа продолжалась, с перерывами, двое суток, причем Соколов вроде бы показывал генералу какие-то документы и письма.

¹ В Шуаньи находилась резиденция вел. кн. Николая Николаевича.

² А. А. фон Лампе — П. Н. Врангелю. 21 октября 1927 // НИА. Vrangell. 147–34. Л. 478–479.

³ Там же. Л. 480.

⁴ П. Н. Врангель — А. А. фон Лампе. 31 октября 1927 // Там же. Л. 489.

Похоже, что Соколову удалось хотя бы отчасти рассеять сомнения Врангеля, и тот поверил, что какая-то работа в России Братством все же ведется. А главное — Соколов убедил его, что БРП не имеет ничего общего с кутеповской организацией и действует совсем иными методами. Увы, пути бывших соратников далеко разошлись, и Врангель был настроен по отношению к Кутепову и его деятельности крайне отрицательно. В результате Врангель передал Н. Н. Чебышеву, бывшему начальнику своей канцелярии, одному из видных публицистов «Возрождения», принадлежавшему к числу скептиков, меморандум от 7 ноября, в котором заявлял, что «имена лиц, явившихся создателями и настоящими руководителями этой организации, исключают совершенно возможность предположения, что Братство Русской Правды есть организация, поставленная ГПУ, подобно пресловутому Тресту. Руководители Братства, несомненно, искренне стремятся быть полезными Родине. Представители Братства в разных странах Зарубежья также в большинстве, несомненно, люди убежденные, бескорыстные. Некоторые мне известны по прежней работе»¹.

Не преминув указать, что сотрудничество с организацией Кутепова опасно, а использование для работы в России имени великого князя Николая Николаевича бессмысленно, «доколе работу эту ведут органы, работающие под тем же знаменем, насквозь пропитанные ядом ГПУ», Врангель заключал:

...мой собеседник сообщил мне, что руководители Братства Русской Правды считают, что боевая работа должна вестись исключительно местными людьми, что люди Зарубежья, незнакомые с местными условиями, могут лишь эту работу осложнить и что от участия таких лиц в работе внутри России боевая организация решительно отказывается. Он обещал мне оповестить об этом через свой печатный орган представителей Братства в Зарубежье. Со своей стороны я с его согласия уведомляю об этом начальников отделов и войсковых групп, к коим поступают запросы от чинов Армии².

¹ Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. С. 279–280.

² Там же. С. 280.

Врангель свое обещание выполнил. В Информационном бюллетене за ноябрь 1927 года, издаваемом по несуществующей армии ее Главнокомандующим, Врангель, отвечая на поступившие к нему запросы от чинов Русского Обще-Воинского Союза, не является ли БРП организацией, «поставленной» ГПУ, и если это действительно организация большевикам враждебная, то не следует ли принять участие в ее партизанских действиях, заявлял: «...имена создателей и руководителей „Братства Русской Правды“ не оставляют сомнения, что эти лица искренне стремятся *служить Родине*», в то же время вопрос об участии в ее борьбе в России отпадает, так как организация ставит себе задачей «работу внутри России одними *местными силами, исключая участие в работе на местах людей Зарубежья*» (выделено Врангелем)¹.

О лучшем результате трудно было мечтать. Врангель не только выдал БРП «удостоверение» в благонадежности, но еще и дал законное основание отвергать услуги различных поручиков и штабс-капитанов, уставших от строительства шоссейных дорог в Югославии или добычи угля в Болгарии и рвавшихся в бой. Можно представить положение Брата № 1 или его доверенных лиц, если бы бывшие офицеры Русской армии стали требовать направления в отряд какого-нибудь Клима или Дергача.

Но совсем уж потрясающий документ выдал Братству митрополит Антоний, глава зарубежной (карловацкой) РПЦ:

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ГРАМОТА «БРАТСТВУ РУССКОЙ
ПРАВДЫ» ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОЙШЕГО АНТОНИЯ,
МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО И ГАЛИЦКОГО

БРАТЬЯМ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Сегодня, 20 сентября, память древнейших Русских мучеников за веру Христову, умученных иноверной властью, Михаила князя Черниговского и боярина его Феодора. Их благословил на мучения за Христа духовник и увещевал их к мужеству. Преподобный Сергей Радонежский благословил Князя Дмитрия Донского и его рать на кровавую борьбу

¹ Цит. по вырезке из газеты: «Одна шестая...» 1928. 1 февраля. № 3 // НИА. Vrangel. 151-44.

с поработорителями Отечества, с ордой хана Мамай. Наконец, Святитель Ермоген, Патриарх Московский, свыше трехсот лет назад, в Смутное время, благословил Русские народные рати на вооруженное восстание против самозванной инородческой власти, засевшей в Кремле.

Вы, Братья Русской Правды, собрались на восстание против красной власти, открыто враждебной Христу и тайно руководимой его врагами — иудеями: — не теми иудеями, которые верят Святой Библии Ветхого Завета и молятся Единому Богу, но евреям, не верящим ни во что, кроме денег и своих честолюбивых замыслов о всемирном господстве. Вы идете на защиту Христовой веры и во имя будущей Православной Царской России.

Такое святое начинание Церковь всегда благославляла в нарочитых молитвах, так как она научена еще каноническим Посланием Святого Афанасия Великого, что убивать на праведной войне не грешно, ибо сие творится не по ненависти, не по личному самоуправству, а по ревности о спасении Отечества и Церкви Божией. Церковь же Божию наши красные враги ненавидят более всего. Они и не подумали бы губить нашего Отечества и отдавать его под жестокую власть безбожников и инородцев, если бы наша Русь не была Святая, если бы она не была православная.

Не жалейте же своих жизней, за Веру, Царя и Отечество! Знаю, что и за это мое послание мне грозит скорая смерть. Однако не могу даже вменить себе в похвалу своей решительности ободрять вас на подвиг, ибо я старик и уже потому жизнь мне не мила, а при виде разорения святынь наших и торжества жестокости и разврата — даже и тягостна.

Вас же, молодых, да укрепит Господь мужественно подвизаться за Святую веру и за Россию! Вам рано искать себе смерти, но постыдно было бы от нее скрываться. В час же смертельной опасности призывайте Святую Великомученицу Варвару и Святителя Николая¹.

В. Л. Бурцев, по предложению Верховного Круга БРП «вступив в личное общение» с некоторыми его членами и ознакомившись с необходимыми документами, освещавшими деятельность Братства, сделал официальное заявление, датированное 27 декабря 1927 года:

---

¹ Там же.

1. Все члены Верховного Круга БРП есть русские общественные и политические деятели, пользующиеся полным доверием в русских антибольшевицких кругах.

2. За последние годы БРП развило в разных местностях России энергичную революционную борьбу против большевиков.

Настоящее заявление, — оговаривался престарелый демократ, я делаю единственно в интересах истины, совершенно оставляя в стороне всякую возможную оценку как политического облика органа БРП, журнала «Русская Правда», так и самых способов революционной работы БРП в России¹.

Немало неприятностей доставил «Грифу» выпущенный им же «в полет» «атаман Кречет». Публикация в «Возрождении» записок «Кречета», так же как и террористические хроники, печатавшиеся в каждом номере «Русской Правды», вызвали дружную атаку эмигрантской печати. На Братство обрушились С. П. Мельгунов² и П. Б. Струве³, да и сам редактор «Возрождения» Ю. Ф. Семенов опубликовал осторожную статью⁴, в которой ясно давал понять, что неплохо было бы получить доказательства существования славного атамана.

«Записки Атамана Кречета несомненно не подлинное описание партизанских действий, а роман, основанный может быть на действиях какого-либо небольшого партизанского отряда, давно уже ликвидированного», — писал Врангелю Шатилов. Считая «возглавителей Братства» «вполне благонадежными людьми», бывший начальник штаба Русской армии тем не менее полагал, что они «решились на блефирование своей организации. В таком серьезном деле, я считаю, что никакой обман недопустим, даже имеющий благую цель расширения своей деятельности на благо общему делу. Во всяком случае основывать активную работу на деятельности этой организации было бы ошибочным»⁵.

¹ НИА. Vranghel. 151–44.

² Борьба за Россию. 1927. № 48.

³ Россия. 1927. 29 октября.

⁴ Возрождение. 1927. 25 октября.

⁵ П. Н. Шатилов — П. Н. Врангелю. 11 ноября 1927 // НИА. Vranghel. 147–34. Л. 506–507.

Соколов (естественно, за подписью Брата № 1) отправил Семенову письмо, в котором заверял, что «если бы мы были, как это уверяют наши враги, только „мифической“, „несуществующей“ и, скажем просто „фиктивной“ организацией, то, конечно, нам оставалось бы только сидеть смиренно и молчать. Но так как мы совершенно чисты перед Богом и совестью и действительно, а не на словах, делаем то дело, о котором говорим, то правды бояться нам нечего и правда за нас»¹.

По словам Соколова, атаман Кречет находился «по сю сторону границы», однако выполнить скрытое желание редактора «Возрождения» и «предъявить» его в Париже Брат № 1 считал невозможным по конспиративным соображениям. Он предложил Семенову другой вариант — отправить на встречу с Кречетом «своего вполне ОТВЕТСТВЕННОГО корреспондента и представителя». Соколов доверительно сообщал, что страной пребывания Кречета является Польша, и тут же страшил своего корреспондента возможными опасностями подобной поездки, ибо поляки ведут себя «необычайно угодливо» по отношению к красным и недавно выдали им «с польской территории отступивших туда 36 человек наших дружинников», а приехавшее из Парижа новое лицо, вероятно, с беженским паспортом, привлечет внимание польских спецслужб.

Второе предложение Соколова носило более радикальный характер. Он изъявил готовность открыть имена руководителей Верховного круга БРП особо доверенному лицу, «эксперту». И сам же предложил кандидатуру А. В. Амфитеатрова. Ему мы «верим, как в смысле его беспристрастности, так и в смысле его способности после не подвести все дело ненужной болтовней „по секрету“. Не представляем себе возражений и с Вашей стороны, ибо это один из Ваших наиболее ценных и верных сотрудников». Финансировать поездку Амфитеатрова, полагал Брат № 1, должно «Возрождение»; он еще раз «доверился» Семенову, сообщив, что ехать придется в Германию².

В этом же послании Соколов попытался как-то сгладить один из самых грубых промахов в пропагандистской кампании БРП,

¹ Брат № 1 — Ю. Ф. Семенову. 31 октября 1927 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 19-3.

² Там же.

а именно — попытку приписать себе организацию взрыва в партийном клубе на Мойке в Ленинграде, осуществленном людьми А. П. Кутепова в июне 1927 года. Теперь он уверял, что в хронике РП за май–июнь о «петербургском взрыве» говорилось как о выполненном «неизвестными русскими людьми», сообщая тут же для «личного сведения» Семенова, что «фактический исполнитель» взрыва, позднее убитый Петерс, «был также член БРП, лишь индивидуально принявший участие в предприятии иной организации». Убитый в перестрелке с красноармейцами 23 июня 1927 года кутеповец Ю. Петерс (Н. Н. Вознесенский) никакого отношения к взрыву на Мойке, так же как к Братству Русской Правды, не имел. Но оспорить версию Соколова, понятное дело, не мог.

На самом же деле, уверял Брат № 1, членами БРП был осуществлен другой взрыв, 24 июля, о котором упоминалось и в сводке Братства, и в статье Амфитеатрова в «Возрождении»¹.

Этот последний взрыв был замолчан красными газетами (вероятно, потому, что не удалось никого схватить) и только в СПб газетах появился ряд траурных объявлений о гибели разных товарищей «на службе пролетариату». В заграничную печать об этом проникли лишь смутные слухи. В частности в «Возрождении» от 30 июля помещена заметка агентства Балтэвксин о взрыве в СПб во время коммунистического заседания. Об этом взрыве мы в свое время получили лишь короткое сообщение по линии связи от нашей СПб группы, где обещались детали. В таком виде мы и поместили это в сводке. После этого связь прервалась и мы все еще не имеем сведений о членах той группы. То ли погибли, то ли скрываются².

Нетрудно догадаться, что заметка в «Возрождении» и послужила тем «гвоздем», на который «Гриф» повесил очередное сообщение о подвигах братчиков.

Амфитеатров в Германию не поехал, да и вообще никогда лично с Соколовым так и не встретился. Однако вскоре он получил более полную информацию и стал верным адептом

¹ Амфитеатров А. В. «Листки» // Возрождение. 1927. 9 сентября. С. 2.

² Брат № 1 — Ю. Ф. Семенову. 31 октября 1927.

Братства. Теперь Соколов подписывался собственным именем, не признаваясь, впрочем, что Брат № 1 — это он.

Начало «романа» выглядело следующим образом: Амфитеатров отозвался на присланные ему номера «Русской Правды» и получил в свою очередь предложение «руки и сердца» от Брата № 1. Письмо содержало весь необходимый антураж: девиз «Коммунизм умрет, Россия не умрет», местопребывание отправителя было обозначено как «Место очередного пребывания Верховного Круга Братства Русской Правды». Брат № 1 жаловался на недостаток времени, «всецело отданного на наши Братские дела», не позволившие ему в срок отозваться на письма Амфитеатрова. «Времени мало и теперь. Однако, мне все же хочется написать Вам, и я пошлю письмо из того места при Советской границе, где я в данную минуту нахожусь, с верной оказией, которая опустит его во избежание цензуры почтовой, особенно любопытной в „молодых“ государствах, в Германии, поближе к Вашим краям»¹. Таким образом снималось противоречие между пребыванием неутомимого борца с коммунизмом около советской границы и германским почтовым штемпелем.

«Вы нам нужны, — писал Брат № 1, — ибо Вы самый подходящий человек для выступления в нашу защиту. Думаю, что и Ваша совесть подскажет Вам тоже. „Не людям служим, Богу и Родине служим“. Таково наше правило. Верим, что таково будет и Ваше».

Судя по контексту, Амфитеатрова смутило обилие юдофобских лозунгов на страницах «Русской Правды». Соколов разъяснял:

Для нас Россия — выше всего и в нашей работе мы идем по линии наименьшего сопротивления, как то должен подсказать всякому политику простой холодный разум. Отбрасывая в сторону всякие глупые крайне-правые выдумки о «тайном кагале еврейских мудрецов» и о «всемирном жидомасонстве», которые якобы, как на шахматной доске, разыграли Русскую революцию, где мы все были неповинны, как барашки (выдумки, объясняемые всего более простою невежественностью и недостатком образования), мы однако же видим себя стоящими

¹ Брат № 1 — А. В. Амфитеатрову. 22 августа 1927 // School of Slavonic and East European Studies Library, London University. Amfiteatrov Collection. Box 1.

пред лицом того несомненного факта, что Русская революция, если и не была разыграна Еврейством, то была стремительно подхвачена и захвачена Еврейством в такой мере, что очень скоро весь красный аппарат и правления государством, и правления партией оказался в еврейских руках и, чем выше, тем гуще. Эта насыщенность красных правящих слоев евреями такова, что народ с полной основательностью считает Красную власть еврейской, и наличность среди нее известного, убывающего ближе к командным высотам нееврейского процента не делает ее не Нееврейской, как не делала некогда татарского ига нетатарским наличность в ханской ставке множества всяких инородных женщин и всевозможного происхождения ренегатов...

Соколов доказывал, что, учитывая широко распространенные в народе антисемитские настроения, приходится забыть староинтеллигентские «табу» и «идти за общим голосом России». Без антисемитской пропаганды невозможно сформировать национальное сознание, уверял Брат № 1.

Вот и приходится нам держаться на последней мыслимой позиции (она «там» ЕЛЕ приемлема!), что мы призываем только против ЕВРЕЙСКОЙ власти, а не против еврейского НАСЕЛЕНИЯ вообще. Дальше ни ради каких интеллигентских «белых перчаток» податься некуда. Мы только силимся, твердя о ХРИСТИАНСКОМ характере будущей Русской национальной революции, призывать не трогать мирных еврейских обывателей, мелкоту, женщин и детей. Тут на Ваше справедливое замечание, что, как до переворота дойдет, «доказывай, что ты не верблюд» (или какое-то сравнение в этом роде) мы можем только сказать, что для нас, русских убежденных патриотов, РУЧЕЙ случайной даже и неповинной еврейской крови все-таки стоит дешевле, чем РЕКИ русской неповинной крови, уже пролитой, еще льющейся и неминуемой к пролитию, пока будет Советская власть.

Впрочем, в отношении «еврейского вопроса» Соколов лопнул в открытую дверь. Амфитеатров, по свидетельству его сына, «стался антисемитом» по крайней мере еще в 1918 году¹.

¹ Амфитеатров-Кадашев Вл. Страницы из дневника. Публ. С. В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб., 1996. С. 530.

Хотя ему, видимо, претила та вульгарная форма, в которую юдофобские идеи были облечены на страницах «Русской Правды».

Соколов просил не отождествлять БРП с Высшим монархическим советом Маркова 2-го: «Мы всякий голореставраторский дух почитаем не только безумием, но и преступлением (никаких расправ над „крестьянишками“! Никакого возврата земли, взятой от помещиков! Никакой классовой мести! Уничтожение сословных привилегий и равенство всех перед законом!)». Брат № 1 замечал, что знак равенства между БРП и крайними реакционерами ставит П.Н. Милюков, который является «представителем просоченной еврейством интеллигенции, которая, не любя большевизма, предпочитает однако призывать к его медленному „изживанию“, жертвуя реками русской крови, чтоб только не пролить еврейского ее ручья».

Обращение к Амфитеатрову именно в данный момент Соколов объяснял тем, что после нескольких лет относительно «мирной» работы БРП, учитывая народные настроения, перешло к активным действиям.

Народ больше нечего убеждать, что ему плохо, и рассказывать, что такое большевизм. Его надо призывать к действию и подавать сигнал «общей раскачки». В этом году мы этот сигнал подали, и нашими силами открыли целую серию выступлений, повстанческих и террористических, по всей России¹.

В этих условиях БРП как никогда нуждается, во-первых, в правильном освещении своей борьбы, во-вторых,

с переходом к широким выступлениям нам для «особых» начинаний понадобились и «особые» средства, для привлечения которых нужна атмосфера сочувствия. Между тем положение наше бесконечно трудно потому, что мы, при нашей законспирированности (без которой нас слопают без остатка ГПУ) не можем «ходить по людям», прося денег, или устраивать публичных собраний с речами членов нашего Центра, словом, не можем делать все то, что так просто и удобно делать участникам хотя бы «Борьбы за Россию»².

¹ Брат № 1 — А. В. Амфитеатрову. 22 августа 1927.

² Там же.

Амфитеатров, несомненно, был ценным приобретением БРП. Он страстно пропагандировал деятельность Братства в эмигрантской печати и неустанно призывал к материальному содействию этой единственной, с его точки зрения, боевой организации Русского зарубежья. В особенности импонировал Амфитеатрову пропагандировавшийся и якобы применявшийся БРП терроризм. В цикле газетных статей, собранных впоследствии в книжке «Стена Плача» и «Стена Нерушимая»¹, Амфитеатров обрушился на эмиграцию за ее пассивность, скупость и равнодушие к судьбе родины и православия.

«Отчего мы такая дрянь?» — задавался вопросом автор «Господ Обмановых», сравнивая реакцию евреев на оскорбление арабами иудейской святыни Стены Плача в Иерусалиме (арабы проделали в ней отверстие для удобства прохода паломников в мусульманскую святыню — мечеть Омара) и русских на разрушение часовни Иверской Божией Матери на Красной площади, поскольку она якобы мешала уличному движению. Вялая реакция русских контрастировала с активным протестом евреев, приведших к столкновениям с арабами в Иерусалиме; евреи, в отличие от русских, проявили солидарность; их протесты прокатились по всему миру².

Единственно, кто заговорил тогда к русскому миру тем языком, какого требовал момент, было опять-таки Братство Русской Правды, ответившее на ужас события воплем гневного призыва:

«Именем Бога и России призываем всех Русских граждан, готовых постоять за Божье и Русское дело, начать против представителей власти жестокий и беспощадный террор. Не людям служим, Богу и Родине служим. Русский террор есть Божий меч. Да здравствует Русский народный террор!»

Это, вот, слова настоящие, слова мужчин, слова воинов, слова «ополчившихся», слова «взявших меч», не страшась от меча погибнуть.

[...] каждые два месяца оглашают братья свои успешные достижения и свои горестные утраты. И, если дело не так быстро и широко, как

¹ Амфитеатров А. В. «Стена Плача» и «Стена Нерушимая». Белград: Издание Библиотеки «Нового Времени», 1930. (2-е изд.).

² Там же. С. 3.

хотелось бы, если оно вынуждено двигаться в путях кустарности, это уж вина не делателей, но эмиграции, оставляющей его на попечении «лепт вдовицы», которые, само собою разумеется, падают очень скудно¹.

Две темы: пассивности и скупости эмиграции, когда речь идет о пожертвованиях на борьбу с большевиками, и защита терроризма как метода борьбы с ними являются основными в «братской» публицистике Амфитеатрова.

Есть материал, есть рвение. Вот в июльско-августовском бюллетене «Братства Русской Правды» выразительное увещание — «к особому вниманию»:

«Братьям не заваливать начальников просьбами об отправке на Д[альний] Восток². У БРП лишних денег на прогоны нет».

А дальше уясняется, что люди, мол, и здесь нужны, ибо «врага надо дожимать всегда и со всех сторон».

Совершенно справедливо, но, вот, о мотивировке: «денег на прогоны нет». И их, мне известно, действительно нет. БРП, единственная вооруженно действующая организация зарубежного или, точнее назвать, порубежного активизма, живет впроголодь, «босы ноги, грязно тело и едва прикрыта грудь». Воюет оно, чудом Божиим, —

В лапотках, бабушка, в лапотках,

С палочкой, Пахомовна, с палочкой!³

Хорошо известная мне, боевая деятельность БРП, третий год делающего мне честь своею доверенностью, испещрена осечками по безденежью, которого не в состоянии преодолеть жертвенный героизм братьев, с беспредельным мужеством полагающих душу свою за други своя. Каждый раз, когда братьям удастся крупная противобольшевицкая операция, я гораздо более удивляюсь, чем когда у них проваливается, казалось бы, несомненно верно рассчитанное дело. Потому что безденежье осуждает их на хроническое перешибание плетью обуха. [...]

¹ Там же. С. 141–142.

² В это время на Дальнем Востоке происходили столкновения Красной армии с войсками «китайских милитаристов». По данным эмигрантской печати, в составе китайских войск сражалось около 18 тыс. бывших «белых».

³ Амфитеатров А. В. «Стена Плача» и «Стена Нерушимая». С. 40.

Располагай БРП не то что крупными, а хоть сколько-нибудь достаточными средствами, давным-давно вся Белоруссия была бы не в разбросанных там там и сям вспышках противобольшевицких бунтов, но во всеобщем организованном восстании¹.

Защищая терроризм, Амфитеатров ссылался на анкету В. Л. Бурцева в «Общем деле» о приемлемости для борьбы с большевиками «методов „Народной воли“». Большинство участников опроса было «за». Амфитеатров указывал:

По методам «Народной воли» воюет с большевиками Братство Русской Правды, истребляя десятки советских чиновников и шпииков. И М. В. Захарченко-Шульц работала по методам «Народной воли». И Радкевич, погибший при неудачной попытке взорвать ГПУ.

В культурном мире едва ли найдется человек, способный будучи в здравом уме признавать террор нормальным государственным устоем в «перманентном» действии. Но и, наоборот, едва ли кто здравомыслящий и опытный житейски рискнет опровергать изречение одного американского друга России, что «бешеную собаку сперва убивают, а уже потом о ней рассуждают»².

Амфитеатров призывал не только к террору против большевиков внутри России, но и за ее пределами, как будто не задумываясь, к каким последствиям для русских эмигрантов это могло привести:

Нельзя, чтобы в то время, как в застенках ГПУ трещат выстрелы, умерщвляющие безвинно Долгоруких, Пальчинских и тысячи других, их же имена Ты, Господи, веши, — чтобы по Европе, как ни в чем не бывало, шлялись их палачи, облеченные в «неприкосновенные» звания «полпредов» и «торгпредов»; вся эта сволочь с окровавленными руками, открыто торгующая имуществом жертв своего разбоя, — с ее наглыми любовницами в краденых мехах и бриллиантах, с ее свитами из еще наглейших шпионов-чекистов, которые вон, в безнаказанной дерзости своей, дошли уже до того, что среди бела дня выкрадывают из эмиграции ее генералов.

¹ Амфитеатров А. В. «Стена Плача» и «Стена Нерушимая». С. 119–120.

² Там же. С. 213–214.

Нельзя. И если с этой сволочью не умеет или не хочет справиться местная власть наших убежищ, то справиться и расправиться — прямое дело самой эмиграции, каких бы сложных рисков это ни представляло и каких бы временно трудных последствий это ни влекло¹.

Амфитеатров почитал за лучшее считать череду скандалов, сопровождавшую деятельность БРП с конца 1920-х годов, «сетями большевистской провокации». Он писал:

И, к сожалению, в сети провокации, пытавшейся разрушить БРП, попались тогда несколько деятелей, несомненно честных и даже энергичных, склонных к непосредственной активности, но страдающих русским пороком ревности ко всякому, кто «смеет делать то же самое дело, что я», в особенности, если он «делает лучше, чем я», — и, отсюда, одержимых жестоким упрямством предубеждения.

Теперь это, кажется, миновало, но все-таки если БРП существует и неутомимо действует, то эмиграция, за малым исключением нескольких крупных имен, была ему не помощницей, а тормозом².

Амфитеатров и не подозревал, какие сюрпризы преподнесут его подзащитные в недалеком будущем.

Кроме Амфитеатрова, с присущим ему энтузиазмом отстаивавшего БРП от супостатов вроде Струве и Мельгунова, в поддержку БРП публично продолжали выступать митрополит Антоний (Храповицкий), генералы П. Н. Краснов и Д. Л. Хорват, довольно странно выглядевший в подобной компании В. Л. Бурцев. Митрополит Антоний писал:

Властию, данную мне от Бога, благославляю всякое оружие, против красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за Русское и Христово дело.

Первее же всего благославляю всякое оружие и боевую работу всенародного Братства Русской Правды, которое уже немало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного сатаны во имя

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 144.

Бога и России. Милость Господня да почитет над каждым, кто вступит в Братские ряды, либо придет на помощь Братству¹.

«Близко наблюдая в течение многих лет работу для спасения России различных обществ, союзов и организаций, я убедился в том, что систематически, неуклонно и настойчиво ведет активную работу против коммунистов только Братство Русской Правды, на кровь отвечающее кровью, на разгром отвечающее соответствующим разгромом советских учреждений», — удостоверял генерал Краснов. И заключал: «Я стараюсь всячески помогать Братству и к тому же призываю всех русских людей»².

Другой авторитетный деятель антибольшевистского движения, генерал Д. Л. Хорват, в прошлом управляющий КВЖД, был более сдержан, но не менее определен: «Я с большой симпатией отношусь к Братству Русской Правды и его самоотверженной борьбе с коммунистами, а лозунги Братства считаю наиболее жизненными и приемлемыми, как для эмиграции, так и для широких слоев населения Советской России»³.

Краснов помог Братству, выпустив в 1928 году роман «Белая Свитка» с посвящением БРП. В предисловии от издательства говорилось, что роман является «началом нового цикла, имя которому „От Красного Знамени к Двуглавному Орлу“». Как роман это, конечно, фантазия автора. Но вымысел этот построен на „фактах — на бывшем, существовавшем и существующем“... В этом „романе“ автор повествует о том, что воистину имело место».

Краснов, слегка переработав, использовал в романе сводки БРП и смачно расписывал, как «наши... всю Луцкую Чеку разгромили. Шесть комиссаров повесили»⁴ и тому подобные подвиги «братчиков». В финале романа атаман Белая Свитка (привет Кречету и Дергачу) совершает переворот в Петербурге. Любопытно, что «документальную основу» книги отметил не только восторженный рецензент «Нового Времени» Д. Персиянов,

¹ Цит. по: *Палеолог С. Н.* «Русская Освободительная Казна в память Царя-Мученика Николая II. Пожертвования направляются на усиление работы Братства Русской Правды». Листовка. Май 1931 // НИА. Maria Vrangeli Collection. 19–32.

² Там же.

³ Русская освободительная казна.

⁴ *Краснов П. Н.* Белая Свитка. Берлин, 1928. С. 220.

подчеркивавший, что все персонажи «выписаны Красновым настолько живо, что как будто ощущаешь этих невымышленных людей»¹, но и обращавший внимание на односторонность и тенденциозность книги В. Татаринов. «И все-таки, — отмечал он, — живыми людьми и реальными событиями оперирует автор, искусно перемешивая правду с вымыслом и под конец давая волю своей фантазии и своим патриотическим помыслам»². Любопытно, что современная исследовательница как будто также склонна доверять автору: «В свойственной Краснову манере он основывает свой художественный вымысел на реальных фактах» и только в четвертой части «дает волю своей фантазии, изображая то, что так легко (! — О. Б.) могло бы свершиться, если бы явилось лицо, подобное его герою, настоящему рыцарю без страха и упрека, Белой Свитке»³.

Гораздо критичнее был автор разоблачительной статьи о БРП в виленской «Новой России»: «Перечислять все боевые подвиги „братчиков“, о которых пишет автор, и которым посвящает свою книгу, нет надобности, ибо это — сплошная фантазия-вымысел, могущая вызвать только улыбку и жалость к издательству „Медный Всадник“, которое, очевидно, так же как и ген. Краснов, пало жертвой тех аферистов, которые бесстыдно давали свои сенсационные лживые сообщения»⁴.

Рецензенту и в голову не могло прийти, что Брат № 1 и директор «Медного всадника» — одно и то же лицо!

* * *

Однако же главной причиной успеха «проекта БРП», кроме умения Соколова убеждать «спонсоров» и других добровольных радетелей Братства, а также поддержки влиятельных «рекомендателей», был мифологизм мышления определенной части русской эмиграции. Грандиозный социальный катаклизм, вызванный

¹ Новое время. 1928. 28 апреля. Цит. по: Сорокина В. В. «Белая Свитка» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940: Книги. М., 2002. С. 290.

² Руть. 1928. 15 августа. Цит. по: Сорокина В. В. «Белая Свитка». С. 289–290.

³ Сорокина В. В. «Белая Свитка». С. 289.

⁴ Новая Россия (Вильно). 1928. 12 августа.

мировой войной, митрополиты антонии, атаманы красновы и прочие палеологи были склонны объяснять заговором — сначала германским, затем жидомасонским или иного комплота темных сил, для простоты именуемого Третьим интернационалом. В самом деле, чем иным можно было объяснить, что какие-то «псевдонимы» — все эти ленины, сталины, троцкие, камневы водворились в Кремле? Но если неведомые ранее миру люди подполья сумели стать властью в России, значит, их методы борьбы были вполне эффективными. Следовательно, надо бить врага его же оружием — террором, неосуществимым без заговора. Если успех сопутствовал всем этим ссыльным и каторжным, которых знала раньше в лицо лишь кучка сообщников да агенты наружного наблюдения по фотографиям, хранившимся в картотеке Департамента полиции, а теперь узнают миллионы людей, то почему такое же не может случиться с благонамеренными кречетами и дергачами? Воплощенными Красновым в светлом образе Белой Свитки. Если батьку Махно, ставшего при жизни почти мифом, можно встретить на парижских улицах, то почему не поверить в реальность атамана Климса? Надо сказать, что поразительное легкое верие достаточно опытных людей во многом извиняется фантастической реальностью русской революции и Гражданской войны.

Бурцев, Амфитеатров, Гучков и другие политики и литераторы призывали использовать опыт русских революционеров, в особенности «классиков» терроризма — народовольцев. Нам неизвестно, сознательно или нет Соколов использовал «модель» «Народной воли», но пронумерованные братья и Верховный круг БРП поразительно напоминают народовольческий Исполнительный комитет и его агентов. Причем в случае ареста член Исполнительного комитета должен был признавать себя всего лишь агентом, поддерживая легенду о всесии и неуловимости ИК. Агентом Исполнительного комитета представился на суде по делу о царубийстве 1 марта 1881 года лидер партии Андрей Желябов.

* * *

Исследователи, упоминающие о БРП, склонны считать, что в основе ее сводок лежат все же какие-то реальные события — дея-

тельность остатков отрядов савинковцев или Булак-Балаховича, белорусских «дружин Зеленого Дуба». На самом деле во второй половине 1920-х годов (а именно к этому времени относится появление сводок БРП о деятельности его дружин) никаких остатков савинковцев и прочих вооруженных формирований 1920–1921 годов на территории СССР давно не существовало; сведения о деятельности «дружин Зеленого Дуба», приводимые в сводках БРП, носят легендарный характер. Полагаю, что эти «белорусские партизаны» — родные братья Клима, Кречета и Дергача. Впрочем, атаманом Дергачом представлялся вполне конкретный деятель и, по неслучайному совпадению, литератор, хотя и гораздо менее известный, нежели Соколов. Но об этом ниже.

Практически все тексты «Русской Правды» были написаны самим Соколовым-Кречетовым¹. Крайне редко и в значительной степени случайно на страницах РП появлялись тексты других авторов — рассказ И. С. Шмелева, стихотворение Марианны Колосовой. Им же, возможно, при участии секретаря Верховного круга А. Н. Кольберга, брата № 14, фактически единственного сотрудника Соколова в Берлине во второй период существования БРП, составлялись сводки о «боевой» работе БРП в СССР.

После смерти и Соколова, и Амфитеатрова вдова последнего, И. В. Амфитеатрова, писала Бурцеву о Брате № 1: «Теперь стараются его обсахарить, но, на самом-то деле, сводки стряпались, не выходя из кабинета, его больным мозгом. Это, конечно, несчастье, болезнь, за которую больной человек не ответственен, но нельзя же обижаться на здоровых, если они под этим не желают подписываться. И, — вполне разумно добавляла Амфитеатрова, — кроме того, когда знаешь, что и все предыдущее, когда человек был здоров, так же строилось на лжи»².

Сводки составлялись, по-видимому, по большей части по советским газетам и по сведениям, сообщавшимся представителями

¹ *Краснов П.* Памяти борца за Россию (С. А. Соколов-Кречетов) // *Часовой.* 1936. Июль. № 171. С. 20; *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. III. Stanford, 1997. С. 70–71. Примеч. 95.

² *И. Амфитеатрова* — В. Л. Бурцеву. 10 марта 1939. Цит. по: *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. С. 71–72. Примеч. 97.

БРП в пограничных с СССР государствах. Отделы Братства были созданы все теми же Соколовым и Кольбергом в основном для сбора пожертвований, рассылки «Русской Правды» и получения информации.

В отделы входили весьма странные люди, вперемешку откровенные проходимцы, идеалисты, информаторы ГПУ. Руководителем Виленского отдела был белорусский сепаратист (впрочем, «перековавшийся» вскоре в полонофила), драматург, публицист и музыкант В. В. Адамович, он-то и именовал себя атаманом Дергачом. Начальником подотдела был О. Трайкович, помощниками по литературно-агитационной части — Сиверс-Гапанович и Иван Пешко, скрывавшийся под псевдонимом Иван Густолес. По утверждению виленской газеты «Новая Россия», Иван Густолес получал 2–3 тыс. экземпляров РП для переправки в СССР. На самом деле большая их часть оказывалась в конечном счете в мелочной лавке и использовалась для заворачивания селедок. «Братчики» собирали деньги у антибольшевистски настроенной публики, которые впоследствии тратили по большей части на себя же и, возможно, какую-то часть посылали в Берлин.

Среди этой компании оказался и экзальтированный юноша Трайкович, боготворивший великого князя Николая Николаевича и говоривший, что он обязан служить России, как завещала ему перед смертью покойная мать. Кончилось это дело тем, что Трайкович отправился в советское полпредство в Варшаве и пытался застрелить советского дипломата, однако сам был убит¹.

Сведения о деятельности отрядов «Зеленого Дуба» и антибольшевистском терроре в Белоруссии, которыми Адамович снабжал БРП, были чересчур фантастичны даже для Соколова-Кречетова, и в 1928 году в верхушке организации возникли подозрения, не является ли «Дергач» провокатором и агентом ОГПУ. Однако в результате состоявшегося разбирательства Адамович-Дергач, к тому времени высланный из Польши, был оправдан². Вряд ли

¹ Епископ Антоний, ген. Краснов и Бурцев в лапах грязных авантюристов, воров и провокаторов — агентов ГПУ. Красивая фантазия русского патриота и отвратительная действительность «братчиков» из организации «Братства Русской Правды» // Новая Россия (Вильно). 1928. 12 августа.

² Подробнее об Адамовиче-Дергаче см.: *Пашкевіч А. В., Чарнякевіч А. М.* Атаман Дзяргач: невядомыя старонкі біяграфіі, ці да гісторыі палітычнага

следовало ожидать другого исхода — разоблачение «атамана Дергача» нанесло бы смертельный удар предприятию Брата № 1.

Того же поля ягодой, что и Адамович-Дергач с компанией, оказался Анатолий Толь, руководитель БРП в Финляндии в 1927–1929 годах. Краснов вспоминал:

Он поражал нас полнотою и точностью данных о Петербурге, длинными осведомлениями, обилием всяческих стихов, частушек, анекдотов из Петербурга. По его словам, он сам бывал в Петербурге, «его люди» туда ходили — словом, казался очень добросовестным и дельным братом. Потом стало закрадываться подозрение, что все то, что сообщает он нам, им придумано и составлено только на основании знакомств и разговоров с выходцами из Петербурга, прибывшими в Финляндию. Подозрение это обратилось в уверенность, после того, как он обещал доставить фильмовые снимки Петроградской жизни и, конечно, ничего не достал. [...] Лет пять тому назад я с ним встретился в Париже, куда он приезжал не то по своим, не то по братским делам. Мы говорили с ним очень долго и я убедился, что это... просто хороший враль, уличить которого было очень легко¹.

Не менее мутная публика оказалась и во главе Прибалтийского отдела БРП, а именно два барона-литератора Л. Н. Нольде и В. А. Вреде. Похоже, что «латвийский филиал» БРП с самого начала освещался, если вообще не был организован при поддержке ГПУ².

* * *

В самом конце 1920-х у Соколова возникли определенные проблемы. По-видимому, в 1928 году прекратило свое существование издательство «Медный всадник», в следующем скончался герцог Лейхтенбергский.

авантюризму ў беларускім нацыянальным руху (белор.) // Берасцейскі хранограф. 2004. Вып. 4. С. 314–334.

¹ П. Н. Краснов — А. В. Амфитеатрову. 15 апреля 1937. Цит. по: Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. С. 67–68. Примеч. 78.

² Флейшман Л. и др. Русская печать в Риге. Кн. I. С. 130; сводку о скандале вокруг латвийского отделения БРП см.: Флейшман Л. и др. // Там же. Кн. III. С. 65–67.

Однако на смену покойному в качестве финансистов БРП пришли лидер правой эмиграции в Югославии С. Н. Палеолог и, что было более существенно, А. А. Вонсяцкий¹, участник Гражданской войны, случайно познакомившийся в Париже с богатой американкой, женившийся на ней и обосновавшийся в США. Вонсяцкий возглавил Северо-Американский центр БРП; в 1930 году он передал Палеологу крупную сумму для поддержки Братства.

Палеолог, откликнувшись на призыв П. Н. Краснова материально поддержать работу великого князя Николая Николаевича, создал «фонд спасения Родины» и собрал для передачи в так называемую Особую казну великого князя 1 млн 350 тыс. динаров (примерно 24 тыс. долл., что составляло по тем временам немаленькую сумму; в 1926–1932 годах 1 долл. соответствовал приблизительно 56,5 динара²). Однако после смерти Николая Николаевича в 1929 году и похищения генерала А. П. Кутепова большевистскими агентами среди бела дня в Париже, продемонстрировавшего, среди прочего, насколько подчиненные Кутепову структуры были пронизаны большевистскими агентами, Палеолог, вспомнив предостережения генерала Врангеля, осуждавшего неправильную организацию тайной работы неопытным в такого рода делах Кутеповым, решил сменить объект своих благодеяний. Палеолог писал о себе в третьем лице в письме к матери покойного вождя Белого движения, М. Д. Врангель:

Подобно генералу Врангелю, С. Н. Палеологу было ясно, что тайная борьба против большевиков, если она ведется открытой эмигрантской организацией (в данном случае Русским Обще-Воинским Союзом), будет или идти впустую, или под неослабным наблюдением заграничного ГПУ. Поэтому С. Н. Палеолог с 1 мая 1930 года открыто порвал с «фондом спасения Родины» и перешел в Братство Русской Правды, тайную противобольшевицкую организацию, которая, законспирировав всю свою деятельность и своих руководителей, словом и делом ведет внутри России через русский народ свою анти-большевицкую работу по

¹ См. о нем: *Stephan J. The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile 1925–1945.* New York, 1978 (рус. пер.: Джон Стефан. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992).

² *Bidwell R. L. Currency Conversion Tables: A hundred years of change.* London, 1970. P. 53.

взрыву коммунизма внутри России. Для помощи БРП С. Н. Палеолог основал Русскую Освободительную Казну в память Царя-Мученика Николая II, которая за год своего существования постепенно стала привлекать к себе сочувствие наиболее патриотически настроенных и не зараженных партийностью русских людей¹.

Палеологу удавалось собирать, в общем, довольно приличные деньги. В «Царском вестнике» в начале 1930-х годов сообщалось, что он собрал

1) На Русскую Армию, голодавшую в Галлиполи — 100.000 динар (далее все суммы — в динарах. — О. Б.); 2) в Казну Великого Князя Николая Николаевича — 1.350.000; 3) Борису Коверде — 5000; 4) на Топчидерскую здравницу имени ген. Врангеля — 150.000; 5) в фонд по увековечению памяти ген. Врангеля — 200.000; 6) в Русскую Освободительную Казну для Братства Русской Правды — 200.000².

Палеолог отличался некоторой оголтелостью; ему были свойственны, с одной стороны, завышенная самооценка, с другой — вера во всевозможные заговоры, среди которых масонскому отводилось, разумеется, почетное место. Вот что он писал М. Д. Врангель, к примеру, об одном из самых верных врангелевцев В. Х. Даватце, авторе апологетической по отношению к генералу книги «Русская армия на чужбине» (Белград, 1923, в соавторстве с Н. Н. Львовым) и одним из редакторов белградского

---

¹ Палеолог С. Н. — Врангель М. Д. 7 мая 1931 // Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде). Stanford, 1995. С. 154–155. Сергей Николаевич Палеолог (1877–1933) — в России крупный чиновник Министерства внутренних дел, член Совета министра МВД; участник Белого движения — член совета начальника Управления внутренних дел при генерале А. И. Деникине. С апреля 1920 года — в эмиграции в Югославии, был избран председателем Белградской беженской колонии, затем в июле 1920-го на съезде представителей беженских колоний Югославии — общебеженским представителем; в августе 1920 года Врангель назначил Палеолога правительственным уполномоченным по устройству русских беженцев в Югославии, а в сентябре Королевское правительство Югославии назначило его членом Державной (государственной) комиссии по делам русских беженцев.

² Вырезка из «Царского вестника», № 136 (дата не обозначена) (НИА. Maria Vrangeli Collection. 19–32).

«Нового Времени»: «Вы, конечно, уже знаете о преждевременной и напрасной кончине „Нов[ого] Времени“. Белградская молва уверяет, что эту газету утробили единодушными усилиями гг. Даватц и Рыбинский». По сведениям Палеолога, Даватц достиг столь высокого положения среди масонства, «что ему неудобно было в этом качестве продолжать работать в „Новом Времени“, а для того, чтобы отличиться перед массонами, он его и утробил»¹.

* * *

В начале 1930-х годов излюбленной мишенью РП стал Сталин. В одном из номеров была изображена голова вождя, насаженная на пику (1930. № 11–12), из номера в номер повторялись заключенные в рамку частушки:

Ночью Сталину не спится,
Все веревка ему снится.
Слышит он из ада клич:
Заждался тебя Ильич².

Приход к власти Гитлера вдохновил Соколова на следующие строки:

Сталин наш утрюмый стал,
Не глядит так гордо.
Поскорей бы надавал
Ему Гитлер в морду³.

Возможно, Брат № 1 первым в эмигрантской печати высказал (во всяком случае, в стихотворной форме) пожелание о пришествии Гитлера в Россию:

Гитлер гонит по шеям
Красных, право слово.
Вот на годик бы и нам
Гитлера такого!⁴

¹ НИА. Maria Vrangeli. 19–32.

² Русская Правда. 1931. № 67. С. 3.

³ Русская Правда. 1933. № 72–73. С. 4.

⁴ Там же. С. 8.

Пока же Гитлер не пришел, «Братчик, бей неутомимо, не давай ни разу мимо!»¹.

История отставки Соколова-Кречетова с поста Брата № 1, знаменовавшая по существу конец самого Братства Русской Правды, выглядит в изложении А. А. Вонсяцкого, ставшего, по его собственным словам, «третьим китом» Братства после смерти герцога Лейхтенбергского, следующим образом. Вонсяцкому, возглавлявшему Северо-Американский центр Братства и ставшему главным спонсором организации, в апреле 1932 года стало известно, что один из членов Верховного круга — агент ГПУ. Вонсяцкий немедленно отправился в Европу, где посетил Краснова в Сантени близ Парижа, а затем Парамонова и самого Соколова в Берлине. Методом исключения Вонсяцкий пришел к выводу, что провокатор — секретарь Верховного круга Кольберг. Однако Соколов категорически отказывался верить, что его правая рука — предатель.

Тем временем ГПУ, по мнению Вонсяцкого, решило провести «активное мероприятие» и покончить с Братством. В июне 1932 года в США отправилась делегация в составе Кольберга и парижских «братчиков» — шофера такси светлейшего князя В. Л. Голицына, якобы имевшего связи среди богатых американцев, и графа В. В. Мусина-Пушкина. Делегаты, среди прочего, намеревались заинтересовать нефтяную компанию «Стандард Ойл» планом взрыва Бакинского нефтепровода. Поначалу они избегали Вонсяцкого, а затем, при встрече, сообщили ему, что ими достигнута договоренность о заключении займов на крупную сумму. Вонсяцкий потребовал ввести в состав делегации представителя американского Центра Братства и в ультимативной форме выступил против заключения каких-либо займов без его санкции, о чем и написал Соколову, отправив копии письма Краснову и С. Н. Палеологу в Белград.

Получив одновременно письмо от Кольберга с информацией о возможности получить 1 млн долл. и о том, что Вонсяцкий чинит этому препятствия, Соколов, Краснов и Палеолог выбрали миллион. Вонсяцкий подал в отставку, уведя с собой всех членов Северо-Американского центра Братства (можно смело, впрочем, предположить, что их членство в организации было столь же виртуальным, как и миллион долларов, на дележке которого

¹ Там же. С. 6.

поскользнулись «братчики»). По возвращении делегации в Европу Кольберг списался с представителями отделов Братства, сообщив, что им привезена из Америки крупная сумма денег, но финансированию организаций на местах препятствует Соколов. Вывод — замена Соколова Кольбергом — напрашивался сам собой. Однако руководитель рижского отдела проинформировал Соколова об интригах Кольберга.

В этой ситуации ГПУ организует «утечку» о том, что Кольберг — агент Москвы. В Братстве разразился скандал, и члены парижского отдела (Голицын, Мусин-Пушкин и начальник отдела некий Макаров) потребовали отставки Соколова. «Парижане» выдвинули на роль руководителя члена Верховного круга начальника Прибалтийского центра постоянно проживавшего в Эстонии кн. А. П. Ливена. Соколов пытался передать руководство Краснову, но тот отказался и просил Брата № 1 не покидать свой пост. Тем временем протрезвевший от возлияний с парижскими братчиками кн. Ливен отправился в Берлин и принес Соколову повинную. Раскаявшийся грешник был прощен, и ему было поручено вернуться в Париж и изъять хотя бы часть «американских денег». Миссия, как и следовало ожидать, не была выполнена. То ли, как уверял Вонсяцкий, никаких денег из-за океана не было привезено вовсе, то ли «парижане», если даже и получили какие-то пожертвования, не захотели делиться.

К этому рассказу, в основном верно излагающему обстоятельства дела, добавим, что принадлежность Кольберга к ГПУ, не вызывавшая как будто ни у кого сомнений, насколько нам известно, не была подтверждена документально. В обстановке склок и интриг обвинение в принадлежности к советским спецслужбам было достаточно расхожим; в то же время заметим, что серьезных агентов «органы» специально не «засвечивали». А у Кольберга, которому, судя по всему, доставались крохи со стола Брата № 1, было достаточно мотивов, чтобы попытаться изменить свое положение в организации¹.

Так или иначе, это была агония. История Братства Русской Правды подошла к концу...

¹ Во всяком случае «разоблаченный» агент ГПУ Кольберг остался жить в Берлине, где и скончался в 1942 году, о чем опубликовала извещение русская нацистская газета «Новое слово», выходившая в Берлине.

* * *

Что же касается самого бывшего Брата № 1, то по иронии судьбы Гитлер «по шеям» погнал не только красных, но и самого Соколова, которому припомнили его масонство¹. Ему пришлось покинуть Германию и перебраться в Париж, откуда он доверительно сообщал Амфитеатрову, что вынужден был прекратить «Центровую работу»:

Уже весь последний год до моего решения я вынужден был существовать под ливнем доносов, шедших как из провокаторских источников, так и просто от той презренной эмигр[антской] гнили, которая всегда рада напакастить кому угодно. «Генеральная линия» этих доносов — та же, которая была ловко подсунута ГПУ при создании против меня заговора, руками предателя Кольберга подготовленного, но выполненного уже не предателями в точном смысле, но мелкими честолюбцами, охотниками за окладами и просто узколобыми тупицами, вроде ханжи «Изюмца»², у кого на языке тексты из Св. Писания, а на уме разлагательство и кляуза. Иными словами — все то же «жидомасонство», о коем «Изюмец» рассылал по всему свету свои против меня циркулярные филиппики, по которым я оказался тайным служителем какого-то мирового Кагала, а созданное мною активное дело какими-то таинственными способами выполнявшим «иудо-масонские» цели. При том полном невежестве и «клюквенных» суждениях о масонстве, какое свойственно правителям теперешней Германии, такого рода сплетням и доносам уши открывались довольно охотно и, если такие сплетни и не перевешивали до конца представления о всем моем ярко-антибольш[евистском] прошлом, то все же почва под ногами получалась весьма зыбкая. (Впрочем, тамошних туземцев я тут особо не виню, ибо надо понять и их положение, когда им в уши поет всякие мерзости российская же дрянь.)³

Соколов умер в Париже 14 мая 1936 года от опухоли мозга. Бывшие соратники, перемыв в личной переписке косточки Брата № 1, списали его мистификацию и собственную доверчивость на безумие покойного. В официальных некрологах приличия были соблюдены, и лишь наивный Бурцев по-прежнему продолжал считать небывшее бывшим.

¹ См.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 760.

² Установить, кто скрывался под этим псевдонимом, не удалось.

³ С. А. Соколов-Кречетов — А. В. Амфитеатрову. 25 ноября 1935 // School of Slavonic and East European Studies Library. London University. Amfiteatrov Collection. Box 1.

«КАЖЕТСЯ, СКОРО РУССКИХ ПРИДЕТСЯ ИСКАТЬ ЛИШЬ СРЕДИ ЕВРЕЕВ»

*(Из переписки Василия Маклакова и Оскара Грузенберга)*¹

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Оскар (Израиль) Осипович Грузенберг (1866–1940) были, несомненно, звездами русской адвокатуры начала XX века. Возможно, самыми яркими. Оба относились к числу лучших российских судебных ораторов, были тонкими знатоками российских законов и судебных обычаев и нравов.

О Маклакове уже говорилось подробно в этом томе, поэтому воспроизведу кратко лишь то, что относится к его адвокатской карьере. Маклаков адвокатом стал едва ли не случайно: «вечный студент», он поучился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, затем окончил историко-филологический. Он занимался в семинаре под руководством П. Г. Виноградова, написал блестящую работу об избрании жребием в Афинском государстве, опубликованную, вместе со студенческим трудом его соученика и приятеля М. О. Гершензона, в Ученых записках университета². Был претендентом на оставление при кафедре «для приурочения к профессорскому званию». Однако академическая карьера Маклакова не состоялась: попечитель Московского учебного округа П. Н. Боголепов — будущий министр народного просвещения и первая жертва российского терроризма XX века — воспрепятствовал этому. Маклаков «привлекался» за

¹ Будницкий О. В. «Кажется, скоро русских придется искать лишь среди евреев» // *Ab Imperio*. 2016. № 1. С. 179–221.

² Исследования по греческой истории. 1. В. Маклаков. Избрание жребием в Афинском государстве. 2. М. Гершензон. Аристотель и Эфор. М.: Унив. тип., 1894.

участие в студенческих волнениях, считался одним из лидеров студенческого движения — неполитического, но любая форма самоорганизации студенчества воспринималась властями как крамола.

К этой неприятности добавилось личное горе — умер отец Маклакова, известный врач-окулист; пришлось оставить казенную квартиру и думать о том, как прокормить многочисленное семейство: Маклаков не был женат, однако, будучи старшим в семье, состоящей, кроме мачехи, из семи братьев и сестер, должен был подумать о хлебе насущном — для себя и для них. Профессия юриста, прежде всего адвоката, была близка «общественному темпераменту» Маклакова и сулила пристойные заработки. Дело было за малым — получить диплом. Маклаков прошел курс юридического факультета за год, сдав все выпускные экзамены, кроме одного, уже не имевшего значения, на «весьма»! Сам он считал это своим высшим спортивным достижением. С 1896 года Маклаков — помощник присяжного поверенного. Его «патронами» были А. Р. Ледницкий и Ф. Н. Плевако; работа с ними была замечательной школой, однако ученик довольно быстро «отпочковался» от своих наставников и стал самостоятельной величиной. Имя ему создало выступление в защиту Сеткина по делу о злоупотреблениях в Северном страховом обществе; о молодом адвокате писала пресса; его речь была напечатана в журнале «Судебные драмы»¹. С 1901 года Маклаков — присяжный поверенный округа Московской судебной палаты.

К числу наиболее известных судебных речей Маклакова относятся выступления по делу М. А. Стаховича против князя В. П. Мещерского; он, вместе с Плевако, поддерживал иск Стаховича по обвинению Мещерского в клевете. Один из его ораторских шедевров — речь по делу крестьян, разгромивших в селе Долбенково экономию, принадлежавшую великому князю Сергею Александровичу². Звездным часом Маклакова-адвоката было его выступление на Выборгском процессе (1908) — процессе по делу депутатов 1-й Государственной думы, подписавших

¹ Судебные драмы. 1898. Т. II. С. 114–129.

² Об обстоятельствах этих дел, так же как упомянутые речи Маклакова, см. в кн.: Маклаков В. А. Речи: судебные, думские и публичные лекции. 1904–1926. Предисловие М. А. Алданова. Париж: Издание Юбилейного комитета, 1949.

Выборгское воззвание с призывом в знак протеста против роспуска Думы отказаться от уплаты налогов, службы в армии, а также от признания правительственных займов¹.

Путь Грузенберга в адвокатуру был и «прямее», и сложнее, чем путь Маклакова. Грузенберг был тремя годами старше своего будущего коллеги. Он окончил юридический факультет Киевского университета в 1889 году, когда Маклаков в профессиональном отношении еще находился в переходном состоянии от «естественника» к историку. Научная карьера Грузенберга также не задалась: он отказался от предложения остаться при кафедре, ибо условием этого был переход в христианство. Не повезло ему и еще в одном отношении: в 1889 году вступил в силу закон, де-факто ограничивавший доступ евреев в адвокатуру. Формально закон всего лишь передавал решение этого вопроса в ведение Министерства юстиции, однако на практике положительные решения принимались в исключительных случаях². Грузенберг перебрался в Петербург, где поступил в помощники присяжного поверенного П. Г. Миронова. В качестве помощника он прослужил 16 лет, став членом сословия присяжных поверенных лишь 10 января 1905 года. К этому времени он был уже известным адвокатом (присяжные поверенные и их помощники исхитрялись обходить ограничения на ведение дел путем сложной системы доверенностей), а также редактором (совместно с В. Д. Набоковым) уголовного отдела в газете «Право» (в 1898–1901 годах); кроме того он вел отдел уголовного суда в «Журнале С.-петербургского юридического общества».

Грузенберг был, по-видимому, лучшим «кассатором» в России; это предполагало как тонкое знание законов, так и сенатских «коридоров». Однако особенно прославился он защитой политических деятелей и писателей и выступлениями на «еврейских» процессах. Грузенберг защищал А. М. Горького, Корнея Чуковского, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова; он был руководителем защиты на процессе по делу Петербургского совета

¹ См. речь Маклакова в кн.: Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 117–125. Вместе с ним защищали О. Я. Пергамент и Н. В. Тесленко.

² См. подробнее: *Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia.* Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002. P. 345–366.

рабочих депутатов, в котором персонально защищал Л. Д. Троцкого. Грузенберг защищал П. Дашевского, совершившего покушение на считавшегося вдохновителем Кишиневского погрома П. Крушевана. Огромную популярность в еврейском мире ему принесли выступления на «ритуальных» процессах¹: по делу Д. Блондеса и, позднее, по делу Бейлиса, о котором пойдет речь ниже. Принципиальное значение имело дело Я. Гершановича (дело о «мариампольской измене») в период Первой мировой войны; в то время, когда евреи en masse обвинялись главным командованием в измене, что вполне разделялось и поддерживалось значительной частью общества, добиться пересмотра дела и оправдания подзащитного было чрезвычайно сложно. Грузенбергу это удалось.

К числу его поразительных адвокатских достижений относится защита по делу эсера поручика В. Пирогова, приговоренного военным судом к смертной казни. Грузенберга пригласили защищать в последний момент; дела он не видел и обвинительное заключение воспринимал на слух. Уловив в речи обвинителя союз «и» и следующие за ним «гражданские» статьи в дополнение к «военным», он добился кассации дела на основании того, что к нему не был допущен гражданский защитник. Впоследствии он добился не только отмены приговора, но и полного оправдания своего подзащитного².

Грузенберга-адвоката отличали не только тонкое знание законов (недаром значительная часть его побед была одержана на «кассационном фронте»), красноречие и поразительная быстрота реакции. Он умел находить общий язык с сенаторами, прокурорами, судьями — конечно, с теми, кто соблюдал «правила игры» и ценил профессионализм своего соперника и в то же

---

¹ «Ритуальные процессы» — процессы по делам по обвинению евреев в убийствах людей иных исповеданий (преимущественно христиан) для использования их крови в ритуальных целях («кровавый навет»). Кровавые наветы, зародившиеся в период Римской империи, практически прекратились в Западной и Центральной Европе после эпохи Реформации, однако вновь появились во второй половине XIX — начале XX века в связи с формированием современной антисемитской идеологии. В начале XX века в России состоялось несколько «ритуальных процессов»; во всех случаях подсудимые были оправданы.

² О деле поручика Пирогова см.: *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 96–109.

время соратника по постепенному продвижению России по пути к правовому государству.

Е. М. Кулишер вспоминал, как Грузенберг, возглавлявший защиту на одном крупном политическом процессе, обратился с каким-то ходатайством к суду. Судило Особое присутствие Санкт-Петербургской судебной палаты.

Председательствовавший Н. С. Крашенинников, даже не делая вида, что совещается с другими судьями, отчеканил: «Выслушав заявление защиты и принимая во внимание то-то и то-то, и то-то, Особое Присутствие Санкт-Петербургской Судебной Палаты определяет: в означенном ходатайстве отказать».

Пока Крашенинников объявлял это определение, Грузенберг встал. И в тот момент, когда прозвучало слово «отказать», он начал: «Ввиду состоявшегося определения Особого Присутствия, защита собралась на экстренное совещание и, всесторонне обсудив создавшееся положение, единогласно поручила мне сделать нижеследующее заявление». И затем последовал тонкий юридический анализ, преподносивший в несколько иной форме то же требование защиты.

Крашенинников, *формально честный судья* (курсив мой. — О. Б.), сразу признал свое поражение. Палата удалилась для совещания и удовлетворила требование защиты¹.

«Формально честный судья» — а что еще, собственно, требовалось от судьи? Условием возникновения великой адвокатуры было наличие честных судей, да и других «элементов» судебной системы. Иначе работа адвокатов просто теряла смысл. Любопытно, что в позитивном плане среди судейских чиновников в литературе упоминают разве что А. Ф. Кони. Да и того иногда именуют адвокатом, хотя в адвокатуре знаменитый юрист не состоял ни одного дня.

Маклаков также умел «работать» с судьями, точнее, учитывать их психологию.

«Судьи редко обижались на Маклакова, и он умел их обворачивать», — писал в предисловии к юбилейному сборнику речей

---

¹ Кулишер Е. М. Грузенберг как адвокат // Грузенберг О. О. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 8.

Маклакова его ближайший друг в послевоенные годы и горячий поклонник Марк Алданов. Алданов передает, со слов очевидца, эпизод, случившийся во время процесса по делу о Московском вооруженном восстании: «Председатель Ранг резко обрывал первого защитника. Затем выступил В. А. — он по существу говорил не менее определенно, чем его товарищ по защите, но председатель его ни разу не прервал. По окончании речи Ранг, обращаясь к другим судьям, заметил вполголоса: „Вот что значит, когда говорит умный человек!“»¹

Пореформенный суд, разумеется, не стоит идеализировать. «Формальная» законность нередко попиралась в угоду «государственным» интересам. Тот же Крашенинников был председателем суда на Выборгском процессе. Речь Маклакова на процессе, завершившаяся словами «Есть ли у нашего закона защитники?», настолько потрясла не только присутствующую публику, но и председателя суда, что он ушел из зала, забыв объявить заседание закрытым. Однако аргументы Маклакова, показавшего, что членов Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание, обвиняют не по той статье — за распространение, а не за составление воззвания — и что доказательств их участия в распространении воззвания не существует, не были учтены судом. В данном случае «формально честный» судья переступил через формально верные аргументы, и суд вынес обвинительный приговор: трехмесячный арест и лишение права впредь баллотироваться в Государственную думу для 167 «перводумцев».

Однажды Маклаков и Грузенберг защищали вместе: участие именно в этом прискорбном процессе принесло обоим всемирную славу. Речь идет о деле Бейлиса (1913), деле по обвинению приказчика кирпичного завода в Киеве Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве. Бейлис был оправдан, а присяжные, по мнению Маклакова, «спасли честь русского суда». Речи Грузенберга и Маклакова на суде отчетливо показывают разницу в их ораторских приемах, ораторской манере: Грузенберг произнес блестящую речь в защиту еврейства, которое, по существу, являлось обвиняемым на этом процессе. Грузенберг обращался не только к присяжным: он говорил «городу и миру»,

¹ Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова // Маклаков В. А. Речи. С. 16.

«для истории». После процесса его именем была названа одна из улиц недавно основанного Тель-Авива.

Однако, по мнению современников, решающую роль в оправдании Бейлиса сыграла речь Маклакова, построенная логично и очень просто. Речь была рассчитана именно на данный, «темный» состав присяжных и преследовала конкретную цель — доказательство невинности именно этого человека, Менделя Бейлиса.

Маклаков показал себя в этой речи, по мнению одного из присутствовавших в зале суда юристов, «достойным учеником Плевако». Центральным моментом речи стала сцена разговора очевидно причастной к убийству Андрея Ющинского главы воровской шайки Веры Чеберяк с ее умирающим сыном, которая, по словам очевидца, «должна была потрясти слушателей». Недаром в стенограмме процесса в этом месте несколько раз отмечено «движение» в зале¹. Маклаков нашел ясные и понятные присяжным слова: «Здесь присяга — не осудить виновного, здесь крест Спасителя, здесь портрет Государя Императора. В этом деле все сводится к одному: сумейте быть справедливыми, забудьте все остальное»².

Бейлис, как известно, был оправдан, а свое мнение о процессе и подстрекательской роли в нем Министерства юстиции Маклаков выразил в статьях, опубликованных в «Русских ведомостях» и «Русской мысли»³. Характерно название статьи в «Русской мысли» — «Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса». Редактор «Русской мысли» П. Б. Струве, по воспоминаниям Маклакова, прочтя его статью, обнял его и поцеловал. В статье говорилось, что приговор присяжных спас доброе имя суда, едва не опороченного действиями высших судебных властей. Однако же эти статьи не были оставлены без внимания Министерством юстиции, и Маклаков, так же как редакторы

¹ Письмо А. А. Гольденвейзера В. А. Маклакову от 10 апреля 1954 // НИА. Stanford University, Stanford, California. Vasily Maklakov Collection. 16–10; Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913. Т. III. С. 137–138.

² Дело Бейлиса. Т. III. С. 125.

³ Маклаков В. Значение дела Бейлиса // Русские ведомости. 1913. 30 октября. № 250; Он же. Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. № 11. Отд. II. С. 135–143.

«Русских ведомостей» и «Русской мысли», были преданы суду «за распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц».

Уже во время Первой мировой войны Маклаков, так же как редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Избавила их от «отсидки» Февральская революция.

Грузенберг был адвокатом *per se*: вел одновременно несколько дел, имел штат помощников и неплохо зарабатывал. Настолько неплохо, что даже мог позволить себе заказать двойной портрет — с женой — самому Валентину Серову! Правда, работа над портретом четы Грузенберг (1909) удовольствия Серову как будто не доставила. По словам И. Э. Грабаря, «модный адвокат» и его жена «немилосердно» торговались с Серовым и до смерти ему надоели; «он им за это отомстил портретом, чего они, впрочем, не уразумели»¹. По словам другого исследователя творчества Серова, на портрете

словно через приоткрытую дверь гостиной видим мы проходящую пару. Улыбается супруга, приветливо и с достоинством, как, по ее представлению, и должна улыбаться дама, уделяющая окружающим частицу своего очарования; супруг серьезен и скромен, каким и должен быть человек преуспевающий, удачливый в семейной жизни... супруги Грузенберг в портрете не замечают, что выглядят они смешно и скучно, что респектабельность их безнадежно провинциальна, что «эффектное» белое платье лишь подчеркивает физиологичность фигуры, а обтянутый жилетом живот не вяжется с благородно-романтическим выражением лица. Идеалы мещанской добродетели развенчиваются Серовым с редкостной для живописи силой².

Сам Серов считал портрет «неудачным (и весьма)» и просил Грабаря не помещать его в монографии, ему посвященной³. Вряд ли художник мог представить, что этот «неудачный» портрет

¹ Грабарь И. Э. В. А. Серов. Жизнь и творчество. 1865–1911. М., 1980. С. 181.

² Лянишин В. А. Портретная живопись В. А. Серова 1900-х годов: Основные проблемы. Л., 1986. С. 158.

³ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников / Сост. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. Л., 1971. Т. 2. С. 449.

станет одним из самых известных — и самым дорогим — из его произведений! Картина после смерти Грузенберга перешла к его потомкам и 6 декабря 2012 года была продана правнучкой четы Грузенберг на аукционе FAAM (Fine Art Auction Miami) в Майами за 4,1 млн долл. Это самая высокая цена, когда-либо уплаченная за картину Серова¹.

* * *

Маклаков выступал по большей части в процессах по уголовным и политическим делам; гражданские споры, составлявшие, как правило, основную часть адвокатской практики, не были его коньком. Маклаков никогда не был юрисконсультom и никогда не имел постоянных клиентов; не любил он и кропотливой подготовительной работы, в особенности свойственной гражданским делам. Он был «одиночкой», хотя и входил в различные адвокатские общества, как, например, в кружок, получивший шутовское название «Бродячий клуб»; члены кружка видели назначение адвокатуры не только в содействии конкретному клиенту, но в служении идеалам права.

Вацлав Ледницкий, сын первого «патрона» Маклакова в адвокатуре А. Р. Ледницкого, хорошо знавший знаменитого ученика и друга своего отца, писал о Василии Алексеевиче: «Он был своего рода гастролером в громких уголовных и политических процессах, и люди ходили его слушать, как ходили слушать Шалыпина или Собинова; слушать замечательного оратора и очень умного, культурного образованного человека, который пленял их, однако, не только блеском слова и своей всесторонней эрудицией, но и особым национальным шармом, своей кровной русскостью»². Маклаков и сам назвал себя как-то «гастролером» в гражданских делах. Собственно, «гастролером» он стал и в большинстве остальных, после того, как главным делом его жизни стала политика, думская работа.

¹ См.: <http://www.artguide.com/ru/news/siensatsiia-v-miami-novyi-auktionnyi-riekord-valientina-sierova-1025.html>; Ах, вернисаж. Адвокаты в изобразительном искусстве / Сост. А. В. Крохмалюк. Вып. 1. М., 2014. С. 3–4.

² Ледницкий В. Вокруг В. А. Маклакова (Личные воспоминания) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. Кн. 56. С. 230.

* * *

Как и многие другие российские юристы, Маклаков и Грузенберг принадлежали к русской «общественности». Маклаков участвовал в земском движении, был секретарем кружка либеральных земцев «Беседа», стал своеобразным связным между деятелями нелегального Союза освобождения в России и редактором их заграничного органа — журнала «Освобождение» П. Б. Струве. В 1905 году Маклаков стал одним из основателей партии кадетов, был избран членом ее ЦК; в период выборов в 1-ю Государственную думу он совместно с А. А. Кизеветтером подготовил руководство для кадетских ораторов, вошедшее в историю под названием «кизеветтеровского катехизиса». Маклаков был избран во 2-ю Думу от Москвы; в Думе он упрочил свою славу одного из лучших ораторов России. Он был избран также в Государственные думы 3-го и 4-го созывов. Начиная с 1906 года Маклаков был больше политиком, чем юристом. Правда, лидер партии П. Н. Милюков упрекал Маклакова впоследствии в том, что он и в политике остался адвокатом.

Грузенберг ни в какие партии не входил, не считая нескольких месяцев пребывания в составе партии народных социалистов, что случилось уже в 1917 году. Он баллотировался во 2-ю Думу от Виленской губернии и не прошел. Политикой он занимался в гораздо меньшей степени, чем Маклаков, однако участвовал в еврейском национальном движении, консультировал евреев-депутатов 3-й и 4-й Государственных дум.

После Февральской революции 1917 года Маклаков был назначен комиссаром Временного правительства в Министерстве юстиции; однако ожидаемый пост министра юстиции получил вместо него А. Ф. Керенский. В итоге Маклаков был назначен послом во Францию. По иронии судьбы он прибыл в Париж на следующий день после захвата власти большевиками. Заочно он был избран в Учредительное собрание от партии кадетов. Грузенберг после Февральской революции, уравнившей, среди прочего, евреев в правах, был назначен сенатором. Он также был избран в Учредительное собрание, однако на сей раз баллотировался по списку еврейских национальных организаций.

И Маклаков, и Грузенберг были противниками большевиков. Маклаков сохранял пост посла несуществующего правительства

до 1924 года, в годы Гражданской войны занимался дипломатическим обеспечением Белого движения. Грузенберг пытался сотрудничать с белыми на Юге России: у него это не получилось — такие союзники антисемитски настроенным руководителям белых были не нужны. Сына Грузенберга Юрия не приняли в Добровольческую армию¹. География и хронология перемещений Грузенберга по бывшей Российской империи, а затем за границей прослежена В.И. Хазаном. 13 июня 1918 года Грузенберг с семьей покидает Петроград и перебирается в Киев. С августа 1918-го по конец лета 1919 года Грузенберг в Одессе, затем, после недолгого пребывания в Севастополе, семья отправляется в Тифлис по приглашению старшего брата Оскара Осиповича — Матвея, известного в тамошних кругах адвоката. В самом конце 1919 года Грузенберг уехал в Константинополь, эту «пересадочную станцию» на пути в эмиграцию. Однако же оттуда Грузенберги отправляются не на запад, а в Батум по причинам вполне материальным: здесь Оскару Осиповичу обещано вполне пристойное жалованье как члену правления двух российских банков. Из Батума Грузенберги вновь переезжают в Тифлис и лишь в начале 1921 года отправляются в «настоящую» за границу, через Берлин — в Париж, куда прибывают в апреле. В январе 1922 года Грузенберги переезжают в Берлин. Это обычный маршрут для многих эмигрантов того времени, так как жизнь в Берлине была гораздо дешевле. С 1923 года Грузенберги в Ницце. По-видимому, решающим мотивом для выбора нового места жительства послужили рекомендации врачей, нашедших у Оскара Осиповича процесс возвратного туберкулеза. Правда, эти рекомендации были забыты, когда весной 1926 года Грузенберг решает переехать в Ригу, где климат был, пожалуй, хуже берлинского. В Латвии, по сути, действует старое русское право, несмотря на формальные ограничения, есть возможность заниматься юридической практикой; здесь многочисленная русскоязычная колония и, наконец, — возможно, это стало решающим моментом, — Грузенберг является здесь едва ли не такой же звездой, как в России. Точнее, даже большей, ибо здесь

¹ Грузенберг О. О. Страницы воспоминаний / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета в Москве. № 3 (7). С. 221–240.

он единственный юрист такого калибра, его почтительно именуют сенатором. Рижский период был, пожалуй, самым профессионально продуктивным в эмигрантской жизни Грузенберга. Однако проблемы со здоровьем берут свое, и в начале 1932 года он вынужден вновь переехать в Ниццу. Точнее, остаться во время планировавшейся как недолгая, поездки, лишившись почти всего своего имущества в Риге¹. Здесь, в Ницце, прошли последние годы его жизни. Здесь он скончался в декабре 1940 года².

Маклаков в 1924 году, после отставки с дипломатического поста, возглавил Офис по делам русских беженцев при Министерстве иностранных дел Франции и одновременно был избран председателем русского Эмигрантского комитета. До конца своей долгой жизни он жил в Париже, занимаясь защитой интересов российских изгнанников³.

¹ «Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают»: О. О. Грузенберг / Публикация, вступ. ст. и примеч. В. И. Хазана // Современные записки. Париж, 1920–1940. Из архива редакции / Ред. О. Коростелев, М. Шруба. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 443–449, 455.

² Подробнее о Грузенберге см.: Б. О. О. О. Грузенберг — защитник в революционном трибунале: Из воспоминаний подзащитного // Новое русское слово. 1940. 31 декабря. № 10189. С. 2; вступительные статьи Е. М. Кулишера, И. А. Найдича, А. Я. Столкинда, И. Л. Цитрона в кн.: *Грузенберг О. О. Очерки и речи*. Нью-Йорк, 1944; *Гольденвейзер А. А. Адвокат-боец: Памяти О. О. Грузенберга* // В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. С. 241–252; *Герман И. Я. Большой русский патриот: Памяти О. О. Грузенберга* // Русская мысль. 1953. 14 ноября. № 606. С. 4; *Вишняк М. В. О. О. Грузенберг* // Русская мысль. 1956. 10 июля. № 923. С. 2–3; *Ковальчук С. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга* // Евреи в меняющемся мире: материалы 3-й междунар. конф. Рига, 25–27 октября 1999 г. / Ред. Г. Бранновер, Р. Фербер. Рига, 2000. Т. III. С. 486–494. Наиболее полный биографический очерк о Грузенберге принадлежит В. И. Хазану — «Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают»: О. О. Грузенберг. Публикация, вступ. ст. и примеч. В. И. Хазана // Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Ред. О. Коростелев, М. Шруба. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 431–458.

³ Подробнее о Маклакове см.: *Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек*. Париж, 1959; *Карнович М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков* // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 60; *Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков* // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *Он же. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм* // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *Он же. В. А. Маклаков и «еврейский вопрос»* // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1 (19). С. 42–94; *Он же. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939* // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; *Он же. Послы несуществующей страны* // «Совершенно лично и доверительно!»

И Маклаков, и Грузенберг много писали еще в России: Маклаков по большей части на общеполитические темы, Грузенберг — на юридические. Последний был в числе основателей газеты «Право», в которой редактировал совместно с В. Д. Набоковым уголовный отдел. В эмиграции оба сотрудничали в журнале «Современные записки», публиковались и в других изданиях; оба в 1930-е годы выпустили воспоминания: Маклаков — «Власть и общественность на закате старой России» (1936), Грузенберг — «Вчера» (1938). Вторая книга воспоминаний Грузенберга — «Очерки и речи» — вышла посмертно (1944) в Нью-Йорке; Маклаков в 1940–1950-е годы выпустил еще три книги воспоминаний («Первая Государственная дума» [1940, поступила в продажу в 1945], «Вторая Государственная дума» [1947], «Из воспоминаний» [1954]) и сборник своих речей (1949).

В их довоенных книгах отчетливо видна разница подходов и темпераментов. Воспоминания Маклакова, первоначально печатавшиеся в «Современных записках» (1929–1936) под названием «Из прошлого», аналитичны, в них много историософии и мало личного. Это в значительной степени сведение счетов со своим прошлым и, в особенности, со своей партией и ее лидером — П. Н. Милюковым. Маклаковские воспоминания вызвали много откликов и горячую полемику, временами переходящую на личность автора. Воспоминания Грузенберга — очень личная, даже эгоцентричная книга.

Известный юрист Б. Л. Гершун писал о книге Грузенберга своему коллеге по адвокатскому цеху А. А. Гольденвейзеру:

Милюков — страха ради иудейска — напечатал о ней восторженную рецензию¹. Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, по-

Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001. С. 16–114; *Он же*. Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179–240; *Он же*. В. А. Маклаков и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М., 2010. С. 203–232; *Он же*. В. А. Маклаков и В. В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М., 2012. С. 5–42; *Он же*. В. А. Маклаков и М. А. Алданов. Политика и литература // «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. М., 2015. С. 5–44; и др.

¹ См.: Милюков П. «Вчера» О. О. Грузенберга // Последние новости. 1938. 14 апреля. № 6228. С. 3.

священные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о «великих людях», его друзьях — Короленко, Горьком, Кони. Язык — вымученный, любовь к «истинно-русским» оборотам речи и поговоркам [...] — и повсюду Оскар, Оскар и Оскар, — некуда от него спрятаться.

Как вам нравится в первых строках — определение русского языка:

«Я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, заволаживающий; в книге — простой, просвечивающий до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы — подмороженный, страстно-сдержанный».

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, — там язык натуральнее¹.

Грузенберг своей самовлюбленностью и самоуверенностью раздражал многих. Но все же это была история и слава русской адвокатуры. И Гершун не выдержал — боясь обидеть знаменитого коллегу, написал о столь непонравившейся ему книге положительную рецензию². Однако книга Грузенберга, возможно именно в силу недостатков, очевидных интеллектуалам, но привлекательных для «широкой публики» — что может быть увлекательнее, чем «сага» о героическом адвокате, защитнике униженных и оскорбленных? — пользовалась успехом и полностью разошлась, что было не столь частым явлением в эмигрантской литературе. Тем паче что эта «сага», если вынести за скобки внушительное эго автора, не слишком грешила против истины. В результате Грузенберг получил даже некоторый доход от продажи тиража, что было немаловажно в не слишком блестящих финансовых обстоятельствах последних лет его жизни.

Грузенберг основал в 1929 году в Риге юридический журнал «Закон и суд». Это единственное специализированное юридическое издание, выходившее в Русском зарубежье (проблематика многих статей выходит за рамки чисто юридических вопросов): журнал выходил до 1938 года, всего вышло 90 номеров. Это все еще не изученный и не оцененный по достоинству памятник

---

¹ Письмо Б. Л. Гершуна А. А. Гольденвейзеру от 15 мая 1938. Цит. по: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М., 2013. С. 144.

² Гершун Б. Грузенберг, как уголовный защитник (по поводу книги его воспоминаний «Вчера») // Последние новости. 1938. 1 сентября. № 6367. С. 4.

российской юридической мысли¹. Многие статьи, публиковавшиеся на страницах журнала, в особенности о правах национальных меньшинств, имеют, на наш взгляд, не только исторический интерес.

* * *

Маклаков и Грузенберг не были друзьями. Более того, знаменитый коллега раздражал Маклакова, как, впрочем, и многих других современников. Грузенберг был чрезвычайно эгоцентричен и самолюбив. Василий Алексеевич был довольно терпимым человеком и поддерживал хорошие (а иногда и приятельские) отношения с широким кругом людей, в том числе с теми, с кем серьезно расходился в политических взглядах. В политике он пытался понять правду другой стороны, не победить, а убедить оппонента. Однако же у него были и довольно устойчивые антипатии, нередко лишавшие его объективности, а то и терпимости. По нашим наблюдениям, в «большую тройку» его антипатий входили П. Н. Милюков, М. М. Винавер и О. О. Грузенберг.

Милюков в этом отношении лидировал с огромным отрывом от всех прочих. Винаверу в маклаковской переписке доставалось по большей части за его апологию 1-й Думы (Маклаков хоть и защищал ее депутатов на Выборгском процессе, однако считал их деятельность контрпродуктивной), да и за кадетскую ортодоксию в целом. Что же касается Грузенберга, то Маклакова прежде всего раздражали некоторые особенности его характера. В личной переписке Маклаков мог позволить себе быть гораздо более откровенным, чем в опубликованных текстах. Он писал своему ближайшему другу и confidentу послевоенных лет Марку Алданову: «Беда Милюкова в том, что он хотел быть властью, вести за собой, хотя для этого у него не было достаточно данных. Оттого он любил лесть, поклонение, обожание. На это я насмотрелся, наблюдая его в партии, как лидера партии. И главное это вытекало не из убеждения в том, что его

¹ Единственная известная нам обзорная статья о журнале: *Ковальчук С.* Судьба журнала «Закон и суд» (1929–1938) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88–103.

путь ведет к спасению, а из желания быть первым. В этом отношении у него было нечто общее с Грузенбергом»¹.

В другой раз Маклаков писал о Грузенберге 15 лет спустя после его смерти тому же Алданову: «Если я назвал Ваш отзыв о моей статье „снисходительным“, так, во-первых, я делал поправку на Вашу дружбу, о чем и сказал; во-вторых, я вообще не Грузенберг, кот. находил, что его недостаточно хвалят»².

Впрочем, Маклаков довольно откровенно писал о том, что его раздражало в Грузенберге, не только в переписке, но и в своей последней — и, на мой взгляд, лучшей книге: «Толстой про людей любил повторять чье-то изречение: „Всякий человек есть дробь, где числитель то, что он стоит, а знаменатель то, что он о себе думает“. И как ни велик был числитель у Чехова, его скромность и даже застенчивость этот числитель во много раз увеличивали.

Такое отношение к людям мне пришлось наблюдать у Толстого и с теми известными людьми, которых я, по их желанию, приводил с ним знакомиться: вспоминаю трех знаменитых адвокатов: Карабчевского, Грузенберга и Плевако»³.

Не касаясь Карабчевского (который совершенно смазал благоприятное поначалу впечатление сделанным им признанием, что он добился оправдания заведомого убийцы и считал это своим достижением) и Плевако, который Толстому понравился, приведем большой отрывок, посвященный встрече Грузенберга с маклаковским кумиром. Маклаков был довольно близок к Толстому со студенческих лет: именно его великий писатель избрал своим спутником для пеших прогулок по Москве. Позднее Маклаков бывал частым гостем в Ясной Поляне. Он пережил период увлечения толстовством; позднее, несмотря на то что избрал презираемую в целом Толстым профессию адвоката, не переставал восхищаться Толстым и, возможно, понимал его как человека, так же как смысл его учения, лучше других современников, да и потомков. Грузенберг пытался «образумить» писателя и растолковать Толстому неадекватность его учения,

¹ Маклаков — Алданову. 26 марта [1956] // ВАР. Вых 34.

² Маклаков — Алданову. 22 фев[раля] [1955] // ВАР. 5–15.

³ Маклаков В. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 176–177.

о чем сам позднее рассказал в печати¹. Неудивительно, что это вызвало раздражение Маклакова:

Грузенберг про свою встречу с Толстым сам рассказал в своей книге «Очерки и речи». Он ехал тогда из Севастополя с большого процесса, удачно прошедшего и, по его выражению, «его сердце было исполнено радости и гордости за защитников». В дороге ему пришлось прочесть в «Ниве» главы «Воскресения», где описывался суд над Катюшей Масловой, и он вознегодовал на Толстого за то, что тот «променял кисть гениального художника на перо публициста и моралиста». Он решил, не откладывая, увидеть Толстого и спросить у него ответа на свои сомнения. По просьбе Грузенберга я его к Толстому привел и, как он сам в своей книге вспоминает, тотчас их оставил вдвоем. Разговор их происходил без меня. Грузенберг его описал. Это был один из вариантов того спора, который Владимир Соловьев с остроумием изобразил в своих «Трех разговорах», где оба собеседника ни до чего договориться не могут, ибо говорят о разных вещах. «Князь» там говорит с нетерпением: «Тысячу раз я слышал этот аргумент», а г. Z ему отвечает: «Замечательно не то, что вы его слышали, а то, что никто ни разу не слышал от ваших единомышленников дельного или сколько-нибудь благовидного возражения на этот простой аргумент».

Подобный классический спор уже не мог Толстого интересовать. Он его слишком часто слышал. В данном случае необычно было только то, что Толстой, всегда сдержанный и деликатный, на этот раз раздражился, и, по словам Грузенберга, ему «гневливо» ответил, хотя потом и «спохватился».

Неожиданную вспышку Толстого я себе могу объяснить, вспоминая, в каком настроении Грузенберг к нему шел. На то, что для Толстого было его «верой», религией, Грузенберг смотрел, как на неудачную публицистику; он шел к Толстому ее опровергнуть. Я помню, как Грузенберг тогда мне объяснил, зачем он хочет быть у Толстого. Я слишком хорошо такое желание понимал, чтобы нуждаться в «мотивировке» его. Но Грузенберг мне сказал, что о его приезде в Москву после громкого процесса на Юге говорили газеты, и что Толстой мог бы обидеться, если Грузенберг проедет через Москву, к нему не

¹ Грузенберг О. Толстой и суд (Разговор с Л. Толстым в 1900 году) // Закон и суд. 1930. Сентябрь. № 13. Перепечатано в: Грузенберг О. О. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 142–148.

заехав. Такое опасение Грузенберга могло быть объяснено только тем его эгоцентризмом, которого не могли отрицать в Грузенберге даже близкие друзья его, и который от него часто отталкивал, несмотря на его талант, заслуги и многие хорошие стороны. В нем знаменатель был много больше числителя. Если Толстой в нем это почувствовал, это не могло не подействовать на него отрицательно. Недаром он мне ничего не сказал о своем с ним разговоре, и я понял, что Грузенберг пришелся ему не по душе¹.

Надо сказать, что и Грузенберг относился к своему коллеге по защите Бейлиса весьма неровно. Ему совсем не импонировало несколько скептическое, в толстовском духе, отношение Маклакова к их общей профессии, о чем Грузенберг упомянул в юбилейной речи по случаю 50-летия введения Судебных уставов². Почти 20 лет спустя, после периода восхищения деятельностью Маклакова по защите интересов российских изгнанников, споров по вопросу о юридическом статусе эмигрантов, тяжелой ссоры и разрыва по в общем-то пустячному поводу, Грузенберг писал одному из редакторов «Современных записок» В. В. Рудневу:

Рецензии о м[оей] книге в «Совр[еменных] зап[исках]» давать не стоит, если она будет поручена Василию Алексеевичу [Маклакову]. Я знаю из его писем его доброе мнение обо мне, но судебного дела он никогда не любил, и по душевному строю мы друг другу чужды. — У него кислотный ум и опустошенное сердце. Изданные им воспоминания показали, что жизненные впечатления у него еще не отстоялись, и он продолжает вести раздраженную полемику со всем российским «вчера», не сознавая, что все в эмиграции так измучены и обижены, что надо оберегать друг друга от печатных поношений. Одно было не сдержаться себя в словесной полемике или переписке, другое — в печати³.

---

¹ Маклаков В. Из воспоминаний. С. 179–180.

² Грузенберг О. О. О петроградской адвокатской громаде: [Речь произнесенная в юбилейном собр. петрогр. присяжных поверенных и их помощников]. Пг.: Юрид. кн. склад «Право», 1916. С. 29. Подробнее о полемике Маклакова и Грузенберга о роли адвокатуры см. в публикуемой ниже переписке и комментариях к ней.

³ Грузенберг О. О. — Рудневу В. И. 31 октября 1938 // «Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают». С. 662.

Образ жизни Маклакова и Грузенберга в эмиграции был различным во многих отношениях. Маклаков постоянно жил в Париже, Грузенберг по меньшей мере пять раз менял «прописку». Маклаков был закоренелым холостяком (его домоправительницей была младшая сестра), Грузенберг был обременен семьей, доставлявшей не слишком много радостей: дочь разошлась с мужем, тяжело болела и ушла из жизни 40 лет от роду; на руках у дедушки с бабушкой оказалась семилетняя внучка. У сына было выявлено психическое расстройство, и в 1932 году он был помещен в психиатрическую лечебницу. Маклаков не испытывал особых материальных проблем. Отправляясь в качестве посла в Париж, он, по-видимому, перевел свои сбережения за границу; затем получал огромное посольское жалованье (поначалу 75 тыс. руб. золотом), потом жалованье по должности главы Офиса по делам русских беженцев. Иногда занимался и адвокатскими делами, но они не были главным источником его дохода. Грузенбергу, достаточно состоятельному человеку в России, приходилось постоянно работать, благо в клиентах он не испытывал недостатка. Однако его заработки эмигрантского периода не шли ни в какое сравнение с российскими.

Первые письма Грузенберга Маклакову датируются 1921 годом, однако относительно регулярная переписка завязалась между ними в середине 1920-х годов. Переписка тем более интересная, что эпистолярный диалог вели между собой люди, придерживавшиеся нередко весьма различных взглядов на прошлое и настоящее России и эмиграции и бесспорно противоположные по темпераменту. Эта «разность потенциалов» и создает энергетику, напряженность заочного диалога. Переписка продолжалась по 1940 год, с большими перерывами и с различной степенью интенсивности. Наиболее интенсивно она велась с 1925 по 1935 год. После «ссоры по переписке» в 1936 году (разрыв произошел по инициативе Маклакова) последовал почти трехлетний перерыв, а затем отношения, во всяком случае эпистолярные, возобновились в 1939-м.

Переписка сохранилась, хотя, увы, не полностью, среди бумаг Маклакова в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете (США). В фонде Маклакова находятся оригиналы — преимущественно автографы — писем Грузенберга

и машинописные отпуска писем Маклакова. Письма, написанные Маклаковым от руки, не сохранились или, скажем осторожнее, пока не обнаружены. Вообще, эпистолярное наследие Маклакова поразительно по объему, широте обсуждавшихся проблем, интеллектуальному и литературному уровню. Его письма 1920–1930-х годов позволяют до некоторой степени оценить ораторское мастерство знаменитого адвоката и думского полемиста; это по большей части диктовки, запись устной речи. В общей сложности переписка с различными деятелями русской эмиграции занимает 14 (из 26) коробок в фонде Маклакова в Гуверовском архиве. Среди его корреспондентов были М. А. Алданов, Н. И. Астров, Б. А. Бахметев, А. А. Кизеветтер, В. Н. Коковцов, Е. Д. Кускова, П. Н. Милюков, Б. И. Николаевский, А. В. Тыркова-Вильямс, В. В. Шульгин и многие другие. Публикация переписки В. А. Маклакова, этого уникального источника по истории российской политической жизни начала XX века, российской революции и постреволюционной эмиграции и блестящего образца эпистолярного жанра, была начата нами почти 20 лет тому назад. Проект, однако, все еще далек от завершения¹.

¹ См.: «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера / Публ. О. Будницкого и Т. Эммонса // *Источник*. 1996. № 2. С. 4–24; Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портреты / Публ. О. Будницкого // *Родина: Российский исторический журнал*. 1996. № 10. С. 54–61; *Соблазнитель генералов* / Публ. О. Будницкого // *Родина*. 1997. № 12. С. 59–62; «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3 т. / Ред., вступ. ст. и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001–2002; *Политический роман в письмах: Из переписки А. В. Тырковой и В. А. Маклакова* / Публ. и вступ. ст. О. В. Будницкого // *Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись*. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 302–320; *Будницкий О. В. 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей* // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 243–311; *Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2012; «Права человека и империи»: Письма В. А. Маклакова к М. А. Алданову / Публ. О. В. Будницкого // *История и историки: Историкографический вестник* 2009–2010. М., 2012. С. 298–315; *Будницкий О. В. После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года* // *Родина*. 2012. № 7. С. 17–22; «Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лавалая». Из переписки В. А. Маклакова и М. А. Алданова / Публ. О. В. Будницкого // *Российская история*. 2013. № 4. С. 39–59; «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно»: В. А. Маклаков / Публикация, вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 4. М., 2014. С. 111–242;

Что касается архива Грузенберга, то судьба его значительно сложнее, я бы даже сказал, туманнее. Часть архива Грузенберга оказалась в Национальной библиотеке Израиля. Каким образом и когда именно она попала в Израиль, неясно. Однако писем Маклакова там нет¹. Другая — и, очевидно, наиболее содержательная — часть бумаг Грузенберга была передана его вдовой известному эмигрантскому общественному деятелю С. В. Познеру с целью подготовки издания сочинений покойного адвоката. Понятно, что период немецкой оккупации был не лучшим временем для издания сочинений Грузенберга. А вскоре после окончания войны, в 1946 году, скончался и сам Познер. Бумаги Грузенберга остались в семейном архиве Познеров. В 1990-е годы часть бумаг С. В. Познера была передана его внучкой, историком кино Валери Познер, унаследовавшей архив, в Библиотеку современной документации в Нантере. Другая часть, в которую вошли, по-видимому, и бумаги Грузенберга, была передана ею одному израильскому издателю для последующей передачи в Национальную библиотеку Израиля. Однако передача до сих пор не состоялась. Тем не менее известный российский историк В. Е. Кельнер, разбиравший по просьбе Валери Познер бумаги ее деда, успел опубликовать ряд материалов из архива Познера, в том числе часть писем к Грузенбергу и не публиковавшиеся ранее фрагменты его воспоминаний².

Будницкий О. В. «Атомная бомба и Евангелие не очень совместимы»: Русская эмиграция в начальный период Холодной войны // Родина: российский исторический журнал. 2014. № 1. С. 145–147; № 2. С. 136–140; и др.

¹ См.: обзор фонда Грузенберга: *Трибунский П. А.* Фонд адвоката и общественного деятеля О. О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 345–350.

² *Жаботинский В.* Письма Оскару Грузенбергу / Вступ. ст., публ. и коммент. Х. Фирина (Фирин — псевд. В. Е. Кельнера) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С. 215–254; *Грузенберг О. О.* Страницы воспоминаний / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Е. Кельнера // Там же. № 3 (7). С. 221–240; Письма П. Н. Милюкова — О. О. Грузенбергу (из парижского архива Соломона Познера) / Вступ. ст., публ. и примеч. В. Е. Кельнера // *Russian studies = Études russes = Russische Forschungen*: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 2000. Т. III. № 3; См. также чрезвычайно интересную подборку писем О. О. Грузенберга российскому промышленнику, еврейскому филантропу и сионистскому деятелю И. А. Найдичу, охватывающую период 1920–1933 годов: *Грузенберг О. О.* Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933) / Публ. и коммент. Ш. Маркиша // Еврейский журнал. Мюнхен, 1991. С. 80–100. Письма Грузенберга Найдичу отложились в архиве последнего, который хранится в библиотеке еврейской общины в Женеве.

Темы переписки далеки от обыденных. Обсуждаются исторические и актуальные политические проблемы, разумеется, вопросы закона и права, учение Льва Толстого и многое другое. Особенно интересны традиционные новогодние послания Маклакова, в которых он анализирует настоящее положение России и эмиграции и делает прогнозы на будущее.

Прогнозы Маклакова не отличались оптимизмом: «...нам по сию пору продолжает слепить глаза французская революция, из которой мы не только научились ждать Бонапарта с такой же верой, с какой евреи ждут Мессию, но даже быть уверенными, что революция кончится реставрацией»¹. На самом же деле «мы поневоле попали в разряд спутников Моисея, которым, как Вы знаете, были назначены 40 лет блужданий»².

Маклаков надеялся на эволюцию, точнее, на разложение большевизма изнутри и довольно точно описал процесс этого внутреннего разложения. Никакой политической роли эмиграции он не видел и считал, что ее вмешательство в российские дела может только помешать внутренним процессам перерождения большевизма и постепенного изживания его страной. По его словам, когда эмигранты «лезут в Россию, делают какие-то заговоры с помощью ГПУ³, кого-то подстреливают или взрывают и платят за это головой, то это и не самообман, и не хулиганство, а просто политическое харакири»⁴.

Скептическое отношение к эмиграции было тем немногим, в чем, пожалуй, сходились Грузенберг и Маклаков. Однажды Грузенберг написал по просьбе Академии наук СССР воспоминания о Максиме Горьком, но отправить текст в Москву не решился, опасаясь обвинений в содружестве с советским режимом. По этому случаю в досаде то ли на эмиграцию, то ли на самого себя он писал: «Живу в эмиграции, среди поврежденных людей, заменяющих любовь к родине ненавистью к ее лютому правительству. Поди столкнись с вами со всеми насчет

¹ Маклаков — Грузенбергу. 17 января 1927 // Stanford University. HIA. Vasily Maklakov Collection. 8–1.

² Маклаков — Грузенбергу. 26 января 1928 // HIA. 8–1.

³ Прозрачный намек на потрясший эмиграцию скандал с делом «Треста», якобы антибольшевистской тайной организации в СССР, созданной на самом деле ГПУ с целью инфильтрации в эмигрантскую среду.

⁴ Маклаков — Грузенбергу. 26 января 1928 // HIA. 8–1.

того, что Академия наук есть Академия наук, что родина не перестает быть милою оттого, что она несчастна, что уехать за границу — подвиг не из великих...»¹

Корреспонденты обменивались довольно резкими репликами по поводу отношения к прошлому и настоящему России. Маклакова особенно раздражали декларации Грузенберга о том, что он «приемлет» русскую историю: «Если Вы большевизма не приемлете, то как же Вы можете говорить, что приемлете всю нашу историю, весь наш народ. Ведь большевизм из истории народа не вычеркнешь». Рассуждая о психологии русского народа, который он сравнивал с готтентотами, Маклаков писал: «Хорошо, когда граблю я, плохо, когда грабят меня. И это готтентотство выявилось в успехе большевизма в России. Я это тоже „приемлю“; но в этом я вижу не признаки величия, а результат его дикого воспитания»².

Русский Маклаков гораздо строже судил русский народ, чем еврей Грузенберг. В ответ на ностальгически-патриотические lamentации Грузенберга о том, что русский народ ему «не по хорошему мил, а по милу хорош», Маклаков заметил: «Отлично понимаю, что по милу хорош; но если милому можно все прощать, то было бы большой ошибкой считать хорошим то, что гнусно и отвратительно; и это я отношу не только к большевистской головке, но к известным проявлениям всего народа»³.

Раздражение Маклакова вызывали и его товарищи по партии, в особенности их непонимание, как он считал, последствий революции: «Когда-то я в шутку предсказывал, что революция есть конец кадетам: первую их половину расстреляют как реакционеров, а вторую повесят как революционеров. Я был гораздо ближе к правде, чем даже сам думал; правда, у кадет остался еще третий исход: кончить жизнь здесь, жалуясь, что их не оценили»⁴.

Поправление Маклакова (впрочем, и в России он был самым правым кадетом) вызвало как-то раз шуточную реплику Грузенберга: «Кстати или некстати: я совершенно оглох на правое

¹ Грузенберг — Маклакову. 20/21 ноября 1935 // НИА. 8-4.

² Маклаков — Грузенбергу. Б/д // НИА. 8-2.

³ Маклаков — Грузенбергу. 15 февраля 1933 // НИА. 8-3.

⁴ Маклаков — Грузенбергу. 16 января 1928 // НИА. 8-1.

ухо, как Вы на левое (очевидно, и глухота распределяется по политическим антипатиям)»¹.

Маклаков считал вредной политическую деятельность эмиграции за границей, полагая, что никакой пользы она России принести не может, а вредна она «прежде всего тем, что требует непременно, чтобы мы облаивали друг друга, позорили и порочили своих противников на глазах иностранцев и большевиков и убивали последние остатки уважения к себе»².

Впрочем, и сам Маклаков не удержался от полемики, хотя не о настоящем, а о прошлом — в воспоминаниях, публикация которых началась в «Современных записках» в 1929 году и в которых было столько же мемуаров, сколько и политической философии. Грузенберг с политической философией Маклакова согласен не был, что его корреспондента не удивило. «По дружбе» Маклаков сообщил Грузенбергу «в двух словах» суть того, к чему сводятся его воззрения на недавнее прошлое России и, главное, на революцию:

Я считаю революцию не только несчастьем для России, ибо она не могла пройти иначе как прошла, но всегда абсолютным несчастьем для всех стран; ибо всегда она либо не нужна и можно было бы обойтись без нее при большом терпении и искусстве, или она вызывает таких духов, вреда от которых во много раз больше того зла, с которым революция хотела бороться³.

Грузенберг к революции относился несколько иначе: он не принял революции большевистской, но Февральская революция для него, в отличие от Маклакова, оставалась бесспорной ценностью.

Переписка — блестящий образец эпистолярного жанра. Формулировки мнений, высказывавшихся корреспондентами по тем или иным проблемам, по-адвокатски отточены. Временами кажется, что это устная речь выдающихся ораторов, перенесенная на бумагу. В случае Маклакова, нередко диктовавшего свои письма, так оно и было. Письма полны и серьезной полемики, и шутливой пикировки. Грузенберг иронизировал по поводу

¹ Грузенберг — Маклакову. 20/21 ноября 1935 // НИА. 8–4.

² Маклаков — Грузенбергу. 26 января 1928 // НИА. 8–1.

³ Маклаков — Грузенбергу. 13 апреля 1929 // НИА. 8–2.

одной из «нападок» Маклакова: «Странно еще то, что когда Вы меня браните, Вы свои письма печатаете: неужели только для того, чтобы брань не могла быть трактована, как непечатная?»¹

Однажды Грузенберг, жалуясь на то, что малоразборчивый почерк Маклакова оказался на сей раз совершенно неразборчивым, писал: «Обидно потому, что я Вашими письмами дорожу и их храню, так как нет сомнения, что, когда мы оба уйдем, ими заинтересуются историки России»². Со времени этого высказывания прошло более 85 лет. Полагаю, что письма представляют интерес не только для историков России, но и для той части российского общества, которая не утратила интереса к собственной истории и культуре, блестящими представителями которой были оба корреспондента.

В настоящую публикацию нами включена переписка за 1933 год и одно письмо за 1934-й. В переписке обсуждается вопрос о корнях русской революции и об отношении к российской истории, о сущности профессии адвоката, наконец, делаются традиционные, на сей раз довольно краткие, прогнозы о ближайшем будущем. Однозначный ответ относительно прозорливости кассандр образца 1934 года дать затруднительно: настолько зигзагообразно развивались события европейской истории во второй половине 1930-х годов. Впрочем, пора предоставить слово авторам публикуемых ниже — без каких-либо изъятий и сокращений — писем.

ПИСЬМА

О. О. Грузенберг — В. А. Маклакову

12 Янв[аря] 1933 г.

6, rue Chateauneuf, Nice

Дорогой Василий Алексеевич,

Вы, как и я, празднуете Новый год по старинке. Еще недавно мы по поводу этого дня гадали — разгадывали, что сулит нашей родине грядущий год. Теперь я этого не делаю — не потому, что моя личная жизнь закончена, а по той исключительно причине, что пришел к убеждению, что не мне ставить отметки

¹ Грузенберг — Маклакову. 19 февраля 1933 // НИА. 8–3.

² Грузенберг — Маклакову. 19 февраля 1933 // НИА. 8–3.

великому, — великому даже в кажущихся ошибках его, — народу. И сейчас, в страшных родовых муках, он велик: весь мир, кроме благородной Франции, рвет клочья его нищенского савана, а он, по-прежнему, печется о «вселенской правде».

Я приемлю все, — все без изъятия, — страницы русской истории, сколь бы мрачными они порой нам ни казались, ни от одной из них не отрекаюсь. Российская стихия, российский мир умнее меня. Нет у меня ей укора, есть только стыд, что я когда-то дерзал считать ее толстозадой дурехою.

Вам и всем тем, кто Вам дороги, я шлю горячие пожелания всестороннего счастья: Вы его достойны не только потому, что у Вас богато одаренная голова, но и, как я убедился, неумное сердце, каким оно и должно быть, т.к. голова не нуждается в вспомогательном умничании.

Крепко Вас обнимаю. Почтительный привет Марье Алексеевне¹.

Ваш О. Грузенберг.

Отметьте мой новый адрес.

НИА. 8-3. Автограф.

В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу

Париж, 17 января 1933² г.

Дорогой Оскар Осипович,

Спасибо Вам за письмо и привет. Вы правы, что вперед не загадываете. Помните, что я был всегда скептиком гораздо скепичнее Вас; и вот когда Вы сейчас инстинктивно ищите себе

¹ Маклакова Мария Алексеевна (1877 [по другим сведениям 1879]–1957) — общественный деятель. Сестра В. А. Маклакова. Была близка к семье Л. Н. Толстого, часто бывала в Ясной Поляне. В Париж приехала вместе с братом в 1917 году. Председатель Комитета временной помощи русским во Франции. Одна из основательниц Русской гимназии в Париже в 1920 году. Председатель Попечительского совета гимназии. Председатель Общества просвещения беженцев из России (1921) и Общества помощи детям беженцев из России. Товарищ председателя Комитета общежитий для русских детей при Главном управлении Российского общества Красного Креста (РОКК). Член Совета Российского музыкального общества за границей (1931–1934). Член правления Московского землячества (1935–1938). Организатор благотворительных концертов, балов, вербных базаров. Во время Второй мировой войны основала Общество помощи бедным русским.

² В копии проставлен 1932 год, что является явной опiskeй. Судя по содержанию, письмо является ответом на послание Грузенберга от 12 января 1933 года.

утешение в том, что Россия остается великим народом, даже в своих ошибках, и приемлете все без изъятия страницы русской истории, и думаете, что Российский мир есть голос народа, который есть голос Божий, то я вижу в этом последнее убежище Вашего оптимизма. К несчастью, я его не разделяю. Так, когда я готов сказать про русский народ то, что когда-то Некрасов говорил про Россию: «она не знает середины». И его добрые свойства и самые низы человеческой подлости могут в нем проявляться в преувеличенных размерах. Можно надеяться, конечно, что в подлостях она покается, что теперешние злодеи сами себя покарают; невольно вспоминается Никита из «Власти Тьмы». Но так было прежде, не знаю, так ли теперь; ибо ничто так не убивает веру в людей, как теперешняя советская молодежь. Что она терпит то, что происходит, и увлекается тем, что делает, заставляет меня сомневаться в том, что ею двигают заботы о вселенской правде.

А кроме того, всех мечтателей о вселенской правде я глубоко уважаю, к каким бы глупостям они ни приходили и как бы свою жизнь ни коверкали; но я ненавижу и не уважаю теперь того, кто во имя вселенской правды приносит в жертву не свою, а чужую жизнь. И все заправилы теперешней России для меня профитеры, а не мученики; это враги-инквизиторы¹, только более мелкого полета, и с гораздо более грубыми и прозаическими мотивами. Конечно, это не значит, что Россия погибла, и навсегда. Но о теперешних страницах истории мы будем вспоминать без гордости за русский народ.

НИА. 8-3. Машинопись. Копия.

О. О. Грузенберг — В. А. Маклакову

19 января 1933 г. 6, rue Chateauneuf, Nice

Ну, сваял же я дурака, дорогой Василий Алексеевич! А все это от мнительности и торопливости. Ответное письмо Ваше получил вчера. При обмене мнениями в области предсказаний, конечно, не спорят, — но на этот раз мы, вроде, не «предсказывали»: все же, полемизировать не стану. Я только скажу в свое оправдание, что указание Ваше на всяких спекулянтов

¹ Так в тексте. Очевидно, следует читать «врачи-инквизиторы».

революционными идеями вряд ли имеет отношение к моему выводу о величии духа русского народа, — точнее, русской стихии. Если «большевизм» только болезнь (в этом я теперь сильно сомневаюсь), — то, везде, и в болезни сказывается духовная сущность: это кто же «профитеры»? — многомиллионная голодающая и холодающая масса? Нечего сказать, хорошее профитерство. Но возьмите еще более мрачную страницу русской истории: смутное время. Чего, казалось бы, подлее. Однако, народная стихия выручила. Нет, и болеют как отдельные люди, так и народы — «по-своему» каждый.

Меня заинтересовало Ваше указание на отзыв Некрасова о русском народе («не знает ни в чем середины»). Откуда Вы это взяли? — Из его прозы, — тогда это не интересно: какой же Некрасов мыслитель. Если ж из поэзии, — то как я проглядел. Правда, я лет 20 его не читал (зачем, — если то, что люблю из его поэзии, я знаю на память), но цитируемые Вами слова встречаются в «Рыцаре на час», — они относятся к нему лично: «Что друзья? — Наши силы неровные: я ни в чем середины не знал»... Кстати, какой он удивительный лирик. Не столько в «Рыцаре на час» (местами риторика), сколько в коротеньком посвящении сестре в поэме «Мороз — красный нос»: эти несколько строк превосходят лирику Пушкина и Тютчева. Посвящение — стыдливо обнажившееся сердце, дымящееся кровью.

Откуда Вы взяли цитируемые слова?

Искренне Вам преданный О. Грузенберг

НИА. 8-3. Автограф.

О. О. Грузенберг — В. А. Маклакову

28. I. 336, rue Chateaufneuf, Nice

Дорогой Василий Алексеевич,

Боюсь, что н[аша] переписка может утомить Вас. Вы не отвечайте, так как я хочу выяснить недоумение, возбужденное Вашим письмом. Прежде всего хочу отметить, что люблю и ценю Вас за то, что будучи адвокатом, Вы всегда чуждались и в суде, и вне его адвокатских ухваток. Зачем же на этот раз Вы отступили от своего обыкновения?

Я написал Вам, что приемлю все пути и перепутья исторической жизни русского народа. Вы на это ответили мне, что,

как говорит Некрасов, «русский народ ни в чем не знает середины». Я на это ответил, что Некрасов, насколько его понимаю, это говорит не о русском народе, а о себе лично. Вот и все. В последнем же письме, насколько я его разобрал, Вы вдруг обвиняете меня чуть ли не в склонении [к] большевизму. Где, мол, я останавливаюсь? Останавливаюсь я на пограничной станции, ведущей в большевизию. Я говорил и писал Вам, что упрекаю себя в оставлении родины, что я на это имел тем менее прав, что мне, по крайней мере, явно не угрожала непосредственная опасность. Писал также, что если бы не сознание, что, быть может, глядя на меня, эмигрировал десяток-другой лиц и что, если бы я знал их поименно, то спросил бы их насчет своего возвращения и что, если (кстати, Вы вместо «если» употребляете иногда «раз», — извините — это не по-русски: этот союз позаимствован у поляков) я это сделать не могу, то должен дожидаться общей амнистии, которой, конечно, не дождусь. У меня это не фраза (вот еще одно глупое интеллигентское выражение, так как всякая мысль, выраженная словами, есть фраза и, говоря по-русски, предложение). Не фраза, потому что ко мне дважды обращались с предложением вернуться. В первый раз в 1921 году, когда при переговорах с первым правительством Макдональда¹ меня пригласили стать юрисконсультom делегации дабы «при переговорах оберечь Россию от англ[ийских] акул». Я ответил лицу, через которое мне было сделано предложение (он не большевик, а высланный из России меньшевик, но брат его занимал крупное служебное положение сначала в Берлине, а потом в Лондоне). Я ответил: «Не все ли равно, какие акулы порвут Россию, английские или большевистские». Другой раз делали предложение через моего родственника: на это предложение я ответил, что если бы я поехал, то скоро пришлось бы мне хлопотать о выездной визе, — какой же толк брать «выездную» визу. Оба предложения сделаны в письмах, которые у меня сохранились. О них я Вам никогда не говорил, т.к. терпеть не могу торгашеской

¹ Макдональд (Macdonald) Джеймс Рамсей (1866–1937) — британский государственный и политический деятель, один из основателей и лидеров Лейбористской партии. В 1911–1914 и 1922–1931 годах — лидер лейбористской фракции парламента; в 1924 и 1929–1931 годах — премьер-министр.

похвальбы: меня-де покупали, а я не продан! Это было бы тем паче, что никто меня и не пытался «купить», а лишь зывали к м[оему] чувству любви к родине. И, несмотря на этот отказ, в «Большой Совет[ской] Энциклопедии» как я усмотрел из присланного мне еще в Риге редакцией газ[еты] «Сегодня» тома, помещен обо мне не только справедливый, но и лестный отзыв. В нем только одна ошибка, что я, де, был «кадетом». «Кадетом» я никогда не был, так как, ценя высоко отдельных кадетов за их заслуги в области науки, литерат[уры], земско-городского дела и адвокатуры, я не люблю этой партии, так как она лгала даже тогда, когда говорила правду. Теперь о «народе»: если я приемлю всю его историю, даже смутное время, то естественно, я приемлю ее и в большевистской ее ошибке. Вы пишете, что народ не с ними (большевиками). Что же, тем лучше. Но отмечу, кстати, что я не присоединяюсь к тем историкам России (например, Костомаров¹), которые уверяют, что народ был против царей и тому подобное. Кроме, мол, Пскова и Новгорода, он, де, себя не выявлял. Ну плохи же эти историки! — Народ не любил царей, а терпел их 300 лет, не любил бояр, а терпел их сотню-другую лет... Если бы это было так, то такой народ годится лишь на растопку истории (вшивую овчину в печь). Но, слава богу, это не так. Пока душили больш[евики] лишь городское население и передавали народу чужую землю, народ им, несомненно, сочувствовал. Теперь, когда они свою «коммунию» распространили и на деревню, он их ненавидит, но гольтыба и деревенская молодежь, как и городская молодежь, любит их. Печально это или радостно — как на чей вкус, но это так.

Вот мои [слово нрзб.] пункты, а все остальное лишь домыслы.

Отнимаю время и у Вас, и у себя этим разъяснением, так как, если я кого уважаю и ценю (беру эти слова из в[ашего] письма), то только потому, что хорошо знаю его. Хочу, чтобы лестные для меня чувства, которые Вы ко мне питаете, основывались на точном знании меня. Не люблю, когда кто-н[ибудь] любит меня по ошибке.

---

¹ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — российский историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1876).

Крепко жму руку.

Искренне Ваш,

О. Грузенберг

Почтительнейший привет многоуважаемой Марии Алексеевне. Роза Гавриловна¹ благодарит Вас за поклон и шлет свой.

НИА. 8-3. Автограф.

В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу

В. А. Маклаков [не ранее 28 января, не позднее 17 февраля 1933]

Дорогой О[скар] О[сипович].

Недоразумение, которое может быть вкралось в письмо, объясняется крайней неясностью Вашей фразы: «приемлю всю его историю», с подчеркнутым словом в с ю. Повторяю, это неясно, т. к. что значит «приемлю». Оно или ничего не значит, или значит «понимаю», «прощаю», даже «одобряю». «Русский народ, — пишете Вы, — велик всегда».

Может быть, было бы правильнее не «поднимать» этой фразы, не отвечать, ибо отвечая на то, что *не* понимаешь, или не совсем понимаешь, рискуешь запутать дело. Так и случилось.

И Ваше письмо мне не все разъяснило.

Вы упрекаете меня в «адвокатских ухватках», что я обвинял Вас чуть ли не в «большевизме». Но простите меня. Если Вы большевизма не приемлете, то, как Вы можете говорить, что приемлете всю нашу историю, весь наш народ. Ведь большевизм из истории народа не вычеркнешь. И то, что Вы рассказываете, как Вы отказались от предложений, Вам сделанных, только еще больше заставляет меня недоумевать — почему Вы написали, что принимаете всю нашу историю, народ во всех его проявлениях. Я никогда не употреблял слова «приемлю», ибо оно двусмысленно; и поэтому не понимаю, когда его употребляют другие. Но успех большевизма в России убедил меня, что Россия еще готтентоты.

Они одобряли, когда ликвидировали помещиков, но возмутились, когда стали ликвидировать «кулаков». А коммунистическая

¹ Грузенберг (урожд. Голосовкер) Роза (Рахиль) Гавриловна (1867–1941) — жена О. О. Грузенберга с 1887 года.

молодежь радуется, когда ликвидируют кулаков, но вознегодует, если обидят их. Не было искренности в его фразах «Земля Божья», все принадлежит государству и т. д., т. е. не правда; не «искренности» не хватало, а последовательности. Хорошо, когда граблю я, плохо, когда грабят меня. И это готтентотство вывнилось в успехе большевизма в России. Я его тоже «приемлю»; но в этом я вижу не признаки величия, а результат его дикого воспитания. Но эта тема неисчерпаема, и б[ыть] м[ожет] было бы лучше мне Вам не высказывать. Но я не понял Вас тогда; не понимаю и сейчас. Я не «обвинял» Вас в большевизме, и знаю многих хороших людей (Бунаков¹), которые в большевизме видят «новое и увлекательное слово». Я их за это не обвиняю, как не обвинил бы и Вас, если бы Вы ударились в эту сторону, но раз Вы сюда не дошли, а остановились на пограничной станции, то не понимаю Ваше письмо о том, что приемлете все.

Не понял и Вашей ссылки на Некрасова. Он говорит в «Рыцаре на час» о себе, а в «Несчастных» о русском народе.

Лишь Бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире и вольней.
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины,
Черна, куда ни погляди.
Но не заел бы сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит родник, живой и чистый,
Нетронутых народных сил
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много сил.

Это уже не о самом себе, а о России.

НИА. 8-1. Машинопись. Копия.

---

¹ Фондаминский (парт. псевд. Бунаков) Илья Исидорович (1880–1942) — публицист, видный деятель партии эсеров, член ее ЦК. В 1917 году — товарищ председателя Всероссийского Совета крестьянских депутатов, комиссар Черноморского флота, депутат Учредительного собрания от Черноморского флота. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение, участвовал в деятельности антибольшевистского Союза возрождения России. С 1919 года в эмиграции в Париже. Один из основателей и редакторов журнала «Современные записки».

В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу

Париж, 15 февраля 1933 г.

Дорогой Оскар Осипович,

Домашний мой адрес: 5, rue Reguay. Но, если Вы моего письма не выбросили, лучше мне его верните; обещаю Вам его не терять, а даже переписать на машинке; это может быть полезнее, чем писать его вновь. Вы, конечно, правы, что дело идет о Вашем выражении дважды подчеркнутым, что Вы «приемлете все в русской революции». Вы пишете теперь, что превосходно предвидели, какое из этой фразы можно сделать употребление. Дело не в употреблении, которое можно было сделать, а в той неясности, которую порождают подобные общие фразы. Отлично понимаю, что по милу хорош; но если милому можно все прощать, то было бы большой ошибкой считать хорошим то, что гнусно и отвратительно; и это я отношу не только к большевистской головке, но к известным проявлениям всего народа, и раз Вы употребляете такие неясные фразы, то на Вас бремя доказательств и определений, что Вы этим хотели сказать.

НИА. 8-3. Машинопись. Копия.

О. О. Грузенберг — В. А. Маклакову

17 фев[аля] 1933 г.

6, rue Chateauneuf, Nice

Дорогой Василий Алексеевич,

Прилагаю Ваше письмо и прошу вернуть мне его вместе с копией. Я Вам уже писал, что письма Ваши храню, равно как и указал мотив. Что до нашей «при», то вижу, что Вы просто потешаетесь: хорошо хоть то, что она доставила Вам несколько забавных минут.

Мне же не до веселья. Кстати, недавно получил из Риги свою маленькую библиотечку, разбирая ее, отыскал отдельное издание магазином «Право» речи моей об адвокатуре, по случаю юбилея судебных Уставов¹.

В одном из писем, адресованных в Ригу, Вы как-то упрекнули меня, что я, будто бы, «ругал» Вас в этой речи. Выписываю

¹ *Грузенберг О. О. О петроградской адвокатской громаде [Речь, произнесенная в юбилейном собр. петрогр. присяжных поверенных и их помощников]. Пг.: Юрид. кн. склад «Право», 1916.*

дословно то, что сказал о Вас (стр. 29): «Что же дает нашей громаде силы в этой борьбе? — Единомыслие с подзащитными? — Нет, не это: на скамье политической защиты сидело и сидит немало защитников, не разделяющих убеждений и тактики своих клиентов. Что же? — Неужели то, что наш талантливый московский собрат назвал в своей известной лекции беспринципность адвокатуры? «Адвокаты, — говорил он в своей лекции, повторил в печати В. А. Маклаков, — люди беспринципные. Я говорю это не в том дурном смысле слова, которым клеймят человека, который изменяет своим убеждениям; у адвокатов просто их нет». Теперь не время с ним спорить. Очень грустно, если его друзья, товарищи, его повседневные встречи не убедили его, что в области политической, общественной, религиозной члены адвокатуры стойки до щепетильности, в своих убеждениях и верованиях. Он, очевидно, смешивает область принципов с профессионально-техническими сведениями, применение которых зависит нередко от конкретных условий отдельного случая».

Вот, что я сказал о Вас, сказал, несмотря на всю горечь обиды той профессии, которая была для меня не *Nebensache*¹, а смыслом моей жизни. Был бы польщен, если бы Вы обо мне так говорили, — с теми же уважением и симпатией.

Затем, небольшая и не затруднительная просьба. Продление визы для себя и Розы Гавриловны устроилось без особых хлопот, — в обычном порядке (сегодня мы должны получить соответствующее удостоверение). О сыне² же я не хлопотал, так как он находится сейчас по моему поручению в Англии, откуда он вернется в начале марта. Как раз к тому истекает и срок его годового паспорта и визы.

Не откажите в разрешении господину Гу³ отправиться с в[ашим] письмом в Министерство, где он, совместно с сыном, и получит в течение 1–2 дней, как и в прошлый раз, желаемое. Не может же он хлопотать здесь, так как к тому времени она истечет. Вас это не затруднит, а Гу будет вознагражден.

¹ *Nebensache* (нем.) — второстепенное дело; побочная вещь.

² Грузенберг Юрий Оскарович (1897–?) — летчик британской авиации, затем студент.

³ Гу — служащий Центрального офиса по делам русских беженцев.

Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

А какая сволочь А. И. Хатисов¹, как и другие мнимые представители Кавказа! С турками, татарами, с чертом, дьяволом, но не с русскими! А этот кадет Хатисов лизал зад у Ворон[цова]-Дашкова², настраивал старика против грузин и татар. Выступить ли с матерщинною бранью в печати, или же грызть себя втихомолку? Отчего молчите Вы: везде Вы наш не только неофициальный, но и официальный представитель. Кажется, скоро русских придется искать лишь среди евреев. Комична участь: в России быть битым как жида, а за границей — в качестве русских.

НИА. 8-3. Автограф.

О. О. Грузенберг — В. А. Маклакову

19 февраля 1933 г.

6, rue Chateauneuf, Nice

Дорогой Василий Алексеевич,

Обидно, что Ваш мало-разборчивый почерк на этот раз оказался совершенно неразборчивым, — обидно потому, что я Вашими письмами дорожу, и их храню, так как нет сомнения, что, когда мы оба уйдем, ими заинтересуются историки России. Если Вы будете в Ницце, Вы увидите, что я выписал из Риги конверт с Вашими письмами, которые оказались в полной сохранности. Странно еще и то, что, когда Вы меня браните, Вы свои письма печатаете: неужели только для того, чтобы брань не могла быть трактована как непечатная?

¹ Хатисов (Хатисян) Александр Иванович (Ованесович) (1874–1945) — российский и армянский политический деятель. По образованию врач. В 1910–1917 годах — городской голова Тифлиса. В период Первой мировой войны — председатель Кавказского комитета Союза городов. Один из организаторов армянских добровольческих дружин в годы Первой мировой войны и помощи армянским беженцам. В апреле 1918 года с образованием Закавказской Демократической Федеративной Республики назначен министром финансов и продовольствия, а также министром призрения правительства Закавказского сейма. С октября 1919 года — министр иностранных дел, с августа 1919-го по май 1920 года — премьер-министр Республики Армения. С 1920 года в эмиграции в Париже. Масон.

² Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) — российский государственный и военный деятель. Министр Императорского двора и уделов (1881–1897), председатель Красного Креста (1904–1905), наместник на Кавказе (1905–1916).

Между тем, судя по подчеркиваниям некоторых слов (их я не разобрал, — во всем письме, даже в стихах я разобрал, в общей сложности, 5–6 слов), письмо интересное.

Пожалуйста, воспроизведите письмо это при помощи машинки: не возвращаю его, так как Вы можете швырнуть его в корзинку, — а я храню все Ваши письма.

Вероятно, Вы все о том же, — хотите ущемить меня за мои слова о том, что я с любовью приемлю все пути и перепутья русской истории. Эти слова — не случайны; я отлично сознавал и сознаю — какое можно сделать из них употребление; ведь с [эвристикою?] и я несколько знаком. Наперед заявляю: да, приемлю! Вы отлично понимаете, что, когда говорят о приятии любимого человека со всеми его минусами, это не значит, что эти минусы дороги сами по себе, а обозначает лишь, что этот человек «не по хорошему мил, а по милу хорош»,

Все это ясно, а все прочее — от дьявола, если даже он носит дорогой мне образ Василия Алексеевича. Итак, воспроизведите, пожалуйста, на машинке свое письмо.

Искренне Ваш

О. Грузенберг

Почтительный поклон Марии Алексеевне.

Черкните мне, [пожалуйста], Ваш домашний адрес.

Н.А. 8–3. Автограф.

В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу

Париж, 21 февраля 1933 г.

Дорогой Оскар Осипович,

Возвращаю Вам письмо с копией; сохранил все словесные неяршливости и грамматические и синтаксические ошибки. Но какой Вы оптимист; неужели Вы думаете, что кому-нибудь, кроме нас, будет интересна эта переписка. Не понимаю Вашей фразы, что я просто потешаюсь, а что Вам не до веселья; и мне не до веселья и все, что я Вам писал, совершенно серьезно. Может быть, не стоило об этом писать, так как все сводится к спору о слове «приемлемо» [так!]; но когда Вы его употребили, несколько раз подчеркнув, то я видел за этим словом какое-то определенное, чтобы не сказать агрессивное, настроение, которое было мне непонятно; остается непонятно и теперь. Но почему

Вы думаете, что потешаюсь и, что Вы нашли смешного в моих письмах, я и по сию пору не понял.

Ваша выписка из Вашей речи напомнила мне дела давно минувших дней; если я Вам говорил, что Вы меня упрекали, то, конечно, только в шутку, критика не есть ругань; но и сейчас думаю, что Вы были не правы; говоря о том, что адвокатская профессия беспринципна, я, конечно, не отрицал высокой принципиальности и совести политической отдельных адвокатов; я говорил о свойстве профессии, которая заставляла меня технически позицию в зависимости исключительно от того, какая сторона к Вам обратилась, а вовсе не в зависимости от того, что конкретная обстановка была разная. В обыкновенных делах, особенно гражданских, адвокаты очень легко могли защищать и противоположную сторону и все технические вопросы, относящиеся к этому, разрешать сообразно с этим, а воля Ваша — принципы должны были бы быть не только в области морали и политики, но и в области техники; и беспринципность техническая приучает и к беспринципности иного характера. Но неужели, прочитывая Вашу речь, теперь Вы не чувствуете, не хочу сказать фальши, но незаслуженности Вашего утверждения, что «адвокаты стойки до щепетильности в своих убеждениях и верованиях». Что такие люди среди них были, я не отрицаю, но этим свойствам они обязаны не адвокатской профессии. А что среди адвокатов, распинавшихся за известные начала, многие оказались в числе распинателей этих начал, не будете отрицать и Вы. Некогда я думал и думаю, что нет профессии столько развращающей, как адвокатура; кроме служения правосудию, на поведение адвоката влияет и законное желание не потерять хорошего клиента и много других, совсем не идейных, а очень личных мотивов и все это покрывается красивою тогою. Не всех это погубило, но всем это мешает, и большего я не говорил в той статье, на которую напустились и Вы и И. В. Гессен¹. Сравните

---

¹ Гессен И. В. История русской адвокатуры. Т. 1. Адвокатура, общество и государство. 1864–1914. М.: Издание советов присяжных поверенных, 1914. С. 472–473. Гессен писал, что «адвокатские литературные выступления» грозят «окончательно расшатать представления об обязанностях адвокатуры», ссылаясь при этом на статью В. А. Маклакова «Толстой и суд» (Русская мысль. 1914. Кн. 3.

в этом отношении адвоката с доктором, с инженером, архитектором, и Вы увидите, насколько легче там быть принципиальным и последовательным.

НИА. 8-3. Машинопись. Копия.

О. О. Грузенберг — В. А. Маклакову

30 декабря 1933 г.

78, rue de Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Василий Алексеевич,

Вероятно, Вы окончательно «обасурманились», — предполагаю так по той причине, что чувствую на себе самом, какая всепобеждающая сила у французской культуры. Если обасурманились, — примите и передайте Вашей милой сестре мои лучшие пожелания всего радостного и светлого в новом году, исчисляемому по западному календарю.

По установившемуся у нас с Вами обыкновению, надо заняться гаданием — мое невеселье:

1) Для меня нет сомнения, что экспансия Гитлера прикончит с Россией, — тою Россией, которую мы знали; хорошо или плохо, Франция, изолированная завистью и недоброжелательством своих бывших союзников, заключит с Германией «похабный мир», как выразился Ленин о Брест-Литовском соглашении; как только это случится, у Гитлера развяжутся руки — и начнет экспансия. Армяне, грузины и, главным образом, украинцы станут помогать Гитлеру изо всех сил — и он преуспеет в своем стремлении. Тогда Россия превратится в старую Московию.

Отд. II. С. 35–72), в которой тот по сути солидаризировался с некоторыми критическими рассуждениями Л. Н. Толстого об адвокатуре. Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — общественно-политический деятель, публицист, издатель. Один из основателей партии кадетов, депутат 2-й Государственной думы. Редактор газет «Речь», «Право», «Народная свобода». В эмиграции с 1919 года. В Берлине с 1920 года. Директор издательства «Слово» (1920–1935), основатель и редактор газеты «Руль» (1920–1931), издатель «Архива русской революции» (1921–1937), член Союза русских евреев, Союза русской присяжной адвокатуры, председатель Объединения русских общественных и благотворительных организаций, основатель Союза русских журналистов и литераторов в Германии, действительный член Дома искусств, председатель Русского клуба, член немецкого отделения Американского фонда помощи русским литераторам, берлинской группы Партии народной свободы (кадетов). С 1936 года в Париже, с 1942-го — в Нью-Йорке.

2) Большевизм будет, конечно, подавлен, но на короткое время: слишком высоко напряжение недовольства и бедности в широких массах всей Европы, чтобы можно было рассчитывать на окончательную победу над большевизмом, — тем более, что социал-демократия явно обанкротилась повсеместно.

3) Что касается Красной армии, то сила ее слишком, думается мне, преувеличена, — тем более, что Herriot¹ видал лишь парады, — да и то в одной лишь Москве; кроме того, Красная армия, связанная крепко с деревнею, не очень захочет умирать во славу большевизма. Каков Ваш взгляд, — взгляд профессионального политика?

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

НИА. 8-3. Автограф.

В. А. Маклаков — О. О. Грузенбергу

Париж, 4 января 1934 г.

Дорогой Оскар Осипович,

На этот раз ответить мне приходится кратко. До сих пор Вы были оптимистом, а не я. Мне не спорить с Вами, когда Вы стали на мою позицию.

Я вполне допускаю, что нам придется переживать очень тяжелые минуты, когда от России будут отрывать живые куски, и самое трагичное, что эти куски не только не будут претендовать

---

¹ Эррио (Herriot) Эдуар (1872–1957) — французский политический и государственный деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов; писатель, литературный и музыкальный критик, историк. С 1916 года неоднократно входил в состав правительства, в том числе занимал пост премьер-министра. В 1919–1940 годах и в 1946–1957-м — член палаты депутатов, в 1925–1926 и 1936–1940 годах — ее председатель. В 1942 году отправил маршалу Петену письмо с протестом по поводу отмены конституционных свобод, после чего был подвергнут домашнему аресту. В августе 1944 года отклонил предложение П. Лаваля возглавить «переходное» марионеточное правительство. После этого был передан вишистами нацистам и отправлен в Германию, где был интернирован. Освобожден Красной армией в апреле 1945 года. В 1947 — январе 1954 года — председатель Национального собрания, затем до конца жизни почетный председатель Национального собрания. Грузенберг упоминает поездку Эррио в СССР 26 августа — 9 сентября 1933 года, широко освещавшуюся французской и в особенности русской эмигрантской печатью. Эррио прибыл на пароходе в Одессу, затем посетил Киев, Харьков, Днепропетровск, Ростов-на-Дону и Москву. В Москве он был принят В. М. Молотовым и М. И. Калининным.

[так! Следует читать: протестовать], а будут счастливы; мы постоянно слышим, что наши окраины предпочитают быть под чьей угодно властью, только не под большевиками. В душе мы можем этому возмущаться, но, живя здесь на свободе, бросать в них камень не можем. Но все-таки, черт не так страшен, как его малюют. Кое-что от России оторвут, это возможно, вдобавок к тому, что уже оторвано; но разделить всю Россию не смогут, не только потому, что никто ее проглотить не сможет даже в части, но и потому, что ее спасет в этом случае то, что спасает всех: соседи между собой перегрызутся. Это не раздел Польши между тремя соседями¹, которые сумели скрыться [так! Видимо, следует читать «договориться»]; и как Вы хотите, чтобы Германия захватила Украину, когда для этого ей пришлось бы сначала переварить Польшу. Еще много времени Россию будет защищать слабость и жадность ее соседей. Что касается до второго пункта, о возможном торжестве большевизма повсюду, то это слишком длинный вопрос, чтобы я решился его затрагивать; для меня это самая главная опасность из всех существующих; но тем не менее унывать здесь не приходится; провалились не одни социал-демократы, как Вы говорите; провалилась больше всего демократия; пока держится только Англия, так как Франция еще не выскочила из-под удара и больше всего потому, что она демократия. Торжество диктатур, закрывать глаза нечего, есть характерное знамение времени. Муссолини² сначала все ругали, а потом с ним примирились; сейчас все ругают Хитлера, а возможно, что и с ним примирятся. То же самое и в Америке. Но эти диктатуры пока что оберегают государства от большевизма, чего не сумели сделать демократии; поэтому и эта опасность может пройти, ведь важно только выгадать время; ну, а если диктатуры приведут к войне, то тогда, конечно, конец Европе.

В третьем пункте я совершенно с Вами согласен.

НИА. 8-3. Машинопись. Копия.

---

¹ Имеются в виду разделы Польши между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 годах, в результате которых Польское государство исчезло с карты Европы.

² Муссолини (Mussolini) Бенито (1883–1945) — социалист, затем лидер итальянских фашистов; диктатор Италии в 1922–1943 годах.

*Русская эмиграция
и Вторая мировая война*

РУССКИЕ ЕВРЕИ-ЭМИГРАНТЫ
НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(Из переписки Б. А. Гершуна и А. А. Гольденвейзера)¹

После прихода в Германии к власти нацистов в 1933 году, и в особенности в конце 1930-х годов, в условиях нарастания военной угрозы, а потом и начала Второй мировой войны для евреев — выходцев из России начинается новый период скитаний по миру, вторая, а то и третья эмиграция. Дела и дни русских евреев-эмигрантов, их надежды и разочарования (последних было гораздо больше), реалии жизни и оценки текущих событий нашли отражение в переписке двух русско-еврейских интеллектуалов, «юристов Моисеева закона» Бориса Гершуна и Алексея Гольденвейзера.

Борис Львович Гершун (1870–1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей. Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее характерных представителей этого своеобразного племени. Хотя он родился (Соколки) и вырос (Вильно) в черте еврейской оседлости, но был человеком русской культуры: его семья далеко отошла от традиционного еврейства, и еще дед по отцовской линии, оптовый торговец сукном, отдал своих старших сыновей, втайне от религиозной жены, в русскую гимназию. Бедняжка думала, что дети ходят в хедер, а они переодевались в гимназические мундиры в доме

---

¹ Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov (STANFORD SLAVIC STUDIES. Volume 48). Berlin: Peter Lang Verlag, 2018. P. 457–499.

знакомых и шли совсем в другое учебное заведение. Затем отец и двое дядей Бориса отправились учиться в Московский университет, на медицинский факультет. Дед со стороны матери, оптовый торговец лесом, отправлял своих детей учиться в Кенигсберг. Там София Шерешевская, будущая Гершун, окончила «средне-учебное заведение». Она говорила по-немецки и по-французски и русскому языку научилась только после замужества, однако никогда им хорошо не владела: с детьми говорила и переписывалась по-немецки¹.

По словам Бориса Гершуна, в его семье «не велась кошерная кухня», он не помнил родителей идущими в синагогу, «еврейские праздники, даже Йом-Кипур, не отличались от будних дней, — зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацой и изюмным вином... куличи, пасха, ветчина». В субботу доктор Гершун, ссылаясь на срочность врачебных визитов, разъезжал по больным на извозчике так же, как и в будние дни. Домашним языком, из-за матери, был немецкий, в некоторые дни говорили по-французски. Детям строго запрещалось говорить на «жаргоне», то есть идише, «разговорном языке всей Вильны». В результате, живя в Вильне, Борис не знал идиша и так никогда и не научился на нем говорить².

Отец Бориса, Лев Яковлевич Гершун (1836–1898), начавший профессиональную карьеру в качестве уездного врача в Соколках, в 1877 году получил назначение ординатором городской еврейской больницы Вильно; в 1891 году он стал старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. В 1888 году Борис Гершун с серебряной медалью окончил 1-ю Виленскую гимназию. В том же году поступил в Петербургский университет по юридическому факультету. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы для евреев. В Петербургский университет могло быть принято не более 3% евреев. Помогли хлопоты отца, который все-таки был почти «штатским генералом»

---

¹ Б. Л. Гершун. Воспоминания русского адвоката // Boris L'vovich Gershun Papers, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (далее — BAR).

² Б. Л. Гершун. Воспоминания русского адвоката.

(чин статского советника соответствовал чину бригадира [правда, к тому времени уже упраздненного] в армии или должности вице-директора департамента или вице-губернатора в гражданской службе). Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И. Д. Делянова. Того самого, распоряжением которого была введена процентная норма. Окончил Гершун университет в 1894 году с дипломом 1-й степени¹.

Старший брат Б. Л. Гершуна, Александр Львович Гершун (1868–1915), также выпускник Петербургского университета, но по физико-математическому факультету, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.

Вскоре после окончания университета Борис Гершун крестился, но вовсе не ради карьеры. Это было условием женитьбы на горячо им любимой с детства кузине, которая «уже родилась православной (ее родители крестились в молодости)». Кузина была еще подростком, но в том, что он на ней женится, Борис не сомневался (в чем не ошибся), так что крестился загодя. Тем паче что это облегчало профессиональную карьеру. «Можно было принять протестантство: но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым „законом Божиим“ и „готовился“ к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и „обучения“ выдать мне метрику о крещении»². Очевидно, крестил Гершуна Сергей (при рождении Израиль) Слепян, популярный в то время в Петербурге священник.

Впоследствии, уже в эмиграции, Гершун писал:

Этот акт, который теперь я бы ни за что не совершил, я тогда совершил почти машинально, как машинально устраняют ветку, преграждающую дорогу. Со временем — с возрастом — во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось

¹ ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.

² Б. Л. Гершун. Воспоминания русского адвоката.

с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904–1905 гг.) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность — еврей, вероисповедание — православное. [...] когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной.

Сын и дочь Гершуна, даже не зная о решении отца, при поступлении в университет записали себя иудеями¹.

После недолгой службы в Сенате, а затем работы помощником известного адвоката В.Н. Герарда Гершун отправился в самостоятельное «плавание». Его карьера была блистательной. Гершун стал присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1906–1917 годах был присяжным стряпчим² Санкт-Петербургского коммерческого суда. Он был юрисконсультом множества торгово-промышленных предприятий, а также великих князей Бориса и Андрея Владимировичей. К 1917 году Гершун владел 17 юрисконсульствами; входил в правления бельгийского Общества доменных печей и фабрик на Ольховой, Общества для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Кеппель (Коппель)», Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз» и, очевидно, был небедным человеком. Гершун занимался также благотворительной деятельностью: оказывал бесплатную юридическую помощь, был казначеем Общества защиты детей от жестокого обращения. Его профессиональные и человеческие качества нашли признание у коллег: он руководил конференцией помощников присяжных поверенных, был членом Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской

---

¹ Там же.

² Присяжный стряпчий — в Российской империи поверенный по делам частных лиц в коммерческом суде.

судебной палаты, после Февральской революции был избран его председателем¹.

«Момент истины» наступил для присяжных поверенных после большевистского переворота. В итоге адвокаты, по крайней мере большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками», наличие университетского диплома у которых власть поначалу не считала обязательным. Понятно, что Гершун был несовместим с властью, упразднившей русскую присяжную адвокатуру². В октябре 1918 года (проведя сначала некоторое время в Дании и Литве) он приехал в Берлин, чтобы провести там последующие 15 лет своей жизни.

Здесь, в Берлине, судьба (а точнее, общая профессия и интересы) свела его с Алексеем Александровичем Гольденвейзером (1890–1979), человеком русской культуры и двойного, русско-еврейского сознания. Если бы не революция и эмиграция, вряд ли бы 20-летняя разница в возрасте и 1000-километровое расстояние между Киевом и Петербургом позволили им познакомиться, и в особенности сблизиться. Алексей Гольденвейзер родился в семье известного киевского адвоката, выпускника Петербургского университета Александра Соломоновича Гольденвейзера (1855–1915) и Софьи Григорьевны (Гершевны) Гольденвейзер, урожденной Мунштейн (?–1926), сестры поэта, драматурга и театрального деятеля Леонида Григорьевича (Леона Гершковича) Мунштейна (1867–1947), публиковавшегося под псевдонимом Lolo. А. С. Гольденвейзер считался одним из лучших цивилистов России, многие годы возглавлял киевскую адвокатуру. В отличие от семьи Гершуна Гольденвейзеры гораздо прочнее были связаны с еврейством. Александр Соломонович отдал немало сил борьбе за равноправие евреев, в частности, выступал в печати против процентной нормы для адвокатов-евреев.

¹ Гершун Борис Львович — в кн.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 235.

² Ликвидация адвокатуры была провозглашена первым советским законодательным актом о суде — Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 года. О существовании присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший последним годом существования адвокатуры как «сословия», то есть профессиональной общности, см. воспоминания Гершуна «Последний год Петроградской адвокатуры»: ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1в; Д. 417. См. также: Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 147–152.

Он пользовался огромной популярностью среди евреев Киева, ибо неоднократно брался защищать соплеменников по гражданским искам¹.

Старшие братья Алексея Александр Александрович (1880–1940) и Эммануил Александрович (1883–1953) совсем молодыми, в 1900 и 1902 годах соответственно, эмигрировали в США. Оба сделали там блестящую карьеру. Александр Александрович Гольденвейзер окончил Колумбийский университет (1902), защитил там же докторскую диссертацию (1910). Он стал выдающимся антропологом, изучал эскимосов, индейцев-ирокезов, некоторые другие племена, преподавал в ряде университетов, выпустил классические труды «Ранняя цивилизация» (Early Civilization, 1922) и «История, психология и культура» (History, Psychology, and Culture, 1933)².

Эммануил Александрович Гольденвейзер учился в Колумбийском и Корнеллском университетах, также получил докторскую степень (1907), с 1907 года служил в различных правительственных учреждениях. В 1919 году поступил на службу в Федеральную резервную систему, где с 1927 года возглавлял исследовательский отдел. Опубликовал ряд научных работ, был одним из разработчиков положений о Международном валютном фонде и Всемирном банке³.

Кроме того, у Алексея Гольденвейзера были две старших сестры: близнецы Елена (1880–1944) и Надежда (в замужестве Фельдзер) (1880–1944), о которых нам, к сожалению, известно крайне мало. Обе жили на юге Франции и погибли от рук нацистов во время Катастрофы.

Алексей Гольденвейзер учился в Киевской Первой гимназии вместе с будущим профессором богословия В. Н. Ильиным, сыном философа и публициста кн. Е. Н. Трубецкого — Сергеем и будущим министром иностранных дел петлюровского правительства А. Я. Шульгиным. Алексей был единственным сыном

---

¹ См.: *Винавер М. М.* Памяти Александра Соломоновича Гольденвейзера. Пг., 1915; Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стб. 161; Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 345.

² *Who was who in America. Vol. I (1897–1942).* Chicago, 1943. P. 465.

³ *Ibid. Vol. III (1951–1960).* Chicago, 1963. P. 331; Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 345.

Александра Соломоновича Гольденвейзера, пошедшим по стопам отца. Юриспруденцию он изучал в Киевском, Гейдельбергском и Берлинском университетах. Как и многие другие дети еврейской элиты, обучавшиеся в русских гимназиях и русских университетах, он стал человеком русской культуры. Это не привело к разрыву с еврейством. Впоследствии, став, как и его отец, адвокатом, Гольденвейзер-младший принимал активное участие в «еврейской политике» в Киеве. Он понимал язык еврейской «улицы», но, по его собственному признанию, идиш был для него «малознакомым» языком¹.

В 1917 году Гольденвейзер был секретарем Совета объединенных еврейских организаций города Киева, одним из организаторов в Киеве еврейского демократического союза «Единение»; делегатом Всероссийской еврейской конференции в Петрограде в июле 1917 года; в апреле 1918 года недолгое время был членом Малой рады. Драматические обстоятельства жизни в Киеве в 1917–1921 годах запечатлены Гольденвейзером в вышедших по свежим следам мемуарах «Из Киевских воспоминаний»². 28 июля 1921 года Гольденвейзер с женой Евгенией Львовной (урожденной Гинзбург, 1889–1976) выехал из Киева. Они нелегально перешли советско-польскую границу и после двухмесячного пребывания в Польше в октябре 1921 года добрались до Берлина³.

В Берлине у Гершуна была солидная практика, которая все же не могла идти в сравнение с практикой петербургского периода. Среди его клиентов были самые разные люди: от торговцев-евреев, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку, до графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Кроме практики Гершун занимался также и теорией — опубликовал несколько статей на юридические темы в германских специальных юридических изданиях. Гершун не был особенно активен в эмигрантской политике, хотя входил в берлинскую группу Партии народной свободы (кадетов). Большую часть времени он уделял общественной,

¹ Гольденвейзер А. А. Из Киевских воспоминаний // Архив русской революции. Т. VI. Берлин, 1922. Репринтное воспроизведение. М., 1991. Т. 5–6. С. 184.

² Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922.

³ Гольденвейзер А. А. Бегство // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923. Репринтное воспроизведение. М., 1991. Т. 11–12. С. 167–186.

нежели политической деятельности, в особенности защите интересов русских беженцев и объединению (в том числе и с целью защиты интересов беженцев) русских юристов за границей. В июне 1920-го он был инициатором, совместно с И. В. Гессеном, И. М. Рабиновичем и М. Д. Ратнером, создания Союза русских присяжных поверенных в Германии. В 1921 году Гершун был избран членом Совета русских общественных организаций в Берлине, в 1923-м — членом правления Общества помощи русским гражданам в Германии, в 1925 году был кооптирован в состав постоянного русского третейского суда в Берлине (предназначенного для урегулирования споров между русскими эмигрантами в досудебном порядке). Кроме того, он был председателем Берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей, инициатором и одним из организаторов Съезда русских юристов за границей (1922), членом Союза русских евреев, германского отделения Американского фонда помощи русским литераторам и ученым, Общества друзей русской печати. По «еврейской линии» Гершун вошел также в правление Союза защиты детей русских евреев в Германии¹.

Шестнадцатилетняя «берлинская остановка» на пути из Киева в Нью-Йорк стала одним из самых успешных и в то же время самых горестных периодов в жизни Алексея Гольденвейзера. Именно здесь он завоевал себе профессиональный авторитет, обзавелся множеством знакомых в эмигрантской среде, стал видным «общественником»².

Новоприбывшему надо было зарабатывать на жизнь. Получить работу по специальности было нелегко, особенно учитывая переизбыток людей «интеллигентных профессий», в том числе юристов, среди эмигрантов. Гольденвейзер еще не успел заработать себе имя в профессиональной области, ведь когда случилась революция и время «нормальной» юстиции кончилось, ему было только 27 лет. Однако у молодого адвоката были и несомненные преимущества перед многими коллегами: знание немецкого языка и образование, частично полученное

¹ Серков А. И. Русское масонство. С. 235.

² Подробнее о берлинском периоде жизни А. А. Гольденвейзера см.: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 207–231.

в германских университетах. Другой сложностью, разумеется, была узость «клиентской базы». Приходилось, во всяком случае, поначалу рассчитывать на клиентуру из эмигрантов, а высокой кредитоспособностью эмигранты в массе не отличались. Тем не менее, со временем появилась и практика. С первых лет пребывания в эмиграции Гольденвейзер много писал. Отчасти это объяснялось потребностью осмыслить недавнее прошлое и настоящее, отчасти, что очевидно из его переписки с редакциями, в особенности в начале 1920-х годов, материальными соображениями. Не оставил он этой привычки до конца дней, хотя его публикационная активность никогда не достигала такой интенсивности, как в 1920-е годы.

Революция и вынужденная эмиграция не привели к существенному поправению Гольденвейзера, как это случилось со многими эмигрантами, приверженными ранее либерально-демократическим ценностям. Он примыкал к кадетам левого, милюковского толка, а в 1927 году принял самое активное участие, наряду с Б.И. Элькиным (1887–1972)¹, в создании Русского республиканско-демократического объединения в Германии и был избран его председателем.

Но основное место, наряду с профессиональной, в берлинский период его жизни занимала деятельность общественная. Гольденвейзер принимал активное участие в работе двух берлинских организаций — Союза русских евреев в Германии и Союза русской присяжной адвокатуры в Германии². Когда осенью 1921 года он приехал в Берлин, то взялся организовать при Союзе русских евреев отдел по оказанию бесплатной юридической помощи. Кроме этого, Гольденвейзеру пришлось помогать председателю Союза Я.Л. Тейтелю в сборе средств на нужды организации. Гольденвейзер иногда сопровождал его в поездках.

Гольденвейзер принимал довольно активное участие в деятельности Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, а также других объединений русских юристов за границей. Он вошел в рефератную комиссию Союза, а впоследствии стал ее

¹ См. о нем: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). С. 132–136, 362 (примеч. 51).

² Подробнее об этих организациях см.: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин. С. 82–114 и 115–147 соответственно.

секретарем; он входил также в комиссию, заведовавшую юридической консультацией Союза. Гольденвейзер впервые был избран в правление Союза в 1925 году и далее ежегодно переизбирался на новый срок¹. Он был также членом русского постоянного третейского суда в Берлине и Берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей. Председателем правления Отделения был Б. Л. Гершун, в 1928 году Гольденвейзер был избран его заместителем².

Здесь, в Берлине, завязалось не только знакомство и профессиональное сотрудничество, но и дружба этих принадлежавших к разным поколениям людей. Дружба, сохранившаяся до последних дней жизни старшего из них. Об отношении Гершуна к младшему коллеге говорят слова, написанные им по случаю 55-летнего юбилея Гольденвейзера. Он их переслал самому юбиляру, но у нас нет оснований, исходя из истории их дружбы и переписки как друг с другом, так и с другими людьми, сомневаться в их искренности:

Дать Вам выписку того, что я писал об одном человеке, которого я искренне полюбил?

«А. А. Гольденвейзер отдавал все свое свободное время Союзу (имеется в виду Союз русских евреев в Германии. — О. Б.), юрисконсультом которого он был. Он организовал при Союзе юридическую консультацию для нуждающихся евреев. Он не только принимал всех обращавшихся в консультацию, но и хлопотал бескорыстно по делам эмигрантской бедноты во всех административных и судебных учреждениях. По характеру и образу действий, по своему внешнему виду, с своим тонким одухотворенным лицом он был тип еврейского аристократа. Сын известного киевского присяжного поверенного Александра Соломоновича Гольденвейзера — Алексей Александрович получил серьезное и разностороннее образование и прекрасное воспитание. Он интересовался не только правовыми вопросами, но и философией и мировой литературой. Его доклады и статьи по этим предметам свидетельствовали о тонкой культуре и вызывали большой интерес. Он

¹ Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). Берлин: Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, 1930. С. 14–15, 27; ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 13. Л. 29–30.

² В комитете русских юристов // Руль. 1928. 14 ноября. № 2424. С. 5.

свободно и красиво владел словом, был тактичен, умен, и все грубое, неискреннее, всякая бестактность его оскорбляли и заставляли сжиматься как от неприятного физического прикосновения. Тонкий и образованный юрист, он был оценен эмигрантами, и у него составилась хорошая практика. Как только я с ним по его приезду в Берлин познакомился, я его привлек в состав правления адвокатского союза, где его сотрудничество и умение найти всегда справедливый и разумный выход из каждого положения нами высоко ценились».

Это я бы сказал на Вашем юбилее, если бы мог на нем быть¹.

После прихода к власти нацистов Гершун уехал во Францию и обосновался в Париже. Здесь он тоже довольно быстро занял видное положение в профессиональном сообществе: вошел в Совет Объединения русской присяжной адвокатуры во Франции, а позднее, в 1945 году, был избран его председателем.

Гольденвейзер справедливо писал, что в период беженства заслуги Гершуна «перед товарищами по сословию неоценимы. Более, чем кто-либо, он содействовал разрешению трудной и не имевшей исторических прецедентов задачи — создать статус „адвокатуры в изгнании». Это навсегда останется в анналах российской эмиграции»².

Замечу, что история российской «адвокатуры в изгнании» до сих пор не написана, хотя она этого более чем заслуживает.

В Париже Гершун стал принимать самое живое участие в работе Очага для евреев-беженцев, основанного Т. И. Левиной, а после ее эмиграции в США в 1940 году стал руководителем Очага.

Некрологи — не тот жанр, где можно найти о покойном что-либо, кроме комплиментов. Тем не менее полагаю, что Гольденвейзер был недалек от истины, объясняя причины успеха Гершуна в профессиональной и общественной работе. Этому

во многом способствовали привлекательные черты его характера — его природная мягкость и уравновешенность, его деликатность и такт в обращении со всеми, с кем он приходил в соприкосновение. Но при

¹ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А. Париж, 15 июля 1945 // BAR. Alexis Goldenweiser Papers (далее — Goldenweiser). Вох 9.

² Гольденвейзер А. Памяти Б. Л. Гершуна // Новое русское слово. 1954. 1 августа.

этом Борис Львович умел быть и настойчивым, в особенности в деловых переговорах. Я не встречал никого, кто бы мог сравниться с ним в умении вести такие переговоры или защищать вверенные ему интересы в административных учреждениях¹.

Гершун обладал необыкновенной работоспособностью и организованностью: в Петербурге, где жизнь в определенных кругах начиналась поздно, он уже в 8:30 утра был за рабочим столом, диктовал стенографистке деловые бумаги и письма; затем отправлялся в суд или иные учреждения, принимал клиентов; вечером готовился к делам следующего дня. В эмиграции рабочий график менялся в зависимости от обстоятельств, но время, уделяемое профессиональным и общественным делам, оставалось столь же продолжительным. Возраст брал свое, но все же... В 1953 году Гершун писал, в ответ на комплимент Гольденвейзера: «...я далеко не так „неутомим“, как Вы пишете. Могу работать только до 6½, а затем я к работе более не гожусь»². То есть его рабочий день на 84-м году жизни продолжался, очевидно с перерывом, 10 часов!

Вернемся, однако, в 1930-е годы. Гольденвейзер уехал из Германии в декабре 1937-го. Уехал сразу за океан, не задерживаясь, как это сделали — добровольно или вынужденно — многие из его друзей и коллег, на промежуточных станциях — в Париже, Брюсселе, Риге или Варшаве. Ему было проще, чем многим: ведь в США жили два его преуспевающих брата, оказавшие вновь прибывшему всяческую помощь. После недолгого пребывания в Вашингтоне Гольденвейзер обосновался в Нью-Йорке. Несмотря на интенсивную работу по самообразованию и усилиям интегрироваться в новую для него жизнь, он находил время для поддержания активной переписки с Европой. Точнее, со своими друзьями, коллегами и клиентами. Душой он был по-прежнему там, в Старом Свете. Среди его корреспондентов — М. А. Алданов, И. В. Гессен, О. О. Грузенберг, Я. Л. Тейтель, Б. Л. Гершун, М. Л. Кантор, Л. М. Зайцев, В. В. Набоков, Г. А. Ландау, Б. И. Элькин и многие другие. Нетрудно заметить, что это

---

¹ Там же.

² Гершун — Гольденвейзеру. 29 октября 1953 // VAR. Goldenweiser. Box 43.

преимущественно юристы, общественные деятели, литераторы. В общем, интеллектуальная и профессиональная элита русской и русско-еврейской эмиграции. Большинство его корреспондентов — бывшие берлинцы, вынужденные, как и он, покинуть Германию. Все они находились в движении — из Германии во Францию, Бельгию, Латвию, оттуда в Ирландию, Великобританию, Португалию, потом в США. Некоторые двигались на запад, другим предстояло отправиться на восток. Одни нашли убежище за океаном, другие закончили свою жизнь в нацистских лагерях смерти, некоторые — в ГУЛАГе.

Обширная переписка Гольденвейзера позволяет нам составить представление о жизни и размышлениях этих людей накануне Катастрофы. Катастрофы европейского еврейства и катастрофы европейской цивилизации. Письма позволяют судить о быте, размышлениях, представлениях, заблуждениях этих людей. Однако среди его корреспондентов — не только эмигрантские интеллектуалы: среди них немало «простых» эмигрантов, пытавшихся выбраться из Европы и прибегавших для этого к помощи Гольденвейзера. Это обстоятельство делает переписку Гольденвейзера еще более уникальным (если так можно выразиться) источником по истории русско-еврейской эмиграции рубежа 1930–1940-х годов.

Переписка позволяет также проследить, каким образом эмигранты, которым повезло добраться до Соединенных Штатов, ставших «землей обетованной» для русских — и не только русских — евреев накануне и во время Второй мировой войны, на этой новой земле обустроивались. Позволяет она проследить и то, как приспособившись к американской жизни и сам Алексей Гольденвейзер.

Вторая мировая война разделила русских евреев-эмигрантов на две основные категории: живых и мертвых. Среди погибших в огне Холокоста оказались обе сестры Гольденвейзера. Гершун был арестован нацистами в 1941 году, несколько недель провел в концентрационном лагере Компьен под Парижем. После освобождения скрывался на юге Франции под чужим именем. Вернувшись в Париж, сыграл ключевую роль в восстановлении разоренного нацистами Очага для евреев-беженцев. Уделял ему много внимания, ведь после войны и Холокоста значение Очага

для уцелевших евреев существенно возросло. Возобновил адвокатскую практику, причем вел некоторые дела совместно с Гольденвейзером: ведь русские евреи оказались разбросанными по разным странам, а их имущественные интересы оказывались нередко за тысячи километров от нынешних стран пребывания — например, в Германии.

Война провела еще одну линию разделения между русскими евреями-эмигрантами: успевшими или не успевшими перебраться за океан. Их жизненный опыт, мироощущение были теперь настолько различными, что они не всегда понимали друг друга. Это касалось, к примеру, отношения к Советскому Союзу. За океаном в годы войны шла как будто нормальная жизнь: в Нью-Йорке создаются новые структуры со знакомыми названиями — Союз русских евреев (1942), в исполнительное бюро которого вошел Гольденвейзер. В апреле 1942 года группой русских адвокатов был основан Кружок русских юристов. Теперь адвокаты уже не так строги в соблюдении чистоты риз. В состав кружка принимаются лица с высшим юридическим образованием, владеющие русским языком. Среди них могут быть «бывшие судьи, профессора юридических факультетов и т.д.». Кроме докладов и дискуссий на различные юридические и общественно-политические темы кружок устроил обед в годовщину принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 года! Русские юристы не желали забывать свои корни. Работой кружка русских юристов руководило бюро, в состав которого входили бывшие члены правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии Гольденвейзер и Л. М. Зайцев, секретарем бюро была дочь М. М. Винавера, «парижанка» С. М. Винавер-Гринберг.

Гольденвейзер принимает активнейшее участие в организации помощи русско-еврейским европейцам — и по еврейской, и по адвокатской линии. Возобновляет интенсивную переписку с друзьями и коллегами — правда, число их заметно поубавилось. Пожалуй, переписка с Гершуном была одной из самых регулярных, откровенных и интенсивных. Темы — самые разные, от переписки по делам клиентов до проблем высокой политики или литературы. Переписка Гольденвейзера с Гершуном продолжалась почти до последних дней жизни последнего: последнее

письмо Гершуна к Гольденвейзеру датировано 18 июня 1954 года. Борис Львович сетовал на утомление, не позволившее ему даже пойти в Очаг в его «присутственный день» (он бывал в Очаге три раза в неделю). «С нетерпением ждем 15 июля, чтобы уехать на отдых. Поможет ли он мне?» — задавался вопросом Гершун¹. Уехать на отдых ему не пришлось: 19 июля 1954 года Борис Гершун скончался в Париже.

Гольденвейзер пережил Гершуна на четверть века. Неутраченный общественник принял участие еще во множестве эмигрантских «проектов», в том числе в издании 2-томной «Книги о русском еврействе» (Нью-Йорк, 1960, 1968). Позаботился он и о публикации фрагментов воспоминаний Гершуна: они увидели свет в «Новом журнале» (1955. Кн. 43). Остается гадать, почему Издательство им. Чехова в свое время отклонило рукопись необыкновенно интересных и хорошо написанных «Воспоминаний русского адвоката» Гершуна, несомненно заслуживающих публикации. Заслуживает, на мой взгляд, публикации полностью и переписка Гершуна с Гольденвейзером, богатая как мыслями, так и сведениями.

В настоящем издании мы публикуем их переписку за 1938–1940 годы и надеемся, что эта публикации станет «первой ласточкой» в обнародовании замечательного эпистолярного диалога двух незаурядных российских юристов.

Переписка, с некоторыми лакунами, сохранилась в фонде Гольденвейзера (коробки 4–6) в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Письма Гершуна — автографы и машинописные оригиналы, письма Гольденвейзера — машинописные копии. Небольшие сокращения в двух письмах обозначены [...].

Письма сопровождаются кратким комментарием. В тех случаях, когда об упоминаемых в переписке персоналиях более подробную информацию можно найти в общедоступных справочных изданиях, в том числе в биографическом словаре «Российское зарубежье во Франции (1919–2000)» (М., под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской), аннотированном

¹ BAR. Goldenweiser. Box 43.

именном указателе в книге О. В. Будницкого и А. Л. Поляна «Русско-еврейский Берлин» (М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 410–487), приводимые сведения носят минимальный характер.

ПИСЬМА

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

17. II. 38¹

Дорогой Алексей Александрович,

Очень рад был получить Ваше письмо. Читали Ваше письмо к Борису Исаковичу². Так же как и Вы, считаю положение русских дел после решения по д[елу] Бельмонта очень тяжким. Здесь некоторые юристы (И. Б. Гуревич³, Шефтель⁴) возлагают надежды на те оговорки, к[ото]рые сделал Суд в своем решении, опять вспоминают знаменитые циркуляры Наркоминдела (впрочем, уже из того же источника взятые обратно), прибегают к неправильному толкованию декрета о национализации и т. п., и все же я не думаю, чтобы было возможно или легко добиться изменения практики Суда, подтвержденной, говорят, уже новым решением. Предстоит здесь новый доклад на эту тему Я. М. Шефтеля, к[ото]рый заготовил и соотв[етствующую] статью для Clunet⁵. Кстати, в Вашингтоне имеется, вероятно, и хорошая юридич[еская] библиотека. Выписывает она франц[узские] юрид[ические] журналы? Если нет, попрошу Шефтеля послать Вам оттиск статьи.

Если бы не неизвестность, Вы бы, вероятно, были бы очень довольны Вашим теперешним строем жизни. Мне иногда

¹ Слева на полях надпись рукой Ал. А. Гольденвейзера: отв. 24/IV 1938.

² Элькин Борис Исаакович (1887–1972) — юрист, адвокат, присяжный поверенный. С 1919 года в эмиграции в Берлине, с 1933-го — в Париже, с 1939-го — в Ирландии, затем в Великобритании. Далее во всех случаях упоминаемый в тексте Б. И., Борис Исаакович, Борис Исакович — Б. И. Элькин.

³ Гуревич И. Б. (? — не позднее 1943) — адвокат. В эмиграции жил во Франции. Член правления Объединения русских адвокатов во Франции (1931).

⁴ Шефтель Яков Михайлович (1882–1973) — юрист, адвокат, общественный деятель. В эмиграции сначала в Лондоне, с 1921 года — в Париже.

⁵ Journal du droit international (Clunet) (*фр.*) — «Журнал международного права (Клюне)», выходящий во Франции с 1874 года.

казалось, что адвокатурой в эмигрантских условиях (украшением которой Вы все же были) Вы занимались немного à contre-sens¹. Мы с Б[орисом] И[саакови]чем решили, что Вы несомненно сделаете хорошую научную карьеру и будете в университете на своем месте. Так, мы без Вашего ведома планировали Ваше будущее: признак нашей веры в то, что Вы in dieser Hinsicht was leisten können².

Сегодня мы все удручены капитуляцией Австрии³ и бессилием Англии и Франции противостоять наглому напору Гитлера.

И все ближе и ближе Европа подвигается к тому моменту, когда кроме войны нет другого исхода, разве бы сама судьба вмешалась в дела наши.

У нас все по-старому. Живем очень тихо. Редко где бываем. Вечера проводим больше всего дома. Здоровье мое в порядке. О. М-на⁴ чувствует себя усталой. Надеемся на Пасху поехать куда-нибудь дней на 10.

У нас все очень благополучно. Горе большое у Беленьких, Осе, мужу Софии Адольфовны, пришлось ампутировать ногу (тромбоз) и привело к серьезной опасности. Мы со страхом ждем письма от Наги⁵.

Внук — добрый англичанин: здоровый, веселый и верит в свое будущее. Временные неприятности (делал зубки) переносил стойко. Судьбы Австрии и Европы его не беспокоят. Истый брит, он знает, что время работает в его пользу.

Лева⁶ имеет в Рио представительство сев[еро]-амер[иканских] фирм. Надеется успеть [уехать?]. Жара в Рио ему очень нравится.

¹ Неохотно (*фр.*).

² В этом деле сможете чего-то добиться (*нем.*).

³ Речь идет о событиях, непосредственно предшествовавших аншлюсу Австрии в марте 1938 года. 12 февраля 1938 года австрийский канцлер Курт фон Шушницг был вызван в гитлеровскую резиденцию Берхтесгаден, где под угрозой немедленного военного вторжения был вынужден подписать предъявленный ему ультиматум, фактически ставивший страну под контроль Германии и превращавший ее в провинцию Третьего рейха.

⁴ Ольга Марковна Гершун — жена Б. Л. Гершуна. Далее во всех случаях упоминаемая в тексте О. М. — О. М. Гершун.

⁵ Ната (Наталья) — дочь Б. Л. и О. М. Гершунов.

⁶ Лева — сын Б. Л. Гершуна.

Из Берлина известия неважные. Говорят, общее недовольство. «Nicht zum aushalten»¹, так определил бывший у меня немец-ариец, вполне благополучно в Германии устроенный. Писал Вам Б. И. про Юдсиса? Он арестован и предан суду за растраты и обманы. Сидит очень крепко. Хорошую услугу оказал он делу немецких евреев!! В тюрьме он повесился.

Желаю Вам успехов, здоровья. Евгении Львовне² и Вам сердечный привет от О. М. и меня. Ваш

Б. Гершун

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

Париж. 15 мая 1938³

Дорогой Алексей Александрович,

Вашему письму был очень рад. Не имея долго от Вас письма, опасался, что наша переписка оборвалась, и пустота вокруг меня стала еще больше. Старость заключается в том, что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина. Кругом валяются люди, сверстников становится все меньше, молодые имеют свою жизнь и свое окружение или составляют чужое окружение, а старик замечает, что он уже eine Leiche auf Urlaub⁴. И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считал себя актером, а сцены-то уже давно нет.

Вот Ваше милое письмо меня обрадовало, дав чувство, что я еще не всеми забыт.

А о том, что ст. 29 Вв. закона изменена, я узнал из Америки. Я, правда, слышал, что там идет усердный пересмотр гражд[анских] законов: искоренение либеральных иудомасонских правовых идей.

По поводу решения по д[елу] Моск[овского] Страх[ового] Об[ществ]а я не так оптимистичен, как Вы. Мне Б[орис] Исак[ович] Элькин подробно рассказал содержание состоявшегося

¹ Обстановка невыносимая (нем.).

² Гольденвейзер (урожд. Гинзбург) Евгения Львовна — жена Ал. А. Гольденвейзера.

³ Слева на полях надпись рукой Ал. А. Гольденвейзера: отв. 26/V.

⁴ Дословно «труп в отпуске», в переносном смысле «зажившийся старик», человек, переживший свое поколение (нем.).

решения и показал свои письма к амер[иканскому] адвокату и к Вам. Циркуляры Н. И. Д.¹ — плохая база; циркуляры — не закон, а мнение данного комиссара, кстати, взятое обратно. По существу решение, конечно, верное, но обоснование слабое. Поживем, увидим.

Бедный О. Беленький умер трагически. Он внезапно в метро почувствовал боль в ноге, не мог двинуться, его отвезли в клинику. Оказалась эмболия², сняли ногу, но это уже не помогло, отравление крови, и он в мучениях скончался. В 35 л[ет]! Такой милый. Бедная Соня обезумела. Вся семья Б[еленького] теперь (молодые и старики Беленькие и Соня) остаются там жить. А меж тем Надя вышла замуж за врача — немецко-русского эмигранта Herzberg'a и очень счастлива!

На Пасху мы уехали к морю, но было так холодно, комнаты нетопленые, и мы через три дня удрали в нашу теплую уютную квартиру.

Лето (т. е. авг[уст]) собираемся провести вместе с Фернеями — у моря, где-ниб[удь] в Нормандии или в Бретани. А пока уже оказались в лете, так как после зимних холодов (в апр[еле] — начале мая) наступило тепло. От деревьев [два слова нрзб] идет аромат, к[оторы]м не надышишься, и на нашем бо-сежуре³ очень хорошо, так что даже забываешь о все растущей дороговизне и повышенных налогах. С меня требуют в этом году одного квартирного налога уже 4000 фр., квартира тоже вздорожала (из-за стоимости топлива), и мы подумываем о переезде в меньшую квартиру.

С Элькиными встречаемся сравнительно часто. На Пасху они были на юге, куда приехал и барристер⁴ с женою. Шура заходил ко мне, милый юноша, и «такое рассуждение на лице». И в том, что есть практическое устройство в жизни, толк понимает.

¹ Наркомат иностранных дел.

² При эмболии сгусток крови (тромб), пузырек воздуха или частица жира попадают в кровоток и застревают в одном из жизненно важных органов, например в легких, сердце, печени, головном мозге или почках. Если тромб достаточно крупный, он может вызвать внезапную смерть.

³ Beau séjour (фр.) — прекрасный отдых.

⁴ Имеется в виду Александр Борисович Элькин (1909–2001), сын Б. И. Элькина, учившийся в Великобритании и получивший квалификацию барристера (адвоката с правом ведения дел).

Вышла книга Грузенберга «Вчера»¹. Милюков² — страха ради иудейска — написал о ней восторженную рецензию³. Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, посвященные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о «великих людях», его друзьях — Короленко⁴, Горьком⁵, Кони⁶. Язык — вымученный, любовь к «истинно-русским» оборотам речи и поговоркам (Кременецкий — Алданова⁷), — и повсюду Оскар, Оскар и Оскар — некуда от него спрятаться. Как Вам нравится в первых строках — определение русского языка:

«Я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, завораживающий; в книге — простой, просвечивающий, до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы — подмороженный, страстно-сдержанный».

¹ Книга О. О. Грузенберга «Вчера: Воспоминания» (Париж: [Б. и.], 1938) вышла из печати в середине марта 1938 года — см. «Новая книга О. О. Грузенберга» (Последние новости. 1938. 10 марта): «В ближайшие дни выйдет из печати и поступит в продажу новая книга О. О. Грузенберга — „Вчера“ (воспоминания о детских, отроческих и студенческих годах, знаменитых процессах, силуэты современников). Книга выходит в издательстве „Современных записок“, склад издания — „Дом книги“».

² Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, лидер партии кадетов. С конца 1918 года — в эмиграции, сначала в Румынии, затем в Лондоне, с 1920 года — в Париже. Редактор газеты «Последние новости» (1921–1940).

³ См., например: «Есть в этом стиле что-то от Герцена. Сила, горячность восприятия также видна из сказанного. Это — куски жизни, оторванные с кровью. Пройти мимо этой книги — невозможно. Автор в ней сливается с предметами своего изображения. Горький дал когда-то Шляпину определение русского интеллигента. „Это — человек, который в каждую минуту готов встать впереди всех с открытой грудью на защиту правды, не щадя собственной жизни“. Эта характеристика всецело относится к О. О. Грузенбергу» (Милюков П. Н. «Вчера» О. О. Грузенберга // Последние новости. 1938. 14 апреля).

⁴ Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — русский писатель, публицист, общественный деятель.

⁵ Максим Горький (Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) — русский писатель.

⁶ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — юрист, государственный деятель, литератор, мемуарист.

⁷ Семен Исидорович Кременецкий — персонаж трилогии Марка Александровича Алданова (Ландау, 1886–1957) «Ключ», «Бегство», «Пещера». В предисловии к первому книжному изданию «Ключа» автор писал: «Добавлю в качестве курьеза, что мне называли пять адвокатов, с которых будто бы писан (и тоже „портретно“) Кременецкий. Скажу кратко [...] в этих указаниях нет ни одного слова правды» (Алданов М. Ключ. Берлин: Изд. Книгоиздательства «Слово» и журнала «Современные записки», 1930. С. 6).

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, — там язык натуральнее.

Ни один настоящий русский человек не писал и не будет писать таким русским языком.

Книга успеха не имеет. Трахтерев¹, к[оторо]го я на днях встретил, рассказывал мне, что написал для «Возрождения» резкую рецензию про «Вчера», а про одного русского мне рассказывали, что он сказал, что, прочитав книгу Грузенберга, стал антисемитом. А Грузенберг собирается выпустить второй том.

С Зайцев[ым]² переписываюсь. Он очень аккуратен и по д[елу] Залькинд делает все как следует. По другим делам (Мельникова и др.) я с ним не переписываюсь. На днях [Зайцев] писал, что летит на два дня в Вену.

Вы знали Балина? Он недавно скончался после долгой болезни³.

Как Вам должны казаться теперь далекими наши европейские дела! Рад за Вас, что Вы из этой трясины выбрались. По-моему, еще немало пройдет времени, пока здесь наладятся дела. Еще много волнений и потрясений придется пережить европейцам.

Пора кончать. Спешил ответить, чтобы скорее дошла до меня очередь в Вашей корреспонденции.

Буду ждать, а пока Евгении Львовне и Вам наш сердечный привет.

Ваш

Б. Гершун

В каком теперь положении наши страховые дела? Удастся гальванизировать эти «трупики»?

¹ Трахтерев Осип Сергеевич (1876/77–1944) — юрист, адвокат, в эмиграции в Берлине (1922–1923), затем в Париже, председатель парижского Союза русских адвокатов за границей, занимавшего более правые позиции по сравнению с Объединением русских адвокатов во главе с Н. В. Тесленко; погиб в Освенциме.

² Зайцев Лев (Леон) Моисеевич (1882–1947) — юрист, адвокат, публицист. С 1920 года в эмиграции в Берлине, с 1939-го в Брюсселе, с 1940-го — во Франции, с 1941 года — в Нью-Йорке.

³ Балин Владимир Исаевич (?–1938) — адвокат, присяжный поверенный. Скончался в Париже 2 апреля 1938 года.

Забыл сообщить, что имел письмо от Фальковского¹. У нас нашелся с ним общий интерес — древний Эгипет [так в тексте]. У него на основе усердного изучения сего предмета, у меня под влиянием книги Людвига «История Нила»². Я боюсь, что дни его в Л[иге] Н[аций] сочтены³, и он сам пишет о том, что придется, пожалуй, переехать в Париж. А пока... он написал кулинарную книгу: «Кулинария для эмигранта» и даже нашел издателя. Значит, со временем будем питаться по рецептам нашего собственного Саварэна⁴.

Маргулиес⁵ ходит уже с палочками, а то и без палочек, но не без труда. Успех большой, а ведь врачи предсказывали, что он с постели никогда не встанет.

Рассказал обо всем.

Ваш БГ

Какой у Вас шикарный номер! 2308! Мы с нашими двузначными номерами можем спрятаться!

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

Париж. 3 июля 1938

Дорогой Алексей Александрович,

Когда взял Ваше письмо из Нью-Йорка, чтобы Вам ответить, с ужасом заметил, что прошел целый месяц, как его получил. Вы, вероятно, уже обратно в Вашингтоне, а для нас этот месяц

¹ Фальковский Евгений Адамович (1879–1951) — юрист, адвокат, общественный деятель. С 1920 года в эмиграции в Константинополе, с 1922-го в Берлине.

² Речь идет о книге автора популярных биографий и книг на исторические темы Эмиля Людвиг (Ludwig Emil; 1881–1948) *Der Nil; Lebenslauf eines Stromes*. 2 v. Amsterdam, Querido Verlag n. v., 1935–1937.

³ Е. А. Фальковский возглавлял Нансеновский офис (Nansenamt) Лиги Наций в Берлине.

⁴ Брийя-Саварен Жан Антельм (Brillat-Savarin Jean Anthelme; 1755–1826) — французский философ, юрист, экономист, политический деятель, музыкант, кулинар. Автор знаменитого трактата «Физиология вкуса, или Трансцендентная кулинария; теоретическая, историческая и тематическая работа, посвященная кулинарии Парижа профессором, членом нескольких литературных и ученых сообществ» (1825).

⁵ Маргулиес Мануил (Эммануил) Сергеевич (1869–1939) — доктор медицины, юрист, публицист, общественно-политический деятель, предприниматель. С 1919 года в эмиграции в Лондоне, затем в Берлине, с 1920 года в Париже.

прошел так быстро, так незаметно. И без особых событий, если не считать того, что мы взяли новую квартиру — недалеко от настоящей: 7, rue Robert le Coin, тупик, идущий от rue du Ranelagh. Мы переезжаем в конце сентября или в начале октября. Квартира меньше: 3 комнаты, но все светлые и на солнечной стороне. Очень нам надоел сумрачный свет — безсолнечный — в столовой и кабинете. Переезд вещь неприятная и связана с многими хлопотами и большими расходами. Все здесь непривычно и сложно. Ремесленники неаккуратны и часто недобросовестны, а без них при переезде не обойтись. Судьба Нансенамта в Берлине решена. Он закрывается осенью. Евг. А. [Фальковский] уволен и получает при закрытии Нансенамта 2-х месяч[ое] жалованье. Он хлопочет о визе в[о] Францию. Нелегко ему будет здесь устроиться. Закрытие состоялось по категорическому требованию германского правительства, не пожелавшего долее терпеть такое учреждение.

С Элькиными поддерживаем оживленные отношения. Вашего письма он мне еще не читал. Охотно прочел бы Вашу рецензию о Грузенберговской книге. Не пришлете ли ее? Я написал статью «Грузенберг как уголовный защитник (по поводу книги его воспоминаний „Вчера“»)» и послал ее П. Н. Милюкову. Написал, платя этим свой долг Грузенбергу, к[отор]ый настойчиво требовал от меня статью о себе еще по поводу его 70-летия. Я не написал: убоаялся. А теперь решился¹. [...]

А. А. Гольденвейзер — Б. Л. Гершуну

Интермонт, 11 августа 1938 г.

Париж

Дорогой Борис Львович,

Ваше письмо от 3 июля мы получили в самом начале нашего «дачничества» в небольшом поселке в штате Вест-Вирджиния. Мы решили спастись от вашингтонской жары и, не будучи связанными ни квартирой, ни — к сожалению — делами, уехали из города. Живем здесь в коттедже, ведем сами хозяйство, покупаю продукты у соседей-фермеров. Знакомимся

¹ Гершун Б. Л. Грузенберг, как уголовный защитник (По поводу книги его воспоминаний «Вчера») // Последние новости. 1938. 1 сентября.

с американской жизнью в новом разрезе. К несчастью, жара и здесь мучительная, но она хоть продолжается только несколько часов в день, а утра, вечера и ночи прохладные. Мы находимся среди невысоких гор, на некотором количестве метров над уровнем моря.

30 августа возвращаемся в город. В Вашингтоне пробудем, вероятно, недолго, так как решили провести будущую зиму в Нью-Йорке.

Надеюсь, что Вы без лишнего утомления переедете в Вашу новую квартиру и что будете себя в ней хорошо чувствовать.

От Е. А. [Фальковского] я имел два письма еще из Берлина, но об его обосновании в Париже пока ничего не знаю. Был бы рад узнать его адрес.

С Грузенбергом у меня продолжается переписка, и пока все идет благополучно. Моя рецензия на его книгу его, кажется, не привела в восторг, но и не слишком разгневала. У меня не осталось лишнего экземпляра статьи, и я просил мою сестру¹ послать Вам ее.

За европейскими делами слежу по газетам, которые держат в непрерывном напряжении и тревоге. Весь мир в положении «неустойчивого равновесия» и каждую минуту может грохнуться. Со всех сторон страсти, нетерпимость и отсутствие положительной программы. Я не согласен с Вами, что газеты не преувеличивают в своих сообщениях из Германии. То, что там происходит достаточно мерзко, но сообщения, печатаемые изо дня в день хотя бы в «Посл[едних] нов[остях]», состоят, по крайней мере, в 25% из пошлых репортерских выдумок. Надлежащей информации даже о жизни русской колонии в Берлине не дается, зато сообщают о том, как у евреев «попросту забирают» имущество и как из концентрационных лагерей (где заключенные неизменно работают в каменоломнях) родные получают наложенным платежом урны с пеплом и т. п. Да и редакционные статьи по германским, испанским и японским вопросам дышат пристрастием. Читая эти статьи, мне всегда кажется, что я вижу перед собой А. М. Кулишера

---

¹ Речь идет об одной из сестер-близнецов Ал. А. Гольденвейзера Елене Александровне (1880–1944) или Надежде Александровне (в замужестве Фельдзер).

с его жестикуляцией и пеной у рта¹. Он превратился в какого-то анти-Гитлера и мыслит о немцах приблизительно тем же методом, каким Гитлер мыслит о евреях. Немцы для него «расовые предатели»², они во времена австрийского владычества «испортили итальянскую расу» и т. д. Так и чувствуется, что дай таким господам возможность, они бы с наслаждением побросали бомбы над Берлином, а затем заключили бы новый Версальский мир, который неизбежно через двадцать лет привел бы к появлению нового Гитлера.

Я боюсь прогневить Бориса Исааковича, но имею дерзость думать, что для человечества было бы лучше, если Соед[иненные] Штаты не вмешались в мировую войну и если бы мир был заключен в 1917 году на началах ничьей в отношении Запада и с присоединением к Германии, в форме держав под ее протекторатом, Польши и рандштатов³. Думаю, что Германия бы все равно демократизировала свой внутренний строй, а будучи «насыщенной», она бы перестала быть угрозой миру. Смешно, когда Англия и Франция со своими колониальными империями упрекают немцев в преступном стремлении к мировой гегемонии.

А нынешнее положение в Центральной Европе закончится либо дипломатической победой Германии, либо всеобщей войной, которая неминуемо должна привести к всеобщему поражению, обнищанию и вырождению.

Если бы А. М. Кулишер знал, что я пишу такие еретические вещи, то он бы меня собственноручно четвертовал. Но, слава

---

¹ Кулишер Александр Михайлович (1890–1942) — правовед, социолог и историк, сотрудник «Последних новостей», кадет и сионист, по словам Дон-Аминадо, «талантливый и неуравновешенный петербургский доцент», был известен также под прозвищем «сумасшедший мулла». «Сумасшедший мулла», — писал все тот же ядовитый Дон-Аминадо, — был человеком в высоком смысле образованным, написал немало объемистых томов по социологии, государствоведению и философии истории. Но, как говорили многочисленные завистники и недоброжелатели, был он не столько историк, сколько истерик... Конец его был страшен: во время немецкого владычества, за какую-то провинность, а может быть и просто нелепость, сумасшедшего муллу забили лагерной плетью, и забили насмерть». Цит. по: Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин, 1920–1941. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 280.

² Сноска в конце страницы: на Дальнем Востоке.

³ Рандстат (Randstad) — союз четырех наиболее крупных и экономически развитых городов Голландии, в который входят Роттердам, Амстердам, Утрехт и Гаага.

Богу, между нами океан, так что географическое положение защищает меня от его гнева.

Это письмо, вероятно, не застанет Вас в Париже. Желаем Ольге Марковне и Вам хорошо отдохнуть и подкрепиться. Будем рады скоро получить от Вас весточку. Наш адрес в Вашингтоне прежний — (2308 Ашмид-плэс).

С сердечным приветом

Ваш

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

5. 9. 1938¹

Дорогой Алексей Александрович,

Ваше письмо от 11 авг[уста] я получил в Le Vandoué, в маленькой деревушке в 60 кил[ометрах] от Парижа. Там — в русском пансионе, стоящем в лесу Fontainebleau², мы провели с Ольгой Марковной очень хорошо целый месяц и очень хорошо оба отдохнули и поправились. Вернулись в Париж на днях и займемся переездом в новую квартиру — в том же квартале. Квартира меньше, конечно, дешевле, но вся на солнце: веселая и светлая; в двух шагах от metro Ranelagh. К 1-му октября надеемся закончить переезд. — Наш нов[ый] адр[ес] Paris 16-e, 7 rue Robert le Coïn (спокойный тупичок).

Фальковские в Париже уже с июля и окончательно. Несколько месяцев может выдержать, но затем окажется в тяжелом положении, если не найдет место или работу: это не так легко.

Он не мог оставаться в Германии, несмотря на свое арийство. Я думаю, да и он полагает, что он легко мог бы попасть в концентр[ационный] лагерь — по поводу «Посл[едних] новостей». Из того, что рассказывают приезжающие «оттуда», и из того, что сообщал Е. А., видно, что действительность куда более «мерзка», чем Вы думаете и что изображают «П[оследние] Н[овости]». Газета передает только, и то гл[авным] обр[азом] из франц[узских] информации и немецких газет, т. е. администр[ативные] и законодательные акты, к[ото]рые касаются евреев.

¹ Слева на полях надпись рукой Ал. А. Гольденвейзера: отв. 3/IX 1938.

² Лес Фонтенбло (*фр.* Forêt de Fontainebleau) — обширный лесной массив, окружающий замок и городок Фонтенбло во Франции в 60 км к юго-востоку от Парижа.

Но я и другие имеют сведения о практическом применении этих мер и других, никакими актами не предписанных. В моих руках было письмо, адресованное одним Fachleiter'ом¹ одной группы (торгово-промышленной) к еврею — купцу-фабриканту. Ничего более тартюфского я не читал. Fachleiter пишет: «До сих пор не получил от Вас сообщения, является ли Ваше дело арийским или нет (дело явно еврейское); если оно не-арийское, не приняты ли Вами меры к его Umleitung² (что за милое слово!)? Если вы затрудняетесь найти кого-либо для Umleitung, то я (Fachleiter) совершенно к Вашим услугам для подыскания eines Interessenten³».

Так как владелец дела одновременно получил от Polizeipräzidium⁴ приглашение явиться с женой и принести свои паспорта, то он, понимая лицемерный язык этих негодяев, предпочел в тот же вечер сесть в поезд и приехать с женой в Париж (у них была случайно неиспользованная виза), чтобы никогда при этом режиме [не] вернуться в Германию. Он бросил хорошее дело. Об этом не будет ни в одной газете (и Вы это не сообщайте никому), так как отношения моего клиента с Германией еще не совсем ликвидированы. И таких историй сколько угодно. — У знакомых арестовали belle-sœur⁵, вдову, немолодую женщину-врач[а], и увезли в гестапо. Через два дня рано утром сообщили по телефону, что она лишила себя жизни в камере, и просили забрать тело. Ужас в том, что, когда арестовали женщину, ни она, ни ее родные не смели спросить, в чем дело, и до сих пор не знают, за что она погибла.

Моя знакомая (и Ваша), бывшая проездом в Берлине, рассказывает. Ее квартирная хозяйка (тоже еврейка) идет в участок заявить о прибытии нашей с Вами знакомой (Anmeldung⁶). В участке единственный оставшийся старый немец-чиновник незаметным знаком дает понять хозяйке, чтобы она его дождала на лестнице. Через минуту он выходит и говорит ей шепотом: «послезавтра не выходите на улицу». «Послезавтра»

¹ Специалист (нем.).

² Обход (нем., перен.).

³ Интересующегося, в данном контексте желающего приобрести данное предприятие (нем.).

⁴ Полицей-президиум, управление полиции (нем.).

⁵ Невестка (фр.)

⁶ Регистрация, прописка (нем.).

и был день того еврейского погрома и избияния на улицах, о к[оторо]м писали затем все газеты и о к[оторо]м знала заранее полиция. Наша знакомая сама видела на Курфюрстендаме, как группы молодежи красками писали «Jude»¹, «Yitzik» и т. п. на еврейских магазинах. От моего клиента я знаю, что затем самих евреев заставляли смывать эти надписи (после возмущения в европейской прессе). — А то, что происходит в Австрии? Неужели всего этого мало, чтобы стать анти-Гитлером? Газеты слишком мало и бледно пишут о том, что происходит. Я бы мог Вам исписать целую тетрадь. С каждым годом положение евреев становится в Германии все более и более ужасным. И куда бежать? Ведь теперь из Германии не выпускают! И никуда не впускают. Никто не спорит, что для Германии Гитлер в внешнеполитич[еском] отношении сделал очень многое, и пусть немцы его за это обожают. Но если еврей или культурный европеец становится анти-Гитлером, то это совершенно нормально. О том, что Версальский мир был ошибкой, тоже мало кто спорит. Быть может, следовало расчлнить Германию и вернуть ее в то состояние, в котором она была в 18-м столетии, балканизировать ее. Прошло бы еще столетие, пока она бы опять сконцентрировалась в один организм и пока Европа пользовалась бы миром. Впрочем, загадывать трудно, что было бы, если бы... И теперешние успехи Гитлера — большие ошибки Франции и Англии.

Спасибо. Ваша сестра прислала мне Вашу рецензию на книгу Грузенберга. Интересная. Я уже вернул ее Вашей сестре. Я еще в конце июня послал Милюкову статью, которую Вы читали в номере «П. Н.» от 1-го сент[ября]. Статью писал и трусил, не достанется ли мне за ту или другую мысль от Грузенберга. Представьте себе, обошлось! Уже 3-го веч[ером] получил от Г[рузенбер]га письмо, в к[оторо]м он очень благодарит меня за «дружеское чувство, продиктовавшее строки...» и затем пишет о себе и своей горькой судьбе (я слышал, что сын безнадежно болен, дочь умерла, одна радость — внучка, и сам он тяжело болен, да, думаю, и дела плохи). О книге он пишет, что она вышла в 700 экз. и вся разошлась, сомневается, нужно ли выпускать второй том (я знаю, что он над ним работает).

---

¹ Еврей (нем.).

Вижу, разогнал письмо на 6 страницах. Хотел еще рассказать о любопытных впечатлениях от типичной франц[узской] деревни, но уже в другой раз. — Пока всего лучшего. О. М. и я сердечно вам обоим кланяемся. Пишите.

Ваш Б. Гершун

Когда Вы получите это письмо, мы уже будем знать, что с Чехословакией¹. Здесь мы переживаем тревожные дни.

А деловую просьбу чуть не забыл. Не можете ли Вы узнать имя и адрес хорошего адвоката для предъявления иска к лицу, живущему в Concord (California). Вам это, вероятно, узнать легче, чем нам здесь.

Б. И. Э[лькин] где-то в Швейцарии и приедет к середине сентября. С Зайцевым часто переписываюсь.

Ваш [подпись]

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

Париж. 25/XII. 38

Дорогой Алексей Александрович,

шесть недель лежит у меня в папке «к исполнению» Ваше милое письмо, и только сегодня в тишине рождественского праздника могу взяться за перо и спокойно начать и закончить письмо — Вы правы, сентябрьские дни были кошмарные, и как раз в эти дни мы переезжали на новую квартиру. Вещи были уложены 25 сент[ября], а 26-го мы, сидя среди уже разоренной старой квартиры, не знали, приедут ли перевозчики за вещами. Слава богу, приехали. И мы не знали, не застанет ли приказ о мобилизации нас во время переезда? Все обошлось благополучно, как Вы знаете. Затем волнения за зятя, к[ото]рый записался в Морском министерстве к призыву, отчаянный, полный тревоги телефонный звонок детей из Лондона. На последнем плане вопрос: как нам быть? Париж д[олжен] б[ыл] быть эвакуирован. Ната звала нас в Англию, т. к. Дэви предполагали перевезти в деревню к друзьям детей, а Ната желала остаться в Лондоне, пока бы Луи там оставался². Я подал заявление, что ставлю себя в распоряжение франц[узских]

¹ Речь идет о требовании Гитлера передать Германии Судетскую область Чехословакии, большинство населения которой составляли немцы.

² Дочь Б. Л. и О. М. Гершунов, ее сын Дэви и муж Луи.

властей для любой работы. — Париж в эти дни опустел. В доме, где мы жили, остались только некоторые мужчины и прислуга. На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: все бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны. Мобилизация проходила здесь — в Париже — не особенно гладко. Люди оставались кой-где по три дня без крова и пищи. И вдруг... мир¹. Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности, начавшейся. Благословения, посылаемые Чемберлену², к[ото]рый на несколько дней стал героем. Затем... похмелье. Сознание, что и Англия и Франция и, гл[авным] обр[азом] Чехословакия стали жертвами блёфа и шантажа. И радость омрачилась сознанием стыда и обиды. Теперь Франция не поддастся блёфу, вооружается вовсю, но к войне еще далеко не готова. Политика Чемберлена была, конечно, мудра, но есть моменты, когда ум ценнее мудрости. Во Франции молодежь была за войну: *elle viendra fort de tête*³. А победителем явился Гитлер, создатель Великой Германии, и это так, как бы англичане и французы ни кусали себе пальцы.

А то, что теперь рассказывают беженцы из Германии и Австрии, так ужасно, так невероятно, что не допускаешь мысли, что это возможно. Франц[узские] газеты все это замалчивают: роман или, вернее, флирт с Германией. Англ[ийские] газеты и обществ[енное] мнение, не стесняясь, резко высказывают свое возмущение. Шахт⁴ натолкнулся в Лондоне на такое презрение, какого не ожидал. Чемберлен отказался его принять.

¹ 30 сентября 1938 года в Мюнхене премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладьё, рейхсканцлером Германии А. Гитлером и премьер-министром Италии Б. Муссолини было подписано соглашение, согласно которому Судетская область Чехословакии передавалась Германии.

² Чемберлен Артур Невилл (1869–1940) — премьер-министр Великобритании в 1937–1940 годах. Сторонник политики «умиротворения» Германии.

³ Она все равно придет (*фр.*).

⁴ Шахт Ялмар (1877–1970) — директор Национального банка Германии (1916–1923), президент Рейхсбанка (1923–1930, 1933–1939), рейхсминистр экономики (1936–1937), рейхсминистр без портфеля (1937–1942), активно участвовавший в подготовке германской экономики к войне.

Вот Вам бледная картина тех переживаний, к[ото]рые нам выпали и выпадают на долю. И каждый день приносит какую-н[и]б[удь] новую гадость с той стороны Рейна.

Итак, Вы в третий раз строите свою жизнь. Такова наша судьба. Жить две, а то и три жизни. Если бы я был моложе, я бы тоже оставил Европу. Здесь повсюду скверно, и будущее чревато опасностями.

У нас жизнь вздороджала, налоги увеличились, а «*reprise des affaires*»¹ не замечается. Твердый курс Даладьё² встречает общее сочувствие. Всеобщая забастовка в ноябре провалилась. Но удержится ли Даладьё? Кто будет его преемником? Будет ли, наконец, внесен порядок в военную промышленность, к[ото]рая очень и очень хромает?

А пока мы живем изо дня в день и «довлеет дневи злоба его»³.

Очень заинтересован Вашими впечатлениями от амер[иканского] университета⁴, местного права и его применения. Напечатаны уже Ваши статьи на эту тему? Пришлите, пожалуйста. Paul'у Marcuse передайте мой сердечный привет.

Евгений Адамович [Фальковский] работал в офисе Маклакова⁵, но — увы! — бесплатно, так как кредиты Маклакова более чем ограничены. Теперь Ф[альковский]] работает временно в качестве заместителя уехавшего в отпуск гр. Татищева⁶ (директора офиса на rue Guénégaud) за плату. От времени до времени Ф[альковский] помещает публикации в «Посл[едних] нов[остях]», но практики, кажется, пока себе не составил. Выдержит ли? Его запасы тают, но держится он внешне спокойно, не жалуется, но кошки, конечно, скребут в душе, и он боится ближайшего будущего.

¹ Возобновление дел (*фр.*).

² Даладьё Эдуар (1884–1970) — премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938–1940 годах.

³ Евангелие от Матфея (VI, 34).

⁴ А. А. Гольденвейзер начал изучение курса американского права в Нью-Йоркском университете.

⁵ Центральный офис по делам русских беженцев при Министерстве иностранных дел Франции, возглавлявшийся с 1924 года В. А. Маклаковым (1869–1957).

⁶ Татищев Борис Алексеевич, граф (1876–1949) — карьерный дипломат, камергер, церковный деятель. Сотрудник Офиса по делам русских беженцев.

С Б. И. Элькиным вижуь часто. Он, как всегда, пессимистичен и недоволен. Золотой дождь на него [слово нрзб] стал как будто реже, и он боится... «ясной погоды».

Мы с О. М. живем тихо, уединенно, скромно, одним словом, не столько живем, сколько доживаем. У меня много всякой работы и не профессиональной, а заработка скромные. С здешними правом, обычаями и нравами более или менее освоился. Право неплохое, обычаи — хуже, а нравы — совсем скверные.

Заболтался, пора кончать.

Евгении Львовне и Вам от О. М[арков]ны и меня наилучшие пожелания к Новому году. Не забывайте и пишите.

Ваш Бор. Гершун

Спасибо за указание адвоката в Калифорнии.

Л. М. Зайцев не в силах выдержать и скоро покидает Германию (пока это — конфиденциально). Я. С. Бродский¹ и Кучеров² в Париже.

А. А. Гольденвейзер — Б. Л. Гершуну

10 июля 1939 г.

Б. Л. Гершуну

Париж

Дорогой Борис Львович.

Вы писали мне в Рождественские морозы, а я отвечаю Вам в июльскую жару. Нью-Йорк перешел на летнее положение, многие уезжают (хотя каникулярный разъезд здесь далеко не такой всеобщий, как в Германии и во Франции, да и уезжают

¹ Бродский Яков Соломонович — член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

² Кучеров Самуил Львович (1892–1972) — юрист, общественный деятель. С 1911 года студент юридического факультета Киевского университета; участник Первой мировой войны. С 1919 года — в эмиграции в Германии. В 1925–1929 годах изучал право в Берлинском университете. В 1933–1938 годах входил в совет директоров Хильфсфрейна — организации, оказывавшей помощь евреям, эмигрировавшим из Германии. Переехал во Францию в 1938 году, жил в Марселе. В 1938–1942 годах — представитель Хильфсфрейна во Франции. С 1942 года — в США, работал в Институте проблем войны и мира Американского еврейского комитета, одновременно преподавал русскую историю в Нью-Йоркском университете. В 1948–1955 годах занимался исследованиями в области международного права в Колумбийском университете. Автор книг по теории и практике юриспруденции в дореволюционной России и СССР.

люди на более короткий срок), по воскресеньям миллионы выезжают на пляжи — таковых здесь штук двадцать, один лучше другого. В квартирах духота, на улицах жара, только на набережной Гудзона (Риверсайд-Драйв), возле которой мы живем, по вечерам можно дышать полной грудью и любоваться редко красивой картиной берегов и проходящих судов.

В конце декабря сюда приехала племянница Евг[ении] Льв[овны] с мужем, а в конце марта — ее сестра и племянник¹. Таким образом, берлинские родственники здесь, с нами. Молодежь, вероятно, сумеет построить свою жизнь и приспособиться к новым условиям. Племянник получил стипендию и с осени будет продолжать университетские занятия (он учился в шарлоттенбургском политехникуме на инженера-строителя).

Колония вновь прибывших русских берлинцев все увеличивается. Из знакомых Вам имен назову: Иоффе, Русину, С. М. Когана, Будневича, Койфманов, М. Я. Розенталя, Баша, Бабиченко и почти всех остальных русских ювелиров. Много приезжает также венцев. Компактной колонии, однако, ни русские, ни немцы не образуют. Из представителей свободных профессий лучше других успе[в]ают врачи. Штат Нью-Йорк пока не требует американского гражданства и выдает апробацию по выдержании экзамена, впрочем, довольно трудного. Для приема в адвокатуру нужно учиться три года в здешнем университете и быть гражданином. Принимая во внимание, что в городе Нью-Йорке более 30 000 адвокатов и что 75% зарабатывает меньше установленной сословными органами минимальной нормы, — соблазн небольшой. Очень многие немецкие ученые получили кафедры, но всех не может поглотить даже американская академическая среда... Коммерсанты в большинстве жалуются на невозможность приспособиться к здешнему деловому укладу. Некоторые пытаются «заниматься» недвижимостями. Это дело здесь очень спекулятивное, но ввиду крайне

---

¹ Шлезингер (урожд. Бродская) Ирина Григорьевна — дочь Г. Л. Бродского и А. Л. Бродской, племянница жены А. А. Гольденвейзера. В декабре 1938 года приехала с мужем из Берлина в США. Бродская (урожд. Гинзбург) Аделина Львовна — невестка А. А. Гольденвейзера (сестра его жены), приехала в США вместе с сыном Андреем (Андриком) в марте 1939 года.

низких цен на дома, установившихся с самого начала депрессии, момент для покупок как будто благоприятный.

Мои личные дела продвигаются вперед весьма туго. Университетские занятия закончены, и я доволен, что я прошел этот курс, чувствую себя не окончательным невеждой в сфере местного гражданского права. Когда попаду в Париж, сделаю Вам в Адвокатском объединении¹ доклад о «впечатлениях студента-юриста американского университета». Надеюсь, что благодаря протекции в совете, пополненном бывшими берлинцами, доклад будет принят и вышеуказанные новые члены совета придут меня слушать.

Планы научной работы все еще не реализуются, и я начинаю отчаиваться в возможности исполнения этой моей надежды. Службы или иного постоянного заработка пока также не имею. Можно ли будет существовать здесь в качестве русского адвоката, пока еще не могу сказать.

Я просил Бориса Исааковича показывать Вам мои сообщения о положении здешних русских дел, поскольку они могли бы Вас интересовать.

В каждом письме хочется писать о политике, так как эти вопросы неизменно стоят на первом плане, — но что можно сказать в рамках письма, кроме поверхностных общих фраз? Помнится, я в моих прошлых письмах к Вам пытался выдерживать объективную точку зрения на происходящее в Германии и, как Вы правильно указали, впадал в чрезмерный оптимизм. Все сложилось хуже, чем можно было себе представить в 1937 году, когда я покинул Берлин. Ни для какого оптимизма теперь не осталось места. Одно лишь я продолжаю отстаивать: не следует заражаться от Гитлера и считать нужным платить ему его же монетой. Некоторые статьи в «Посл[едних] нов[остях]» в этом отношении продолжают меня коробить (напр[имер], когда А. Кулишер выступает паладином славянства в его вековой борьбе с германизмом или защитником права белой расы отравлять китайцев опиумом²).

¹ Объединения русских адвокатов во Франции.

² Статья Кулишера, в которой бы затрагивались упомянутые Гольденвейзером вопросы, в «Последних новостях» за первую половину 1939 года нами не обнаружена.

А в нашем «бывшем родном» Берлине уже совсем никого из знакомых и друзей не осталось, да и Союз окончательно ликвидирован¹. Бедный Бёме умер², Зайцев уехал³, один Владимир Абрамович⁴ еще держится в своем посольском бесте...⁵

Надеюсь, что у Вас и у всех Ваших все благополучно. Как здоровье Ольги Марковны, как процветает семья Наты, каковы известия от Льва Борисовича? Как Вы сами поживаете, дорогой Борис Львович?

Буду душевно рад получить от Вас в скором времени весточку.

Всего хорошего. Сердечный привет Ольге Марковне. Евгения Львовна кланяется Вам обоим.

Ваш

Пристыдите Е. А. Фальковского — отчего он [не] подает признаков жизни?

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

Париж, 16 октября 1939⁶

Дорогой Алексей Александрович, Ваше письмо от 10 июля застало меня в департаменте Сен и Марн в 63 кил[ометрах] от Парижа, где мы с Натой, внуком провели «ваканс»⁷. Не ответил Вам сразу, так как был очень занят. Помните, я помещал в специальном нем[ецком] юрид[ическом] журнале статьи по советскому авторскому праву. Вы, получив оттиск от меня, с полной откровенностью спросили меня: «Кому это нужно?» Оказывается,

¹ Союз русской присяжной адвокатуры в Германии.

² Бёме Густав Густавович (?–1939) — член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

³ Речь идет о Л. М. Зайцеве.

⁴ Имеется в виду Владимир Абрамович Гольденберг (1877–1944), член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии. 1 сентября 1939 года перебрался во Францию. В период оккупации Франции нацистами был заключен в концлагерь Дранси, затем депортирован в Освенцим, где погиб 5 июля 1944 года.

⁵ Бест — в Персии неприкосновенное убежище, откуда лицо, преследуемое властью, не может быть взято силой (мечети, помещения иностранных посольств). О чем именно идет речь в данном случае, неясно.

⁶ Надпись на полях письма рукой А. А. Гольденвейзера: отв. 16/XII 39.

⁷ *Vacances* (фр.) — отдых, отпуск, каникулы.

что в специальной прессе статьи были известны, цитировались и, во всяком случае, мне оказались полезными. Дело в том, что в Голландии составляется и выйдет в конце года энциклопедический словарь по авторскому праву всего мира на англ[ийском] яз[ыке] (78 стран), и я составил для этого словаря статьи по сов[етскому] авторскому праву, по которому продолжал всегда собирать материал. Вот этой работой я занимался на даче, а в свободные часы гулял с внуком, который, как, впрочем, и все внуки, замечательно симпатичный мальчишка. Если Вы меня спросите [как] на духу, то я должен буду сознаться, что он действительно прелестный мальчик с очаровательным нравом: баловень всего пансиона. Пока я стучал на машинке мою работу, тучи собирались, и хотя я был убежден, что Гитлер не решится пойти на войну, к концу нашего пребывания обстоятельства сложились так, что внука пришлось срочно отправить в Лондон, где Ната уже была. Отправив внука, мы сами вернулись в Париж, не желая остаться на «подножном корму» на даче, и вернулись накануне возникновения войны в Париж, где и остаемся. Не видим надобности скрываться в глуши провинции. Люди мы не панические, а смерть может нас постигнуть повсюду, и повсюду риск более или менее одинаков. За 1½ месяца сложился особый быт военного времени. С 8 час[ов] времени все сидят дома. Улицы затемнены, окна завешены или закрыты синей бумагой, чтобы не проходил свет. Иногда спускаемся в «абри»¹, если сирены завоют, но уже несколько недель, что нас в абри не приглашают. У всех маски, но многие беспечны и оставляют маски дома: вернее, а то забудешь их в метро. Париж в первой половине сентября был пуст, теперь публика стала возвращаться, магазины вновь открываются, кино приспособились и кончают представления до наступления темноты, одним словом, мы приспособляемся. Помните, в войну 1914 года водевиль «Вовочка приспособился»².

---

¹ Abri (*фр.*) — укрытие.

² «Вова приспособился» — водевиль Е. А. Миновича, поставленный в 1916 году на сцене Петроградского интимного театра. Главный герой — избалованный сынок-лоботряс баронессы Штрик, призванный на военную службу рядовым и быстро приспособившийся к новому положению. Выражение «Вова приспособился» получило популярность и стало использоваться для характеристики приспособленцев.

Ната и Луи в Лондоне. Луи пока еще не мобилизован, он работает на своем заводе, а по вечерам несет службу по т. н. пассивной обороне. Внук увезен к морю, где обретается в детском пансионе. И в Лондоне, и в Париже почти всех детей эвакуировали. И внучка наша с матерью и бабушкой в 2 час[ах] от Парижа, где пробудет зиму, тем более что лицей тоже эвакуирован в ту же местность.

Что касается общих друзей, то Элькины, как только стало ясно, что дело идет к войне, уехали в Ирландию, откуда нам часто пишут: очень там им скучно, но зато совсем безопасно. Григорович-Барский еще в прошлом сентябре уехал с женой и вместе со всей семьей жены в Америку, в Иллинойс¹. Тесленко² остался в Жуан ле Пен³, где был летом, его, по-видимому, не очень тянет в Париж, и мне приходится исполнять обязанности председателя Объединения⁴ (а как я, переселяясь в Париж, давал себе слово более никакой активной работой общественной не заниматься). Остальные члены совета Объединения в Париже. Золотницкий⁵ спасается в Виши, куда устремились все богатые и не ахти какие богатые люди: там бездельничают и надоели друг другу. Меж тем кой-кто и поумирал: болезнь сердца унесла на днях Е. И. Каплуна, Вы его, вероятно, помните. Умер М. С. Маргулиес от последствий своего автомобильного аксидана⁶.

Профессиональной работы почти что нет, и трудно надеяться, что она появится. Что мы все будем делать, одному только

---

¹ Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958) — адвокат, киевский присяжный поверенный. Один из защитников на процессе М. Бейлиса. В 1922–1926 годах в эмиграции Берлине, затем в Париже. В 1939 году переехал в США, жил в Чикаго.

² Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) — юрист, адвокат, общественный и политический деятель. С 1920 года в эмиграции в Константинополе, с 1921 года в Париже.

³ Жуан-ле-Пен, Антибы (Juan les Pins, Antibes) — второй по величине город Приморских Альп, расположенный между Каннами и Ниццей и окруженный одной из самых красивых береговых линий Франции, протяженностью 25 км.

⁴ Объединения русских адвокатов во Франции.

⁵ Золотницкий Борис Ильич (1883–1957) — юрист, адвокат. В эмиграции с 1919 года в Париже. В 1941–1948 годах — в Нью-Йорке, в 1948-м вернулся в Париж.

⁶ Accident (фр.) — авария, несчастный случай.

Богу известно. А вось, не пропадем. Чтобы чем-либо заняться, я пока перечитываю и исправляю написанные мной за последние три года «Воспоминания русского адвоката» за время с 1894 по 1918 год¹. Всего 1000 страниц большого формата убористого шрифта. Воспоминания касаются всего того, что я видел и пережил как сенатский чиновник и адвокат, а также характеристики адвокатского олимпа, его представителей и богов меньшего калибра. Написано не для печати, а для будущего историка адвокатуры, который «найдет мой труд усердный» и, отряхнув пыль десятилетий, использует его для своей работы. Вот так пока заполнял подневольные досуги.

Наш «Очаг»² действует, хотя весь Комитет разбежался, а Тауба Исаковна³ на даче, куда ее заставил уехать сын ее. Мне приходится посвящать «Очагу» больше времени. Общество имени Тейтеля⁴, как мне сообщили, ликвидируется, и это понятно.

В числе пансионеров нашего «Очага» Я. Л. Альшиц⁵ и И. Б. Гу[р]евич. Они довольны своим пребыванием в «Очаге». Кто знает, быть может и нам придется там искать убежища. Пока мы с Ольгой Марковной бодры и не очень падаем духом. Ольге Марковне приходится больше работать по хозяйству, чем ранее. Тяжела разлука с детьми. Теперь не так легко проехать в Лондон. Надо не только получить визу туда, но и разрешение вернуться во Францию. От Левы мы имели письма, но последнее время без известий. Он существует там на свой заработок.

Борис Исакович показал мне в свое время Ваши письма, которые я читал с большим интересом. Каково дальнейшее развитие этих дел?

¹ Фрагменты текста под заголовком «Воспоминанияй адвоката» были опубликованы А. А. Гольденвейзером в «Новом журнале» (1955. Кн. 43).

² Имеется в виду Очаг для евреев-беженцев в Париже.

³ Левина Тауба Исаковна (1864–?) — член правления и председатель Дамского комитета Союза русских евреев в Берлине, основатель и председатель правления Очага для евреев-беженцев в Париже.

⁴ Комитет помощи русским евреям в Германии (Комитет им. Тейтеля, Фонд им. Тейтеля) основан в 1935 году Я. Л. Тейтелем. Тейтель Яков Львович (1850–1939) — общественный деятель, юрист, действительный статский советник. Единственный в царской России судья-еврей. В эмиграции с 1921 года в Берлине, с 1933-го — во Франции.

⁵ Альшиц Яков Львович — адвокат, в эмиграции жил вначале в Берлине, с 1930 года — в Париже.

Зайцев¹ в Бельгии, Владимир Абрамович [Гольденберг] уехал из Берлина вместе с посольством французским, но здесь без работы. Сюда успел переехать почти «под занавес» и Переплетник². Из Лондона получил письмо от Стори, который успел выбраться. Тиктин, Кнопф застряли.

Местное население с удивительным спокойствием и достоинством переносит все тяготы войны: не слышно ни жалобы, ни выражения недовольства. Уверенность в победе здесь всеобщая. Повсюду чувствуется разумная организация. Нет недостатка ни в чем. Рынки изобилуют припасами. Правительство внушает доверие населению. В сообщениях главных штабов нет ни лжи, ни хвастовства. На «похабный мир»³ никто не желает идти. Гитлер ошибся в своих расчетах. Он был убежден, что и на этот раз все пройдет благополучно для него.

Советская Россия — очередная загадка. С кем она пойдет? Я уверен, что ни с кем, а будет спокойно переваривать добычу, превысившую все их надежды. Сталин, ведущий империалистическую политику: кто мог бы это предвидеть?

Сердечный привет Евгении Львовне и вам от нас обоих. Передайте привет и общим друзьям, которых Вы встретите.

Пишите, не откладывая в долгий ящик.

Ваш

Б. Гершун

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

Париж. 10.I.1940⁴

Дорогой Алексей Александрович, Ваше письмо от 14.X.39 я получил в конце октября. Оно скрестилось в пути с моим письмом Вам от 16.X. За истекшее время так много событий в мире, и так мало нового в личной жизни. — Между тем наступил Новый год. Что пожелать? Мы все желаем конца войны

¹ Речь идет о Л. М. Зайцеве, уехавшем в 1939 году из Берлина в Брюссель.

² Переплетник Григорий Моисеевич (1886–1942) — член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, с 1939 — в Париже. Погиб в Освенциме 3 сентября 1942 года.

³ Слова В. И. Ленина, сказанные им в марте 1918 года о Брестском мире, заключенном с Германией на крайне невыгодных для Советской России условиях.

⁴ Штамп в левом углу: В. Gerschun 7, rue Robert Le Coin Paris 16-e Telephone: Jasmin 35-46.

и надеемся, что 1940 год принесет победу над Гитлером. На чьей стороне будет Сталин к концу войны? Где будет Италия? Все эти загадки, к[ото]рые, мы надеемся, разрешит 1940-ой. Евгении Львовне и Вам Ольга М-на и я желаем здоровья, бодрости и той обеспеченности материальных условий жизни, к[отор]ая не перестает быть общей заботой нас всех.

Мы все время в Париже, куда понемногу возвращаются все внутренние «беженцы». То же, по-видимому, наблюдается в Лондоне. В хозяйств[енной], промышленной, личной жизни доминирующий интерес — война. В России в 1914–16 гг. мы это в такой мере не знали. В деловом отношении — в судебном мире — все приостановилось. Адвокаты (не только русские) *avoués*, *huissiers*¹ и пр. возятся со старыми делами, поскольку они не приостановлены из-за мобилизованных, но новых дел нет. Я сижу без работы и приложение своему труду в другой области не могу найти: причина не только в возрасте, а в том, что хозяйственная жизнь во всем, кроме военных надобностей, приостановилась и там, где она еще продолжается, иностранцев не берут. Б. И. Элькин все еще в Ирландии, я часто имею письма от него, он пока и не думает о возвращении, да я с трудом себе представляю, чтобы он мог так скоро вернуться. Все обратные визы аннулированы, а получение новых виз почти невозможно. То же и с поездками за границу, и мы с огорчением думаем о том, что не сумели свидеться с Натой, Луи и внуком до конца войны. Внешне наша жизнь тоже несколько не изменилась. По вечерам почти никто не выходит. Люди посещают друг друга днем; заседания по обществ[енным] делам происходят тоже днем. Наш «очаг и столовка» функционируют исправно: ежедневно у нас обедают до 200 человек, и у нас около 15 пансионеров, в их числе два петерб[ургских] прис[яжных] поверенных: И. Б. Гуревич и Я. Л. Лившиц. Пра[вда], большинство членов нашего комитета уехало, благотворит[ельные] вечера мы, конечно, устроить не можем, но пожертвования и даже членские взносы все же поступают. Наши хозяйки не испытывают затруднений в ведении домашнего хозяйства. Все имеется в изобилии. Если какой-либо продукт исчезает с рынка (это имело место с кофе),

¹ *Avoué (фр.)* — стряпчий, судебный поверенный; *huissier (фр.)* — судебный исполнитель.

то это временная заминка, связанная с образованием запасных стоков¹ для армии. Настроение населения («le moral») очень хорошее и спокойное. Все знают, что война нам навязана и qu'il faut en finir²: нельзя жить в вечной тревоге. Страна и армия теперь куда лучше подготовлены к войне, чем в 1914 г., и порядок повсюду хороший. Многое из того, что я Вам пишу, Вы, конечно, знаете из газет.

У Наты все благополучно. Луи работает на своем заводе, к[ото]рый расширяется; он там уже в должности вице-директора. Внук очарователен, хорошо развивается и при родителях в Лондоне. Что касается Левы, то он носился с планом вернуться в Европу и чуть ли [не] воевать в рядах alliés³, он хлопотал о визе во Францию, но не думаю, что он получит визу. Ольга Марковна несет по-прежнему все хозяйственные тяготы. Мы нигде и ни у кого не бываем. К нам от времени до времени забегают днем знакомые. Здесь (то же и в Лондоне) развивается общение между жильцами того же дома. Мы сдружились с нашими соседями и бываем по вечерам друг у друга — слушаем радио. Не знаю, слушаете ли в Нью-Йорке германских спикеров? Такой наглой и бессовестной лжи я никогда не слышал, как со стороны немцев! Там это большинством населения принимается за истину. Каково будет их пробуждение!

Рад буду иметь от Вас письмо.

Душевный привет Евгении Львовне и вам от нас обоих.

Ваш

Б. Гершун

А. А. Гольденвейзер — Б. Л. Гершуну

Б. Л. Гершуну (14. II. 1940)⁴

[...]

Ваше интересное письмо от 10 января я также недавно получил. Большое спасибо за столь полную и яркую картину парижского военного быта, которую Вы в нем даете.

¹ От *фр.* stock — фонд, запас, резерв.

² С этим надо заканчивать (*фр.*).

³ Союзники, союзные державы (*фр.*).

⁴ Начало письма отсутствует; текст начинается со с. 2.

Я получаю письма от Элькина и, от времени до времени, от разных друзей и родственников из Парижа. Но никто не умеет дать объективной картины, как это делаете Вы. Здесь атмосфера, понятно, совершенно иная, чем в воюющей и даже нейтральной Европе. Война здесь материал для новостей и разговоров, но не факт жизни. Сведений мы имеем множество, причем из всех первоисточников, так что, хотя все сведения цензурированы, все же есть возможность составить себе более достоверную картину происходящего. Думаю, что эта картина весьма существенно разнится от той, которую представляете себе Вы. Выводы и прогнозы у меня также иные, чем у Вас.

Наиболее существенный вопрос это — условия мира. О нем здесь много говорят и к этому вопросу подготавливаются. Формула «нужно с этим покончить» недостаточна, так как оставляет открытым самый главный вопрос: как же это сделать? Примитивные рецепты «безопасности», а тем паче планы насильственного расчленения побежденного врага совершенно неудовлетворительны. Очень серьезно обсуждается план федерации, хотя никто, кажется, не отдает себе отчета в невыразимых трудностях, с которыми связано осуществление этого плана.

К России здесь все благомыслящие граждане относятся с подлинной ненавистью, так что даже при всем нашем антибольшевизме, и при всем удовольствии от того, как сели в калошу демократические большевизаны, становится больно за несчастное наше отечество. Наряду с этим, все крайне-левое крыло здешней общественности — не имеющее большого веса, но все же приметное — продолжает сомнамбулически следовать указке из Москвы.

Довольно о политике. Из области «русских дел» должен сообщить, что американские суды выкинули очередную гримасу. Дело Московского страхового о-ва слушалось 1 и 2 февраля в Верховном суде, и третьего дня объявлено решение: голоса судей разделились поровну. Решение нью-йоркского суда по этому делу считается утвержденным, и капитал Моск[овского] о-ва спасен от конфискации. Но для остальных дел такое решение «вничью», конечно, не может служить прецедентом. Так что, по всей вероятности, теперь другое русское дело (вероятно, I Росс[ийского] страх[ового] о-ва) начнет свое движение

по инстанциям и также докатится до Верх[овного] суда. А состав последнего тем временем еще пополнится судьями-политиканами, творящими волю пославшего их...

Для меня такой исход дела — большое разочарование. Я в Моск[овском] деле как раз не заинтересован, но зато имею дела по I Росс[ийскому] о-ву. Кроме того, наклеывался ряд других дел, которые все не могли быть пущены в ход до принципиального решения Верх[овного] суда о дурацкой претензии американского правительства. И вот теперь все снова приостановилось на годик...

Сообщите, пожалуйста, сведения об этом деле и И. Б. Гуревичу.

Число приезжающих сюда все растет. На океане теперь семья Малкиель¹, скоро отчаливает Т. В. Сиполь. Многие либо имеют американскую визу, либо хлопочут о таковой.

Мои личные дела и настроение ниже всякой критики. Евгения Львовна держится молодцом, но и она имела пока от Америки мало радости.

Как поживает Е. А. Фальковский? Что поделывает М. П. Кадиш²? Я. И. Конгиссер³? Г. Б. Забежинский⁴? Г. И. Переплетник?

---

¹ Вероятно, семья Льва Яковлевича Малкиеля — члена Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (1933).

² Кадиш Михаил Павлович (1886–1962) — юрист, переводчик, журналист, общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Работал адвокатом, специализировался на уголовной защите. Занимался переводами (произведения А. Стриндберга впервые в России были изданы в его переводе). В 1921 году эмигрировал в Германию. Работал журналистом в русских периодических изданиях, оказывал юридическую помощь соотечественникам. Секретарь правления Русского клуба в Берлине (1921). Член правлений Общества помощи русским гражданам в Берлине (1923–1924), Союза русских журналистов и писателей в Берлине (1925–1930), Союза русской присяжной адвокатуры в Германии. В 1935 году переехал в Париж. Работал фотографом. Член Объединения русских адвокатов во Франции (с 1935). Член ревизионной комиссии Очага русских евреев-беженцев в Париже (1945). Масон.

³ Конгиссер Яков Исаакович — юрист, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

⁴ Забежинский Григорий Борисович (1879–1966) — юрист (доктор права), поэт, критик, переводчик. Бывший московский присяжный поверенный. Эмигрировал в Германию, где открыл книжный магазин «Универсальная библиотека». Издавал книги, печатал переводы немецких поэтов. Затем переехал во Францию. Масон. Во время Второй мировой войны принимал участие

Слышали ли Вы что-либо о Ривлине, который переехал в Лондон? Прошу Вас передать мой сердечный привет всем выше-названным коллегам.

Евгения Львовна и я шлем Ольге Марковне и Вам наши теплые приветствия и желаем всех благ.

Преданный Вам

Б. Л. Гершун — А. А. Гольденвейзеру

Париж, 6 июня 1940

Дорогой Алексей Александрович,

Обеспокоенный Вашим долгим молчанием, я писал Вам воздушной почтой 19 мая, а затем получил Ваше письмо от 22 мая. Затем г-жа Таубенфельд¹ занялась засвидетельствованием документов и ходатайством о разрешении трансферировать Вам 25 долларов. Оказалось, что получение разрешения не так просто. Сначала в переводе было отказано, затем г-жа Таубенфельд стала обивать пороги офис де шанж² и, наконец, смогла мне вчера протелефонировать, что разрешение дано после представления многих документов и в их числе даже Ваших писем ко мне во французском переводе. Дело в том, что сейчас вышли декреты, по которым все держатели долларов обязаны их представить в Банк де Франс, и долларами офис де шанж очень скупится. Было высказано даже такое мнение, что на судебные дела не даются доллары. Сообщаю Вам это с тем, чтобы объяснить замедление и просить постараться обойтись без дальнейших требований долларов.

Ваши сообщения по делу страхового общества принял с благодарностью к сведению и сообщу их Шефтелю и Е. Кулишеру³. Надеюсь, что они оба в Париже и не уехали.

в деятельности Очага русских евреев-беженцев, спасал беженцев. Член Совета Объединения русских эмигрантов в Париже. Заместитель казначея Объединения русских адвокатов в Париже (1945), затем член правления Объединения. Масон. В 1951–1953 годах жил в Нью-Йорке.

¹ Клиентка А. А. Гольденвейзера, дела которой после его отъезда в США вел Б. Л. Гершун.

² Office de change (*фр.*) — пункт обмена валюты.

³ Кулишер Евгений Михайлович (Моисеевич) (1881–1956) — юрист. В эмиграции в Германии с 1917 года, во Франции с 1933-го, затем перебрался в США.

Очень тронут, что Вы вспомнили о моем грустном юбилее¹. Большой радости в настоящие времена в достижении «библейского возраста» нет. Вспомнили об этом, несмотря на то что я хранил молчание и не разглашал ни мой возраст, ни дату и в Объединении адвокатов. Совет, в котором я теперь занимаю должность вице-председателя, явился ко мне в полном составе и поднес, как десять лет тому назад, адрес в кожаном бьюаре. Был адрес и от другой организации и несколько писем. Во время этих приветствий в вазе, которую Вы помните, стояли розы, а на столе лежал дорогой мне бьюар, который Вы тоже помните. Разница была та, что меня эти приветствия теперь донельзя утомили, в [то] время как десять лет тому назад я их перенес легко и без утомления. Была еще та разница, что внучка в то время была маленькой девочкой, а теперь ей 16 лет, и она через месяц делает «башо»².

События, нас постигающие, мы переносим спокойно. В находящийся от нас в двух шагах лицей Мольера попала бомба; к счастью, в этом учебном заведении с начала войны прекращены занятия, и жертв не было. Отклонение от падения сверху всего на один миллиметр могло лишить меня удовольствия писать Вам. Мы не оставляем Париж, веря в то, что к этому нет оснований, а бомбы могут всюду упасть. Но если Париж будет в опасности, на что мы не рассчитываем, веря в то, что нас о[т]стоят, мы под началом Гитлера не останемся и станем вновь беженцами. А пока жизнь идет своим чередом, каждый делает свой долг, чтобы поддержать течение жизни, и каждый должен так поступать, а не дезертировать «в страхе иудейском».

Большинство русских адвокатов пока не уезжает. Тесленко на днях уехал на юг и свалил на меня председательствование в Объединении. Приходится помогать находящимся в нужде коллегам из имеющихся пока сумм, так как пополнение их теперь немыслимо. Действует и будет действовать Очаг для евреев-беженцев, и мы кормим еще теперь по 250 человек в день. Средства у нас пока имеются. Эвакуировать наших старцев, живущих в Очаге, некуда, и надо и о них заботиться. Т. И. Левина,

¹ 22 мая 1940 года Б. Л. Гершуну исполнилось 70 лет.

² Башо (*фр.* bachaut) — выпускной экзамен во французском лицее на звание бакалавра.

которой теперь уже 76 лет, будет, вероятно, увезена сыном. Дело налажено и пойдет своим обычным ходом: голодные продолжают желать обедать каждый день, и от этой привычки их не отучить.

Л. М. Зайцеву удалось вместе с его двоюродным братом, у которого он жил, выехать в день вступления немецких войск из Брюсселя. Он сначала попал в Тур, а на днях приехал в Париж, но должен отсюда уехать туда, куда ему, как бельгийскому беженцу, укажут. Все вещи оставил в Бельгии. Кадиш, Забежинский, Конгиссер еще здесь.

Из Лондона от дочери имеем хорошие известия. Зять работает на заводе, вице-директором которого он состоит. Его еще не призвали. Внук при них. От Элькина имею часто письма: он события современные переносит очень тяжело, пишет, что не может думать о делах, но на все деловые запросы (я замещаю его по некоторым его делам) отвечает аккуратно и обстоятельно. Милюков в Виши. Имею от него письма. Мы с Ольгой Марковной тоже хотели бы поехать полечиться в Виши.

Возвращаясь к делу Таубенфельд, прошу не отказать ответить на вопросы, поставленные в моем письме 14/16 марта в пункте (е), и на вопрос о том, возможно ли как во Франции получить либо обеспечение иска, либо предварительное постановление о платеже алиментов вперед до постановления окончательного решения первой инстанции?

Ниже опись документов, прилагаемых к письму.

Сердечный привет от нас обоих Вам обоим. Пишите о себе.
Б. Гершун

Многоуважаемый Monsieur Гольденвейзер!¹

Прилагаю при сем:

- 1) Брачное свидетельство
- 2) Письмо из банка о получении мною причитающихся сумм
- 3) Доверенность для г-на Морица
- 4) Свидетельство судебного следователя (huissier²) из Варшавы. Оригинал и

---

¹ Текст от руки, вероятно, принадлежит клиентке Гершуна Таубенфельд.

² Судебный исполнитель (фр.).

5) копию

будьте добры, поскольку это возможно, пользоваться копией, поскольку оригинал — единственный документ, имеющийся у меня.

Одновременно высылаю на имя г-на Morits'a 25\$ почтовым переводом, т. к. в чеке мне отказано в последнюю минуту. Деньги придут на 8–10 [дней] позже этого письма.

С [нрзб]

[подпись нрзб]

А. А. Гольденвейзер — Б. Л. Гершуну

23 июля 1940 года

Париж

Дорогой Борис Львович.

Ваше письмо с документами по делу Таубенфельд, отправленное в начале июня из Парижа, я своевременно получил. Дежурный перевод не получен и, вероятно, не будет получен.

С тех пор столько произошло... Я совершенно не знаю, где Вы. Был бы бесконечно рад скоро получить от Вас весточку и убедиться в том, что у Вас все благополучно.

Две недели назад я понес тяжелую утрату: мой старший брат, профессор антропологии, внезапно скончался от сердечного припадка¹. Он был совершенно здоров, полон энергии и жажды жизни, много работал и имел широкие планы дальнейших научных работ. Для меня эта смерть — большое несчастье.

От Бориса Исааковича я получаю много писем. Он переехал в место жительства сына, и его нынешний адрес²:

Б. И. [Элькин] пишет, что сносится с Натой, что у нее в семье все благополучно и что она ищет путей для сношения с Вами.

В последнем своем письме Борис Исаакович просит меня передать Вам следующую просьбу. Ввиду невозможности получить разрешение на перевод денег и отсутствия почтовой связи, он не мог уплатить квартирной платы, причитавшейся 15 июля за его парижскую квартиру. В связи с этим он просит Вас зайти

¹ Гольденвейзер Александр Александрович (1880–1940) — американский антрополог, этнограф. Автор многочисленных научных трудов, профессор ряда американских университетов.

² Пропуск в тексте.

в его дом и поговорить с его консьержем, что Вы представляете интересы Б.И., и сообщить ему Ваш адрес и телефон. То же он просит сообщить его домовладельцу (если последний не в Париже, то письмом). Б.И. пишет, что он надеется, что война не будет долго продолжаться и что он заплатит все, что причитается с него по закону. При первой возможности переводить деньги он пришлет причитающуюся сумму.

При содействии Б.И. я получил доверенность от одного акционера Московского страх[ового] о-ва, живущего в Праге, и мог инкассировать причитающуюся по его акциям сумму. Это дает мне мысль предложить Вам подумать, не можете ли Вы получить аналогичные поручения во Франции. Я, кажется, Вам писал, что из ликвидационной массы в настоящее время выдается по \$70 на акцию акционерам, список коих имелся в суде. Я вышлю Вам обыкновенным письмом экземпляр этого списка. По акциям, в нем упомянутым, деньги могут быть получены немедленно по представлении надлежаще заверенного полномочия (по возможности, у американского консула). Текст полномочия прилагаю при сем. Оно выписано на имя американского адвоката Альберта Эвери, который добыл этот список и наладил отношения с поверенными банка-ликвидатора.

Как я Вам также уже писал, здесь была 15 апреля произведена публикация с вызовом кредиторов и акционеров, в списке не значащихся. Срок заявки претензий (которые, конечно, должны сопровождаться доказательствами) — 1 октября с.г. По истечении этого срока отложенная на сей предмет сумма в \$250 000 будет распределена между вновь явившимися кредиторами и акционерами и акционерами, значащимися в первоначальном списке. Дополнительная выдача последним будет зависеть от числа новых участников распределения. Предполагается, что будет выдано еще по \$30 на акцию.

Мы с Эвери установили следующую шкалу гонорара по этим взысканиям, причем во всех случаях европейский адвокат (или адвокаты) получают одну треть общего гонорара, а остальные две трети распределяются в определенной пропорции между им и мною: с сумм до \$1000 — 50%, до \$2000 — 40%, до \$4000 — 33%, до \$8000 — 25%, свыше \$8000 — 20%.

Если Вы в контакте с Я. М. Шефтелем, сообщите ему, пожалуйста, об этих возможностях.

Буду чрезвычайно рад возможности возобновить переписку с Вами.

Шлем Ольге Марковне и Вам сердечнейший привет и с нетерпением ждем известий.

Буду благодарен, если в ближайшем письме упомяните об общих друзьях, о судьбе которых Вам что-либо известно. Функционирует ли Столовая и Убежище¹?

---

¹ Речь идет о столовой и ночлежном доме для «русских евреев» в Берлине.

«НЕ ПОГИБАТЬ ЖЕ ВСЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

К истории создания «Нового журнала»¹

Нью-йоркский «Новый журнал» — старейший из ныне выходящих «толстых» журналов Русского зарубежья². Одним из основателей (наряду с М. О. Цетлиным³) и первых редакторов журнала был Марк Александрович Алданов (Ландау) (1886–1957). История создания журнала отразилась в его переписке с Михаилом Михайловичем Карповичем (1888–1959), которому предстояло впоследствии стать соредактором Цетлина (с 1943 года), а с 1946 по 1959 год единолично редактировать журнал. Алданов, один из ведущих прозаиков Русского зарубежья, вряд ли нуждается в специальном представлении. Проведя более 20 лет в эмиграции во Франции, он, как и многие другие русские эмигранты, после нацистского вторжения во Францию был вынужден бежать в США. Карпович, историк по образованию, приехавший в США в 1917 году в качестве секретаря российского посла Б. А. Бахметева⁴ (затем Карпович стал секретарем посольства и исполнял эти обязанности до 1922 года), остался в этой

---

¹ Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000 / Под ред. Ю. А. Полякова и О. В. Будницкого. М., 2009. С. 132–147.

² Литературу по истории «Нового журнала» см. в: Печатное дело Русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии / Сост. О. А. Коростелев // Диаспора: Новые материалы. Вып. V. Париж; СПб., 2003. С. 700–701.

³ Цетлин (лит. псевд. Амари) Михаил Осипович (1882–1945) — писатель, поэт, критик, меценат. См. о нем: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 425–427.

⁴ Бахметев Борис Александрович (1880–1951) — российский посол в Вашингтоне в 1917–1922 годах, см. о нем подробнее главу «Посол несуществующей страны» в настоящей книге.

стране. Он вернулся к профессии историка и постепенно поднимался по ступеням американской академической иерархии; с 1927 года преподавал в Гарварде; уже после Второй мировой войны он возглавил славянское отделение (кафедру) в Гарварде и стал основателем научной школы. Среди его учеников такие звезды американской русистики, как Р. Пайпс, М. Малиа, М. Раев и др.¹ Переписка Алданова и Карповича, в значительной степени посвященная журнальным делам, сохранилась в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете. На этом первоклассном источнике и базируется прежде всего настоящая статья.

Уже через день после прибытия в Нью-Йорк в январе 1941 года Алданов писал Карповичу:

Мы с Буниным хотим начать издание в Нью-Йорке толстого журнала, продолжающего традиции «Совр. Записок», которые навсегда кончились с кончиной В. В. Руднева² (так я по крайней мере думаю). Бунин, вероятно, тоже переедет сюда, а если не переедет, то твердо обещал сотрудничество. Я не скрываю от себя, что окупаться такой журнал не может, как не окупались и «Совр. Записки». Нужна внешняя помощь. В необходимости такого дела, думается, сомнений быть не может: русским писателям и переехавшим в Новый Свет, и оставшимся в Европе, больше на своем языке печататься *негде*. Если мы тут журнала не создадим, то негде будет и дальше. Бунин написал

---

¹ См. подробнее: *Зеньковский С.* Путь историка // *Опыты*. 1958. № 9; *Керенский А. Ф.* М. М. Карпович // *Новый Журнал*. 1959. Кн. 58; *Вернадский Г. М. М.* Карпович: Памяти друга // *Новый Журнал*. 1960. № 59; *Вишняк М. М. М.* Карпович — политик // Там же; *Гуль Р. М. М.* Карпович — человек и редактор // Там же; *Тимашев Н. М. М.* Карпович // Там же; *Раев М. М. М.* Карпович: русский историк в Америке // *Новый журнал*. 1995. Кн. 200; *Бирман М. А. М. М.* Карпович и «Новый журнал» // *Отечественная история*. 1999. № 6; *Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (В. Г. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; *Pereira N. G. O.* The Thought and Teachings of Michael Karpovich // *Russian History / Histoire Russe*. 2009. Vol. 36. No. 2. P. 254–277; *Трибунский П. А.* Автобиография Михаила Михайловича Карповича // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2020. Vol. 13. P. 363–403; и др.

² Руднев Вадим Викторович (1874–1940) — член ЦК партии эсеров, один из основателей, соредактор и секретарь редакции (с 1936 года) журнала «Современные записки» (1920–1940).

шесть новых рассказов и не знает, что с ними делать! Я говорил с гр. С. В. Паниной и А. Л. Толстой, — обе они чрезвычайно сочувствуют идее создания журнала¹. Я привез письмо от Бунина к М. И. Ростовцеву² по этому делу и сам ему написал. Теперь обращаюсь и к Вам. Если можете, помогите нам, во-первых, советами по созданию журнала, во-вторых, сотрудничеством, если он создастся. Бунин возлагал надежды на субсидии организаций Рокфеллера, Карнеги, университетов (об этом он и пишет Ростовцеву), — думаю, что на это надеяться не приходится? Но, быть может, какие-нибудь пути найти можно? Пожалуйста, сообщите Ваше мнение. Поработать над этим стоит. Ведь все-таки в «Совр. Записках» было напечатано немало вещей, позднее переведенных на все иностранные языки. Не погибать же всей зарубежной русской литературе³.

Заметим, что представление Алданова о том, что «Современные записки» «навсегда кончились», не разделялись также оказавшимися в Нью-Йорке бывшими редакторами парижского журнала М. В. Вишняком и Н. Д. Авксентьевым (третий из редакторов, И. И. Бунаков-Фондаминский, остался в Париже, был впоследствии депортирован и погиб в нацистском концлагере). Особенно возмущен был Вишняк, неприятно удивленный тем, что постоянные авторы и сотрудники «Современных записок» Алданов и Цетлин затеяли «толстый журнал» «на манер» своего предшественника, даже не поставив об этом в известность редакторов безвременно скончавшегося парижского издания. Вишняк даже попытался организовать «альтернативный» журнал, но из этого ничего не вышло. «Смирив гордыню»,

¹ Графини Софья Владимировна Панина (1871–1956), член ЦК партии кадетов, обладавшая некогда крупным состоянием и известная своей благотворительностью, в США с 1939 года, и Александра Львовна Толстая (1884–1979), в США с 1931 года, основательница Толстовского фонда (1939), могли лишь сочувствовать идее создания журнала. Их финансовые возможности не позволяли внести сколько-нибудь существенный вклад в его основание.

² Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — историк Античности и археолог, академик Российской АН. В США с 1920 года, в 1920–1925 годах профессор Университета Мэдисон (Висконсин), в 1925–1944 годах — Йельского университета.

³ Алданов — Карповичу. 13 января 1941 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (далее — BAR). Michael Karpovich Collection. Box 1.

и Вишняк, и Авксентьев печатались впоследствии в журнале Алданова–Цетлина¹.

Карпович быстро отозвался на письмо Алданова:

Нечего и говорить, что я полностью согласен с Вами насчет необходимости попытаться создать здесь русский журнал. С самого начала, т. е. с момента французской катастрофы, для меня было ясно, что единственным местом, где может продолжаться культурная русская работа, остается Америка и что наш долг не дать этой работе окончательно заглохнуть. Вы правы, что вопрос сводите к тому, как найти деньги. И над этим вопросом я здесь давно думаю. Вел уже разные разговоры по этому делу, но, увы, пока без результатов².

Карпович, как и Алданов, отдавал себе отчет, что журнал окупаться не может. Проект Бунина Карпович, хорошо представлявший себе американские реалии, счел «чистой фантастикой»:

Университеты здесь вообще такими делами не занимаются, у них и нет для этого средств. А такие организации, как Рокфеллер, Карнеги и т. д., русским журналом не заинтересуются. На все дело помощи Европейским ученым (всех национальностей) Фонд Рокфеллера отпустил проф. Джонсону 100 тыс. дол. и, кажется, больше ничего ассигновать не собирается. И я боюсь, что в их планах русские стоят на последнем месте (не из каких-либо предубеждений против русских, а потому, что русские беженцы наименее «актуальны»).

Значит, полагал Карпович, придется рассчитывать на русские круги.

На первый взгляд это тоже может показаться химеричным. Но в сущности почему это химера? Русских в Америке достаточное число, и многие из них материально обеспечены; есть среди них и богатые, и культурные люди. Если надлежащим образом представить им дело и убедительно воззвать к их национальному чувству, фактически они

---

¹ Вишняк М. Годы эмиграции. 1919–1969: Париж–Нью-Йорк (Воспоминания). СПб., 2005. С. 285–290.

² Карпович — Алданову, 18.1.41 // VAR. Marc Aldanov Collection. Box 4.

были бы в состоянии поддержать журнал. Конечно, надо помнить о политических разделениях в русской колонии и о том, что правые элементы ко всей Вашей группе (даже при участии Бунина) будут относиться враждебно и с подозрением. Их я исключаю из своих расчетов. Думаю, что ни к Рахманинову, ни к Сикорскому, ни к Сергиевскому обращаться будет нельзя¹. Но и помимо этих людей найдется достаточно русских, к которым можно будет обратиться.

Схема действий мне рисуется в таком виде. Надо образовать небольшой комитет из здешних русских «нотаблей» (таких как Бахметев, Ростовцев, Толстая, Панина) и от их имени разослать по заранее составленному списку адресов энергично составленное воззвание с приглашением вступить в «общество друзей журнала» (или что-нибудь в этом роде) с обязательством вносить известную сумму в год. Я, например, готов вносить 50 дол. в год на это дело. Если бы нашлось сто таких человек (а я знаю, что сто русских моего «круга» и моих финансовых возможностей в Америке имеется), то вот Вам уже 5000 дол. Но ведь есть такие, которые если захотят, могут дать много больше 50 дол. в год (Кусевицкий², тот же Бахметев — называю эти имена для примера). Фактическая возможность собрать 20–25 тыс. дол. в год несомненно имеется. Все дело в желании. Конечно, в некоторых случаях нужно будет произвести личное давление, не ограниваясь посылкой возвания. И нужно, чтобы кто-нибудь этим делом систематически занялся. Я готов помочь, чем могу. Но отсюда труднее организовать это дело, чем из Нью-Йорка, и у меня нет под рукой никакой налаженной техники. Все это надо было бы тщательно обсудить. К сожалению, я едва ли попаду в Нью-Йорк раньше 10 марта, а время не терпит.

Обещаю Вам всемерное сотрудничество в деле создания журнала. Первым делом надо составить примерную смету, выяснить стоимость

---

¹ Композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943), в США с 1918 года, авиаконструктор и промышленник Игорь Иванович Сикорский (1889–1972), в США с 1919 года, летчик-испытатель и инженер Борис Васильевич Сергиевский (1888–1971), в США с 1923 года, в 1935 году женился третьим браком на американке, дочери миллионера. Будучи весьма состоятельными людьми, все трое придерживались правых политических взглядов, что делало маловероятным поддержку ими планируемого журнала, редакторами и основными сотрудниками которого были представители левого крыла русской эмиграции.

² Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) — русский дирижер и контрабасист-виртуоз, с 1924 года дирижер Бостонского симфонического оркестра.

печатания, скажем, четырех книжек журнала в год скорее размера «Русских записок» (обычный здесь для quaters), организационных расходов (редактор и секретарь) и гонораров. С такой сметой будет ясно, какою минимальную годовую сумму надо будет стремиться собрать¹.

Алданов, впрочем, догадался обратиться к русским «нотаблям» в Америке еще до получения письма Карповича. Наибольшие надежды он возлагал на Бахметева. Бывший профессор-гидравлик и дипломат после ухода с должности посла в июле 1922 года и неудачных попыток зарабатывать на жизнь консультациями в области международных отношений и торговли приобрел спичечную фабрику и довольно быстро разбогател. Настолько, что уже в начале 1930-х годов вернулся к научно-педагогической деятельности, получив профессорскую позицию в Колумбийском университете. Причем новый профессор отказался от зарплаты, затребовав взамен лабораторию. В 1936 году Бахметев основал Гуманитарный фонд, через который оказывал поддержку русским эмигрантам, преимущественно ученым.

16 января 1941 года Алданов писал Бахметеву:

В Ницце мы с Буниным решили сделать все возможное для того, чтобы создать в Нью-Йорке журнал типа «Современных записок». Я знаю, что это дело нелегкое: журнал окупаться не может, как не окупались и «Современные записки». Он может образоваться только в случае финансовой поддержки, впрочем, не очень большой. Но, думаю, дело этого стоит. Русским писателям, как оставшимся в Европе, так и переехавшим сюда, больше на русском языке печататься негде: никаких изданий и издательств в Европе больше нет. Вы знаете, что «Современные записки» сыграли некоторую роль в деле русской культуры (я это могу сказать, так как не состоял в редакции): там было напечатано немало вещей, впоследствии переведенных на все главные иностранные языки. Лучшие вещи Бунина, давшие ему Нобелевскую премию, были напечатаны там. Теперь у Бунина есть несколько новых рассказов, и он впервые в жизни не знает, что делать с написанным. Я об этом говорил с графинями Паниной и Толстой — обе они чрезвычайно

¹ Карпович — Алданову. 18 января 1941 // BAR. Marc Aldanov Collection. Box 4.

сочувствуют нашему плану. Бунин написал о том же М. И. Ростовцеву, я переслал ему это привезенное мною письмо и от себя написал. Если Вы можете помочь нам советом, будем Вам чрезвычайно благодарны. Бунин, вероятно, переедет в Соединенные Штаты, а если не переедет, то будет из Грасса все нам посылать. Писать у нас могут и должны люди самых разных взглядов (в пределах отрицательного отношения к большевикам и национал-социалистам). Мы будем проявлять еще меньше тенденциозности, чем «Современные записки». Не будет журнала — нет больше и русской зарубежной литературы. Очень Вас просим помочь делу создания журнала: Вы лучше, чем кто бы то ни было, знаете, как это делается в Америке¹.

Создание журнала, точнее, сбор средств, без которых невозможно было начать издание, шло не так быстро, как хотелось бы Алданову. Благодаря Карповича за готовность помочь в деле создания журнала, он меланхолически замечал:

Ростовцев тоже сочувствует, но указывает, что связи у него в деловом мире ничтожные. От Бахметева я пока получил только письмо о том, когда свидеться: он указывает на две недели. Толстая должна была вернуться из Чикаго только вчера, и я ее после той беседы не видел.

Да, я не надеялся на организации. По-видимому, другого пути, кроме указанного Вами, нет, однако я и в этот путь верю плохо. На днях должна сюда приехать из Европы милая и энергичная М. С. Цетлина (жена поэта), мы с ней и с Буниным все обсуждали в Ницце. Я передам ей дело: если кто может собрать группу «друзей журнала», то скорее всего она, занимавшаяся такими и сходными делами много лет. Я ей изложу результат беседы с Вами, Паниной, Толстой, Ростовцевым, Керенским и передам ей дальнейшее. Не знаю, видели ли Вы в последнем воскресном номере «Н[ового] Русского Слова» мое интервью: я в нем старался подготовить настроение. Не знаю, впрочем, читают ли эту газету богатые члены колонии.

Попытаюсь также получить данные для сметы. Мы ее составим скромно, — 25 тысяч в год нам совершенно не нужно. Если бы собрали 5 тысяч, я начал бы журнал немедленно. Будем обо всем Вам сообщать

---

¹ «Приблизиться к русскому идеалу искусства...» Из литературной переписки М. А. Алданова / Вступление, публикация и примечания А. А. Чернышева // Октябрь. 1998. № 6. Цит. по: <http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html>.

и твердо рассчитываем на Ваше сотрудничество, если журнал, паче чаяния, создастся. Сотрудничество обещал и Ростовцев¹.

Впервые упомянутой в переписке Марии Самойловне Цетлиной (урожденной Тумаркиной, в первом браке Авксентьевой) (1882–1976) предстоит сыграть решающую роль в деле финансового обеспечения журнала². Она, как всегда, окажется более энергичной и практичной, нежели писатели и историки. Но она еще на пути в Новый Свет, а пока что письма Алданова Карповичу не очень оптимистичны:

У меня нового пока ничего. Единственная удача: продал длинную статью об убийстве Троцкого, должен получить долларов 125. [...] Дело журнала еще не продвинулось, хотя в с е очень сочувствуют. Бахметев предлагает тот же путь, что и Вы, но говорит не о 100, а о 5–6 жертвователях, что действительно, по-моему, более осуществимо. С своей стороны он любезно предложил 250 долларов, хотя я и его никак о деньгах не просил. На днях приезжает Цетлина. Если ей удастся собрать тысячи две, то я начну: книги две выпустим. До того я, конечно, не возьму и денег Бахметева: без 2 тысяч и начать нельзя, а на год нужно 5 тысяч, самое малое. Если выйдет, то твердо надеюсь на Ваше сотрудничество. Я слышал (не ручаюсь — так ли это), что Сергиевский охотно дал бы деньги Бунину и мне на журнал при условии, что не будет «левых» и в частности Керенского. Разумеется, это условие для меня совершенно неприемлемо. Кстати сказать, вчера на спектакле Толстовского Фонда Александра Львовна познакомила нас с Сергиевским. Он был чрезвычайно любезен и мил. Но никаких вообще ограничений в редакторском праве приглашать сотрудников я не мог бы принять³.

Карпович, который, по его словам, продолжал «неотступно думать» о журнале, всецело разделял позицию Алданова: «Слух о Сергиевском правдоподобен. Конечно, на такие условия

¹ Алданов — Карповичу. 23 января 1941 // BAR. Karpovich. Vox 1.

² См.: К истории «Нового журнала» (по письмам М. А. Алданова к М. С. и М. О. Цетлиным из архива С. Ю. Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США) / Публ. М. Пархомовского // Евреи в культуре Русского зарубежья. Т. 4: 1939–1960. Иерусалим, 1994. С. 310–325.

³ Алданов — Карповичу. 1 марта 1941 // BAR. Karpovich. Vox 1.

соглашаться нельзя, и вообще лучше было бы обойтись без денег, исходящих „справа“ (хотя бы и от таких, умеренных и, кажется, приличных правых как С[ергиевский]). А то потом не оберешься хлопот — и не только из-за состава сотрудников, но и из-за содержания напечатанного материала»¹.

В конце марта Алданов сообщал, что «дело журнала начинает подвигаться» и что ему твердо обещана «некоторая сумма... примерно около 1500–2000 долларов, с той оговоркой, что, если в ближайшее время образуется ежедневная газета (Керенского), то и эти деньги пойдут на газету (капиталисты обычно везде одни и те же): я и сам с самого начала так поставил вопрос: газета на первом плане, как большее литературное предприятие». Алданов напоминал Карповичу о его плане «обращения к пятидесяти лицам» (как мы видели выше, Карпович говорил даже о ста) с целью собрать недостающие средства для издания журнала. Алданов напоминал также о своем плане: «толстый журнал типа „Современных Записок“ (но, конечно, не „Совр. Записки“) при ближайшем участии Вас, Бунина, Керенского², Цетлина, Сирина³, Зензинова⁴». Кроме перечисленных, уже давших согласие авторов, Алданов рассчитывал на «ближайшее участие» Ростовцева, Паниной и Толстой.

Алданов был готов начать дело, если будут собраны две тысячи долларов. В этом случае он рассчитывал выпустить первую книгу журнала

еще до лета приблизительно в таком составе: беллетристика: Бунин («Темные Аллеи»), Сирин (обещанное им начало нового его романа), я и, быть может, А. Л. Толстая. Полубеллетристический материал: работа Цетлина о «кучке» — биографический материал, связанный с этими композиторами. Статьи: Ваша, Керенского, быть может Паниной, Авксентьева, моя. Работа Зензинова о русских монастырях в Финляндии,

---

¹ Карпович — Алданову. 3 марта 1941 // ВАР. Aldanov. Вох 4.

² Керенский Александр Федорович (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства в 1917 году. В США с 1940 года.

³ В. Сирин — литературный псевдоним Владимира Владимировича Набокова (1899–1977), перебравшегося в США в 1940 году.

⁴ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — член ЦК партии эсеров, литератор. В США с 1940 года.

об их культурной роли он вывез интересные материалы¹. Быть может, научная статья Ростовцева и воспоминания Миллюкова. И, во всяком случае, большой, хорошо поставленный критико-биографический отдел. Надеемся на Ваше участие также и в этом отделе? *Имени редактора и самого этого слова, вероятно, не будет* (курсив Алданова. — О. Б.)².

Карпович от своей идеи не отказался, оговорив некоторые технические детали по подготовке и рассылке обращения «тиражом» 50–100 экземпляров, и добавлял: «Вкладывая его в конверт, я буду еще писать краткие, но выразительные, личные письма и рассылать их по своему списку». «Обращение это я имею в виду сделать лишь от себя, — пояснял Карпович. — Вся моя идея заключается в том, что мы, „здешние“, должны исполнить свой долг и сделать это жертвенное усилие для того, чтобы помочь созданию единственного в мире свободного русского журнала».

Любопытно, что в этом же письме Карпович указывал на еще один возможный — и весьма экзотический — источник средств. Он обсуждал планы создания журнала с Е. И. Рабиновичем, «химиком и поэтом, который сначала жил в Германии, потом в Париже, а последние годы в Англии». Теперь он занимался исследованиями в Массачусетском технологическом институте. Рабинович посоветовал обратиться к своему родственнику, Сергею Дмитриевичу Рубинштейну, обитавшему в Нью-Йорке и нажившему миллионы «на каких-то делах». Интерес же этого эпизода в том, что Рубинштейн был сыном некогда знаменитого петербургского банкира «Митьки» Рубинштейна, приятеля Г. Е. Распутина. «Рабинович почему-то думает, — информировал Карпович Алданова, — что Рубинштейн, из тщеславия, может дать деньги на журнал»³. Судя по всему, Алданов предпочел не обращаться к Рубинштейну-младшему.

«Насколько я могу судить, журнал будет во всяком случае, так что мы уже обращаемся к жертвователям с просьбой о деньгах, — писал Алданов несколько дней спустя. — [...] Текст

¹ В 1939–1940 годах, в период советско-финской войны, Зензинов находился в Финляндии.

² Алданов — Карповичу. 29 марта 1941 // BAR. Karpovich. Box 1.

³ Карпович — Алданову. 31 марта 1941 // BAR. Aldanov. Box 4.

обращения я составлю, размножу и скоро Вам пришлю. Ради Бога, простите, что возлагаем на Вас такой труд: многочисленные письма». В этом же письме он сообщал о проекте покупки половины паев «Нового русского слова», старейшей русскоязычной газеты в США, с тем, чтобы редакция «целиком перешла к Керенскому и приезжающему Коновалову¹. Разумеется, если газета будет, то я, как, конечно, и Вы, буду в ней писать. Но журнал во всех отношениях интересуется меня гораздо больше»².

Заметим, что проект приобретения «собственной» газеты закончился полной неудачей. Владельцы запросили за нее 55 тыс. долл., что было совершенно неподъемно для группы состоятельных эмигрантов, намеревавшихся приобрести «рупор» для левых политиков, перебравшихся в США. Однако эта неудача имела и некоторое положительное значение: «мы можем считать себя свободными», — констатировал Алданов³. Следовало интенсифицировать усилия по сбору средств. Было признано, что письмо лучше печатного экземпляра. Это была этика едва ли не девятнадцатого века. Считалось, что уважаемым людям надо писать собственноручно. Для начала Алданов изготовил восемь экземпляров обращения и отослал их Карповичу для рассылки в сопровождении его собственного личного письма: «Если можно, начните с восьми жертв», — острил Алданов⁴.

Тем временем «портфель» журнала наполнялся: «Бунин сообщил мне, что уже выслал мне рукопись своей новой книги „Темные Аллеи“», — сообщал Алданов в середине апреля⁵. Однако в связи с некоторыми — на сей раз благоприятными для нобелевского лауреата — обстоятельствами растаяли надежды на переезд Бунина в США. В «Нью-Йорк Таймс» было напечатано письмо Бунина с просьбой оказать ему материальную поддержку. «По этому письму к А. Л. Толстой поступило около 500 долларов

¹ Коновалов Александр Иванович (1875–1948) — крупный промышленник, один из основателей партии прогрессистов, затем член партии кадетов, министр торговли и промышленности и заместитель министра-председателя Временного правительства в 1917 году. В США с 1941 года.

² Алданов — Карповичу. 3 апреля 1941 // BAR. Karpovich. Box 1.

³ Алданов — Карповичу. 24 апреля 1941 // BAR. Karpovich. Box 1.

⁴ Алданов — Карповичу. 15 апреля 1941 // BAR. Karpovich. Box 1.

⁵ Алданов — Карповичу. 15 апреля 1941 // BAR. Karpovich. Box 1.

пожертвований в пользу Бунина. Это его обеспечивает чуть ли не на год, а если так, то, по-моему, — вполне резонно предполагал Алданов, — он не решится на „скачок в неизвестное“, то есть на поездку в Америку. Да ему и трудно по семейным обстоятельствам. Я чрезвычайно этим огорчен и даже удручен»¹.

В ответ на присылку второй порции — десятка — «циркуляров» Карпович просил «воззваний» пока больше не присылать, и констатировал: «Все идет гораздо медленнее, чем я ожидал — отчасти по моей вине. Результатов пока нет, но я отнюдь не отчаиваюсь»². Через пару месяцев стало ясно, что надежды Карповича не оправдались: «Ждал от Вас сообщения о результатах Ваших писем и бесед по делу журнала. Так как Вы не написали, то, вероятно, н и к т о не откликнулся? — задавал риторический вопрос Алданов. — Да, невелик у русских богатых американцев интерес к русской литературе». Теперь оставалось надеяться на обещавших дать деньги на журнал «немногочисленных ньюйоркцев»³.

После окончания летних каникул Алданов мог констатировать, что его личное положение практически не улучшилось, зато выход первых книг журнала был как будто обеспечен:

О себе ничего не могу сообщить. С величайшим трудом — благодаря какому-либо заработку от журнала или газеты, приходящему в последнюю минуту, — свожу концы с концами, живя своим трудом, но очень туго, и бодрость у меня убавляется с каждым месяцем. Из газеты и еженедельника Керенского, как Вы знаете, ничего не вышло. Наш же толстый журнал осуществляется; но крайней мере одна книга, а скорее две, выйдут во всяком случае; остальное же, дальнейшее, будет зависеть от того, как к нам отнесутся русские американцы. Лучше всех, *просто прекрасно* (курсив Алданова. — О. Б.), отнесся Бахметев. Средства наши пока так малы, что никакого жалования я себе назначить за редактирование не могу, хотя работы и неприятностей уже было бы достаточно и для платного редактора. Разумеется, труд сотрудников мы будем скромно оплачивать.

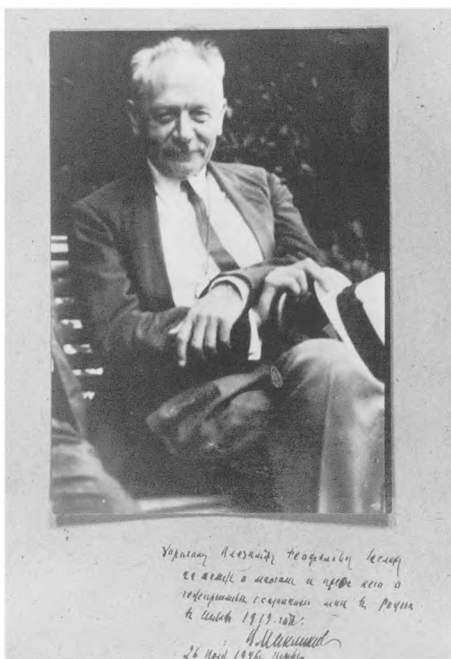
¹ Алданов — Карповичу. 24 апреля 1941 // VAR. Karpovich. Box 1.

² Алданов — Карповичу. 6 мая 1941; Карпович — Алданову. 10 мая 1941 // VAR. Aldanov. Box 4.

³ Алданов — Карповичу. 11 июля 1941 // VAR. Karpovich. Box 1.

В. А. Маклаков. Париж, 1927 г. [6А]

В. А. Маклаков. Париж, 26 июля 1946 г.
Надпись на фотографии: «Дорогому
Владимиру Феофиловичу Зеелеру
на память о многом и прежде всего
о гостеприимстве, оказанном мне
в Ростове в ноябре 1919 года» [6А]

Б. А. Бахметев. Вашингтон, 1917 г. [6А]

Б. А. Бахметев накануне отставки.
12 июня 1922 г. [6К]

Б. А. Бахметев. 1917 г. [64]

С. А. Угет, финансовый агент (атташе) Российского посольства в Вашингтоне (сидит в торце стола) в день подписания кредитного соглашения с США. Справа от него заместитель гос. секретаря США Ф. Полк, в центре с ручкой в руке министр финансов США У. Мак-Аду. 1917 г. [БК]

Генерал П. Н. Врангель [БА]

Генерал А. П. Кутепов. 1920 г. [БК]

Баронесса О. М. Врангель с сыном Петром и дочерьми Натальей и Еленой.
Слева от О. М. Врангель корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс»
Ч. Смит. Остров Проти близ Константинополя, 1920 г. [АКК]

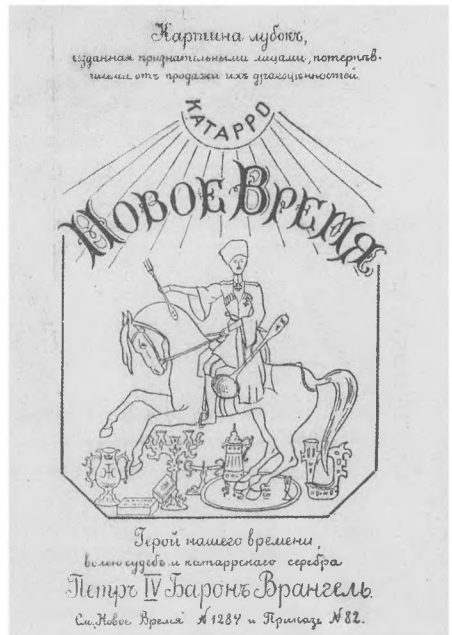
Дети русских беженцев, получившие еду в питательном пункте
Американского Красного Креста. Остров Проти близ Константинополя,
1920 г. [АКК]

Русская армия в Галлиполи. 1920 или 1921 г. [АКК]

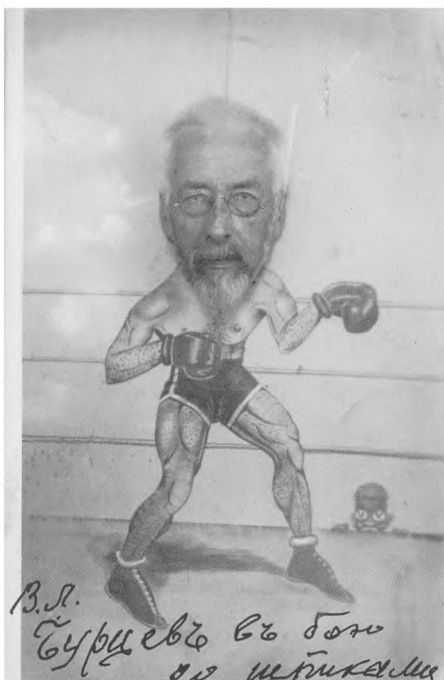
Русская армия в Галлиполи.
Жилище в пещере. 1920 или 1921 г. [АКК]

Герой нашего времени, волею
судеб и катаррского серебра
Петр IV Барон Врангель. Картина-
лубок, изданная признательными
лицами, потерпевшими от продажи
драгоценностей. Почтовая карточка.
Автор неизвестен. 1923 г.

В. Л. Бурцев. Венеция, остров Лидо, 1911 г. [БА]

В. Л. Бурцев. Фотомонтаж. На обороте надпись рукой В.Л. Бурцева «Моим друзьям П. В. и С. Гр. Сватиковым. Вл. Бурцев. 1.11.1928». [БА]

С. А. Соколов-Кречетов (2-й справа в верхнем ряду), В. А. Харламов, депутат Государственной думы всех 4-х созывов от области Войска Донского, председатель Донского круга (1918) (3-й слева в верхнем ряду), А. И. Парамонова (1-я слева во 2-м ряду), А. Н. Парамонова (с кошкой). Н. Е. Парамонов (1-й справа в нижнем ряду), С. А. Жаров, руководитель хора Донских казаков (в центре в нижнем ряду). Берлин, 1928 г. [А]

Б. Л. Гершун. Автор рисунка неизвестен. Надпись на рисунке: «Владимир Феофилович [Зеелер], дорогой, неужели мы с Вами когда-либо забудем дни Компьяна, так сблизившие. Б. Гершун. 19.8.41» [6А]

Заключенные лагеря Компьян (Фронтшталаг 1922). 1941 или 1942 г. Автор рисунка неизвестен [6А]

И. А. Бунин. Париж, 5 мая 1932 г.
Надпись на фотографии рукою
И. А. Бунина: «Эта карточка мне
очень не нравится! Ив. Бунин.
5.V.1932» [БА]

В. М. Зензинов, М. С. Цетлин, М. А. Алданов. Нью-Йорк, 1941 г. [ЮГ]

Н. Е. Парамонов на строительстве гаражей. Берлин, 1926 г. [А]

Н. Е. Парамонов, А. И. Парамонова, Е. Н. Парамонов. Берлин, 1938 г. [А]

П. Н. Краснов (на переднем плане), слева от него Л. Ф. Краснова, Л. Д. Рындина (вдова С. А. Соколова-Кречетова), справа — Е. Н. Парамонов. Предместье Берлина, 1938 г. [А]

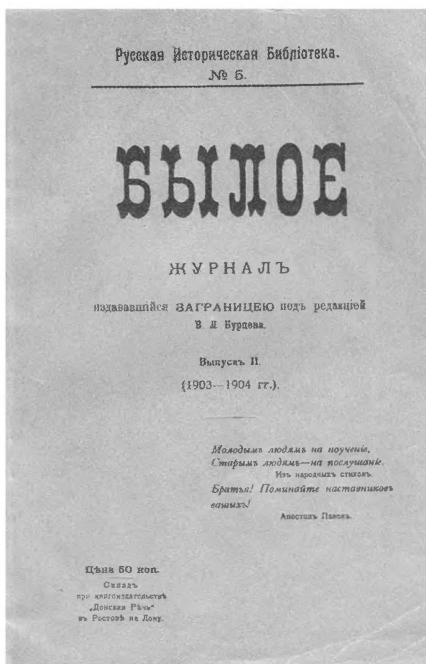
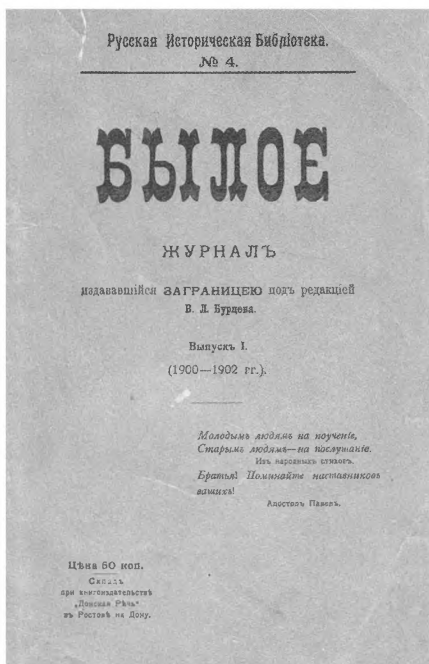
П. Н. Краснов и Л. Ф. Краснова у себя дома. Берлин, 2 июля 1938 г. [А]

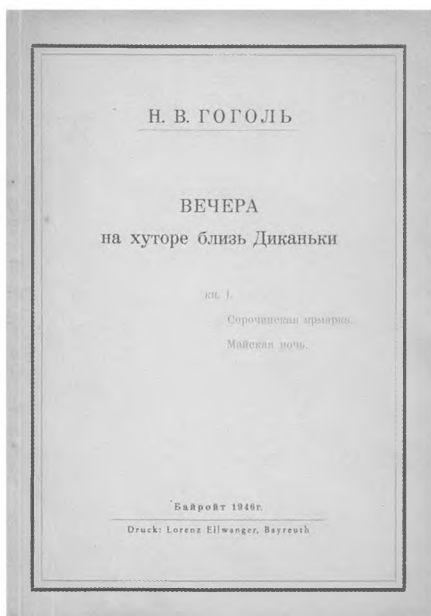
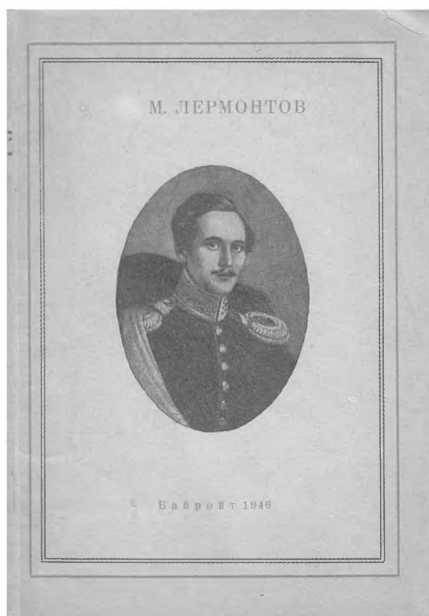
Н. Е. Пармонов, А. Н. Пармонова, Н. Н. Пармонов. Берлин, 1938 г. [А]

Н. Е. Пармонов и А. И. Пармонова. Карлсбад, 1 мая 1944 г. [А]

Издания «Донской речи» Н. Е. Парамонова. Перепечатка эмигрантского историко-революционного журнала «Былое» в серии «Русская историческая библиотека». Ростов-на-Дону, 1906

Издания Н. Е. Парамонова для лагерей ди-пи: М. Ю. Лермонтов. Избранное. Байройт, 1946; Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близъ Диканьки. Кн. 1: Сорочинская ярмарка. Майская ночь. Байройт, 1946

Е. Н. Парамонов рядом с усовершенствованной им машиной для печати узоров на тарелках. Лос-Анджелес, 9 декабря 1955 г. [А]

Е. Н. Парамонов во дворе своего дома. Лос-Анджелес, 1994 г. [А]

Лондон, 27 Cromwell Road. Здесь поначалу находился Русский дом Е. В. Саблина. Современный вид. Фото Е. Л. Будницкой [A]

Лондон, 5 Brechin Place. Последний адрес Русского дома. Современный вид. Фото автора [A]

Princess Julia Grant Cantacuzene, 1907
My Life Here and There

The Lakeside Classics

REVOLUTIONARY DAYS

Including passages from
My Life Here and There
1876-1917

By
Princess Julia Cantacuzene
Countess Speransky, née Grant

EDITED BY
TERENCE EMMONS

The Lakeside Press

R. R. DONNELLEY & SONS COMPANY
CHICAGO

December, 1999

Титульный лист книги княгини Ю. Кантакузен, графини Сперанской «Революционные дни». The Lakeside Press: Chicago, 1999

Княгиня Юлия Кантакузен,
графиня Сперанская,
урожденная Грант. 23 декабря
1922 г. [БК]

Княгиня Юлия Кантакузен с дочерью Идой. 27 апреля 1922 г. [БК]

Княгиня Юлия Кантакузен, графиня Сперанская. 4 января 1922 г. [БК]

Источники иллюстраций:

[БА] — Бахметевский архив Колумбийского университета;

[БК] — Библиотека Конгресса США;

[АКК] — Коллекция фотографий Американского Красного Креста. Библиотека Конгресса США;

[А] — Фото из архива автора;

[ЮГ] — Фото из семейного архива Юлии Гаухман предоставлено Манфредом Шрубой

Не знаю, писать ли опять проф. Ростовцеву о статье для журнала. Он обещал сотрудничать, но очень «теоретически» обещал. В художественном отделе первой книги у нас будут Бунин, Сирин, Ал. Толстая, я и быть может, Осоргин^{1,2}.

В переписке Алданова и Карповича преобладают темы, связанные с журналом. Однако обсуждались и другие вопросы, преимущественно судьба общих знакомых, проблемы оказания помощи как тем, кто нуждался в визах и средствах для того, чтобы добраться в Америку, так и уже перебравшимся в США и мучительно пытавшимся найти средства к существованию. Среди них — В.В. Набоков. Его устройством постоянно интересовались — и, по возможности, занимались, оба корреспондента: «Что Вам известно о Сирине? Получил ли он постоянное место?» — спрашивает Алданов³. «Сирин в этом году лектором в Wellesley College, недалеко от нас. Место это только на год, перспектив остаться здесь у него нет, и вообще ничего определенного на будущий год он в виду не имеет», — информирует его о положении уже состоявшейся звезды русской и будущей звезды американской литературы Карпович⁴.

И наконец, через десять месяцев после начала работы по созданию журнала Алданов информирует своего корреспондента: «Вчера мы подписали соглашение с типографией и сдали ей первую вещь: Бунина. Жаль, что так плохо обстоит дело с Вашими знакомыми. Можно ли будет послать им книгу, без обязательств с их стороны: если им понравится, то они пришлют за нее плату? Называться издание будет „Новый журнал“»⁵.

А еще через полгода вышла первая книга:

Журнал вышел позавчера (рецензия была по гранкам), мы вчера его Вам послали. Ваши рецензии (чрезвычайно интересные) пришли поздно, позже всех, и мы, к сожалению, могли поместить в этой книге

---

¹ Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942) — член партии эсеров, литератор. В 1922 году выслан из Советской России, с 1923 года жил во Франции.

² Алданов — Карповичу. 22 сентября 1941 // ВАР. Aldanov. Box 4.

³ Алданов — Карповичу. 22 сентября 1941 // Там же.

⁴ Карпович — Алданову. 9 октября 1941 // Там же.

⁵ Алданов — Карповичу. 22 октября 1941 // Там же.

только первую¹. Вторая пойдет в третьей книге, о чем объявлено в примечании. Большое Вам спасибо. При сем прилагаем гонорар: 2 доллара 75. Кажется, я Вам говорил, что мы платим совершенные гроши: 1 доллар за страницу беллетристики и 75 центов (так в тексте. — О. Б.) за страницу всего остального. В денежном отношении писать у нас для автора — личная неприятность, как для меня редактирование (бесплатное, увь!) — настоящая катастрофа: оно отнимает почти все мое время, и я запускаю те статьи, которыми живу...²

В первом номере «Нового журнала» были опубликованы «Руся» и «В Париже» Бунина из цикла «Темные аллеи», Ultima Thule Набокова, «Политические рассказы» Алданова, начали публиковаться «Времена» Осоргина, очерк Цетлина о М. А. Балакиреве, статьи Керенского («Передышка»), Б. И. Николаевского («Внешняя политика Москвы»), Г. П. Федотова («Новое на старую тему [К современной постановке еврейского вопроса]») и др. В общем, номер удался на славу.

Расходы по выпуску первого номера составили около 1235 долл., не считая платы за аренду помещения редакции, покрытой спонсорами. Главными статьями расхода были типографские услуги — 746 долл. и авторские гонорары — 352,15 долл. Цена номера для подписчиков составляла 1,5 доллара, в розницу журнал продавался по 2 доллара. Первый номер выпустили скромным тиражом 500 экз., выручка от продажи, за вычетом комиссионных, составила 585 долл. Дефицит бюджета был покрыт жертвователями³.

В конце сентября, сообщая Карповичу о выходе третьего номера, Алданов писал: «Будем ли мы дальше существовать, — не знаю. Мы обязались перед „меценатами“ выпустить три книги, — третья и вышла (завтра Вам посылается). Тираж наш поднимается, но, без поддержки меценатов, мы

¹ Речь идет о рецензии на книгу: *Viereck P. Metapolitics, From the Romantics to Hitler*. New York: A. A. Knopf, 1941. Книга американского историка П. Виерека «Метаполитика, от романтиков до Гитлера», была посвящена происхождению нацизма.

² Алданов — Карповичу. 1 мая 1942 // ВАР. Aldanov. Vox 4.

³ «Приблизиться к русскому идеалу искусства...» — цит. по: <http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html>.

существовать не можем и при бесплатном, как у нас, редакторском труде»¹.

«Дальнейшее существование журнала должно быть обеспечено, — отозвался Карпович. — Он слишком для всех нас нужен, чтобы можно было позволить ему погибнуть. Со своей стороны я приложу все усилия к тому, чтобы он продолжал выходить»².

Благодаря усилиям литераторов, меценатов, американских, а после распада СССР и российских фондов «Новый журнал» продолжил — и продолжает — выходить. В настоящий момент, в октябре 2020 года, когда пишутся эти строки, вышла уже 300-я книжка журнала. Вряд ли можно сомневаться, что первые шаги по созданию этого долгожителя русской зарубежной периодики, о которых рассказывается в настоящей статье, были самыми трудными.

---

¹ Алданов — Карповичу. 24 сентября 1942 // VAR. Karpovich. Vox 1. Как обычно, продолжались «поиски Набокова»: «Сирин был у Вас, но, по слухам, уехал. Куда?» — Там же.

² Карпович — Алданову. 4 октября 1942 // VAR. Aldanov. Vox 4. В этом же письме — о передвижениях Набокова: «Набоков летом жил у нас в Вермонте, а потом переехал в Кембридж (имеется в виду городок в штате Массачусетс, предместье Бостона, в котором находится Гарвардский университет. — О. Б.). Они будут здесь всю зиму, так как у В. В. есть небольшая платная работа по бабочкам в естественно-историческом музее нашего университета. Сейчас он, впрочем, в отъезде — разъезжает с лекциями по разным южным колледжам. На это время он из музея получил отпуск. Вернется, кажется, в начале декабря».

1945 ГОД И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

(Попытка примирения)¹

Вторая мировая война нанесла тяжелый удар по русской эмиграции, включая ее неофициальную политическую и культурную столицу — Париж. После оккупации Франции в 1940–1941 годах за океан выехала значительная часть эмигрантской либерально-демократической интеллектуальной элиты, имевшей реальные основания опасаться за свою жизнь и свободу. Эмиграция, и ранее не отличавшаяся единством, оказалась в годы войны расколота еще в большей степени — значительная ее часть поддерживала нацистов, рассматривая Гитлера как освободителя России от большевистского ига. Среди тех, кто в той или иной форме сотрудничал с нацистами или открыто высказывался в их поддержку, оказались не только крайне правые политики и публицисты, но и вполне уважаемые фигуры русского Парижа, такие как танцовщик и коллекционер Серж Лифарь, писатели Иван Шмелев, Илья Сургучев и Зинаида Гиппиус, художник и историк искусства Александр Бенуа, философ Борис Вышеславцев. Список далеко не исчерпывающий. Другая часть политически активной эмиграции стояла на оборонческих позициях, если не позабыв, то на время спрятав свои разногласия с советской властью. Немало эмигрантов приняло участие в движении Сопротивления. Однако на виду были коллаборационисты, и для многих французов белый эмигрант (ибо для обычных французов, не слишком разбиравшихся в тонкостях эмигрантской политики, все эмигранты были белыми) и коллаборационист стали едва ли не синонимами.

---

¹ Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2001. С.179–240. В настоящем издании печатается с изменениями и дополнениями.

ПАРИЖ, 1940–1945

Принято считать, что германскую ориентацию приняла правая, реакционная часть эмиграции; в основном это верно, однако определенные колебания проявляли и некоторые из эмигрантов, которых принято относить к либерально-демократическому спектру сообщества русских изгнанников.

Во Франции руководителем русских воинских объединений нацистами был назначен генерал Н. Н. Головин, видный военный историк и теоретик, возглавлявший высшие военные курсы РОВС в Париже. После нападения Германии на СССР митрополит Серафим обратился ко всем «верным сынам России» с тем, чтобы «верные сыны» помогли германским войскам очистить Русскую землю от «масонской звезды и серпа и молота». Неудивительно, что оккупационные власти объявили о признании только администрации Серафима, специально оговорив, что не признают «промосковского» митрополита Евлогия¹.

Многие видные деятели эмиграции успели бежать из Парижа накануне его захвата немцами в июне 1940 года и обосновались на юге Франции, в зоне, контролируемой правительством Виши. Среди них были П. Н. Милюков, А. В. Тыркова, вместе с семьей ее сына А. А. Бормана; некоторым счастливым удалось получить американские визы и уехать в США, в том числе М. А. Алданову, А. И. Коновалову, В. М. Зензинову, А. Ф. Керенскому и др. В. А. Маклаков отказался покинуть Париж; как глава Офиса по делам русских беженцев он счел необходимым остаться на посту².

Однако, как нетрудно было представить заранее, оккупационные власти отнеслись к либералу и масону Маклакову весьма подозрительно. Впрочем, руки персонально до него у властей дошли не сразу. 28 августа 1940 года были распущены все иностранные организации в оккупированной зоне. Среди них — около 800 русских культурных, образовательных и иных организаций. Офиса Маклакова это не коснулось, однако оккупанты его просто игнорировали. Конечно, проблема русских эмигрантов во Франции волновала их далеко не в первую очередь; пока

¹ *Jonston R. H.* «New Mecca, New Babylon»: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston and Montreal, 1988. P. 166, 222.

² *Седых А.* Загадка В. А. Маклакова // Новое русское слово. 1945. 18 марта. С. 2.

что это позволило Маклакову продолжить свою деятельность, в данных условиях почти совершенно неэффективную. Он пытался искать защиты интересов русских изгнанников у правительства Виши и даже обратился с личным письмом к его главе маршалу Ф. Петену. Ответа не последовало.

Тем временем у него появился «конкурент», князь Михаил Горчаков, внук канцлера А. М. Горчакова, предложивший Маклакову разделить функции таким образом, чтобы князь ведал сношениями с немцами, а бывший посол — всем остальным. Горчаков ссылаясь на желание оккупантов иметь дело именно с ним, но, возможно, это была его собственная инициатива. Горчаков, первый претендент на роль фюрера русской эмиграции, монархист и человек крайне правых убеждений, заявил, что он организовал новый «комитет» по своей собственной инициативе; по его словам, он платил за наем помещения для комитета, в котором он восседал под портретами Николая II и Гитлера, из своих собственных средств. Поверить в «самочинность» возникновения его комитета трудно. Несомненно, что до определенного времени он устраивал германские оккупационные власти; и если его прямая связь с гестапо и не прослеживается, то тесное взаимодействие с немецкой организацией, занимавшейся вербовкой рабочей силы в Германию, очевидна. Собственно, «трудоустройство» эмигрантов, многие из которых действительно оказались без работы, было, похоже, главной задачей горчаковской организации. Правда, князь также старался вызволять из беды соотечественников, попавших по той или иной причине в руки немецкой или французской полиции. Через несколько месяцев князь был немцами смещен, скорее всего по причине своей эксцентричности, граничившей с ненормальностью. Даже если сделать скидку на ангажированность мемуаристов-«возвращенцев» Л. Д. Любимова и Б. Н. Александровского, общавшихся с Горчаковым, особенности поведения князя, которые они рисуют, наводят на мысли о неадекватном восприятии им окружающего мира¹.

В апреле 1941 года гитлеровцы поручили некоему полковнику Владимиру Карловичу Модраку, ничем особенным себя ранее

¹ Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 331–333; Любимов Л. Д. На чужбине. Ташкент, 1979. С. 215–218, 295–297.

на политической арене не проявившему, за исключением пронацистских симпатий, организовать комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции. Задачей комитета была, разумеется, не помощь, а прежде всего контроль и привлечение, если потребуется, эмигрантов на службу германским властям. Все эмигранты должны были пройти регистрацию в комитете, причем регистрирующимся после начала войны Германии против СССР предлагали заполнить анкету, завершавшуюся следующим примечательным текстом: «Я, нижеподписавшийся, изъявляю свое добровольное желание принять действенное участие в борьбе, начатой Германской империей в СССР против жидовско-коммунистической власти. Я заявляю, что готов вести эту борьбу в любой ее отрасли и на любом посту, указанном мне представителями национал-социалистической Германии»¹. Желающих, несмотря на недвусмысленные угрозы, нашлось немного.

Однако уже в июле Модрах был сменен его заместителем, неким Юрием (Георгием) Сергеевичем Жеребковым. Это был относительно молодой человек, в 1941 году ему исполнилось 33 года. Он был внуком одного из флигель-адъютантов Николая II, натурализованным германским гражданином. По слухам, ранее он был профессиональным танцором. Своим назначением Жеребков был обязан тесным связям с гестапо и, возможно, дружбе с Альфредом Розенбергом.

25 июля около 250 видных эмигрантов были собраны для того, чтобы, не выражая одобрения или тем более несогласия, выслушать декларацию новоявленного «гаулейтера». Жеребков заявил, что будущее принадлежит Германии, а с большевизмом, несомненно, будет покончено. Он сказал также, что знает немцев, что особенно важно, так как они теперь станут определять судьбу России. Выступление Жеребкова, названное «официальным сообщением», было выпущено в виде листовки и распространено среди эмигрантов. Среди прочего «гаулейтер» говорил: «Я молю Господа, чтобы он дал сил и здоровья тому человеку, который поднял крестовый поход против поработителей нашей Родины. Боже, спаси и сохрани Фюрера Адольфа Хитлера, Вождя не только немецкого народа, но и всех тех, кто отдали

¹ НИА. Maklakov. 22-14.

и отдают себя на борьбу за новую счастливую Европу!.. Я лично молю Всевышнего о даровании победы немецким войскам...»¹

Теперь эмигранты должны были пройти новую регистрацию в жеребковском комитете, причем их лояльность должны были засвидетельствовать два поручителя. Такое же требование было предъявлено Маклакову. Его Офис в сложившейся ситуации начал играть все более декоративную роль, а в январе 1942 года правительство Виши формально упразднило представительские функции Маклакова. Тем не менее Маклаков Офиса не закрыл, а некоторые эмигранты предпочитали иметь дело с ним, а не с нацистскими ставленниками.

Как впоследствии признавался сам Маклаков, поначалу он верил в победу Германии. Разгром Польши и Франции, слабость, проявленная СССР в войне с Финляндией, «чудодейственное» усиление Германии с 1918 года привели его к мысли, что и Англия, и Советский Союз не устоят. Однако он не сделался «германофилом», как некоторые довольно заметные эмигранты. Маклаков начал сблизиться с людьми, которые, как и он, желали поражения Германии; многие из них все же верили в победу Советской России; во всяком случае, все они делали ставку на ее победу. «Это тогда вовсе не предрешало отношения к ней; помню, — вспоминал впоследствии Маклаков, — я полусхотел сказать, что если теперь приедет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели». Шутка оказалась пророческой. Пока же Маклаков считал необходимым зафиксировать на бумаге суждение членов постепенно образовавшейся вокруг него группы о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии и что эмигранты должны Советской России в этом содействовать, «нисколько не меняя своего отношения к советской власти». Маклаковым эти рассуждения были оформлены в семи пунктах².

28 апреля 1942 года Маклаков был арестован; были арестованы и сотрудники его Офиса. Оккупанты хотели продемонстрировать, «кто в Париже хозяин», и пресечь не санкционированную

¹ НИА. Maklakov. 22–16.

² Маклаков В. А. — Алданов М. А. 25 мая 1945 // «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2015. С. 105.

ими деятельность маклаковского Офиса. После девяти с половиной недель заключения в парижской тюрьме Санте в июле 1942 года Маклаков и его сотрудники были освобождены¹. Бумага с «семью тезисами» Маклакова осталась лежать в шкафу. На следующий день после ареста кто-то из его окружения, знавший об их существовании, отыскал и уничтожил листок².

Нацисты и их русские и французские прислужники хотели продемонстрировать, что недавний председатель Эмигрантского комитета и глава Офиса по делам русских беженцев в глазах новых властей фигура подозрительная и что эмигрантская иерархия изменилась окончательно. Возможно, одной из дополнительных причин ареста послужило масонство Маклакова; во всяком случае о его принадлежности к масонству его допрашивали в тюрьме французские следователи (по словам Маклакова, с немцами в тюрьме он не сталкивался, только с коллаборационистами). После освобождения нацисты взяли у Маклакова подписку, что он прекратит выполнять функции главы Эмигрантского комитета, а также не будет заниматься какой-либо политической деятельностью³. Ему предписали уехать на несколько месяцев из Парижа. Маклаков провел их в деревне у барона Б. Э. Нольде; здесь он написал обдуманную в тюрьме книгу о 2-й Думе⁴.

Впоследствии он писал Алданову, что эта книга — его слабость, и он ей очень дорожит. «Я ее сочинял, т.е. обдумывал, когда сидел в тюрьме и не знал, выйду ли оттуда живым. Было много времени думать, было полезно сосредотачивать мысль, чтобы чем-нибудь ее занимать, и, наконец, в этих условиях мысль работает честнее»⁵.

¹ Маклаков В. А. — Алданову М. А. 15 декабря 1944 // «Права человека и империи». С. 85; *Седых А.* Загадка В. А. Маклакова.

² Маклаков В. А. — Алданову М. А. 25 мая 1945 // «Права человека и империи». С. 105.

³ Из письма посла СССР во Франции А. Е. Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. Г. Деканозову. 4 апреля 1945 // Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сборник документов в двух книгах. М., 1998. Кн. 2. С. 582.

⁴ Маклаков В. А. — Алданову М. А. 30 января 1946 // «Права человека и империи». С. 161.

⁵ Там же.

В годы войны Маклаков не только был «оборонцем», готовым в условиях войны с нацистской Германией закрыть глаза на прежние прегрешения советской власти, точнее, поверить в ее эволюцию. Кроме того, он требовал от эмигрантов соблюдения лояльности Франции, которая давала им приют на протяжении двух десятилетий. Лояльности в отношении Франции Маклаков, по словам Г.В. Адамовича, «требовал категорически, и резко разрывал с людьми, которые были по его мнению в этом смысле не на высоте, — особенно, если это были люди известные, просвещенные, а не сбитые с толку эмигранты. В те времена такие разрывы, — публичные, у всех на виду, доходившие до отказа подать руку, — бывали далеко не безопасны, но Маклакова это не останавливало»¹. Разумеется, речь шла не о той Франции, которая «коллаборировала» с нацистами.

Вряд ли сопротивление Маклакова и его «группы» нацистам и их пособникам выходило за пределы идейного противостояния. Ему ведь было уже за семьдесят, и он почти ничего не слышал. Американский слуховой аппарат появился у Маклакова только после окончания войны. Но, во всяком случае, после освобождения Маклакова из тюрьмы он и его единомышленники связались с силами Сопротивления и, вероятно, оказывали его участникам определенное содействие. Но главным их делом, несомненно, была антинацистская пропаганда в эмигрантской среде. По свидетельству П. А. Берлина, «они делали все, что от них зависит, чтобы противодействовать прогитлеровским настроениям в русской эмиграции и оказывать поддержку жертвам немецких преследований». С двумя членами группы, А.С. Альпериным и И.А. Кривошеинным, Берлин был связан общей работой по укрывательству евреев². Деятельность группы не осталась незамеченной. Один из ее членов, И.А. Кривошеин, сын бывшего царского министра А.В. Кривошеина, был арестован. Маклаков значился в списке подлежащих увозу в Германию в случае приближения войск союзников.

¹ Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 222.

² Берлин П. А. — Вишняку М. А. Б/числа, 1945 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box I-D.

Однако наступление союзников было столь стремительным, что до престарелого либерала руки у нацистов не дошли¹.

НОВЫЙ КУРС: «ПРОГРАММА МАКЛАКОВА»

Маклаков, который всегда отказывался от роли «вождя» эмиграции, ссылаясь на свое особое положение ходатая по делам всех эмигрантов, независимо от их политических взглядов, едва ли не впервые попытался сформулировать программу, вокруг которой могла объединиться патриотически настроенная часть эмиграции. Эта программа, напечатанная в виде листовки в июне 1944 года от имени «группы действия» русских эмигрантов, судя по основным мыслям и стилю, написана или им самим, или же при его ближайшем участии. Вероятно, она во многом повторяла семь пунктов, сформулированных Маклаковым весной 1942 года, запись которых была уничтожена после его ареста.

В листовке эмиграция призывалась «определить свое отношение к происходящему» и «продумать до конца смысл событий, не смущаясь тем, что это должно привести к пересмотру позиций, ранее занятых ею в отношении советской власти и революции». «Новый курс» Маклакова и его единомышленников был сформулирован в виде восьми тезисов, жестко увязанных друг с другом. Эти тезисы важны для понимания логики последующих поступков Маклакова и его взглядов послевоенного времени.

1. В первом пункте четко определялось, что «когда в 1941 году обнаружилось, что Германия вторглась в Россию для захвата у нее лучших пространств по праву „избранной расы“, для патриотически настроенной эмиграции содействие Германии становилось изменой России». Отношение к войне раскололо эмиграцию на две непримиримые части. Одна пошла с Германией и, в силу того, что могла проявить себя открыто, создала иллюзию своей многочисленности. Это незаслуженно бросало «позорную тень» на всю эмиграцию, ибо «большая ее часть, несмотря ни на что, оставалась с Россией». Она понимала, что

---

¹ Маклаков В. А. — Алданову М. А. 25 мая 1945 // «Права человека и империи». С. 105.

победа в войне «может укрепить советскую власть, но сознательно предпочитала это успеху Германии», так как «владычество большевиков за 26 лет не уничтожило Великой России, как это могла бы надолго сделать победа Германии».

Однако такой выбор поставил патриотически настроенных эмигрантов «по одну сторону баррикады с советской властью».

2. «Эмиграция должна признать ошибочность своих опасений, что советский режим убьет в народе патриотизм и гражданственность, и этим подготовит его к добровольному подчинению иностранцам. Война опровергла эти опасения: Россия оказалась жива и национально здорова. Русский народ поднялся на защиту своей родины и своей обороной напомнил лучшие страницы русской истории. Иностранным завоевателям он предпочел свою, фактически управляющую Россией, власть. Вместе с нею он отстоял свою родину против ее внешних врагов». Правда, после этих слов, казалось бы, означавших капитуляцию перед советской властью и признание ее исторической правоты, следовала фраза, четко демонстрировавшая отличие маклаковской группы от «союза русских патриотов», вскоре переименованного в «союз советских патриотов»: «Он (народ. — О. Б.) этим заслужил свое право сам собой управлять».

3. В 3-м тезисе отдавалось должное советской власти, которая «проявила себя иной, чем была раньше, когда приносила Россию в жертву мировой революции. Война не захватила ее врасплох. К защите России против врагов она оказалась готовой; она пошла вместе с народом; еще раньше войны она разорвала с прежним своим отношением к его старине; уступки, которые она сделала во время войны, были не только очень реальны, но имели еще большее значение символа. А сама она не пала духом перед опасностью, не предала, ради своего самосохранения, Россию в руки врагов. Она неразрывно связала свою судьбу с Россией и сумела ее защитить. В отстаивании России в этот момент советская власть показала себя достойной народа. После всего происшедшего, — провозглашался едва ли не центральный тезис программы, — эмиграция не может не признать ее русской властью».

4. По-иному теперь оценивалась и Октябрьская революция — не как «местный эпизод», а в качестве начала «мирового

социального сдвига к более полному пониманию задач и обязанностей государства в устройении жизни людей». Резкое столкновение старого с новым, как теперь обтекаемо характеризовались кровавые события революции и Гражданской войны, не может быть вечным. «Революция, поэтому, всегда — явление временное. Она кончается по осуществлении тех заданий истории, которые были тогда достижимы, возвращением к правовому порядку на новых началах... Изживание революции началось в России еще перед войной, вопреки убеждению, что в советской власти не может быть эволюции, — выдавал желаемое за действительное Маклаков. — Есть идейная пропасть между революционной программой 1918 года с ее призывами к истреблению классов — и конституцией 1936 года, несмотря на ее недостатки. Национальная война за спасение Родины должна углубить и ускорить этот здоровый процесс; мы уже видим признаки этого».

Законнику Маклакову, несмотря ни на что, все-таки трудно было представить, что конституция 1936 года была не более чем клочком бумаги.

5. Однако признание заслуг советской власти в деле защиты отечества совсем не означало покаяния перед ней. «Эмиграция от своего прошлого не отрекается, — подчеркивалось в 5-м тезисе. — Непризнание ею советской власти было основано не на личных или партийных мотивах; она защищала не отжившие привилегии старого, а основы здорового государства, восставала не против начал нового социального строя, а против приемов и методов их проведения в жизнь в таких размерах и темпах, что ими попирались вечные ценности общежития: законность, уважение к человеку, право населения управляться по своему пониманию».

Следовательно, речь шла не только о том, что эмигранты признали кое в чем правоту советской власти; ход событий подвел советскую власть к проведению в жизнь тех начал, которые отстаивала эмиграция и к которым, по мнению Маклакова, стремилось население России. Теперь начала законности, уважения к человеку, самоуправления «будут особенно нужны; население будет стремиться отдохнуть от революции и войн, и залечивать нанесенные раны». «Власть не должна идти наперекор

этим общим желанием, если не захочет потерять положения, которое было ею завоевано в этой войне». Меньше всего это «предупреждение» было похоже на капитуляцию. Эмиграция была готова примириться с существующей в России властью; но она не собиралась отказываться от своих основополагающих ценностей.

6. Маклаков остался на своей прежней позиции неприятия новой революции, даже если она приведет к падению большевиков. Любая революция ведет к страданиям людей и ослаблению страны. А ведь восстановление международного престижа и мощи России в его глазах было, несомненно, главной заслугой советской власти. Кто, как не бывший посол бывшей великой державы, толкавшийся в передней ее бывших союзников после окончания Первой мировой войны, мог эту заслугу оценить.

«Эмиграция понимала, что всякое колебание власти во время войны для страны было опасно. Но она не может не видеть, что интересы России и после войны требуют не падения власти, а только ее эволюции. Ни у кого сейчас не может быть большего авторитета при заключении мира, чем у тех, кто управлял страной во время войны и привел ее к победе. Падение власти в этот момент может лишь ослабить Россию. Это понимание должно определять отношение эмиграции, пока власть защищает интересы России».

7. Отношение эмиграции к советской власти переменяла война, — говорилось в 7-м тезисе, — оказавшиеся во время войны «с этой властью на одной стороне могут и в дальнейшем найти с нею общий язык и общее дело». «Потому возвращение на родину может стать для них отрадной и желанной возможностью». Особенно подчеркивалось значение роли, которую сыграла Россия в войне, для младшего поколения «апатридов», которое своей родины не видело и не знало: «Отпор, который оказала Россия Германии, исполнил их национальной гордостью и готовностью посвятить свои силы служению ей. Этому молодому поколению место только в России».

«Таким образом, — подводился итог документа, — эмиграция будет, естественно, думать о возвращении на родину после войны. Не от нее, а от теперешней власти зависят условия, на которых это будет возможно. По ним тоже можно будет судить,

в какой мере власть стала на уровень задач, которые перед Россией раскрылись, и освободилась от приемов и заветов революционного гнета. Это позволит каждому эмигранту видеть, в чем состоит его долг перед родиной. Но для этого ему необходимо будет преодолеть и в себе наследие нашего прошлого, без задних мыслей подчиниться истории и суметь без пристрастия оценить все стороны деятельности своих прежних противников. Возможность искреннего их примирения стала бы символом окончания революционной эпохи и восстановления внутреннего мира в России. Работать над этим, какие бы это ни встретили трудности от предвзятого недоверия и подозрения с обеих сторон, значит сейчас служить истинным интересам России»¹.

«Декларация» Маклакова вызвала весьма резкое неприятие у той части эмиграции, которая отнюдь не желала поражения России в войне, но и не видела оснований менять свое отношение к советской власти. С. П. Мельгунов писал Маклакову, что у него вызвало полное недоумение обоснование выводов, «сводящихся к призыву — идти в Каноссу». Мельгунов указывал, что, кроме двух возможных позиций — поддержки в войне Сталина или Гитлера, существовала третья, антинацистская, но не солидаризирующаяся с официальной российской властью, и «не брала ответственности за то, что делала эта власть, например, накануне вторжения немцев в пределы России», имея в виду вторжение СССР в Польшу и Прибалтику. Особое неприятие Мельгунова вызвало фактическое оправдание Октябрьской революции, плодотворности «социального сдвига», происшедшего за 25 лет советской власти. «Утверждать подобное, — негодовал старый социалист, — значит открыто свидетельствовать об интеллектуальной нищете и крахе квалифицированной русской интеллигенции»².

Мельгунов справедливо указывал, что положения конституции 1936 года, на которую ссылался Маклаков в качестве доказательства эволюции власти, фактически не выполняются; он не видел никаких реальных уступок власти. «Неужели потемкинские декорации принимать за реальность? Поскольку к нам

¹ НИА. Maklakov. 19–31.

² Мельгунов С. П. — Маклакову В. А. 27 сентября 1944 // НИА. Maklakov. 10–21.

просачивалась информация за эти годы, мы имеем право „без предвзятости“ сказать, что „народ“ отнюдь не с властью. Иначе как могло бы создаться такое ненормальное антипатриотическое явление, как образование „власовской“ армии или казацких отрядов из кубанских и донских беженцев? Нет, там по-прежнему аракеевские казармы! Потому говорить об „искреннем соглашении“ со сталинской кликой — простите меня — это ничем не оправдываемая маниловщина, которая никогда не может служить „истинным интересам России“»¹.

Вполне справедливо критикуя „маниловские“ представления Маклакова об эволюции советской власти, Мельгунов, в свою очередь, выдвигал вполне фантастическое предположение, что «преждевременная сдача эмигрантских позиций» ослабит «порыв освободительной борьбы, которая может начаться в России после войны»².

В ответном письме Маклаков, оспаривая аргументы своего корреспондента, подчеркивал, что «третьей» позиции «не было, да и быть не могло». «Она непременно соскальзывала бы в пассивную помощь одной из сторон. Недаром все левые враги Сталина во время войны перестали его обличать, чтобы не оказаться в одном лагере с Гитлером». Маклаков в сжатом виде изложил свою «философию истории», которая невольно заставляет вспомнить слова П. Н. Милюкова, осуждавшего своего постоянного оппонента за то, что тот остался адвокатом и в политике.

Он обращался к автору «Золотого немецкого ключа большевиков» и других исследований, доказывающих заговорщический характер переворота 25 октября, менее всего склонного «объективно» оценивать события 1917 года:

Вам ли, историку, надо доказывать, что в столкновении политических направлений ни у кого никогда нет ни полной истины, ни полной неправды. Пока мир стоит на антиномиях «личности» и «государства», «свободы» и «равенства», которые противоречат друг другу, а равно необходимы, как необходимо равновесие между ними, определяемое уровнем культуры, эпохи, национальности и отдельных людей, до тех

¹ Мельгунов С. П. — Маклакову В. А. 27 сентября 1944 // НИА. Maklakov. 10–21.

² Там же.

пор во всех политических столкновениях у всех есть доля правды. Ее и обнаруживает после история. Вспомните, как менялась оценка Французской революции и ее людей, сколько было разоблачений и реабилитаций. Есть неправда и в демократиях, есть правды и в тоталитарных режимах, и в старом режиме, и в большевизме, и у русско-го либерализма; все это было перемешано. Мы думаем, что события последних годов увели нас так далеко от 17 года, что мы можем уже теперь в оценке его уже стоять на исторической точке зрения, а не на односторонних военных коммюнике современников. Это не капитуляция и не Каносса, это «подчинение истории»¹.

Маклаков признавал, что в России еще многое неясно, в том числе «кто сейчас в ней определяет погоду» — Сталин, мужики или «молодые новые коммунисты».

Но общий ход дела ясен. Россия, расслабленная и бессильная в 1917 году, оказалась сильной в 42. Народ, бросавший фронт в 17 г. и перенесший разрушение храмов и поругание мощей, заставил власть прекратить гонения на веру и защищает Россию даже партизанской войной... Могут быть скачки назад и вперед, но мое общее впечатление, что «Революция» кончилась уже давно; идет перерождение революционного взрыва на правовой порядок на новых основах. Это — здоровый процесс... Все мерзости большевизма останутся, ибо нельзя бывшее сделать небывшим. Но их забудут, как забывали всякие мерзости, и Ивана IV, и Петра Великого, и Вильгельма Завоевателя, и Робеспьера, и всех подобных².

Маклаков не очень верил в «порывы» освободительной борьбы в России и считал, что если даже таковые случатся, то меньше всего люди, действующие в России, будут интересоваться «вымиравшей эмиграцией». Однако он более рассчитывал на эволюцию власти и на возможность для эмигрантов, в связи с этим, вернуться на родину. Вернуться, считал Маклаков, надо достойно, и не на условиях капитуляции, а в результате примирения. «Условия» примирения и излагались в его «записке».

¹ Маклаков В. А. — Мельгунову С. П. 2 октября 1944 // НИА. Maklakov. 10–21.

² Там же.

Мельгунова, как и предполагал Маклаков, его аргументы не убедили. Он продолжал настаивать, что «третья» позиция была вполне возможна для тех, «кто не видел разницы между насилием наци и насилием большевиков (первые лишь хорошие выученики вторых) и не желал принимать ответственность за Катынь и пр., — ничего не оставалось другого в практических своих действиях, как выждать». «Своей декларацией, — упрекал он Маклакова, — Вы и для будущего прикрываете советскую моральную наготу». Мельгунов не видел принципиальной разницы между позицией «русских патриотов» (вскоре заменивших «русских» на «советских») и позицией «маклаковской группы»¹.

12 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА: «ВИЗИТ» В СОВЕТСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Эмигрантский «пейзаж» после освобождения Франции выглядел не слишком радостно: численность эмиграции существенно сократилась, а моральный кредит заметно упал. В нацистских лагерях погибли сотни русских евреев-эмигрантов; сотни эмигрантов покинули страну. Немало видных деятелей эмиграции разной политической ориентации умерли в годы войны по естественным причинам, в том числе лидер либералов П. Н. Милюков, председатель адвокатского союза Н. В. Тесленко, бывший царский премьер В. Н. Коковцов и бывший министр финансов Временного правительства М. В. Бернацкий, писатель Д. С. Мережковский и многие другие. В 1945 году перед русскими изгнанниками-«оборонцами» встал вопрос о смысле существования эмиграции: если они оказались по одну сторону с советской властью, не пора ли если не признать ее правоту, то поискать точки соприкосновения?

Для этого нужно было с противоположной стороной вступить в контакт. Поэтому вполне логичным было посещение 12 февраля 1945 года «группой Маклакова» советского посольства, вызвавшее бурную реакцию всей эмиграции. Маклаков был не первым, посетившим советское посольство. Сначала был приглашен в посольство митрополит Евлогий, за которым

¹ Мельгунов С. П. — Маклакову В. А. 10 октября 1944 // НИА. Maklakov. 9–21.

посол А. Е. Богомолов прислал автомобиль и, после встречи, предоставил дипломатическую вализу для связи с патриархом¹.

Однако визит в посольство митрополита, возможно, потому, что он был все-таки лицом духовным, а не политиком и речей о примирении с советской властью не произносил, сенсацией не стал и бури не вызвал. Иное дело — прием, устроенный для группы, провозгласившей политические цели и возглавляемой одним из самых известных эмигрантов, пожалуй, даже неким символом эмиграции, Маклаковым. Посол Богомолов дважды, через посредника, приглашал одного из своих предшественников на этом посту посетить особняк на улице Гренель. По сведениям П. А. Берлина, этим посредником был А. Ф. Ступницкий, который «шмыгал» между посольством и группой. Ступницкий был одновременно и членом группы, и «близким лицом Гузовского, первого советника советского посольства, первый советник всегда есть представитель ГПУ», по старой памяти называл советские органы безопасности Берлин. Поэтому Берлин затруднялся сказать, по чьей инициативе, «полпредства или этой группы, было совершено паломничество в святые места»².

Здесь уместно будет сказать слово об Арсении Федоровиче Ступницком (1893–1951), которого многие считали «злым гением» во всей этой истории. И считали, по нашему мнению, обосновательно, ибо не благодаря же уговорам Ступницкого Маклаков и другие члены группы отправились в посольство. По-видимому, он действительно сыграл роль посредника — не более того. Ступницкий, выпускник юридического факультета Петроградского университета, участник Белого движения, в эмиграции стал одним из ближайших сотрудников П. Н. Милюкова в «Последних новостях». Ступницкий, по воспоминаниям другого сотрудника газеты, блистательного Дон-Аминадо (А. П. Шполянского), «был на ролях любимого ученика, перипатетика и дофина. Республиканско-демократическую азбуку знал назубок...»³. После освобождения Франции Ступницкий пытался возродить газету

¹ В. А. Маклаков о своем визите в советское посольство // Новое русское слово. 1945. 23 июля.

² Берлин П. А. — Вишняку М. В. Б/числа, 1945 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box I-D.

³ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 298.

Милюкова под названием «Русские новости»; в заголовке был использован логотип «Последних новостей», однако это издание очень быстро приняло откровенно просоветский характер и мало чем отличалось от «Советского патриота».

На второе приглашение посла Маклаков ответил согласием; тот предложил Маклакову прийти вместе с членами его группы, а также близкими к ней адмиралами М. А. Кедровым и Д. Н. Вердеревским. «Мы решили пойти, — писал впоследствии Маклаков, — именно как группа людей, которые от Советов независимы, но признают их национальной властью и с ними не борются. Для нас было ясно, что никакой другой власти в России мы им противопоставить не можем, а вести борьбу с ними после провала вермахта есть хлестаковщина»¹.

Вместе с Маклаковым 12 февраля 1945 года посольство посетили председатель Московского землячества и Общества химиков А. А. Титов, председатель ОРТа А. С. Альперин, директор кинематографического общества М. М. Тер-Погосян, журналист В. Е. Татаринов, член комитета Земгора Е. Ф. Роговский и Ступницкий. Вместе с ними пришли бывший командующий Балтийским флотом и военно-морской министр Временного правительства адмирал Д. Н. Вердеревский и глава РОВСа, также бывший военно-морской министр Временного правительства, а в 1920 году командующий флотом и начальник морского управления в правительстве П. Н. Врангеля адмирал М. А. Кедров.

Маклаков позднее заметил, что среди людей «его группы» было мало тех, которые ему импонировали: «Мои политические „друзья“ либо умерли, либо уехали. Один из них, П. Б. Струве, вернулся в Париж только, чтобы здесь умереть»².

Прием продолжался два часа, с полудня до двух часов дня; стороны обменялись речами и тостами. Тогда же кем-то из участников визита была подготовлена запись выступлений, впоследствии опубликованная³; впрочем, их содержание было доведено до сведения заинтересованных лиц в личных письмах, по крайней мере одно из которых — письмо Маклакова его

¹ Маклаков В. А. — Алданову М. А. 25 мая 1945 // «Права человека и империи». С. 106.

² Там же. С. 104.

³ Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 269–279.

товарищу по защите Бейлиса, адвокату Д. Н. Григоровичу-Барскому, было опубликовано уже в июле 1945 года¹. Эмигрантов поразил сам факт визита и внешние обстоятельства, которые ему сопутствовали: тосты, провозглашенные за советский народ, Красную армию и маршала Сталина. А также заявление Маклакова о том, что он и его единомышленники признают советскую власть национальной, борьбу с ней прекращают и будут содействовать примирению с советской властью всей эмиграции.

«Русская политическая эмиграция Парижа, в лице ее наиболее авторитетных представителей, вступила на путь полного примирения с советской властью», — с первой же фразы определял суть события парижский корреспондент «Нового русского слова» Я. Я. Кобецкий. Его статья, озаглавленная «Митрополит Евлогий и В. А. Маклаков посетили советского посла Богомолова», повергла в шоковое состояние многих маклаковских друзей и знакомых по ту сторону океана².

Тут же были предприняты попытки объяснить происшедшее. Наиболее часто встречающееся — и тогда, и потом — «то, что случилось с Маклаковым, особое послеоккупационное явление — реакция на чудесное спасение России»³. «Для уразумения нынешнего состояния В. А. Маклакова нужно принять во внимание ту обстановку, в которой он прожил последние 4 года, под германской оккупацией», — писал «по горячим следам» Андрей Седых⁴.

Более спокойно оценил слова Маклакова, сказанные в посольстве, С. Л. Поляков-Литовцев, многолетний сотрудник «Последних новостей», также оказавшийся теперь за океаном. Он писал:

В речи Маклакова нет ни одной фразы, которой он мог бы стыдиться. Он не каялся. Он не отверг прошлой борьбы. Не намекнул ни одним звуком, что она была необоснованной, незаконной, антинациональной... Маклаков говорил не о сдаче, а о примирении. И говорил по-маклаковски, т. е. очень искренно. Прямо сказал: чувства столь

¹ В. А. Маклаков о своем визите в советское посольство // Новое русское слово. 1945. 23 июля.

² Новое русское слово. 1945. 7 марта.

³ Яновский В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 145.

⁴ Седых А. Загадка В. А. Маклакова.

многих лет не могут в несколько минут измениться. Нужно взаимное понимание, взаимные усилия сближения... На долю Маклакова выпало быть первым возгласителем, что гражданская борьба русских кончается примирением¹.

Поляков справедливо отметил, что «посещение советского посольства в Париже группой видных русских эмигрантов стали почему-то сводить в разговорах к личности В. А. Маклакова, как будто весь этот волнующий вопрос заключается в том, хорош или не хорош, тверд или неустойчив, верен или изменчив этот знаменитый оратор и представительный кадет». Причины повышенного внимания к роли Маклакова в этой истории понятны. Он был наиболее крупной личностью среди «визитеров» и, в известном смысле, символом эмиграции. Речь, точнее, две речи Маклакова в посольстве носили наиболее принципиальный характер. Оборончество, по мнению Полякова, делало критику советского режима в условиях войны психологически невозможной, даже абсурдной. «Какой же мыслим новый тип отношений? Конечно, не капитуляция, но, конечно, и примирение... На советские посольства я перестал смотреть как на ханские ставки»².

Если отвлечься от самого демонстративного факта посещения посольства и обратиться к сути того, что было сказано Маклаковым, то, в общем, непонятно, из-за чего поднялась такая буря. В своей речи в посольстве он повторил в основном то, что было изложено в программной листовке его группы. Маклаков справедливо констатировал, что эмиграция бессильна перед советской властью. Но, добавил он,

они представляли два равноправных принципа. Эмиграция стояла за начала, на которых развивалась жизнь старого мира, вы же несли с собою основы для нового. Вы достаточно реалисты, чтобы знать, что новое прочно только тогда, когда приводит к синтезу со старым, что истинная победа не в уничтожении побежденного, а в примирении его с этой победой. Вы на примере религии узнали, насколько целесообразнее мирить с собою врага, которого раньше пытались искоренять.

¹ Поляков-Литовцев С. Л. Эмигранты в советском посольстве // Новое русское слово. 1945. 25 марта.

² Там же.

Примирение эмиграции с советской властью может получить значение символа; восстановления мира в России. Мы над этим работаем... Нужно много работать для взаимного понимания и примирения¹.

Ответная речь посла жесткой: Богомолов не употреблял слова «примирение»; по существу, он требовал капитуляции: «...эмигранты, любя Россию, должны принять все те коренные изменения, которые в ней произошли. Другой путь состоит в том, что эмиграция после войны будет по-прежнему враждебно относиться к Сов[етскому] Союзу. Тогда мы предоставим ее естественному историческому процессу и для нас она утратит всякий интерес. Эмиграция будет изолирована, старое поколение постепенно вымрет, а молодое будет денационализировано...» Посол счел также необходимым подчеркнуть разницу между русским и советским патриотизмом. Советский патриотизм шире русского, и его сущность заключается «не только в любви к России, но в принятии всех тех изменений, которые в ней произошли. Ребенок любит свою мать, когда она молода и красива, но он любит ее и тогда, когда она стареет. Только в России мать не постарела, а стала молодой и новой»².

То, что говорил посол, совершенно противоречило концепции Маклакова, и он вновь взял слово, чтобы еще раз подчеркнуть, что он и его единомышленники борьбу против советской власти прекратили. Он мотивировал это вовсе не признанием правоты советской власти, а нежеланием ввергать страну в новую междоусобицу: «Мы знаем, чего стоит стране Революция, и еще новой революции для России не пожелаем. Мы надеемся на дальнейшую ее эволюцию»³.

Остановившись на противопоставлении русского и советского патриотизма, сделанного Богомоловым, Маклаков говорил, обращаясь к послу:

---

¹ Запись выступлений на приеме, сделанная одним из его участников, была опубликована в 1970 году в «Новом журнале». Здесь и далее мы цитируем выступления по машинописному экземпляру, находящемуся среди бумаг Маклакова в Гуверовском институте (НИА. Маклаков. 20–7); с одной из машинописных копий этого текста и была осуществлена публикация.

² Там же.

³ Там же.

Вы предлагаете любить Россию в той ее форме, советской, в которой она сложилась сейчас. Но формы и советской России меняются. Россия 1918 года, которую по личному опыту запомнила эмиграция, не та, которую устанавливала конституция 1936 г. И эта эволюция далеко не закончена. Никто не знает, какой будет Россия после войны... Что в будущей России воскреснет из старого, что переживет из советской России, ни предсказать, ни искусственно сделать нельзя. Дорожить не самой Россией, а ее временной, советской формой, значило бы следовать Константину Леонтьеву, который писал: «На что нам Россия, если она не самодержавная и не православная». Возьму Ваше сравнение. Дети должны любить свою мать и молодой, и старой, и здоровой, и больной. Но они любят мать, а не болезнь и не старость ее. В чем неизменная сущность России и в чем ее преходящие формы, покажет нам сама жизнь¹.

В заключительной речи, которую посол произнес после выступления всех присутствовавших, он прежде всего отвечал Маклакову. Богомолов четко заявил, что «основные черты (советского) строя остаются неизменными». Он дал понять, что на эволюцию советской власти рассчитывать не приходится; характерно, что при прощании Богомолов выразил надежду на устранение противоречий между группой Маклакова и группой «Советского патриота»: «Вы все, — сказал он, — стоите по существу на одних основных позициях, а нюансы во мнениях вполне понятны, и в этом нет ничего плохого»². То есть посол фактически предлагал «визитерам» примкнуть к тем, кто признал советскую власть безоговорочно и был готов ей служить без всяких условий. Советская власть не собиралась рассматривать эмигрантов как «сторону». Она была готова лишь принять их безоговорочную капитуляцию.

Это не исключало заигрывания с отдельными эмигрантами, возвращение которых могло послужить для укрепления престижа власти, — речь шла, в частности, о живом классике, единственном российском нобелевском лауреате И. А. Бунине. Что же касается тех лиц, которые, по мнению органов контрразведки, могли представлять потенциальную опасность

¹ НИА. Maklakov. 20–7.

² Там же.

или должны были быть наказаны за прежние грехи, то их просто насильственно вывозили в СССР. Это происходило в тех странах, которые были освобождены или оккупированы Красной армией. Так, в Югославии арестовали и вывезли на родину приятеля Маклакова В. В. Шульгина; массовые аресты прошли в Праге. Речь идет не о коллаборационистах, сотрудничавших с нацистами, вроде генералов П. Н. Краснова или А. Г. Шкуро, а о тех людях, которые активной роли в политике давно уже не играли. Приятеля Маклакова Шульгина вывезли в Москву и за старые «грехи» перед советской властью приговорили к 25-летнему тюремному заключению. Арестованный в Праге литературовед А. Л. Бем покончил в тюрьме самоубийством. В Праге же был арестован и увезен в СССР почти 80-летний князь Петр Д. Долгоруков, некогда товарищ Маклакова по партии кадетов. На родине Долгорукова, по слухам, дошедшим до эмиграции, судили во Львове военным судом и приговорили к 10-летнему заключению в лагере¹. В действительности Долгорукова приговорили, как мы теперь знаем, к пяти годам заключения в тюрьме (из которой он, впрочем, не вышел и после отбытия срока). Но дело это не слишком меняло.

Однако все эти «детали» стали ясны позднее, так же как и то, что советская власть ничем из «революционных завоеваний» поступаться не собирается, более того, распространит их на освобожденные от нацистов страны Восточной Европы и попытается экспортировать через своих сторонников и в Западную Европу. Неизвестно было еще и то, что никакой либерализации режима после войны не произойдет, более того, что начнется его ужесточение и закручивание гаек. Но это все — потом. Пока же эмигранты, наблюдавшие возрождение и победы русской армии, правда называвшейся теперь советской, восстановление патриаршества, патристическую риторику и обращение к славному историческому прошлому, наконец, восстановление территории бывшей Российской империи, имели некоторые основания надеяться, что «Термидор», под давлением жизни, проведут сами большевики.

---

¹ Судьба П. Д. Долгорукова // Социалистический вестник. 1945. 10 ноября. № 19–20. С. 226.

На этой почве было вполне возможно примирение и участие эмигрантов, если, конечно, этого захочет советская власть, ставшая, по мнению многих из них, национальной, в возрождении России.

ЭМИГРАЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, 1945: ВОКРУГ «ВИЗИТА»

Спор о смысле изменений, происшедших в России, и о роли эмиграции в новых условиях развернулся между людьми в общем-то сходных воззрений, много лет лично знавших друг друга, но оказавшихся в годы войны по разные стороны океана. Что означало — в свободной стране или в оккупации, в безопасности или под угрозой тюрьмы, а то и смертной казни. В значительной степени это был спор между русскими ньюйоркцами и русскими парижанами.

Алданов, как и многие другие русские американцы, был неприятно удивлен, если не сказать поражен, известиями из Парижа о том, что некоторые хорошо ему знакомые русские эмигранты ищут сближения с советскими представителями, а то и просто пошли к «советам» на поклон. Об этом (как и о сотрудничестве с нацистами других — а то и тех же самых русских эмигрантов) писал в Нью-Йорк свояк Алданова Я. Б. Полонский, доходила отрывочная и не всегда достоверная информация и по другим каналам. 6 марта 1945 года Алданов писал Керенскому:

В Париже, по-моему, происходит, и с каждым днем будет усиливаться развал политической эмиграции. Ее в самом деле уже больше нет: осталась только колония. За успех люди всегда всем прощали все. А теперь, по-видимому, и Бильянкур, и идейные вожди вроде Одинца... окрылены надеждами: амнистия, служба, места, милости, тридцать пять тысяч курьеров в полпредство и обратно. Думаю, что для громадного большинства ни одна из этих надежд не оправдается, и корыто будет разбито во второй раз, — «красная мечта» вслед за «белой мечтой». Кроме того, отношения между де Голлем и коммунистами портятся. Идейные вожди могут немного испугаться: они ссориться с властями не любят¹.

¹ Алданов М. А. — Керенскому А. Ф. 6 марта 1945 // BAR. Aldanov. Box 5.

Относительно судьбы Франции, ставшей его второй родиной, Алданов был умеренно оптимистичен:

Коммунисты были бы во Франции всемогущи, если бы Сталин хотел и мог им помогать по-настоящему. Но в Ялте как будто принято решение, что Западную Германию будут занимать английские и американские войска. Если так, то «сосредоточение войск на границе» для подкрепления политических требований в данном случае в ближайшие годы окажется невозможным. Своими же силами французские коммунисты едва ли придут к власти. Это подает мне надежду, что, быть может, удастся закончить свои дни в Париже: на Петербург я больше, к большому своему горю, ни малейшей надежды не имею¹.

Буквально на следующий день после написания этого письма, 7 марта 1945 года, в «Новом русском слове» появилась корреспонденция из Парижа, повергшая Алданова и его единомышленников в шок. В ней сообщалось, что группа русских эмигрантов посетила советское посольство в Париже. Дело было не столько в самом факте «визита», сколько в составе группы: половина людей, поднявших в советском посольстве бокалы за здоровье маршала Сталина, были друзьями или однопартийцами Алданова.

Альперин и Титов были, как и Алданов, народными социалистами. С Маклаковым он был на дружеской ноге. В число достаточно близких к нему людей входил Тер-Погосян. Почти все «штатские» были масонами, входившими в те же ложи, что и Алданов. Возможно, по совокупности этих обстоятельств, а также по свойственной ему дипломатичности Алданову пришлось сыграть, пожалуй, ключевую роль в «выяснении отношений» с участниками «визита». Заметим, что эмигрантская политика далеко не всегда была публичной, отчасти ввиду отсутствия печатных «площадей» для обсуждения тех или иных насущных вопросов, отчасти в связи с нежеланием предавать огласке существующие разногласия или, по выражению Маклакова, «еретические мысли». Переписка играла огромную роль в жизни российских интеллектуалов, в архивах сохранились многие тысячи писем; многие из них скорее напоминают политические или историософские

---

¹ Там же.

трактаты, а по откровенности и литературной отточенности нередко превосходят опубликованные ими же тексты на те же темы. Исследователи творчества Алданова, вероятно, были бы удивлены, узнав, какие тонкости эмигрантской и «общей» политики обсуждал автор «Истоков» в своей обширной переписке с Маклаковым и насколько он был информированным в этом отношении человеком. Впрочем, это в большей степени относится ко времени холодной войны. Пока же вернемся в 1945 год.

Эффект, произведенный визитом в среде русской эмиграции, трудно переоценить. Под свежим впечатлением от сообщения о визите В. В. Набоков отправил В. М. Зензинову текст, который тот не без оснований назвал стихотворением в прозе. «Стихотворение в прозе» оказалось, правда, совсем не лирическим:

В историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а-ля фуршет в Париже.

Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет.

И вот, выслушав ответную речь, в которой нам сказали, что вас-де, плюгавых подлюг, Советский Союз знать не знает (и поучитесь-ка у Киргизов — а там видно будет), мы закусили грибочками в сметане.

Остается набросать квалификацию эмиграции.

Я различаю пять главных разрядов.

1. Люди обывательского толка, которые невзлюбили большевиков за то, что те у них отобрали землю, денежки, двенадцать ильфпетровских стульев.

2. Люди, мечтающие о погромах и румянном царе. Эти обретаются теперь с советами, считаю, что чуют в советском союзе Советский союз русского народа.

3. Дураки.

4. Люди, которые попали за границу по инерции, пошляки и карьеристы, которые преследуют только свою выгоду и служат с легким сердцем любым господам.

5. Люди порядочные и свободолюбивые, старая гвардия русской интеллигенции, которая непоколебимо презирает насилие над словом, над мыслью, над правдой¹.

«Как можно не видеть того, — с гневом писал Борису Николаевскому самый «твердокаменный» из эсеров, Марк Вишняк, — что ДО визита Маклакова... русская эмиграция, плохо ли, хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие их кучки — „тройки“ и „десятки“, — которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают. Нет сейчас наглеца и профитера, который не мог бы опспорить Вас, опершись на авторитет Маклакова»².

Визит, так же как вопрос об отношении к Советскому Союзу в свете той роли, которую он сыграл в разгроме нацизма, и тех изменений, которые произошли в стране в годы войны, породил ряд статей на страницах эмигрантской печати и необыкновенно интенсивную переписку. Переписка по этому поводу могла бы составить объемистый том. Среди тех, кто активно участвовал в эпистолярной дискуссии, были А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, М. В. Вишняк, Б. И. Николаевский, Б. И. Элькин, А. А. Гольденвейзер, Е. В. Саблин, Н. А. Саблина, А. А. Титов, С. П. Мельгунов и др. В общем, едва ли не вся пишущая элита либерально-демократического крыла русской эмиграции.

23 марта 1945 года Маклаков вновь встречался с Богомоловым по приглашению посла. Содержание их разговора, разумеется, в собственной интерпретации, Богомолов изложил в письме к заместителю министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозову. Нам не удалось обнаружить каких-либо записей, сделанных о беседе Маклаковым. Впрочем, ничего нового Маклаков послу не сказал; интерес представляет прежде всего восприятие того, что говорил глава Эмигрантского комитета, его собеседником. А также оценка послом положения дел в среде русской эмиграции.

¹ Набоков В. В. — Зензинову В. М. 17 марта 1945 // В. В. Набоков. Pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 78 (публикация Г. Б. Глушанок).

² Вишняк М. В. — Николаевскому Б. И. 10 августа 1945 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 506–35.

Среди прочего Богомоллов писал, что Маклаков «чисто провокаторски» намекает, будто в среде «советских патриотов» имеются люди, сотрудничавшие с немцами. Поэтому он не согласен ни принять на себя звание «советского патриота», ни войти в прямой контакт с этой организацией¹. «Эмиграция не пойдет за „Союзом Советских патриотов“, — воспроизводил посол слова Маклакова, — она пойдет за тем комитетом, который я организую, как „Комитет сближения с Советской Россией“. Маклаков хочет создать такой комитет и заявляет, что наряду с этим комитетом восстанавливается и милюковская газета „Последние новости“ под названием „Русские новости“. Маклаков говорит, что никогда не разделял взглядов Милюкова, но поворот Милюкова в сторону Советской России в годы германо-советской войны он одобряет и разделяет»².

В случае с «поворотом» Милюкова имелась в виду его предсмертная статья «Правда большевизма»; вскоре Богомоллов отправил своему шефу для ознакомления копию статьи, присланную Ступницким³. Оценивая же ее содержание, посол подчеркнул, что автор статьи остался антибольшевиком и что «если взять статью как историко-политическую статью, то это дикий бред и, очевидно, враждебная СССР концепция, но и в этом случае следует отметить тенденции поворота к признанию Советского Союза и к отказу от борьбы с ним»⁴.

В заключение Богомоллов дал свою классификацию различных групп эмиграции исходя из их отношения к СССР. Около 5–10% составляли правые, то есть «твердолобые монархисты», которые

¹ Среди новоявленных «советских патриотов» действительно были люди, ранее сотрудничавшие с немцами, например известный литератор Л. Д. Любимов. Своего мнения о том, что среди «патриотов» было немалое число лиц, запятнавших себя неблагоприятными политическими или коммерческими делами, Маклаков не скрывал. Он писал, в частности, Алданову: «Появились „патриоты“, отчасти от Резистанс, а отчасти из германофилов, которые под этим флагом скрывали свое германофильство и нажитые ими деньги; они побежали к Богомоллову, оплевали прошлое эмиграции, словом, повели себя, как ренегаты» (Маклаков В. А. — Алданову М. А. 25 мая 1945 // «Права человека и империи». С. 105).

² Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сборник документов в двух книгах. М., 1998. Кн. 2. С. 582–583.

³ Чему свидетели мы были... С. 589–601.

⁴ Из письма посла СССР во Франции... С. 583.

даже для эмигрантов представляют собою касту одичалых зубров, безнадежных и бесполезных... Около 5–10% фашистов национал-социалистического толка или лиц, безнадежно замаранных сотрудничеством с немцами. Эти люди объаты страхом и готовы сейчас продать себя любой разведке, чтобы только избежать ответственности за свои действия...

Третьей группировкой, от 5 до 10%, являются антинемецкие «нейтралы», то есть эмигранты, которые считают, что СССР был и остается врагом эмигрантов, но бороться с СССР пока не следует, так как нельзя не признать заслуг СССР в борьбе с немцами и освобождении Европы от угрозы немецкого господства. Сюда относятся умеренные из числа правых, то есть люди типа Деникина и часть членов «Общевойнского союза»...

Четвертой группой являются милюковцы и маклаковцы — эта группа охватывает от 20 до 30% эмиграции и включает в себя наиболее активных эмигрантских политических деятелей. Сюда входят Маклаков, Ступницкий, Татаринов, Роговский и ряд других. К ним легко присоединятся эмигрантские литераторы, то есть Бунин, Тэффи и др.

Это наиболее политически подготовленная и, безусловно, наиболее политиканствующая группа эмиграции. Сюда подходят и люди вроде Бердяева, митрополита Евлогия, писателя Рощина и других¹.

24 марта 1945 года состоялось учредительное собрание группы, назвавшей себя Объединением русской эмиграции для сближения с Советской Россией. На собрании с докладом выступил Альперин, избранный председателем Объединения. Почетным председателем был избран Маклаков. Наряду с повторением и разъяснением основных положений, содержащихся в программной листовке, Альперин, не называя его по имени, продолжил полемику с советским послом. «Теперь говорят о разных патриотизмах, — сказал он, не поясняя, кто и где говорит, — о патриотизме русском, о патриотизме советском; но тогда, в начале войны, никаких таких подразделений не было, как не было их во все тяжкие и ответственные моменты истории нашей страны. Патриотизм Минина и Пожарского был просто патриотизм, без прилагательных. В 1812 году русский

¹ Там же. С. 583–584.

народ пошел на француза не для того, чтобы защищать свой строй, рабовладельческий строй, а вопреки посулам Наполеона, обещавшего крестьянам свободу», — приводил прозрачную аналогию Альперин. «Мы знаем также случаи патриотизма не родины, а только ее строя. В. А. Маклакову случилось недавно цитировать Константина Леонтьева: „На что мне Россия без самодержавия и православия...“»¹

Альперин вновь не уточнял, где были произнесены эти слова Маклакова; однако было очевидно, что речь шла не о монархистах, а о тех, для кого Россия могла быть только советской. Кроме победы в войне, еще одна причина заставила членов новоиспеченного, точнее, свеженазванного Объединения пересмотреть свое отношение к советской власти. «Какова бы ни была уплаченная за это цена, но Россия пошла по пути нового социального устройства». В результате войны в ряде стран Европы также ставился вопрос о более справедливом социальном устройстве. Таким образом, «другие страны теперь только ставят себе задачи, которые давно уже, худо или хорошо, проводит советская Россия»².

Вопрос заключался в степени этого «худо или хорошо». Почитали бы рассуждения Альперина советские колхозники!

Пока же Альперин закончил свой доклад на оптимистической ноте: «Суждено или не суждено нам вернуться на родину, но с той высоты, на которую вознесла сейчас мир история, мы видим, что страна наша жива, что дух ее крепок, что, покрытая военной славой, она, раньше или позже, выкует свое свободное будущее»³.

Год спустя М. М. Тер-Погосян вынужден был признать крах надежд, которые привели к созданию Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией:

Чаяния русского народа на раскрепощение после войны не оправдались — в этом весь вопрос. В политике теперешней России есть лейтмотив: идеологическое наступление, занятие форпостов для последней

¹ Доклад, сделанный А. С. Альпериним в учредительном собрании членов Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией. Париж, 24 марта 1945 // НИА. Maklakov. 20–2.

² Там же.

³ Там же.

битвы тоталитаризма с демократией. Рядом с ним имеются и сопутствующие явления в виде осуществления вполне законных интересов России в Персии, Дарданеллах и т. д. Говорить поэтому о русском империализме значит бить по народу, а не по правительству. Но достижение законных интересов не должно закрывать от нас неприемлемого лейтмотива. Величайшие жертвы, принесенные русским народом, оказались напрасными. Об этом надо говорить, хотя и крайне осторожно¹.

Однако оговорки о защите советской властью «попутно» национальных интересов России не могли скрыть главного — никакой эволюции советской власти не наблюдалось; следовательно, не было никакой почвы и для сближения с ней. Да и сама власть потеряла интерес к тем эмигрантам, которые пытались «ставить ей условия». Посольству вполне хватало сторонников «Советского патриота» или, на худой конец, «Русских новостей», все больше терявших какое-либо отличие от последнего. Таким образом, цели группы оказались вполне идеалистичными и недостижимыми. Хотя об официальном ее роспуске объявлено не было, фактически она перестала существовать. Точнее, группа единомышленников продолжала время от времени собираться, но совсем не для того, чтобы искать пути сближения с Советской Россией.

Маклаков понял свою ошибку еще раньше, однако не считал необходимым объясняться публично и тем более каяться. Повидимому, письмо Григоровичу-Барскому осталось единственным опубликованным при жизни Маклакова документом, в котором он попытался не только довести до сведения общественности основные положения своей речи в посольстве, но и дать краткую интерпретацию происшедшего. «Об этом посещении было много толков и легенд, — писал Маклаков. — Наша группа была известна, выпустила несколько листовок, эмиграция знала, что Богомолов раньше выражал желание с нами встретиться, что „Патриот“ нас к себе приглашал, но мы идти с ними не хотели; словом, посещение нами Богомолова никого не удивило. Дело к этому шло, и большого значения это иметь

---

¹ Из протокола заседания правления Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией. 15 марта 1946 // НИА. Maklakov. 20–4.

не могло»¹. Маклаков явно лукавил, стремясь преуменьшить значение «визита».

Разъясняя еще раз особенность позиции его группы по сравнению с другими кругами эмиграции, он писал:

Здесь есть люди, которые нам не сочувствуют; их много, но авторитет их невелик, больше потому, что среди них либо только фантасты, которые ждут «падения власти», «революции в России», или люди, которые ставят ставку на разлад России с «союзниками». Те, кто здесь пережили оккупацию и помнят, что наша судьба зависела от успеха Советской России, — те так рассуждать больше не могут. Но превозносить советский режим, как режим свободы и права, как это делает Одиноц, значит быть «ренегатом», а не «ралье» (примкнувшим. — О. Б.). Мы от прошлого не отрекаемся и не думаем, чтобы это было кому-нибудь нужно. Но поэтому в нашей позиции и нет повода для сенсаций².

В письме Алданову, предназначенному, конечно, не только ему лично, но и всем лично и политически близким Маклакову людям, оказавшимся в США и, глядя издалека, в более или менее жесткой форме осудившим «визит», он указывал на то, что «сближение» было «достаточно спонтанным и общим движением».

И поэтому я считаю, что у Вас вообще подняли много шума по пустякам, и что иначе поступить было нельзя; нельзя было оставлять эмиграцию при деникинской [программе], с призывом продолжать прежнюю борьбу, или при патриотах, которые писали: «да будет благословенна Октябрьская революция». И если я себя отнюдь не чувствую героем, то не могу считать и преступником³.

Визит в советское посольство, конечно, не был «пустяком», каким его пытался представить задним числом Маклаков. Его цитированное выше письмо Алданову датировано 25 мая 1945 года. В этот же день в «Русских новостях» вышла статья

¹ В. А. Маклаков о своем визите в советское посольство // Новое русское слово. 1945. 23 июля.

² Там же.

³ Маклаков — Алданову. 25 мая 1945 // «Права человека и империи». С. 106.

Маклакова «Советская власть и эмиграция»¹, в которой он отчетливо и публично отмежевался от тех, кто в упоении от возрождения Российского государства был готов закрыть глаза на сущность власти, которая это осуществила. Маклаков объяснил, почему он признал советскую власть «национальной» и при каких условиях он готов и далее эту власть поддерживать. Ключевым моментом для него, как и всегда, было соблюдение прав человека и, следовательно, законодательные гарантии этих прав. Это публичное исповедание веры ясно показало, что «роман» Маклакова с советской властью близится к концу.

Он по-прежнему считал пребывание в эмиграции необходимою; однако если раньше эмиграция была протестом против разрушения большевиками Российского государства и миссия эмиграции заключалась в сохранении самой идеи России и русской культуры в противовес большевистскому интернационализму, то теперь ситуация изменилась. Большевики государство воссоздали:

Через 25 лет тяжелого испытания Россия оказалась более богатой и сильной, более просвещенной и сплоченной, чем она раньше была, и народ эту власть стал поддерживать, к удивлению и огорчению многих. Война с Германией только завершила этот процесс. Эмиграция в нем была ни при чем. Это нормально. Только «фактическая» власть может представлять государственные интересы страны. Вмешательство эмиграции могло ей быть в этом помехой. От претензии «самостоятельно» защищать Россию, как *государство*, она должна теперь отказаться².

Теперь смысл существования эмиграции изменился: «Эмиграция, которой было не по силам представлять государство, как *целое*, оказывалась на месте, как представительница „интересов“ и „прав“ человека. Она — всегда крайний *протест* против нарушения их государством». Эмиграции нет в демократических государствах. Она появлялась при установлении тоталитарных режимов в Италии, Германии, Испании. «Она была постоянным явлением в самодержавной и вновь возникла в Советской России.

¹ Русские новости. 1945. 25 мая.

² Маклаков В. Советская власть и эмиграция.

Всякая эмиграция знаменует какой-то дефект в государстве, как температура болезненный процесс в организме». Отдавая должное большевикам, возродившим российскую государственность, Маклаков в то же время писал, что «неограниченность государственной власти, устранение тех, кто против нее себя защищал, оказались главным устоем, на котором было построено новое государство. Оно представило поэтому сочетание реформаторской смелости с тем государственным гнетом, с которым раньше всегда боролась свободолюбивая наша общественность»¹.

Осуждая, как всегда, деятелей Февральской революции, не сумевших соблюсти баланс между правами человека и правами государства, что привело к разрушению российской государственности, Маклаков напоминал, что Октябрьскую революцию не без оснований называли контрреволюцией. С точки зрения соблюдения прав человека это был гигантский шаг назад.

Очевидно, что изложенные выше рассуждения Маклакова определяли, что его «примирение» с советской властью было на самом деле невозможно, а также обозначили рубеж, отделявший его от просоветски настроенных кругов эмиграции. Не случайно редакция «Русских новостей», очевидно финансировавшихся посольством и вскоре принявших откровенно просоветский характер, сочла необходимым снабдить статью Маклакова предисловием. В предисловии говорилось, что его статья «пропитана вся идеями политического индивидуализма и либерализма, поборником которых автор был с самых студенческих лет, за которые он сражался в России во время самодержавия и как член Государственной Думы, и которым он остается верен до конца»².

Редакция снисходительно поучала престарелого либерала:

Между тем, ставить сейчас проблему о взаимоотношениях личности и государства в духе идей политического либерализма 19-го века, это значит закрывать глаза на эволюцию современного государства. Жизнь ушла вперед и выдвинула новые формулы и решения. Самый вопрос осложнился. Наряду с проблемой защиты прав ЧЕЛОВЕКА, возникла

¹ Маклаков В. Советская власть и эмиграция.

² Русские новости. 1945. 25 мая.

проблема защиты прав уже не ЛИЧНОСТИ, а социальных и экономических ГРУПП. Самый вопрос о взаимоотношениях государства и личности стал ставиться не только как «антиномия» этих двух начал, но и в плоскости их солидарности и согласования их интересов.

В подтверждение этих слов редакция ссылалась на «официальную советскую доктрину», гласящую, что «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется и не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов»¹.

Газета начинала оправдывать беспощадную характеристику, которую позднее ей дал Дон-Аминадо:

«Русские новости» 45-го года, бесцеремонно провозгласившие себя идейными продолжателями «Последних новостей», поклонившиеся до земли, распластавшиеся, расплющившиеся в лепешку перед гениальным Сталиным, наводнившие столбцы безоговорочно-советского листка статьями возрожденского молодца и немецкого наймита Льва Любимова и фельетонами ухаря-перебежчика Николая Рощина, — и все это под редакцией Ступницкого, и при директоре-распорядителе, ученом агрономе Волкове, да при благосклонном участии, — правда, только поначалу, — потом многие сообразили и одумались, — многих иных, именитых и знаменитых... до всего этого, благодарение судьбе, Милюков не дожил².

Если для новообретенных поклонников советского строя защита прав личности отступала на второй план по сравнению с интересами «групп населения», то Маклаков, напротив, полагал, что «вопрос, как современное государство должно защищать „права человека“, как в этой антиномии установить приемлемое для всех равновесие, есть основная проблема государственной жизни со времен древних республик до

¹ Там же.

² Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. С. 299.

современного кризиса». Ключевым моментом он считал даже не объем прав человека, а гарантии от *произвольного* их нарушения. «И рабы в старину могли быть сыты и быть этим довольны, но, поскольку их сытость зависела от „воли“ и от „милости“, будь то богатых и сильных господ, будь то представителей государственной власти, они оставались рабами, которые прав не имели и потому не имели защиты». Аналогия была достаточно прозрачной.

Однако Маклаков исходил из предположения, что целью советской власти не является все же воспитание «рабов». Иначе зачем она вспомнила о правах человека в конституции 1936 года? «Зачем же тогда эта власть кладет так много усилий на распространение просвещения в народных низах?» Василий Алексеевич все-таки оставался неисправимым «законником». Он выискивал в советской системе ростки нового, подчас весьма наивно. Так, он полагал, что местные Советы могли бы стать школой самоуправления, подобно земству. Впрочем, возможно, это был его традиционный прием — стать поначалу на точку зрения противника, чтобы затем незаметно обратить его в свою веру. По отношению к советской власти он пытался проводить (вполне теоретически) меры, которые, по излюбленному им выражению П. Б. Струве, должны были повести к «оздоровлению власти». Он считал, что надо «не разрушать созданное с трудом государство, а пренебреженные „права человека“ защищать в рамках его».

В то же время Маклаков точно определил сердцевину советской системы, указав, что в ней находится «партия, та единственная, привилегированная партия, которую изобрела Советская Россия и которая уже после нее перешла в другие тоталитарные государства. Здесь был опасный соблазн для создания аристократии, требующей повиновения. Это самый уязвимый пункт советской системы; в этот интересный вопрос, — решил все-таки ограничить себя Маклаков, — во всей полноте я входить не могу».

Признавая, правда, в значительной степени гипотетически, эволюцию советской власти в сторону большего соблюдения прав человека, Маклаков относительно темпов этой эволюции иллюзий не строил.

Признавая новый строй, как он сложился в России, не покушаясь его отрицать, эмиграции со стороны гораздо виднее, что в его жизни нарушает правильное соотношение — государства и личности и в какой мере государство чужие «права» уважает. Эмиграции нужно только оставаться собой. Она изменит своему назначению, если перестанет чувствовать себя частью России и не *решился* «печаловаться» за положение в ней «человека»¹.

Советской власти такие «печальники» были не нужны; неудивительно, что отношение к Маклакову в посольстве быстро стало прохладным. После появления статьи контакты советских дипломатов с Маклаковым прекратились. «Они, по глупости, сочли ее вызовом», — писал позднее Василий Алексеевич Е. В. Саблину². В данном случае Маклаков явно недооценил советских дипломатов. Его статью они сочли вызовом совершенно справедливо, как бы субъективно ни расценивал ее сам автор.

П. А. Берлин писал 20 мая 1945 года из Парижа Б. И. Николаевскому в Нью-Йорк об участниках «визита», что среди них «крупный политический человек только Маклаков, но он сдал за эти крошечные четыре года, оглушающее действие которых трудно преувеличить. Да он и всегда отличался безволием и о нем теперь еще более, чем когда-либо, можно сказать словами мужика у Успенского — „хороший барин, но без твердости безо всякой“»³.

Через пять дней «барин» проявил твердость, опубликовав свой «манифест» в «Русских новостях».

Поздней весной и в начале лета 1945 года Маклаков и люди, разделявшие его надежды и иллюзии, начинают более реалистично оценивать положение в Советской России и намерения советской власти. «Пришлось мне видеть нескольких здешних красноармейцев, попавших в плен, когда союзники высадились в Нормандии, — писал Маклакову Саблин. — Народ приятный, но по совести не могу сказать, чтобы уезжали на родину

¹ Маклаков В. А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая.

² Маклаков В. А. — Саблину Е. В. 27 апреля 1946 // НИА. Maklakov. 12–1.

³ Берлин П. А. — Николаевскому Б. И. 20 мая 1945 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box I-A.

с энтузиазмом»¹. «Мое бюро не знает отбою от советских людей, которые умоляют их перевести в беженцы, — откликнулся Маклаков. — Еще больше таких, которые к нам с этим не обращаются. Словом, в то время, как значительная часть эмиграции стремится туда, тамошние оттуда бегут»². Надо ли говорить, что это явно противоречило представлениям Маклакова об «эволюции» советской власти.

Очевидно, что попасть в плен при высадке союзников в Нормандии могли красноармейцы (точнее, бывшие красноармейцы), служившие или, скорее всего, выполнявшие вспомогательные работы в вермахте (так называемые «добровольные помощники» или хиви). Понятно, что на родину им совсем не хотелось. Однако принцип обязательного возвращения в СССР, независимо от желания или нежелания самих людей, распространялся на всех советских граждан, оказавшихся в ходе войны за его пределами. Соглашения об этом были подписаны СССР, США и Великобританией в феврале 1945 года в ходе Крымской (Ялтинской) конференции. Позднее аналогичные соглашения были подписаны СССР и с другими странами. Подавляющее большинство советских граждан (военнопленных, остарбайтеров, коллаборационистов) находилось на территории Германии и Австрии, однако немало их оказалось и в Великобритании, существенно больше — во Франции. В конце 1944 года во Франции было около 94 тыс. советских граждан — военнослужащих вермахта, остарбайтеров (в основном на территории Эльзаса и Лотарингии), военнопленных, включая бежавших из мест заключения и примкнувших к партизанам или даже вступивших в армию генерала де Голля. Особую группу составляли женщины, вышедшие замуж за французов. Во Францию была направлена специальная группа представителей Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации в составе 49 человек во главе с генерал-майором В. М. Драгуном, приступившая к работе 10 ноября 1944 года³.

Саблину пришлось убедиться в том, что советская власть от своих прежних принципов отступить не склонна, на примере

¹ Саблин Е. В. — Маклакову В. А. 29 мая 1945 // НИА. Maklakov. 11–30.

² Маклаков В. А. — Саблину Е. В. 11 июня 1945 // Там же.

³ Арзамаскин Ю. Н. Тайны советской репатриации. М., 2015. С. 71, 74.

родного брата. В августе он получил письмо от своей невестки из Бухареста, в котором та сообщала, что еще 28 декабря 1944 года на квартиру к брату Е. В. Саблина, Николаю, явились «чины НКВД при Красной армии и увезли его в неизвестном направлении». «Иначе говоря, — вполне логично заключал Саблин, — в направлении нашего любезного отечества. С тех пор он пропал без вести... Брат мой давно уже стал румынским подданным и стоял во главе одной из румынских типографий... Все это очень прискорбно, в особенности если принять во внимание возраст моего брата — 65 — и болезненное состояние. Он прослужил всю свою жизнь на императорской яхте „Штандарт“. Политикой не занимался, хотя я вполне допускаю, что он и грошил большевиков»¹.

На самом деле Николай Саблин политикой, хотя и довольно давно и не слишком активно, занимался: редактировал выходившую в Бухаресте в 1933 году «беспартийную» эмигрантскую газету «Голос Бухареста». К тому же за ним числился еще один грех: в годы Гражданской войны он служил у красных в Балтийском флоте и в 1920 году бежал в Румынию. Почему Николай Саблин не предпринял попытки скрыться, неизвестно. Возможно, надеялся, что «дела минувших дней» забыты, к тому же, учитывая его совсем не юный возраст, полагал, что вряд ли представляет интерес для советских спецслужб. Однако его вывезли в СССР, и 1 декабря 1945 года Особое совещание НКВД приговорило его за «измену родине» к заключению в лагере на 20 лет.

Н. В. Саблин отбывал срок Карагандинской области. В 1954 году его освободили досрочно по болезни и 15 мая 1955 года передали представителям Румынии. Однако 18 марта 1958 года на 78-м году жизни Саблин был арестован румынскими властями и приговорен к 28 годам заключения за «государственную измену» и «деятельность против общественного строя». 20 января 1962 года Николай Саблин умер в румынской тюрьме².

Дебаты по поводу «визита», а главное, об отношении к советской власти велись, в основном в эпистолярной форме, еще

¹ Саблин Е. В. — Маклакову В. А. 26 августа 1945 // НИА. Maklakov. 11–31.

² Павлова Т. Ф. Николай Саблин. Десять лет на императорской яхте «Штандарт» // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 102–106.

несколько месяцев. Впрочем, споры об отношении к советской власти и о ее способности к эволюции продолжались в эмиграции вплоть до конца этой власти. Переписка могла бы составить увесистый и весьма любопытный том. Приведу некоторые довольно верные соображения, высказанные знаменитым архивистом и «кремленологом» Борисом Николаевским в письме к Маклакову от 4 июля 1945 года. Комментируя статью Маклакова в «Русских новостях», Николаевский писал:

Вы правильно подмечаете слабое место Ваших собственных построений: роль компартии, — но Вы утешаете себя и др. замечанием о том, что партия есть подчиненный элемент государственной власти. Это неправильно: государство, вот кто играет подчиненную роль в этих взаимоотношениях. Партия создает власть в государстве, партия назначает всех ответственных работников госуд[арственного] аппарата, партия контролирует этот аппарат на каждом шагу. Госуд[арственный] аппарат насилия целиком в руках партии и проводит задачи, поставленные последнею¹.

Николаевский признавал, что в Советской России происходят сложные социальные процессы; несомненно, в стране масса недовольных. «Но несомненно также, что аппарат со Сталиным во главе, — совершенно точно замечал Николаевский, — никаких уступок не делает, власть из рук даже в небольшой части не выпускает; наоборот, мы здесь имеем совершенно точные указания на подготовку к дальнейшему закреплению режима. Внешняя политика великодержавности одно из средств отвлечения внимания некоторых слоев от проблем внутреннего преобразования»².

В этом же письме Николаевский походя высказал весьма любопытные соображения о внешней политике Сталина. Он считал, что понять ее можно «лишь подходя к ней с мерками Данилевского, К. Леонтьева и Хаусхофера».

Если правильно было определение Ленина, как «Маркс, исправленный на Бакунина», то еще более правильно, что Сталин, это Ленин,

¹ Николаевский Б. И. — Маклакову В. А. 4 июля 1945 // НИА. Maklakov. 11–3.

² Там же.

исправленный на Леонтьева и Хаусхофера: социальные процессы он берет не под углом формирования движения масс, а формирования новой элиты, — элиты госхозяйственного тоталитарного государства, а революции стремится проводить сверху, силами вооруженных и по-военному дисциплинированных армий¹.

Год спустя после посещения советского посольства Маклаков констатировал: «Линия советов пошла иначе, чем мы все надеялись, это всем ясно. Ясно и то, что соответственно этому меняются и наши к ним отношения. Но т.к. все это еще в состоянии перемен, и в неустойчивом равновесии, то нет надобности занимать публику рассказами о своих переживаниях»².

Иными словами, Маклаков не собирался делать каких-либо заявлений относительно разочарования в возможности примирения с советской властью и, соответственно, об ошибочности своих надежд и бесполезности визита в советское посольство.

Постепенно эта история стала забываться. Реанимировало интерес эмигрантской общественности к «визиту» дело невозвращенца В. А. Кравченко, выпустившего ставшую сенсацией книгу «Я выбираю свободу» и обвиненного французскими коммунистами в клевете на Советский Союз. Дело дошло до суда, и на процессе, проходившем в Париже в 1949 году и привлечшем внимание всего мира, адвокат Блюммель, представлявший интересы французской компартии, в качестве доказательства клеветнического характера книги Кравченко сослался на посещение эмигрантами в феврале 1945 года советского посольства. Это, по мнению адвоката, служило признанием того хорошего, что сделала советская власть, и, соответственно, косвенным доказательством несправедливости разоблачений Кравченко в отношении этой власти.

Один из редакторов парижской «Русской мысли», в то время придерживавшейся правой ориентации, В. А. Лазаревский предложил Маклакову выступить со статьей или письмом в редакцию на страницах газеты по поводу заявления Блюммеля и дезавуировать свои высказывания четырехлетней давности.

---

¹ Там же.

² Маклаков В. А. — Саблину Е. В. 26 февраля 1946 // НИА. Maklakov. 12–1.

Маклаков объяснил причины своего отказа:

Ведь Вы знаете сами, что на прежней позиции, кроме Ступницкого, из нас никто не стоит. Надежда, что после войны Советы изменят политику, оказались ошибкой, которую мы разделили с Черчиллем и Рузвельтом. Ваши единомышленники в этом были дальновиднее нас. Но если я не упорствую в этой ошибке, и могу о ней даже жалеть, то за нее не краснею, т. к. никаких недостойных причин она не имела. Поэтому я отказываюсь приносить в ней покаяние; кроме того, каяться можно близким друзьям, духовнику, а не публике через газеты¹.

Маклаков предложил Лазаревскому, чтобы кто-либо из корреспондентов газеты взял интервью у председателя Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией А. С. Альперина, который, соответственно, высказался бы по поводу слов Блюммеля, а заодно и разъяснил настоящий смысл «хождения», так же как нынешнее отношение к этому эпизоду его участников. Альперин проект интервью подготовил, однако интервьюер не явился, а вместо интервью в «Русской мысли» появилась статья, имевшая, по словам Альперина, «характер не столько запроса, сколько допроса». В результате текст интервью Альперина, вместе с его письмом А. Ф. Керенскому, разъясняющим обстоятельства появления интервью, был опубликован 17 июля 1949 года в нью-йоркском «Новом русском слове» под заглавием «Еще не поздно». Ровно месяц спустя, 17 августа, интервью было перепечатано в «Русской мысли», положив конец публичному «выяснению отношений».

Альперин заявил: «...то хорошее, что советская власть стремилась ввести в России, проводилось ею такими приемами, что тонуло в массе худшего зла. Потому начиная с октября 1917 г. к политике советской власти мы относились с безусловным и безнадежным осуждением». Исключение составил период войны, когда советская власть пошла на союз с демократиями Запада и сделала, как казалось издалека, некоторые уступки, хотя бы и вынужденные. На этой почве возникла идея о дальнейшей эволюции советской власти. «Нам казалось, — пояснял

¹ Маклаков В. А. — Лазаревскому В. А. 16 июня [1949] // НИА. Maklakov. 21–5.

Альперин, — что мы переживаем глубочайший исторический момент, когда является шанс на выздоровление всего мира и на возвращение русского народа на путь демократий. Для того, чтобы можно было идти этим путем, нужно было содействовать устранению того, что в прошлом нас разделяло, и могло в дальнейшем мешать взаимному пониманию»¹.

Для этого и было создано Объединение; правда, признавал-ся Альперин, деятельность Объединения была фактически прекращена, едва начавшись, ибо «тотчас по окончании военных действий все становилось яснее, что советская власть не желает эволюции, а возвращается к тактике угнетения народа и насилию над всей жизнью страны. С такой властью, при таких ее приемах, контакта быть не могло... Мы, конечно, в наших ожиданиях обманулись, как сами народы России обмануты были в своих. Едва ли кто-нибудь может этого теперь не понимать»².

Таким образом, «инцидент» был окончательно исчерпан. Что же касается попытки примирения, то задним числом очевидно, что она была обречена на провал. Косметические изменения, на которые вынуждена была пойти советская власть в годы войны, некоторые эмигранты приняли за существенные, за начало долгожданной эволюции, «нормализации». В этом они были не одиноки, и речь не только об эмигрантах: на перемены после победоносной войны рассчитывали и советские люди. Эти надежды довольно быстро рассеялись: коммунистический режим, а если точнее — Сталин, вовсе не собирался меняться. Первые робкие признаки «эволюции» стали заметны лишь после его смерти³, и в конечном счете преодоление изрядно полинявшего большевизма произошло изнутри и именно таким путем, который предвидел Василий Маклаков и некоторые другие эмигранты его поколения. Но это произошло уже за пределами их биологического существования.

¹ Еще не поздно // Русская мысль. 1949. 17 августа.

² Там же.

³ Будницкий О. В. После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // Родина. 2012. № 7. С. 17–22.

«ДЕЛО» НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ¹

«Более чем девяносто два года жизни отпустил Господь на земле Нине Николаевне Берберовой именно для того, чтобы она написала „эту книгу“ — „Курсив мой“», — писал Евгений Витковский, автор предисловия к лучшему изданию «Курсива», выпущенному «Согласием» в 1996 году. — Не напиши она „этой книги“ — жизнь была бы не выкуплена у Бога, никакими беллетризованными биографиями, второстепенными стихами, „малой прозой“ а-ля парижский Зоценко и даже несколькими исследованиями русского масонства. К счастью, книга написана и известна всему миру» (с. 7 — здесь и далее в скобках ссылка на издание: *Берберова Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е. В. Витковского. М.: Согласие, 1996*).

Насчет «всего мира» — бог вещь, но вот то, что именно «Курсив» стал главной книгой Берберовой и обусловил моду на «все берберовское» в России, — бесспорно. Вряд ли кто-нибудь будет также спорить, что успех книги вызван в значительной степени (если не сказать — прежде всего) ее скандальным характером. «Такого» Бунина или, к примеру, Андрея Белого явила миру только Берберова. Берберова «обезопасила» себя от упреков в чрезмерном (даже для мемуаров) субъективизме, без обиняков заявив:

Я пишу сагу о своей жизни, о себе самой, в которой я вольна делать, что хочу, открывать тайны и хранить их для себя, говорить о себе, говорить о других, не говорить ни о чем, остановиться на любой точке... Я беру на себя одну всю ответственность за шестьсот написанных страниц и за шестьсот ненаписанных, за все признания, за все умолчания. За речь и за паузы. Все, что здесь пишется, пишется по двум законам, которые я признала и которым я следую: первый: раскрой себя до конца, и второй: утай свою жизнь для себя одной (с. 432–433).

---

¹ Новое литературное обозрение. 1999. № 5 (39). С. 141–173.

Напомню, *пунктиром*, основные «формальные» вехи жизни Нины Николаевны Берберовой (1901–1993). В 1922 году опубликовала первое стихотворение; в том же году уехала из России вместе со своим тогдашним мужем В. Ф. Ходасевичем и после скитаний по различным европейским странам обосновалась с 1925 года в Париже. С Ходасевичем разошлась в 1932 году; в 1936–1947 годах была замужем за Николаем Макеевым, в 1954–1983 — за пианистом Георгием Кочевецким. В ноябре 1950 года переехала в США, где в 1956–1963 годах преподавала русский язык и литературу в Йельском, а в 1963–1971 — в Принстонском университете.

«Автобиография» Берберовой столько же о себе, сколь и о других. «Другие», изображенные в «Курсиве», весьма интересны. Ибо это — Ходасевич, Горький, Гумилев, Георгий Иванов... «„Курсив“ — это „шов“, — писал Евг. Витковский, используя образ Берберовой, — «которым восстановлена связь времен через огромный отрезок XX века, пролегший вчуже от России, в эмиграции. Но — восстановлена для нас, читателей» (с. 9).

Восстановлена ли? И не оказались ли читатели в дураках, внимая «великой Берберовой» (А. Вознесенский)? Речь идет не об аберрациях памяти или вольной или невольной беллетризации. Е. Витковский продемонстрировал, на примере рассказа Берберовой о последних днях Георгия Иванова, которые она не могла видеть, ибо находилась в то время в Америке, как литературный персонаж на глазах читателя «мгновенно отслаивается от своего исторического прообраза и мифологизируется» (с. 7). Я говорю о том, что многие страницы «Курсива» — не что иное, как «сведение счетов»; на это обратил внимание еще Роман Гуль в обширной рецензии на англоязычное издание книги¹.

Особенно бросается в глаза эта особенность книги Берберовой в «Биографическом справочнике», который, по справедливому замечанию Витковского, невозможно отделить от основного корпуса «Курсива» — «настолько явно продолжает и дополняет он книгу, проясняет недоговоренности, проявляет двойственность отношений и даже простые пробелы памяти»

---

¹ Гуль Р. Рец. на кн.: *Berberova N. The Italics Are Mine*. New York, 1969 // Новый журнал. 1970. Кн. 99. С. 283–292.

(с. 20). Впрочем, столь же справедливо Витковский пишет, что «эта часть книги — самая странная, самая субъективная... здесь появляются прямые грубости; главное же — это вовсе не „Биографический справочник“» (с. 18).

Еще бы! О Марке Алданове, скажем, сообщается, что он «писал о судьбе эмигрантской литературы в „Современных записках“, № 61» (с. 632). И это все! Комментаторы «Курсива» В. П. Кочетов и Г. И. Мосешвили рассуждают, что, «судя по всему, Н. Н. Берберова относилась к М. Алданову с несколько большей симпатией, чем к Г. В. Адамовичу (уничжительную „справку“ об Адамовиче см. на с. 630–631 „Курсива“. — О. Б.), тем не менее ее оценка представляется несправедливой. Алданов не „только писал о судьбе эмигрантской литературы в „Современных записках“, — с некоторой наивностью поправляют они Берберову, — он один из самых известных писателей-прозаиков первой „волны“ эмиграции. Его многочисленные романы были переведены на 24 языка и пользовались успехом не только у русских, но и у европейских и американских читателей» (с. 632). И т. д.

Как будто Берберовой было это неизвестно! Полагаю, что корни столь странной оценки Алданова, как, впрочем, и ее весьма неприязненного отношения к Адамовичу (возможно, и к Бунину), — в том страхе и унижении, которые пережила Берберова после освобождения Франции от нацистов. Именно Алданову было адресовано ее «оправдательное» письмо в сентябре 1945 года, в котором она вынуждена была сослаться на свидетельства в ее пользу Бунина и Адамовича (для чего к ним обращаться). Берберова опровергала появившиеся в печати обвинения ее в сотрудничестве с нацистами и, в то же время, признавалась в симпатиях к ним в 1940–1941 годах.

Витковский считал, что «длительные обвинения Берберовой в том, что во время оккупации Парижа она симпатизировала фашистам», связаны с тем, что советским литературоведам досадил образ Бунина, «чуть шаржированно обрисованный Берберовой», который портил «всю икону» (с. 14–15). «Клевета» началась гораздо раньше и исходила отнюдь не от советских литературоведов. Публикуемое ниже «циркулярное» письмо Берберовой Алданову, а также последовавшая переписка Алданова с М. В. Вишняком и, 20 лет спустя, обмен письмами между

Берберовой и бывшим редактором «Современных записок» позволяют прояснить многое в этой истории, а также объяснить некоторые странности и «Биографического справочника», и самого текста «Курсива». Например, почему в разделе о войне и первых послевоенных годах связанное и вполне аналитическое повествование вдруг сменяют отрывочные, вроде бы дневниковые записи.

В годы Второй мировой войны, расколовшей и прежде не отличавшуюся единством эмиграцию еще больше, позиция Берберовой ни у кого особых сомнений не вызывала. «О русских в Париже пока известий нет, — писал Алданов Вишняку вскоре после освобождения Парижа. — Воображаю, как трясутся теперь Берберова, Гиппиус, Сургучев, Шмелев»¹. Имя Берберовой было названо наряду с председателем прогитлеровского Союза писателей И. Д. Сургучевым и И. С. Шмелевым, публиковавшимся в пронацистских «Парижском вестнике» и берлинском «Новом слове».

В марте 1945 года в нью-йоркском «Новом русском слове» была напечатана статья свояка Алданова, библиографа и публициста Я. Б. Полонского «Сотрудники Гитлера». В статье приводился длинный список русских эмигрантов, запятнавших себя сотрудничеством с нацистами. Наряду с именами Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Сургучева, С. М. Лифаря, В. Н. Ильина в нем были названы Nicolas von Makeev и Н. Н. Берберова-Макеева².

В эмигрантских кругах, в частности, ходили разговоры о том, что Берберова писала на юг в «свободную» зону, В. В. Рудневу, Бунину и Адамовичу, приглашая их вернуться в оккупированный Париж. Позднее, в рецензии на первое издание «Курсива» Р. Гуль писал, что «во время оккупации Франции Гитлером Берберова осталась в Париже (и под Парижем), написала, в частности, тогда стихотворение о Гитлере, в котором сравнивала его с „шекспировскими героями“». К сожалению, стихотворение это до сих пор не опубликовано. А жаль, ибо — тематически — оно оказалось бы единственным в русской литературе. Из зоны оккупации г-жа Берберова звала уехавших в свободную зону

¹ Алданов М. А. — Вишняку М. В. 29 августа 1944 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box I-A.

² Новое русское слово. 1945. 20 марта. С. 2.

писателей Бунина, Адамовича, Руднева и др. вернуться под немец потому, что «наконец-то свободно дышится» и т. д. Жившее тогда у Буниных лицо пишет: «Помню, что письмо Берберовой Иван Алексеевич прочел вслух за обедом»¹.

Гуль ошибался в том, что стихотворение Берберовой «Шекспиру» не было опубликовано. На самом деле оно увидело свет в 1953 году в антологии русской зарубежной поэзии. А вот то, что Берберова считала Гитлера достойным пера Шекспира («О гений Стратфордский, явись!»), сомнений не вызывает. Собственно, она сама об этом писала Омри Ронену. Приведу наиболее выразительный фрагмент ее стихотворения:

И где-то между Ильменем и Доном
Владыка мира смотрит в очи року.
Они легли, мильоны, легионы,
С костями еще татарскими мешаясь,
С литовскими, французскими костями,
Там, где когда-то — Куликово поле,
Полтавская широкая равнина,
Там, где когда-то над Невою в Европу
Сверкнул очами первый император.
Они легли и более не встанут.
Им сладко спать в объятых половецких,
Им хорошо с полками Гедимины,
Со старой гвардией Наполеона,
Над ними зашумит — о скоро, скоро,
Российский хлеб...
Но тот, кто век потряс,
Тот без тебя окончить жизнь не может.
О гений Стратфордский, сойди к нему,
Введи его в твой сонм судеб ужасных
И научи последнему призванью!²

Собственно, гению (я о Шекспире, а не о Берберовой) не зазорно писать о злодеях, а в берберовском стихотворении

¹ Гуль Р. Рец. на кн.: *Berberova N. The Italics Are Mine*. С. 288. В другом месте Гуль сообщает, что этим «лицом» был Л. Ф. Зуров (*Гуль Р. Я унес Россию*. Нью-Йорк, 1989. Т. III. С. 106).

² На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю. П. Иваск. Нью-Йорк, 1953. С. 99–100.

содержатся очевидные отсылки к «Макбету». Критически важно в данном контексте время, когда стихотворение было написано: это 1942 год, и призывы к «Стратфордскому гению» сойти к «владыке мира», то есть к Адольфу Гитлеру, в те дни, когда немецкие войска стояли под Сталинградом, не могли восприниматься абстрактно. По словам самой Берберовой, ее стихотворение ходило в трех версиях в 1942–1944 годах¹. Остается гадать, какую из них она отдала в печать и что было в двух других.

Берберова была не одинока в своих восторгах. Д. С. Мережковский в выступлении по радио после вступления немецких войск в Париж назвал Гитлера «новой Жанной д'Арк»².

Я. Б. Полонский записал в дневнике 2 ноября 1942 года: «Иван Алексеевич получил открытку от Берберовой. Обхаживает его: „На Ваши книги набрасываются в Киеве (лжет, не сообразила: ведь не на что набрасываться — советских изданий почти нет, <...> а эмигрантских изданий тоже нет, да и не могут они по целому ряду причин продаваться там) и дальше: „Мы Вас любим, обожаем, — Бенуа и Шмелев уже заняли определенную позицию, Зайцев — еще нет“. Следовательно, остановка-де за Вами. Очень им, видно, нужен для престижа Бунин»³. Увы, А. Н. Бенуа, как и Шмелев, сотрудничал в годы войны в пронацистских изданиях. Всего в 112 номерах «Парижского вестника», нацистского еженедельника на русском языке, выходившего с 14 июня 1942 по 12 августа 1944 года, опубликовался 131 автор⁴.

Крайне недоброжелательно настроенный по отношению к Берберовой Гуль приводит фрагмент из письма к нему Гайто Газданова:

Помню, что мы были как-то в кафе: семья Вейдле, Фельзен (Н. Б. Фрейдентштейн), Берберова, моя жена и я. Это было время германского наступления в Югославии. Берберова была возмущена, — но не немцами, а югославами: «Подумайте, какие мерзавцы сербы! Смеют

¹ Ронен О. Из города Энн: Берберова (1901–2001) // Звезда. 2001. № 7. С. 214.

² Витковский Е. В. Почерк Петрарки // Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 15.

³ Дневник Я. Б. Полонского: Иван Бунин во Франции / Публ. Е. Эткинда // Время и мы. 1980. № 55. С. 292.

⁴ Аронсон Г. «Парижский вестник»: Прогитлеровский орган на русском языке (Опыт характеристики) // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 330–341.

сопротивляться!» Против нее выступили все, по-разному, конечно... Вейдле и Фельзен более мягко, я — довольно резко. После этого Берберова со свойственной ей простодушной — в некоторых случаях — глупостью, сказала: «Я не понимаю, ну Фельзен — еврей, естественно, что он так говорит. Но Вейдле и Газданов же не еврей?»¹

Фактически подтвердил обвинения Газданова выступивший в защиту Берберовой ее «большой личный друг» (Р. Гуль) Б.К. Зайцев. В январе 1945 года он писал Бунину:

Яков Борисович [Полонский] занимается травлей Нины Берберовой. Эта уж нигде у немцев не писала, ни с какими немцами не водилась, на собраниях никаких не выступала и в Союзе сургучевско-жеребковском² не состояла. Тем не менее, он написал в Объединение писателей, что она «работала на немецкую пропаганду!» Ты понимаешь, чем это пахнет по нынешним временам?

Очень противно. Мы жизнь Нины знаем близко. Решительно никаким «сотрудничеством», даже в косвенной форме, она не занималась, а по горячности характера высказывала иногда «еретические» мнения (нравились сила, дисциплина, мужество)³, предпочитала русских евреев и русские интересы ставила выше еврейских⁴.

Остается только гадать, каким образом успехи нацистов способствовали защите «русских интересов».

В 1942 году Берберова писала вывезенному из-под Ленинграда в Германию и как бы возникшему из небытия Р.В. Иванову-

¹ Гуль Р. Я унес Россию. С. 106.

² Жеребков Юрий (Георгий) Сергеевич (1908 — после 1980) — артист балета, в эмиграции в Югославии, затем в Германии, с 1940 года во Франции. В 1942–1944 годах начальник Управления делами русской эмиграции. В 1944 году участвовал в организации власовского Комитета освобождения народов России (КОНР), начальник отдела внешних сношений КОНР. В 1945 году арестован французскими властями, приговорен к пяти годам «национального бесчестия», в 1948 году приговорен за пособничество нацистам в депортации русских евреев к пожизненным принудительным работам; видимо, впоследствии был амнистирован, эмигрировал в Испанию.

³ «Всю жизнь любила победителей больше побежденных и сильных более слабым. Теперь не люблю ни тех, ни других», — приводит Берберова свою дневниковую запись от апреля 1941 года (*Берберова Н. Курсив мой*. С. 467).

⁴ Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. 1980. Кн. 140. С. 164–165.

Разумнику: «Мы уже очень давно не видели никого, кто бы приехал по доброй воле из чумных мест. А вот уже скоро 3 года, как не видали ни газет, ни книг оттуда. Есть у меня кое-кто из друзей, кот[орые] сражаются на восточном фронте сейчас. Вести от них — самое волнующее, что только может быть. Здешняя наша жизнь — одно ожидание»¹.

Опять-таки, трудно представить, что Бунин или Алданов могли причислить к своим друзьям тех, кто «сражался» вместе с нацистами против хотя и Красной, но все-таки русской армии.

Симпатии Берберовой к тогдашним победителям остались, по-видимому, платоническими. В пронацистских изданиях она не печаталась — впрочем, почти ничего и не писала в годы войны. А разговоры или частная переписка юридически никому в вину вменены быть не могут. Другое дело — репутация. Она могла быть у писателя, возлагавшего какие-то надежды на гитлеровцев, уничтоживших впоследствии, в числе прочих, ряд русских литераторов — евреев (И. И. Бунакова-Фондаминского, Р. Н. Блох, М. Г. Горлина, Ю. Фельзена) и неевреев (одного из зачинателей Сопротивления Б. В. Вильде-Дикого, Е. Ю. Кузьмину-Караваеву), испорчена навсегда². Очевидно, это и обусловило публикуемое ниже письмо Берберовой Алданову, пользовавшемуся высоким моральным авторитетом в литературной среде, в котором она стремилась опровергнуть выдвигавшиеся против нее обвинения. Копии были направлены ею оказавшимся за океаном и, видимо, считавшимся ею влиятельными в моральном и материальном (издатели и сотрудники «Нового журнала» и «Новоселья») литераторам.

Письмо это привело скорее к обратному результату. Нельзя не согласиться с приведенным выше мнением Газданова

¹ Цит. по: Шерон Ж. Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 47.

² По-видимому, Берберова опомнилась, когда нацисты добрались до ее знакомых. «Когда же евреев стали так гнусно мучить, — сообщал Б. К. Зайцев И. А. Бунину в цитированном выше письме, — сама же им помогала, как и мы все, как умела. Одно сделала глупо: написала что-то неосторожное Адамовичу. Этот, очевидно за неимением лучшего дела, стал раззванивать всюду, и чепуха эта добралась даже до Америки» (Письма Б. К. Зайцева к И. А. и В. Н. Буниным. С. 165). «Что-то неосторожное» Берберова писала, как показано выше, и самому Бунину.

о находившей иногда на Берберову глупости. Кроме собственноручного и весьма нелепо аргументированного признания в сочувствии нацистам, оккупировавшим Францию, худо ли, хорошо ли, но дававшую на протяжении 20 лет приют русским изгнанникам, эта якобы последовательная противница «тов. Сталина» (с. 15) сообщала, что возлагала какие-то надежды на союз СССР и Германии. А чего стоит ее рассуждение о том, что ведь и Алданов имел квартиру из шести комнат; значит, подозрения о темных источниках доходов ее мужа, Н.В. Макеева, беспочвенны (в эмигрантской среде сложилось мнение, что благополучие своей семьи сотрудник Лувра Макеев построил на торговле конфискованными у евреев картинами). Но ведь Алданов был одним из самых популярных эмигрантских писателей в межвоенные годы и одним из немногих, кто мог жить на литературные заработки. Сама же Берберова писала, что не опубликовала с начала войны ни строчки и не заработала ни сантима. Тем не менее ее жизнь в годы войны с материальной точки зрения выглядит более благополучной, чем в годы предвоенные или послевоенные. Во всяком случае, никогда у нее не было шестикомнатной квартиры в Париже; при этом большую часть времени она проводила в своем деревенском доме. Разумеется, материальное благополучие криминалом не является, и никакого формально-юридического обвинения против Макеева выдвинуто не было; речь идет о таком «эфемерном» понятии, как репутация.

Никакого «отпущения грехов» и даже ответа на обширное берберовское послание не последовало. Просто через несколько лет все всё забыли. Или сделали вид, что забыли. Кроме самой Берберовой, которая не могла забыть и простить своего унижения. Расквиталась она с «обидчиками» в «Курсиве». Копии ее письма Алданову от 30 сентября 1945 года были адресованы Вишняку, В.М. Зензинову, Г.П. Федотову, С.Ю. Прегель, М.О. Цетлину, М.М. Карповичу и А.А. Полякову. Разговоры о ее письмах с приглашением в оккупированный Париж, как уже упоминалось выше, шли от Бунина и Адамовича. Методы «сведения счетов» стереотипны — это или обвинения в симпатиях к Советам, Сталину или хотя бы к социализму, или стремление принизить литературное значение свидетеля берберовского

позора. Иногда частичка правды перемешивается с изрядной долей лжи, иногда ложь присутствует в чистом виде.

Таким образом Алданов оказывается всего лишь автором статьи об эмигрантской литературе; о поэзии Бунина сообщается, что это — подражание Я. П. Полонскому, вдобавок к бунинскому «полному до краев ночному горшку» (с. 298) говорится о том, что его «распад» начался 12 февраля 1945 года, когда за ним заехал С. К. Маковский, чтобы отвезти «к советскому послу Богомолу пить за здоровье Сталина» (с. 299). Однако в это время Бунин все еще жил в Грассе. Можно было бы предположить крайне маловероятную возможность того, что Бунин специально приехал в Париж, чтобы сходить к советскому послу, оставшись при этом не замеченным никем в Париже. Более вероятно, однако, что это просто выдумка Берберовой. В «протоколе» визита группы эмигрантов во главе с В. А. Маклаковым в советское посольство 12 февраля 1945 года ни Бунин, ни Маковский не значатся¹. Крайне злобно изображен в «Курсиве» Зензинов. О Федотове в «Биографическом справочнике» первым делом сообщается, что он был социал-демократом в 1905 году, о Вишняке, что он был одним из «сотрудников-специалистов по русским делам в журнале „Таймс-магазин“ — несмотря на свои социалистические убеждения» (с. 646). Софья Прегель в «Курсиве» не упоминается, «зато» в письме к Вишняку Берберова уточняет, что, «кажется», она приходится сестрой тому Прегелю, которого несколько раз допрашивала комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Это — стиль «железной женщины». Она ничего не забывала и ничего не прощала. Для сведения счетов использовались любые «подручные средства».

«Повезло» из адресатов берберовского письма разве что М. О. Цетлину, умершему в ноябре 1945 года (к тому же его вдова принимала Берберову в первые дни ее пребывания в США), и М. М. Карповичу, который, по словам Берберовой, «был другом Ходасевича по Москве и молодости» и от которого она «в тяжелые (и даже голодные) 1945–1949 гг. ... получала... в Париже

---

¹ Эмигранты у Богомолу // Новый журнал. 1970. Кн. 100. Опубликованный протокол идентичен тому, который находится в Гуверовском архиве среди личных бумаг В. А. Маклакова.

посылки из США — не от „комитетов“ и „фондов“, но от него лично»¹.

Р. Гуль, встречавший Берберову в Америке и в «Новом журнале» ее также печатавший, был ею произведен едва ли не в советские агенты (с. 652).

Первая публикация этой статьи и сопутствующих материалов вызвала довольно оживленную полемику². В частности, Максим Шраер счел, что «в фрагментах из дневника Полонского... позиции, занимаемые писателями-эмигрантами во время оккупации, нередко предстают в искаженном виде»³. Однако опубликованная самим же Шраером совместно с Яковом Клоцем и Ричардом Дэвисом переписка Бунина и Берберовой подтверждает точность записей Полонского. Письма самой Берберовой свидетельствуют, что слухи о ее жизни и настроениях в период оккупации были вовсе не беспочвенны. Точнее, не были слухами.

12 ноября 1941 года она пишет Бунину: «...не находите ли Вы, что хватит бить баклуши на Лазурном берегу и что пора вернуться в Париж? ...Все бодры духом; на этот раз все единодушны по отношению к тому, что происходит в мире. Надеемся скоро увидеть моих родителей»⁴. Подчеркивания — Бунина. Родители Берберовой до войны жили в Ленинграде, то есть она надеялась на скорый захват города нацистами.

17 октября 1942 года: «Шмелев и Ал[ександр] Бенуа сделали свой выбор. Борис (Б. К. Зайцев. — О. Б.) пока нет. Оба в парижской газете»⁵. Имелся в виду нацистский «Парижский вестник».

19 марта 1943 года:

Мы здесь живем неплохо, и если бы не разные беды, кот[орые] случались и случаются с нашими знакомыми, то было бы совсем спокойно.

¹ Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 230.

² См.: Ронен О. Из города Энн: Берберова (1901–2001); Будницкий О. В. Неладно что-то в «городе Энн» // Звезда. 2002. № 7. С. 234–235; Ронен О. В редакцию «Звезды» // Там же. С. 235. Переписка И. А. Бунина и Н. Н. Берберовой (1927–1946) / Вступ. ст. М. Шраера; публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 23–38.

³ Переписка И. А. Бунина и Н. Н. Берберовой. С. 31.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 84.

Николай в 2 года сделал головокружительную карьеру marchand de vieux tableaux¹ — у него галерея на rue de la Voëtie, т. е. в центре парижских антиквариев; завязаны связи, сделаны кое-какие открытия...

Что до меня, то я пишу мало, медленно, туго, но пишу совсем по-другому и не то, что писала когда-то. Недавно начала писать стихи. Жизнь моя поделена между Парижем и деревней. В понедельник вечером мы выезжаем оба в город. Там, в городском платье, в шляпе и перчатках, я веду весьма светский образ жизни — знакомые французы, рестораны, иногда театр и пр. В четверг я возвращаюсь в деревню: брюки, огород, соленья, варенья, гости по воскресеньям — словом, ничего общего. Не могу пожаловаться: если подсчитать все минусы и все плюсы моей жизни, то, пожалуй, все-таки выйдет плюс. Например: — отсутствие друзей; + усиленное чтение (но не беллетристики); — отсутствие журналов, но + отсутствие «Посл<едних> Нов<остей>», о кот<орых> без содрогания не могу вспомнить и пр.²

Некоторые пояснения к этому фрагменту: «разные беды», которые случались со знакомыми Берберовой (да и Бунина), — это депортации в Освенцим. Улица rue de la Voëtie находится в 8-м округе Парижа, в районе Елисейских Полей. Здесь, среди прочих, находилась галерея знаменитого арт-дилера Пола Розенберга. А в соседнем от галереи Розенберга доме с 1918 по 1940 год — квартира и мастерская Пабло Пикассо, которые для него снял и оплачивал Розенберг. В период оккупации галерея Розенберга, успевшего уехать в Португалию, а оттуда в США, включая около 2 тыс. объектов искусства, была конфискована нацистами. В здании расположился Институт по изучению еврейского вопроса, парижское подразделение Министерства народного просвещения и пропаганды Йозефа Геббельса. В общем, Makeев открыл галерею в очень неплохом месте; каким именно образом ему в период нацистской оккупации удалось сделать «головокружительную карьеру» арт-дилера — так и осталось неизвестным.

Надеюсь, что публикуемая ниже переписка поможет прояснить не только некоторые странности в ставших бестселлером

¹ Торговец старинными картинами (фр.).

² Переписка И. А. Бунина и Н. Н. Берберовой. С. 86.

мемуарах, но и послужить источником для истории русской эмиграции в один из самых драматических ее периодов. Участники переписки вряд ли нуждаются в специальном представлении. О Марке Александровиче Алданове немало говорилось в этой книге, и в какой-то мере рассматриваемый в этом тексте и сопутствующей публикации сюжет является продолжением включенных в настоящую книгу глав «Не погибать же всей зарубежной русской литературе» и «Попытка примирения». Третий корреспондент, который тоже неоднократно упоминался в этой книге, Марк Вениаминович Вишняк (1883–1975) — эсер, секретарь Учредительного собрания, в историю русской литературы вошел прежде всего как один из редакторов и секретарь редакции парижских «Современных записок», публицист и мемуарист. «Парижанин» с 1919 года, он уехал в США в октябре 1940-го и остался там до конца жизни. Вишняк преподавал русский язык и русскую историю в ряде американских университетов, много печатался в «Новом журнале», «Социалистическом вестнике», «Новом русском слове».

Для публикации нами отобраны письма Берберовой, Алданова и Вишняка 1945–1947 годов, наиболее ярко отражающие суть «дела Берберовой», а также два письма Берберовой и письмо Вишняка, относящиеся к осени 1965 года. Прошло 20 лет после окончания Второй мировой войны. Страсти, связанные с «ориентацией» русских эмигрантов в период нацистской оккупации Франции, казалось, давно остыли. Однако, как свидетельствуют публикуемые тексты, были готовы вспыхнуть при любой неосторожной попытке затронуть прошлое. Как видно из контекста, Берберова и Вишняк совместно путешествовали на судне «Франс» летом или в начале осени 1965 года. Вишняк, похоже, приходил в себя после болезни, Берберова была в отпуске. Среди прочего они, по-видимому, достаточно спокойно обсуждали подробности «дела», в суть которого Берберова сочла необходимым посвятить Вишняка в 1945 году.

«От нашего путешествия у меня сохранилось самое приятное воспоминание, — вполне дружелюбно писала Вишняку в начале октября Берберова. — Мне было с Вами не только уютно, но и интересно... Здесь в первые недели было очень много

дел. Я не могу отсутствовать 3 месяца — столько надо прочесть, столько людей увидеть! Сейчас стало легче. Немного „догнала“ жизнь. Прочла Эренбурга, Твардовского о Бунине (вот так хлам!); занимаюсь архивом „Серапионова брата“, Льва Лунца, который покупает Йельская библиотека; довольно много провожу времени с моими аспирантами: шесть диссертаций отнимают у меня больше часов, чем два курса лекций! Очень у меня способные студенты — это одна из моих главных радостей. Но зато и тянут они из меня, все что могут...»¹

Однако какой взрыв ярости последовал после того, как Вишняк захотел что-то уточнить о берберовском «деле» в очередном письме («Два месяца тому назад Вы учинили мне допрос...»). Как раз в это время работа над «Курсивом» вступила в заключительную фазу...

Публикуемые ниже письма извлечены мной из фонда (collection) М. В. Вишняка, находящегося в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University, California). Все письма, за исключением письма Берберовой Алданову, впервые опубликованы мной в журнале «Новое литературное обозрение». Письмо Берберовой Алданову впервые было опубликовано Юлией Гаухман по копии, находящейся среди бумаг С. Ю. Прегель в библиотеке Иллинойского университета (Урбана-Шампейн)². Все письма публикуются полностью, за исключением письма Алданова Вишняку от 19 января 1947 года, в котором опущена завершающая часть, не относящаяся к основной теме публикации. В ней речь идет возможности приезда Вишняка во Францию, дальнейших планах Алданова и т. п.

Публикация сопровождается краткими комментариями. Персоналии, о которых ранее шла речь в настоящей книге, не комментируются, или о них сообщаются минимально необходимые сведения.

¹ Берберова Н. Н. — Вишняку М. В. 9 октября 1965 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box I-D.

² Из архива Софьи Юльевны Прегель / Публ. Юлии Гаухман // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. IV. 1939–1960 гг. С. 284–291.

№ 1

Н. Н. Берберова — М. А. Алданову

Н. Н. Берберова. 21 rue Миромениль.

Париж. 30 сент. 1945

М. А. Алданову. Нью-Йорк.

Копии: В. М. Зензинову¹, Г. П. Федотову², М. В. Вишняку, С. Ю. Прегель³, М. М. Карповичу, М. О. Цетлину⁴ и А. А. Полякову⁵.

Дорогой Марк Александрович,

Я давно хотела писать Вам. Б. К. З[айцев]⁶, получив письмо от Вас в марте и показав мне его, советовал это сделать. Маклаков спрашивал меня: почему я не напишу Вам, чтобы раз навсегда положить конец «всей этой чепухе». Я писала А. Ф. К[еренскому]⁷, писала подробно, послала ему даже стихи свои («гражданские»). Послала также выписку из письма Бунина⁸ ко мне, может быть,

¹ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — член ЦК партии эсеров, публицист; в эмиграции с 1919 года во Франции, с 1939 года — в США.

² Федотов Георгий Петрович (1886–1951) — философ, историк и публицист, много печатался в «Современных записках» и «Новом журнале». В эмиграции с 1925 года во Франции, с 1941 года — в США.

³ Прегель Софья Юльевна (1897–1972) — поэтесса, прозаик, издательница, «директриса литературы эмигрантской» (Г. В. Адамович). С 1922 года жила в Берлине, с 1932-го — в Париже, с 1940 года — в США. В 1942–1950 годах — издатель и редактор журнала «Новоселье». В 1948 году вернулась в Париж.

⁴ Цетлин (лит. псевд. — Амари) Михаил Осипович (1882–1945) — поэт, прозаик, литературный критик. С 1919 года в эмиграции во Франции, с 1940 года — в США. В 1920–1940 годах — редактор отдела поэзии «Современных записок»; один из основателей «Нового журнала» и его редактор в 1942–1945 годах.

⁵ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) — журналист. В эмиграции с 1920 года, с 1922-го — в Париже, с 1942-го — в США. Секретарь редакции, затем заместитель главного редактора газеты «Последние новости» (Париж), сотрудник редакции газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

⁶ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — прозаик, один из наиболее известных писателей эмиграции. В 1922 году выехал в Германию, с 1923 года жил в Париже. С 1945 года — председатель Союза русских писателей и журналистов.

⁷ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — адвокат, эсер, министр юстиции в первом составе Временного правительства, затем военный министр и министр-председатель. С 1919 года — во Франции, в начале 1920-х годов — в Германии, с 1924 года вновь во Франции, с 1940 года — в США. В эмиграции продолжал активно заниматься политической деятельностью, был редактором ряда периодических изданий, много печатался.

⁸ Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — «последний классик» русской литературы, лауреат Нобелевской премии (1933). В эмиграции с 1920 года во Франции.

он Вам ее показывал? Однако, теперь из письма Вашего к Рыссу¹, я вижу, что Вы все еще настаиваете на прежнем, и что со времени Вашего письма к Б. К. З[айцеву] (март 45) ничто Вас еще не разубедило в моих политических преступлениях. Все это время я не решалась Вам писать по одной важной причине: я не могу до сих пор понять, что именно мне ставят в вину в Америке? Я все надеялась, что Вы объясните мне это в письме к Рыссу. Но дело еще только больше запуталось, потому что в первом Вы пишете о каких-то якобы моих письмах к Рудневу или Рудневой² (от 40 г.), а во втором ссылаетесь уже совсем на другое: на привезенный Цвибаком³ слух (!) о якобы моем сочувствии немцам в 40 году. Затем Вы пишете о каких-то миллионах — выражение, часто встречающееся в Ваших письмах, когда дело идет обо мне и Н. В. М[акееве]⁴, причем в письме к Б. К. З[айцеву]. Вы только спрашиваете, есть ли они, а в письме к Рыссу уже утверждаете, что они существуют. Когда Вам пишут из Парижа люди, выдававшие (так. — О. Б.) меня все эти пять лет из месяца в месяц, что миллионов никаких нет, а в политических преступлениях я не повинна, то Вы отвечаете, что это Вам лучше известно и о том удобнее судить. И все это на основании клеветы, пущенной обо мне мерзавцем, находящемся с Вами в свойстве⁵!

Я считала Вас со времени нашего знакомства (1923 г.) и продолжаю считать человеком абсолютно честным. Отношения наши были безоблачны 16 лет. Я радуюсь Вашим американским

---

¹ Рысс Петр Яковлевич (1870–1948) — член партии кадетов, публицист. С 1919 года в Берлине, с 1920 года — в Париже.

² Руднев Вадим Викторович (1879–1940) — член ЦК партии эсеров, публицист; в 1917 году — московский городской голова. С 1919 года — в Париже, один из основателей и редакторов журнала «Современные записки»; Руднева (урожд. Винокурова) Вера Ивановна (1879–1952) — жена В. В. Руднева, эсерка, политическая ссыльная; с 1919 года в Париже; с 1941-го — в Нью-Йорке.

³ Цвибак (лит. псевд. Андрей Седых) Яков Моисеевич (1902–1994) — публицист и мемуарист. В эмиграции с 1919 года в Константинополе, с 1920 года — в Париже, с 1942 года — в США. Сотрудник «Последних новостей», в США — «Нового русского слова», главным редактором которого стал в 1973 году.

⁴ Макеев Николай Васильевич (1889–1975) — художник и публицист, член партии эсеров; депутат Учредительного собрания в 1917 году; муж Н. Н. Берберовой в 1936–1947 годах.

⁵ Речь идет о Якове Борисовиче Полонском (1892–1951) — публицисте и библиографе, женатом на сестре М. А. Алданова.

успехам, и все это время, когда думала о дорогих мне людях за океаном, думала и о Вас. И это письмо я пишу, чтобы раз навсегда ответить Вам на все, что Вы писали обо мне разным людям. Я знаю, в Америке у меня есть друзья, которые несмотря на газетную грязь, которой меня обливают (и на которую будет реагировать мой адвокат), до конца уверены во мне. Сюда приезжал В. В. Сухомлин¹, с которым политически я не схожусь, но с которым ценю давние хорошие отношения. Ему объяснять мне было нечего: он меня знает и во мне не сомневался, но он мне кое-что разъяснил. Он увидел, как мы живем (Н. В. М[акеев] случайно участвовал в «резистанс»² вместе и бок о бок с его лучшим другом). Он видел меня перед своим отъездом в 40 г., в самый день разгрома Тургеневской библиотеки³, и навсегда запомнил мое отношение к происходившему. Перед ним мне оправдываться было не в чем. Но я вижу, что по вине негодяя, оклеветавшего меня, мне необходимо оправдаться перед Вами. Начну издалека.

Если правда, что опубликованы мои частные письма к Рудневу или Рудневой, то краснеть надо не мне, а тому, кто эти письма обнародовал. Но оставим в стороне этику — возможно, что нынешние литературные нравы это допускают. Это отчасти развязывает руки и мне. Да, в 1940 г., вплоть до осени, т. е. месяца три, до разгрома библиотек и первых арестов, я, как и 9/10 французской интеллигенции, считала возможным, в не слишком близком будущем, кооперацию с Германией. Протестовали тогда одни (или почти одни) эписье⁴ — по случаю того, что мало бифштексов. Мы были слишком разочарованы парламентаризмом, капитализмом, третьей республикой, которая для нас отождествлялась со Стависским⁵. Да и Россия была с Германией

¹ Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963) — член ЦК партии эсеров, публицист, эмигрант с дореволюционным стажем. С 1918 года вновь в эмиграции, жил в Риме, с начала 1920-х годов — в Праге, с 1927-го — в Париже. После освобождения Франции примкнул к движению «советских патриотов», в 1951 году уехал в Чехословакию, в 1954 году репатриировался в СССР.

² «Резистанс» (фр.) — сопротивление.

³ Тургеневская библиотека существовала с 1875 года. Была основана в значительной степени на средства И. С. Тургенева.

⁴ Эписье (фр.) — бакалейщики.

⁵ Речь идет о финансово-политической афере, в результате которой Александр Ставиский (1886–1934), подвизавшийся в качестве эксперта по международным делам и связанный с дипломатическими кругами и полицией, присвоил

в союзе¹ — это тоже обещало что-то новое. Мы увидели идущий в мир не экономический марксизм, и даже не грубый материализм. Когда через год выяснилось, что все в нац[ионал]-соц[иализме] — садизм и грубый империализм, отношение стало другим, и только тогда во Франции появилось «сопротивление» (резистанс). Так судила я, так судили многие вместе со мной, но отсюда было далеко до совершения каких-либо политических поступков: я не печаталась, не выступала на вечерах, не состояла членом «правого» союза писателей. Да не стоит и говорить об этом: все те, кто печатался, выступал или состоял в союзе — давно «вычищены»; они либо в тюрьме, либо в бегах, либо под бойкотом. Когда-то милейший капитан²; чета поэтов³; автор «Няни»⁴ и «сам» Сургучев⁵. Бедная Червинская⁶ до сих пор в тюрьме!

---

650 млн франков. Стависский после разоблачения по официальной версии покончил жизнь самоубийством, по слухам был убит агентом полиции. «Афера Стависского» потрясла Францию и заставила многих усомниться в эффективности политического устройства Третьей республики.

¹ Имеется в виду советско-германский пакт о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа), подписанный 23 августа 1939 года. Секретные протоколы к пакту фактически означали заключение союза между двумя странами. Хотя эти протоколы оставались неизвестными до конца войны, когда их копии попали в руки союзников, действия обеих стран — раздел Польши, поставки Советским Союзом стратегического сырья Германии в обмен на немецкое оборудование, а также риторика советских лидеров, обвинявших «англо-французский империализм» в агрессивных действиях, — не оставляли сомнения в том, что соглашение двух стран шло гораздо дальше взаимных гарантий безопасности.

² Роцин (наст. фам. Федоров) Николай Яковлевич (1892–1956) — писатель, во время Гражданской войны — в армии А. И. Деникина в чине капитана. С 1919 года в эмиграции в Югославии, с 1924 года — во Франции.

³ Имеются в виду И. В. Одоевцева и Г. В. Иванов. Одоевцева Ирина Владимировна (1895–1990) — поэтесса, мемуаристка. Жена Г. В. Иванова в 1921–1958 годах. В эмиграции с 1922 года, сначала в Латвии, затем в Германии, с 1923 года — во Франции; в 1987 году вернулась в СССР. Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) — поэт, мемуарист. С 1922 года — в Берлине, с 1923-го — в Париже. В 1946 году выслан в СССР как советский агент.

⁴ Речь идет о Иване Сергеевиче Шмелеве (1873–1950), авторе популярнейшего в эмигрантской среде романа «Няня из Москвы» (1936). Шмелев публиковался в пронацистском «Парижском вестнике», а также в русскоязычных газетах, выходивших в Германии.

⁵ Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956) — прозаик и драматург, в эмиграции — с 1920 года в Константинополе, в 1921-м, после недолгого пребывания в Праге, переехал в Париж. В период оккупации глава пронацистского союза писателей, печатался в «Парижском вестнике» и берлинском «Новом слове».

⁶ Червинская Лидия Давыдовна (1906–1988) — поэтесса. За границу выехала в 1920 году вместе с родителями. С 1922 года — в Париже. В 1945 году была арестована по обвинению в коллаборационизме.

22 июня 1942 (так. — О. Б.) г. все изменилось. А еще через год начался тот страшный террор, от которого мы еще и сейчас не совсем оправились. Вы упоминаете в Ваших письмах об О. В. Х[одасевич]¹. Увы, я ничего не могла для нее сделать, хотя и пыталась. Марианну² услали сейчас же. Оля оставалась в Дранси 2 месяца, потому что взятый нами адвокат доказывал, что ее муж был ариец. Это не помогло, как не помогло и свидетельство о крещении. Меня близко коснулись и другие страшные случаи, но я не люблю о них распространяться, особенно сейчас это звучит как желание оправдаться в чем-то. Передо мною лежит письмо П. А. Берлина³ (предс[едателя] одной еврейской организации, с ним я была все время в контакте). Оно начинается так: «Позвольте еще раз горячо поблагодарить Вас». Этот человек мог бы кое-что рассказать обо мне хорошее, но сейчас прибегать к нему я считаю для себя унижительным. Кое-что мог бы сказать обо мне и Хейфец, старый сотрудник «П[оследних] Н[овостей]»⁴, но его уже нет на свете. Если увидите кого-нибудь из близких ему людей (Изу Кремер⁵), дайте им мой адрес — я могу сообщить им о его последних неделях, которые мне удалось скрасить. Это я пишу не для того, чтобы выставить перед Вами мои заслуги перед евреями, но для того, чтобы Вы знали обо мне правду. Помочь Хейфецу деньгами я, к сожалению, не могла — мы помогали только одному человеку (с ним Вы в переписке), денег у нас было мало. Но мне удалось косвенно облегчить ему жизнь. Также удалось помочь косвенно

¹ Марголина-Ходасевич Ольга Борисовна (1890–1942) — жена В. Ф. Ходасевича в 1933–1939 годах. Погибла в Освенциме.

² Марианна — старшая сестра О. Б. Марголиной-Ходасевич.

³ Берлин Павел Абрамович (1877–1962) — публицист и историк, в эмиграции — во Франции.

⁴ Хейфец Израиль Моисеевич (1867–1945?) — журналист, редактор «Одесских новостей»; муж Изы Кремер с 1912 года (разошлись в начале 1920-х годов). В эмиграции с 1920 года в Польше, затем в Берлине, с 1921 года в Париже. Сотрудник редакции «Последних новостей», писал под псевдонимом Старый театрал. Погиб в нацистском концлагере в Бельгии.

⁵ Кремер Иза (Изабелла) Яковлевна, урожд. Лея Янкелевна Креймер (1882–1956) — эстрадная певица, пела на идиш, русском, польском и немецком языках. С 1919 года в эмиграции в Польше с выездами в Константинополь, затем в Берлине, с 1921 года во Франции, с 1924 года в США, откуда неоднократно приезжала на гастроли в Европу, с 1938 года в Аргентине.

Вашему брату, который был болен и одинок: баронесса Менаш через мое посредство и по моей просьбе несколько раз послала ему из По деньги. Об этом негодяй, клеветущий на меня, конечно не имеет понятия, хотя Ваша сестра могла бы ему об этом намекнуть.

Второе Ваше обвинение (или обвинение, поддержанное Вами), касается каких-то слухов (!), привезенных Цвибаком (или кем-то другим) из «свободной зоны». Если бы Цвибак или кто-нибудь другой видели меня лично и говорили бы со мной, я сказала бы, что это ложь, но так как эти люди имели сведения обо мне, видимо, из третьих рук, то это просто — бабьи сплетни, о которых стыдно говорить. Два имени были упомянуты при этом: писалось, что якобы Бунин и Адамович¹ говорили кому-то о том, что я предлагаю им работать с немцами. На это скажу, что, во-первых, я сама с немцами никогда не работала и ни с одним немцем дела не имела (как и Н. В. М[акеев]), а во-вторых — и от того, и от другого у меня имеются письма, где они заверяют меня, что никогда обо мне ни с кем не говорили. И с тем и с другим я была все эти годы в переписке. Бунин бывает у меня; недавно он, Зайцевы и Тэффи² у меня завтракали и мы даже пили за Ваше, Марк Александрович, здоровье. С Адамовичем отношения у меня самые дружественные — он едва не остановился у меня, когда весной приехал из Ниццы, отелей пустых почти нет. Но подвернулась комната у наших знакомых и обошлось без этого. Выписываю из их писем то, что относится к моему делу:

* * *

«3 августа. 1945.

Дорогая Н. Н. Только что получил Ваше письмо. Утверждаю формально и категорически, что никогда никому о Вас и Ваших каких-то предполагаемых поступках не писал. Вы пишете: „Вы и Бунин...“ В сопоставлении моего имени с Буниным,

---

¹ Адамович Георгий Викторович (1894–1972) — литературный критик и поэт. В эмиграции с 1922 года в Берлине, с 1923-го — в Париже.

² Тэффи (псевд., девичья фамилия Лохвицкая, в замужестве Бучинская) Надежда Александровна (1872–1952) — писатель. В эмиграции во Франции с 1919 года. Жила в Париже.

мне конечно лестно, „что-то лежит роковое“. Начинает лежать, по крайней мере. Какие бы письма из Америки я ни получал, всюду пишут „Вы и Бунин“ — как только дело идет о делах вроде того, которое задело Вас. Мы, по-видимому, попали там в столпы и оплоты резистанса и на нас ссылаются по разным поводам (порой таким курьезным, что Вы и не поверили бы).

Должен добавить, с полнейшей уверенностью, что никаких действий или выступлений я Вам никогда не приписывал — и что образ мыслей, каковы бы эти мысли ни были, никогда в моем представлении не мог и не может быть порочащим. Как мне эти слезки и расспросы надоели, сказать Вам не могу!

Всего доброго. Примите мой сердечный привет. Преданный Вам Г. Адамович».

* * *

2 февр. 1945

«Нина, за все эти годы, что я сижу здесь, с начала июня 1940 года, я никогда и никому не сказал о Вас ни единого плохого слова! Алданову я не писал о Вас никогда ни единого слова — извольте запросить его самого об этом. Я вообще ровно ничего не писал ему о Вас за все время его пребывания в Америке. Но вот оказывается, что я будто бы, как последний подлец, написал донос на Вас!! Как Вы могли поверить этому — не постигаю! Не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог написать про Вас что-то скверное, в то самое время, когда так дружески переписывался с Вами. Хорош же выхожу я!

Ив. Бунин».

* * *

Простите, Марк Александрович, я не могла не улыбнуться, когда читала в Ваших письмах о том, что я звала обоих работать с немцами (хотя смешного в этом ничего нет: за это меня, если бы это была правда, могли посадить, судить и осудить). С 1940 г. (со дня получения гонорара, последнего из «П[оследних] Н[овостей]»), я не заработала ни копейки, ни с одним немцем никогда не говорила — кроме как в день, когда 12 солдат сделали у меня обыск.

Н. В. М[акеев] с 1928 года заказывает себе все те же визитные карточки, где имя его и фамилия написаны на английский (или американский) лад: Nicolas V. Makeev. Только клеветник и мерзавец может читать это как «фон Макеев», тем более, что г-н Полонский видел эти карточки еще на входной двери Макеева на рю Клод Лоррэн, где они вместе жили. В. А. Зайцева¹, при всей своей бедности, обещала этому подлецу 1000 фр., если он такую карточку с «фон» ей найдет — после этого он перестал говорить об этом. Вообще, храбростью он не отличается: «литературно-юмористическая» газета «Честный слон», где он и его жена были в начале единственными сотрудниками, теперь продолжается без него: он ушел на следующий день после того, как на бульваре Монпарнас избили редактора Кобякова², кстати, служившего два года фотографом при немецком ген. штабе.

Возвращаясь к Н. В. М[акееву], скажу, что до 1942 г. он почти безвыездно жил у себя в деревне, а с 1942 г. работает при Лувре, от Лувра же ездил в январе 1945 г. в Женеву. Здесь несколько торговцев картинами арестовано, многие оштрафованы за торговлю с немцами. Н. В. М[акеев] по-прежнему продолжает работать с Лувром. Да, у нас в квартире шесть комнат — если уж дело дошло до этого! Но это не больше, чем было у Вас в Вашей парижской квартире, где Вы в четырех комнатах жили вдвоем: мы в шести живем втроем, из которых две отданы под контору.

Вы пишете, что так как мы очень богаты, то нам решено не посылать посылок. Я не прошу посылок. Друзья, которым Вы и Ваш комитет посылаете, делятся со мной. Я не так самолюбива, чтобы отказываться от чая и шоколада, которых здесь нет. Я писала А. Ф. К[еренскому]: как десять лет назад, так и сейчас, я сама себе шью платья. В устах негодяя, который клеветает на меня, наш деревенский дом превратился между прочим в «шато». Тщетно Зайцевы уверяют его и его жену, что они по несколько

¹ Зайцева (урожд. Орешникова) Вера Алексеевна (1878–1965) — жена Б. К. Зайцева.

² Кобяков Дмитрий Юрьевич (1902–1977) — поэт. В эмиграции с 1920 года. После 1945 года вступил во французскую крмпартию и в Союз советских патриотов. Редактировал сатирический журнал «Честный слон» (1945) и литературный журнал «Новая земля» (1946). В 1948 году получил советский паспорт, однако только в 1957 году переехал в ГДР, а оттуда — в Советский Союз, где поселился (или был «поселен») в Барнауле.

раз за эти годы жили в этом «шато» — он упорно твердит о том, что им показывали *другое*, и что кроме того, мы купили дом в Париже. Достаточно, я думаю, провести в нашей квартире сутки, чтобы понять наше материальное положение. После-завтра из Шамони приезжает к нам гостить Феня Шлезингер¹, может быть она сможет Вас разуверить в том, в чем не смогли Вас разуверить ни Б. К. З[айцев], ни другие корреспонденты.

Есть еще, как слышно, третье обвинение, которое вы против меня поддерживаете: мое посещение салона Мережковских². Я якобы бывала там и даже что-то там читала. Но, во-первых, я с 1929 года вообще не бывала у них — вплоть до смерти Д. С. [Мережковского], а во-вторых, когда стала бывать — после его смерти, зимой 1942 года, то уже салона никакого не было («салон», между прочим, в буквальном смысле был закрыт, сидели вокруг стола в столовой). Бывали изредка Зайцевы, Тэффи, Мамченко³ (я — раза два в год), да два-три старика из богадельни Сент-Женевьев де Буа. С большим трудом (З. Н. [Гиппиус] была почти совершенно глуха) велся разговор. Конечно, о том, чтобы что-нибудь кому-нибудь читать, никому и в голову не приходило.

Скажу еще об одном деле: до Вас, быть может, дошли в свое время слухи о том, как немцы предлагали нескольким писателям издать их произведения для оккупированных областей России. Они обратились к Мережковским, а уже они — к Зайцеву, Тэффи, Ремизову⁴, Шмелеву, мне и еще кому-то. Никто рукописей никаких не дал и денег, конечно, не получил. Тогда

¹ Шлезингер Фанни Самойловна (?–1959) в конце 1930-х годов участвовала в создании кружка «Друзья русских писателей», целью которого было оказание материальной помощи литераторам. Председателем кружка был И. А. Бунин.

² Мережковские: Дмитрий Сергеевич (1966–1941) — прозаик, поэт, публицист, и его жена Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — поэтесса, прозаик и литературный критик. В эмиграции в 1919–1920 годах в Польше, с 1920 года в Париже. В 1926 года организовали в Париже литературно-философский салон «Зеленая лампа». Увлекались итальянским фашизмом и его лидером Б. Муссолини, при встрече с которым Мережковский сравнил его с Данте. Приветствовали нацистов, полагая, что Гитлер сможет освободить Россию от большевизма.

³ Мамченко Виктор Андреевич (1901–1982) — поэт и журналист. В эмиграции с 1920 года в Тунисе, с 1923-го — в Париже.

⁴ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — писатель. В эмиграции в 1921–1923 годах в Берлине, с 1923-го — в Париже.

немцы произвели гораздо более выгодную для них операцию: они просто скупили в русских книжных магазинах (за наличные деньги) русские книги, так что в Киеве, Пскове и Одессе продавались и мои, и Ваши, и даже Цвибаковы сочинения! Голод был там на книги отчаянный — об этом писал мне один старый русский литератор, оказавшийся по сю сторону фронта, левый эс-эр, друг Блока, знакомый мне по Петербургу 1922 г.¹ Так что люди буквально плакали от радости, когда держали в руках лоскут «Пос[ледних] Нов[остей]», старую книжку «Совр[еменных] Зап[исок]» Или Ваши, или мои сочинения. Об этом у меня есть очень интересные письма. Конечно, главным образом в Россию шла заваль — не разошедшаяся здесь. Мне говорил один издатель (и мой, и Ваш), что романы Корсака² грузились «тоннами».

Возвращаясь к Вашим письмам я скажу еще, что мерзавец, с которым не судятся, но которого при встрече бьют, пользуясь близостью с Вами, сделал все, чтобы клевета его подействовала. Но кто он? Мы что-то не слыхали здесь, чтобы он, или его взрослый сын³ отличились за эти годы в «резистанс». Теперь он, представитель на Францию «Нового журнала» и получатель на весь Париж посылок и помощи литераторам. Всем

---

¹ Несомненно, речь идет о Разумнике Васильевиче Иванове (лит. псевд. Иванов-Разумник) (1878–1946), историке литературы, литературном критике, публицисте. По партийной принадлежности Иванов-Разумник был левым эсером. В 1933–1936 годах — в ссылке, в 1937–1939 годах находился под арестом. В сентябре 1941 года оказался на оккупированной территории, в г. Пушкине под Ленинградом. В марте 1942 года был вывезен в Германию (его жена, урожд. Оттенберг, была по происхождению немкой) и помещен в лагерь для рабочих с Востока в Конице, близ Дрездена. Иванов-Разумник дал объявление в берлинскую газету «Новое слово» с просьбой откликнуться своих друзей и знакомых. Первой отозвалась Берберова, писавшая ему 30 апреля 1942 года: «Вы ли это, автор статьи о „Двенадцати“ и „Скифах“, друг Белого и Блока, сотрудник Вольфины?». См. подробнее: *Шерон Ж.* Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 44–54. См. также: *Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов* / Публ. О. Раевской-Хьюз. М., 2001.

² Корсак (наст. фам. — Завадский) Вениамин Валерианович (1884–1944) — прозаик и поэт, участник Белого движения. С 1920 года в эмиграции в Египте, с 1922-го — в Париже.

³ Полонский Александр Яковлевич (1925–1990) — во время Второй мировой войны жил в Ницце, был связным участников Сопротивления.

ясно — почему. Увы, прикрывшись Вашим именем, он сделает еще не одну подлость — не против меня, но против любого не понравившегося ему человека. Вы спросите: почему? Есть у французов словечко, которое все объясняет: в любой среде Вы услышите его. Когда услышите, не настаивайте, не спрашивайте, что оно значит. Это словечко — жалузи¹. Кюре убил свою любовницу — жалузи. Старая дева свою горничную — опять жалузи. Кто-то кому-то написал анонимное письмо — опять и опять жалузи. А большего добиться невозможно. Думаю, что это словечко сейчас пригодилось бы и нам.

Цель этого письма — не только Вам рассказать правду о себе, но и сделать, чтобы как можно большее количество моих друзей ее узнало. Я посылаю десять копий — разным людям, меня знавшим. Я прошу их как можно шире распространить все то, о чем я здесь пишу. Вы продолжаете писать в Париж, что большинство сотрудников «Нового журнала» уйдет, «если журнал напечатает Б[ерберо]ву». Печататься я пока не собираюсь, я уже пять лет не печаталась, но я хотела бы, чтобы люди, которые помнят меня, не краснели за меня. У меня есть доброе имя. Я борюсь за него. Подумайте только: Элькин² из Лондона запросил Маклакова, что ему думать о доносах на меня Полонского! Воистину: два континента заняты моей особой, благодаря этому негодяю.

Мне не хочется Вам говорить, чего именно я хотела бы от Вас. Я думаю, что Вы и так это поняли. Вспомните, Марк Александрович, что Вы живете в свободной стране, окруженный единомышленниками, у Вас журнал, у Вас газета. Я же и мои друзья, согласные с Вами в основном и вечном — принуждены жить сейчас в Париже, как если бы мы жили в «маки».

Н. Берберова

*Архив Гуверовского института войны, революции и мира,
Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния, США.*

*Коллекция М. В. Вишняка. Коробка I-D. Машинопись.
Копия с собственноручной подписью Н. Н. Берберовой.*

¹ Жалузи (*фр.* jalousie) — ревность, зависть.

² Элькин Борис Исаакович (1887–1972) — юрист, публицист, издатель. В эмиграции с 1919 года в Берлине, с 1933 года — в Париже, с 1939 года — в Ирландии, с 1940 года — в Великобритании.

№ 2

М. А. Алданов — М. В. Вишняку

13 ноября 1945

Дорогой Марк Вениаминович.

Вчера мы похоронили Михаила Осиповича [Цетлина]. Его кончина для меня большое горе. Должен написать его некролог, — очень тяжело.

Марья Самойловна [Цетлина]¹ держится превосходно. Я сегодня опять у нее был.

Михаил Михайлович [Карпович] был на похоронах, и мы говорили о журнале. Мне так неприятна эта работа (бесконечные письма, неприятности, корректуры, сбор денег, и т. п.), что по совести я хотел бы передать «Новый журнал» другой группе: он слишком меня утомляет и слишком много отнимает времени, которого у наших лет немного. Однако и другой группы нет, и, главное, Марья Самойловна непременно хочет продолжать дело, да и Михаил Михайлович стоит за это. Мы порешили, что он и будет впредь *единоличным* редактором. Я буду помогать, но все решать будет он, и только его имя будет на обложке. Марья Самойловна обещает, что часть черной работы будет с меня снята, — хотя я совершенно не вижу, как и кем: мы ничего платить не можем. Я именно за эти три-четыре месяца на себе почувствовал, как много работы делал до того Михаил Осипович.

Я уже писал Вам о Ваших рецензиях. Не сердитесь на меня. Типография их не нашла. М[ария] Сам[ойловна] говорит, что не находит их в бумагах покойного Мих[аила] Ос[иповича], а как теперь настаивать? Надеюсь, у Вас сохранились копии.

По Вашему желанию, посылаю при сем письмо Берберовой (верните). Я отроду не говорил и не писал никому в Париже девяти десятых того, что она мне приписывает. Я вообще о ней не писал ничего, кроме ответных двух писем Зайцеву и Рыссу, которые вяло (особенно второй) ее защищали. Не мог же я им ответить на их просьбу ее реабилитировать. Удивительно, что она основной факт, свою «ориентацию» в 1940–1 году, признает,

¹ Цетлина (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882–1976) — жена М.О. Цетлина, меценат и общественный деятель, была одним из инициаторов издания «Нового журнала», поначалу выполняла функции его администратора и секретаря.

и в какой форме (я отчеркнул красным карандашом на полях) — и, очевидно, совершенно не понимает, что же тут было дурного! Кстати, тут же сама избочивает других, напр. «чету поэтов», т. е. Иванова и Одоевцеву (Иванов сюда прислал несколько писем, в которых тоже говорил, что его оклеветали разные «мерзавцы»). Я парижанам сто раз советовал устроить в Париже суд чести. То же самое я ответил бы Берберовой, если бы в ее письме не было грубейшей брани по адресу Полонского (даже Ляли коснулась!). Теперь ответить не могу и не отвечаю. Пожалуйста, кроме Самсона Моисеевича¹, никому обо всем этом не говорите и не пишите. Меня это письмо расстроило: ведь не могу же я всем получившим его объяснять, что она мне приписывает то, чего я никогда не говорил и не писал (впрочем, меня теперь расстраивает теперь решительно все). Почему она думает, что о ней сюда писал *только* Полонский, и почему Полонский именно к ней должен был испытывать такую жгучую «жалузи», — остается ее секретом. Со всем тем, как Вы знаете, я был решительно против разоблачительных статей Якова Борисовича, просил Полякова их не печатать и писал Полонскому, что он на суде не смог бы доказать многих своих обвинений.

Напишите мне, пожалуйста, не жалея места, что Вы (и С[амсон] М[оисеевич]) об этом думаете.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет, такой же Марье Абрамовне.

Ваш М. Ландау.

Бергер сказал мне, что исполнит Вашу просьбу.

Я все-таки думаю, что Вам благоразумнее не отказываться пока от места.

Там же. Кор. 1-А. Машинопись. Подлинник.

¹ Соловейчик Самсон Моисеевич (1889–1974) — член партии эсеров, публицист. В эмиграции сначала в Берлине, с 1925 — в Париже. Был помощником А. Ф. Керенского по редактированию газеты «Дни» во второй половине 1920 — начале 1930-х годов и журнала «Новая Россия» (1936–1940) в Париже. С 1940 года в США. С 1946 — профессор Канзасского университета. По словам Вишняка, его бывший приятель, ставший профессором-эмеритус (заслуженным профессором) того же университета, «не написал даже брошюры ни на одном языке. Потом увлекся Советами, неоднократно ездил туда, восхвалял там ставшее и более чем критически относиться к здесь существующему» (Вишняк М. В. — Пахмусс Т. А. 9 декабря 1968 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box 6-C).

№ 3

М. В. Вишняк — М. А. Алданову

21-ое ноября 45 г.

Дорогой Марк Александрович!

Благодарю Вас за Ваше письмо и присылку письма Берберовой. Отвечаю с некоторой «оттяжкой», потому что ждал, по Вашей просьбе, «заклучения» Самс[она] Моисеевича по тому же малорадостному делу. Оказалось, что мы снова разошлись с С[амсоном] М[оисеевичем] во мнениях, и он напишет Вам самостоятельно очень подробный — и интересный — разбор письма Б[ерберовой]. С прокурорским, я бы сказал, подходом к ее показаниям¹. Не буду писать своего «заклучения», — которое

¹ Письмо С. М. Соловейчика к М. А. Алданову от 21 ноября 1945 года находится среди бумаг последнего в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Подробный разбор письма состоял из восьми пунктов. Приведу наиболее выразительные из них: «1) Письмо Берберовой заключает в себе признание двух основных фактов, о которых, насколько мне известно, шла речь. Это, во-первых, прогитлеровская позиция, занятая Берберовой и занимавшаяся ею не то три месяца, не то год... 3) Второе признание касается профессии, выбранной Макеевым в годы оккупации... 4) Оказывается, не только она, но и Н. В. М[акеев], торгуя картинами, тоже „ни с одним немцем дела не имел“. Кому же он продавал картины? Чехам, китайцам, русским? И „за кого же она держит“, как говорил один весьма почтенный, но не совсем твердый в русском языке адвокат, читателей своих циркулярных показаний? ... 7) Неясно также, почему Берберова сейчас живет в Париже, „как в маки“. Что им угрожает? Дело тут не в „непримиримости“ — вот ведь Мельгунов живет же „не как в маки“... Почему „маки“, если их поведение во время оккупации ничем не отличалось от поведения Погосьяна, Роговского и сотен других. Ведь Н. В. М., оказывается, даже был участником «резистанс» (когда? До 1942 года, когда он безвылазно сидел в деревне, или после 1942 года, когда он начал торговать картинами?). Чего же им бояться? Должен кстати, сказать, что самое гнусное впечатление (в письме, посланном даже не Вам лично, а для всеобщего сведения) на меня произвело даже не упоминание о том, что какая-то баронесса, по просьбе Берберовой, оказывала денежную помощь Вашему брату, а декларация о вечной «непримиримости». О какой «непримиримости» смеет говорить человек, стоявший за «кооперацию» с Гитлером? 8) Вывод: Берберова, пока была надежда на победу немцев, была за «кооперацию» с Германией и гитлеровский «новый порядок» (без «грубого материализма»), а Макеев и после этого продолжал торговать картинами, единственными покупателями которых, по доходившим сюда сведениям, были немцы. Все остальное — затетание следов, притом сделанное так, чтобы Вы не могли ответить (поэтому столько ругани). Цель: добиться хотя бы от одного из адресатов ответа с выражением сочувствия невинно оклеветанной жертве, пострадавшей за «непримиримость»...» (M. Aldanov Collection. Box 10. Rare Book and Manuscript

является скорее даже не заключением, а впечатлением, — отталиваясь от того, что доказывает С[амсон] М[оисеевич] напишу так, как мне почувствовалось при чтении письма и каким остается мое впечатление после обдумки в течение нескольких дней и выслушания доводов С[амсона] М[оисеевича].

Начну несколько издали и более или менее — доверительно. Я никогда не был другом Н. Н., не целовал ей рук, не признавал в ней «секс-апил» (имею в виду Ивана Алексеича) и т. д. Но я приятельствовал с ней, ценя и приятельствуя (так! — О. Б.) с Ходасевичем¹. Много в ней мне не нравилось, но я не мог отрицать ни ее ума (не даровитости), ни ее работоспособности и энергии. Как беллетристку я ее никак не ценил, — хоть и печатал. В итоге — я никак не могу причислить себя к расположенным в ее пользу по той или иной причине. Я не только хочу быть, как каждый из нас, «объективным» — или справедливым, но, думается, и могу им быть в этом деле.

Что я знал о недоброкачественном поведении Н. Н. за время оккупации? — Как и другие, я, во-1-х, слышал, что она приглашала не то к литературному сотрудничеству, не то к чему-то другому, связанному с признанием и примирением с наци, Бунина и Адамовича; во-2-х, что Макеев делал недурные дела с немцами и настолько далеко зашел в желании приспособиться к ним, что даже переименовал себя в «фон» Макеева; и, наконец, в 3-их, что от таких «неправедных» трудов у четы М[акеевых] оказались «палаты каменные» в форме особняка в центре Парижа на rue Миромениль.

Я отнюдь не склонен придавать полную веру всем словам и заявлениям Берберовой. Кое-что в них меня даже возмущает (например, — полная безучастность к судьбе евреев вообще и примирение с отдельными случаями террора, свирепствовавшего с первого же дня: «Марианну услали сейчас

Library, Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture, Columbia University). В письме Соловейчика упоминаются историк и публицист Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956), занимавший непримиримо антисоветские позиции, что было небезопасно в условиях активной деятельности советских спецслужб в послевоенной Франции, а также участники антифашистской «группы Маклакова» М. М. Тер-Погосян и Е. Ф. Роговский.

¹ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — поэт и литературный критик, в гражданском браке муж Н. Н. Берберовой в 1922–1932 годах.

же», — отмечает сама Б[ерберова], — вплоть до того, как, вместе со все-французским умонастроением, изменилась и политическая ориентация Нины Никол.); другое же звучит неправдоподобно и даже комично: «мы (?) были слишком разочарованы парламентаризмом... Россия была с Германией в союзе — это тоже обещало что-то новое (?). Мы (?) увидели идущий в мир не экономический марксизм и даже не грубый материализм» и т. д. Это все «разговоры для бедных» и — дисгармонирует с очень умно и ловко составленным документом.

Но если ВСЕ три основания, на которых покоются наши суждения, формально опровергаются, мы не имеем, мне кажется, права настаивать на своих суждениях, не попытавшись их проверить.

Что Б[ерберова] думала про себя, никто не знает и, в конце концов, не существенно. Существенно ее внешнее оказательство. Зная, что и как пишет мистер Седых — сегодня поп, а завтра раввин, — я не стал бы полагаться на его единоличные заявления. Я хотел бы вновь перечитать письмо, которое мне зачитал Александр Абрамович [Поляков] — от Адамовича. Там, мне кажется, содержится некое не вполне категорическое, но все же указание на полученное им от Б[ерберовой] письмо с предложением. Может быть, у Вас имеются другие данные или даже источники осведомления. У меня их не было, и я их не знаю. — Но по этому пункту Б[ерберов]ву можно «оставить под подозрением», в худшем случае, но никак еще не осудить.

Второй пункт о «фон» М[акеев] представляется мне столь убедительно объясненным — и опровергнутым, — что я рекомендовал бы с ним не считаться по крайней мере до получения от Якова Борисовича его версии: откуда он взял своего «фона»?

Наконец, третий пункт, о доме на Миромениль, убедителен только в том отношении, что Макеева никто к суду не привлек, не арестовал и проч. Несомненно, что он имел дела с немцами, «жил» ОТ немцев, даже если получал деньги в конторе Лувра. Меня справедливо считают морально-политически мало терпимым ко всяким дельцам и делишкам. Макеев, как Вы знаете, не герой моего романа: я не был его шафером на плюс первой свадьбе и не обелял его растраты с «христианской» точки зрения. И сейчас он мне мало привлекателен. (Я знаю, что

в Швейцарии он произвел недавно отвратительное впечатление на Кускову¹.) Но я убежден, что в той или иной мере НЕ жили от немцев во время оккупации и режима Виши только немногие: либо «фанатики», либо счастливики. Формально все общались через французские учреждения с немцами. И, потому, желая быть беспристрастным, я не стал бы поддерживать против Б[ерберовой] обвинения в коллаборации с немцами на том основании, что и она косвенно обогащалась и обогатилась «благодаря» Макеевским сделкам, или проделкам. Иметь большой особняк на Миромениль одно, иметь же там квартиру, хотя бы о 6 комнат, — совсем другое.

Письма Бунина и Адамовича, которыми Б[ерберова] заручилась, стоят, конечно, немногого. Но проверить данные, которыми мы располагали о Б[ерберовой], — если и у Вас нет ничего другого, как у меня, — мне кажется, покажется. Если Вы не послали копии ее письма Полонскому, пошлите, не откладывая. Постарайтесь получить контр-реплики на реплики Б[ерберов]ой и со стороны людей не в драке, показания которых могли бы быть внутренне убедительными. Я предполагаю в письме к Амин[аду] Петров[ичу]², которое напишу на днях, запросить его обо всей этой истории. Я ему верю.

* * *

Уверен, что я Вас вдвойне не удовлетворил: и по содержанию своего «впечатления», и аргументацией. Бога ради, не говорите даже себе, а не то, что другим, что я «защищаю» Берберову. Отнюдь нет!!! Будь я в Париже, я, вероятно, перестал бы с нею общаться. Но в обладании тех данных, которыми я обладаю, я не стал бы доказывать, что она и Мережковский были более или менее одним и тем же. Как я считаю вредным плодить лишних

¹ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — социал-демократка, затем сближившаяся с либералами, деятельница кооперативного движения, публицистка. В 1921 году была арестована по делу Всероссийского комитета помощи голодающим, в руководство которого она входила, в 1922-м выслана за границу. В эмиграции жила в Берлине (1922–1924), Праге (1924–1939), с 1939 года — в Швейцарии.

² Шполянский (лит. псевд. Дон-Аминадо) Аминад Петрович (1888–1957) — поэт и мемуарист. В эмиграции во Франции с 1920 года.

антисемитов, выдавая за антисемитов и тех, кто всячески отрещивается от того, так я бы не стал общественно-политически настаивать на том, что коллаборационистами являлись и те, кого фактически никак нельзя уличить в том. Всякое сомнение должно идти в пользу подозреваемого не потому только, что это догма всякого правосудия, — но и потому, что во всяком массовом явлении вы вынуждены пользоваться этой предпосылкой, чтобы не погрязть окончательно в «третейских судах» и проч. В порядке личном я вынес бы одно решение, даже если бы «улики» были не на все 100% убедительны, но в порядке общественном, как и в случае с Вольским¹, я не был бы столь категоричен.

* * *

Мне нетрудно себе представить, как Вам не только неприятно, но, вероятно, и мучительно вся эта история — и лично, и общественно. Вопреки Вам, я не рискую осуждать Якова Борисовича, ЕСЛИ ВСЕ, что он утверждал, ОН ИМЕЛ ОСНОВАНИЯ СЧИТАТЬ ПРАВИЛЬНЫМ. Я почел бы своим моральным

---

¹ Вольский (лит. псевд. Н. Валентинов, Е. Юрьевский и др.) Николай Владиславович (1879–1964) — публицист и мемуарист; социал-демократ (меньшевик) до лета 1917 года. С 1928 года в Париже, редактировал газету советского торгпредства на французском языке. В 1930 году перешел на положение эмигранта. Говоря о «случае с Вольским», Вишняк имел в виду его антисемитские высказывания в годы войны. Б. И. Николаевский распространил письмо к нему П. А. Берлина от 20 мая 1945 года, в котором тот, в частности, рассуждал о воздействии на русских эмигрантов нацистской литературы: «В течение четырех лет изо дня в день читалась только эта литература и если сама по себе она не в состоянии была обратить в свою веру подавляющее большинство русских эмигрантов, то оглуляюще и опошляюще действовала. К чести русской демократической эмиграции лишь немногие единицы подверглись немецкой заразе. Оказался в числе этих немногих, к сожалению, Вольский, который (к счастью, лишь в письмах и разговорах) начал проповедывать необходимость различения „арийской“ и „еврейской“ политики и сочувствия к первой и борьбы со второй. Доказывал частичную правоту антисемитизма и издевался над „еврейской“ борьбой за политическую „швободу“ (это слово он иначе, как через „ш“, не писал и не произносил), к которой равнодушны „арийские“ народы. Но, повторяю, эта проповедь мало кого соблазнила и даже такие терпимые люди, как Церетели, Одинец, Мочульский, не говоря о евреях, прервали с Вольским всякие сношения. Теперь он встряхнулся и как ни в чем не бывало возвращается к старому» (цит. по копии, находящейся в архиве Вишняка в Гуверовском институте, коробка 6-А).

долгом сделать то же, если бы я узнал нечто подобное даже о ближнем своем, — это элементарнейший долг перед замученными теми, с которыми так или иначе общались Макеевы. Но ЕСЛИ все это было — или казалось — правдой!.. Якова Борисовича Вы знаете несравненно лучше меня. Он человек горячий и страстный, но, судя по его статьям, он мне казался точным и методичным. Сейчас приходится проверить его подход к общественным делам — руководствуется ли он только страстью («беззаветной любовью и безотчетной верой в единого и непогрешимого Павла Николаевича¹», ненавистью к врагам еврейского народа и т. п.) или он опирается на факты. — Слово за ним в первую очередь. Не откажите, пожалуйста, осведомить меня о его реакции на письмо Б[ерберовой] (я копии обещанной от нее не получил, — и вообще «свят» во всем этом деле).

Повторяю: очень Вам сочувствую и понимаю, как Вам неприятно. Но такова судьба не только редактора, как я многократно Вам доказывал, но и общественного деятеля, всячески желającego им не быть!

* * *

С большинством Ваших замечаний относительно письма Б[ерберовой] я согласен. Но это, мне кажется, все-таки не меняет существа дела.

Написал, еже писах, — «не жалея места», как Вы просили.

—————

Хотя подтверждения не получил, но все же надеюсь, что обе мои рецензии, вновь написанные, получены Бергером своевременно.

* * *

Вы советуете мне «не отказываться от места». Но я и не предполагал отказываться. Буду мыкаться здесь, пока будут держать

---

¹ Имеется в виду Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — историк и публицист, лидер партии кадетов, депутат 3–4-й Государственных дум, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. В эмиграции в 1918–1920 годах в Лондоне, с 1921 года — в Париже; редактор наиболее популярной эмигрантской газеты «Последние новости» в 1921–1940 годах.

или вообще не закроют «заведения», — что может случиться, на мой взгляд, очень скоро. Увы, и на этот случай не вижу для себя не то что службы, но даже работы.

Лучшие приветы Т[атьяне] М[арков]не¹ и Вам от нас обоих.

А как с визой во Францию? Может быть, Вы уже отказались от бывшего плана, — в частности, чтобы не встретиться с Ниной Николаевной?!

Там же. Машинопись. Копия.

№ 4

М. А. Алданов — М. В. Вишняку, С. М. Соловейчику

26 ноября 1945

Дорогие Марк Вениаминович, Самсон Моисеевич.

Получил сегодня Ваши письма о Берберовой, большое спасибо; Вы оба потратили много времени на разбор и на ответ.

Я письма ее Полонскому не посылал и не пошлю, так как 1) узнав, что она в циркулярном письме касается не только его, но и его жены и сына, он мог бы сделать что-либо дикое, 2) в моем препроводительном письме к нему был бы неизбежно неприятный элемент: «ай толд йу со»². Как Вы знаете, я не только был против помещения трех четвертей его разоблачений в «Н[овом] р[усском] слове», но и *безуспешно* просил А. Полякова и Цвибака этих трех четвертей не печатать. Как Вы, кажется, тоже знаете, я исходил главным образом из простого соображения: недостаточно, чтобы разоблачения были верны (если они и верны), — надо еще иметь возможность их *доказать*. Я и говорил Полякову и Цвибаку, что они могут печатать только то, что подтверждено цитатами из писаний разоблачаемых лиц. Я и теперь не знаю, разбогатела ли чета Макеевых и продавал ли он *еврейские* картины и продавал ли их немцам. Вы, дорогой Самсон Моисеевич, по-видимому, в этом убеждены, но Вы приводите только косвенные и не на 100 процентов убедительные доказательства. Доказать же это в государственном суде невозможно, а на суде чести — трудно. Поэтому, по-моему, они [одно слово нрзб.] о Б[ерберо]вой печатать не должны были: она ведь

¹ Алданова (урожд. Зайцева) Татьяна Марковна (1893–1968) — жена М. А. Алданова.

² Ай толд йу со (*англ.* I told you so) — *здесь*: говорил же я вам.

ничего в пору оккупации не напечатала. Достаточно было просто прекратить с ней отношения, что я и сделал. Я мог убедить их выпустить лишь очень немного. Большую часть они напечатали. Напечатали, к большому моему сожалению, и о «фон Макеев», а это (если это и верно — в чем я сомневаюсь) тоже доказать нельзя: «где эта карточка»? Теперь и Вы, дорогой Марк Вениаминович, кажется, с этим согласны? Между тем Вы, в отличие от меня, тогда одобряли и приветствовали все его разоблачения. А ведь и тогда было ясно, что доказать все это почти немислимо.

Итак я Полонскому письма Б[ерберо]вой не послал. Но А. А. Поляков, получивший копию ее письма, прочел его Цвибаку, который Якова Борисовича о нем подробно осведомил, причем зачем-то добавил, что я боюсь его «огорчить» присылкой этого письма. На это Яков Борисович ответил прилагаемой при сем (прошу вернуть) припиской к письму ко мне¹ и длинным письмом к Полякову и Цвибаку. Последнего письма я не читал, но Цвибак сегодня как раз сказал мне по телефону, что оно его вполне убедило и что для него «вопрос о Б[ерберо]вой теперь совершенно ясен». Надо однако, чтобы это было ясно не только ему, но и суду (лично я впрочем склонен думать, что она к суду НЕ обратится, — об адвокате только так пишется). Как Вы догадываетесь, в субъективной правдивости Якова Борисовича я ни на минуту не сомневался и не сомневаюсь. Б[ерберо]ва пишет, что им руковдила «жалузи»! Это очень забавно: почему «жалузи» сосредоточилась именно на ней?! Он очень честный и порядочный человек, но слишком темпераментный, увлекающийся и раздражительный. Вдобавок, он очень много пережил ужасов в эти годы (Б[ерберова] пытается тут сказать о нем, а заодно о Ляле (!) что-то весьма пренебрежительное, но я знаю, что он изготавлял фальшивые паспорта. Что делал в «Резистанс» Н. М[акеев] — мне неизвестно; об этом она скромно не сообщает). Но дело, повторяю, и не в субъективной правдивости его, и даже не в объективной верности его разоблачений, а в возможности их *доказать*.

Вы, Марк Вениаминович, находите письмо Б[ерберо]вой «очень умно составленным»! Я прямо противоположного мнения

¹ «Приписка» Полонского среди бумаг Вишняка мной не обнаружена.

(и очень удивлен: считал, что она поведет себя умнее. Не говорю уже о признаваемой Вами редкой глупости мотивировки ее ориентации и о противоречиях, — три месяца, год, два года, — не говорю и о ссылке на авторитет «друга Блока», — писавшего у Гестапули¹ (так в Париже называют Деспотули²). Но, конечно, она уж должна была для самозащиты отрицать в с е: «отроду не была за „кооперацию“, все гнусная клевета!» Вместо этого она, как Вы оба совершенно правильно пишете, «созналась» (так это поняли и некоторые другие из читавших копию ее письма, с кем я говорила на днях при встрече у Марьи Самойловны [Цетлиной]), — созналась в том, что держалась немецкой ориентации (после чего шли ценные мысли о «шкурниках», «эписье» и «бифштексах»!!!). Ведь Александр Федорович [Керенский] здесь говорил, что она отроду за немцев не была. Я в мыслях не имею писать ему об этом, но что он мог бы сказать теперь?

Вы оба, как мне показалось, думаете, что я должен после получения этого письма что-то сделать. Я ничего делать не собираюсь. Ее грубая брань по поводу Полонских, разумеется, лишает меня возможности ей ответить. Если бы брани не было, я вежливо ответил бы ей (как уже ответил в аналогичном случае другому писателю), что я советую ей устроить в Париже суд чести и что до решения такого суда я ровно ничего сделать не могу, — «с совершенным почтением» такой-то. Мне именно и неприятно, что я ответить не могу. Вместо этого я написал Зайцеву. Не помню, известно ли Вам, что Зайцев мне весной этого года написал письмо с вялой защитой Б[ерберо]вой от того, что о ней говорят в Париже и пишут в письмах в Нью-Йорк. Я ему тогда же ответил, что исхожу не из писем о ней, а из ее собственных писем, которые она писала после падения Парижа. Из адресатов этих писем я назвал только скончавшегося Руднева; Бунина и Адамовича (о письмах к которым Б[ерберо]вой

¹ Речь идет о Р.В. Иванове-Разумнике. Иванов-Разумник опубликовал в 1942 году в берлинской газете «Новое слово» серию статей о «писательских судьбах» в Советской России. Впоследствии статьи были собраны вместе и изданы под названием «Писательские судьбы» (New York, 1951).

² Деспотули Владимир Михайлович (1885–1887) — участник Белого движения, журналист; главный редактор в 1934–1944 годах русской берлинской газеты «Новое слово». Газета имела ярко выраженный пронацистский характер.

рассказывал здесь не Цвибак, а Яновский¹) я не назвал. Добавил, что ни в чем другом я ее никогда не «обвинял». И действительно меня может интересовать только вопрос о ее идейной ориентации, — богатство, особняк, если это и правда, не очень важны для политического суждения. В том же, что она печаталась в русско-немецких изданиях, ее здесь *никто* не обвинял, не обвинял и Полонский и другие о ней писавшие (не мне): этого не было. Летом мне о ней же написал Рысс. Он прямо говорил, что она действительно в 1940 году надеялась, что «Гитлер освободит Россию» (заметьте кстати: она пишет, что дело было в том, что Гитлер был в союзе с Россией). Однако, добавлял Рысс, это продолжалось у нее недолго, и она в русско-немецких изданиях не печаталась. Я ему ответил то же самое, что и Зайцеву, и опять сослался не на слухи (как она пишет), а на те же ее письма. И Зайцев, и Рысс показали ей мои ответы. Может быть, впрочем, не показали, а только прочли, потому что она в своем письме их совершенно искажает и приписывает мне то, чего я никогда не говорил и не мог сказать. Это тоже мне крайне неприятно: ее письмо получили шесть человек, и каждый, вероятно, поделился с другими, — не могу же я каждому объяснять, что не говорил приписываемого ею мне, и что ни малейшего противоречия в моих письмах Зайцеву и Рыссу не было, и что я ни слова о Цвибаке не писал! Поскольку дело идет лично обо мне, «оклеветанная» сторона я, а не она. Однако это все было давно (т. е. мои *ответные* письма Зайцеву и Рыссу; никому другому я о ней не писал). Теперь по получении ее письма я снова написал Борису Константиновичу [Зайцеву]. Сказал ему, что ей ответить не могу из-за грубой брани по адресу Полонского. Привел цитату о «кооперации» (отмеченную мною на ее письме красным карандашом) и снова добавил, что я *ни в чем другом* ее не «обвинял», а с меня и этого совершенно достаточно: нам с ней разговаривать больше не о чем. Я уже получил от Зайцева ответ. Он признает, что я прав, — что ее «мотивировка ориентации» крайне неудачна, но пишет, что по существу она никогда делам нацистов не сочувствовала и что она хороший человек.

¹ Яновский Василий Семенович (1906–1989) — прозаик, литературный критик, мемуарист. С 1922 года в эмиграции в Польше, с 1926-го — в Париже, с 1942 года — в США.

Конечно, он прочел ей мое письмо. Больше я ничего делать не собираюсь. Бог с ней. Если будет суд или суд чести, — увидим, что он скажет. Зачем же мне писать Альперину¹ или кому бы то ни было? Что бы он не ответил, мое отношение к Б[ерберо]вой измениться не может, так как оно основано *исключительно* на ее письмах к Бунину, Адамовичу и Рудневу, теперь расшифрованных ею самою в письме ко мне. Ни в какой «кампании» против нее я не участвовал и участвовать не буду (да и никому не стоит вести против нее «кампанию»). А в «Новый журнал» мы ее не звали, и Михаил Михайлович [Карпович] наверное и впредь не позовет², хотя бы уже потому, что ушли бы многие сотрудники, если не все (Вы первые?). Личные отношения, прежде до войны, очень добрые, у нас с ней кончены. Не говорю навсегда, так как «навсегда ничего не бывает»: вероятно, со временем будет амнистия всем, всем, всем, — ведь и самые худшие не Геринги и не Штрайхеры³, а уж столько людей и мы с Вами амнистировали за 30 лет. Не говорите «парле пур ву»⁴: верно и Вы тоже. Но это все дело будущего.

Вы, М[арк] В[ениаминович], думаете, что мне еще меньше захочется ехать в Париж из-за Берберовой. Это преувеличение. Я в Париже *хочу* увидеть человек пять, *согласен* увидеть человек двадцать пять, а за этими тридцатью следуют тысячи или по крайней мере сотни людей, с которыми я надеюсь

¹ Альперин Абрам Самойлович (1881–1968) — присяжный поверенный, предприниматель в Ростове-на-Дону, член партии народных социалистов, активно участвовал в антибольшевистском движении, был некоторое время начальником отдела пропаганды в казачьем отряде генерала Э. Ф. Семилетова. В эмиграции с 1919 года в Париже, работал в еврейских организациях, был одним из инициаторов создания Объединения русско-еврейской интеллигенции в Париже. В период нацистской оккупации находился в заключении в Компьенском лагере в 1941–1942 годах. 12 февраля 1945 года вместе с группой эмигрантов посетил советское посольство. Председатель образованного весной 1945 года Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией. Объединение уже год спустя фактически распалось вследствие разочарования его участников в способности советской власти к эволюции.

² Публикация Берберовой в «Новом журнале» появилась уже в 17-й книге за 1947 год («Воскрешение Моцарта»).

³ Геринг Герман (1893–1946) — один из лидеров нацистского Третьего рейха, длительное время занимал второе место в нацистской иерархии; Штрайхер Юлиус (1885–1946) — один из ведущих нацистских идеологов.

⁴ Парле пур ву (*фр. parlez pour vous*) — говорите за себя.

не встречаться. Гораздо больше способствует малой охоте ехать туда образовавшееся там правительство. Нам пишут, что ГПУ все еще делает в Париже все, что хочет.

Баронесса Менаше — наша давняя знакомая. Она была в особенной дружбе именно с моим покойным братом. Знала также Марголиных. Берберова, насколько мне известно, даже не была с ней знакома. Вероятно, эта богатая и милая дама спросила Олю Марголину, каков адрес больницы брата, а Оля спросила Берберову, как можно послать деньги. Только к этому могла сводиться ее «протекция» в данном случае.

Еще раз очень Вас обоих благодарю.

Обе Ваши рецензии, М[арк] В[ениаминович], успели вовремя и вошли в 11-ую книгу¹. Она уже печатается. Должна была печататься давно, но из-за кончины Мих. Осиповича [Цетлина] надо было отложить: мы могли еще вставить короткий некролог. Корректуру всей публицистики, после авторской правки, прочел Михаил Михайлович [Карпович]. В Вашей статье он обнаружил одну пропущенную строчку, которую и вставил.

Визы мы еще не имеем. Но Сюртэ Женераль² уже дала благоприятный отзыв и мы надеемся скоро визу получить, после чего надо хлопотать о ризэнтри³. Если не дадут, я не поеду. Мне в нынешней Франции с той ее атмосферой, которую Вы, дорогой С[амсон] М[оисеевич], правильно называете жеманфишистским амикошонством⁴, делать решительно нечего.

Мы шлем Вам и супругам самый сердечный привет.

Ваш М. Ландау.

Все это письмо конфиденциально.

Буду Вам очень благодарен, если Вы уточните то, что Вам написала Кускова: чем Мак[лаков?] произвел на нее отталкивающее впечатление?

Там же. Машинопись. Подлинник.

¹ Имеется в виду «Новый журнал».

² Сюртэ Женераль (*фр.* Sûreté Générale) — служба безопасности.

³ Ризэнтри (*англ.* reentry) — обратный въезд.

⁴ Жеманфишистское амикошонство — неразборчивая фамильярность (*искаж. фр.*).

№ 5

М. А. Алданов — М. В. Вишняку

19 января 1947

Дорогой Марк Вениаминович.

Получил Ваше письмо, нахожусь, как видите, в Ницце. Мы оба очень сожалеем, что М[ария] Абр[амовна] все чувствует себя не очень хорошо. Не думаете ли Вы, что ей теперь, когда есть возможность, следовало бы уехать хоть на месяц в санаторию? При ее болезни отдых и воздух делают чудеса.

По-видимому, Вас потрясло мое «лобызанье» с Одинцом¹!! В чем дело? Вы и прежде знали, что я в меру возможного отделяю политическое от личного. Вы от меня слышали, как весело (единственный раз на моей памяти) хохотал покойный Павел Николаевич [Милюков], когда я его спросил по поручению А., — «подаст ли он ему руку»: «М. А., кому я только не подавал и не подаю руки!» Разумеется, П. Н. был совершенно прав (повторяю, «в пределах возможного»). Подавание руки ровно ни к чему не обязывает и ничего не означает. Так думаю ведь не только я. Разве Николаевский² не подавал руки Бухарину³ или ген[ералу] Герасимову⁴, за которыми все же значились не такие *дела*, как за

¹ Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) — так же как и Алданов, член партии народных социалистов, историк и публицист. В эмиграции — профессор Сорбонны и Русского народного университета, в 1925–1940 годах возглавлял Тургеневскую библиотеку в Париже. После войны примкнул к «советским патриотам», в марте 1948 года депортирован в советскую зону оккупации Германии, в 1948–1950 годах — в СССР, где преподавал на историческом факультете Казанского университета.

² Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — социал-демократ, член ЦК партии меньшевиков, историк и архивист, публицист, автор многочисленных исследований по истории русского революционного движения. В 1922 году выслан из Советской России, в 1922–1933 годах — в Берлине, в 1933–1940 годах — в Париже, с 1940-го — в США. Его колоссальная коллекция (811 коробок документов) находится в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета, где Николаевский работал в последние годы своей жизни.

³ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — один из лидеров партии большевиков, неоднократно входил в состав ее ЦК и Политбюро ЦК, был редактором «Правды» и «Известий»; Алданов имеет в виду встречи и беседы Николаевского с Бухариным во время посещения последним Парижа в 1936 году с целью приобретения архива К. Маркса у германских социал-демократов. См. подробнее: *Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным*. М., 1993.

⁴ Герасимов Александр Васильевич (1861–1944) — в 1905–1909 годах начальник Петербургского охранного отделения, фактически руководитель политического

Одинцом? А в с е французские политические деятели? А недавний завтрак Блюма¹ (министры обязаны вести переговоры и т. д., но завтрак обязанностью считаться не может). Я Одинца знаю 30 лет, состоял с ним чуть не все это время в комитетах нашей партии, — и «не подать ему руки» уже никак не мог бы. Добавлю, что он не «продался»: лечащий его д-р Карасик говорил мне, что Одинец живет впроголодь: он в «С[оветском] Патр[иоте]»² получает шесть тысяч франков в месяц. И он тяжело больной человек. Не совсем понимаю, почему Вы его противопоставляете Берберовой. Если Вы хотели сказать, что с него, как с образованного политика, требуется больше, я с Вами согласен. Но, быть может, и Вы считаете, что люди, сочувствовавшие немцам, лучше большевизанов (кажется, такова последняя мода?); тогда это для меня неожиданно и тогда должен бы удивляться я: прежде мы смотрели на дело не так. Впрочем, должен Вам сказать, что месяца два тому назад я в холле гостиницы случайно встретился с Берберовой. Она подошла ко мне: «Марк Александрович, здравствуйте», — хотя я не ответил на два ее письма: не мог ответить из-за брани по адресу членов моей семьи. Я «корректно» поговорил с ней с минуту и считаю, что так и должен был поступить. Совершенно другое дело — какие-либо общественные выступления, хотя бы самые невинные. Недавно в Париже был завтрак с речами с честь Бунина, по случаю выхода «Темных аллея». Несмотря

розыска в стране. Непосредственно курировал знаменитого провокатора Е. Ф. Азефа. В эмиграции — в Германии, где с ним часто общался Николаевский во время работы над книгой об Азефе (*История одного предателя*. Берлин, 1932). Николаевский побудил Герасимова написать воспоминания, которые сначала вышли в 1934 году в немецком и французском переводах, а полвека спустя — на языке оригинала: *Герасимов А. В. На лезвии с террористами*. Париж, 1985. Алданов и сам пользовался, при посредничестве Николаевского, сведениями Герасимова при подготовке своего очерка «Азеф» — см. об этом в нашей публикации «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М. А. Алданова и Б. И. Николаевского (*Источник*. 1997. № 2). О «работе» Николаевского с Герасимовым см. также в кн.: *Будничкии О. В.* (авт.-сост.). *История терроризма в России*. Ростов-на-Дону, 1996. С. 452.

¹ Блюм Леон (1872–1950) — французский политический деятель, социалист; неоднократно входил в состав правительства, в том числе в качестве премьер-министра. В годы войны находился в лагере в Германии.

² Газета «Советский патриот» — орган советских патриотов, а затем Союза советских граждан во Франции, главным редактором которой был Д. М. Одинец, выходила в Париже с марта 1945-го по январь 1948 года.

на свою тесную дружбу с Иваном Алексеевичем, я на завтрак не пошел, потому что там были все, все, все — в трогательном единении. Не пойду по той же причине на вечер Зеелер-Зайцевского¹ союза в память Блока: там будут тоже говорить все, все, все. Это не совсем «общественное выступление», но я предпочитаю держаться в стороне. В частных же домах я встречал и б[ывших] сотрудников «Парижского Вестника»², и нынешних сотрудников обеих газет³ (одна лучше другой), — и не только здоровался, но и холодно корректно разговаривал — не о политике. Должен еще добавить следующее. Вы подумываете о поездке в Париж. Если Вы едете с намерением «не подавать руки», то имейте в виду заранее, что в русской колонии (*говорю преимущественно о пишущих людях и примыкающих к ним*) Вы сможете «подавать руку» человекам двадцати. Так много здесь людей, сочувствовавших прежде немцам, и так много сочувствующих теперь большевикам. Иногда это одни и те же люди.

Может быть, я немного стущаю краски: не двадцати, а ста, — я не считал. Но моральная атмосфера русской колонии в Париже тяжела. Думаю, что над прошлым скоро поставят крест, так как другого выхода и нет. Так сделали и французы. Что до настоящего, то от него можно жить в стороне. Так, напр., Аминадо вообще никого не видит. Когда Надежда Михайловна⁴ ему говорит: «Ты знаешь, я сегодня встретила»... он прерывает ее, не дослушав: «Ты никого не встретила!» Это уже крайность. Однако заниматься здесь общественной работой мне было бы крайне тяжело.

[...]

Там же. Машинопись. Подлинник.

¹ Речь идет о Союзе писателей и журналистов в Париже, генеральным секретарем которого был Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954) — юрист, общественный деятель и публицист.

² «Парижский вестник» — еженедельная русская газета пронацистского направления, издававшаяся Управлением делами эмиграции во Франции с июня 1942-го по август 1944 года. Редакторы О. В. Пузино, П. Н. Богданович, Н. В. Пятницкий.

³ Имеются в виду просоветские газеты «Советский патриот» и «Русские новости» (май 1945 — ноябрь 1970). Последняя выходила в 1945–1951 годах под ред. А. Ф. Ступницкого.

⁴ Шполянская (урожд. Кравцова) Надежда Михайловна (?–1978), жена Дон-Аминадо.

№ 6

Н. Н. Берберова — М. В. Вишняку

13 ноября 1965

Princeton University, Princeton, New Jersey

Slavic Languages and Literatures

Дорогой Марк Веньяминович,

Два месяца тому назад Вы учинили мне допрос (не как «жандарм», а как судебный следователь), и я с готовностью отвечала Вам на Ваши вопросы. Теперь Вы говорите, что забыли один из моих ответов (что доказывает мне, что у Вас нет «дела Берберовой»). Я вчера тоже забыла, в чем было дело четверть века тому назад — но смутно помнила, что было какое-то «дело». Сегодня, выспавшись, поискала в письмах Бунина ко мне и нашла документы, кот[орые] Вам будут интересны.

Сразу после войны мадам Прегель (кажется, она приходится сестрой тому Прегелю¹, которого допрашивала несколько раз Комиссия анти-американск[их]² действий и который был другом Зензинова) приехала в Париж и объявила, что Бунин ей сказал, что я звала его в 1940 году приехать в Париж и издаваться у немцев. Я была в переписке с Буниным, кот[орый] жил в Грассе, и сейчас же запросила его об этом. Он ответил мне письмом от 2 февраля 1945 г., которое начинается: «Нина Николаевна, за все те годы, что я сижу здесь, с начала июня 1940 года, я никогда и никому не сказал о Вас ни единого плохого слова...» В этом письме он пишет, что обижен на меня и не может понять, как я могла заподозрить его в такой низости? Я, видимо (копии нет), объяснила ему, почему я заподозрила его, и он ответил более «мирным» письмом от 17 февраля 1945 г., кот[орое] начинается тоже холодно, но все-таки кончается мягче: «Все-таки не понимаю, Нина Николаевна, даже и теперь, получивши Ваше письмо от 7 февраля, не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог...» и т. д. Не посылаю Вам фотокопий потому, что не вижу в Вас «жандарма», а только следователя.

¹ Прегель Борис Юльевич (1893–1976) — ученый, физик-ядерщик, композитор и общественный деятель. С 1959 года — президент Нью-Йоркской академии наук.

² Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, возглавляемая сенатором Дж. Маккарти, действовала в период «охоты на ведьм» в связи с обострением холодной войны в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

* * *

Теперь о другом. При встрече я попрошу Вас — как награду за вышецитированные интересные для Вас документы, — объяснить мне следующий «юридический» казус:

Икс пишет письма Игреку после 2, или 4, или 6 мес[яцев] немецкой оккупации из Парижа на юг: приезжайте, здесь, вероятно, можно будет печататься. Икс знает, что Игреку живет скверно — и материально и морально — на юге. У Икса есть дом в деревне, и он может приютить Игрека и о нем заботиться (впоследствии — судя по письмам — Игрек намеревался приехать и жить у Икса в 1947–48 гг.). Затем Икс замолчал об этом. Сам пять или шесть лет не печатался нигде, и, конечно, увидел, что печататься и негде. Прошло 25 лет, и эту ошибку Икса, кот[орая] могла быть сделана по причине наивности, глупости, оптимизма, а также отвращения к тому, что произошло, продолжают судить, как криминал. Вся Франция — левая, как и правая, во время немецкой оккупации печаталась, издавалась, получала лит[ературные] премии и т.д. Триоле получила Гонкуровскую премию¹, Сартра пьесы ставились непрерывно в театрах²... В чем здесь дело? Не объясните ли мне корень этой проблемы? Буду искренне признательна.

Надеюсь, Вы не помете вышесказанное, как мое признание зазывания Бунина в оккупированный Париж? Я — не Икс и он не Игрек. Вопрос мой совершенно абстрактен, но я горю узнать Ваш ответ на него. А также: как Вы относитесь к Триоле, Сартру, Жиду³ и другим? Как Вы относились бы ко мне, если бы мне

¹ Триоле (урожд. Элла Каган) Эльза (1896–1970) — французская писательница. Участвовала в движении Сопротивления, находилась на нелегальном положении. Большой популярностью пользовалась ее повесть «Авиньонские любовники», изданная подпольно в 1943 году. В 1944 году, после освобождения Парижа, ей была присуждена Гонкуровская премия за сборник «За порчу сукна штраф 200 франков». Триоле стала первой женщиной, удостоенной Гонкуровской премии.

² Сартр Жан-Поль (1905–1980) — французский писатель и философ. В 1940 году, после разгрома французской армии, попал в лагерь для военнопленных, через год был освобожден по состоянию здоровья. В 1943 году в Париже была поставлена его аллегорическая антифашистская пьеса «Мухи».

³ Жид Андре (1869–1951) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947). В первые годы оккупации публиковался, однако в 1942 году уехал в Африку, где оставался до конца Второй мировой войны.

дали в 1942 году Гонкуровскую премию¹? Как, если бы моя пьеса шла в Париже в 1943 году? И как, если бы меня взяли в плен в июне 1940 года немцы, а затем, через полгода, выпустили бы с почетом и привезли в Париж (как Сартра)?

Я забыла Вас спросить вчера, знаете ли Вы, что в «Новом мире» кн. 7 напечатаны воспоминания некоего Бережкова², сов[етского] дипломата, о его работе в сов[етском] посольстве в Берлине в 1940–41 гг.? Чрезвычайно интересно, как они посылали немцам вооружение для войны с Францией и Англией! Прочтите, если не читали.

Я буду Вам звонить, как обещала. Пока до свиданья и привет.
Н. Берберова

Там же. Кор. 1-D. Машинопись. Подлинник.

№ 7

М. В. Вишняк — Н. Н. Берберовой

Нью-Йорк, 17.XI.[19]65

Дорогая Нина Николаевна!

Ваше письмо меня очень огорчило. И не потому только, что оно пропитано недобрым чувством ко мне («учинили допрос», «не как жандарм» и т. п.), которое, по-моему, никак не оправдано, — но и потому, что и Вы, видимо, тоже очень огорчились — да так, что даже осерчали — и также совершенно зря, как я постараюсь показать ниже.

Надо ли доказывать, что я никак не хотел Вас огорчать и тем менее вызвать Ваш гнев?! Меня удивило, как Вы, подчеркивающая, что Вы чужды 19-му веку, а связаны с новыми веяниями, как могли Вы психологически допустить такую ошибку, что защитника приняли за «следователя»? — Поясню, что я под этим разумею.

¹ Гонкуровская премия была присуждена Эльзе Триоле в 1944 году, после освобождения Парижа.

² Бережков Валентин Михайлович (1916–1998) — дипломат, впоследствии журналист-международник. С декабря 1940 года — первый секретарь посольства СССР в Берлине. Мемуары Бережкова «С дипломатической миссией в Берлин», впервые опубликованные в «Новом мире», вскоре вышли отдельным изданием (М., 1966).

Пересуды, как Вы знаете, весьма живучи. И «дурная пресса», которая возникла вокруг Вас в половине 40-ых годов, держится и по сей день в Нью-Йорке. И если прежде я был пассивен в опровержении этих пересудов, после наших разговоров на «Франс» мое отношение изменилось: когда, рассказывая о путешествии и встрече с Вами, я наталкивался на эти пересуды, я решительно опровергал их, — не делаясь, конечно, всеми подробностями сообщенного Вами о Вад[име] Викт[оровиче] [Рудневе], мною полностью усвоенного.

То же, что Вы рассказали о Бунине, я по-просту запомнил. Отсюда и вопрос, обращенный к Вам повторно, когда Вы были у меня, — конечно, не для расследования «дела Берберовой», а для собственного осведомления непрошеного защитника. Тут же замечу, что Бунин, которого я невысоко расценивал как человека, — не много стоит в моих глазах и как свидетель. Для такого утверждения у меня имеются достоверные и для меня убедительные факты, — не касающиеся меня лично. Поэтому Вашему устному слову я верю больше, чем цитате из написанного рукой Бунина — не художника, а свидетеля.

Теперь о давности: «прошло 25 лет» и т. д.

Давность, конечно, общепризнанное и гуманное начало: истечение времени погашает любой криминал. Но уголовное преследование и уголовная кара — и суровее, и мягче морального суждения и осуждения, личного и общественного. Неправильно думать, что раз «даже» уголовный закон готов забыть любое правонарушение после истечения известного срока, то «тем более» обязано к тому моральное осуждение.

С моральной точки зрения и возможно, и должно не забывать и добро, и зло, личное и общественное. Никакие сроки не могут погасить преступлений Ленина и Сталина и других (брест-литовский мир или соглашение Риббентропа–Молотова), как не может быть погашено то, о чем поведал миру дневник П. Н. Милюкова за 1918 г., — как я ни чтил, даже любил и ни был с ним связан в 1939–39 гг.¹

¹ Вишняк имеет в виду часть дневника Милюкова, опубликованную в «Новом журнале» (1961, кн. 66, 1962, кн. 67), в котором, среди прочего, говорилось о его «немецкой ориентации» в 1918 году, когда Милюков утратил веру

Чтобы мог возникнуть вопрос о моральном погашении личного или общественного проступка, необходимо прежде всего, чтобы свершивший его признался в том, а не, как обычно, умалчивал о том, что было в прошлом, когда он был моложе, менее опытен, наивнее и т. д.

В заключение — о Ваших ребусах Икс, Игрек, вопросах о Триолэ, Сартре, Жиде и других и моих ответах на эти вопросы, которые Вы «горите узнать». Ответы будут, конечно, отрицательные. Мотивировку же, если она действительно Вас интересует, разрешите отложить до личного свидания. Скажу только, что Триолэ и особенно Сартр и даже Жид никогда не были моими героями, а первые двое чем дальше, тем все сильнее возбуждали чувство отталкивания.

С пожеланием всего доброго и в ожидании «звонка», огорченный М. Вишняк.

Там же. Машинопись. Подлинник.

№ 8

Н. Н. Берберова — М. В. Вишняку

Princeton University, Princeton, New Jersey, Slavic Language and Literatures

19 ноября 1965

Дорогой Марк Веняминович,

Прежде чем ответить на Ваше письмо, сообщу Вам сенсационную новость: только что в Москве вышла книга Льва Никулина, составленная по документам архивов — о советской разведке в делах русских монархистов эмиграции (20-ых годов), о деле Савинкова и др.¹ Прочтите немедленно.

в победу союзников и считал необходимым прибегнуть к помощи немцев для ликвидации большевизма. В 1938–1939 годах Милюков и Вишняк совместно работали в журнале «Русские записки».

¹ Имеется в виду книга советского писателя Л. В. Никулина «Мертвая зыбь», в которой рассказывалось о знаменитой «Операции „Трест“» — создании чекистами фиктивной антисоветской организации, сумевшей установить связи с эмигрантскими «активистами». Чекистам удалось выманить на территорию СССР и арестовать Б. В. Савинкова. На суде Савинков выступил с заявлением о признании советской власти. Смертная казнь ему была заменена 10-летним тюремным заключением, однако вскоре он покончил жизнь самоубийством. «Дело Савинкова», в котором многое остается неясным до сих пор, в свое время потрясло эмиграцию.

Теперь отвечу «по пунктам»:

1. Не хочу Вас обижать, но не могу перевести Вас из следователей в защитники: защитник мне не нужен. Мне и 25 лет тому назад он не был нужен, а теперь и подавно. В чем меня защищать? От кого? Никогда в жизни не искала защитников.

2. Вопрос мой в конце письма о Триоле и Сартре остался Вами не ответченным. Между тем, если Вам безразличны их поступки, то тем самым должны быть безразличны и мои — в коих нет даже доли того элемента, кот[орый] есть у них. Если же Вы осуждаете их, то Вам необходимо пересмотреть Ваше отношение, потому что оно и нелепо, и нелогично: «правый социалист» и эмигрант не может быть «плю резистан ке ле резистант»¹.

3. Я теперь, в свете того, что произошло с Буниным, жалею, что не вызвала его — не в 40-ом году, а в 43-ем — в Лонгшен (где у меня был дом), когда две зоны Франции слились: он бы не страдал так от голода, холода, одиночества, отсутствия хороших докторов и жизни между подлцом (Зуровым)² и дурой (В.Н.)³. В его письмах 44 года он просит позволения приехать. А в 45-ом это было уже поздно: Ступницкий⁴ свел его с Богомоловым⁵, Маковский⁶ помог. А внутри Бунина все уже шло к концу.

¹ Не может быть «плю резистан ке ле резистант» — более стойким, чем участники сопротивления (*фр.*). Берберова подразумевает, что русский эмигрант не может предъявлять к себе более высокие требования, чем сами французы.

² Зуров Леонид Федорович (1902–1971) — прозаик, публицист. С 1918 года — в Эстонии, затем в Латвии. Учился в Политехническом институте в Праге. С 1929 года — во Франции. В 1929–1961 годах жил (с перерывами) в доме Бунина. После освобождения Франции сотрудничал в «Советском патриоте».

³ Имеется в виду Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1881–1961), гражданская жена И.А. Бунина с 1906 года. Официально брак был оформлен в 1922 году.

⁴ Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951) — журналист и юрист. С начала 1920-х годов — в Париже. Сотрудник «Последних новостей», был близок к П.Н. Милюкову. В 1945–1951 годах — редактор просоветской газеты «Русские новости».

⁵ Богомолов Александр Ефремович (1900–1969) — советский посол во Франции в 1945–1946 годах.

⁶ Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт, литературный критик, искусствовед. В эмиграции с 1920 года в Праге, с 1926-го — в Париже.

4. У меня есть друзья, бывшие коммунисты и троцкисты (Суварин¹, Кестлер² и др.). Примиритесь с тем, что у Вас есть знакомая, которая, хотя и не состояла в нацистской партии, не работала в гестапо и, как выяснил Аронсон³, не печаталась при немцах в Париже, одно короткое время имела иллюзии, что Сталину будет плохо от немецкого вторжения. Но ему стало еще лучше, чем было.

Теперь, я думаю, можно закончить этот диалог. Просьба: не слишком много рассказывать Вашим друзьям (которые мне приходится клеветниками) о моих нынешних успехах: они причастны к тем анонимным письмам (или их жены), которые пишутся обо мне.

Жму Вашу руку.

Н. Берберова

Там же. Машинопись. Подлинник.

---

¹ Суварин (Лившиц) Борис Константинович (1895–1984) — французский социалист, публицист. В 1921–1924 годах — член компартии Франции; был исключен по идеологическим мотивам. Длительное время придерживался троцкистских взглядов. Впоследствии эволюционировал вправо, на протяжении многих лет публиковал критические материалы о политике ВКП(б) — КПСС.

² Кестлер Артур (1905–1983) — английский писатель; писал также на венгерском и немецком языках. Родился в Венгрии; в 1922 году переселился в Германию, в 1926–1929 годах — в Палестине, куда переселился как сионист. С 1929 года вновь в Европе. В 1931-м вступил в компартию Германии; в 1932–1933 годах совершил поездку по СССР. В 1936-м поехал в Испанию как корреспондент, сражался в Интернациональной бригаде. В 1938 году вышел из компартии под влиянием известий о сталинском терроре. В 1939-м вступил добровольцем во французскую армию, после ее разгрома бежал в Англию. Всемирную известность Кестлеру принес роман «The Darkness at Noon» (1940, в рус. пер. «Спящая тьма»), посвященный психологической подоплеке признаний подсудимых на московских процессах 1936–1938 годов.

³ Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) — социал-демократ (меньшевик), член ЦК Бунда в 1922–1951 годах, публицист, историк и мемуарист. В 1922 году выслан из Советской России. До начала 1930-х годов жил в Берлине, затем в Париже; с 1940 года — в США.

Очерки и портреты

ЗАВТРА НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

(Ленин в письмах Лидии Дан)¹

Так уж случилось, что в семье Цедербаумов, перебравшейся в Россию из Константинополя в связи с Русско-турецкой войной 1877–1878 годов, больше половины детей стали революционерами. Детей у Осипа Цедербаума, служащего Общества пароходства и торговли, и Ревекки (урожденной Розенфельд, красавицы из сефардов, сироты, вышедшей замуж, когда ей еще не исполнилось 16 лет) родилось одиннадцать; выжило из них восемь — половина мальчиков, половина девочек. Юлий, Владимир, Сергей, Надежда и Лидия стали в конечном счете социал-демократами-меньшевиками.

Впрочем, в историю русской революции они вошли не под своей фамилией, а под партийными псевдонимами. Старший, Юлий Мартов (1873–1923), — один из основателей Бунда, а затем основоположник и признанный лидер меньшевизма, в особых представлениях не нуждается. Ближайший друг Ленина, он с 1903 года на последующие 20 лет становится его неприимым противником. Юлий умер в эмиграции. Другим братьям — Сергею Ежову (р. 1879) и Владимиру Левицкому (р. 1883), менее ярким «звездам» меньшевизма, довелось прожить дольше; однако их существование в стране победившей революции оказалось гораздо суровее, чем при царском режиме: в тюрьмах и ссылках при советской власти они провели гораздо больше времени, чем при «проклятом царизме». Владимир умер 22 февраля 1938 года в Уфимской тюрьме во время следствия, Сергей был расстрелян год спустя, 25 февраля 1939 года, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

---

¹ Будницкий О. В. Завтра не имеет значения // Колоколь (Лондон). 2002. № 3. С. 66–73.

Старшая сестра, Надежда (по мужу — Кранихфельд, 1875–1923), также участвовала в социал-демократическом движении; с 1918 года ее квартира неоднократно подвергалась обыскам. А ведь некогда она, вместе с мужем, деятелем профсоюзного движения Н. С. Кранихфельдом, передала все полученное от его родственников наследство на организацию II съезда РСДРП. Того самого, на котором «родился» большевизм. В борьбе с большевизмом принял весьма активное участие сын Надежды — Андрей Кранихфельд (р. 1902), с 1920 года член нелегальных социал-демократических (меньшевистских) организаций, неоднократно арестовывавшийся и сгинувший в конце 1930-х годов где-то в заключении.

Всех пережила Лидия, известная более под фамилией второго мужа, Федора Ильича Дана (Гурвича) (1871–1947), еще одного признанного лидера меньшевиков. Федор Дан начал свою революционную деятельность еще в Союзе борьбы за освобождение рабочего класса в 1890-е годы. Однако особенно он прославился в 1917 году, когда стал одним из лидеров Петроградского Совета рабочих депутатов и постоянным оратором на заседаниях Совета. Имя Дана, наряду с именем другого лидера Совета, бундовца Меира Либера, столь же часто появлявшегося на политических «подмостках», стало даже нарицательным. «О чем сегодня „либерданили“ в Совете?» — спрашивали друг друга интересовавшиеся политикой петроградцы.

Лидия родилась 21 мая 1878 года в Одессе. В начале 1880-х годов, после еврейского погрома в Одессе, семья переехала в Петербург. Здесь Лидия закончила гимназию, поступила на Высшие (Бестужевские) женские курсы и, по словам ее биографа Бориса Сапира, «как-то совершенно естественно стала революционеркой»¹. По меньшей мере с 1897 года 19-летняя Лидия принимает участие в социал-демократическом движении, а именно в Союзе борьбы за освобождение рабочего класса, группах «Рабочее знамя» и «Социалист». В это же время она вышла замуж за студента-медика Г. С. Канцеля. В 1898 году Лидия была впервые арестована и после недолгой отсидки выслана

¹ Сапир Б. Лидия Осиповна Дан (Биографический очерк) // Из архива Л. О. Дан. Amsterdam, 1987. P. XIX.

в Крым. Видимо, власти приняли во внимание (O tempora! O mores!) ее беременность и обострение туберкулеза. Так что ссылку Лидия провела в Ялте, переводя, для заработка, труды основоположника «ревизионизма» Эдуарда Бернштейна. Неплохие условия создавали иногда «царские сатрапы» для революционной работы.

Арестованный за причастность к группе «Рабочее знамя» муж Лидии Осиповны не был сослан, его оставили в Петербурге для сдачи экзаменов (!). Получив диплом, Канцель охладел к революционной деятельности, в связи с чем, по-видимому, Лидия Осиповна с ним и разошлась. В первом браке у нее родилась дочь Нина.

В конце 1901 года Лидия Осиповна вернулась в Петербург, но, не задерживаясь, направилась в Мюнхен, где работала некоторое время в редакции «Искры». Впечатления, почерпнутые в кругу корифеев российской социал-демократии, продолжали, по словам Б. Сапира, «тлеть в ее сознании всю жизнь». Как свидетельствуют публикуемые ниже письма, эти впечатления отнюдь не тлели, а горели достаточно ярким пламенем и полвека спустя.

Уже в январе 1902 года Лидия Осиповна отправляется в качестве агента «Искры» на партийную работу в Москву. Судя по ее рассказам, это уже было вполне похоже на то, что показывали в советских фильмах о революционерах-подпольщиках. Вернув владелице использованный ею для пересечения границы паспорт, Лидия Осиповна не сумела добыть другой документ и, соответственно, не смогла прописаться. Приходилось проводить ночи в пригородных поездах и на вокзалах, а однажды napроситься на ночлег к проститутке, рассказав ей жалобную историю о том, что муж выгнал из дому. Впрочем, история была недалеко от истины, ибо родственники бывшего мужа боялись оставлять ее на ночь.

7 мая 1902 года Лидия Осиповна была арестована на улице вместе с Александром Савинковым, братом будущей знаменитости — террориста и писателя Бориса. С Борисом Савинковым Лидия Осиповна также встречалась. Ей было поручено вернуть «заблудшую овцу» на истинный путь социал-демократии. Однако успеха она не добилась. Б. Савинков уже дрейфовал в сторону эсеров. Второй арест грозил серьезными последствиями — Лидия Осиповна просидела год в Таганской тюрьме; в ответ

на предложение сотрудничать с полицией, сделанное ей лично создателем системы «полицейского социализма» С. В. Зубатовым, запустила в него, подобно Лютеру при встрече с чертом, чернильницей и в итоге была выслана в Восточную Сибирь, в Олекминск. Здесь она поселилась вместе с Александром Савинковым, с которым у нее был, судя по всему, довольно бурный роман.

2 февраля 1905 года Лидия Осиповна бежала из Олекминска, а уже в марте 1905 года добралась до Женевы, где примкнула к меньшевикам и стала секретарем редакции меньшевистской «Искры». После ее побега А. Савинков застрелился; было ли причиной его самоубийства расставание с Лидией Осиповной, на что намекает Б. Сапир¹? Судить трудно, но если вспомнить, что отец А. В. Савинкова сошел с ума, а брат Борис (если верить чекистским источникам) впоследствии также покончил с собой, то, вероятно, сводить причину его ухода из жизни только к расставанию с любимой женщиной вряд ли придется.

В Женеве Лидия Осиповна сошлась с Ф. И. Даном, ставшим ее спутником на последующие 40 с лишним лет. У них впоследствии родилась дочь, умершая от менингита в 1917 году; о судьбе дочери Лидии Осиповны от первого брака нам ничего не известно. В конце 1905 года Лидия Осиповна вместе с Даном вернулась в Россию, где вновь окунулась в партийную работу. В 1907 года она, тогда сотрудник секретариата социал-демократической фракции 2-й Государственной думы, была вновь арестована; ей предложили выбор: или высылка на три года из Петербурга, или отъезд за границу. Лидия Осиповна вместе с Даном отправилась в Париж.

Затем — «повторение пройденного»: 1911–1914 годы — Петербург; вскоре после начала Первой мировой войны — арест, вместе с мужем, и «профилактическая» высылка — Федора Ильича в Восточную Сибирь, Лидию Осиповну на три года из Петербурга. Впрочем, она присоединилась к мужу. Вскоре Ф. И. Дана, врача по специальности, призвали в армию: он служил сначала в Иркутске, затем в Ходженте. Неугомонная Лидия Осиповна оказалась на Кавказе, где принялась за революционную работу, но быстро была «водворена» в уже знакомую Восточную Сибирь.

¹ Сапир Б. Лидия Осиповна Дан (Биографический очерк). С. XXI.

После Февральской революции Цедербаумы вновь собрались в Петрограде; после смерти матери в 1905 году роль хозяйки в семейно-революционном клане перешла к Лидии Осиповне. Квартира Цедербаумов стала своеобразным политическим салоном.

После большевистского переворота Лидия Осиповна, в отличие от своих братьев и мужа, не подвергалась политическим преследованиям. Дело в том, что еще в марте 1917 года она заявила об отказе от общественной деятельности и выходе из партии. Причины этого неясны; ходили слухи о денежной растрате; так или иначе, восстановлена в партии Лидия Осиповна была уже за границей, в марте 1924 года.

Лидия Осиповна работала одно время в советских учреждениях и неоднократно сталкивалась с Лениным. В отличие от старшего брата она сохранила с ним нормальные личные отношения; по ее рассказам Б. Сапиру, Ленин называл ее, «как в былые времена, Лидаша»¹. Впрочем, это не мешало держать мужа «Лидаша» в тюрьме. А ведь доктор Дан когда-то пользовал Н.К. Крупскую от морской болезни, когда оба семейства — Ульяновых и Данов — направлялись на одном и том же пароходе в Германию, начальный пункт очередной эмиграции! В феврале 1921 года Дан был заключен в Петропавловскую крепость за участие в выступлении рабочих, недовольных политикой «военного коммунизма»; в июле его перевели в Москву, в Бутырскую тюрьму; наконец, после голодовки протеста вместе с некоторыми другими социал-демократами выслали в январе 1922 года за границу. С ним уехала и Лидия Осиповна, чтобы уже никогда не вернуться в Россию.

Даны жили сначала в Германии, с 1933 года — в Париже; Лидия Осиповна вернулась в политику: она стала представителем русской социал-демократии в Женском интернационале, принимала участие в работе Политического Красного Креста, оказывавшего помощь политзаключенным. В 1940 году, когда гитлеровцы добрались до Франции, чета Дан перебралась за океан, в США. Ф.И. Дан умер в январе 1947 года. Лидия Осиповна осталась вдовой почти в 70-летнем возрасте, с весьма ограниченными средствами к существованию, в чужой (и чуждой)

¹ Сапир Б. Лидия Осиповна Дан (Биографический очерк). С. XXIII.

стране. Ее отношение к США точно передает письмо, отправленное Б. И. Элькину после приезда в «милый, старый Париж» 30 июня 1949 года: «Во многих отношениях чувствую себя отставшей, если хотите, провинциальной, многое надо нагонять, ведь, Соединенные Штаты, и в самом деле, лишь 60-этажная провинция. Велика Федора, да дура...»

Тем не менее «Федора» давала возможность заработка и пристойного существования. Лидия Осиповна зарабатывала машинописью, редактированием и переводами. Она подрабатывала в секретариате ООН, где постоянно нуждались в переводчиках. Переводческая работа выпадала на время различных конференций, в том числе в Европе.

В США с начала 1940-х годов оказался едва ли не весь «русский меньшевизм»: Р. А. Абрамович, Д. Ю. Далин, Ф. И. Дан, Ю. П. Денике, Б. И. Николаевский и др. До середины 1960-х годов выходил основанный Мартовым «Социалистический вестник». Однако, как водится, партийцы между собой переругались.

Лидия Осиповна писала Элькину 29 мая 1959 года:

Знаете ли Вы, что в нашей среде — при всех ее недостатках, все же лучшей в эмиграции — есть такое странное явление: все со всеми не разговаривают и я одна представляю такое счастливое (не всегда для меня) исключение, что я со всеми и разговариваю, и со мной все разговаривают. И это вовсе не результат очень уж хорошего характера, а — на это много причин, меньше всего от меня лично, больше от того, я наследовала много хороших отношений.

Лидия Осиповна с огромным интересом следила за тем, что происходило в СССР. Ее замечания о советской действительности, разбросанные в письмах, на удивление пронизательны и остроумны. По нашим наблюдениям, она не больно прислушивалась к авторитетам и нередко шла в своих суждениях «против течения». Так, в период мирового бума, вызванного появлением «Доктора Живаго», она писала: «...не разделяю общих восторгов, что не мешает мне, конечно, считать, что большевики сделали даже им не свойственную глупость — поднять такой шум и вызвать у всех такое раздражение — и для чего? Как литературное явление — я не считаю роман значительным, но меня

очень интересуется другое — неужели в интеллигентском секторе, если даже только в больших городах, положение настолько не стабильно, что им было нужно устроить такую пальбу? — Тут затевают ставить фильм по этому роману, но увы никто, самые лучшие „эксперты“ — не могут ответить на самые элементарные вопросы — а какой была Лара? Очаровательной, конечно, но в чем именно очарование? Анну Каренину, Наташу Ростову, Безухова мы все знаем, как своих старых знакомых — а вот Лару и всех их не можем ни описать, ни изобразить. Не сделал этого и автор...» (письмо Б. И. Элькину от 17 ноября 1958 года).

Однако, возможно, главное, что занимало эту случайно уцелевшую представительницу «потонувшего мира», было прошлое. Ей ведь пришлось лично и близко знать людей, «мумифицированных» на страницах учебников и монографий. Один из ее хороших знакомых — сыгравших, возможно, самую значительную роль в истории России XX века — был мумифицирован в буквальном смысле и выставлен на всеобщее обозрение в Москве. Как получилось то, что получилось? Каким образом любитель хорошего пива Владимир Ульянов, укорявший некогда молоденьких Лидию Цедербаум и Инну Смидович, что они уделяют больше внимания революции, чем собственным детям, превратился в кровавого диктатора?

Вероятно, обращенность в прошлое побудила Лидию Осиповну стать одним из инициаторов «меньшевистского проекта» — совместной работы престарелых социал-демократов и молодых американских историков, с конца 1950-х годов записывавших интервью с оказавшимися в США меньшевиками и использовавших эти тексты для подготовки исследований по истории русской революции.

Это было последнее предприятие, в котором участвовала Лидия Осиповна. Она умерла в Нью-Йорке 22 марта 1963 года, на 85-м году жизни.

Часть интервью, воспоминаний и писем Лидии Осиповны была опубликована¹. Большая часть осталась в различных

¹ Дан Л. О. Около редакции «Искры» // Против течения. Нью-Йорк, 1954. Сб. 2; Он же. Семья // Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959; Из встреч с Верой Николаевной Фигнер. New York: Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, 1961; Из архива Л. О. Дан / Сост. Б. Сапир. Amsterdam,

архивах. Среди них — письма Борису Исааковичу Элькину (1887–1972), уроженцу Киева, известному адвокату, проделавшему почти стандартный для российского эмигранта-еврея путь: из России в Германию, затем в Париж, а оттуда (через Ирландию) — в Англию, где он и провел более 30 лет жизни. Элькин был человеком достаточно известным — душеприказчиком А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова (и редактором, вместе с М. М. Карповичем, посмертного издания его «Воспоминаний»), состоял в переписке с В. А. Маклаковым, М. А. Алдановым, Б. К. Зайцевым, Е. В. Саблиным и многими другими видными людьми эмиграции. Часть своего архива он передал Бодлеанской библиотеке в Оксфорде¹.

Письма Лидии Дан занимают в собрании Элькина целую коробку (переписка продолжалась с 1941-го до начала 1960-х годов; всего сохранилось более 200 листов писем; все они — машинописные подлинники). Среди разнообразных сюжетов, которые содержатся в ее письмах, мы отобрали те, которые относятся к личности В. И. Ленина. Личности, которая, как бы ее ни оценивать, еще долго будет привлекать внимание историков. Человека, для которого, по мнению, Лидии Дан, «завтра не имело значения». Нами опущены фрагменты писем, в которых содержатся сведения об общих знакомых и рассуждения о тогдашней международной обстановке. Вся «историческая» часть публикуется полностью и без каких-либо купюр.

Однажды Л. О. Дан писала Н. В. и В. Н. Вольским:

Еще одна маленькая новость, которая, не хочу скрывать от Вас, доставила мне некоторое удовольствие. Был у меня Борис Иванович [Николаевский]. А ведь 10 лет не раскланивался на улицах!..

Он очень много знает и очень жаль, что он вылезает из прошлого и лезет в настоящее, которого он не знает и о котором судит

1987; *The making of three Russian revolutionaries: voices from the Menshevik past* / Ed. by Leopold H. Haimson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (в последнем сборнике опубликованы в переводе на английский интервью Л. О. Дан, Б. И. Николаевского и Ю. П. Денике).

¹ Подробнее о Б. И. Элькине и его архиве см.: *Рогачевский А.* Борис Элькин и его оксфордский архив // *Евреи в культуре русского зарубежья*. Т. V. Иерусалим, 1996; *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М., 2013 (ук.); См. также: некролог Элькина, написанный Н. Е. Андреевым (*Новый журнал*. 1972. Кн. 109).

по-суздальски. Но, если бы Вы послушали, как мы обменивались информацией о Ленинских романах — как две старые попадьи, но, право, было интересно...¹

Надеемся, что будет интересно и читателям. А это, на наш взгляд, уже является «оправданием» данной публикации.

Л. О. Дан — Б. И. Элькину

Нью-Йорк, 20-е января 1951 г.

Дорогой Борис Исакович,

Чрезвычайно благодарна Вам за указание новой биографии Ленина². Я уже приняла меры, чтобы мне немедленно выслали ее и, по прочтении, напишу Вам о всех соображениях, которые она у меня вызовет.

Пока же об Инессе Арманд. Елизавета Федоровна Стеффен, по мужу Арманд, не знаю, почему Инесса, моя одноклассница, москвичка. Смолоду была с[оциалисткой]-р[еволюционеркой], была связана с военными организациями, была арестована, кажется, довольно долго сидела, несколько месяцев, но ни к какому серьезному делу не была привлечена и отделалась ссылкой в Архангельскую губ. (административной), бежала и в 1908 г. была за границей, примкнула к большевикам. В ней было много от «блестящей» женщины, типа Коллонтай³, хотя, может быть, не так красива и не так

¹ Л. О. Дан — Н. В. и В. Н. Вольским. 28 октября 1956 // Из архива Л. О. Дан. С. 152.

² Речь идет о книге французского историка Жерара Вальтера (Gerard Walter) (1896–1974) *Lénine* (Paris, Julliard [1950]).

³ Коллонтай (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952) — революционерка, литератор и дипломат; член РСДРП с 1906 года, с 1915-го — во фракции большевиков; в 1917–1918 годах — нарком государственного призрения, с 1922 года — на дипломатической работе. Была полпредом (послом) в Норвегии, Мексике, Швеции. Опубликовала ряд публицистических и беллетристических произведений, посвященных «женскому вопросу», в том числе «Социальные основы женского вопроса» (СПб., 1909), «Общество и материнство» (Пг., 1916); проблеме права женщины на свободный выбор в любви посвящен беллетристический сборник «Любовь пчел трудовых» (М.; Пг., 1923). Коллонтай была, как утверждали злые языки, не только теоретиком, но и «практиком» свободной любви, что однажды чуть было не стоило ей не только карьеры, но и жизни. В феврале 1918 года, в период наступления германских войск на Петроград, она вместе со своим тогдашним возлюбленным, членом тройки, возглавлявшей Народный комиссариат по военным и морским делам, матросом

обширно образована. Очень хорошо знала языки, неплохо говорила, ораторски, и по-русски, и по-французски; могла выступать. Во Франции принимала участие во франц[узском] движении, тогда коммунистической партии еще не было, была на «левом» фланге. В те времена большевики, ленинцы, организовали под Парижем партийную школу, в Лонжюмо, она там работала, оттуда и ее более близкое знакомство с Лениным. Я не думаю, чтобы ее отношения с Лениным носили какой-либо специфический характер, так как именно в это время у него был «роман» с женой Алексинского¹ (она в то время еще не была его женой), а Ленин, по этой части человек скорее холодный и во всяком случае, аккуратный — не стал бы заводить сразу 2 романа! Инессу Ленин, конечно, ценил, но все же считал человеком, второй, так сказать, гарнитуры — когда в 14 г. было совещание при Интернационале,

---

Павлом Дыбенко, уехала в Крым. На заседании Политбюро был поставлен вопрос о расстреле обоих. Однако Ленин, согласно партийному преданию, предложил более страшное наказание для нарушителей партийной и государственной дисциплины — «приговорить их к вечной верности друг другу».

¹ Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) — социал-демократ, большевик; депутат 2-й Государственной думы, один из самых популярных ораторов левых. В 1909 году — «отзовист», затем член группы «Вперед». В годы Первой мировой войны — «оборонец», в 1917 году — член плехановской группы «Единство». 4 июля 1917 года, во время большевистского выступления в Петрограде, опубликовал, совместно с эсером В. С. Панкратовым, на основании данных контрразведки, заявление, что большевики, в том числе В. И. Ленин, — агенты германского Генерального штаба. В 1918 году арестован ВЧК, отпущен на поруки; в мае 1919-го бежал за границу. В эмиграции занимал непримиримо антибольшевистские позиции.

Алексинская (урожд. Евтихиева) Татьяна Ивановна (30 сент. 1866, Москва — 20 окт. 1968, Париж). Писательница, журналистка. Принадлежала к известной среди московской интеллигенции семье Евтихиевых (родом из Сибири). Окончила 4-ю Мариинскую гимназию и Высшие медицинские курсы. В 1905–1907 годах принимала участие в нелегальной работе РСДРП, неоднократно арестовывалась. Работала секретарем в профессиональном союзе строительных рабочих в Петербурге, затем секретарем Алексинского и его думской группы. С 1907 года — в эмиграции. В годы Первой мировой войны работала в санитарном поезде на Германском фронте, а затем в хирургическом госпитале в Москве. Ее очерки об этом вышли в переводе на английский: *With the Russian wounded / By Tatiana Alexinsky. With an introduction by Gregor Alexinsky / Transl. by Gilbert Cannan* (London: T. F. Unwin, [1916]). В 1919 году обосновалась вместе с мужем в Париже, где основала Союз Русских сестер милосердия — участниц великой войны 1914–1918 годов им. баронессы Вревской. Печаталась позднее в журналах «Возрождение», «Мосты» и «Новом журнале». Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

которое должно было «мирить» большевиков с меньшевиками¹, Ленин, придавая очень мало значения этой затее, решил сам не ехать, а послать людей «второго сорта», тогда были посланы Ганецкий², Попов (не помню сейчас, чей это псевдоним) и Инесса, как человек, который сможет взять слово и т. д. Во время войны она была за границей, во Франции вела агитацию против войны, принимала участие в Кинтальской конференции³. После революции работала в компартии в СССР, преимущественно в женском движении, принимала участие в первых двух конгрессах Коминтерна, трагически умерла (от холеры!) в 1920 г. не то на Волге, не то на Кавказе...⁴

Вот все, что могу вспомнить о ней. Думаю, что интимная сторона жизни Ленина ни разнообразна, ни бурна — долголетняя,

¹ Имеется в виду Брюссельское «объединительное» совещание, созванное Исполнительным комитетом Международного социалистического бюро для «обмена мнений» о возможности восстановления единства РСДРП (16–18 июля 1914 года). И. Ф. Арманд зачитала на совещании доклад, написанный Лениным. Г. В. Плеханов назвал условия объединения, сформулированные в докладе, статьями «нового уголовного уложения».

² Ганецкий Яков Станиславович (наст. фам. и имя Фюрстенберг Якуб) (1879–1937) — деятель русского и польского революционного движения, социал-демократ; с 1908 года член ЦК РСДРП. На Брюссельском совещании представлял Социал-демократию Королевства Польского и Литвы, был солидарен с большевиками. В марте 1917-го участвовал в организации возвращения Ленина и других большевиков-эмигрантов в Россию через Германию. Участвовал в переводах денег большевикам из-за границы; по данным российской контрразведки, обнаруженным в июле 1917 года, финансирование деятельности большевиков осуществлялось Германией через известного российско-германского социал-демократа А. Л. Парвуса-Гельфанда. В июне 1917 года возглавлял следственную комиссию ЦК РСДРП(б) по делу провокатора Р. В. Малиновского. После Октябрьской революции 1917 года — на финансовой, дипломатической и хозяйственной работе. С 1935 года — директор Музея революции. Расстрелян в период Большого террора.

³ Кинтальская конференция — конференция социалистов-интернационалистов, противников войны; открылась 24 апреля 1916 года в Берне (Швейцария), затем с 25 по 30 апреля проходила в горном поселке Кинталь.

⁴ Арманд Инесса (Елизавета Федоровна) (1874–1920) — деятель революционного движения. Родилась в Париже в семье артиста; отец — англичанин, мать — француженка. Рано лишившись отца, воспитывалась у родственников в Москве. В 1917 году — член Московского комитета партии большевиков, участница октябрьских боев в Москве, председатель Московского губернского Совета народного хозяйства (СНХ). С 1919 года — заведующая женским отделом ЦК. В 1920-м — руководитель 1-й Международной женской коммунистической конференции. Похоронена на Красной площади. Интересно, что

спокойная связанность с Над[еждой] Конст[антиновной]. Которая была столько же женой, сколь и секретаршей. «Роман» с женой Алексинского, ничего бурного в себе не заключающий, в нем ничего от Достоевского, это Вам не Митя Карамазов! И, как говорили и, кажется, говорили верно, спокойная связь (опять с секретаршей!) — с Фотиевой! Аскетом Ленин не был, разные жизненные блага — очень скромные — ценил, но не до самозабвения. Иногда хорошо, сытно поесть — не бог весть, какие деликатесы, кружка хорошего пива, занятная партия в шахматы, радость победы — даже в таком маленьком деле — спокойная прогулка в красивом месте, радость одоления какой-нибудь горы — вот, пожалуй, и вся амплитуда личных вкусов и «страстей», которые были у покойника. Не в личной области — о, там другое дело — «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть...».

Л. О. Дан — Б. И. Элькину

Нью Йорк, 9-е марта 1951 г.

[...]

Я очень благодарна Вам за указание книги Жерара Вальтера. Я ее выписала и прочла с большим интересом. Конечно, она написана на несравненно более высоком уровне, что книга Шуба², хотя и эта книга очень полезна для среднего американского читателя, который вообще ничего не знает и кое-чему

в 1-м издании Большой советской энциклопедии посвященная ей статья в несколько раз больше по объему, чем в последующих. И только там она названа «близким другом и помощником» Ленина (БСЭ. Т. 3. М., 1926. С. 362–363).

¹ Фотиева Лидия Александровна (1881–1975) — член РСДРП с 1904 года. В 1918–1930 годах — секретарь Совета народных комиссаров РСФСР (с 1923 — СССР); одновременно в 1918–1924 годах — личный секретарь Ленина. Герой Социалистического Труда (1971).

² Шуб Давид Натанович (1887–1973) — политэмигрант с дореволюционным стажем, публицист; речь идет о его книге *Lenin* (N. Y.: Doubleday, 1948). Книга Шуба была достаточно высоко оценена рецензентами. Так, столь взыскательный историк, как профессор Гарвардского университета М. М. Карпович, писал: «Можно сказать, что ни одно из ранее появившихся жизнеописаний Ленина не может сравниться с этой новой его биографией по полноте и богатству фактического содержания... в большей мере, чем кто-либо из его предшественников, он уделяет внимание и личной стороне ленинской биографии» (Новый журнал. 1948. Кн. 19. С. 290).

все же может научиться. Здесь она (книга Шуба) имела очень большой успех и даже вышла в маленьком, дешевом издании (покет-бук). Шуб говорил мне, что она переведена на 14 языков! Даже вышла или выходит по-японски...

Книга Вальтера, конечно, написана очень добросовестно, с большим желанием разобраться в материале, который он изучил, но он, как и каждый автор, который будет писать о Ленине ли, Сталине ли, будет во власти фальсифицированных материалов. Любопытно, что большинство воспоминаний, которые Вальтер добросовестно изучил, вышли уже после смерти Ленина и, вероятно, Крупской. Убеждена, что ни он, ни она не позволили бы так похалимски врать, как врут все мемуаристы. Ведь бедный Вальтер, со слов какого-то «мемуариста» утверждает, что «к тому времени Анна Ильинична стала красивой девушкой». Бог ему прости! Она всегда, как и другие члены семьи были очень некрасивы, почти патологически некрасивы. И с несомненными следами вырождения. Лысым с раннего возраста был не только сам Ленин, но и его сестры имели необычайно мало волос, были почти плешивыми! И, заметьте, вся семья, и брат, и сестры — бездетны... Я думаю, что они все как-то несли на себе последствия болезни, вероятно, отца, а не матери, — сифилиса... Я думаю, и болезнь, сведшая Ленина в могилу, была именно последствием этого, а вовсе не покушения Каплан¹. Знал ли сам Ленин (в молодости), чем он болен, я не знаю и затрудняюсь сказать. Вы заметили у Вальтера указание, что однажды (в ранней молодости) он просил о заграничном паспорте для лечения, в чем ему было отказано; я слышала об этой истории, в архивах департамента² было найдено это прошение с пометкой «отказать, у нас есть подобные лечебные воды». Были указаны какие-то воды на Кавказе, где в те времена

¹ Каплан Фанни Ефимовна (известна также под именем Ройтблат Фейги Хаймовны) (1888–1918) — анархистка, затем эсерка; в 1906–1917 годах — в тюрьме и на каторге. 30 августа 1918 года стреляла в Ленина как в «предателя революции» и ранила его. Расстреляна. В последние 10–15 лет в литературе появились версии, что в Ленина на самом деле стреляла не Каплан, а она, играя вспомогательную роль, по соображениям революционной этики взяла вину на себя. Эти версии, на наш взгляд, не находят сколько-нибудь убедительно подтверждений.

² Имеется в виду Департамент полиции.

лечили сифилис или его последствия. С другой стороны, я знаю, что в бытность в первой ссылке Ленин однажды писал моему брату, что он очень-очень обеспокоен тем, что приехал новый товарищ, рабочий, которого, по человечеству, надо пригласить обедать у них, но он болен — сифилисом, и он, Ленин, опасается «заразы». Если сам Ленин знал, что у него наследственный сифилис, у него не было причин опасаться заражения; конечно, он мог опасаться за Надежду Константиновну... Словом, если верно, что его болезнь была результатом сифилиса, а это, кажется, верно, то я почти убеждена, что сам заразиться он не мог — не такой был человек! знал ли он это или нет, сказать не могу, но полагаю, что знать должен был. Его младший брат, Дмитрий, был врачом (тоже был смолоду плешивым и никогда не имел детей; он к тому же любил выпить и выпивал сильно) и когда-нибудь должен был просветить старшего брата...

Это, конечно, не существенно, как не существенна и странная путаница, которая имеется у Вальтера в связи с «романом» Ленина, в связи с Инессой. Был ли там роман, я не знаю, но знаю, что масса подробностей, которые он упоминает в связи с Инессой, упоминает (и соната Бетховена и т. д.) и жена Алексинского, которая издала свои воспоминания и где довольно подробно рассказывает о своем «романе» (очень мало эротическом и скорее «скучном»), приводит письма Ленина и т. д. Это было издано в свое время во Франции и в несколько ином виде напечатано в «Иллюстрированной России» (тоже в Париже)¹. Знаю также, что Алексинский предлагал все это дело «Последним Новостям»,

---

¹ Алексинский Г. А. Ленин в действительности: Его роман с Елизаветой К. [по ее воспоминаниям] (Иллюстрированная Россия. 1936. № 45–51). В воспоминаниях, охватывающих период 1905–1914 годов, рассказывалось о знакомстве «Елизаветы К.» с В. И. Лениным в Петербурге, встречах с ним в Стокгольме, Париже, Швейцарии, Галиции. Приводились его письма по поводу смерти Л. Н. Толстого и самоубийства П. и Л. Лафаргов, об итало-турецкой войне и Балканских войнах, об отношении к женскому вопросу и др. Характеризовались черты личности Ленина, недостатки его эстетического воспитания, ораторское искусство. Рассказывалось также о знакомстве автора с Камо (С. А. Тер-Петросяном), Я. С. Ганецким, аресте Ленина в Галиции, помощи Ганецкого в его освобождении. Французский текст, подготовленный Алексинским совместно с романистом Андре Беклером (Andre Beucler), был помещен сначала в газете *l'Intransigeant* и вышел отдельной книгой под названием *Les amours secrètes* (Paris, 1937).

но Миллюков¹ не взял. Знаю также, что Алексинский старался продать большевикам эти письма² и они (большевики) приглашали даже Николаевского³, как эксперта — настоящие ли письма, и Николаевский, по почерку, должен был признать, что письма Ленина. Пикантная сторона всей этой истории, характеризующая уж не большевиков, а г. Алексинского, что торговал-то он письмами, адресованными его жене!..

Самым существенным, по-моему, не соответствующим действительности в книге Вальтера является его взгляд, что «Искра» была предприятием Ленина и только Ленина. Это стопроцентно не верно! Можно говорить, с некоторой долей убедительности, что ни Плеханов⁴, ни Аксельрод⁵ не могли чувствовать себя

¹ Миллюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист и политический деятель, один из основателей и многолетний лидер Партии народной свободы (кадетов), депутат 3-й и 4-й Государственных дум, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. В эмиграции с 1918 года, сначала в Англии, с 1920 года во Франции, редактор наиболее популярной эмигрантской газеты «Последние новости» (1921–1940). Алексинский, видимо, желая выжать из этого сюжета как можно больше, предлагал также письма Ленина рижской газете «Сегодня», но та отказалась их печатать по политическим соображениям: латвийская цензура требовала не задевать могущественного соседа.

² Алексинский с конца 1920-х до середины 1930-х годов вел переговоры с Институтом Маркса, Энгельса, Ленина о продаже своего архива (около 1 тыс. документов, включая донесения агентов германского Генерального штаба о деятельности Ленина). Соглашение не состоялось, так как Алексинский запросил слишком большую сумму, требуя даже обратиться «к тов. Сталину».

³ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — архивист, историк и публицист; социал-демократ, большевик, затем меньшевик; в 1922 году выслан за границу. В эмиграции в Германии, после прихода к власти нацистов — во Франции, с 1940 года — в США. Собирал материалы по истории революционного движения. Его колоссальная коллекция — 811 коробок документов — находится в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии, где Николаевский провел последние годы жизни.

⁴ Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — основоположник русского марксизма, философ и публицист. С 1875 года народник, один из руководителей «Земли и воли», затем «Черного передела». С 1880 года в эмиграции, основатель марксистской группы «Освобождение труда» (1883). Один из основателей РСДРП, газеты «Искра». После II съезда РСДРП один из лидеров меньшевизма, хотя нередко занимал особую позицию. К Октябрьской революции отнесся отрицательно.

⁵ Аксельрод Павел Борисович (1850–1928) — революционер-народник, затем социал-демократ. Один из основателей группы «Освобождение труда» (1883). В эмиграции жил в Швейцарии, где основал предприятие по производству

вполне хозяевами в «Искре» и были в какой-то степени людьми «со стороны», но Мартов, но Потресов¹, даже Засулич², были в такой же мере хозяевами, как и Ленин. Поэтому частые выражения Вальтера «Ленин и его журнал», «Ленин в своем журнале» мне кажутся совершенно необоснованными. В моей памяти, наоборот, сохранилась необыкновенная спаянность этого коллектива. Право, мне кажется, что слово «я» очень редко там раздавалось, преобладало «мы». У меня часто становится очень мучительный для меня вопрос — что произошло, ведь, у Ленина не только не было ни одной черточки от «диктатора», но и величайшее отвращение к этому. Ведь я не одна так видела его, также его видели и понимали много более, чем я, опытные люди; откуда же все это явилось позже? К манере Плеханова ставить ультиматумы Ленин питал самое непритворное отвращение. В те годы он был по-настоящему сентиментален. Теперь я наткнулась в каком-то «Ленинском сборнике» на отрывок его письма после какого-то столкновения с Плехановым — самого первого, которое навсегда решило его отношение к Пл[еханову]; позже он мог с ним коалировать, но по-настоящему он уже к нему очень плохо относился. Отрывок такой — «...ну, а раз человек, с которым мы хотим вести общее близкое дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, тут уж нечего сомневаться в том, что этот человек не хороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек несимпатичный!»... Согласитесь

кефира, чем зарабатывал на жизнь. Кефир марки «Аксельрод» и до сих пор производится, например, в США. С 1900 года член редакции «Искры». С 1903-го — один из лидеров меньшевизма. К Октябрьской революции отнесся отрицательно.

¹ Потресов Александр Николаевич (1869–1934) — деятель революционного движения, социал-демократ. С 1900 года член редакции «Искры». С 1903-го — один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской революции в эмиграции.

² Засулич Вера Ивановна (1849–1919) — революционерка-народница; первая русская террористка: в 1878 году покушалась на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Причиной покушения послужил его приказ, по которому был незаконно высечен розгами политический заключенный Боголюбов (А. С. Емельянов). Была оправдана судом присяжных. В 1883 году — один из организаторов группы «Освобождение труда». С 1900 года член редакции «Искры». С 1903 года меньшевичка.

сами, что это Ленин не 17–18 года! В эти годы уж не шахматные ходы были позволительны по отношению к товарищам, хотя, быть может, и в эти годы Ленин все же был бы неспособен на расстрел ближайших товарищей. И все же надо признать, что в каком-то смысле Ленин — законный отец Сталина. Я иногда в этом сомневалась, но именно книга Вальтера, его рассказы, совершенно правильные, о Брест-Литовском мире, высказывания Ленина, разве не это повторил Сталин при пакте с Гитлером. Конечно, обстановка не вполне идентична, там катастрофа тут же наступила, тут, в 39 г. могла наступить, тогда Ленин мог провести все дело в напряженной борьбе против своих товарищей, Сталин никого не должен был спрашивать, и т. д. и т. д., но метод рассуждения тот же самый. И тут я подхожу к тому, что роднит Ленина со Сталиным (хотя у последнего много добавочных личных черт, целиком отсутствующих у Ленина) и что так отличало его от Мартова и товарищей его молодости. Всем нам было присуще убеждение, что благо революции — наивысший моральный закон, что во имя его можно и должно на все пойти, но Мартов, Потресов и др. понимали, что благо революции не есть успех сегодняшнего дня, а имеет и завтрашний день, что то, что полезно сегодня, может обернуться злом завтра и потому этого надо избегать, он же полагал, что завтра вообще не существует, не имеет значения, что его можно сотворить так, как мы, как он захочет. Тут не только большой волюнтаризм, но и некоторая неспособность к диалектике (в чем был так силен Мартов), некоторая стабильность и, если хотите, ограниченность мышления Ленина, что в известные моменты было его сильной стороной, делало его таким действенным, но что, по-моему, совершенно исключало возможность считать его гением...

Конечно, Вальтер читал много воспоминаний, где утверждалось, что «Искра» была его (Ленина) и только его предприятием, но он должен был, сопоставляя факты, упоминаемые теми же мемуаристами, увидеть, что в действительности было иначе. Ведь не мог же Ленин, когда хотел, провести Троцкого в редакторы¹ (а он очень хотел этого!), так как с этим был не согласен

---

¹ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — профессиональный революционер, с 1903 года — меньшевик; «второе лицо» в большевистской иерархии после В.И. Ленина, начиная с июля 1917 года, когда он вступил

Плеханов (и, по-моему, по вздорным причинам!), есть и другие факты такого же рода. Конечно, влияние Ленина на все окружение было очень велико, для нас всех это был первый между равными, но ни в какой мере ни диктатор. А возьмите отношение со Струве¹? Разве все делалось, как хотел Ленин? Плеханов очень влиял на решение этого вопроса, а когда Ленин обозлился на Струве и вздумал очень резко его критиковать, уже возмутился Плеханов и Ленину приходилось «почистить» свою статью о Струве.

Большое впечатление произвел на меня в книге Вальтера рассказ об отношении Ленина к Малиновскому². Мне всегда

в партию большевиков. Главный организатор Октябрьского переворота; нарком иностранных дел в первом советском правительстве; вышел в отставку после заключения Брестского мира. С марта 1918 года — нарком по военным делам, с сентября 1918-го по январь 1925 года — председатель Революционного военного совета республики. Признанный вождь и организатор Красной армии. В 1920–1921 годах, оставаясь на военных постах, был одновременно назначен наркомом путей сообщения. Впоследствии, в ходе борьбы за власть преемников Ленина, был снят со всех постов, исключен из партии, выслан сначала в Алма-Ату, а затем за границу (1929). Убит в Мексике агентом НКВД.

¹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — публицист, философ, экономист. Прodelал эволюцию от «легального марксизма» к правому крылу русского либерализма. Автор «Манифеста» РСДРП (1898). Редактировал заграничный орган русских либералов «Освобождение» (1902–1905). Член ЦК партии кадетов с момента ее основания (1905), депутат 2-й Государственной думы. Редактировал журнал «Русская мысль» и ряд других изданий. Участник сборника «Вехи» (1909). В 1906–1917 годах — профессор политекономии в Петербургском политехническом институте; академик Петербургской АН (1917). Инициатор издания сборника «Из глубины» (1918) — одной из первых попыток осмыслить суть русской революции. Член Особого совещания при Деникине; начальник Управления внешних сношений в правительстве Врангеля. Считал участие в Белом движении главным делом своей жизни. С 1920 года — в эмиграции.

² Малиновский Роман Вацлавович (настоящие ф.и.о. неизвестны) (1876–1918) — из дворян, потомок участников Польского восстания 1863 года; в 1899 году осужден за кражи (первый раз задержан в 1897-м). В 1901 году призван в армию по чужому паспорту (Малиновского). Затем — рабочий-металлист в Петербурге, деятель профсоюзного движения; с 1906 года член РСДРП. С мая 1910 года, после ареста, — платный агент Департамента полиции. В 1912–1914 годах член ЦК РСДРП, депутат 4-й Государственной думы, лидер фракции большевиков с 1913 года и ее главный оратор. В Департаменте получал сначала 400, затем 500 и 700 руб. в месяц, что сопоставимо с жалованьем крупных чиновников. В январе 1914 года после отставки директора Департамента полиции С.П. Белецкого, незаконно практиковавшего провокацию, уволен со службы. В мае 1914 года по требованию товарища министра

была неприятна мысль, что он (Ленин) оказался способен на такое отношение к Малиновскому; но мне хотелось думать, что как это ни маловероятно, у Ленина все же были какие-то иллюзии. Но из книги явствует, что уже в 17 г., когда не было никаких сомнений, Крупская и Ленин вошли в общение с военнопленным Малиновским, давали ему поручения и т. д., хотя они знали, что он был полицейским агентом, хотя, б. м., и не совсем обычным. Я тут навела разные справки и выяснила следующее — после октября 17 г. Малиновский приехал в Москву и предстал на суд. На суде присутствовал Ленин, но не проронил ни слова. Обвинял Крыленко¹. Видимо, и он не знал, как держаться, с одной стороны, факты говорили за себя, да Малиновский ничего и не отрицал, но только утверждал, что он, будучи агентом, все же всей душой был на стороне революции

внутренних дел В. Ф. Джунковского сложил полномочия депутата Государственной думы и уехал за границу. Следственная комиссия ЦК РСДРП в составе В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и Я. С. Ганецкого, расследовавшая в мае-июле 1914 года с участием Малиновского обвинения его в провокаторстве, сочла их клеветническими. В начале Первой мировой войны призван в армию, в ноябре 1914 года попал в плен. После Февральской революции 1917 года, когда стали доступны архивы Департамента полиции, разоблачен. В октябре 1918 года вернулся в Петроград, заявив, что отдает себя в руки правосудия. Верховный трибунал ВЦИК рассмотрел его дело в один день (5 ноября 1918 года) и приговорил к расстрелу; приговор был приведен в исполнение в тот же день.

¹ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — член РСДРП с 1904 года, большевик. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1909); поступил на юридический факультет в 1912 году, сдал экзамены экстерном в 1914 году в Харькове. После Октября 1917 года вошел в первое советское правительство в качестве члена Комитета по военным и морским делам. С ноября 1917 года — первый Верховный главнокомандующий, назначенный советской властью (в это время имел чин прапорщика). В марте 1918 года перешел в ведомство юстиции; положил начало публичным обвинительным выступлениям в ревтрибуналах. Единственным критерием виновности подсудимых считал «революционную совесть судей». В 1922–1931 годах — председатель Верховного трибунала при ВЦИК, замнаркома юстиции, старший помощник прокурора РСФСР, с 1928 года — прокурор республики. Выступал государственным обвинителем на крупных политических показательных процессах 1920-х — начала 1930-х годов. С 1931 года — нарком юстиции РСФСР, с 1936-го — СССР. Любопытно, что объемистый том в 600 страниц его «Обвинительных речей по наиболее крупным политическим процессам» вышел в Москве в 1937 году, а в следующем сам неистовый обвинитель был расстрелян.

и пытался принести ей пользу. Тем не менее, б. м. именно ввиду молчания Ленина был вынесен смертный приговор, который и был приведен в исполнение. Отчета об этом процессе в прессе того времени не было, но есть книжка «Судебные речи» Крыленко¹, там есть и эта речь... Эта сторона в Ленине остается для меня непостижимой...

---

¹ Очевидно, имеется в виду книга Н. В. Крыленко «За пять лет: 1918–1922 гг.» (М., 1923).

«ДЕЛО ПАРАМОНОВЫХ» (от Ростова до Лос-Анджелеса)¹

В исследованиях о русской эмиграции преимущественное внимание — что, по-видимому, вполне естественно — уделялось эмигрантским политикам и деятелям культуры. Меньше повезло «деловым людям», предпринимателям²; между тем история поставила весьма любопытный «эксперимент», «вбросив» российских промышленников и финансистов в чуждый им мир западного бизнеса. История их успехов и неудач в жесткой конкурентной среде весьма поучительна и могла бы иметь не только теоретический интерес. В нашей статье предпринята попытка проследить эмигрантскую судьбу одного из российских предпринимателей — Н. Е. Парамонова. Кроме того, нас интересовала также судьба парамоновской «династии» — второго и третьего поколений одной из ветвей семьи.

Сначала — несколько слов о деятельности Парамонова в России. Имя Николая Парамонова прежде всего ассоциируется с издательством «Донская речь», основанным им в январе 1903 года. В первый год своего существования издательство выпустило свыше 60 книг и брошюр и получило разрешение еще на 100 с лишним изданий, выйдя на первое место среди провинциальных издательств³. Книжки «Донской речи» были очень

---

¹ Будницкий О. В. «Дело Парамоновых» // Национальные диаспоры в России и за рубежом. М., 2001. С. 181–193.

² Характерно, что в энциклопедию «Русское зарубежье» (М.: РОССПЭН, 1997) из предпринимателей попали, кажется, только братья Рябушинские; на наш взгляд, не грех было бы вспомнить хотя бы о таких крупных фигурах, как А. О. Гукасов, Н. Х. Денисов или П. Л. Барк.

³ История «Донской речи» затрагивалась в следующих работах: Баторгин М. П. Перед судом царского самодержавия. М., 1964. С. 213–219; Травушкин Н. С. «Донская речь» // Книга. Исследования и материалы. М., 1970. Вып. 21;

дешевы и стоили от полукопейки до 6–8 коп.; некоторые сборники и сравнительно «научные» издания стоили немногим дороже.

Что побудило Николая Елпидифоровича Парамонова (1876–1951), сына казака Нижне-Чирской станицы, крупнейшего донского предпринимателя, хлеботорговца, владельца мельниц и пароходов, председателя Ростовского биржевого комитета Елпидифора Трофимовича Парамонова, пуститься в это явно не самое прибыльное предприятие? Николай Парамонов принадлежал к новому поколению российских предпринимателей, которым было тесно в рамках существующего режима; они тяготились докучливой опекой власти и сами стремились определять свою судьбу — да и судьбу страны. Рябушинские, С. Т. Морозов или А. И. Коновалов отнюдь не были исключениями; Н. Е. Парамонов на Дону или Н. В. Мешков на Урале относились к этому новому на Руси типу, очень мало напоминавшему купчин из пьес А. Н. Островского.

Отсюда их столкновения с властями и поддержка тех сил, которые раскачивали самодержавие. Николай Парамонов получил юридическое образование в Киевском и Московском университетах; уже в студенческие годы он имел неприятности на политической почве. Вернувшись после получения образования в Ростов-на-Дону, Парамонов, по словам бывшего товарища по университету, социал-демократа И. Н. Мошинского, возглавил местную культурническую интеллигенцию¹. По данным местного Охранного отделения, деятельность Парамонова не ограничивалась одним «культурничеством». В справке, представленной Донским охранным отделением в Департамент полиции, говорилось, что Парамонов «во время забастовки в Главных мастерских Владикавказской железной дороги в ноябре 1902 года (имеется

Будницкий О. В. История освободительного движения на страницах «Русской исторической библиотеки» издательства «Донская речь» // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1986. № 1; *Он же.* История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции // Революционеры и либералы России. М., 1990; *Иванов Б. Ю.* «Донская речь» // Отечественная история: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2; *Кошеверова С. В., Тарасова М. Н.* Каталог издательства «Донская Речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2006.

¹ *Мошинский И. Н.* (Юз. Конарский). Из эпохи 2-го съезда (1900–1904) // Капорта и ссылка. 1928. № 8–9. С. 13.

в виду знаменитая Ростовская стачка. — О. Б.)... принимал активное в ней участие путем раздачи денег и муки»; он также жертвовал суммы на освобождение под залог членов Донского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, содержание тайных типографий, выписку революционной литературы, в одном из рабочих районов Ростова им устроена воскресная школа, где ведется открыто революционная пропаганда, прекращающаяся лишь при появлении полицейского чиновника¹.

Охранники довольно наивно считали Парамонова главой всех (!) революционных партий, действовавших в Ростове. Это, конечно, было не так. Однако содействие революционерам Парамонов, несомненно, оказывал. Уже упоминавшийся выше И. Н. Мошинский писал о нем:

Н. Е. Парамонов — прелюбопытная фигура в русской революции. Крупный капиталист, человек американской складки, механизировавший свои рудники в Грушевском антрацитном районе по последнему слову техники, — имел пристрастие ко всем крупным затеям, даже в революционном подполье. Он... поставил известное большое издательство «Донской Речи», наводнившее всю Россию популярными народными изданиями, которыми с.-д. повсеместно пользовались для своей пропаганды, помогал и социал-демократам, поскольку это было полезно для разрушения самодержавного режима...²

Издательское дело было поставлено с самого начала с парамоновским размахом и не имело ни малейшего налета «провинциализма». В издательстве выходили произведения Л. Андреева, И. Бунина, В. Вересаева, В. Короленко, А. Куприна и других популярнейших писателей того времени. Публиковались в основном произведения «с направлением», рисовавшие мрачные стороны российской действительности, хотя, разумеется, значение этих рассказов или небольших повестей выходило далеко за рамки «социального» содержания, что определялось уровнем таланта их авторов.

¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 826. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

² Мошинский И. К вопросу о с.-д. (Донецком) союзе горнозаводских рабочих // Пролетарская революция. 1927. № 5. С. 231.

Особого размаха издательская деятельность Парамонова достигла в 1905–1907 годах. Он финансировал первый российский историко-революционный журнал «Былое», выпустил множество брошюр на социально-политические и исторические темы.

Успех изданий «Донской речи» объяснялся не только актуальностью и качеством издаваемых книжек в сочетании с низкими ценами, но и эффективной организацией дела. Отделения, склады и магазины «Донской речи» были открыты в Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Вятке, Томске, Харькове, Одессе, Тифлисе и других городах. Прекрасно была поставлена реклама продукции издательства. Как правило, каждая книжка «Донской речи» сама была источником информации и содержала списки изданий, находящихся в продаже. Был налажен выпуск постоянно обновлявшихся каталогов. На обложках многих брошюр перепечатывались отзывы печати об изданиях «Донской речи».

Несмотря на дешевизну изданий, издательство, по-видимому, приносило определенную прибыль или по крайней мере не было убыточным. То, что терялось на цене, компенсировалось за счет тиражей и скорости оборота. Для оптовых покупателей была предусмотрена гибкая система скидок; так, книжные склады и магазины пользовались 30%-ной скидкой; в том случае, если они заказывали продукции на сумму свыше 75 руб., пересылка осуществлялась за счет издательства. Предусмотрены были скидки и для частных лиц; если покупатель выписывал литературу на 2–3 руб., то за пересылку в пределах Европейской России он не платил.

У издательства была собственная типография в Ростове-на-Дону, однако она, разумеется, не могла справиться со все возрастающим потоком печатной продукции; в конечном счете заказы «Донской речи» размещались в 11 ростовских типографиях. После 1905 года издательство перенесло значительную часть своей деятельности в Петербург: там были легче цензурные условия, удобнее было распространение книг. В Петербурге издания «Донской речи» печатались по меньшей мере в 16 типографиях.

Всего в 1903–1907 годах издательство «Донская речь» выпустило свыше 500 названий книг и брошюр.

Власти обратили внимание на характер изданий «Донской речи» еще в 1904 году, однако серьезные неприятности Н. Е. Парамонова

начались с середины 1907 года. Издательство было закрыто, а его истинный хозяин, так же как подставной — А. Н. Сурат, попал под следствие за распространение подрывной литературы. Следственное дело составило 68 томов. В 1911 году Парамонов был приговорен к трем годам заключения в крепости.

Однако отбывать наказание Парамонову не пришлось; поскольку из разных концов России продолжали поступать сведения о распространении его изданий, подследственным было предъявлено новое обвинение, по более тяжелым статьям. Началось новое следствие, новые проволочки и чиновничья переписка. Новое дело составило 95 томов. Цель адвокатов была очевидна — дотянуть до 300-летия воцарения Романовых; юбилей непременно должен был ознаменоваться амнистией. И это удалось! Несмотря на то что следствие было завершено 27 октября 1912 года, дело поступило в судебную палату 19 марта 1913-го, то есть тогда, когда по царскому указу лица, совершившие преступления до 21 февраля 1913 года, освобождались от наказания. Тем не менее Николай Парамонов был лишен избирательных прав¹.

В 1909 году умер Елпидифор Парамонов. Он завещал 60% своего капитала старшему сыну Петру, а 40% — Николаю. Цена завещанного имущества составляла 4,5 млн руб. Однако братья не стали делиться, а образовали Товарищество «Е. Т. Парамонова Сыновья в Ростове-на-Дону». Е. Т. Парамонов завещал раздать своим служащим 20 тыс. руб., выдать обществу Нижне-Чирской станицы 5 тыс. руб. на устройство приюта или больницы, 50 тыс. руб. г. Ростову-на-Дону на училища и больницы, а также установить стипендию своего имени в Ростовском коммерческом училище и имени своей жены — в Ростовской женской гимназии. Большую часть семейного бизнеса вел старший брат — Петр. Николаю, после ликвидации издательства, чтобы чем-то занять неутомонного просветителя, купили шахту в Александровске-Грушевском. Здесь-то младший Парамонов и развернулся, поставив угледобычу на мировом техническом уровне².

¹ Баторгин М. П. Перед судом царского самодержавия. С. 218–219.

² Интервью О. В. Будницкого с сыном Н. Е. Парамонова, Елпидифором Николаевичем (Лос-Анджелес, октябрь 1994 и март 1995).

Это был один из парадоксов российской жизни. Крупнейший донской предприниматель находился под судом, параллельно «отвлекаясь» на такие «мелочи», как строительство шахт (ныне бывший Александровск-Грушевский так и называется — Шахты; не пора ли вернуть городу историческое и гораздо более благозвучное название?) и создание, говоря современным языком, городской инфраструктуры. Для иногородних рабочих Пармоновым были построены общежития, дешевые столовые, школы с вечерними курсами для взрослых, больница, детский сад и даже кинематограф! Одновременно подследственный строил семейное гнездышко — великолепный особняк на одной из красивейших улиц Ростова — Пушкинской. Он и теперь служит ее украшением, являясь ныне библиотекой Южного федерального университета (ранее, на протяжении десятилетий, — Ростовского государственного университета). Забегая вперед, замечу, что в феврале 1918 года со ступенек пармоновского дворца начался Ледяной поход Добровольческой армии.

Во время Первой мировой войны Пармоновы пожертвовали на дело обороны в общей сложности около миллиона рублей. Тогда же Николай был полностью «реабилитирован». Произошло это при следующих забавных обстоятельствах. Во время посещения Николаем II Ростова Петр Пармонов был среди встречавшихся с императором. Государь, пожимая всем руки, протянул и ему. Растерявшийся купец сунул руку в боковой карман, достал оттуда заранее приготовленный банковский билет в 100 тыс. руб. и положил в руку царю. Николай посмотрел на деньги, передал их адъютанту и затем вторично протянул руку, на этот раз для рукопожатия. На следующий день в местных «Ведомостях» было опубликовано всемиловиднейшее восстановление Николая Пармонова во всех избирательных правах. Вскоре он возглавил Донской областной военно-промышленный комитет.

После Февральской революции Николай Пармонов недолгое время возглавлял городскую власть; однако теперь он казался чересчур правым. Ростовский охлос шел за совсем другими лидерами. В 1917 году Пармонов возобновил издательскую деятельность, однако новая «Донская речь» просуществовала всего несколько месяцев. После Октябрьского переворота, как

известно, именно на Дону образовался очаг сопротивления большевикам. В Ростове и Новочеркаске формировалась генералами М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым и А. И. Деникиным Добровольческая армия. Штаб ее расположился в парамоновском особняке на Пушкинской. Характерно, что Декларация Добровольческой армии была написана прибывшим на Дон лидером российских либералов П. Н. Милюковым и опубликована впервые в ростовской газете «Донская речь».

Армия остро нуждалась в деньгах; наступил момент, когда Алексеев заявил, что если к определенному сроку добровольцы не получат финансовой поддержки, то он будет вынужден их распустить. Минут за сорок до истечения срока ультиматума к зданию штаба подкатила пролетка. Из нее не спеша вышел Николай Парамонов, тащивший за собой мешок с деньгами, собранными среди ростовских предпринимателей. Любопытно, что если от московских бизнесменов Добровольческая армия получила 800 тыс. руб., то от ростовских — 6,5 млн, да еще 2 млн — от новочеркасских.

Со ступенек парамоновского дворца начался 9 февраля 1918 года легендарный Ледяной поход Добровольческой армии. Вынужденные под натиском превосходящих сил красных оставить Ростов добровольцы совершили, с непрерывными боями, переход с Дона на Кубань.

Парамонов же ушел в «подполье»; в то время как большевики искали его в Ростове, он, отравив бороду и «распределив» детей среди родственников, уехал на время в Москву. Вернулся он в родные места после изгнания большевиков и прихода к власти атамана П. Н. Краснова. Однако с последним Парамонов не поладил. Сепаратистская риторика атамана и его прогерманская ориентация вызывали противодействие Парамонова, избранного товарищем (заместителем) председателя Донского войскового круга. Председателем Круга в августе 1918 года был избран кадет В. А. Харламов, депутат всех четырех Государственных дум. Парамонов придерживался союзнической ориентации, чего не скрывал, и был даже арестован на некоторое время немецкими оккупационными властями. Когда власть на Дону перешла в руки Добровольческой армии, Парамонов в январе 1919 года был приглашен генералом А. И. Деникиным

возглавить Отдел пропаганды Особого совещания (фактически деникинское правительство). Дело Парамонов собирался поставить на широкую ногу: в Отделе (по сути — министерстве) пропаганды были образованы подотделы — издательский, художественный, кинематографический, агитационный, лекторский и т. д. Управляющий кинематографическим отделом В. А. Амфитеатров-Кадашев записал в дневнике впечатления о первой встрече с шефом: «...энергичен, деловит, не любит даром тратить слов». Парамонов планировал строить отдел как коммерческое предприятие, а не бюрократическое учреждение.

Однако программа кадета Парамонова — привлечь к работе в Отделе демократические элементы, создать широкий антибольшевистский фронт — не встретила поддержки командования; к тому же генералы вмешивались в кадровые вопросы. Парамонова, привыкшего вести дело самостоятельно и с размахом, не устроило ни вмешательство в его прерогативы, ни скудное финансирование его ведомства¹. Уже в марте 1919 года он подал в отставку. Пропагандистскую войну белые, как известно, проиграли. Не было ли это их самым важным поражением?

А теперь — позволю себе немного личных воспоминаний. В 1994 году я впервые приехал в США, заниматься исследованиями в Стэнфордском университете; заведующая отделом редких книг библиотеки Ростовского университета, энтузиаст-библиограф Светлана Владимировна Кошеверова снабдила меня почтовым адресом Елпидифора Николаевича Парамонова, сына Николая Елпидифоровича. Было известно, что он живет в Лос-Анджелесе. Я отправил ему письмо; через день зазвонил телефон — Елпидифор Николаевич набрал номер, даже не дочитав моего послания, и сразу же пригласил приехать. Договорились, что в Бербанке (один из аэропортов Лос-Анджелеса) он меня встретит с табличкой «Парамонов». Честно говоря, я не думал, что он будет встречать меня сам — все-таки тогда ему шел 86-й год. Увидев в аэропорту единственного по-европейски одетого человека — в брюках и рубашке, но в галстуке, высокого и подтянутого, я подумал, что табличка совершенно излишня.

¹ См.: «Большевистский Карфаген должен быть разрушен...» (Письмо С. Г. Сватикова В. Л. Бурцеву) / Публ. О. В. Будницкого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 148–152.

Не желая ждать лифта, Елпидифор Николаевич легко поднялся на четвертый этаж гаража, где оставил машину. Дома стол был уже накрыт: несмотря на то что 75 лет Елпидифор Николаевич прожил за границей, закуски и напитки не оставляли сомнений в происхождении хозяина и его жены Людмилы Ивановны. В тот приезд Лос-Анджелеса я так и не увидел. Два дня мы провели дома — или во дворе у бассейна — за разговорами. Елпидифор Николаевич расспрашивал, осталась ли арка у входа в городской сад, что теперь находится в его детской в Парамоновском дворце... Родной город он покинул 19 декабря 1919 года. Число он запомнил хорошо. Ведь в этот день ему исполнилось 10 лет.

В феврале 1920 года, накануне новороссийской катастрофы деникинской армии, семья Парамоновых ушла в Константинополь на собственном пароходе «Принцип». Начались эмигрантские скитания. Пароход оказался единственным, что осталось от некогда многочисленного имущества. Но ведь не увезешь с собой рудники и мельницы.

Около года Парамоновы провели в Константинополе, живя на доходы от парохода, курсировавшего по маршруту Потти-Батуми. В начале следующего, 1921 года, когда стало ясно, что надежды на скорое возвращение в Россию беспочвенны, Парамоновы перебрались в Германию. Дело в том, что еще до начала Первой мировой войны Н. Е. Парамонов перевел в Германию задатки за шахтное оборудование. В связи с грянувшей войной поставки так и не начались; теперь он рассчитывал вернуть вложенные средства. Однако и эти надежды не оправдались: то ли мнение о порядочности и обязательности в делах немцев оказалось преувеличенным, то ли война и последовавшая за ней гиперинфляция разорила германских партнеров Парамонова.

Так или иначе, надо было как-то налаживать жизнь; жизнью для Николая Парамонова было дело, предпринимательство. Сметливый казак вложил большую часть имевшихся у него средств в... пустыри, купив незастроенные участки земли в Берлине, благо что в условиях «сверхинфляции» 1920-х годов это было не очень дорого. Он правильно оценил, что бурное развитие автомобильного транспорта приведет к росту потребности в гаражах, заправках и т. д., в том, что сейчас называют автосервисом. Берлин был в этом отношении почти девственным.

В 1926 году завершилась постройка первого парамоновского гаража, в 1929-м — второго. При гаражах были авторемонтные мастерские и заправочные станции. Кроме того, Парамонов построил несколько многоквартирных доходных домов. Все это давало весьма неплохой и стабильный доход и обеспечивало безбедное существование всего многочисленного семейства, включая семью брата Петра (ум. в 1940 году). В эмиграции их роли переменялись; если ранее большая часть парамоновского хозяйства была на Петре, то после того, как он осознал, что в Россию никогда не вернется, интерес к делам у него пропал и занимался он лишь стареньким пароходом, приписанным к одному из румынских портов.

В начале 1920-х годов Н. Е. Парамонов получил предложение возобновить издание «Былого»; инициатором был В. Л. Бурцев; однако, поразмыслив, Николай Елпидифорович отказался от этого предприятия, справедливо указав на сильную конкуренцию на рынке исторических изданий на русском языке.

Парамонов заметно поправел; «Возрождение» предпочитал милюковским «Последним новостям»; поддерживал дружеские отношения с атаманом П. Н. Красновым, с которым остро конфликтовал в 1918–1919 годах.

О «Донской речи» вспоминать не любил, хотя некоторые книжки издательства в парамоновском доме были; по воспоминаниям сына, часть из них была приобретена уже в эмиграции. Все книги, собранные Н. Е. Парамоновым в эмиграции, сгорели вместе с его архивом во время войны. Сын Николая Елпидифоровича, Елпидифор Николаевич, вспоминает, что читал из книг «Донской речи» только одну:

...если память мне не изменяет, «Случай 212». Дал мне ее отец как образец того, что не следовало бы печатать. Вообще, отец не любил вспоминать о тех изданиях, которые подрывали старый строй, и не раз говорил: «эх, были молодыми, да не тех людей слушали; теперь расхлебываем»¹.

¹ Письмо Е. Н. Парамонова С. В. Кошеверовой. 15 мая 1993 (личный архив С. В. Кошеверовой). Автор выражает искреннюю признательность Светлане Владимировне Кошеверовой, заведующей отделом редких книг библиотеки РГУ, за возможность ознакомиться с письмом Е. Н. Парамонова.

В политической деятельности Николай Елпидифорович почти не участвовал, хотя иногда бывал на эмигрантских «мероприятиях»; так, он присутствовал на печально известной лекции П. Н. Милюкова в Берлине, во время которой двое черносотенцев пытались застрелить бывшего кадетского лидера и в результате убили В. Д. Набокова; Парамонов был среди тех, кто задержал террористов. Единственной, по-видимому, организацией, в которой он принял некоторое участие, было Братство Русской Правды¹. Участие Парамонова выражалось в основном в финансовой поддержке. Кстати, Парамонов был совершенно напрасно объявлен советской юстицией вдохновителем «инженеров-вредителей», осужденных в 1928 году по «Шахтинскому делу». Собственно, и все дело было «постановкой» ОГПУ.

Кроме выпуска весьма кровожадных листовок деятельность Братства, пожалуй, ни в чем ином не выразилась. Как и большинство других эмигрантских организаций, она была «высвечена» изнутри агентами ГПУ и реальной опасности для Советской России не представляла. Техническую помощь Братству оказывал старший сын Николая Елпидифоровича — названный в честь деда, основателя династии, Елпидифором — рассылал литературу и т. п.

Приход к власти нацистов в 1933 году поначалу никак не сказался на жизни Парамоновых. Николая Елпидифоровича вызвали в гестапо на «беседу», интересовались настроениями, отношением к большевизму и почему-то к украинскому вопросу. Претензий не оказалось. Сложнее было со старшим сыном, Елпидифором. Он заканчивал учебу в университете и обнаружил недюжинные способности в инженерном деле. Ему предложили остаться при кафедре для написания диссертации и последующей профессуры. Проблема заключалась в том, что в этом случае надо было принимать гражданство, что, соответственно, могло привести к службе в вермахте. Пришлось отказаться от перспективной карьеры; Елпидифор, или, как его называли в семье, Фор, стал инженером-механиком, занялся практической инженерией. Впрочем, научный склад ума, тяга к исследовательской

---

¹ См. о Братстве главу «Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова» в настоящем томе.

работе, изобретательству осталась при нем. Впоследствии, уже в США, им были запатентованы десятки изобретений.

22 июня 1941 года расколело эмиграцию надвое — на тех, кто связывал надежды на «освобождение» России от большевизма с Гитлером, и на тех, для кого подобный путь был неприемлем. Парамоновы, по-видимому, относились ко второй группе; во всяком случае, в отличие от своего друга Краснова, возглавившего по предложению германского командования управление казачьих войск, Николай Елпидифорович отклонил предложение нацистов вернуться на родину и заняться «восстановлением экономики». Разумеется, с возвращением принадлежавшего ему имущества. После 1941 года «белые» эмигранты, даже отказавшиеся от сотрудничества с нацистами, преследованиям не подвергались — были лишь введены ограничения на поездки в прифронтовую зону. Елпидифор работал на одном из промышленных предприятий и, как все, считался мобилизованным — самовольный уход с предприятия карался смертной казнью.

В 1944 году Николай Елпидифорович вместе с женой, Анной Игнатьевной, перебрался в Чехословакию, в Карлсбад. В конце февраля — начале марта 1945 года, выправив себе фальшивые документы, туда же, сбежав со своего предприятия, отправился Елпидифор. В мае 1945 года Парамоновы оказались в советской зоне оккупации. Ничего хорошего им ждать не приходилось. Советская власть не собиралась прощать своих бывших противников. Начались аресты эмигрантов. Не дожидаясь своей очереди, Парамоновы (а именно жена Елпидифора Людмила Ивановна, привлекавшаяся комендантом в качестве переводчицы) получили разрешение на поездку в американскую зону (решающую роль сыграло обещание привезти несколько пар наручных часов) и, разумеется, не вернулись.

И вновь семья оказалась «у разбитого корыта». Парамоновские дома и гаражи были по большей части или разрушены, или остались в советской оккупационной зоне.

На этом рассказ о предпринимательской деятельности Николая Елпидифоровича можно было бы закончить, если бы у издательского дела Парамонова не было неожиданного и символического эпилога. В 1946 году Николай Парамонов стал вновь издавать «книжки для народа!» Это были издания,

предназначенные для десятков тысяч соотечественников, оказавшихся в лагерях для перемещенных лиц; на этих брошюрах, конечно, не было марки «Донской речи», однако внешне они удивительно напоминали своих старших «собратьев». Парамонов издавал в основном русских классиков — Лермонтова, Пушкина, Крылова, Гоголя и др. Любопытно, что первое парамоновское издание — изображение иконы Николая Угодника — было конфисковано американской администрацией, посчитавшей недопустимой религиозную пропаганду. Русский шрифт был приобретен Елпидифором Николаевичем Парамоновым за банку тушенки у немецких наборщиков. Корректуру делал сам Николай Елпидифорович. Парамоновы наладили кустарное издательство, приносившее, однако, несмотря на дешевизну книжек, за которые «ди-пи» (перемещенные лица) не могли, конечно, дорого платить, небольшую прибыль. Это позволяло семье, чье имущество сгорело или осталось в восточной части Германии, сводить концы с концами. Лишь болезнь сердца вынудила 74-летнего Николая Парамонова в 1950 году отказаться от издательства. Умер он 21 июня 1951 года и похоронен на городском кладбище баварского города Байройта¹.

После смерти отца Елпидифор, работавший в американской администрации в Германии, уехал с семьей в США. Главной причиной скорого отъезда был страх перед советским вторжением; служащие находились в состоянии 24-часовой эвакуационной готовности; если американцы, попав в руки большевиков, по разумению Елпидифора Николаевича, могли рассчитывать на снисхождение, то сыну белоэмигранта, тем более Парамонова, пришлось бы туго. Надо сказать, что Парамоновы явно преувеличивали интерес советских спецслужб к их семье. Однако рассчитывать, «в случае чего», на теплое отношение не приходилось.

После недолгого пребывания в Нью-Йорке Елпидифор Николаевич с женой и двумя дочерьми (одна из них дочь его жены от первого брака) перебрался в Калифорнию, в Лос-Анджелес.

---

¹ Письмо Е.Н. Парамонова С.В. Кошеверовой. 15 мая 1993; интервью Е.Н. Парамонова О.В. Будницкому (Лос-Анджелес, октябрь 1994 и март 1995). Несколько книжек, выпущенных последним парамоновским издательством, Е.Н. Парамонов передал в дар библиотеке Ростовского государственного университета.

Практически с первых дней пребывания в новой стране он работал по специальности — инженером-механиком. С языком (точнее, языками — он в совершенстве владеет английским и немецким) проблем не было. Как уже упоминалось, на счету Елпидифора Николаевича десятки изобретений; в основном они касались усовершенствования машин, использовавшихся для производства товаров легкой и пищевой промышленности. До недавнего времени Е. Н. Парамонов жил с женой в собственном двухэтажном доме в Лос-Анджелесе. Одна из комнат была оборудована под рабочий кабинет. Несмотря на то что он давно вышел на пенсию и ему перевалило далеко за 80, Елпидифор Николаевич регулярно получал заказы на сложную проектную работу, а также на переводы технической документации с немецкого на английский. Замечу, кстати, что и внутреннее убранство дома, и уклад жизни хозяев были совершенно русскими — несмотря на то что хозяин покинул родину в 10-летнем возрасте, а его жена, родившаяся в Петербурге, еще в младенчестве была увезена в Литву, а затем жила в Германии.

Предпринимательский дух, присущий семье Парамоновых, так и не проснулся в Елпидифоре Николаевиче. Однако гены взяли реванш в его дочери Марине. Окончив без блеска американскую школу (сказалась, по-видимому, культурно-языковая ситуация — девочка росла в семье с русским укладом, где языком общения был русский, училась сначала в немецкой школе и, соответственно, вращалась в немецкоязычной среде, а затем оказалась в США, где не смогла сразу адаптироваться), она, начав с нуля, завела свое дело. Ей принадлежит заводик (точнее, мастерская), где производятся небольшие партии сложных деталей для крупных предприятий. Гигантам индустрии невыгодно осваивать технологию производства этих мелкосерийных компонентов, и они предпочитают заказывать их на стороне. Для экономии Марина сама ведет бухгалтерию и делопроизводство; освоив тонкости американского налогового законодательства, энергичная бизнесвумен открыла параллельно консалтинговую фирму, которая помогает бизнесменам и частным лицам справляться с заполнением десятков страниц налоговых деклараций и изыскивать вполне законные способы минимизировать налоги.

Стало уже банальностью завершать работы о судьбах русских эмигрантов выражением сожаления о потерях, которые понесла Россия, утратившая целый «культурный слой». Обычно говорится о потерях в области литературы, искусства и т. д. На наш взгляд, как это ни кощунственно звучит, эти потери в известном смысле восполнимы. Хоть и поздно, но произведения Бунина или Набокова, Рахманинова или Цветаевой вернулись на родину. Возможно, что наиболее тяжкой и невосполнимой потерей было искоренение весьма тонкого слоя предпринимателей, а вместе с ними и предпринимательского духа (заодно и этики предпринимательства). Можно лишь еще раз выразить сожаление о потерях нашей страны и порадоваться за тех, кто благодаря своим способностям, энергии и предприимчивости сумел завоевать себе место под солнцем на «других берегах».

НАСЛЕДНИК КЛЮЧЕВСКОГО (А. А. КИЗЕВЕТТЕР)¹

«Честь имеем рекомендовать историко-филологическому факультету приват-доцента А. А. Кизеветтера для замещения экстраординатуры по кафедре русской истории», — писал 8 февраля 1910 года Василий Осипович Ключевский. Охарактеризовав далее научную и преподавательскую деятельность Кизеветтера, самый популярный лектор в истории русской высшей школы писал:

Факультет, хорошо зная г-на Кизеветтера как прекрасно образованного, опытного и талантливого преподавателя, в минувшем академическом году поручил ему обязательный курс по новейшей русской истории. Два капитальные исследования по русской истории и 21 год преподавательской деятельности, из коих 11 лет посвящены Московскому университету, смеем думать, достаточно ручаются за то, что в г-не Кизеветтере факультет приобретет испытанного и вполне надежного сотрудника².

Однако Кизеветтеру не довелось занять кафедру своего учителя. Он не был утвержден в должности профессора Министерством народного просвещения по политическим мотивам — кадет Кизеветтер оказался чересчур левым для министерства. А в следующем году он и вовсе покинул университет вместе с большой группой профессоров, таким образом выразившей протест против политики Министерства просвещения, возглавлявшегося Л. А. Кассо; политики, направленной на фактическую ликвидацию университетской автономии.

---

¹ *Кизеветтер А. А. Исторические силуэты / Сост. и вступ. ст. О. В. Будницкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 3–23.*

² *Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 457–458.*

Почему Ключевский предпочел кандидатуру Кизеветтера другому своему ученику, не менее крупному исследователю М. М. Богословскому? Точнее, почему Кизеветтер оказался, как пишет автор статьи о Ключевском и его учениках Т. Эммонс, «видимо, самым любимым» из них? Очевидно, разгадка этой не очень сложной задачи заключается в том, что «среди учеников Ключевского Кизеветтер лучше всех владел литературным стилем и лекторским искусством». Даже сдержанный Милюков, другой учитель Кизеветтера, а затем лидер партии, в которую он входил, «признавал, что Кизеветтер обладал особым талантом»¹.

Кизеветтер «унаследовал» литературное и лекторское мастерство учителя; полагаю даже, что «портретная галерея» деятелей русской истории, им созданная, не уступает аналогичной «галерее» Ключевского по литературному блеску, а по количеству «портретов», несомненно, превосходит. Библиография (повидимому, не исчерпывающая) работ Кизеветтера насчитывает 1003 названия! И это без учета нескольких сотен политико-публицистических статей². К сожалению, работы Кизеветтера при советской власти, выславшей его в 1922 году за границу, не переиздавались и до сих пор недоступны широким кругам читателей; в наибольшей степени это относится к его произведениям эмигрантского периода. Между тем в библиографии его работ они занимают несколько менее половины.

Однако вернемся к теме «Кизеветтер и Ключевский». Я не ставлю своей задачей сделать сколь-нибудь подробный анализ личных и творческих взаимоотношений двух историков; остановлюсь лишь на одном аспекте — литературном мастерстве учителя и ученика, то есть на том, что обеспечило их работам популярность, далеко выходящую за рамки круга профессионалов.

Зять Кизеветтера Е. Ф. Максимович писал во введении к составленной им библиографии работ своего знаменитого родственника: «Радость научного творчества была открыта А. А.

¹ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 52–53.

² См.: Максимович Е. Ф. Материалы для библиографии печатных работ А. А. Кизеветтера // Записки Русского института в Праге. Прага, 1937. Кн. 3. С. 225–284.

всего полнее и обаятельнее В. О. Ключевским. К памяти своего блестящего учителя А. А. всю свою жизнь относился благоговейно. В публикуемом списке около 30 номеров посвящены Ключевскому и его работам... В России, на столбцах „Русских Ведомостей“, А. А. с неуклонным постоянством, ежегодно, не исключая и бурного 1917 и страшного 1918 г., отмечал своими статьями годовщину смерти своего учителя... По высылке из Советской России, вновь обретя так высоко ценимую им свободу печатного слова, А. А. первую же свою статью, опубликованную в эмиграции, посвятил воспоминаниям о Ключевском»¹.

Т. Эммонс справедливо называет Кизеветтера «самым горячим поклонником» Ключевского. «Для Кизеветтера Ключевский был олицетворением ученого и поэта, сочетания, необходимого для действительно великого историка»². Чтобы убедиться в точности этого утверждения, достаточно привести несколько выдержек из статьи Кизеветтера памяти Ключевского:

Было бы недостаточно сказать, что Ключевский двинул вперед или реформировал науку русской истории. Мы будем гораздо ближе к истине, сказав, что он эту науку создал. [...] Ученый и поэт, великий систематик-схематизатор и чуткий изобразитель конкретных явлений жизни, первоклассный мастер широких обобщений и несравненный аналитик, ценивший и любивший детальные и микроскопические наблюдения, — таким был Ключевский, как историк³.

Думаю, я не погрешу против истины, если скажу, что именно изобразительный дар Кизеветтер более всего ценил в своем учителе:

...нельзя быть историком, не умея мысленно представить себе и воссоздать словом перед другими явления прошлого во всей их конкретности, во всем их индивидуальном своеобразии, во всей сочности

¹ Максимович Е. Ф. Материалы для библиографии печатных работ А. А. Кизеветтера. С. 227.

² Эммонс Т. Ключевский и его ученики. С. 52–53.

³ Кизеветтер А. А. Памяти В. О. Ключевского // Русская мысль. 1911. № 6. С. 135, 139.

присущих им жизненных красок. Без этого дара конкретного воссоздания былой жизни не будет историка, — будет только резонирующий диалектик, играющий словесными формулами¹.

Даром конкретного воссоздания былой жизни — в особенности характеров людей былого времени — Кизеветтер обладал вполне. В этом отношении, как и во многих других, он был подлинным наследником Ключевского. Этот дар обеспечил ему широкую популярность среди людей, мало-мальски интересующихся историей. Уверен, что книга «исторических силуэтов» «кисти» Кизеветтера, знаменующая возвращение широкой читательской аудитории трудов еще одного блистательного историка, вызовет интерес не меньший, чем при первом появлении включенных в нее очерков.

Теперь более подробно о «трудах и днях» А. А. Кизеветтера и немного — о его «исторических силуэтах». Моя задача облегчается тем, что, во-первых, сам Кизеветтер оставил книгу мемуаров «На рубеже двух столетий» (Прага, 1929), в которой, правда, довел рассказ о своей жизни и в еще большей степени о своей эпохе до 1914 года, и, во-вторых, наличием двух достаточно подробных работ о Кизеветтере — биографического очерка А. В. Флоровского (1937) и книги М. Г. Вандалковской о П. Н. Милюкове и А. А. Кизеветтере как политических деятелях и историках².

Александр Александрович Кизеветтер родился 10 мая 1866 года в Петербурге; однако семья будущего историка вплоть до 1884 года, когда он поступил в Московский университет, жила в Оренбурге. Отец Александра Александровича, Александр Иванович, служил в Оренбурге представителем Военного министерства при генерал-губернаторе. По отцовской линии Кизеветтер происходил из обрусевших немцев; мать историка, Александра Николаевна Турчанинова, была внучкой известного церковного композитора,

¹ Цит. по: *Флоровский А. В.* Биографический очерк [А. А. Кизеветтера] // Записки Русского института в Праге. Прага, 1937. Кн. 3. С. 186.

² *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков. А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. См. также: *Чанцев А. В.* Кизеветтер А. А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 531; *Демина Л. И.* Кизеветтер А. А. Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 149–150.

протоиерея Петра Ивановича Турчанинова и дочь преподавателя истории, автора книги о церковных соборах в России.

Еще в гимназии Кизеветтер прочел вышедшую в 1881 году «Боярскую Думу Древней Руси» Ключевского. Книга произвела на него сильное впечатление и во многом повлияла на выбор профессии. В 1884 году Кизеветтер поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Среди его учителей, кроме Ключевского, были П. Г. Виноградов, В. И. Герье, молодой приват-доцент П. Н. Милюков, историк литературы Н. С. Тихонравов, искусствовед И. В. Цветаев и др. Кроме «положенных» занятий Кизеветтер имел возможность слушать лекции популярных преподавателей других факультетов, в том числе юриста С. А. Муромцева, будущего председателя 1-й Государственной думы.

В 1888 году Кизеветтер окончил Московский университет и был оставлен Ключевским при кафедре русской истории для подготовки к магистерскому званию. После окончания университета Кизеветтер преподавал историю в гимназических классах Лазаревского института восточных языков, в гимназии Л. Ф. Ржевской, на так называемых коллективных уроках для учащихся женщин, на Высших женских курсах В. И. Герье. С 1897 года Кизеветтер начал читать специальные курсы в Московском университете — по внутренней политике России в первой половине XIX века и др., а в следующем году стал приват-доцентом. Профессором Московского университета ему удалось стать только 20 лет спустя, в марте 1917 года. Правда, для этого в России должна была случиться революция.

Преподавал Кизеветтер также в разное время в школе Малого театра, Народном университете А. Л. Шанявского, Коммерческом институте. Разнообразный преподавательский опыт, «чувство аудитории», несомненно, способствовали развитию не только лекторского мастерства, но и литературной «популяраторской жилки» Кизеветтера.

В 1894 году Кизеветтер женился на вдове своего близкого друга А. А. Кудрявцева, Екатерине Яковлевне Кудрявцевой, урожденной Фраузенфельдер, и принял на себя воспитание ее двоих детей — Всеволода и Натальи; год спустя у них родилась дочь Екатерина, вышедшая впоследствии замуж за Е. Ф. Максимовича.

«В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли», — писал в статье памяти С. М. Соловьева Ключевский¹. Главными фактами научной биографии Кизеветтера, если следовать отточенной формуле Ключевского, были две его диссертации: магистерская — «Посадская община в России XVIII столетия» (М., 1903) и докторская — «Городовое положение Екатерины II 1785 года» (М., 1909). П. Н. Милюков считал, что Кизеветтер как историк был «подавлен готовой схемой русской истории в блестящем синтезе Ключевского»², что вызвало его обращение к локальным проблемам. Вероятно, это так; Соловьевы и Ключевские рождаются не каждый день. Однако с решением поставленных «локальных» проблем Кизеветтер справился блестяще.

Наиболее основательно исследовавшая научное творчество Кизеветтера М. Г. Вандалковская пишет, что его работа о посадской общине «имела новаторский характер. Он изучил общественный организм (посадскую общину) с точки зрения социального состава и доказал на основе впервые введенного в научный оборот нового документального материала тесную связь различных социальных категорий населения с их экономическим положением, а также обусловленность правового статуса населения уровнем их социально-экономического развития»³. Семь лет работы в архивах позволили Кизеветтеру в деталях нарисовать «бытовую социальную физиономию» посадской общины.

Кроме сугубо исторических, работа Кизеветтера имела и некую политическую «сверхзадачу». Убежденный конституционалист, он искал элементы самоуправления, представительства в истории русского общества. «Кизеветтер поставил своей целью, — справедливо отмечает М. Раев, — выявить те автономные элементы в русском обществе, которые представляли собой как бы альтернативу централизации и бюрократизации самодержавия»⁴.

¹ Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В. О. Соч. в 8-ми томах. Т. VII. М., 1959. С. 143.

² Милюков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер) // Современные записки. 1933. № 51. С. 315.

³ Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков; А. А. Кизеветтер. С. 84.

⁴ Письма А. А. Кизеветтера Н. И. Астрову, В. И. Вернадскому, М. В. Вишняку / Публ. М. Раева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1988. Кн. 172–173. С. 462.

Книга Кизеветтера не только принесла ему искомую магистерскую степень, но и премию имени Г. Ф. Карпова, присужденную Обществом истории и древностей российских.

Вторая диссертация Кизеветтера хронологически продолжала первую; скрупулезный анализ источников привел его к новым выводам относительно политики Екатерины II. Кизеветтер опровергал принятое в российской историографии мнение, что Екатерина, вдохновляемая идеями Просвещения, стремилась к ликвидации деспотизма и крепостничества и лишь со временем стала выражать прежде всего интересы дворянства. Он утверждал, что Екатерина II «с самого начала своего правления защищала интересы дворянства и никогда не помышляла об отмене крепостного права»¹. В результате законодательство Екатерины оказалось направленным на то, чтобы «подновить и перекрасить фасад государственного здания»².

Кроме указанных капитальных сочинений Кизеветтер опубликовал сотни менее объемистых научных, популярных и публицистических работ; как уже упоминалось, общее число его публикаций еще в дореволюционный период превысило 500. Первой его публикацией была сугубо специальная работа «Значение „перехожих четвертей“ при мене поместий в XVIII веке» в «Юридическом вестнике» в 1890 году. Затем, после пятилетней паузы, — «Иван Грозный и его оппоненты», исследование вполне научное, но написанное достаточно живым языком, явно предназначавшееся не только для профессионалов и появившееся на страницах едва ли не самого популярного среди интеллигентной публики толстого журнала — «Русской мысли». Время и личность Ивана Грозного, отношение к которым стало «знаковым» для русского общества, и далее привлекали внимание Кизеветтера. Хотя он специализировался на истории России XVIII — первой половины XIX века, новые книги об эпохе Ивана Грозного неизменно вызывали его отклики. Так, он выступил впоследствии

¹ Вандакковская М. Г. П. Н. Милюков; А. А. Кизеветтер. С. 92. О диссертациях Кизеветтера см. также: Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 585–588.

² Кизеветтер А. А. Императрица Екатерина II как законодательница: Речь перед докторским диспутом // Исторические очерки. М., 1912. С. 283.

с рецензиями на известные книги об Иване IV Р.Ю. Виппера и С.Ф. Платонова¹.

Со второй половины 1890-х годов «толстые» литературные и научно-популярные журналы регулярно публикуют статьи и рецензии Кизеветтера. Он стал постоянным автором «Русского богатства», «Образования», «Журнала для всех»; с 1903 года Кизеветтер — помощник В.А. Гольцева по изданию «Русской мысли», в 1907–1911 годах он редактировал этот журнал совместно с П.Б. Струве. С 1906 года Кизеветтер — постоянный сотрудник «Русских ведомостей», с 1912 года — член Товарищества по изданию «Русских ведомостей».

Значительную часть кизеветтеровских публикаций составляли биографические очерки; уже в 1898 году этюд об Артемии Петровиче Волинском, опубликованный в «Журнале для всех», сопровождался подзаголовком «Исторические силуэты». Впоследствии Кизеветтер назовет так одну из своих книг. Наиболее серьезные журнальные публикации Кизеветтер собирал в книги. В 1912 году вышел солидный том его «Исторических очерков», в 1915-м — «Исторические отклики». Кроме того, Кизеветтер издал целый ряд популярных брошюр, многие из которых выдержали несколько изданий. Особенно охотно печатала его «Донская речь», одно из самых мощных демократических издательств России.

«Деятнадцатый век в истории России», «Протопоп Аввакум», «Петр Великий за границей», «День царя Алексея Михайловича» и другие тексты Кизеветтера, написанные «для публики», пользовались успехом и быстро расходились; некоторые выдержали не одно издание.

Неизменным увлечением Кизеветтера был театр. Он был лично знаком со многими выдающимися театральными актерами, в том числе с такими звездами, как М.Н. Ермолова, Г.Н. Федотова, А.И. Сумбатов-Южин. На страницах газет и журналов регулярно появлялись его театральные рецензии, исследования по истории русского театра. Впоследствии некоторые из них составили книгу «Театр. Очерки, размышления, заметки»

¹ Кизеветтер А.А. Панегирист Ивана Грозного // Сегодня (Рига). 1923. 4 августа. № 167; Он же. Рец. на кн.: Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пг., 1923 // Со-временные записки. 1924. № 18. С. 444–447.

(М., 1922). Кизеветтер написал также биографию великого актера М. С. Щепкина, которая после публикации в «Русской мысли» выдержала еще и два книжных издания.

Общественный темперамент и либеральные убеждения Кизеветтера обусловили его активное участие в освободительном движении. От просветительской, лекторской деятельности он постепенно переходит к политической. Кизеветтер принимает участие в банкетной кампании конца 1904 года, когда земцы и либеральная интеллигенция открыто выступают с требованием введения народного представительства и ограничения самодержавия. Вполне логичным было вступление Кизеветтера в «профессорскую партию» — партию кадетов, образованную осенью 1905 года. С января 1906 года по 1918-й он был членом ее ЦК.

Кизеветтер, блестящий оратор, принял самое активное участие в избирательных кампаниях в 1-ю и 2-ю Государственные думы. Он был «ударной силой» партии и в созвездии кадетских златоустов по праву претендовал на одно из первых мест (первое место в этом негласном соревновании принадлежало, по мнению большинства современников, московскому адвокату В. А. Маклакову). Кстати, совместно с ним Кизеветтер написал своеобразное руководство для кадетских ораторов — «Нападки на партию народной свободы (официальное название партии. — О. Б.) и ответы на них». Это пособие было более известно под названием «кизеветтеровского катехизиса».

С горечью встретил Кизеветтер известие о роспуске 1-й Думы. Много лет спустя, уже в эмиграции, он писал, что «если когда-нибудь будет написана беспристрастная история первой Государственной думы, тогда с полной ясностью будет установлено, что страна послала в первый русский парламент в наибольшем числе людей, одушевленных высоким представлением о предстоявшей им задаче политического возрождения родины. Их работа была насильственно оборвана в самом начале и это обстоятельство имело неисчислимы роковые последствия»¹.

2-ю Думу, в которую Кизеветтер был избран от Москвы, постигла участь 1-й. Власть и общество так и не сумели найти

---

¹ *Кизеветтер* А. А. Ораторы первой Государственной Думы // *Сегодня* (Рига). 1931. 1 августа. № 210.

общий язык друг с другом. Это стало одной из предпосылок катастрофы 1917 года.

После бурного «романа» с политикой Кизеветтер вернулся к письменному столу, хотя, разумеется, продолжал быть деятельным членом московской организации партии кадетов. Однако такого накала, как в 1905–1906 годах, его партийная работа уже не достигала.

Кизеветтер восторженно встретил Февральскую революцию. Много писал в «Русских ведомостях» по различным политическим вопросам; читал лекции на курсах агитаторов при Московском отделении партии кадетов. В статье «Большевизм», опубликованной в «Русских ведомостях» 28 марта 1917 года, он выступил против классовой диктатуры. Его реакция на Октябрьскую революцию была вполне предсказуемой.

В статье «Враги народа», опубликованной 8 ноября 1917 года, Кизеветтер писал:

...все это губительное и дикое изуверство обрушено на Москву и Россию кучкой русских граждан, не остановившихся перед этими неслыханными злодеяниями против своего народа, лишь бы захватить во что бы то ни стало власть в свои руки, надругавшись с таким беспредельным бесстыдством над теми самыми принципами свободы и братства, которыми они кощунственно прикрываются¹.

28 января 1918 года в статье «Буржуазная природа большевистского движения» он оценил большевистское движение как «опыт сотворить из пролетариата новую буржуазию со всеми минусами и без всяких плюсов буржуазного жизненного уклада. Что же касается социализма, то он остается этикеткой, механически прикрепленной к этому глубоко антисоциалистическому движению»².

В конце мая 1918 года Кизеветтер выступил с докладом на кадетской конференции в Москве. По его докладу была принята резолюция о верности союзникам и усилении борьбы против советской власти. В то же время весьма любопытна позиция

¹ Цит. по: Демина Л. И. Кизеветтер А. А. 1917. С. 150.

² Там же.

Кизеветтера и некоторых участников конференции относительно работы в организациях, контролируемых большевиками. Кадеты, эти «враги народа», как их квалифицировала советская власть, с ужасом наблюдали развал страны, надвигающуюся гибель экономики и культуры. Поэтому многие из них считали, что необходимо во многих случаях перейти от бойкота советских учреждений к работе в них, если это пойдет на пользу России; поезда все-таки должны ходить, кто бы ни находился у власти, — приблизительно в таком духе высказался один из участников, вскоре арестованный ВЧК. Однако, идя на службу в большевистские учреждения, необходимо четко обозначить свою политическую позицию, ни в коем случае не допускать идейных компромиссов. Цитируя Священное Писание, Кизеветтер подчеркнул, что члены партии должны быть чисты как голуби и мудры как змеи¹.

Однако никакая мудрость не могла уберечь члена ЦК партии кадетов, легально проживающего в Москве и не собирающегося менять своих убеждений, от внимания ВЧК. 29 сентября 1918 года Кизеветтер был арестован и доставлен на Лубянку; затем его перевели в Бутырскую тюрьму, где он провел около трех месяцев, так и не дождавшись предъявления обвинения. Помогли студенты. 4 января 1919 года совет старост Московского университета направил В. И. Ленину телеграмму следующего содержания:

Председателю Совнаркома Ленину.

Совет старост 2 Московского государственного университета ходатайствует перед Вами об освобождении арестованного и уже 3 месяца находящегося без предъявления обвинений в Бутырской тюрьме профессора Кизеветтера, так как его дальнейшее пребывание в тюрьме, ввиду его болезни склероза и диабета, грозит самыми роковыми последствиями его здоровью и жизни; между тем он давно отошел от политической деятельности и всецело посвятил себя научной и преподавательской работе, к которой мы просим Вас возвратить его.

Председательница Румянцева.

Секретарь Леонтьева².

¹ Красная книга ВЧК. М., 1990. С. 75–76.

² В. И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 112.

«Вождь мирового пролетариата» наложил резолюцию: «Лацису и Петерсу на заключение и сообщение мне»¹. Знаменитый чекист М. Я. Лацис, незадолго до описываемых событий рекомендовавший своим коллегам определять виновность подозреваемых исходя из их происхождения, на этот раз, к счастью, не стал следовать собственным принципам, и 13 января по его распоряжению Кизеветтер был освобожден. Возможно, с его освобождением было не все так просто, поскольку накануне этого события в телефонном разговоре с женой историка М. Н. Покровский, учившийся в свое время у Ключевского и некогда поздравлявший Кизеветтера с успешной защитой магистерской диссертации, советовал ей *«успокоиться на мысли, что все хлопоты напрасны»* и что ее мужа не выпустят². Впрочем, не исключено, что главу «историков-марксистов» чекисты просто не сочли нужным своевременно проинформировать.

Кизеветтер, чтобы как-то просуществовать и содержать семью, был вынужден подрабатывать где только мог. Он пошел служить в архив бывшего Министерства иностранных дел, преподавал, кроме Московского университета, на Драматических курсах Малого театра, ездил с лекциями по стране от культурно-просветительского отдела Союза кооперативных объединений; как правило, лекторам платили на местах «натурой» — в одном из своих мемуарных очерков Кизеветтер с юмором описывал, каких трудов стоило доставить заработанные продукты в Москву. Власть, борясь со «спекуляцией», запрещала провозить продовольствие в голодный город!

Кроме того, Кизеветтер сотрудничал в кооперативном издательстве «Задруга» и даже торговал, вместе с некоторыми другими известными литераторами и учеными, в книжной лавке издательства. Возможности литературных заработков он практически лишился — за отсутствием органов печати, закрытых советской властью. В 1919 году он выпустил единственную работу — брошюру «Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства» в Вологде, в 1920-м у едва ли не самого плодовитого русского историка

¹ В. И. Ленин и ВЧК. С. 112.

² Флоровский А. В. Биографический очерк. С. 191.

публикаций не было вообще; в 1921-м вышли две небольшие статьи в журнале «Голос минувшего». В 1920 году Кизеветтеру, а также М. М. Богословскому и Р. Ю. Випперу было запрещено чтение лекций в высших учебных заведениях как «проводникам старой буржуазной культуры»¹.

Не оставляла Кизеветтера, как и других «буржуазных» интеллигентов, своим вниманием ВЧК. В сентябре 1919 года он вновь был арестован — шли массовые аресты по делу так называемого «Национального центра»; среди арестованных были историки М. М. Богословский, С. Б. Веселовский, Д. М. Петрушевский и др. Кизеветтера выпустили через две с лишним недели. Его имя хотя и упоминалось в показаниях некоторых из арестованных, но лишь как члена партии кадетов, что и так было всем известно; многим из его знакомых и однопартийцев повезло гораздо меньше. 67 человек были расстреляны, в том числе член ЦК партии кадетов Н. Н. Щепкин, внук великого артиста².

Третий раз Кизеветтера арестовали в 1921 году в Иваново-Вознесенске, где он читал лекции в эвакуированном туда Рижском политехникуме. Историка доставили в Москву и через месяц, так и не предъявив обвинения, выпустили.

В августе 1922 года Кизеветтер был подвергнут краткому домашнему аресту. «Придержать» его дома властям нужно было для того, чтобы он находился под рукой для предъявления постановления о высылке из пределов Советской России. Кизеветтера включили в большую группу известных интеллектуалов, которых большевистское руководство не хотело по внешнеполитическим соображениям подвергать более суровым репрессиям, но и терпеть их свободомыслие не собиралось. 28 сентября 1922 года Кизеветтер с семьей отплыл из Петрограда на немецком пароходе в Германию. В Россию ему уже не было суждено вернуться.

Впрочем, в такую Россию Кизеветтер и не хотел возвращаться. Несколько месяцев спустя после высылки он писал своему старому товарищу по партии В. А. Маклакову, занимавшему в то время пост российского посла в Париже (Франция

¹ Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков; А. А. Кизеветтер. С. 99.

² Политические деятели России. С. 366.

еще не признала СССР, и особняк на улице Гренель, где помещалось посольство, занимал представитель уже несуществующего государства): «Шлю Вам из Праги сердечный привет. Нежданно-негаданно выпорхнул из большевистской клетки, за что и благословляю судьбу»¹. В другом письме к Маклакову Кизеветтер высказывал предположение, что тот недооценивает «преимущества нахождения за пределами Совдепии», поскольку ему не пришлось видеть «большевистского властвования» воочию. Кизеветтер писал:

Могу сказать одно, я испытывал чувство тоски по родине, когда сидел в своей квартире в Москве и кругом себя не видел своей родины. Здесь же я тоски по родине не чувствую, ибо имею возможность свободно и по-человечески жить с русскими людьми. И, читая лекции, помогать русской молодежи хранить в себе русскую душу для лучших времен².

Возможность профессионально реализоваться и «помогать русской молодежи» Кизеветтер получил в Праге, куда прибыл 1 января 1923 года. Прага в 1920-е — первой половине 1930-х годов была признанным академическим центром Русского зарубежья. В 1922 году президент Чехословакии Томаш Масарик и чешское правительство предприняли так называемую Русскую акцию. Суть ее заключалась, во-первых, в том, чтобы помочь ученым-беженцам, во-вторых, чтобы обеспечить подготовку специалистов для будущей, очищенной от большевизма России. В рамках Русской акции был создан Русский университет с двумя факультетами — юридическим и гуманитарным; существовал также Народный университет для тех, кто не мог посещать лекции в дневное время; Русский научный институт в Праге фактически выполнял функции Академии наук Русского зарубежья; действовал также ряд других научных учреждений — Экономический кабинет, Семинар византиниста Н. П. Кондакова и др.

¹ А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 13 июля 1923 — «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера / Публ. О. Будницкого, Т. Эммонса // Источник. 1996. № 2. С. 5.

² А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 18 августа 1923 — «Большевизм есть несчастье...». С. 6.

При чехословацком Министерстве иностранных дел был создан Русский заграничный исторический архив.

Кизеветтер преподавал практически во всех русских учебных заведениях в Праге, читал также курс истории на философском факультете чешского Карлова университета; выезжал с лекционными турне в Берлин, Белград, в Прибалтику. Он стал одним из основателей в 1925 году Русского исторического общества в Праге; был товарищем его председателя (известного историка Е. Ф. Шмурло), а затем председателем. Кизеветтер возглавил Совет и учено-административную комиссию Русского заграничного исторического архива.

В этой своей многообразной деятельности Кизеветтер видел не только источник добывания средств к существованию — а положение его семьи было достаточно трудным: тяжело болели жена и падчерица, да и сам Кизеветтер страдал от диабета, — но и некую миссию. Он не верил в скорый крах большевизма, так же как в способность эмиграции реально повлиять на процессы, происходящие в СССР. Что же делать «русским зарубежникам»? На этот вопрос, едва ли не главный для эмигрантов, Кизеветтер попытался ответить в очередном послании к В. А. Маклакову:

Сейчас картина получается такая: в политическом отношении мы, русские, шлепнулись как нельзя хуже. А к русской культуре всюду в Европе обнаруживается большой интерес. Этой культурой заинтригованы, ее ценят, в ее будущности не сомневаются, никто не допускает мысли о том, что большевистское измывательство над этой культурой окончательно ее погубит... Вот мне и думается, что эмиграция со своей стороны должна была бы сделать все возможное, чтобы своею деятельностью закрепить в европейском обществе это признание силы и ценности русского человека как культурного деятеля. Согласитесь, что это было бы дело в высшей степени важное с точки зрения интересов именно грядущей России¹.

В эмиграции Кизеветтер много писал. Как уже говорилось выше, число его публикаций зарубежного периода немногим

¹ А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 1 декабря 1923 // Там же. С. 10.

уступало напечатанному в России и приближалось к пятистам. Правда, Кизеветтер не создал в эмиграции крупных исследований. Архивы остались в России; много приходилось писать для заработка. Однако он опубликовал книгу, которая, по нашему мнению, переживет его специальные исследования, вышедшие в России, — воспоминания «На рубеже двух столетий». Маклаков, заметно расхопившийся с Кизеветтером в оценке недавнего прошлого, писал ему вскоре после выхода книги:

Не собираюсь Вам писать ни комплиментов, ни критики. Прочел ее с громадным интересом и думаю, что подобные книги самое полезное дело, которое мы можем пока делать... Люди, которые вспоминают прошлое, как Вы, без предвзятости, хотя бы им, как и всем нам и было далеко до объективной правды, все-таки дают... материал, без которого этой правды узнать будет нельзя¹.

Кизеветтер был постоянным сотрудником лучшего журнала Русского зарубежья — парижских «Современных записок», исторического журнала, издававшегося С. П. Мельгуновым сначала под названием «На чужой стороне», а затем «Голос минувшего на чужой стороне», печатался в других эмигрантских журналах, исторических сборниках, много публиковался в газетах — особенно часто в рижской «Сегодня» и берлинском «Руле». Среди его публикаций — статьи, рецензии, историографические обзоры. Как всегда, много «исторических портретов» (среди них — Екатерина II, гр. Д. А. Толстой, И. Д. Делянов, А. С. Суворин, Г. А. Гапон, Франтишек Палацкий и др.). Значительная, пожалуй большая, часть публикаций была рассчитана на массового читателя и носила популярный характер.

В последние годы жизни судьба не жаловала Кизеветтера. Болезни свели в могилу его жену и падчерицу. Тяжелый диабет лишил его возможности дальних поездок. 9 января 1933 года Кизеветтер скоропостижно скончался в своей квартире в Праге.

Последний городской голова Москвы, видный кадет Н. И. Астров писал Маклакову вскоре после смерти Кизеветтера:

---

¹ В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру. 13 сентября 1929 // Источник. 1996. № 2. С. 20–21.

А. А. хворал давно. У него была сахарная болезнь. Но лечение инсулином, казалось, поддерживало его в равновесии. Я был у него утром. Мы вели разговоры о разных делах, вспоминали Москву, Университет Шанявского. Он хотел зайти к нам днем, а не следующий день отвезти лежавшему в больнице деньги. Вечером у него сделался сердечный припадок. А к утру его не стало. Смерть была, по-видимому, тихая, без особенных страданий. Он говорил даже, что хорошо было бы так умереть... Его смерть — большое горе для нас всех. Уходит наше поколение. Уходит печально, пережив разрушение того, что строило... Помогите нам поставить памятник на его могиле. Ведь скоро от нашего поколения не останется и следа¹.

Кизеветтера похоронили 11 января 1933 года на Ольшанском кладбище в Праге. На его могиле стоит памятник, воздвигнутый на средства русских эмигрантов².

Однако главный «памятник» Кизеветтер воздвиг себе сам — более тысячи созданных им текстов, посвященных русской истории и культуре, увековечили его память лучше любого гранита.

* * *

Так называемый «массовый» читатель был надолго разлучен с творчеством Кизеветтера, а ведь большая часть созданных им текстов предназначалась именно для него. Разумеется, речь идет не о человеке с улицы, берущемся за книгу только в поезде или на пляже; чтение текстов Кизеветтера предполагает интерес к истории и (или) наличие элементарных знаний о прошлом своей страны. Многие тексты Кизеветтера писались не для профессионалов (хотя некоторые из них представляют собой не популяризацию, а вполне оригинальные исследования), а для обычных интеллигентных людей, для которых «толстый» журнал — традиционный предмет домашнего обихода. Почти все они и были первоначально опубликованы в «Русской мысли», которая была для интеллигентов начала века приблизительно тем же, чем «Новый мир» для шестидесятников.

¹ Н. И. Астров — В. А. Маклакову. 7 февраля 1933 // Там же. С. 21.

² Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков; А. А. Кизеветтер. С. 109.

А. В. Флоровский, характеризуя творчество Кизеветтера, писал, что

историк-исследователь сочетался в научно-литературном делании А. А. с историком-художником и прежде всего с портретистом-психологом. Отдавая много внимания архивным изысканиям и изучению законодательного материала и правовых и социальных явлений прошлого, А. А. питал в то же время в себе острое чувство интереса к живой человеческой личности, поскольку она действовала на исторической сцене... Портретная галерея, созданная А. А., многосоставна, многообразна. А. А. оставил и опыты портретов во весь рост, и легко начертанные силуэты, и работы в реалистическом духе, и нежные зарисовки пастелевыми красками. А. А. выступает здесь и с опытами портретов-анализов и портретов обобщающего характера¹.

Читатель кизеветтеровских очерков без труда отличит «легко начертанные силуэты» от «портретов-анализов». В 1931 году в Берлине Кизеветтер издал книгу под названием «Исторические силуэты: Люди и события». Это был сборник очерков, включающих как собственно «портреты», так и исследования о пугачевщине, литературоведческие статьи о «Войне и мире» Л. Н. Толстого и «Горе от ума» А. С. Грибоедова и др. Сборник носил популярный характер, и Кизеветтер даже не считал необходимым снабжать включенные в него статьи научным аппаратом.

Кажется, собрание кизеветтеровских «исторических силуэтов», вышедшее более 20 лет тому назад, остается единственным опубликованным в постсоветский период². Составленная автором этих строк книга³ не является повторением берлинского сборника. Составитель сохранил изящное кизеветтеровское название, но включил в данное издание только собственно биографические очерки, опубликованные Кизеветтером в разное время как в России, так и за границей. За исключением очерка о протопопе Аввакуме, все они посвящены деятелям XVIII — первой

¹ Флоровский А. В. Биографический очерк. С. 186.

² Кизеветтер А. А. Исторические силуэты // Сост. и вступ. ст. О. В. Будникова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 480 с.

³ Кизеветтер А. А. Исторические силуэты.

половины XIX века. Из берлинского сборника в книгу вошли только «портреты» Екатерины II и Потемкина.

Читатель сможет оценить сочетание краткости, отточенности стиля и строгой научности, свойственные «силуэтам» «кисти» Кизеветтера. Историка отличал жадный интерес к человеческой личности; его биографические очерки с блеском опровергают мнение, что «русская... история скучна и однообразна, что в ней не найти ничего, чем осмысливается и красится жизнь: ни сильных и энергичных людей, ни широких общественных движений, ни яркой драматической борьбы партий за свои интересы и идеалы»¹. Среди популярных очерков, включенных в эту книгу, выделяются объемистые исследования, посвященные оригинальной личности Федора Ростопчина, известного большинству современных читателей лишь благодаря «Войне и миру» Толстого, а также «двойной портрет» Александра I и его всесильного фаворита, «без лести преданного» А. А. Аракчеева.

Исследование Кизеветтера о знаменитом московском градоначальнике остается, по-видимому, до сих пор «последним словом» исторической науки. Психологически убедительным и исторически точным представляется мне кизеветтеровский анализ взаимоотношений Александра и Аракчеева: не фаворит оказывал дурное влияние на императора; он лишь чутко улавливал настроения своего сюзерена.

Читая Кизеветтера, надо иметь в виду, что его схема русской истории и, соответственно, оценка ее деятелей — последовательно либеральная. Этот последовательный либерализм Кизеветтера нередко вызывал раздражение оппонентов справа. Так, бывший пражский студент Кизеветтера, известный медиевист Н. Е. Андреев, передает мнение другого «пражского» историка, эмигранта Н. П. Толля, что Кизеветтер был «прежде всего кадетским оратором, а уже потом историком». Самому Андрееву

всегда казалась несправедливой оценка им ряда явлений, в частности в московском периоде отечественной истории, и его чрезмерная суровость в оценке мероприятий правительства, которая иногда

¹ Кизеветтер А. А. Протопоп Аввакум. Ростов-на-Дону, 1904. С. 4.

представлялась странной. Получалось так, словно бы правительство России вовсе не заботилось об интересах страны¹.

Андреев, в частности, имел в виду резкую и, как ему представлялось, несправедливую рецензию Кизеветтера на книгу Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», опубликованную в 1922 году. В данном случае лучше предоставить слово самому Кизеветтеру. В рецензии на книгу Виппера он писал:

Придавленные самодержавием идеализировали революцию. Обжегшись на революции, начинают идеализировать самодержавие. И, как всегда и во всем, тотчас же доходят до крайнего предела... Уж коли начал человек вздыхать по самодержавию, так подавай ему самодержавие по всей форме, не самодержавие Александра II, даже не Петра I, а, по крайней мере, самодержавие Ивана Грозного... Вот эту-то крайнюю форму самодержавия и начинают избирать предметом своих сердечных вздохов некоторые деятели, обжегшиеся на революционных мечтаниях².

Напомнив свидетельства современника о «людодерстве» Ивана Грозного, а также о других деяниях грозного царя, приведших Россию к смуте начала XVII века, Кизеветтер с иронией заключал:

Виппер хочет отдохнуть от тяжелых переживаний текущей действительности на светлых картинах исторического прошлого. Мы эту потребность понимаем. Но удовлетворять эту потребность нужно с большой осмотрительностью. Иначе можно попасть в неожиданное положение. Виппер избрал эпоху Ивана IV за образец мощи и славы России в противоположность ее теперешнему развалу. А на проверку выходит, что режим Ивана IV многими чертами живо напоминает приемы управления в России наших дней³.

Кизеветтер как в воду глядел. В 1942 и 1944 годах книга Виппера была переиздана в СССР с включением цитат из работы

¹ Андреев Н. Пражские годы // Новый мир. 1994. № 11. С. 176.

² Кизеветтер А. А. Панегирист Ивана Грозного // Сегодня (Рига). 1923. 4 августа. № 167.

³ Там же.

И. В. Сталина, видевшего в Иване Грозном не худший образец для подражания, а оказавшийся вместе с Латвией в составе Советского Союза Р. Ю. Виппер стал академиком Академии наук СССР.

Кизеветтер действительно не жаловал российскую «историческую власть». Революция 1917 года не заставила его, как многих других эмигрантов, изменить свою оценку самодержавия. Успех большевиков он объяснял прежде всего тем, что

односторонне направленная социальная политика старой власти во второй половине 19-го столетия и первого десятилетия 20-го вызвала в... низах склонность оказывать доверие тем, кто прикроет свои замыслы наиболее резким осуждением этой старой власти¹.

Кизеветтер точно подметил, что «большевики под другими терминами воскрешают многие приемы старого порядка». Однако существенную разницу между ними он видел в том, что если «старый порядок вел Россию к бездне из-за политической слепоты», то «большевики сознательно и умышленно толкнули Россию в бездну, ибо в этом и состояла их задача». Кизеветтер писал Маклакову вскоре после смерти В. И. Ленина:

Умерший на днях в Москве дурак с самого начала своего эксперимента так и заявлял в печатной брошюре, что коммунизм в России невозможен, но Россия есть та охапка сухого сена, которую всего легче подпалить для начатия мирового социального пожара. Россия при этом сторит; ну и черт с ней, зато мир вступит в рай коммунизма. Не меня надо убеждать в том, что у нашего старого порядка была куча смертных грехов. Но все же в подобной постановке вопроса о бытии России он повинен не был. Это — привилегия большевиков².

Впрочем, политика, несмотря на то что Кизеветтер был в нее глубоко вовлечен, все-таки не занимала главного места в его

---

¹ Статья Кизеветтера «Общие построения русской истории в современной литературе» (Современные записки. 1928. № 37) цит. по: Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 127.

² А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 6 февраля 1924. «Большевизм есть несчастье...» С. 16.

жизни. Сам он считал себя прежде всего ученым и писателем¹. Термин «писатель», который употребил Кизеветтер в своей автохарактеристике, очень уместен. Он был именно историком-писателем, а способность писать «просто и ярко», по словам одного из редакторов «Современных записок» М. В. Вишняка², неизменно обеспечивала ему читательский успех. Стремление положить в основу «исторических характеристик и оценок... не гадание, а факты»³, безупречный вкус и чувство меры, свойственные Кизеветтеру, по праву принесли ему одно из первых мест в блестящем созвездии российских историков начала XX века.

---

¹ *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 466.

² *Вишняк М. В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. С. 126. Приведу характерный отзыв Кизеветтера на одну из статей, опубликованных в «Современных записках». Соглашаясь с автором статьи по существу, он восклицал: «Но Боже, как плохо написана его статья! Какой вымученный по изощренности стиль! Какие изысканнейшие словесные сплетения наполняют каждую фразу! Отчего писать стараются так, как никто не стал бы изъясняться в устной речи? Это дурной тон. Слова должны быть просты, метки и точны. И простыми, меткими и точными словами можно выражать весьма сложные и замысловатые мысли. А вот когда на несложную мысль напяливают бесконечные словесные завитушки, то получается дурной тон» (Письмо А. А. Кизеветтера М. В. Вишняку. 22 марта 1928 // Новый журнал. 1988. Кн. 172–173. С. 493).

³ *Кизеветтер А. А.* Литературные отражения эпохи Александра I. «Горе от ума». Цит. по: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков; А. А. Кизеветтер. С. 276.

ХОЗЯИН «РУССКОГО ДОМА» (Е. В. САБЛИН)

Так уж случилось, что формальным и неформальным представителем и лидером русской колонии в Англии на протяжении 30 лет был Евгений Васильевич Саблин. Между тем о жизни этого незаурядного человека известно его соотечественникам совсем немного. Это неудивительно. Биография дипломата-эмигранта была табу для советских историков; когда все табу на исторические сюжеты в России были сняты и начался невиданный бум интереса к истории русской эмиграции, материалы Саблина оказались наименее доступными: его бумаги находятся в Русском архиве в Лидсе, а также за океаном — в архивах при Колумбийском и Стэнфордском университетах в США. Да и истории русской колонии в Англии исследователи уделяли до обидного мало внимания.

Однако по порядку. Для начала — некоторые «анкетные» данные. Е. В. Саблин родился 20 октября 1875 года в Новочеркасске; после окончания Императорского Александровского лицея в 1898 году был причислен к Министерству иностранных дел. В 1899–1905 годах состоял при российской миссии в Белграде (с 1903 года — второй секретарь миссии), в 1905–1908-м — секретарь Генерального консульства в Танжере (Марокко), в 1908–1915-м — первый секретарь миссии в Тегеране, с 1915 года — первый секретарь посольства в Лондоне.

В 1917 году в жизни российского посольства, как и всей России, частицей которого являлось дипломатическое представительство в Лондоне, произошли драматические изменения. Накануне Февральской революции умер российский посол А. К. Бенкендорф; назначенный на его место бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов в должность так и не вступил. Временное

правительство сочло его чересчур «реакционным» и отменило назначение. Поверенным в делах пока что стал Константин Дмитриевич Набоков, брат управляющего делами Временного правительства В. Д. Набокова и дядя будущей знаменитости — писателя В. В. Набокова. Саблин стал советником посольства, а после перевода Набокова в Норвегию в 1919 году руководил посольством в качестве поверенного в делах; в дипломатическом листе он значился как представитель бывшего Временного правительства (Representative of the late Provisional Government).

После признания Англией СССР де-факто в 1921 году Саблин утратил дипломатический статус, однако удерживал за собой здание посольства до 1924 года, когда дипломатические отношения между Англией и СССР были установлены в полном объеме.

Вынужденный покинуть здание посольства, Саблин приобрел в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона, особняк по адресу: 27 Cromwell Rd. Особняк получил название «Русский дом». Саблин, пользовавшийся авторитетом и уважением и в кругах русской эмиграции, обычно раздираемой внутренними противоречиями, и среди британских дипломатов, был избран председателем Объединенного комитета русских организаций в Англии; он стал также представителем в Англии Нансеновского офиса по делам русских беженцев (при Лиге Наций был образован специальный комитет по делам беженцев под председательством знаменитого полярного исследователя Фрицьофа Нансена).

Саблин фактически исполнял консульские обязанности по отношению к русским изгнанникам: выдавал различные справки, удостоверял личность, ходатайствовал о выдаче виз. Его официальный титул звучал следующим образом: представитель русской общины в Соединенном Королевстве, с пояснением, что он к тому же бывший поверенный в делах Российской империи в Великобритании (Representative of the Russian Refugees Community in the United Kingdom [Former Imperial Chargé D'Affaires for Russia in Great Britain]).

Однако популярность среди соотечественников и, я бы даже рискнул сказать, их любовь обеспечила Саблину не только его официальная деятельность. «Русский дом», который ему помогала вести жена — Надежда Ивановна Саблина (урожденная

Баженова, по отзывам современников редкая красавица) стал общинным центром, центром русской культуры в Лондоне. Саблин рассматривал особняк в «посольской слободе» как общее достояние общины. В доме располагалось Российское общество Красного Креста в Великобритании; здесь устраивались собрания, лекции и концерты. Здесь проводились Дни русской культуры: каких бы политических убеждений ни придерживались эмигранты, вряд ли среди них было много людей, не ценивших Пушкина. День рождения поэта и стал датой проведения праздников русской культуры, способствовавших, хотя и ненадолго, объединению эмиграции.

В «Русском доме» выступали И. А. Бунин, В. В. Набоков, М. И. Цветаева, Ф. И. Шаляпин... Саблины собрали ценную коллекцию картин, различных предметов старины. Характерно, что когда Русско-английская торговая компания, основанная еще в XVI веке при Иване Грозном, решила в 1933 году прекратить свою деятельность, не желая сотрудничать с большевиками, ее президент передал Саблину уникальное собрание царских портретов, подаренных за четыре столетия британским негодьям.

К тому времени Russian House переехал в другой особняк, купленный Саблиным, — на сей раз по адресу: 5 Brechin Place.

Саблин, наделенный недюжинными журналистскими способностями и обладавший «легким пером», много писал: крупных русскоязычных газет в Англии не было, и он печатался в парижских «Возрождении», «Последних новостях», «России и Славянстве», рижской «Сегодня» и даже шанхайском «Времени». Обычные темы его публицистики — внутренняя политика Англии и международные отношения.

Саблин, разумеется, был убежденным противником большевистского режима. В 1931 году он совместно с другой видной представительницей русской эмиграции в Англии — А. В. Тырковой-Вильямс — составил текст обращения русских людей за рубежом по вопросу использования принудительного труда в Советской России и стал собирать подписи для отправки обращения в Лигу Наций. «Обращение к Лиге Наций» было опубликовано в «Возрождении» 21 июня 1931 года. Оно, как и другие протесты эмигрантов против сталинских репрессий, возымело

весьма малое воздействие на западные правительства, заинтересованные в торговле с СССР, а с середины 1930-х годов — и в союзе с ним, в связи с нарастающей германской угрозой.

В середине 1930-х годов Саблин, все более опасавшийся, что возможная война Германии и Японии против СССР приведет не только к падению большевизма, но и к расчленению страны, начинает все более критически относиться к эмигрантским кругам, возлагавшим надежды на Гитлера как спасителя России от «ига 3-го Интернационала». Он прекращает сотрудничество в «Возрождении», наиболее отчетливо делавшем ставку на нацистов.

Любопытно, что бывшие российские дипломаты, сами того не ведая, в это время становятся своеобразными консультантами советского руководства. Дело в том, что Совет послов, образованный российскими дипломатами в 1921 году, продолжал действовать, несмотря на то что все бывшие послы и посланники стали или представителями беженских общин, или частными лицами. Бывшие дипломаты продолжали поддерживать переписку и регулярно информировали председателя Совета послов В. А. Маклакова, жившего в Париже, о событиях в странах их пребывания, об отношении местных правительств и общественного мнения к СССР, анализировали международную обстановку.

Анализ, что особенно заметно задним числом, был высокого класса. Интересно было бы представить их реакцию, узнай они, что их письма ложатся на стол Сталину... Письма перехватывались и копировались советскими агентами; руководил их деятельностью знаменитый П. А. Судоплатов. Копии перехваченных писем, заверенные его подписью, рассылались членам Политбюро. Можно сказать, что во всяком случае с точки зрения историка работа агентов Разведуправления не пропала даром: в 1998 году Служба внешней разведки и Министерство иностранных дел России издали, по материалам архивов СВР и МИД, под редакцией тогдашнего министра иностранных дел Е. М. Примакова двухтомник «Чему свидетели мы были...», включающий переписку бывших дипломатов за 1934–1940 годы. Наиболее интенсивная переписка велась Саблиным и Маклаковым. Оба они смотрели на события с позиций России, которая «была и будет», независимо от того, какой режим в данный момент находится у власти.

Союз Гитлера со Сталиным, оформленный в августе–сентябре 1939 года, поверг Саблина в недоумение и заставил замолчать почти на два года. Однако с момента нападения Германии на СССР он занял однозначную патриотическую позицию и уже в начале июля 1941 года опубликовал в «Таймс» письмо, в котором выразил симпатии «погибающим на фронтах Иванам и Петрам».

Возможно, наиболее откровенно свою позицию в период войны Саблин изложил в письмах Борису Исааковичу Элькину, уроженцу Киева, известному адвокату, бежавшему от гитлеровцев сначала из Германии во Францию, а после начала войны перебравшемуся в Ирландию, затем в Англию и оставшемуся здесь навсегда. Письма Саблина Элькину обнаружены нами среди бумаг последнего в рукописном отделе Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. Одно из них носит «исповедальный» характер и не только объясняет изменения в политической позиции Саблина, но и излагает принципы отношения дипломата к соотечественникам, обеспечившие ему поддержку и признание эмигрантской общины.

25 июня 1942 года Саблин писал Элькину:

Мы оба согласны что касается той позиции, которую должны были занять русские люди-эмигранты с момента нападения Германии на пределы нашего отечества. Относительно истинных мотивов Хитлера (нами сохранены особенности орфографии подлинника. — О. Б.) сомнений нет. Вы правильно формулировали, указав, что Германия напала на Россию чтобы ослабить и расчленить Русское Государство и т. д. и т. д. В этом отношении наше единомыслие полезно. Но затем начинается Ваша критика, в благожелательности коей я не сомневаюсь. Тем более ею дорожу. Вы пишете: «доказывая слишком много, Вы не усиливаете, а ослабляете убедительность и вес Ваших аргументов, ослабляете силу Вашей политической позиции». Употребляя фразу «доказывая слишком много» Вы, я полагаю, имеете в виду ту, скажем, настойчивость, ту, если хотите даже страстность, с которой я стараюсь доказать англичанам, с одной стороны, наличие эволюции режима в России, с другой — наличие неких полезных «завоеваний» (английское слово: ачивмент) имевших место в результате революции в России. Вы правы. «Примите исповедь мою, — себя на суд Вам отдаю».

Я покинул Россию для службы ей за границей, когда мне было 22 года. Ныне мне без малого 67 лет. Следовательно, 45 лет моей жизни я провел вне пределов отечества. За эти 45 лет время проведенное мною в отпуску — в России — можно определить в общей сложности тремя-четырьмя годами. Итого за границей я провел 43 года — весьма значительный период моей жизни, и несмотря на это я не обьяностранился. Я не только сохранил свою русскость, я ее углубил весьма и весьма значительно. Обстановка служения в наших заграничных установлениях этому, конечно, не способствовала. Служба в различных наших Посольствах и Миссиях во многих отношениях не всегда казалась мне удовлетворительной именно в смысле сохранения русскости. Что более всего меня поражало, чтобы не сказать возмущало, это отсутствие в среде состава наших заграничных агентов, как дипломатических, так и консульских, патриотизма, любви к отечеству, патриотического горения. На эту тему я мог бы написать целую книгу богато иллюстрированную примерами. Я не буду распространяться на тему о том, как плохо были оборудованы наши дипломатические учреждения, как небрежно велась в них работа, как неудачен бывал состав, как часто большинство наших дипломатов, от мала и до велика, не знали своего отечества, как часто они то обангличанивались, то офранцузивались, то обиспанизировались и т. д. в зависимости от страны, где им приходилось служить. Вы слишком молоды и вряд ли имели возможность в прошлом, до революции, много бывать за границей и соприкасаться с нашими заграничными представительствами. Нормальное отношение наших Послов и Посланников и в особенности состава таких учреждений к соотечественникам за границей было... презрительно-отрицательное. Такая фраза как «эти ужасные соотечественники» до сих пор еще звучит в моих ушах, когда канцелярский служитель докладывал о приходе того или другого посетителя-русского — проживавшего или приехавшего в тот или иной город, где пребывало наше дипломатическое учреждение. У многих Послов сложилась привычка просто не принимать таких соотечественников, а поручать прием секретарям, которые, в свою очередь, также всегда пытались сплавить такого соотечественника какому-нибудь нештатному чину Посольства или Миссии. До Посла обыкновенному русскому человеку, очутившемуся за границей было нелегко добраться. Должен сознаться, что такое поведение моих коллег вызывало во мне сильнейшую реакцию, выражавшуюся в том, что я стал «искать» соотечественников

заграницей с целью быть им приятным или полезным. С местными колониями я всегда поддерживал самые близкие отношения. Правда, колонии были незначительны. Русские в общем мало жили вне пределов своего отечества. В Лондоне, напр[имер], до 1914 года проживало не более пятидесяти человек, не считая, конечно, громадной еврейской бедноты, которая жила в Уайтчапеле. Когда я служил в Вене, туда наезжали русские. И как только из газеты я узнавал о приезде тех или иных, будь то «баяре» или «пролетарии», я тотчас же являлся к ним, посылал им мою визитную карточку и уподоблялся Городничему, который посетил Хлестакова чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие и т. д. и т. д. И так было повсюду, где я служил. И таким образом завязались очень крепкие дружбы с людьми, которых, если бы я вел себя как мои коллеги, я никогда бы не узнал. Наступила революция. В Июле 1924 года вся русская колония — тогда нас здесь было свыше десяти тысяч — единогласно избрала меня своим представителем запечатлев это письменным актом, который я передал в Форейн Оффис. Это единственный в своем роде документ, ибо против него не поступило возражений и в моем новом звании «Представителя колонии» я был официально признан Британским Правительством.

Оглядываясь назад, не стесняясь могу сказать, что услуг колонии я оказал много, и в этой моей деятельности я находил много удовлетворения. Так шли годы. Наступила новая война. Вступила в нее и Россия в результате Германского нападения. Наши переживания оказались более сложными, чем это можно было ожидать. Моя позиция с момента первого выстрела германской пушки по России стала для меня ясной. Появилось мое письмо в «Таймс». Некоторые соотечественники сразу же ополчились против меня, формулировав это свое неодобрение моей позиции так: «Саблин упустил случай промолчать. Да кроме того никто ведь и не уполномочивал его выступать от имени колонии. Собраний не было. Впрочем, ведь революции Саблин не испытал, он был в Лондоне в то время как большевики нас терзали, он большевистских зверств не видел и т. п.» Появились протесты, и даже письменные. Имело место заседание, на котором было выражено мнение, что «Саблин поклонился Сталину» и т. д.

Почти прекратив всякую политическую деятельность в момент возникновения мировой войны я возобновил ее — в доступных мне скромных размерах — как только Германия напала на Россию. Я счел необходимым сделать несколько публичных выступлений, прочесть

несколько докладов и т.п. Опять слышались восклицания: «Зачем это, и что сим достигается» и т.п., т.п. ... Но мог ли бывший русский дипломат, имевший за собою интересную карьеру поступить иначе? Мог ли он, что называется, беречь свое здоровье и уйти в полнейшее небытие?.. Думаю, что не мог. Соотечественники тем временем плохо переваривали события и, что называется, заблудились. Они не могли забыть ни потерянных серебряных ложек, ни Хитлеровского антисемитизма, ни Нюрнбергских выкриков по адресу большевиков. Они верили, что Хитлер спасет Россию от коммунизма, что лучше уж под немцами, чем под большевиками и т.п. Они не читали «Моей Борьбы» и политически обнаружили поразительную примитивность и неосведомленность. И вот тут-то и началась моя РЕАКЦИЯ на эти настроения соотечественников. Чем больше кричали они Хейль Хитлер, тем более заявлял я о моем стопроцентном Сталинизме. Вы представить себе не можете, что мне приходилось выслушивать на эти темы. Вышло так, что среди моих английских друзей оказалось также много так называемых анти-большевиков и людей, опасавшихся проникновения коммунизма в Англию в случае успеха русских войск. Вот фраза, которую мне постоянно приходилось выслушивать от моих клубных приятелей: «пусть эти два бандита (Хитлер и Сталин) сожрут друг друга»... Они не стесняясь мне это говорили думая, что доставляют удовольствие так наз[ываемому] «белому русскому». А меня это невероятно злило. У меня нутро переворачивалось от этих упрощенных и эгоистических соображений. И мне — в виде реакции — хотелось им сказать: «я буду рад, если в результате победы русских войск в число Советских республик будут включены: английская Советская Социалистическая республика, Шотландская С. С. Р., Валлийская С. С. Р., и Ирландская С. С. Р.».

В письме Элькину от 20 февраля 1944 года Саблин, раздраженно реагируя на кулуарные высказывания некоторых британских экспертов относительно опасности сталинского империализма, и вовсе предрек, что «советская дипломатия покажет еще англичанам так наз[ываемую] Кузькину Мать!»¹.

¹ Подробнее о позиции и деятельности Е. В. Саблина в годы войны и после ее окончания см.: Будницкий О. «Советская дипломатия покажет еще англичанам <...> Кузькину мать!» (Из истории «советофильства») // Диаспора: Новые материалы. Вып. VII. Париж; СПб., 2005. С. 510–550.

19 августа 1944 года верхние этажи здания «Русского дома» зацепила и взорвалась неподалеку, как писал Саблин, немецкая «крылатая бомба», очевидно ракета ФАУ. Много ценного имущества погибло. Н. И. Саблина была вынуждена переселиться за город, однако сам бывший дипломат «остался на посту», охраняя уцелевшее.

Победное завершение войны принесло не только радость, но и жестокое разочарование: надежды на эволюцию советского режима не оправдались. Надо сказать, что питал их не только Саблин. Так, в Париже 12 февраля 1945 года группа эмигрантов во главе с В. А. Маклаковым нанесла визит в советское посольство: в ходе двухчасовой встречи «стороны» обменялись речами и выпили за победы Советской армии и даже, по предложению адмирала М. А. Кедрова, бывшего командующего флотом у П. Н. Врангеля, — за здоровье «маршала Сталина». Однако если эмигранты говорили о примирении, то советский посол А. Е. Богомолов требовал безоговорочной капитуляции эмигрантов.

Вскоре в советской зоне оккупации начались аресты эмигрантов и их депортация в СССР. Такая участь постигла и брата Е. В. Саблина — Николая, моряка, бывшего капитана императорской яхты «Штандарт». Н. В. Саблин жил в Румынии, политической давно не занимался, и его арест, так же как и аресты сотен других изгнанников, был произведен в «профилактических» целях. Евгению Васильевичу не было суждено узнать, что его брат будет вывезен в СССР и приговорен к 20 годам заключения. В 1955 году, после смерти Сталина, ему позволят вернуться в Румынию. Однако три года спустя уже румынские коммунистические власти приговорят Н. В. Саблина, которому шел 78-й год, к 28 годам заключения за «деятельность против общественного строя». Он умрет в тюрьме в 1962 году на 82-м году жизни.

Столкновение с реальной советской политикой быстро заставило протрезветь большинство эмигрантов и убедило их, что эволюция сталинского режима существовала лишь в их воображении.

Саблин, пока позволяло здоровье, продолжал верой и правдой служить соотечественникам. Инсульт вывел его из строя на несколько месяцев, однако, несколько оправившись после удара, он вновь писал ходатайства в Home Office, хлопотал

о российских изгнанниках. Благодарные «подопечные» устроили 17 августа 1948 года скромное празднование 50-летнего служебного юбилея Саблина: 17 августа 1898 года выпускник Александровского лицея впервые переступил порог Министерства иностранных дел.

2 мая 1949 года Е. В. Саблин скончался.

В одном из последних писем Б. И. Элькину, от 8 августа 1948 года, как бы чувствуя приближение конца и подводя итог своей деятельности, Саблин писал, что находит «одно утешение»: он неизменно защищал интересы соотечественников.

«ПЕРВАЯ ЛЕДИ» ЛОНДОНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (А. В. ТЫРКОВА)¹

По случаю своего 70-летия 26 ноября 1939 года Ариадна Тыркова-Вильямс получила много поздравлений из разных стран. Одно из них прислала из Парижа Тэффи: «Вы самая умная, самая талантливая и самая сильная духом женщина, которую довелось мне встречать на моем жизненном пути, — признавалась популярнейшая писательница русской эмиграции, — прошу Вас верить в искренность моих слов, я ведь не очень щедра на восторги...»

Такие слова из уст скептической и язвительной Тэффи дорогого стоят. Впрочем, в своих восторгах она была не одинока. Художнику Мстиславу Добужинскому, встречавшему Тыркову еще в блистательном Санкт-Петербурге эпохи Серебряного века, она запомнилась как «необыкновенно красивая женщина с огненными глазами и горячей речью».

Более 20 лет провела Тыркова в Англии. Прибыла она сюда в марте 1918 года, имея за плечами жизнь, которой, по насыщенности событиями и страстями, могло бы хватить на десятилетия. Вряд ли кто-нибудь, и прежде всего она сама, мог бы подумать, что судьба отведет ей еще почти полвека, что пройдут они в трех странах — Англии, Франции и США, что главные ее книги еще только будут написаны...

Жизнь Ариадны Владимировны Тырковой почти пополам разделяется на российский и эмигрантский периоды. Она родилась в помещичьей семье в Новгородской губернии. Ее предки получили вотчину еще за участие в походах воеводы

---

¹ Будницкий О. В. «Первая леди» лондонской эмиграции // Знание — сила. 2003. № 4. С. 109–114.

Скопина-Шуйского в период Смутного времени, закончившегося воцарением Романовых. Жизнь поначалу складывалась вполне традиционно. После окончания гимназии в Петербурге студентка математического отделения Бестужевских курсов в возрасте 21 года вышла замуж за инженера-кораблестроителя Адольфа Бормана, родила двоих детей — сына Аркадия и дочь Соню.

Первые годы положение жены успешного инженера ее увлекает. Борманы много выезжают, бывают в театрах, танцуют. Однако, почти как в сказке, через «магические» семь лет Ариадна Тыркова резко меняет свою жизнь. Ей не хочется быть только «женой своего мужа». Молодая женщина разводится с мужем и, оставшись с двумя детьми на руках, начинает зарабатывать средства к существованию литературным трудом: Тыркова публиковала статьи и фельетоны в провинциальных газетах. «Печатали охотно, платили мало», — подытожила она позднее начало своей журналистской деятельности.

Однако со временем она становится все более популярным автором, читатели уже ждут фельетонов А. Вергежского (псевдоним Тырковой). Постепенно она пробивается и на страницы столичной печати. Однако успешную журналистскую карьеру прервали политические страсти. Она пошла на демонстрацию в поддержку студентов, была арестована на улице и просидела в тюрьме десять дней. В протоколе о ее освобождении, составленном жандармским офицером, говорилось: «Десять дней сидения в Литовском Замке зачесть наказанием за праздное любопытство».

Следующий арест в 1903 году был уже отнюдь не только за любопытство — Тыркову арестовали на границе за провоз в Россию нелегального издания либералов — газеты «Освобождение». Ее судили и приговорили к 2,5 года тюремного заключения. Получив отсрочку по состоянию здоровья, Тыркова бежала за границу, прихватив с собой обоих детей. Что привело ее в оппозиционный лагерь? Полвека спустя, после Второй мировой войны она писала в своей книге воспоминаний:

Теперь, после того, что терпит Европа, чем болеет Россия, я иначе отношусь ко многому, что тогда происходило, в чем я так или иначе участвовала. Мне виднее стали наши слабости, ошибки, заблуждения.

Но я не отрекаюсь от своего прошлого, от основных идеалов права, свободы, гуманности, уважения к личности, которым и я по мере сил служила.

Уважение к личности и самодержавный режим были несовместимы. Неудивительно, что Тыркова оказалась в числе его противников. За границей она обосновалась в Штутгарте, в семье мужа своей одноклассницы Нины Герд — редактора «Освобождения» Петра Струве. Тыркова принимала самое деятельное участие в подготовке газеты. Здесь окончательно оформилась ее приверженность политическим идеалам либерализма, политической и индивидуальной свободы.

Будучи за границей, Тыркова воспользовалась случаем и съездила в Женеву навестить еще одну свою гимназическую подругу — Надю Крупскую. Визит оказался не из приятных. С мужем Крупской, который, очевидно, в представлениях не нуждается, у нее сразу зашел резкий спор о марксизме. Ленин пошел ее проводить до трамвая. По пути спор продолжался. На прощание Ленин, то ли в шутку, то ли всерьез, заметил:

— Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Тыркова засмеялась:

— Нет, я вам в руки не дамся.

— Это мы посмотрим, — ответил Ленин.

Серьезность намерений Ленина проверить не удалось: к счастью, они больше никогда не встречались.

За границей произошла и еще одна удивительная встреча, определившая жизнь Тырковой на последующие четверть века, — с новозеландцем Гарольдом Вильямсом, российским корреспондентом одной из английских газет. Вильямс в совершенстве знал русский язык — увлекаясь толстовством, он выучил его по «Анне Карениной». Кроме русского, он знал еще около 50 языков и был даже автором грамматики одного из них — полинезийского. В России Вильямса звали Гарольд Васильевич. Впоследствии Тыркова вышла за него замуж. Поступок на первый взгляд не очень осмотнительный — ведь он был ее младше на семь лет. Но брак оказался на удивление счастливым.

В ноябре 1905 года после амнистии Тыркова возвращается в Россию. Начинается ее «звездный период». В 1906 году ее избирают в ЦК Конституционно-демократической партии — главной партии российских либералов, она становится заведующей партийным бюро печати. До 1917 года, когда в ЦК была избрана графиня С. Н. Панина, Тыркова была единственной женщиной в высшем партийном органе. Властную и решительную Тыркову называли «единственным мужчиной в кадетском ЦК».

В 1912 году она становится первой женщиной — главным редактором ежедневной газеты «Русская молва». Ей удалось привлечь в газету немало крупных писателей — в частности, литературным отделом заведовал Александр Блок.

Как-то уже в последние годы своей жизни в Вашингтоне, отдыхая на скамейке в тенистом парке, Тыркова случайно разговорилась с молодой женщиной, которая оказалась женой советского дипломата. Разговор шел, разумеется, на «нейтральные» темы. Тыркова спросила, кого из писателей и поэтов начала XX века знают в Советском Союзе. Молодая женщина назвала несколько имен.

— Кроме Маяковского, они все бывали у меня, — заметила Тыркова. «Дипломатша» растерянно переспросила:

— То есть как бывали?

— Ну просто пили у меня чай, — пояснила Тыркова с усмешкой.

Кроме публицистики, Тыркова отдала дань беллетристике. Ее рассказы и романы печатаются в лучших журналах того времени — «Вестник Европы» и «Русская мысль». Отдельными изданиями выходят сборники ее прозы «Жизненный Путь» и «Ночь», книга очерков «Старая и новая Турция», в «Русской мысли» был опубликован ее большой роман «Добыча».

Особая сфера деятельности Тырковой — борьба за эмансипацию женщин. Она была одним из лидеров российских феминисток, много писала по «женскому вопросу», «гастролировала» по России с лекциями. Однажды В. В. Розанов, позвонив ей по какому-то делу и узнав, что Тыркова отправилась в лекционное турне, иронически заметил: «Ну вот, опять отправилась баб на дыбы поднимать». На самом деле, требуя равных прав для женщин, Тыркова отнюдь не была в этом отношении

экстремисткой, как не была «крайней» и в политике. Борьба за права женщин вполне сочеталась у нее с приверженностью семейным ценностям. Она была редким образцом преданной дочери, жены и матери. В 1926 году она умудрилась «вытащить» из Советской России свою 87-летнюю мать, которая провела в семье дочери в Лондоне последние годы жизни. О близости с детьми говорит такой любопытный факт: только с 1918 года она отправила сыну более трех тысяч писем!

Во время Первой мировой войны Тыркова участвовала в организации помощи раненым, ездила на фронт, писала оттуда корреспонденции в одну из самых популярных в России газет — «Биржевые ведомости». После Февральской революции она была избрана в Петроградскую городскую думу и стала там лидером кадетской фракции. После Октябрьской — сразу же вступила на путь борьбы с большевизмом; под угрозой ареста в марте 1918 года с мужем и дочерью выехала из Петрограда в Англию через Мурманск.

Начался английский период жизни неутомимой Ариадны Владимировны...

В отличие от многих других Тыркова прибыла на берега Альбиона не как эмигрантка, а как английская подданная. «Но я не могу не быть русской, — писала она позднее баронессе Марии Врангель. — Да и муж мой Dr. Harold Williams, или как его звали русские, Гарольд Васильевич Вильямс, прожил в России 14 лет, отлично говорил по-русски, знал Россию лучше многих русских и любил ее до конца своей жизни».

Чуть ли не на следующий день после приезда Тыркова и Вильямс были приглашены за город на завтрак у редактора влиятельной «Дэйли кроникл» Роберта Дональда. После завтрака хозяин привел их «на чай» к премьер-министру Д. Ллойд Джорджу. Семейным спонсором пришлось выступать Вильямсу, по той простой причине, что Тыркова еще не знала английского. О том, какие смутные представления были в головах британских государственных деятелей о происходящем в России, говорит следующий эпизод.

Ллойд Джордж считал, что следует договориться с Троцким, который, по его мнению, в то время являлся единственным государственным человеком в России.

Вильямс заметил по этому поводу:

— Не знаю, какой Троцкий государственный деятель, но он враг Англии.

— Откуда вы это знаете? — быстро спросил Ллойд Джордж.

— От самого Троцкого. Он мне об этом сообщил, — невозмутимо ответил Вильямс.

Тыркова занялась разъяснением происходящего в России (разумеется, в ее понимании) англичанам. Вместе со всемирно знаменитым русским историком и археологом академиком М. И. Ростовцевым на средства крупного предпринимателя Н. Х. Денисова она организовала в Лондоне Комитет освобождения России. Комитет издавал листовки, брошюры, рассылал в газеты сведения о России, являлся телеграфным агентством всех белых армий по очереди: адмирала А. В. Колчака, генералов А. И. Деникина, Е. К. Миллера и Н. Н. Юденича. Комитет издавал политические журналы: «Русская жизнь» (Russian Life) и «Новая Россия» (New Russia). В 1918 году Тыркова написала, по-видимому, первую в мире книгу о русской революции. Это была история первого года русской революции, с февраля 1917-го до февраля 1918 года. Книга, озаглавленная «От свободы к Брест-Литовску», сразу была выпущена на английском: *From Liberty to Brest Litovsk*. By Ariadna Tyrkova Williams (Macmillan & Co. London, 1919).

В те дни Тыркова писала:

Я считаю потерянным тот день, когда я ничего не сделаю для России. Хотя бы шаг, хотя бы слово, новое знакомство, лишнее повторение задач и мыслей. Там в плену моя мать, как же я могу не собирать силы, чтобы освободить ее. Как я могу не думать днем и ночью только об этом.

После отъезда председателя Комитета освобождения России Ростовцева в США, где он стал профессором Йельского университета, комитет фактически возглавила Тыркова. Деятельность комитета продолжалась и после поражения белых армий. Но интерес к России падал, средства истощились, и в 1929 году комитет был ликвидирован.

В 1919 году Тыркова вместе с мужем последний раз попали на Русскую землю, но уже на юг, на территорию, контролируемую Добровольческой армией, куда Вильямс был послан газетой

Times как военный корреспондент. Когда Деникин был разбит, чету Вильямсов вместе с русскими беженцами английское командование эвакуировало в Константинополь. Затем они вернулись в Англию — теперь уже «всерьез и надолго».

В это время она пишет свой последний роман — и одну из первых художественных книг о русской революции. Это, по ее словам, «роман из русской жизни начала большевизма». В главных героях легко угадываются сама Тыркова и Вильямс. Книга была написана по-русски и называлась поначалу «Василиса Премудрая». Однако она вышла лишь в английском переводе в 1921 году под названием «Полчища тьмы» (*Hosts of Darkness*. By Ariadna & Harold Williams. Constable, 1921). Мужа, переводчика и «щедрого собеседника», как она его впоследствии назвала, Тыркова считала соавтором этого текста.

«Общественный темперамент» Тырковой определил ее центральную роль в жизни русской колонии в Англии. И не только в Англии. В Лондоне по ее инициативе сразу после врангелевской эвакуации (в ноябре 1920 года из Крыма в Турцию и Сербию было вывезено не менее 130 тыс. чел.) Тыркова организовала Общество помощи русским беженцам вне Англии, бессменной председательницей которого она состояла вплоть до середины 1930-х годов. При ее ближайшем участии в 1923 году российскими эмигрантами был создан Объединенный русский комитет, куда вошли все неполитические русские организации в Лондоне. Это был едва ли не первый почин согласованной работы в эмиграции. Эти и другие организации, созданные русскими эмигрантами, оказывали помощь беженцам — прежде всего, конечно, материальную.

Приходилось заботиться и о материальном положении семьи. Вильямс по возвращении из России потерял работу. Его прогнозы о скором падении большевизма не оправдались; репутация как политического эксперта и обозревателя оказалась подорванной, и, естественно, его никто более не хотел держать в штате. Поскольку Вильямс никогда не был «добытчиком», пришлось Тырковой, как и 20 лет назад, содержать семью литературным трудом, да и вообще быть, по ее выражению, «семейным антрепренером». Тем более что с ней жила дочь с мужем, а в самом начале 1922 года родилась и первая внучка — Ариадна.

Однако обстоятельства неожиданно и чудесным образом изменились. Весной 1922 года Вильямс был приглашен в Times на должность редактора иностранного отдела, да к тому же стал и постоянным автором передовых статей. Его колоссальная эрудиция и умение ясно и последовательно излагать мысли оказались востребованными.

Теперь семья могла позволить себе снять большой дом на Тэйт-стрит в Челси. Дом Тырковых-Вильямсов стал литературно-политическим салоном, в котором бывали видные британские и российские политики, писатели, артисты. Счастливый и почти безоблачный период закончился 18 ноября 1928 года, когда после скоротечной болезни умер Вильямс. Ему сделали операцию, когда это уже не имело смысла. Тыркова осталась жить в Англии.

Делом ее жизни стали две книги: одна — о покойном муже, другая — о Пушкине. Книга о Вильямсе, озаглавленная ею «Cheerful Giver» («Щедрый собеседник»), вышла в 1935 году в Лондоне. Над книгой о Пушкине она работала 20 лет...

Но пока — о «газетной» работе Тырковой в 1920–1930-е годы. Ее главной темой стала Англия. Англия во всех ее проявлениях и мелочах. О различных аспектах английской жизни Тыркова написала десятки, если не сотни статей. Она публиковалась в берлинском «Руле», парижском «Возрождении», рижской «Сегодня». Об интенсивности ее работы свидетельствует такой факт: только в газете «Сегодня» за неполные полтора года (1939–1940) 70-летняя к тому времени журналистка напечатала 56 статей!

Наряду с политическими статьями Тыркова писала на «бытовые» темы, рассказывая «рядовому» читателю об английских детях, школьниках, студентах, женщинах, рабочих, священниках, государственных деятелях и членах королевской семьи. Тыркова писала о цветах, о скачках, об университетах и школах. Это не «книжное» описание Англии, а живые разговоры и зарисовки с натуры.

Вот, к примеру, фрагмент из одного ее «Письма из Англии». «Письмо» посвящено «жилищному вопросу». Наверное, современного лондонца позабавят следующие строки, написанные в январе 1926 года:

Квартира в пять спален в хорошем квартале ценится фунтов в 400 в год и больше. А дом можно найти за 200, включая немалые городские

налоги. При этом квартирные дома выстроены без всякого умения экономить место и свет. Половина комнат обычно темные, окнами в узкие дворики.

Так и хочется послать английских архитекторов на выучку к нашим русским, или вообще, к строителям квартир на Континенте. Кстати, и отоплять жилища, может быть, они научились бы.

Тыркова рассказывала своим парижским читателям:

Мне недавно пришлось обедать в доме миллионеров, бедная хозяйка, у которой на шее висело целое состояние, ежась в своем черном кружевном платье сказала:

— Это ужас, как у нас холодно.

Ей, англичанке до мозга костей, кажется, что холод в доме такое же стихийное явление, как холод на улице.

Однако газетная работа рассматривалась Тырковой все-таки как нечто второстепенное. Главным в ее жизни, повторим, стала книга о Пушкине. Она увлекалась идеей написать его биографию еще в 1917 году. И — трудно себе представить! — оказавшись на некоторое время в Москве после большевистского переворота, умудрялась находить время, чтобы работать в отделе рукописей Румянцевского музея (впоследствии переименованного в библиотеку имени Ленина; теперь, вместо того чтобы вернуть библиотеке имя ее основателя, ее «перекрестили» в Российскую государственную библиотеку).

Стиль ее работы можно представить по одному из фрагментов письма к сыну от 23 июня 1927 года: Аркадий спрашивал о романе Пушкина с Марией Раевской. «Так много об этом пустяков написано, — откликнулась на вопрос Тыркова. — Надо их все забыть и остаться только с Пушкиным и с ней».

Первый том «Жизни Пушкина», охватывающий 1799–1824 годы, был издан по-русски в Париже в 1929 году. Книга получила очень хорошие отзывы в прессе. Возможно, лучший и самый краткий из них остался неопубликованным: Саша Черный прислал ей свою книгу с надписью: «Автору благородной и сердечной книги о Пушкине».

Работа над вторым томом, также завершенным в Англии, потребовала еще 10 лет. Однако вышел он лишь в 1948 году,

тоже в Париже. К тому времени Тыркова уже 10 лет как жила во Франции. Приехав в конце 1939 года погостить к сыну, который жил в Медоне близ Парижа, она застряла здесь в связи с войной. А потом так и осталась жить в семье сына, окруженная всеобщей заботой, да и сильно привязавшись еще к одной внучке — Наташе. Во время войны бывшей «новгородской помещице», как она себя иронически называла, приходилось иногда подрабатывать довольно экзотическим для цивилизованной Европы способом: она собирала рыжики и продавала их голодным французам, не умевшим жить на «подножном корму». После войны она еще несколько раз приезжала в Англию, а в 1951-м вместе с семьей сына переехала в США.

Тыркова отнюдь не превратилась в бабушку, доживающую свой век в окружении чад и домочадцев. Ее творческой продуктивности мог бы позавидовать любой литератор в расцвете физических сил. В 83-летнем возрасте она выпускает в свет книгу воспоминаний «На путях к свободе» (1952); в 85-летнем — новый том мемуаров «То, чего больше не будет» (1954); во второй половине 1950-х годов в журнале «Возрождение» печатается третий том — «Подъем и крушение». И это не считая многочисленных статей и огромной переписки. На 92-м году жизни она публикует воспоминания о Льве Толстом («Возрождение», ноябрь 1961 года). По-видимому, это была ее последняя прижизненная статья.

12 января 1962 года на 93-м году жизни Ариадна Тыркова-Вильямс скончалась в Вашингтоне.

Она отнюдь не относилась к тем эмигрантам, кто возлагал надежды на эволюцию советской власти. Но все-таки в 1945 году в ее письмах проскальзывает надежда, что, может быть, ее «Пушкин» будет издан в Москве. Тогда этого не случилось и не могло случиться. Полвека спустя интерес к «трудам и дням» Тырковой вспыхнул у нее на родине. Статьи о ней появились едва ли не во всех вновь издаваемых энциклопедиях. Были опубликованы ее дневник и обширная переписка. В отличном (не чета «бумажным» нью-йоркским и лондонским) издании вышли две книги воспоминаний. Наконец, в юбилейный пушкинский год в серии «Жизнь замечательных людей» была переиздана ее «Жизнь Пушкина».

Возвращение состоялось.

ВНУЧКА ПРЕЗИДЕНТА
ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТОРА
(ЮЛИЯ КАНТАКУЗЕН-СПЕРАНСКАЯ)

Представьте себе книгу, в которой рассказывается о судьбе женщины, родившейся в Белом доме, поскольку ее дед был в то время президентом США; начавшей выходить в свет при дворе австрийского императора и нередко вальсировавшей под аккомпанемент Иоганна Штрауса; познакомившейся в Риме с русским гвардейским офицером, потомком византийских императоров и внуком графа М. М. Сперанского и после недельного головокружительного романа решившейся выйти за него замуж; женщине, принятой при русском дворе и в высшем петербургском свете, прожившей в России почти 20 лет и бежавшей из нее, с массой приключений, вскоре после революции... Не правда ли, все это кажется как-то уж очень «чересчур» и похоже на «русско-американскую фантазию» в стиле позднего Никиты Михалкова?

А теперь, в посрамление скептикам и маловерам, позвольте представить: княгиня Юлия (Джулия) Кантакузен, графиня Сперанская, урожденная Грант. Родилась в июне 1876 года в Белом доме, Вашингтон, округ Колумбия; дед — генерал Улисс Грант, герой Гражданской войны между Севером и Югом 1861–1865 годов, президент США в 1869–1877 годах; если хотите взглянуть на дедушку будущей княгини, достаньте из-под матраса купюру в 50 долларов с портретом сурового бородатого генерала-президента; понятно, что американцы чтут его как одного из главных героев национальной истории, хотя, по-видимому, меньше, чем Бенджамин Франклин (100 долларов), но зато больше, чем Эндрю Джексона (20 долларов), Александра Гамильтона (10 долларов) и Авраама Линкольна (5 долларов); впрочем, может быть,

зависимость здесь обратно пропорциональная: ведь на купюре достоинством в 1 доллар изображен не кто иной, как сам Джордж Вашингтон.

Отец Юлии, генерал-майор Фредерик Грант (1850–1912), тоже был фигурой примечательной, человеком активным и непосредливым; начав и закончив свою карьеру в армии, он успел повоевать с индейцами на Западе и поучаствовать в войне с Испанией в 1898 году; он побывал инженером и комиссаром полиции в Нью-Йорке; попробовал свои силы, и, видимо, не вполне удачно, в бизнесе; пять лет (1888–1893) был послом США в Австро-Венгрии и нередко охотился вместе с императором Францем-Иосифом. Его дочь, закончившая школу в Вене и представленная императору, именно здесь дебютировала в большом свете.

Пять лет спустя после окончания дипломатической карьеры отца Юлия, путешествуя со своей тетушкой по Европе, познакомилась в Риме с князем Михаилом Кантакузеном, временно прикомандированным к российскому посольству, пока он приходил в себя после полученной на скачках травмы. Михаил был потомком по прямой линии византийского императора Иоанна Кантакузена и внуком, по материнской линии, М. М. Сперанского; поскольку мужская линия рода Сперанских прервалась, титул, как это было тогда принято, передавался по женской. Таким образом молодой гвардеец и выпускник Александровского лицея был одновременно и князем, и графом. По этому поводу почему-то приходит на ум рассказ А. Ф. Кони, воспроизведенный в дневнике К. И. Чуковского: знаменитый юрист угодил в 1919 году в ЧК, и допрашивавший его юный следователь никак не мог уразуметь, как это возможно — быть одновременно и академиком и профессором: «Для Вас — невозможно, а для меня — возможно», — отрезал в конце концов Кони.

Однако вернемся в Рим 1898 года; через неделю после знакомства с князем Юлия с тетушкой уехали во Францию; здесь, в Канне (как будто для того, чтобы придать происходящему еще более «кинематографический» оттенок), их «настиг» князь и сделал формальное предложение, которое было благосклонно принято. Если у читателя хотя бы на минуту возникла мысль о разорившемся потомке знатного рода, желающем поправить свои дела путем женитьбы на богатой американке, то вынужден

его опять разочаровать — Гранты были небогаты; впрочем, небогаты (хотя, конечно, и не бедны) были и Кантакузены. Так что со стороны князя это чистой воды увлечение; что касается Юлии... Возможно, к увлечению блестящим кавалергардом примешивалось и желание уехать из «провинциальной», по европейским понятиям, Америки и вернуться к тому образу жизни, которым она была «отравлена» в Вене. Заметим, кстати, что в России к этому времени она никогда не была.

Свадьбу сыграли 25 сентября 1899 года в Ньюпорте, на Род-Айленде; среди гостей был, естественно, цвет американского общества; Юлия была очаровательна, а жених, кстати, облачен в парадный кавалергардский мундир. Ну а затем молодые прибыли в Россию и началась без малого двадцатилетняя жизнь внучки президента Гранта в России; протекала она между Петербургом, где Юлия была принята при дворе, имением Буромка в Полтавской губернии и дачей в Ялте. Юлия родила князю троих детей; съездила за эти годы пару раз на родину и, по видимому, не скучала и не жалела о своем выборе.

Все было бы замечательно, если бы как раз в эти годы не приключились две войны — Русско-японская и Первая мировая, и три революции — в 1905–1907 и дважды — в 1917-м (впрочем, некоторые историки считают, что в 1917 году на самом деле была одна революция, а то, что случилось в октябре, — это никак не революция, а переворот; ну, современникам от этого было не легче). Первая мировая сразу же и сильно ударила по семье Кантакузен; в одном из первых боев князь Михаил, командовавший соединением из трех эскадронов кавалергардов, был тяжело ранен, но в течение двадцати минут оставался в строю, опасаясь, что отсутствие командира повлияет на дух солдат; затем он потерял сознание от потери крови; его однополчанин барон Пилар фон Пильхау вынес князя на себе из боя, а затем первую помощь ему оказал... ветеринар, ибо врач не мог оставить других раненых. Кантакузену повезло — он выжил, был доставлен в Петроград и удостоился посещения и часовой беседы с императором. Позднее Кантакузен вернулся в строй, был назначен командиром кирасирского полка и позднее опять-таки лично Николаем II произведен в генерал-майоры и причислен к свите его величества.

Далее — кризис власти, убийство Распутина, падение монархии, июльское выступление большевиков в Петрограде, затем выступление, с другой стороны и с другими целями, генерала Корнилова, наконец, октябрь 1917 года и стремительное распространение советской власти по всей стране... В общем, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...». Еще более блажен, кто успел вовремя его в эти роковые минуты покинуть. Я имею в виду отнюдь не уход в вечность, а возможность физически покинуть смертельно опасные места в смертельно опасное время, проще говоря, убежать. Кантакузенам, к счастью, это удалось; тем более, что бежать им было куда. В начале 1918 года после множества приключений им удалось выбраться из России и перебраться за океан. Это вовсе не означало, что генерал-гвардеец струсил; узнав о начавшемся вооруженном сопротивлении большевикам, он в 1919 году поехал в Сибирь и вступил в армию адмирала А. В. Колчака; однако несколько месяцев спустя был направлен обратно в США представлять интересы Верховного правителя. Вскоре выяснилось, что представлять уже некого. В мае 1920 года Кантакузен перестал получать жалованье от российского посольства в Вашингтоне, потеряв последнюю формальную связь с российской государственностью. Белое дело было проиграно; пришлось думать о семье и о себе.

Что же касается Юлии, то она служила Белому делу пером, публикуя в «Сатердей ивнинг пост» статьи и воспоминания, посвященные русскому прошлому и настоящему; уже в 1919 году они были собраны в книгу и изданы, естественно, на английском, под названием «Революционные дни: Романовы и большевики. 1914–1917» (Бостон, 1919; 2-е изд. Лондон, 1920). Вскоре в другое издательство, Чарлза Скрибнера, был направлен второй том мемуаров — «Моя жизнь здесь и там» (Нью-Йорк, 1921). В этом томе рассказывалось о жизни автора с детства до Первой мировой войны. Возможно, ее небывалая литературная активность объяснялась и вполне материальными причинами — Кантакузены бежали из России «в чем были», а литературные гонорары позволяли сводить концы с концами.

Чем мемуары интересны? Во-первых, написаны они были по горячим следам событий, когда чтение других текстов еще не успело наложиться на восприятие этих событий. Во-вторых, они

написаны женщиной, причем женщиной неглупой и наблюдательной; а у женщин бывает свой взгляд, весьма отличный от взгляда разных революционных и контрреволюционных героев, никогда не забывающих о «суде истории». А видела (и слышала) она весьма много. В-третьих, кажется, М.М. Бахтин писал, что культуру можно понять только со стороны, то есть человек, живущий «внутри» культуры, не может, по определению, описать ее особенности. Взгляд Юлии Грант-Кантакузен тем и интересен, что он одновременно и «со стороны», и «изнутри». Наконец, в-четвертых: вы когда-нибудь слышали о такой захватывающей истории?

Восемьдесят лет спустя, в декабре 1999 года, как точно указано на титульном листе книги, мемуары Юлии Кантакузен были сведены в один том (за основу взяты «Революционные дни», к ним добавлены главы из «Моей жизни здесь и там», сокращены, надо полагать, повторы и публицистика) и вышли в свет в издательстве The Lakeside (Озерный край) Press в Чикаго, в серии The Lakeside Classics. В этой серии начиная с 1903 года издательство выпускает одну книгу в год. Первой была издана «Автобиография» Бенджамина Франклина.

Само издание заслуживает отдельного разговора. Это изящный томик карманного формата объемом 450 страниц; книга снабжена многочисленными иллюстрациями, воспроизводящими фотографии, плакаты, портреты, в том числе из архива Гуверовского института при Стэнфордском университете, Библиотеки Конгресса, Чикагского исторического общества, личного архива семьи Кантакузен. Читатель может увидеть Юлию Кантакузен начиная с 1903 года и года примерно в три, и в девяносто; я бы рекомендовал взглянуть на ее фотографии и портреты «посередине»; князю Кантакузену было чем увлечься. Разумеется, «представлены» и сам князь Михаил, и всякие «великие мира того» по обе стороны океана.

В заключение — о второй половине жизни четы Кантакузен; они, разумеется, имели преимущество перед другими эмигрантами; собственно, Юлия никак не подходила под понятие эмигрантки — она вернулась к себе домой; правда, свой личный «дом» надо было возводить заново. Михаил принял американское гражданство и был устроен в семейном бизнесе

родственников жены по материнской линии; бывший кавалергард занялся выращиванием апельсинов во Флориде, а затем, в середине 1920-х годов, стал вице-президентом First National Bank в Сарасоте. В 1934 году супруги разошлись; Михаил женился во второй раз; он умер в 1955 году. Юлия после развода уехала в Вашингтон; она вела отдел путешествий в «Сатердей ивнинг пост» и время от времени писала в «Женском журнале» (Ladies' Home Journal). Замечу, что она не забывала о стране, где прошли, вероятно, лучшие и, безусловно, самые бурные годы ее жизни. Она активно участвовала в деятельности различных обществ помощи русским эмигрантам вскоре после своего вынужденного возвращения в Америку; ее дом служил местом встреч русских и позднее. Скончалась Юлия Кантакузен 4 октября 1975 года в возрасте 99 лет.

А теперь попробуйте сказать, что «так в жизни не бывает».

ГРАЖДАНИН КНЯЖЕСТВА ЛИХТЕНШТЕЙН (Н. А. БАЗИЛИ)

Четверть века тому назад автору этих строк впервые посчастливилось переступить порог Гуверовского института войны, революции и мира, что при Стэнфордском университете в Калифорнии. Мне, как вновь прибывшему *visiting scholar*, была устроена небольшая экскурсия по Институту. «А это, — сказала сотрудница Института, ответственная за иностранных исследователей, — мемориальная комната Николаса де Базили». «Чья, чья?» — вертелось на языке, но, дабы не посрамить российскую историческую науку вообще, а себя в частности, вместо вопроса я произвел неопределенное гмыканье. Выяснив, что бумаги Базили находятся здесь же, в знаменитом архиве Института (лучшем собрании материалов о России за ее пределами), я сразу же посмотрел опись его фонда. Среди корреспондентов и собеседников — Александр Бенуа, Александр Гучков, Василий Маклаков, Петр Струве... И еще полсотни «звезд» русской эмиграции.

Сразу же заказал несколько коробок материалов (благо что в Гуверовском архиве, в отличие от российских, материалы подаются максимум в течение двух часов, а заказывать их можно несколько раз в день). Из первой же коробки посыпались орден и... подлинник меню (с императорским вензелем) «царского обеда» 3 марта 1917 года, то есть на следующий день после отречения императора от престола. Для любопытствующих: щи грибные, пирожки с кашей, мясо в красном вине и биточки из кур, персики борджию.

Русский дипломат Николай Базили не успел достичь высших дипломатических постов до большевистской революции; проведя большую часть жизни в эмиграции, не был особенно активен в эмигрантской политике. Между тем личностью он был

незаурядной, и жизнь его, несмотря на передраги, выпавшие на долю его поколения, состоялась. Впрочем, не случилось того, что случилось с Россией в 1917 году, он, несомненно, мог бы рассчитывать на иную биографию.

Однако по порядку. Николай Александрович Базили (де Базили), правнук одного из молдавских князей, перешедших в российское подданство после Русско-турецкой войны начала XIX века, происходил из семьи потомственных дипломатов. Его дед, Константин де Базили, был представителем России на различных международных конференциях, а в период Великих реформ Александра II посвятил себя земской деятельности. Отец Н. Базили, Александр, был старшим советником Министерства иностранных дел в ранге заместителя министра; по утверждению сына, именно он выдвинул идею о проведении конференции мира; инициатива дипломата была одобрена Николаем II, и, по призыву России, 1-я Гагская конференция мира состоялась в 1899 году. Неудивительно, что одним из трех российских делегатов был А. де Базили, которого сопровождал сын-студент.

Предками Николая Базили со стороны матери были также молдавские князья; его дед по материнской линии, Николай Каллимаки-Катарджи, был первым министром иностранных дел Румынии, а впоследствии румынским послом в Англии и Франции. Мать Николая Базили, урожденная Ева Каллимаки-Катарджи, судя по всему, была женщиной незаурядной и любительницей искусства. Она выпустила на французском языке книгу о французском миниатюристе Жан-Батисте Изабэ (J. B. Isabeu).

Так что ничего странного не было ни в том, что Николай Базили родился в Париже (в 1883 году), ни в том, что, получив юридическое образование в России и за границей, он избрал дипломатическую карьеру и был зачислен в штат Министерства иностранных дел (в 1903 году). На 2-ю Гагскую конференцию мира в 1907 году он приехал уже в качестве старшего секретаря российской делегации. С 1908 по 1911 год Базили служил вторым секретарем российского посольства в Париже, а в 1911-м получил назначение на важную должность заместителя директора Канцелярии (политического департамента) Министерства иностранных дел.

После начала Первой мировой войны Базили был назначен представителем Министерства иностранных дел при Ставке Верховного главнокомандующего; сначала он находился в распоряжении великого князя Николая Николаевича, а после того, как командование взял на себя Николай II, — в распоряжении императора; Базили стал директором дипломатической канцелярии при Ставке. В начале марта 1917 года именно ему по поручению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева пришлось взять на себя «неприятную» (painful) обязанность написать проект отречения императора от престола. На память о драматических днях крушения императорской России Базили сохранил подлинник меню царского обеда 3 марта 1917 года.

Весной 1917 года Базили служил своеобразным «связным» между Ставкой и Временным правительством; в июле уехал в Париж, получив назначение на должность советника посольства; любопытно, что посол появился позже, лишь в ноябре 1917 года. Это был видный политический деятель, депутат трех Государственных дум, адвокат и прославленный оратор В. А. Маклаков. Ему пришлось стать «объединителем» русских дипломатов, внезапно оказавшихся послами без правительства. Русское посольство в Париже стало центром, вокруг которого группировались антибольшевистские силы за границей; здесь происходили заседания Русского политического совещания, включавшего в себя дипломатов и видных политических деятелей разной ориентации (от бывших царских министров С. Д. Сазонова и А. П. Извольского до социалистов Б. В. Савинкова и Н. В. Чайковского); члены Совещания пытались отстаивать интересы России в период проходившей в Париже мирной конференции, подводившей итоги мировой войны; здесь, в посольстве, «квартировал» Сазонов, опять ставший министром иностранных дел — на этот раз А. В. Колчака и А. И. Деникина; здесь останавливался министр иностранных дел врангелевского правительства П. Б. Струве. Базили, второе лицо в посольстве и опытный дипломат, естественно, играл видную роль во многих предприятиях русской «дипломатии в изгнании». Встречавшемуся с ним в 1920 году коллеге Базили запомнился как «всегда спокойный и любезный красавец»

с «бесподобными бархатными черными глазами, созданными для лунных эллинских ночей».

Вскоре после окончания Гражданской войны Базили, не дожидаясь признания Францией советской власти, покинул дипломатическую стезю и поступил на службу в американскую финансовую группу «Маршал Филд, Глор, Уорд и Ко» (Marshal Field, Glore, Ward and Co). Штаб-квартиры группы находились в Нью-Йорке и Чикаго, однако она вела крупные операции и в Европе. Базили стал ее представителем; с 1922 по 1939 год он имел собственный офис в Париже, однако колесил по финансовым делам по всему континенту, ведя переговоры о финансовых операциях с правительствами и частными фирмами в различных странах. Неоднократно ему пришлось бывать и в США. Служба в банковской сфере принесла ему, по его собственным словам, финансовую независимость.

Позволим себе высказать предположение, что его финансовому благополучию способствовала и женитьба на Люсиль Мезерв (Meserve), дочери вице-президента National City Bank of New York, отвечающего за европейское направление его деятельности.

Так или иначе, финансовая независимость позволила Базили заняться литературным трудом; он задумал написать (точнее, составить) книгу о старой России, о ее истории, культуре, государственном строе, причинах краха в 1917 году. Базили заказал специалистам статьи-справки по различным проблемам. Так, бывший министр по делам исповеданий Временного правительства, историк и богослов А. В. Карташев писал справку по истории русской церкви, профессор государственного права П. П. Гронский — о дуалистическом государственном строе предреволюционной России («думская монархия»), по истории российской социал-демократии готовил материал Н. В. Валентинов-Вольский, по истории русской культуры — сам П. Б. Струве, Александр Бенуа прислал обширное письмо об особенностях русской живописи¹ и т. д. Авторы получали скромное вознаграждение и, по условиям контракта, от своих прав на рукописи отказывались в пользу заказчика.

¹ См. Письмо Александра Бенуа Николаю де Базили / Публ. и предисловие О. Будницкого; послесловие и примечания Б. Бернштейна // Диаспора: Новые материалы. Вып. III. Париж; СПб, 2002. С. 648–670.

Сбор материалов происходил в 1932–1934 годах. Однако задуманная Базили книга так и не вышла; зато была опубликована другая — «Россия под советской властью» (Париж, 1937 или 1938). В предисловии автор писал, что в течение ряда лет работал «над выяснением основных причин, приведших к крушению императорской России и к затянувшемуся господству большевицкой власти». «Выпускаемая ныне в свет книга, — пояснял Базили, — является заключительной частью этой работы. Ввиду значительного интереса, который вызывает к себе „большевицкий опыт“, автор решил издать том, посвященный большевицкой эпохе, раньше первой, более обширной, части, касающейся дореволюционной России».

Том объемом почти 400 страниц, подготовленный на основе материалов, предоставленных специалистами, в особенности крупным экономистом, бывшим министром Временного правительства С. Н. Прокоповичем, представлял собой серьезное научное исследование, своеобразную энциклопедию знаний русской эмиграции об экономическом и духовном состоянии Советской России, особенностях ее государственного и политического устройства. Базили писал в предисловии:

Несомненно, что советская политика, в какой-то мере, не может не быть связанной с предшествующим ходом социально-политического развития России. С другой стороны, официальная и главнейшая советская задача насильственного и форсированного построения социализма является решительным разрывом с русским прошлым. Все это вместе взятое придает большевицкой эпохе внутренне-противоречивый характер и фатально обрекает советскую власть на дальнейшие эксперименты. В большевицком строе есть «вчера» и «завтра», но нет «сегодня».

Книга имела большой успех, была переведена на английский, французский и итальянский языки, причем на последних двух выдержала по два издания; ей была присуждена премия Французской академии.

Разразившаяся Вторая мировая война вынудила Базили уехать в США; он поселился в Гринвиче, штат Коннектикут, в собственном доме. Однако состояние здоровья побудило его

искать более мягкий климат, и в 1942 году Николай и Люсиль де Базили переехали в Буэнос-Айрес (Аргентина), а в 1944 году поселились в Уругвае, где бывший дипломат работал в представительстве National City Bank of New York. Выйдя в отставку, Базили обосновался в Калифорнии. Этот обитатель разных стран формально числился гражданином княжества Лихтенштейн. Его материальное положение было более чем благополучно. Семья Базили владела домом в Париже и фермой в Уругвае. Однако, возможно, главной семейной ценностью было собрание картин, скульптур, антикварной мебели и книг по истории искусства.

Последние годы жизни Николай Базили посвятил работе над мемуарами, вышедшими 10 лет спустя после его смерти, последовавшей в 1963 году. Книга под названием «Дипломат императорской России» вышла на английском в Стэнфорде (*Diplomat of Imperial Russia. 1903–1917. Stanford, 1973*). А в мае 1965 года Люсиль де Базили подарила Гуверовскому институту войны, революции и мира при Стэнфордском университете коллекцию из 73 картин, 7 тыс. книг, а также личный архив своего покойного мужа. Среди картин, находящихся в мемориальной комнате Н. А. Базили в Гуверовском институте, работы И. П. Аргунова, В. Л. Боровиковского, К. П. Брюллова, Д. Г. Левицкого, Ф. С. Рокотова и других блистательных мастеров.

Будете в Стэнфорде — обязательно зайдите.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Р. А. 25, 533
Абрамов Н. 298
Абрамов Ф. Ф. 27, 248
Аввакум, протопоп 580
Авксентьев Н. Д. 23–25, 31, 264, 423, 424, 429
Авторханов А. Г. 42
Адамович Г. В. 31, 32, 37, 50, 100, 103, 112, 442, 492, 497, 498, 506, 507, 513, 515
Аджемов М. С. 207, 264
Азеф Е. Ф. 49, 83, 85, 87, 88, 261, 518
Аксаков И. С. 108
Аксельрод П. Б. 16, 542
Аксенов В. П. 10, 43
Алданов М. А. 6, 7, 31, 32, 37, 39, 91, 93, 96, 102, 111, 112, 264, 335, 344, 345, 349, 383, 391, 421–424, 426–434, 437, 441, 458–460, 462, 466, 492, 493, 498, 503–505, 511, 516–518, 535
Александр I 581
Александр II 75, 582, 612
Александр III 215, 260, 263
Александра Федоровна, императрица 198
Александровский Б. Н. 438
Алексеев М. В. 94, 95, 153, 554, 613
Алексеев Н. Н. 28
Алексей Николаевич, цесаревич, великий князь 189
Алексей Петрович, царевич 12
Алексинская (Евтихиева) Т. И. 537, 539, 541
Алексинский Г. А. 24, 537, 541, 542
Алексинский И. П. 23, 26, 231
Аллой В. Е. 9, 44
Альперин А. С. 442, 452, 459, 463, 464, 476, 477, 515
Альшиц Я. Л. 409
Амальрик А. А. 44
Амфитеатров А. В. 32, 266, 286, 287, 291, 301, 302, 309–317, 320, 321, 329
Амфитеатрова И. В. 321
Амфитеатров-Кадашев В. А. 555
Анастасия Николаевна, великая княжна 189, 190
Анастасия, самозванка 10, 189, 190
Андреев Г. (Хомяков Г. А.) 42
Андреев Л. Н. 266–271, 273, 550
Андреев Н. Е. 581, 582
Андрей Белый 287, 288, 302, 501
Андрей Владимирович, великий князь 375
Анненский И. Ф. 287
Антоний (Храповицкий), митрополит 30, 33, 301, 306, 317
Аптекман О. В. 266
Аракчеев А. А. 581
Аргунов А. А. 24
Аргунов И. П. 616
Арманд И. 536–538, 541
Аронсон Г. Я. 526
Архангельский А. П. 28
Астров Н. И. 349, 568
Бабиченко 404
Базаревич В. И. 248
Базили А. де 612
Базили К. де 612
Базили Л. де 616
Базили Н. де 611–616
Байдалаков В. М. 29
Бакунин М. А. 15, 474
Балабанов Е. М. 218, 222, 224, 227, 229, 231, 242
Балакирев М. А. 434
Балин 392
Бальмонт К. Д. 287

- Барбович И. Г. 248, 249
Барк П. Л. 192, 197, 548
Барту Л. 98
Барух Б. 165
Барышников М. Н. 43
Бах А. Н. 266
Бахметев Б. А. 6, 7, 10, 27, 35, 99, 117–125, 127–179, 181–185, 204, 205, 207, 209, 295, 349, 421, 425–428, 432
Бахметев Г. П. 131, 136, 137, 191
Бахметьев А. П. 119
Бахтин М. М. 609
Баш 404
Бейлис М. М. 333, 335–347, 408, 453
Беклер А. 541
Беленький О. 390
Белецкий 283
Белецкий С. П. 545
Бем А. Л. 39, 457
Бёме Г. Г. 406
Бенкендорф А. К. 585
Бенуа А. Н. 436, 611, 614
Берберова Н. Н. 492, 493, 501–508, 510–513, 515, 516, 518, 520, 522, 523, 524, 526
Бергер 504, 510
Бердяев Н. А. 31, 463
Бережков В. М. 522
Берлин П. А. 442, 451, 471, 496, 509
Бернацкий М. В. 193, 195, 204, 207, 450
Бернштейн Э. 530
Берти Ф. 146
Бецкой И. И. 211
Билибин И. Я. 33
Бицилли П. М. 35
Блок А. А. 5, 287, 501, 513, 519, 598
Блондес Д. 333
Блюм Л. 518
Блюммель 475, 476
Боборыкин П. Д. 266
Бобринцев-Пушкин А. В. 28
Богданович П. Н. 38, 519
Боголепов Н. П. 57, 330
Боголюбов (Емельянов) А. С. 543
Богомолов А. Е. 38, 451, 453, 455, 456, 461, 462, 465, 525, 593
Богословский М. М. 564, 575
Богров Д. Г. 88
Богучарский В. Я. 261
Болтин Н. Н. 37
Бонч-Бруевич В. Д. 279
Бора У. 163, 164
Борис Владимирович, великий князь 375
Борман А. А. 437, 596
Боровиковский В. Л. 616
Боткин Г. Е. 189, 190, 191
Боткин Е. С. 189
Боткина (Мельник) Т. Е. 189
Брасова (урожд. Шереметьевская, во 2-м браке Вульфферт) Н. С., графиня 198, 378
Брийя-Саварен Ж. А. 393
Бродская (Гинзбург) А. Л. 404
Бродский Г. Л. 404
Бродский И. А. 43
Бродский Я. С. 403
Брусилов А. А. 273
Брушвит И. М. 24
Брюллов К. П. 616
Будневич 404
Буковский В. К. 44
Булак-Балахович С. Н. 286, 321
Булатов Р. 8
Булгаков С. Н. 81
Бунаков-Фондаминский И. И. 31, 38, 104, 361, 423
Бунин И. А. 31, 32, 100, 168, 185, 266, 273, 422–429, 431–434, 456, 463, 492, 497, 498, 506, 508, 513, 515, 518–521, 523, 525, 550, 562, 587
Бурцев В. Л. 6, 16, 17, 24, 156, 260–268, 271, 273, 274, 276, 280, 282, 283, 294, 296, 301, 307, 316, 317, 320, 321, 329, 555, 557
Бурышкин П. А. 203, 207
Бухарин Н. И. 517
Быков В. 10
Бэринг, братья 188
Вакар Н. П. 27
Валентинов-Вольский Н. В. 48, 54, 91, 103, 168, 509, 614
Вальтер Ж. 536, 539–545

- Вандалковская М. Г. 566
Варламов А. Н. 281
Вашингтон Дж. 606
Вейнбаум М. Е. 32
Вердеревский Д. Н. 452
Вересаев В. В. 550
Вернадский В. И. 568
Вернадский Г. В. 28, 35, 167
Вертинский А. Н. 33
Верховская-Данлоп О. 6
Веселовский А. П. 13
Веселовский С. Б. 575
Вивиани Р. 98
Виктория, королева 260
Виктория Гессенская 198
Вильгельм Завоеватель 449
Вильде Б. В. 38
Вильсон Т. В. 117, 136, 140, 142, 146–152, 157, 159
Вильямс Г. 597, 599–602
Винавер-Гринберг С. М. 385
Винавер М. М. 24, 31, 90, 107, 344, 385
Винавер Р. Г. 113
Виноградов П. Г. 57, 330, 567
Виппер Р. Ю. 570, 575, 582, 583
Витковский В. К. 248
Витте С. Ю. 105, 123
Вишняк М. В. 25, 27, 31, 37, 97, 101, 104, 106–108, 114, 423, 424, 461, 492, 503–505, 509, 511, 512, 515–517, 520, 522–524, 568, 584
Власов А. А. 38
Водов С. А. 42
Войков П. Л. 27, 285
Войнович В. Н. 43
Волков Е. Н. 197
Волков Н. К. 469
Вологодский П. В. 200
Волошин М. А. 287
Вольнский А. П. 570
Вонсяцкий А. А. 324, 327, 328
Воровский В. В. 27, 285, 295
Воронцов-Дашков И. И. 364
Восторгов И. И., протоиерей 281
Врангель М. Д. 324, 325, 599
Врангель П. Н. 10, 18, 19, 23, 26, 27, 36, 99, 148, 156, 159, 203–206, 211, 213, 216–219, 222, 231–233, 241, 243–247, 250, 252, 264, 266, 274, 290, 291, 301–306, 308, 324, 325, 452, 545, 593
Вреде В. А. 323
Вышеславцев Б. П. 436
Гагарин С. В. 192, 193, 196
Газданов Г. И. 32
Гайдар А. П. 298
Гайдук В. П. 222, 225, 226, 237, 242
Галич А. А. 43
Гамильтон А. 605
Ганелин Р. Ш. 148
Ганецкий Я. С. 538, 546
Гапон Г. А. 578
Гардинг У. 164
Гарфилд Б. 201
Гейден П. А. 105
Геллер М. С. 266, 267
Гензель А. М. 214, 218
Георгиевский М. А. 29
Георгий Михайлович, великий князь 215
Герард В. Н. 375
Герасимов А. В. 517, 518
Герд Н. 597
Геринг Г. 515
Гермоген, патриарх 272, 307
Герцен А. И. 6, 15, 173, 184, 391
Гершанович Я. 333
Гершензон М. О. 330
Гершун А. Л. 374
Гершун Б. Л. 342, 343, 372–376, 378, 379, 381–387, 389, 393, 394, 397, 400, 403, 406, 410, 415, 416, 418
Гершун Л. Б. 388, 406, 409, 412
Гершун Л. Я. 373
Гершун Н. Б. 388, 400, 406–408, 411, 412, 418
Гершун О. М. 388, 389, 397, 400, 403, 406, 409, 411, 412, 415, 417, 420
Гершун (урожд. Шерешевская) С. 373
Герье В. И. 567
Гессен И. В. 24, 32, 268, 366, 367, 379, 383

- Гинс Г. К. 34
 Гиппиус З. Н. 436, 500
 Гирс М. Н. 20, 143, 145, 153, 154, 168, 189, 190–193, 197, 198, 203, 205, 207
 Гитлер А. 11, 260, 326, 327, 329, 367, 369, 388, 396, 399–401, 405, 407, 410, 411, 416, 438, 439, 447, 448, 500, 505, 514, 544, 559, 588, 589, 592
 Глебов В. В. 28
 Глиноедский В. Г. 37
 Глобачев К. Н. 282
 Гогелия Г. И. 16
 Гоголь Н. В. 560
 Голицын В. Л. 327, 328
 Голль Ш. де 458, 472
 Головин И. Г. 15
 Головин Н. Н. 26, 36, 38, 437
 Гольденберг В. А. 406, 410
 Гольденвейзер Алексей А. 88, 342, 372, 376–387, 389, 393, 394, 397, 400, 402–404, 406, 410, 415, 417, 418, 461
 Гольденвейзер Александр А. 377, 418
 Гольденвейзер А. С. 376, 378, 381
 Гольденвейзер (Гинзбург) Е. Л. 378, 389, 392, 403, 404, 406, 410–412, 414, 415
 Гольденвейзер Е. А. 377, 395
 Гольденвейзер (Фельдзер) Н. А. 377, 395
 Гольденвейзер Э. А. 377
 Гольцев В. А. 570
 Гончарова Н. С. 32
 Горбачев М. С. 202
 Горчаков А. М. 438
 Горчаков М. 438
 Горький А. М. 262, 263, 270, 332, 343, 351, 391
 Гоц М. Р. 16
 Грабарь И. Э. 337
 Грант У. 605, 607
 Грант Ф. 606
 Грачев Г. П. 239, 257
 Гржебин З. И. 30, 270
 Грибоедов А. С. 264, 580
 Григорович-Барский Д. Н. 408, 453, 465
 Григорьев 283
 Григорьев Б. Д. 32
 Гринберг Р. Н. 42
 Гронский П. П. 614
 Грузенберг М. О. 340
 Грузенберг О. О. 108, 109, 330, 332–335, 337–348, 350–357, 360, 362, 364, 365, 367, 368, 383, 391, 392, 394, 395, 399
 Грузенберг Р. Г. 360, 363
 Грузенберг Ю. О. 340, 363
 Грушницкий А. 298
 Грюнберг 299
 Губкин И. С. 239
 Гувер Г. 172
 Гузовский А. А. 451
 Гукасов А. О. 26, 548
 Гуковский А. И. 31
 Гулькевич К. Н. 20, 154
 Гуль Р. Б. 39
 Гуревич И. Б. 387, 409, 411, 414
 Гучков А. И. 24, 128–130, 192, 294, 295, 320, 535, 611
 Даватц В. Х. 325, 326
 Давыдов Л. Ф. 192, 193
 Даладьё Э. 401, 402
 Далин Д. Ю. 25, 533
 Дан (Гурвич) Ф. И. 529, 531–533
 Данилевский Н. Я. 474
 Дан Л. О. 528–536, 539
 Дан Ф. И. 25
 Дантон Ж. 5
 Дашевский П. 333
 Дебогорий-Мокриевич В. К. 16, 261
 Деканозов В. Г. 461
 Делянов И. Д. 54, 374, 578
 Демидов И. П. 27
 Денике Ю. П. 25, 533, 535
 Деникин А. И. 36, 37, 99, 152, 154, 156–160, 162, 203, 204, 217–219, 263, 264, 266, 271, 276, 280–282, 325, 463, 545, 554, 600, 601, 613
 Денисов Н. Х. 548, 600
 Деспотули В. М. 38, 513
 Джексон Э. 605
 Джерзалия Р. 209
 Джунковский В. Ф. 546
 Дзержинский Ф. Э. 262, 292
 Диккенс Ч. 51

- Дитерихс М. К. 28
Дитлов К. 233
Дицман И. 214
Дмитрий Донской 306
Дмитрий Павлович, великий князь 94
Добкин А. И. 286
Добужинский М. В. 595
Довлатов С. Д. 43
Долгополов Н. С. 154, 229, 230
Долгоруков Павел Д. 23, 75, 231, 237, 239, 242, 243, 247–249, 457
Долгоруков Петр Д. 39
Дональд Р. 599
Дон-Аминадо 396, 451, 469, 508, 519
Достоевский Ф. М. 184, 539
Драгун В. М. 472
Дроздов А. М. 32
Дурново П. Н. 54, 55
Дыбенко П. Е. 537
Дэвис Н. 160, 164
Дэвис Р. 9
Дэниелсон Е. 8
- Евлогий (Георгиевский), митрополит 30, 437, 450, 453, 463
Ежов (Цедербаум) С. 528
Екатерина II 188, 569, 578, 581
Елагин И. В. 42
Ермилов В. 77
Ермолова М. Н. 570
Ефимовский Е. А. 83
Ефремов И. Н. 145, 154
- Желябов А. И. 320
Жеребков Ю. С. 37, 439
Жид Андре 284, 521, 524
Житомирский Я. А. 261
Жученко З. Ф. 261
- Забезинский Г. Б. 414, 417
Зайцева В. А. 499
Зайцева Т. М. 511
Зайцев Б. К. 31, 32, 492, 493, 499, 500, 503, 513, 514, 535
Зайцев Л. М. 383, 385, 392, 400, 403, 406, 410, 417
- Замен К. Е. 203, 204, 207
Засулич В. И. 16, 543
Захарченко-Шульц М. В. 316
Зворыкин В. К. 35
Зеелер В. Ф. 519
Зензинов В. М. 24, 25, 264, 429, 430, 437, 460, 492, 520
Зиновьев А. А. 43
Зиновьев Г. Е. 546
Знаменский В. М. 231, 247, 248
Золотницкий Б. И. 408
Зубарев Д. И. 286
Зубатов С. В. 531
Зуров Л. Ф. 525
- Иван IV Грозный 12, 449, 569, 570, 582, 583, 587
Иван Густолес — см. Пешко И.
Иванов Г. В. 495, 504
Иванов Н. Н. 268
Иванов-Разумник Р. В. 501, 513
Иванов С. А. 154
Иваск Ю. П. 42
Игнатъев П. Н. 20, 168
Изабэ Ж.-Б. 612
Извольский А. П. 154, 613
Изгоев А. С. 109, 110
Иловайская-Альберти И. А. 42
Ильин В. Н. 377
Ильин С. Н. 246
Иорданская М. К. 270
Иоффе 404
Ипатьев В. Н. 35
Ирина Прусская 198
Искрицкий М. А. 24
- Кадиш М. П. 414, 417
Казем-бек А. Л. 29
Калинин М. И. 368
Каллимаки-Катарджи Н. 612
Каменев Л. Б. 278
Каминка А. А. 35
Кантакузен М. 606–610
Кантакузен Ю. 605–610
Кантор М. Л. 31, 383

- Канцель Г. С. 529, 530
Каплан Ф. Е. 540
Каплинский И. -М. 261
Каплун Е. И. 408
Карабчевский Н. П. 345
Карнеги Э. 423
Карпов Г. Ф. 569
Карпович М. М. 35, 39, 76, 105, 123, 124, 155, 167, 421, 422, 424, 426-435, 492, 503, 515, 516, 535, 539
Карташев А. В. 24, 614
Кассо Л. А. 563
Качаки И. 215, 239, 240, 253, 257
Кедрин Е. И. 24
Кедров М. А. 452, 593
Кельнер В. Е. 350
Кеннан Дж. 137, 148
Керенский А. Ф. 24, 25, 37, 41, 95, 103, 108, 138, 157, 168, 173, 192, 195, 196, 262, 263, 339, 427-429, 431, 432, 434, 437, 458, 461, 476, 492, 499, 504, 513
Кестлер А. 526
Кизеветтер А. А. 34, 79, 339, 349, 563-584
Кизеветтер А. И. 566
Киллен Л. 148, 150, 158, 159
Кирилл Владимирович, великий князь 26
Кларк У. 188
Кленовский (Крачковский) Д. И. 42
Ключевский В. О. 56, 563-568, 574
Ключников Ю. В. 28
Кнопф 410
Кобецкий Я. Я. 453
Кобяков Д. Ю. 499
Ковалевский М. М. 78
Коверда Б. С. 325
Коган С. М. 404
Койфман 404
Коковцов В. Н. 36, 86, 192, 193, 195, 349, 450
Кокошкин Ф. Ф. 75, 79, 96
Колби Б. 150, 160
Коллонтай А. М. 113, 536
Колосова М. 295, 321
Колчак А. В. 10, 152, 154-159, 162, 201-203, 205, 208, 217, 218, 263, 267, 268, 271, 600, 608, 613
Кольберг А. Н. 321, 322, 327-329
Конгиссер Я. И. 414, 417
Кондаков Н. П. 34, 576
Кондзеровский П. К. 302
Кони А. Ф. 334, 343, 391, 606
Коновалов А. И. 130, 154, 431, 437, 461, 549
Конради М. 295
Корвалан Л. 44
Корнилов Л. Г. 96, 97, 263, 554, 608
Короленко В. Г. 332, 343, 391, 550
Коростелев О. 9
Корсак (Завадский) В. В. 501
Костомаров Н. И. 359
Котляревский Н. М. 213
Котошихин Г. К. 12
Коул М. Х. 182
Кошеверова С. В. 555, 557, 560
Кравченко В. А. 475
Кранихфельд А. Н. 529
Кранихфельд (урожд. Цедербаум) Н. О. 529
Кранихфельд Н. С. 529
Краснов П. Н. 32, 37-39, 287, 290, 291, 301-304, 317-320, 324, 327, 328, 457, 554, 557, 559
Красовский О. А. 44
Крашенинников Н. С. 334, 335
Кремер И. 496
Кривошеин А. В. 442
Кривошеин И. А. 40, 442
Кропоткин П. А. 16, 266
Крупенский В. Н. 204
Крупенский П. Н. 89
Крупская Н. К. 262, 532, 539-541, 546, 597
Крушеван П. 333
Крыленко Н. В. 546
Крылов И. А. 560
Крымов В. П. 283
Ксения Александровна, великая княгиня 190, 197, 198
Кудерт Ф. 166
Кудрявцев А. А. 567
Кудрявцева (Фраузенфельдер) Е. Я. 567
Кузьмина-Караваева Е. Ю. (мать Мария) 38

- Кузьмин-Караваев В. Д. 24
Кулешов С. В. 107
Кулишер А. В. 405
Кулишер А. М. 395, 396
Кулишер Е. М. 334, 341, 415
Куприн А. И. 32, 266, 273, 274, 284, 550
Курбский А. М. 12
Курлов П. Г. 88
Кусевицкий С. А. 32, 425
Кускова Е. Д. 168, 210, 266, 267, 276, 283, 349, 508, 516
Кусонский П. А. 23, 231, 248, 250, 252
Кутепов А. П. 23, 27, 247, 248, 249, 252, 285, 301, 304, 305, 310, 324
Кучеров С. Л. 403
- Лаваль П. 368
Лавров П. Л. 15
Лазаревский В. А. 42, 475, 476
Ламовская Л. Ф. — см. Маклакова Л. Ф.
Лампе А. А. фон 28, 37, 302–304
Ландау Г. А. 383
Лансере Е. Е. 288
Лансинг Р. 137, 150, 151, 159, 160
Ларин 283
Ларионов В. 27
Ларионов М. Ф. 32
Лацис М. Я. 574
Лашкевич В. В. 231
Лебедев В. А. 219–222, 226
Лебедев В. И. 17, 25
Левина Т. И. 382, 409, 416
Левицкий А. Н. 38
Левицкий (Цедербаум) В. 528
Левицкий Д. Г. 616
Ледницкий А. Р. 58, 331, 338
Ледницкий В. А. 338
Лейхтенбергский Г. Н. 290, 291, 302, 304, 323, 327
Ленин В. И. 16, 17, 81, 149, 150, 260, 262, 267, 278, 289, 367, 474, 523, 528, 532, 534–547, 573, 583, 597
Леонтьев В. В. 35
Леонтьев К. Н. 456, 464, 474, 475
Лермонтов М. Ю. 560
Лианозов С. Г. 207
- Либер М. 529
Ливен А. П. 328
Лиденхэм К. 8
Линкольн А. 605
Линк У. 127, 139, 167
Литвинов М. М. 202
Лифарь С. 32, 436
Ллойд-Джордж Д. 160, 599, 600
Ломейер А. Э. 221, 226, 245
Лонг Б. 136, 147, 158–160
Лопатин Г. А. 266
Лосский Н. О. 34, 168
Лукомский А. С. 36
Лукьянов С. С. 28
Луначарский А. В. 270
Львов Г. Е. 20, 96, 99, 153, 154, 168, 172, 204
Львов Н. Н. 23, 231, 232, 247, 248, 325
Любарский 283
Любимов Л. Д. 40, 438, 462, 469
Любимов Ю. П. 43
Людовик XVI 114
- Макаров А. А. 59
Макаров 328
Макдональд Дж. Р. 358
Макеев Н. В. 493, 494, 497, 499, 505–507, 512
Маккарти Дж. 520
Маклаков А. А. 51
Маклаков А. Н. 51, 52
Маклакова Е. В. 51
Маклакова (урожд. Королева, в 1-м браке Ламовская) Л. Ф. 51
Маклаков В. А. 6, 7, 20, 36–39, 48–58, 75–116, 120, 138, 143–147, 153, 154, 159, 169–184, 203, 207, 209, 210, 262, 330–368, 402, 437, 438, 440–477, 492, 502, 506, 535, 571, 575, 576, 578, 583, 588, 593, 611, 613
Маклакова М. А. 103, 183, 355, 360, 365
Маклаков Н. А. 51, 52
Маклаков Ю. Н. 103
Маковский С. К. 525
Максимов В. Е. 44
Максимович Е. Ф. 564, 567

- Малиа М. 422
 Малиновский Р. В. 538, 545, 546
 Малкиель Я. Л. 414
 Мамай 307
 Мамченко В. А. 500
 Мандельштам А. Н. 112
 Мандельштам М. Л. 79
 Мандельштам Ю. В. 32, 38
 Манциарли И. В. де 31
 Марголина М. Б. 496
 Марголина-Ходасевич О. В. 496, 516
 Маргулиес М. С. 393, 408
 Мария Николаевна,
 великая княжна 189
 Марков Н. Е. 25, 304, 313
 Маркс К. 121, 172, 176, 474, 517
 Мартов (Цедербаум) Ю. О. 16, 25, 266,
 528, 533, 543, 544
 Марш Ф. 267
 Масарик Т. 151, 576
 Маслов С. С. 24
 Махно Н. И. 320
 Маяковский В. В. 267
 Мезерв Л. 614
 Мельгунов С. П. 41, 42, 97, 110, 111, 115,
 168, 266, 308, 317, 447, 448, 450, 461,
 505, 506, 578
 Менжинский В. Р. 278
 Меньщиков Л. П. 262
 Мережковский Д. С. 31, 450, 500, 508
 Мешков Н. В. 549
 Мещерская В. К. 192
 Мещерский В. П. 331
 Миллер Е. К. 27, 238, 240, 245–247, 250,
 252, 283, 285, 600
 Миллер К. К. 203, 204
 Мильруд М. С. 32
 Милуков П. Н. 23, 24, 31, 32, 36, 38, 50,
 81–84, 89, 92, 93, 95, 97, 98, 104–107,
 112, 131, 132, 156, 158, 168, 170, 191, 192,
 264–266, 313, 332, 339, 342, 344, 349,
 391, 394, 399, 417, 430, 437, 448, 450–
 452, 462, 463, 469, 510, 517, 523–525, 535,
 542, 554, 558, 564, 566, 567
 Минин К. 463
 Минор О. С. 24
 Мирабо О. Г. 56, 114
 Мирович Е. А. 407
 Миронов П. Г. 332
 Михаил Александрович,
 великий князь 95, 198, 378
 Михайлов И. А. 39, 200
 Михалков Н. С. 605
 Модрах В. К. 438, 439
 Моллой М. 8
 Молотов В. М. 368, 495, 523
 Морозов С. Т. 549
 Моррис Р. 157
 Мочульский К. В. 509
 Мошинский И. Н. 549
 Мунштейн Л. Г. 376
 Муромцева-Бунина В. Н. 525
 Муромцев С. А. 567
 Мусин-Пушкин В. В. 231, 232, 327, 328
 Муссолини Б. 369, 401, 500
 Мэддокс Р. 148
 Мякотин В. А. 34
 Набоков В. В. 31, 383, 429, 433–435, 460,
 562, 586, 587
 Набоков В. Д. 24, 332, 342, 558, 586
 Набоков К. Д. 143, 145, 146, 153, 586
 Найдич И. А. 341
 Нансен Ф. 20, 21, 586
 Наполеон Бонапарт 351, 464
 Натансон М. А. 17, 78
 Науменко В. Г. 38
 Некрасов В. П. 43
 Некрасов Н. А. 356–358, 361
 Немирович-Данченко Вас. И. 32
 Несмелов А. И. 39
 Нечаев К. П. 28
 Нечаев С. Г. 15
 Никифоров Д. И. 220, 230, 231, 242, 248
 Николадзе Н. Я. 15
 Николаевский Б. И. 6, 25, 37, 41, 103, 107,
 123, 265, 349, 434, 461, 471, 474, 509, 517,
 518, 533, 535, 542
 Николай I 178
 Николай II 26, 52, 75, 188, 189, 193, 196,
 260, 262, 263, 282, 325, 438, 439, 553,
 607, 612, 613

- Николай Николаевич Младший,
великий князь 26, 27, 130, 247,
301–305, 322, 324, 325, 613
- Никулин Л. В. 524
- Нирод М. Е. 192, 196, 197
- Нобель Г. Е. 208
- Нобель Г. Л. 207
- Новиков М. М. 82
- Новицкий В. И. 206–208
- Новоселов М. А. 76
- Новосильцев Л. Н. 96
- Нольде Б. Э. 193, 196, 197, 207, 441
- Нольде Л. Н. 323
- Новгородцев П. И. 34
- Нуреев Р. Х. 43
- Оболенская В. А. 38
- Овчинников П. А. 239
- Огарев Н. П. 15
- Одинец Д. М. 39, 40, 458, 466, 509, 517,
518
- Одоевцева И. В. 495, 504
- Ольга Александровна,
великая княгиня 189, 198
- Орехов В. В. 27
- Орлов В. Г. 291
- Осоргин (Ильин) М. А. 433, 434
- Остапченко И. И. 37
- Островский А. Н. 549
- Оцуп Н. А. 31
- Ошанина М. Н. 15
- Павел I 82
- Пайпс Р. 422
- Палацкий Ф. 578
- Палеолог М. 98
- Палеолог С. Н. 301, 324–327
- Панина С. В. 423, 425–427, 429, 598
- Панкратов В. С. 537
- Парамонова А. И. 559
- Парамонова Л. И. 556, 559
- Парамонова М. Е. 561
- Парамонов Е. Н. 552, 555–561
- Парамонов Е. Т. 549, 552
- Парамонов Н. Е. 282, 291, 292, 296, 327,
548–560
- Парамонов П. Е. 552, 553, 557
- Парвус (Гельфанд) А. Л. 538
- Пастухов В. Л. 42
- Пелехин 220
- Пергамент О. А. 332
- Перельман В. Б. 44
- Переpletник Г. М. 410, 414
- Персиянов Д. 318
- Петен Ф. 368, 438
- Петерс Ю. С. 310
- Петерс Я. Х. 574
- Петлюра С. В. 217
- Петр I 188, 449, 582
- Петр III 82
- Петроний 115
- Петрушевский Д. М. 575
- Печерин В. С. 15
- Пешко И. 322
- Пильхау П. фон 607
- Пирогов В. 333
- Платонов С. Ф. 570
- Платон (Рождественский),
митрополит 30
- Плевако Ф. Н. 58, 331, 336, 345
- Плеве В. К. 139
- Плеске Э. Д. 189
- Плеханов Г. В. 16, 17, 103, 266, 277, 538,
542, 543, 545
- Поволоцкий Я. Е. 95
- Пожарский Д. 463
- Познер В. 350
- Познер С. В. 350
- Покровский М. Н. 266, 574
- Покровский Н. Н. 94
- Полк Ф. 136, 151, 160, 164
- Полонский Я. Б. 458, 493, 499, 502, 504,
507–512, 514
- Полонский Я. П. 51
- Поляков А. А. 492, 504, 507, 511, 512
- Поляков-Литовцев С. Л. 453, 454
- Полян А. 7
- Поплавский Б. Ю. 32
- Поремский В. Д. 29
- Постников С. П. 39
- Потемкин Г. А. 581

- Потресов А. Н. 543, 544
Прегель Б. Ю. 520
Прегель С. Ю. 39, 492
Примаков Е. М. 588
Притыкина Т. 9
Прокопович С. Н. 34, 80, 81, 168, 266, 267, 276, 277, 280, 615
Прокофьев С. С. 33
Пуницкий В. К. 231, 238, 242, 248
Пуришкевич В. М. 94, 95
Пушкин А. С. 33, 112, 113, 264, 357, 560, 587, 602, 603
Пятницкий Н. В. 38
- Рабинович Е. И. 430
Рабинович И. М. 379
Радкевич 316
Раев М. 5, 18, 134, 422, 568
Раевская М. Н. 603
Ранг 335
Распутин Г. Е. 48, 90, 94, 95, 268, 430, 608
Ратнер М. Д. 379
Раттель Н. И. 273
Рахманинов С. В. 32, 425, 562
Рейнш П. 157
Рейсс И. С. 33
Ремизов А. М. 31, 500
Рерих Н. К. 269
Ржевский Л. Д. 42
Риббентроп И. фон 495, 523
Ривлин 415
Рикардо Д. 121
Риттих А. А. 94
Робеспьер М. 112, 449
Роговский Е. Ф. 452, 463, 506
Родзянко М. В. 129, 130, 168, 173, 174
Родичев Ф. И. 83
Розанов В. В. 598
Розанова М. В. 44
Розенберг А. 439
Розенталь М. Я. 404
Рокотов Ф. С. 616
Рокфеллер Дж. 423, 424
Романов Е. Р. 42
Романовский И. П. 159
- Ростовцев М. И. 139, 423, 425, 427–430, 433, 600
Ростовцев Н. А. 231
Ростопчин Ф. В. 581
Ростропович М. В. 43
Рошин Н. Я. 463, 469
Рубанович И. А. 16
Рубинштейн Д. Л. 430
Рубинштейн С. Д. 430
Рубинштейн Я. Л. 20
Руднева В. И. 493, 494
Руднев В. В. 24, 31, 347, 422, 493, 494, 513, 515, 523
Рузвельт Ф. Д. 182, 183, 476
Русанов Н. С. 24
Русина 404
Рутковский Л. 299
Рут Э. 140
Рыбинский 326
Рысс П. Я. 493, 503, 514
Рышков Е. В. (Тарусский Евг.) 27
Рябушинские 548, 549
Рязановский В. А. 34
- Саблина (урожд. Баженова) Н. И. 461, 586, 593
Саблин Е. В. 204, 461, 471–473, 535, 585–589, 591, 593, 594
Саблин Н. В. 473, 593
Савин 283
Савинков А. В. 530, 531
Савинков Б. В. 17, 27, 99, 146, 154, 266, 286, 291, 524, 530, 531, 613
Савицкий П. Н. 28, 231
Сазонов Н. И. 15
Сазонов С. Д. 99, 151, 154, 157, 585, 613
Сапир Б. 529–532
Сапожников А. В. 129
Сартр Ж.-П. 521, 522, 524, 525
Сахаров И. В. 213–215, 218
Саша Черный (Гликберг А. М.) 603
Сватиков С. Г. 265
Свердлов В. М. 278
Святополк-Мирский Д. П. 29, 31
Седлецкий Н. 299
Седых А. 453, 493, 497, 501, 507, 511, 512, 514

- Семевский В. И. 266
Семенов Г. М. 28
Семенов Ю. Ф. 32, 308–310
Семилетов Э. Ф. 515
Серафим (Ляде), митрополит 437
Сергеев Н. 299
Сергей Александрович,
великий князь 331
Сергиевский Б. В. 425, 428, 429
Сергий Радонежский 306
Серно-Соловьевич А. А. 15
Серов В. А. 337, 338
Сиверс-Гапанович 322
Сикорский И. И. 35, 425
Синявский А. Д. 43
Сиполь Т. В. 414
Скоблин Н. В. 27
Скопин-Шуйский М. В. 596
Скородумов М. Ф. 38
Скоропадский П. П. 217
Скрябина А. А. 38
Слепян С. 374
Слетов С. Н. 17
Слоним М. Л. 25
Смидович И. 534
Смит А. 121
Собинов Л. В. 338
Соколов-Кречетов С. А. 285–291, 293,
296, 298, 300–305, 309–313, 319–323,
326–329
Соколов Н. А. 94
Солженицын А. И. 43
Соловейчик С. М. 504–506, 511, 516
Соловьев В. С. 346
Соловьев С. М. 568
Сологуб Ф. К. 287
Сорока Л. 8
Спарго Дж. 161, 164
Сперанский М. М. 605, 606
Срезневский В. И. 280
Стависский А. 494, 495
Сталин И. В. 102, 176–178, 180, 181, 188,
262, 326, 410, 411, 447–449, 453, 459,
469, 474, 477, 523, 526, 540, 542, 544,
583, 588, 589, 591–593
Сталинский Е. А. 25
Стамболийский А. 275
Стахович М. А. 75, 145, 154, 331
Степняк-Кравчинский С. М. 266
Степун Ф. А. 31, 35
Ст. Иванович (Португейс С. И.) 25
Столкинд А. Я. 341
Столыпин П. А. 49, 81, 82, 85–89, 104,
105, 282
Стори 410
Стравинский И. Ф. 32
Страус О. 164
Стриндберг А. 414
Струве П. Б. 16, 26, 32, 78, 80, 278, 308,
317, 336, 339, 452, 470, 545, 570, 597,
611, 613, 614
Ступницкий А. Ф. 39, 451, 462, 463, 469,
476, 519, 525
Суварин (Лившиц) Б. К. 526
Суворин А. С. 578
Суворин М. А. 32
Сувчинский П. П. 28, 31
Судоплатов П. А. 588
Сукин И. И. 208
Сумбатов-Южин А. И. 570
Сургучев И. Д. 38, 495
Сухомлин В. В. 494
Сухотина-Толстая Т. Л. 114
Тарасова Н. Б. 42
Татаринов В. Е. 319, 452, 463
Татищев Б. А. 402
Таубенфельд 415, 417, 418
Тейтель Я. Л. 380, 383, 409
Терещенко М. И. 98, 128, 192
Тер-Погосян М. М. 452, 459; 464, 506
Тесленко Н. В. 332, 392, 408, 416, 450
Тизенгаузен А. Е. 218–221, 226, 229–231,
242, 245, 246, 248
Тиктин 410
Тимошенко С. П. 35
Титов А. А. 452, 461
Тихомиров Л. А. 15
Тихонов А. Н. 270
Тихонравов Н. С. 567
Ткачев П. Н. 15
Толль Н. П. 581

- Толстая А. Л. 168, 423, 425–429, 431, 433
Толстой А. К. 112
Толстой А. Н. 28, 32, 273, 283, 284
Толстой Д. А. 578
Толстой Л. Н. 14, 49, 50, 114, 115, 345–347, 351, 355, 367, 580, 581, 604
Толь А. 323
Тома А. 98
Топоров В. В. 273
Трайкович О. 322
Трахтерев О. С. 392
Трепов А. Ф. 25
Трепов Ф. Ф. 543
Третьяков С. Н. 27
Триоле Э. 521, 524, 525
Троцкий Л. Д. 103, 144, 176, 260, 263, 289, 333, 428, 544, 599, 600
Трубецкой Е. Н. 377
Трубецкой Н. С. 28, 35
Трубецкой С. Е. 377
Тургенев И. С. 51, 494
Тургенев Н. И. 14
Туркул А. В. 38
Турчанинов П. И. 567
Турчанинова А. Н. 566
Тхоржевский И. И. 42
Тыркова-Вильямс А. В. 6, 48, 113, 183, 349, 437, 587, 595–604
Тэтчер М. 202
Тэффи 32, 463, 497, 500, 595
Тютчев Ф. И. 357
- Уваров А. И. 231, 247
Угет С. А. 165, 190–192, 197, 198, 203–205, 207
Ульянов Д. И. 541
Ульянов Н. И. 42
Ульянова А. И. 540
Унгерн-Штернберг П. Л. 144
Успенский Г. И. 471
Устрялов Н. В. 28
Утехин С. В. 42
Утин Н. И. 15
- Фаберже К. 239
Фальковский Е. А. 393–395, 397, 402, 406, 414
Федоров В. С. 193, 194
Федоров И. 12
Федоров М. М. 24
Федотова Г. Н. 570
Федотов Г. П. 31, 168, 434, 492
Фельзен Ю. 32, 38
Фигнер В. Н. 266
Флоровский А. В. 566, 580
Флоровский Г. В. 28
Фоглсонг Д. 135, 138, 142, 143, 148, 150, 151
Фок А. В. 37
Фондаминский И. И. —
    см. Бунаков-Фондаминский И. И.
Фотиева Л. А. 539
Франклин Б. 605, 609
Франко Ф. 37
Франк С. Л. 80, 81
Франц-Иосиф 606
Фредерикс В. Б. 193, 194
Фрэнсис Д. 140
- Хазан В. И. 340, 341
Ханжин М. В. 28
Харламов В. А. 554
Хатисов А. И. 364
Хауз Э. 136, 137, 149
Хаусхофер К. 474, 475
Хейфец 496
Хлытчиев Я. М. 222, 237, 242
Ходасевич В. А. 506
Ходасевич В. Ф. 31, 32, 287, 506
Хомяков Н. А. 75
Хорват Д. Л. 28, 301, 317, 318
Хьюз Ч. 117, 164
- Цакони А. И. 238, 242, 246–248
Цатуровы, братья 207
Цветаев И. В. 567
Цветаева М. И. 27, 31, 33, 562, 587
Цедербаум О. 528
Цедербаум (Розенфельд) Р. 528
Церетели И. Г. 146, 509
Цетлин М. О. 39, 421, 423, 424, 429, 434, 492, 503, 516

- Цетлина М. С. 427, 428, 503, 513
Цитрон И. Л. 341
- Чайковский Н. В. 27, 99, 154, 613
Чахотин С. С. 28
Чеботарева Т. 9
Чебышев Н. Н. 305
Челноков М. В. 81
Чемберлен Н. 401
Червинская Л. Д. 495
Чернов В. М. 6, 24, 25, 54, 261, 266, 277
Чернышевский Н. Г. 54
Черчилль У. 476
Чехов А. П. 51, 77, 345
Чехова М. П. 77
Чжан-Цзолинь 28
Чуковский К. И. 50, 332, 606
Чумаков И. Н. 231
- Шаляпин Ф. И. 32, 338, 391, 587
Шаняевский А. Л. 567, 579
Шателен С. А. 207, 208
Шатилон П. Н. 23, 246, 247, 250, 252, 304, 308
Шаховская З. А. 42
Шаховской Д. И. 75
Шахт Я. 401
Шекспир У. 264
Шелест А. Ф. 215, 218, 231, 241–243
Шереметевский Ф. П. 112
Шефтель Я. М. 387, 415, 420
Шингарев А. И. 84
Шинкаренко Н. В. 37
Шипов Д. Н. 75, 105
Шкуро А. Г. 38, 39, 457
Шлезингер (Бродская) И. Г. 404
Шлезингер Ф. 500
Шлепянов А. И. 9, 10
Шликевич С. П. 231
Шмелев А. 8
Шмелев И. С. 31, 32, 38, 321, 436, 495
Шмидт (Шмит) В. П. 237, 247–249
- Шмурло Е. Ф. 34, 577
Шполянская Н. М. 519
Шрейдер Г. И. 24
Штейфон Б. А. 38
Штраус И. 605
Штрейхер Ю. 515
Шуб Д. Н. 539, 540
Шульгин А. Я. 377
Шульгин В. В. 6, 7, 39, 301, 349, 457
Шуман Ф. 158, 163
Шумахер П. В. 53
Шушниг К. фон 388
- Щаранский А. Б. 43
Щеголев П. Е. 261, 276
Щепкин М. С. 571
Щепкин Н. Н. 575
- Эвери А. 419
Эйснер А. В. 37
Элпидин М. К. 15
Элькин А. Б. 390
Элькин Б. И. 380, 383, 387–390, 396, 400, 403, 405, 409, 411, 413, 417–419, 461, 502, 533–536, 539, 589, 594
Эммонс Т. 564, 565
Эрнст Гессенский 198
Эррио Э. 368
Эфрон С. Я. 27, 29
- Юденич Н. Н. 155, 267, 600
Юдсис 389
Юсупов Ф. Ф. 48, 94
Ющинский А. 336
- Яблоновский А. А. 274
Яковлев-Богучарский В. Я. 276
Яковлева-Покорни Э. В. 279, 280
Яновский В. С. 32, 514
- Marcuse P. 402

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Витальевич Будницкий, доктор исторических наук, профессор Факультета гуманитарных наук, директор Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 300 научных работ, в том числе монографий «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.» (2000, 2-е изд., доп. 2016), «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)» (2005), «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957» (2008), «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)» (2013, в соавторстве с А. Полян), «Терроризм в Российской империи: Краткий курс» (2021), «Люди на войне» (2021). Составитель и редактор документальных публикаций «„Совершенно лично и доверительно!“ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметев. Переписка 1919–1951» (В 3 т., 2001–2002), «„Спор о России“: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939» (2008), «„Свершилось. Пришли немцы!“: Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны» (2012), «Одесса: жизнь в оккупации, 1941–1944» (2013), «„Права человека и империи“: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг.» (2015), «Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне» (2019, совместно с Л. Г. Новиковой), «В движении: русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны» (2020) и многих других.

СОДЕРЖАНИЕ

Предупреждение автора	5
Эмиграция из России (XVI–XX вв.): историческая справка	12

Дипломатия в изгнании

«Парижский губернатор» (В. А. Маклаков)	48
Посол несуществующей страны (Б. А. Бахметев)	117

Русские деньги за рубежом

Царское наследство	188
Английские приключения русского золота	200
Генералы и деньги («Врангелевское серебро»)	211

В поисках выхода

Владимир Бурцев и его корреспонденты, 1919–1938	260
«Коммунистов бей ты враз!»: Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова	285
«Кажется, скоро русских придется искать лишь среди евреев» (Из переписки Василия Маклакова и Оскара Грузенберга)	330

Русская эмиграция и Вторая мировая война

Русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (Из переписки Б. Л. Гершуна и А. А. Гольденвейзера)	372
«Не погибать же всей зарубежной русской литературе»: К истории создания «Нового журнала»	421
1945 год и русская эмиграция (Попытка примирения)	436
«Дело» Нины Берберовой	478

Очерки и портреты

Завтра не имеет значения (Ленин в письмах Лидии Дан)	528
«Дело Парамоновых» (от Ростова до Лос-Анджелеса)	548
Наследник Ключевского (А. А. Кизеветтер)	563
Хозяин «Русского дома» (Е. В. Саблин)	585
«Первая леди» лондонской эмиграции (А. В. Тыркова)	595
Внучка президента при дворе императора (Юлия Кантакузен-Сперанская)	605
Гражданин княжества Лихтенштейн (Н. А. Базили)	611
Именной указатель	617
Сведения об авторе	630

Олег Будницкий

ДРУГАЯ РОССИЯ

Исследования по истории русской эмиграции

Редактор *О. Панайотти*

Дизайнер обложки *Д. Черногаев*

Корректоры *К. Насырова, М. Смирнова*

Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес редакции: 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 13, стр. 1

тел./факс: +7 495 229-91-03

e-mail: real@nlobooks.ru

сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1.

Офсетная печать. Печ. л. 39,5. Тираж 1000. Заказ № К-1670.

Отпечатано в АО «ИПК „Чувашия“»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

HISTORIA ROSSICA

ДРУГАЯ РОССИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Вопреки крылатой фразе Жоржа Дантона «Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог», русские эмигранты «первой волны» (1918–1940) сумели создать за рубежом «другую Россию». Различные аспекты ее политической и социальной жизни рассматриваются в книге известного специалиста по истории русской эмиграции Олега Будницкого. Один из сюжетов книги — судьба «русских денег» за рубежом: последней части так называемого золота Колчака; финансов императорской фамилии; Петроградской ссудной (серебряной) казны, оказавшейся в руках генерала П. Н. Врангеля и ставшей источником финансирования его армии. В другом разделе автор рассматривает поиски эмигрантами способов преодоления большевизма — от упований на его эволюцию или разложение изнутри до идей перехода к террору. Наиболее обширная часть тома посвящена истории эмиграции в период Второй мировой войны, когда одни исповедовали принцип «против большевиков хоть с чертом», даже если его зовут Адольф Гитлер, а другие уверовали в перерождение советской власти и пытались с ней примириться. В сборник вошли также портреты видных деятелей эмиграции — дипломатов, адвокатов, предпринимателей, писателей. Включенные в книгу исследования основаны преимущественно на материалах зарубежных архивов. Олег Будницкий — профессор факультета гуманитарных наук, директор Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ.

